

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Лешков В. Н.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Погодин М. П.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Беляев И. Д.	Булгаков С. Н.
Москва – Третий Рим	Филиппов Т. И.	Трубецкой Е. Н.
Иван Грозный	Гиляров-Платонов Н. П.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Страхов Н. Н.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Данилевский Н. Я.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Достоевский Ф. М.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Игнатий (Брянчанинов)	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Феофан Затворник	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Одоевский В. Ф.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Григорьев А. А.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Мещерский В. П.	Митр. Антоний Храповицкий
Шишков А. С.	Катков М. Н.	Поселянин Е. Н.
Муравьев А. Н.	Леонтьев К. Н.	Солоневич И. Л.
Киреевский И. В.	Победоносцев К. П.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Хомяков А. С.	Фадеев Р. А.	Башилов Б.
Аксаков И. С.	Киреев А. А.	Концевич И. М.
Аксаков К. С.	Черняев М. Г.	Зеньковский В. В.
Самарин Ю. Ф.	Ламанский В. И.	Митр. Иоанн (Снычев)
Валуев Д. А.	Астафьев П. Е.	Белов В. И.
Черкасский В. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Лобанов М. П.
Гильфердинг А. Ф.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Тихомиров Л. А.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.	Суворин А. С.	Кожин В. В.
Коялович М. О.		

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

О ЛЮБВИ
К ОТЕЧЕСТВУ
И НАРОДНОЙ
ГОРДОСТИ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2013

УДК 94 (47)
ББК 63.3(2)
К 21

Карамзин Н. М.

К 21   **О любви к Отечеству и народной гордости /** Сост., предисл. А. Ю. Минакова, примеч., именной указ. С. В. Хатунцева и Н. Н. Лупаревой / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 736 с.

В книге публикуются труды великого русского историка и писателя, одного из идеологов русского патриотизма Николая Михайловича Карамзина (1766–1826).

Многолетнее изучение отечественной истории позволило ему сделать вывод, что Православие и Самодержавие являются основой духовной и политической систем России. Любое их ограничение и умаление – преступление перед русским народом.

В своих трудах Карамзин сформулировал главную идею русского права: законы народа должны опираться на его собственные понятия и обычаи, а не заимствоваться у других народов.

Русский народ имеет великое прошлое, которое будет основой его великого будущего. «Мы не имеем нужды прибегать к басням и выдумкам, подобно грекам и римлянам, чтобы возвысить наше происхождение: слава была колыбелью народа русского, а победа вестницею бытия его».

ISBN 978-5-4261-0031-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Масштабы деятельности Николая Михайловича Карамзина (1.12.1766, с. Михайловка Бузулукского уезда Симбирской губернии – 22.5.1826, С.-Петербург) как великого русского историка, писателя, журналиста, поэта уже вполне осознаны современным русским образованным обществом. Карамзин стал одной из крупнейших фигур в пантеоне великих русских людей, стоящих в одном ряду с Ломоносовым, Суворовым и Пушкиным.

Карамзин происходил из крымско-татарского рода Кара-мурзы (известного с XVI в.). Детство он провел в имении отца – Михаила Егоровича, помещика средней руки – селе Знаменское, а затем воспитывался в частном пансионе Фовеля в Симбирске, где учили на французском языке, потом в московском пансионе проф. И. М. Шаде-на. Шаден являлся апологетом семьи, видел в ней хранительницу нравственности и источник образования, в котором религия, начало мудрости, должна была занимать ведущее место. Наилучшей формой государственного устройства Шаден считал монархию, с сильным дворянством, добродетельным, жертвенным, образованным, ставящим во главу угла общественную пользу. Влияние подобных взглядов на Карамзина неоспоримо. В пансионе Карамзин выучил французский и немецкий языки, учил английский, латынь и греческий. Кроме того, он посещал лекции в Московском университете. С 1782 г.

Карамзин служил в Преображенском полку. В это же время начинается его литературная деятельность.

По смерти отца Карамзин в 1784 г. вышел в отставку и уехал в Симбирск, где вступил в масонскую ложу «Золотой венец». Спустя год Карамзин переехал в Москву, где сблизился с московскими масонами из окружения Н. И. Новикова, под влиянием которых формируются его взгляды и литературные вкусы, в частности интерес к литературе французского Просвещения, «энциклопедистам», Монтескье, Вольтеру и пр. властителям дум того времени. Масонство привлекало Карамзина своей просветительской и благотворительной деятельностью, но отталкивало своей мистической стороной и обрядами. По утверждению Я. К. Грота, Карамзин «отзывался о новиковском обществе несочувственно; по своему отращению от всякого мистицизма, по нерасположению ко всему неопределенному и неясному, он не мог долго оставаться в кругу масонов и скоро отстал от них, потому что не удовлетворялся мистической стороной их учения. Но в воззрениях их была еще другая сторона: дух религиозного благочестия, патриотизма, благоволения к человечеству и братской любви к ближнему. Этот самый дух распространен в сочинениях Карамзина и был, конечно, по крайней мере в известной степени, плодом пребывания его в масонском обществе»*.

В конце 1780-х гг. Карамзин участвует в различных периодических изданиях: «Размышления о делах Божиих...», «Детское чтение для сердца и разума», в которых публикует собственные сочинения и переводы.

К 1788 г. Карамзин охладевает к масонству. В 1789–1790 гг. он совершает 18-месячное заграничное путеше-

---

* Грот Я. К. Очерк деятельности и личности Карамзина, читанный академиком Я. К. Гротом // Торжественное собрание императорской Академии наук в память столетней годовщины рождения Н. М. Карамзина. СПб., 1867. С. 12.

шествие, побудительными мотивами которого были желание написать книгу о Европе – царстве просвещенного разума и отчуждение от кружка ранее близких ему московских масонов. Карамзин побывал в Германии, Швейцарии, охваченной революцией Франции и Англии. Там он познакомился с Кантом, Гердером, Ш. Бонне, И. К. Лафатером. Будучи свидетелем революционных событий во Франции, он неоднократно посещал Национальное собрание, слушал речи Робеспьера и завел знакомства со многими политическими знаменитостями. Этот опыт личного знакомства с Европой оказал огромное воздействие на дальнейшую эволюцию Карамзина, положив начало критическому отношению к передовым идеалам Западной Европы.

По возвращении из-за границы Карамзин издает «Московский журнал» (1791–1792), альбом «Аглая» (1794–1795), альманах «Аониды» (1796–1799), «Пантеон иностранной словесности» (1798), журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1799).

В этот период Карамзин испытывает все нарастающий скепсис по отношению к идеалам Просвещения, однако в целом остается на западнических, космополитических позициях, будучи уверенным в том, что путь цивилизации един для всего человечества и что Россия должна идти по этому пути: «...все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами». Как литератор, Карамзин выступил в роли создателя нового литературного направления, так называемого сентиментализма, осуществил масштабную реформу русского языка, с одной стороны, ориентируя его на французские литературные модели, с другой – приближая его к разговорной речи; при этом он полагал, что русский бытовой язык еще предстоит создать. Русский сентиментализм был, по сути, одной из разно-

видностей западничества. Американский исследователь А. Мартин характеризует некоторые основные черты сентиментализма следующим образом: «Цивилизирующее противоядие русской необразованности и закоренелому деспотизму они (сентименталисты. – А. М.) видели в изысканной эlegantности французского аристократического общества и манер; а будущее России связывалось ими с утонченной, космополитической и намеренно феминизированной культурой аристократии. Они не были убеждены ни в том, что Россия и Запад противоположны друг другу по сути, ни в том, что Россия должна рабски подражать Европе; но считали, что она являлась неотделимой частью Европы и должна была выстраивать эту составляющую своей индивидуальности»*.

По возвращении из-за границы Карамзин опубликовал «Письма русского путешественника» (1791–1792), принесшие ему всероссийскую известность; в этом произведении он в целом стоял на точке зрения «гуманистического космополитизма и апеллирующего к универсальному прогрессу просветительства»**. Космополитические и западнические мотивы задавали тон «Письмам»: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им в след друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благо разумно ли искать, что сыскано?»

Одновременно Карамзин осознает значение исторической традиции и высказывает неприятие революционных перемен, отдавая предпочтение постепенным органическим изменениям: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться

* *Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 30.*

** *Kumaeв В. А. Век XIX: пути русской мысли. С. 7.*

чудесной гармонии, благоустройству, порядку. Утопия будет всегда мечтой доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени; посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов <...> Всякие насильственные потрясения губительны <...> Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо».

Уже в «Письмах русского путешественника», комментируя ситуацию в Англии, Карамзин пришел к выводу, что для каждого народа необходимо свое государственное устройство, отвечающее его национальным особенностям: «...не Конституция, а просвещение Англичан есть истинный их Палладиум*. Всякие гражданские учреждения должны быть сообразены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в другой земле». Подобные рассуждения сопровождали отход Карамзина от идей республиканизма и признания благодетельности самодержавия для России.

Будучи безусловным лидером и основоположником сентиментализма, Карамзин не стремился в то же время чрезмерно «офранцузить» русский язык и культуру. Еще в 1791 г. он утверждал: «В нашем так называемом *хорошем обществе* без Французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров право не хуже других...» Тогдашний космополитизм Карамзина сочетался со своеобразной литературной борьбой за возвращение к «русским истокам». В 1790-е годы в его творчестве непрерывно рос интерес к русской истории, сопряженный с романтиче-

* От др.-греч. παλλάδιον – священная статуя-оберег, изображавшая Афину Палладу. Являлась святыней и талисманом города, в котором хранилась. В переносном смысле – талисман, сакральный предмет, приносящий удачу владельцу (чаще стране).

ским конструированием «русскости». История, считал он, должна пробуждать чувство патриотизма. По словам историка М. П. Погодина, «при всяком случае Карамзин старался возбудить внимание к Русской Истории и укорять общество в недостаточности знакомства с нею»*. Во вступлении к «Наталии, боярской дочери» (1792) Карамзин писал: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?»**.

Одновременно с изданием «Писем» Карамзин сблизился с Г. Р. Державиным и окончательно порвал с масонством, вызвав тем самым решительное осуждение и раздражение. Таким образом, к началу XIX в. Карамзин проделал сложную идейную эволюцию: от либерала, западника и масона, сторонника Просветительского проекта, до одной из знаковых фигур русского национального движения. Эти метаморфозы Карамзина классик русской исторической мысли В. О. Ключевский выразил краткой формулой: «Оптимизм, космополитизм, европеизм, абсолютизм, республиканизм – оставлены»***.

Восшествие на престол Александра I положило начало новому периоду в идейной эволюции Карамзина. Он критически отнесся к либеральным начинаниям Александра I. В 1802 г. Карамзин выпустил в свет написанное в 1801 г. «Историческое похвальное слово Екатерине II», представляющее собой наказ новому царю, в

---

* *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II. С. 16.

** *Карамзин Н. М.* Наталья, боярская дочь // О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 27.

*** *Ключевский В. О.* Н. М. Карамзин // Карамзин: pro et contra. СПб., 2006. С. 244.

котором он сформулировал монархическую программу, ясно высказавшись в пользу самодержавия. Карамзин разделяет все аргументы в пользу самодержавия, высказанные в «Наказе» Екатерины. Однако, с его точки зрения, их подкрепляют результаты французской революции: «...народ многочисленный на развалинах трона хотел повелевать сам собою: прекрасное здание общественного благоустройства разрушилось; неописанные несчастья были жребием Франции, и сей гордый народ, осыпав пеплом главу свою, проклиная десятилетнее заблуждение, для спасения политического бытия своего вручает самовластие счастливому корсиканскому воину». Соответственно, для России благодетельно самодержавие, а главная задача воспитания – «вкоренение» благоговения к монарху. При этом самодержавие, по мысли Карамзина, не было аналогично самовластию и потому не являлось «врагом свободы в гражданском обществе». Самодержавие может до известной степени стеснять «природную вольность» человека, но лишь для сохранения «единой целостности гражданского порядка».

В начале XIX в. Карамзин развернул активную издательскую деятельность: переиздал «Московский журнал», предпринял издание «Пантеона российских авторов, или Собрание их портретов с замечаниями», выпустил первое свое собрание сочинений в восьми томах. Однако в истории русской мысли из всех его деяний главным событием тех лет стало издание «толстого» журнала «Вестник Европы» (1802–1803), выходившего два раза в месяц, в котором Карамзин выступил в роли политического писателя, публициста, комментатора и международного обозревателя. Друг и единомышленник Карамзина, И. И. Дмитриев писал: «Никто из журналистов наших, старых и современных, не был богаче и разнообразнее Карамзина в собственных сочинениях.

Мы видели в нем и политика, и патриота, и критика, и моралиста»*. М. П. Погодин давал такую характеристику карамзинскому журналу: «Вестник Европы» Карамзина как был, так и остался навсегда образцовым русским журналом, с которым не сравнялся после ни один <...> Он прочитывался с жадностью, от первой страницы до последней, удовлетворяя вполне своих читателей, вел их далее, обогащал знаниями, возбуждал охоту приобретать новые, имел свое собственное мнение и выражал его ясно и твердо**.

В своих статьях в этом издании Карамзин резко полемизировал со всей просветительской традицией: от энциклопедистов до Ж. Ж. Руссо. Уже в «Мелодоре и Филалете» (1795) Карамзин ярко выразил неприятие и шок, вызванный реализацией идей Просвещения на практике, в ходе Великой французской революции: «Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!» Тогда же Карамзин отказался от главного положения Просвещения – убеждения в том, что человеческий разум творит историю, «все смелые теории ума <...> должны остаться в книгах». Его взгляды на природу человека приобретают явно консервативный характер. В основу повести «Моя исповедь» легла идея врожденно злой природы человека***. Карамзин вступил в полемику с просветительским тезисом Руссо о доброй природе человека и зле как последствии уродующего влияния несправедливого общества. Он утверждал, что, к несчастью, природа человека – эгоизм, то есть она по сути антиобщественна. Несовершенная природа человека исключает совершен-

---

* Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 319.

** Погодин М. П. Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин: pro et contra. СПб, 2006. С. 605.

*** Лотман Ю. М. Карамзин. СПб, 1997. С. 344.

ное земное устройство. «Эгоизм превращает высокий идеал республики в недостижимую мечту».

Нарастание национальных акцентов в мировоззрении Карамзина выразилось и в том, что он во все большей степени обращает свое внимание на феномен традиции, которая безоговорочно отрицалась Просвещением. Для просветительства одной из основополагающих установок было противопоставление новаторства, олицетворенного Просвещением, и косности, воплощенной в традиции. Карамзин же убежденно заявлял: «учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума».

Карамзин четко сформулировал свою государственно-монархическую позицию (ранее для него государство было «чудовищем»): «...гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих <...> власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства, что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий». Он совершенно недвусмысленно осуждал «ужасную» французскую революцию, которая «останется пятном восьмого-надесять века, слишком рано названного философским». При этом видел в качестве позитивного ее последствия то, что она уверила «народы в необходимости законного повиновения, а государей – в необходимости благодетельного, твердого, но отеческого правления»*. Иначе говоря, революция парадоксальным образом способствовала распространению и укреплению монархического принципа правления. «Опасные и безрассудные якобинские правила, – писал он в 1802 году, – которые вооружили против республики всю Европу, исчезли в самом своем отечестве, и Франция, несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления,

---

* [Карамзин Н. М.] Всеобщее обозрение // Вестник Европы. 1802. С. 83.

есть теперь, в самом деле, не что иное, как истинная монархия»*. Некоторое время Карамзин интерпретировал режим первого консула как «истинную монархию»**. Подобные взгляды Карамзина носили переходный характер. От осторожной апологии сильной республиканской власти Карамзин вскоре перейдет к апологии самодержавной монархии.

В свете вышесказанного нет ничего удивительного, что бывший космополит резко выступил против галломании, против воспитания русских детей за границей, западной моды, против подражательства всему иностранному и т. д., тем более что подобное отрицание было достаточно укоренено в русской интеллектуальной традиции. Наиболее яркое произведение Карамзина, которое отразило подобные мотивы – «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802). Историк М. В. Довнар-Запольский охарактеризовал его как «наиболее ранний протест против преклонения пред всем иноземным и, главным образом, французским»***. М. П. Погодин утверждал, что Карамзин «видел гибельные следствия от нашего неуважения к самим себе, презрения собственных достоинств, от недоверчивости <...> к русским дарованиям, которая останавливает народное развитие, убивает способности, не допускает ни до каких успехов»****. Там, где Погодин усматривал правоту Карамзина, либеральный историк В. Н. Бочкарев видел лишь шовинистический негатив: «...наибольшего напряжения консервативно-националистический тон Карамзина достигает в известном его рассуждении «О любви к Отечеству и народной

* [Карамзин Н. М.] Всеобщее обозрение // Вестник Европы. 1802. С. 72.

** О «бонапартизме» Карамзина в период издания «Вестника Европы» см.: Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 271–273.

*** Довнар-Запольский М. В. Обзор новейшей русской истории. Киев, 1914. Т. 1. С. 212.

**** Погодин М. П. Историческое похвальное слово Карамзину. С. 619.

гордости». Оно <...> проникнуто <...> нападками на все иностранное, преимущественно французское». Бочкарев даже обвинял Карамзина в стремлении «играть на патриотических струнах своих читателей»*.

Действительно, патриотический пафос Карамзина в этом произведении чрезвычайно силен: «...мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к Отечеству должна ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского, станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью». Оценить подобное изменение общественно-политических и культурных установок можно, лишь зная о том, что в «Письмах русского путешественника» Карамзин утверждал, что после России для него нет земли «приятнее Франции», а французы – «самый любезный из всех народов».

Карамзин призвал прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках <...> Хорошо и должно учиться: но горе <...> народу, который будет всегдашним учеником». Карамзин сознавал необходимость национальной самодостаточности и самостоятельности в жизни и культуре: «Как человек, так и народ, начинает всегда подражанием, но должен со временем быть самим собою».

* *Бочкарев В. Н.* Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. II. С. 202.

Говоря о будущем России, Карамзин заявлял: «Мне кажется, что я вижу, как народная гордость и славолюбие возрастают в России с новыми поколениями»*. Особая роль России во всемирной истории для него не подлежала сомнению: «Если все просвещенные земли с особенным вниманием смотрят на нашу империю, то не одно любопытство рождает его: Европа чувствует, что собственный жребий ее зависит некоторым образом от жребия России, столь могущественной и великой»**.

С целью избавиться от практики воспитания и обучения молодых людей иностранцами Карамзин энергично настаивал на непосредственном и деятельном участии самих родителей в образовании детей и возражал против отправки их для обучения за границу: всякий должен учиться в своем отечестве и заранее привыкать к его климату, образу жизни и правления; в одной России можно сделаться хорошим русским. При этом он не отвергал необходимости учиться иностранным языкам, но считал, что их можно достаточно освоить, не выезжая из России: «Можно ли сравнить выгоду хорошего французского произношения с унижением народной гордости?» Впрочем, Карамзин признавал пользу отправки за границу молодых людей, уже основательно подготовленных, с тем чтобы они могли узнать жизнь европейских народов и даже почувствовать их превосходство во многих отношениях***.

Карамзина немало беспокоило то обстоятельство, что большую часть учителей и воспитателей в России составляют иностранцы, и он не раз предлагал заменить их «природными русскими»: «...нельзя ли завести осо-

* Карамзин Н. М. О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802. № 24. С. 308.

** Цит. по: Грот Я. К. Очерк деятельности и личности Карамзина. С. 24.

*** Грот Я. К. Очерк деятельности и личности Карамзина. С. 23.

бенной педагогической школы, для которой российское дворянство в нынешние счастливые времена не пожалело бы денег? <...> У нас не будет совершенно морального воспитания, пока не будет русских хороших учителей <...> Никогда иностранец не поймет нашего народного характера и, следовательно, не может сообразоваться с ним в воспитании. Иностранцы весьма редко отдают нам справедливость: мы их ласкаем, награждаем. А они, выехав за курляндский шлагбаум, смеются над нами или бранят нас <...> и печатают нелепости о русских»*. М. П. Погодин усматривал в приведенных предложениях Карамзина «первые черты мыслей, послуживших основанием тех мер, которые впоследствии были приняты правительством» (при Николае I и С. С. Уварове. – *А.М.*)**.

В статьях Карамзина в «Вестнике Европы» его патриотические убеждения впервые выстроились в относительно стройную систему взглядов. Уже дореволюционные авторы именно в этом духе определяли роль и место «Вестника Европы» в становлении русской национальной мысли. В. Н. Бочкарев, давая в целом негативную оценку взглядам Карамзина, тем не менее отмечал силу их воздействия на тогдашнее русское общество: «Его мысли, облеченные в такие изящные литературные формы, должны были, естественно, оказывать сильное воздействие на общественное мнение и настраивать его на консервативный и националистический тон»***.

В начале XIX в. происходит дискуссия, инициированная А. С. Шишковым в его трактате «Рассуждение о старом и новом слоге языка Российского» (1803). В нем Шишков подверг критике карамзинский «новый

---

* Карамзин Н. М. О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 363.

** Грот Я. К. Указ. соч. С. 23.

*** Бочкарев В. Н. Указ. соч. С. 202.

слог», то есть лексические, фразеологические и стилистические заимствования из французского языка и обвинил Карамзина и его последователей в распространении галломании.

Работа Шишкова лишь формально носила филологический характер. Речь шла о том, по какому пути должна развиваться Россия: слепо копируя западноевропейские культурные и политические технологии или же опираясь на собственные традиции. Современный автор так определяет основные черты взглядов сторонников Шишкова: «Россия в своем развитии должна прежде всего ориентироваться на свое национальное прошлое: на древнеславянские основы культуры, на традиционно сложившиеся в русском быту морально-этические нормы, на прочно устоявшиеся формы феодально-монархических отношений»*. Шишков усматривал жесткую связь между языком, литературой, нравами и национальным характером. В «Рассуждении» Шишков резко выступил против тех, кто, по его словам, был «заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к Французскому языку»**. К таковым им причислялись не только литераторы сентименталистского направления, которые задались целью усвоить западную словесность, по преимуществу французскую, создав в литературе «новый слог», но и значительная часть русского дворянского общества, которая была полностью или частично сориентирована на французские культурно-поведенческие модели.

Однако сам Карамзин никакого участия в литературной полемике не принимал. Объяснить это можно тем, что он был не только занят историографическими разработками, «постригся в историки» (П. А. Вязем-

* *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 51.

** *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // *Собрание сочинений и переводов.* СПб., 1824. Ч. II. С. 1.

ский), его позиция, в том числе и лингвистическая, под влиянием занятий русской историей, стала сближаться с позицией Шишкова. Уже дореволюционные авторы, как либералы, так и патриоты, отмечали родство их политических убеждений. К примеру, либерал А. Н. Пыпин вполне справедливо утверждал: «На деле между Шишковым и Карамзиным, – кроме разницы в языке, – не было существенного различия. Впоследствии Шишков сам имел случай убедиться, что в основных общественных вопросах им не о чем спорить. Оба они были патриотами России. Оба они писали о любви к Отечеству и говорили в сущности одно и то же; оба не любили нововведений и предпочитали старую патриархальность, оба восставали против иностранных учителей, которым поручалось у нас воспитание...»*.

Еще в 90-х гг. XVIII в. обозначился интерес Карамзина к русской истории. Тогда он создал несколько небольших исторических работ. В статье из «Вестника Европы» «О случаях и характерах в Российской Истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин писал: «Должно приучить Россиян к уважению собственного <...>. Я не верю той любви к Отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем»**. В 1803 г. Карамзин обратился в Министерство народного просвещения, к попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьеву с просьбой об официальном назначении его историографом, которая вскоре была удовлетворена особым указом. С 1803 по 1811 г. Карамзин создает пять томов

* Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. С. 284.

** Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II. С. 8.

«Истории государства Российского», попутно открыв и впервые используя ценнейшие исторические источники. Научная деятельность Карамзина способствовала дальнейшей эволюции его патриотических взглядов.

В начале 1810 г. года Карамзин через Ф. В. Ростопчина познакомился в Москве с великой княгиней Екатериной Павловной* и стал постоянно посещать ее резиденцию в Твери. В салоне великой княгини Карамзин начал осваивать роль своеобразного светского духовника членов императорской фамилии.

Время сближения великой княгини и Карамзина было определено некоторыми **существенными обстоятельствами** внутривластической борьбы того времени. В октябре 1809 г. М. М. Сперанский по поручению Александра I составил либеральный план государственных преобразований – «Введение к уложению государственных законов» и представил его императору. Учреждение Государственного Совета в 1810 г. свидетельствовало о начале реализации этого плана. Либеральный проект вызвал активное противодействие русской партии, одним из лидеров которой являлась Екатерина Павловна. Консерваторы решили использовать в своих целях Карамзина как мощную идейную силу, фигуру, равную по своему интеллекту и возможностям влияния на широкую публику со Сперанским. В 1811 г. Екатерина Павловна даже предложила историку пост губернатора Твери, на что Карамзин отвечал, что он будет или «дурным историком, или дурным губернатором, тем более что к этой должности не готовил себя»**.

В феврале 1810 г. Карамзин впервые читал отрывки из «Истории» великой княгини и великому князю Константину Павловичу, тогда же произошло его знакомство

---

* *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 58.

** Там же. С. 61.

с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая с тех пор становится одной из его покровительниц. «Они пленили меня своей милостью», – писал он брату*. Основные фигуры династической русской партии усиленно поощряли его научные занятия. 28 марта 1810 г. Карамзин сообщал брату: «Милость ко мне Великой Княгини, Великого Князя Константина Павловича и вдовствующей Императрицы служит для меня не малым ободрением в моих трудах <...> Императрица приказала сказать мне, что она <...> завидует Великой Княгине, которой я читал свою Историю. Константин Павлович также отзывается обо мне с отличным благоволением»**.

Вторая поездка Карамзина в Тверь произошла в декабре 1810 года. В письме к брату от 13 декабря он писал: «Недавно я был в Твери и осыпан новыми знаками милости со стороны Великой Княгини. Она Русская женщина: умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней в Твери, и всякий день были у нее»***. Разговоры велись о реформах, связываемых с именем М. М. Сперанского, и Карамзин высказывал о них крайне критическое мнение. Вероятно, Екатерина Павловна попросила Карамзина изложить свои суждения отдельной запиской. 14 декабря 1810 г. она писала Карамзину: «Жду с нетерпением Россию в ее гражданском и политическом отношениях». 5 января 1811 г. в очередном письме княгиня писала: «С нетерпением ожидаю вас и Россию. Если вы к нам после 15 приедете, то застанете верно Константина Павловича»****.

В начале февраля Карамзин подготовил текст «Записки» и совершил очередной визит в Тверь, где про-

---

* Там же. С. 58.

** Там же. С. 58–59.

*** Там же. С. 68.

**** Там же. С. 69.

был две недели. «Чтение продолжалось несколько дней, потому что было прерываемо множеством вопросов»*. Мнение великой княгини было однозначно: «Записка ваша очень сильна!»**. В письме к И. И. Дмитриеву, занимавшему в то время пост министра юстиции, Карамзин описывает некоторые детали этой своей поездки в Тверь и, среди прочего, посчитал необходимым подчеркнуть следующее: «Не отвечаю за будущее, но теперь милостивое расположение августейшей четы составляет одно из утешений моей жизни»***.

В марте 1811 г. Александр I посетил Екатерину Павловну в Твери, после чего Дмитриев по приказанию царя уведомил Карамзина, что монарх желает познакомиться с ним. В середине марта произошла их встреча. По мнению Погодина, чтение «Истории государства Российского» произошло 18 марта. Сам Карамзин так вспоминал в письме к Дмитриеву о беседе с царем, которая состоялась после этого: «...говорил с ним немало, о чем же? О самодержавии! Я не имел счастья быть согласен с некоторыми его мыслями, но искренно удивлялся его разуму и скромному красноречию»****. После этой беседы Екатерина Павловна отдала «Записку» Карамзина на прочтение царю. Подобная последовательность событий была тщательно продумана Екатериной Павловной. «Она хотела, чтобы ее брат познакомился прежде с Карамзиным и очаровался им, как очарована была она. И сначала все шло по ее желанию. Государь принял Карамзина с отменным благоволением, беседовал с ним несколько раз, выслушал с великим вниманием чтение

---

* Погодин М. П. Указ. соч. С. 77–78.

** Там же. С. 78.

*** Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 42.

**** Погодин М. П. Указ. соч. С. 79.

«Истории», узнал его мысли о самодержавии, даже с ним не согласные. Теперь можно безопасно, подумала она, отдать «Записку», и она отдала на прощанье, отходя ко сну, накануне отъезда Государева. Так, вероятно, рассчитывала Великая Княгиня, и – ошиблась*.

Реакция Александра I оказалась неожиданно холодной. Император в тот момент был не готов воспринимать идеи будущего интимного собеседника и советника и не ждал умной и откровенной критики своих реформаторских начинаний. Критика во многом была направлено против него лично, а не только М. М. Сперанского. Этот эпизод нашел свое отражение в откровенных свидетельствах ряда мемуаристов**. Карамзин, таким образом, сильно рисковал.

«Записка» Карамзина делится на три части. В первой содержится краткий очерк истории России с древнейших времен до 1801 года. Во второй части содержится критика либеральных преобразований Александра I, в третьей – рекомендации по выходу из кризиса.

Карамзин исходил из общего принципиального положения, что «настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее». С этой целью им анализируется русское историческое прошлое, чтобы осветить настоящее и найти в прошлом идеал будущего, которым было для Карамзина самодержавие: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием». Ослабление его привело к раздробленности, ослаблению государства и к татарскому игу. «Вече», носители «духа вольности», оценивались «республиканцем в душе» предельно сдержанно: «Сии республиканские учреждения не мешали Олегу, Владимиру, Ярославу са-

---

* Там же. С. 81.

** Там же. С. 80.

модержавно повелевать Россию: слава дел, великодушие и многочисленность дружин воинских, им преданных, обуздывали народную буйность».

Московский период Карамзин оценивал чрезвычайно высоко, поскольку именно Москва возродила принцип единовластия: «Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита, заслужив имя Собирателя земли Русской, есть первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира. Надлежало, чтобы его преемники в течение века следовали одной системе с удивительным постоянством и твердостью, системе наилучшей по всем обстоятельствам и которая состояла в том, чтобы употребить самих ханов в орудие нашей свободы». Карамзин отмечал сдержанность Москвы во внешней политике, ориентацию на национальные интересы, изоляционизм по отношению к европейской политике: «Имея целию одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру; уклонялись от всякого участия в делах Европы, более приятного для суетности монархов, нежели полезного для государства, и, восстановив Россию в умеренном, так сказать, величии, не алкали завоеваний неверных или опасных, желая сохранить, а не приобретать».

С установлением самодержавия Московское царство окрепло. Это была для русского народа эпоха установления независимости и безопасности: «Внутри самодержавие укоренилось: никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать, – всякая власть была изливанием воли монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло уже было не княжеское, не боярское, но титуло слуги царева. Народ, избавленный князьями московскими от бедствий внутреннего между-

усобия и внешнего ига, не жалел о своих древних вечах и сановниках, которые умеряли власть государеву; довольный действием, не спорил о правах».

В «Записке» Карамзин изложил цельную, оригинальную и весьма сложную по своему теоретическому содержанию концепцию самодержавия как особого, самобытно-русского типа власти, тесно связанной с Православием и Православной Церковью. Современные историки, работающие на стыке истории и политологии, чрезвычайно высоко оценивают карамзинское сочинение как «произведение, которое каждому русскому, особенно собирающемуся во власть, следует знать назубок. Государственные деятели и политики Запада проходят свой «ликбез», изучая «Государя» Макиавелли. Нашим было бы крайне полезно обратиться к «Записке». Это – и «автореферат «Истории государства Российского» (можно прикоснуться к карамзинскому мифу), и наставление власти, как ей «обустраивать» (а не разрушать) Россию»*.

С точки зрения Карамзина, самодержавие представляет собой «умную политическую систему», прошедшую длительную эволюцию и сыгравшую уникальную роль в истории России. Эта система была «великим творением князей московских», начиная с Ивана Калиты, причем в основных своих элементах слабо зависела от личных свойств, ума и воли отдельных правителей, поскольку не была продуктом личной власти, а довольно сложной конструкцией, опирающейся на определенные традиции и государственные и общественные институты. Система эта возникла в результате синтеза автохтонной политической традиции «единовластия», восходящей к Киевской Руси, и некоторых традиций татаро-монгольской ханской

---

* Пивоваров Ю. С. О русских ресурсах в преддверии XXI века // Россия и современный мир. 1999. № 4 (25). С. 15.

власти. Большую роль также сыграло сознательное подражание политическим идеалам Византийской империи.

Возникшее в условиях тяжелейшей борьбы с татаро-монгольским игом самодержавие было безоговорочно принято русским народом, поскольку не только ликвидировало иноземную власть, но и внутренние междоусобицы. «Рабство политическое» не казалось в этих условиях чрезмерной платой за национальную безопасность и единство.

Выражение воли народа явно не предусматривается в этой системе власти, оно, скорее, было даже опасно для государства: «Самовольные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного иступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителя».

Вся система государственных и общественных институтов была, по Карамзину, «излиянием монаршей власти», монархический стержень пронизывал всю политическую систему сверху донизу. При этом самодержавная власть была предпочтительнее власти «многоглавой гидры аристократии». Аристократия, приобретающая самодовлеющее значение, могла стать опасной для государственности, например, в удельный период или в период Смуты XVII в. Самодержавие «встраивало» аристократию в систему государственной иерархии, жестко подчиняло ее интересам монархической государственности.

Самодержавная система политической власти, по Карамзину, зиждилась также на общепризнанных народом традициях, обычаях и привычках, на том, что он обозначал как «древние навыки» и, шире, «дух народный», «привязанность к нашему особенному». Карамзин

категорически отказывался отождествлять «истинное самодержавие» с деспотизмом, тиранией и произволом. Он считал, что подобные отклонения от норм самодержавия были обусловлены делом случая (Иван Грозный, Павел I) и быстро ликвидировались инерцией традиции «мудрого» и «добродетельного» монархического правления: «государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует благодетельно! Да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти; чем страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого – никогда!» Только добродетель может оправдать самодержавную власть. Эта традиция была столь мощной и эффективной, что даже в случаях резкого ослабления или даже полного отсутствия верховной государственной и церковной власти (например, во время Смуты) приводила в течение короткого исторического срока к восстановлению самодержавия. В силу всего вышеперечисленного самодержавие явилось «палладиумом России», залогом ее могущества и процветания. Самодержавная монархия зиждилась на союзе монарха с дворянством и духовенством. С точки зрения Карамзина, основные принципы монархического правления должны были сохраняться и впредь, лишь дополняясь должной политикой в области просвещения и законодательства, которые вели бы не к подрыву самодержавия, а к его максимальному усилению. Ограничение самодержавной власти было губительно: «...можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти?». Карамзин категориче-

ски заявлял о неприемлемости конституционного правления. «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти ничто, – писал он. – Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»

Отличительной чертой формирующихся взглядов раннего Карамзина первоначально было почти полное отсутствие интереса к православной религии. Исследователи отмечали, что само слово «православный» упоминается в «Письмах русского путешественника» один-единственный раз*.

Согласно зрелому Карамзину, Православная Церковь играла исключительную роль в общей системе государственного устройства. Она являлась своего рода «совестью» самодержавной системы, задающей нравственные координаты для монарха и народа в стабильные времена, и, в особенности, когда происходили их «случайные отклонения от добродетели». Вера позволяла самодержцу «владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных». В дальнейшем в своей «Истории государства Российского» Карамзин подчеркивал: «...История подтверждает истину, что вера есть особенная сила государственная»**. Самодержавие руководствуется исключительно законами Божиими и совестью. Хотя могут быть и мудрые советники, в числе которых, конечно, Карамзин видел и себя.

---

* *Кочеткова Н. Д.* Н. М. Карамзин и древнее благочестие // Карамзин: pro et contra. СПб., 2006. С. 700.

** *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 4 кн. М., 1989. Т. 6. С. 224.

Карамзин подчеркивал, что власть духовная «должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею». В то же время Православие, Церковь, духовная власть не должны быть подвластны самодержавию. Карамзин был одним из первых светских мыслителей, подвергших критике Петра I за ликвидацию патриаршества. С его точки зрения, это было как минимум лишением политического смысла акцией, поскольку «наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской; служило ей полезным орудием в делах государственных и совестью в ее случайных уклонениях от добродетели. Первосвятители имели у нас одно право – вещать истину государям, не действовать, не мятежничать; право благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастье состоит в справедливости».

Впрочем, совершенно очевидно, что Петровское правление Карамзин явно считал «уклонением от добродетели». Ликвидация Патриаршества привела к тому, что «упало духовенство в России». После этого иерархи церкви «были уже только угодниками царей и на кафедре языком библейским произносили им слова похвальные». Синодальная система была изначально порочной, поскольку полностью подчиняла Церковь государству: «Если государь председательствует там, где заседают главные сановники церкви; если он судит их или награждает мирскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный, усердие к ней слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением веры государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для отечества, и где пастырь душ может обещать в награду один венец мученический». С точки зрения Карамзина, «власть духовная должна

иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею. <...> Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита или патриарха с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти от гражданской предполагает мнение, что первая бесполезна или, по крайней мере, не есть необходимая для государственной твердости».

Органический ход русской истории был искажен в правление Петра I. Отношение Карамзина к Петру I было в целом негативным. После Петра Россия пошла путем Запада, предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими. Ранний Карамзин в своих «Письмах русского путешественника» был безусловным поклонником Петра*. Он был для Карамзина «лучезарным богом», «великим мужем», поставившим страну на путь европейского просвещения. «Все жалкие *Иеремиады* (в адрес Петра I. – *А. М.*) об изменении Русского характера, о потере Русской нравственной физиогномии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении**». Карамзин в начале считал, что целью Петра было «не только новое величие России, но *совершенное* присвоение обычаев европейских», создание флота, законодательства, развитие торговли, создание мануфактур, училищ, Академии и т. д. Словом, Петр «поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы», имея дарование «употреблять людей по способностям». Однако в XIX в., по мере формирования своих национальных убеждений, Карамзин

---

* *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 70.

** *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб, 1997. С. 218.

перешел к критике петровских преобразований. Наиболее глубокой критике деятельность Петра I была подвергнута Карамзиным именно в «Записке о древней и новой России». Карамзин заговорил о том, что стремление этого императора преобразовать Россию в подобие Европы подрывало «дух народный», то есть самые основы самодержавия, «нравственное могущество государства». Страсть Петра I «к новым <...> обычаям переступила в нем границы благоразумия». Главной причиной петровского подражательства и космополитизма Карамзин считал отсутствие национального воспитания и влияние иностранного окружения. Плохо воспитанный государь попал под влияние женева Лефорта, который находил русские обычаи странными и «говорил ему о них с презрением, а все европейское возвышал до небес». Вольные нравы Немецкой слободы довершили Лефортово дело, и «пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландиею».

Петр привил русским космополитизм, который ослабил чувство патриотизма и национальное начало: «...мы с приобретением добродетелей человеческих утратили гражданские. Имя русское имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши уже в царствование Михаила (Романова. – А. М.) и сына его (Алексея. – А. М.) присвоили себе многие выгоды иноземных обычаев, но все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство. Пусть назовут это заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет, находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев *неверными*, теперь

зовем *братьями*; спрашиваю: кому легче было покорить Россию – *неверным* или *братьям*? То есть кому бы она, по вероятности, долженствовала более противиться? <...> Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр». При этом европеизация осуществлялась насильственным путем: «...пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного»*.

Разрушение древних «навыков», т. е. традиций и обычаев, изображение их смешными и глупыми означало, что государь «унижал россиян в собственном их сердце». Карамзин считал, что государство «может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях». Русская одежда, пища и бороды не мешали заведению школ. Обычаи должны изменяться естественным образом, но «предписывать им уставы есть насилие незаконное и для монарха самодержавного <...>. В сем отношении государь по справедливости может действовать только примером, а не указом». Петр же предпочитал действовать именно указами. Нововведения Петра привели к ослаблению семейных и родственных связей: «Семейственные нравы не укрылись от влияния царской деятельности. Вельможи стали жить открытым домом, их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих; россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступила место азиатского принуждения. Чем более успевали мы в людскости, в обходительности, тем более слабели связи родственные; имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия».

Карамзин обвинял Петра и в «бессмысленном» изменении политической системы и чиновничества в ар-

---

* Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 390.

мии: «Петр уничтожил достоинство бояр: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо приказов – коллегии, вместо дьяков – секретари и проч. Та же бессмысленная для россиян перемена в воинском чиновачалии: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали из нашей рати воевод, сотников, пятидесятников и проч. Честию и достоинством россиян сделалось подражание».

Резко отрицательно оценивает Карамзин и создание новой столицы на берегах Невы: «...мысль утвердить там пребывание наших государей была, есть и будет *вредною*. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупях».

Карамзин фактически обвинил Петра в роковом расколе народа на высший, «онемеченный» слой и низший, «простонародье»: «...со времен Петровых высшие степени отделились от низших, и русский земледелец, мещанин, купец увидели немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний». Уничтожение же Патриаршества привело к ослаблению веры.

Таким образом, Карамзин одним из первых аргументированно поставил вопрос об отношении к петровскому наследию именно в национальном ключе.

Говоря о царствовании Екатерины II, Карамзин, с одной стороны, поет ей панегирик: «Екатерина была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей», а с другой стороны, Карамзин рисует падение нравов, разврат, фаворитизм, коррупцию и пр., характерные для правления этой императрицы.

Царство Павла I в изображении Карамзина – царство страха и ужаса: «...что сделали Якобинцы в отношении к Республикам, то Павел сделал в отношении к Самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оною. По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных, претерпенных им неудовольствий, он хотел быть Иоанном IV», соответственно, «зло вредного царствования пресечено способом вредным». Карамзин формулирует установку, типичную для консервативного монархического дискурса: «Кто верит Провидению, да видит в злом самодержце бич гнева Небесного! Снесем его, как бурю, землетрясение, язву, феномены страшные, но редкие».

Вторая часть «Записки» содержала критику внешней и внутренней политики, в особенности либеральных начинаний Александра I. Карамзин в ней сразу взял тот тон, который вряд ли мог понравиться императору: «Россия наполнена недовольными; жалуются в палатах и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры».

Карамзин резко отрицательно оценивал само участие России в третьей антинаполеоновской коалиции, ознаменовавшейся Аустерлицким поражением 1805 г. «Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, т. е. служить им орудием в их злобе на Францию, без всякой особенной для себя выгоды. Еще Наполеон в тогдашних обстоятельствах не вредил прямо нашей безопасности, огражденной Австриею и Пруссиею, числом и славою нашего воинства». В случае побед России выиграла бы в первую очередь Австрия, «которая из благодарности указала бы России вторую степень и то до того времени, пока не смирила бы Пруссию, а там объявила бы нас державою азиатскою, как Бонапарте». Тем не менее поначалу ситуация складывалась в поль-

зу России, когда австрийская армия потерпела сокрушительное поражение от Наполеона и вошла в Вену, а русская, под командованием Кутузова, отступила к Ольмюцу. «Никогда политика российская не была в счастливейших обстоятельствах <...> Одно слово могло прекратить войну славнейшим для нее образом: изгнанник Франц по милости Александра возвратился бы в Вену, уступив Наполеону, может быть, только Венецию; независимая Германия оградилась бы Рейном, наш монарх приобрел бы имя благодетеля, почти восстановителя Австрии и спасителя Немецкой империи». Но – «мы захотели битвы!» – пишет Карамзин, намекая на тщеславие Александра I, приведшее к поражению.

Четвертая антинаполеоновская коалиция после Аустерлица была уже неизбежной: «...тут мы должны были вступить за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон, волнуя Польшу». С точки зрения Карамзина, после Пултуска и Прейсиш-Эйлау можно было попытаться вступить в «мирные переговоры, коих успех не был вероятен». Но после Фридланда «надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т. е. не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англиею и воевать со Швециею, в противность святейшим уставам человечества и народным. Без стыда могли бы мы отказаться от Европы, но без стыда не могли служить в ней орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилия». В итоге «великие наши усилия, имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европою и сделали нас через Варшаву соседями Наполеона. Сего мало: убыточная война шведская и разрыв с Англиею произвели неумеренное умножение ассигнаций, доро-

говизну и всеобщие жалобы внутри государства». Наполеон подошел к границам России, которой пришлось участвовать в невыгодной для нее континентальной блокаде, рассориться со Швецией из-за Финляндии; все это резко обострило внутреннюю экономическую ситуацию. «Для чего мы легкомысленною войной навели отдаленные тучи на Россию?»

Все это было, по Карамзину, следствием отсутствия доктрины национальных интересов и вызвано субъективным фактором: «Никто не уверит россиян, чтобы советники трона в делах внешней политики следовали правилам истинной, мудрой любви к Отечеству и к доброму государю. Сии несчастные, видя беду, думали единственно о пользе личного самолюбия». Надо полагать, Карамзин имел в виду и личное самолюбие и тщеславие Александра.

Во внутренней политике ситуация, согласно Карамзину, была не лучшей. Карамзин обвинял советников царя в реформаторском зуде, реформах ради реформ, непродуманных, поспешных, непоследовательных преобразованиях: «Вместо того, чтобы... отменить единственно излишнее, прибрать нужное, одним словом, исправлять по основательному рассмотрению, советники Александровы захотели новостей (новшеств, новаций. — *А. М.*) в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому надобно прибегать только в необходимости».

Во внутренней политике Карамзин усматривал лишь непродуманные, поспешные, непоследовательные преобразования. Главной ошибкой преобразователей Карамзин считал бюрократический формализм: «...изобретение разных министерств, учреждение Совета и проч.»*.

---

* Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 427.

Общая позиция Карамзина отражалась в блестящих афоризмах в духе его европейских единомышленников – Э. Берка или Ж. де Местра: «...к древним государственным зданиям прикасаться опасно; Россия же существует около тысячи лет, и не в образе древней орды, но в виде государства великого. А нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой».

Учреждение вместо коллегий министерств было проведено по иноземным образцам, «согласно <...> с системою правительств иностранных». В итоге произошло отделение государя от народа, возникло то, что поздние славянофилы называли «бюрократическое средостение»: «...министры стали между государем и народом, заслоня Сенат, отнимая его силу и величие <...> Выходило, что Россию управляли министры, т. е. каждый из них по своей части мог творить и разрушать».

Карамзин был недоволен и учреждением Государственного Совета. С его точки зрения Совет был излишним органом. Для того, чтобы осуществлять контроль за министерствами, достаточно было бы Сената: «Какая польза унижать Сенат, чтобы возвысить другое правительство? (Государственный Совет. – А.М.)». В адрес Государственного Совета Карамзин высказывал еще более жесткую критику, нежели в адрес министерств, упрекая его создателей в поспешности создания и схематизме их творения: «Спасительными уставами бываюте единственно те, коих давно желают лучшие умы в государстве и которые, так сказать, предчувствуются народом, будучи ближайшим целебным средством на известное зло: учреждение министерств и Совета имело для всех действие внезапности. По крайней мере, авторы должныствовали изъяснить пользу своих новых

образований; читаю и вижу одни сухие формы; мне чертят линии для глаз, оставляя мой ум в покое».

Жесткая критика реформы просвещения свидетельствовала как о компетентности Карамзина, так и о том, что он внутренне готов был занять пост министра просвещения: государь «употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ <...> К сожалению, видим более убытка для казны, нежели выгод для Отечества. Выписали профессоров, не приготовив учеников; между первыми много достойных людей, но мало полезных; ученики не разумеют иноземных учителей, ибо худо знают язык латинский, и число их так невелико, что профессора теряют охоту ходить в классы. Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким; не рассудив, что здесь иные обстоятельства <...> У нас нет охотников для высших наук <...> отцы не вдруг еще решатся готовить детей своих для оного. Вместо 60-ти профессоров, приехавших из Германии в Москву и в другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в гимназиях; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призренная бедность через 10 или 15 лет произвели бы в России ученое состояние».

Для университетов просто нет подготовленных учеников: «...в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдем человек сто, которые совершенно знают правописание, и мы не имеем хорошей грамматики, а в именных указах употребляются слова не в их смысле». Профессура чрезмерно обременена ненужными и лишними обязанностями: «Лучшие профессора, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров для университета! В сей круг хозяйственных забот входит еще содержание ста или более училищ, под-

ведомых университетскому Совету. Сверх того, профессора обязаны ежегодно ездить по губерниям для обозрения школ. Сколько денег и трудов потеряны!»

«Несчастный» указ 1809 г. об экзаменах для чиновников закрыл дорогу к службе многим способным и требует от чиновников ненужных им знаний. «Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной от инженера, законоведения от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойства кислорода и всех газов, вице-губернатор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия столь несогласного с их целью!» Карамзин разумно считал, что «надлежало бы только исполнить указанное в уставе университетском, что впредь молодые люди, вступая в службу, обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях. <...> И, вместо всеобщих знаний, должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя».

Представленный в Государственный Совет Сперанским проект общего гражданского законодательства (уложения), по утверждению Карамзина, является перифразом французского законодательства, калькой с кодекса Наполеона: «...издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что же находим? Перевод Наполеонова кодекса». В «Записке о древней и новой России» Карамзин сформулировал до сих пор не реализованную на практике идею «русского права»: «...законы народа

должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств». «Русское право также имеет свои начала, – писал Карамзин, – как и Римское; определите их и вы дадите нам систему законов». Он утверждал: «Для старого народа не надобно новых законов. Согласно с здравым смыслом, требуем от комиссии систематического предложения наших. Русская Правда и Судебник, отжив век свой, существуют единственно как предмет любопытства. Хотя Уложение царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем обветшало, уже для нас бессмысленного, непригодного? Остаются указы и постановления, изданные от времен царя Алексея до наших: вот содержание кодекса. Должно распорядить материалы, отнести уголовное к уголовному, гражданское к гражданскому, и сии две главные части разделить на статьи. Когда же всякий указ будет подведен под свою статью, тогда начнется второе действие: соединение однородных частей в целое <...> Третье действие есть общая критика законов: суть ли они лучшие для нас по нынешнему гражданскому состоянию России? Здесь увидим необходимость исправить некоторые. <...> Таким образом собранные, исправленные законы предложите в форме книги». «Сей труд велик, но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным творцом Уложения российского; другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками. <...> Или мы найдем такого человека, или долго будем ждать кодекса». Как ни парадоксально, в какой-то мере (но далеко не полной) рекомендациями Карамзина в процессе кодификации русского законодательства воспользовался уже в царствование Николая I его былой идейный оппонент М. М. Сперанский. Когда Николай I поручил ему составить Свод Законов, Карамзин, уже незадолго

до смерти, «приветствовал с душевною радостью начало великого труда, который должен был обессмертить и Императора Николая и Сперанского»*. При этом речь шла о согласии историка с принципиальным подходом Сперанского, продемонстрированного при составлении Свода Законов. По свидетельству К. С. Сербиновича, 21 марта 1825 г. Карамзин заявил: «...вот это совершенно согласно с моими убеждениями. Я всегда думал: как можно составлять законы, не зная всех тех, какие у нас есть и были? Надобно прежде знать свое; надобно собрать все без исключений, и потом уже отделить то, что действительно имеет в настоящее время обязательную силу: так составитя верный свод по крайней мере того, что существует»**. Таким образом, влияние консервативной версии права Карамзина на позднейшего Сперанского как минимум чрезвычайно вероятно.

Карамзин считал, что отмена крепостного права в момент написания «Записки» была невозможна. Эта позиция подкреплялась аргументами правового, экономического и морального характера. Исторически возникшее на Руси крепостное право представляло, по его мнению, «гордиев узел», ибо только «одни вольные, Годуновым укрепленные за господами, земледельцы могут, по справедливости, требовать прежней свободы», но выяснить, кто из них происходил от холопов, а кто от вольных, было невозможно. В своих рассуждениях Карамзин исходил только из возможности безземельного варианта освобождения крестьян: земля – «в чем не может быть и спора – есть собственность дворянская». Карамзин сосредоточился исключительно на просчи-

* *Калачов Н.* О значении Карамзина в истории русского законодательства. Отдельный оттиск из Московских Университетских известий, 1866, № 3. С. 9–10. Это было 21 марта 1826 года. См. Рассказ К. С. Сербиновича, в сочинении М. П. Погодина: Н. М. Карамзин, ч. 2. с. 475–476.

** *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 475–476.

тывании негативных последствий отмены крепостного права. Так, он утверждал, что свобода принесет крестьянам значительное увеличение эксплуатации, поскольку «корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических». Из-за полученной свободы передвижения сократятся налоговые поступления в бюджет государства: «...буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей?» «Не останутся ли многие поля не обработанными, многие житницы пустыми?» Упразднение вотчинной власти помещиков приведет к тому, что «крестьяне начнут ссориться между собой и судиться в городе <...> станут пьянствовать, злодействовать».

Карамзин, похоже, вообще сомневается в целесообразности наделения крестьян свободой: император «желает сделать земледельцев счастливее свободой; но ежели сия свобода вредна для государства? И будут ли земледельцы счастливее, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бессовестным?» Положение лично свободных государственных крестьян может быть и хуже крепостных: «Нет сомнения, что крестьяне благоразумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного попечителя и заступника». Скептически оценивает Карамзин и уже действующий указ о вольных хлебопашцах: «Не осуждаю Александра закона, дающего право селениям откупаться от господ с их согласия, но многие ли столь богаты, многие ли захотят отдать последнее за вольность? Крестьяне человеколюбивых владельцев довольны своею участью; крестьяне худых – бедны: то и другое мешает успеху сего закона».

В целом крестьянство, по мнению Карамзина, морально не готово к освобождению: «...для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели не дать им вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением». Идея о «нравственном исправлении», как нам представляется, впоследствии была развита С. С. Уваровым в его представлениях о решении крестьянского вопроса.

Карамзин считал, что проблема пресечения произвола помещиков уже была в основном решена в России при Екатерине Великой: «Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких?» Кроме того, дворянство, располагая вотчинною властью, выполняет полицейские функции, и государству нечем его заменить: «...теперь дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства: отняв у них сию власть блюстительную, он, как Атлас, возьмет себе Россию на рамена <...> Удержит ли? Падение страшно».

Вся система аргументации Карамзина указывает на то, что он предполагал возможность процветания крестьян в крепостном состоянии при соблюдении определенных условий: трудолюбия, отвращения к пьянству, просвещения, помощи со стороны помещиков.

Позиция Карамзина однозначно говорит о том, что он не был и против практики купли-продажи людей. «Слыхали мы о дворянах-извергах, которые торговали людьми бесчеловечно: купив деревню, выбирали крестьян, годных в солдаты и продавали их порознь. Положим, что такие звери были в наши времена: надлежало бы грозным указом запретить сей промысл и сказать, что имение дворян, столь недостойных, будет

отдаваемо в опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполнением. Вместо сего запрещают продажу и куплю рекрут. Дотоле лучшие земледельцы охотно трудились 10–20 лет, чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупку рекрута и тем сохранить целость семьи своей; ныне отнято от них сильнейшее побуждение благотельного трудолюбия, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасет любезного его сына? <...> Чем теперь владеец мелкопоместный, коему нет очереди рекрутской, устроит крестьян распутных? Палкою? Изнурительным трудом? Не полезнее ли им страшиться палки в роте?» Позиция Карамзина оставалась неизменной и в более позднее время. В письме от 30 октября 1818 г. П. А. Вяземскому, горячему стороннику освобождения крестьян, Карамзин писал: «...желаю знать, каким образом вы намерены через или в 10 лет сделать ваших крестьян свободными, научите меня: я готов следовать хорошему примеру, если овцы будут целы и волки сыты»*.

На последних страницах записки Карамзина излагается его позитивная программа, предлагающая «самые простейшие» средства. Надо уметь подбирать на ответственные места способных людей: «...не формы, а люди важны. <...> да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей! <...> да будет <...> правило: *искать людей*» (здесь и далее курсив Карамзина. – А.М.). «Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям». Карамзин предлагает обновить губернаторский корпус, усилить власть губернаторов за счет ослабления министерств и Государственного Совета, уменьшить количество бюрократов и бюрократических инстанций, действующих независимо от губернаторов. «Россия состоит

* Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 205.

не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями; если там пойдут дела как должно, то министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут в России как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа».

Карамзин, неоднократно намекающий в «Записке» Александру I на его чрезмерную доброту и мягкость, констатирует, что в результате возникло массовое несоблюдение законов – «из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие» – «Не боятся государя, не боятся и закона». Карамзин советует ему существенно ужесточить режим управления: «...*умейте обходиться с людьми*». «В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних».

Программа Карамзина предполагала опору самодержца на дворянство и возвышение последнего. «Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. <...> Дворянин <...> навикает от самой колыбели уважать себя, любить Отечество и государя за выгоды своего рождения, пленяться знатностью – уделом его предков, и наградою будущих заслуг его. Сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое, сверх иных намерений, было целью при утверждении наследственного дворянства». Карамзин настраивал императора на ревизию Табели о рангах, провозглашая

принцип: «Надлежало бы не дворянству быть по чинам, но чинам по дворянству». Получению дворянского достоинства за выслугу должно было предшествовать его пожалование государем. Еще одной мерой, которая способствовала бы возвышению дворянства, мог стать, по его мнению, закон, разрешавший принимать дворянина в воинскую службу офицером.

Вторую по значимости роль в государстве должно играть духовенство. «Не предлагаю восстановить патриаршество», – пишет Карамзин. Но значение духовного сословия необходимо поднять, дав Синоду определенную независимость от светской власти, ограничить его состав архиепископами. Синод должен быть приглашаем к «выслушанию» «новых коренных» законов вместе с Сенатом, чтобы наряду с ним стать их хранилищем. Кроме того, он требовал в законодательном порядке закрепить и обязанность священников заботиться о нравственности прихожан. Таковы были основные положения консервативной программы Карамзина, сформулированные им в «Записке».

В течение длительного времени «Записка» была известна только очень узкому кругу лиц, хотя, несомненно, идеи, которые развивал в ней Карамзин, что называется, витали в воздухе. М. П. Погодин писал по этому поводу: «...никто не знал даже о существовании этой «Записки»: самые близкие люди, друзья ничего о ней никогда не слыхали. «Записка» найдена случайно в 1836 году, через долгое время по смерти Карамзина и Императора Александра. Двадцать пять лет она скрывалась под спудом: могло ли это случиться, если бы в «Записке» как-нибудь участвовали многие или, по крайней мере, несколько лиц? Нет, Карамзин следил внимательно за ходом дел, принимал к сведению все московские толки, может быть в особенности мнения гр. Ростопчи-

на, и все перерабатывал в своем уме, обращал в свою собственность, в свою плоть и кровь»*. Помимо влияния Ф. В. Ростопчина, исследователи также отмечали идейное сходство взглядов Карамзина в «Записке» со взглядами де Местра и Шишкова**.

Значение «Записки» всем вышеперечисленным отнюдь не исчерпывается. М. В. Довнар-Запольский верно отмечал: «“Записка” Карамзина во многих отношениях имеет громадное значение. Прежде всего в ней отразились идеи Карамзина и людей его круга – того круга, который стоял на почве национально-консервативной и не вполне разделял крайности реакции. Влияние этой «Записки», несомненно, сказалось на деятельности Александра I: Александр много обдумывал мысли, в ней высказанные, и, сначала будучи недоволен резкостью тона, впоследствии сохранил неизменное благоволение к историографу. Записка Карамзина была политическим завещанием эпохи: император Николай Павлович был, можно сказать, политическим учеником Карамзина, и выдвинутые “Запиской” Карамзина идеалы самодержавного царства в течение десятилетий проводились в народную жизнь»***.

Трактат «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» – один из наиболее глубоких и содержательных документов зародившейся русской консервативной мысли того времени. Можно согласиться с А. Н. Пыпиным, который отмечал, что Карамзин «высказывается, наконец, весь, потому что «Записка», без сомнения, была одним из наиболее ис-

* *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 69–70.

** *Степанов М. [Шебунин А. М.]* Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. Т. 29–30. М., 1937. С. 602; *Альтшуллер М.* Указ. соч. С. 50.

*** *Довнар-Запольский М. В.* Обзор новейшей русской истории. Киев, 1914. Т. 1. С. 213.

кренних и наименее искусственных и натянутых его сочинений: для изучения его общественных понятий она представляет наиболее характеристические данные»*.

Показательна первоначальная реакция Александра I на карамзинскую «Записку». Со слов Карамзина К. С. Сербинович записал: «На другой день после чтения («Записки». – А. М.) в день отъезда <...> Карамзин с великим удивлением заметил, что Государь был совершенно холоден к нему, и, прощаясь со всеми, взглянул на него издали равнодушно». То же засвидетельствовали И. И. Дмитриев, Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский**. Это была реакция Александра I на те места «Записки», где критиковались либеральные меры самого Александра. На вопрос Карамзина, заданный Екатерине Павловне о судьбе своей «Записки», великая княгиня ответила: «Записка ваша теперь в хороших руках»***. Линия поведения великой княгини заключалась в том, чтобы и сохранить дружбу с литератором, и уладить его отношения с императором, в противном случае ее политическая репутация была бы подорвана в глазах «русской партии». Эта задача была ею с блеском выполнена, тем более что в тот период взгляды императора начали претерпевать эволюцию «вправо». По прошествии пяти лет, в 1816 г., Александр I, по свидетельству Д. Н. Блудова, награждая Карамзина Аннинской лентой, подчеркнул, что делается это не столько за его «Историю», сколько за его «Записку о древней и новой России»****.

* Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. С. 235.

** Погодин М. П. Указ. соч. С. 80.

*** Там же. С. 82.

**** Цит. по: Грот Я. К. Очерк деятельности и личности Карамзина, читанный академиком Я. К. Гротом // Торжественное собрание императорской Академии наук в память столетней годовщины рождения Н. М. Карамзина. СПб., 1867. С. 41.

Уже в апреле 1811 г. произошли новые встречи Карамзина с Александром I. 12 апреля он писал брату: «Исполняя волю любезнейшей Великой Княгини, я ездил опять в Тверь, чтобы быть там представленным Государю, который и сам приказал Ивану Ивановичу Дмитриеву написать мне о желании своем видеть меня в этом городе. Осыпанный милостивыми приветствиями Императора, я читал ему некоторые места из моей «Истории». Он был доволен. Четыре раза обедали с ним у Великой Княгини. Он звал меня и жену мою в Петербург и простился с нами особенно в кабинете; даже предлагал нам жить в Аничковом дворце, который отдал Великой Княгине»*. После 1811 г. происходит еще большее сближение великой княгини с Карамзиным, в чем был заинтересован и он сам. В письмах Карамзину Екатерина часто обращается к историку: «милый учитель», «любимый учитель», подчеркивая тем самым, что разделяет взгляды Карамзина и считает себя его последовательницей.

После падения Сперанского в марте 1812 г. кандидатура Карамзина на пост статс-секретаря Государственного Совета рассматривалась наряду с А. С. Шишковым. Предпочтение было отдано последнему, как человеку военному, что было немаловажно в условиях надвигавшейся войны с Наполеоном.

Работа Карамзина над «Историей государства Российского» была временно прервана Отечественной войной 1812 г. Сам Карамзин готов был сражаться в московском ополчении и в последние мгновения перед вхождением Наполеона в столицу покинул город. 1813 г. Карамзин провел в эвакуации, вначале в Ярославле, а затем в Нижнем Новгороде. В Москву Карамзин возвратился в июне 1813 г. и продолжил работу над

---

* *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 85.

«Историей», невзирая на то, что в московском пожаре 1812 г. сгорела его библиотека.

В начале 1816 г. Карамзин приехал в Петербург просить средств на издание первых восьми томов «Истории государства Российского». Вокруг обстоятельств, связанных с ожиданием Карамзиным приема у императора, во время которого должен быть решиться вопрос об издании «Истории государства Российского», сложилось немало мифов. Карамзин долгое время ждал высочайшего приема, что воспринималось им как демонстрация пренебрежения императора к его многолетнему труду. Но надо подчеркнуть, что во время этого унижительного для историка ожидания другие члены императорской фамилии: Елизавета Алексеевна, Мария Федоровна, Екатерина Павловна, Мария Павловна проявили себя как ревностные поклонники Карамзина, всячески его поддерживающие.

В марте 1816 г. состоялось личное знакомство Карамзина с А. А. Аракчеевым. Обстоятельства этого события в либеральной и советской историографии обычно трактуют как морально неприемлемые для историографа, не желавшего в принципе встречаться с «временщиком». Тем не менее после их встречи Карамзин писал: «...я нашел в нем человека с умом и с хорошими правилами. Вот его слова: «..учителем моим был дьячек: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дело исполнять волю Государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться: теперь уже поздно» <...> Следственно и Граф Аракчеев обязался способствовать моему скорейшему свиданию с Государем; даже уверил меня, что это откладывание не продолжится»*. М. П. Погодин так

---

* Цит. по: *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II. С. 154.

оценивал роль Аракчеева в организации встречи историкографа с царем: «...все старания и все посредства оканчивались ничем до свидания с графом Аракчеевым, который обещал исходатайствовать аудиенцию, и на другой день сдержал свое слово: Карамзин был принят и осыпан ласками и милостями»*. «Чтобы попасть в рай, нельзя было избежать чистилища, где заседал суровый игумен», – афористично отмечал Н. К. Шильдер**. Несмотря на первоначальную обиду, детально и достаточно тенденциозно описанную в литературе, Карамзин в дальнейшем с уважением относился к Аракчееву. 14 сентября 1825 г. он писал: «Государственный человек, огорченный ужасным домашним происшествием, отказался от всех дел, как слышно: заменить его другим нелегко. Дельных людей на большой сцене у нас не много»***. Оценки Аракчеева, сделанные Карамзиным – «человек с умом и хорошими правилами», «государственный человек» и т. д. вряд ли были лицемерными.

Александр I удостоил Карамзина высочайшей аудиенции, в результате которой были выделены необходимые средства на издание «Истории государства Российского», он был награжден орденом св. Анны I-го класса, а в 1824 г. стал действительным статским советником. По докладу А. Н. Голицына император отдал распоряжение печатать «Историю государства Российского» без цензуры****. Она пользовалась огромным успехом. Значение этого грандиозного труда точно выразил П. А. Вяземский: «Творение Карамзина есть единственная у нас книга, истинно государственная, народная

* Там же. С. 156.

** Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 7.

*** Цит. по: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 415.

**** РГАЛИ. Ф. 1179. Оп. 2. Ед. хр. 16. Уваров С. С. Л. 1.

и монархическая»*. Ему вторил А. С. Стурдза: «Карамзин <...> начал и открыл для нас период народного самосознания»**. Высокую оценку труда Карамзина дал и А. С. Пушкин: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История Государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским: сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве»***.

Весной 1816 г., во время ожидания аудиенции у Александра I, произошло личное знакомство Карамзина с Шишковым. По словам Н. И. Греча, Карамзин рассказывал, как первый раз встретился с Шишковым на приеме у великой княгини Екатерины Павловны. Карамзин первым делом заявил Шишкову: «Я не враг ваш, а ученик: потому что многое высказанное вами было мне полезно, и если не все, то иное принято мною, и удержало меня от употребления таких выражений, которые без ваших замечаний были бы употреблены»****. С этого момента «они были, если не друзьями, то, по крайней мере, добрыми искренними знакомыми»*****. Вероятно, сближение двух

* [Вяземский П. А.] Проект письма к С. С. Уварову // *Вяземский П. А. Полное собрание сочинений*. СПб., 1879. Т. 2. С. 215.

** Цит. по: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 195.

*** *Пушкин А.С.* О народном воспитании // *Карамзин: pro et contra*. СПб., 2006. С. 157.

**** Цит. по: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 137.

***** Там же.

прежних литературных оппонентов все же происходило не гладко. 14 февраля 1816 г. Карамзин писал: «Нынешний день буду у Державина обедать со всеми моими смешными *неприятелями*, и скажу им: есмь един посреде вас, и не усташуся!»*. В письме от 18 февраля того же года он рассказывал: «Славный мой обед с *неприятелями* не был для них весел: все сидели нахмурясь, хотя я и старался забавлять их грамматикою, синтаксисом, этимологиєю. Добрый старик Державин вздумал было произвести меня в члены Российской Шишковской Академии, но я сказал ему, что до конца моей жизни *не назовусь* членом никакой Академии и не буду ни в каком так называемом ученом обществе»**. Впоследствии, впрочем, позиция Карамзина изменилась.

В 1818 году по предложению Шишкова Карамзин был избран членом Академии, политические взгляды и литературные вкусы их к тому времени существенно сблизились под влиянием занятиями русской историей. Приязнь Шишкова к Карамзину после прочтения «Истории» зашла так далеко, что он предложил Карамзину создать совместное литературное объединение. В письме к И. И. Дмитриеву от 14 декабря 1822 г. Карамзин писал: «Добрый Шишков убеждает меня завести вечера для чтений и бесед о литературе; но что читать? С кем и о чем беседовать? Могу представить ему только Блудова и Дашкова, в надежде на его голубиное незлобие». На торжественном заседании Академии в конце декабря того же года, под председательством А. С. Шишкова, Карамзин был «намерен читать о Годунове, а князь Шаховской две сцены из «Энеиды»; Воейков что-то о Ломоносове в стихах»***. Инициатива Шишкова закончилась

---

* Там же. С. 139.

** Там же. С. 140.

*** Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1886. С. 342.

ничем, но отношения были сохранены. 1 июля Карамзин писал Дмитриеву: «Люблю его (Шишкова. – *А. М.*) за доброе сердце»*. По словам А. С. Стурдзы, Шишков «чистосердечно и публично отрекся от прежних своих невыгодных мнений о писателе Карамзине <...> маститый старец полюбил в нем человека, преклонил голову перед изящной чистотой его слога, одним словом, влюбился в его творения и в него самого»**.

С 1816 г. и до момента своей смерти Карамзин жил в Петербурге, общаясь с В. А. Жуковским, С. С. Уваровым, А. С. Пушкиным, Д. Н. Блудовым, П. А. Вяземским и др. По предложению Александра I Карамзин стал проводить каждое лето в Царском Селе, что все более и более усиливало его близость к царскому семейству. Государь неоднократно беседовал с Карамзиным во время прогулок по царскосельскому парку, тот несколько раз в неделю обедал у него, император постоянно читал в рукописи «Историю государства Российского», выслушивал мнения Карамзина на текущие политические события. Разговоры между царем и историком были содержательными и откровенными. Александр до такой степени доверял Карамзину, что, по свидетельству Погодина, «сказывал еще осенью 1823 г. Карамзину и Екатерине Андреевне о распоряжении касательно наследства (т. е. о передаче престола в случае смерти императора не великому князю Константину Павловичу, а Николаю Павловичу. – *А. М.*), о котором не знал никто в России, кроме Митрополита Филалета, и князя А. Н. Голицына: один писал Манифест, другой переписывал»***.

* Погодин М. П. Указ. соч. С. 352.

** Стурдза А. С. Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине // Москвитянин. 1846. № 9 и 10. С. 146–147.

*** Погодин М. П. Указ. соч. С. 393.

В связи с появлением слухов о планах Александра I о восстановлении государственности Польши Карамзин считал своим долгом в записке «Мнение русского гражданина», написанной 17 октября 1819 г., выразить позицию русских патриотов по польскому вопросу. С точки зрения Карамзина, восстановление Королевства Польского входит в противоречие с «законом государственного блага России», согласно которому русские цари клянутся «блюсти целостность своих держав». Карамзин готов согласиться с тем, что Екатерина II поступила «беззаконно», разделив Польшу. Но Александр I поступил бы «еще беззаконнее, если бы вздумали загладить ее несправедливость разделом самой России». Русские «взяли Польшу мечом», и это, подчеркивает Карамзин, «наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний». Император не может «с мирной совестью» отнять у Российской империи Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, «утвержденную собственность России», ставшую таковой еще до воцарения Александра I. **Всякое усиление Польши опасно, ибо «поляки никогда не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России».** Восстановление Польши «будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровию землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу». Карамзин, таким образом, как и все русские патриоты, выступает с позицией территориальной целостности и неприкосновенности России. Никаких других альтернатив подобной позиции в консервативном мировоззрении нет. Записка Карамзина предельно ясно и ярко отражала позицию «русской партии» по польскому вопросу.

Несмотря на определенное сближение с кругом авторов литературного общества «Арзамас», противостоящего «Беседе любителей русского слова», сам Карамзин, безусловно, до конца жизни являлся убежденным русским патриотом. 29 апреля 1817 г. он с иронией писал о конституционных ожиданиях молодых либералов в связи со знаменитой речью Александра I при открытии Сейма в Варшаве: «Варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах. Спят и видят конституцию; судят, рядят <...> И смешно и жалко!»*. В его памятной книжке в 1825 г. содержится и такая запись: «Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей! Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ, и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. <...> Если государство, при известном образе правления, созрело, укрепилось, обогатилось, распространилось и благоденствует, не троньте этого правления, видно оно сродно, прилично Государству и введение в нем другого было бы ему гибельно и вредно».

Необходимым элементом монархических взглядов Карамзина был антиконституционализм. В 1818 г. Карамзин следующим образом охлаждал восторги князя П. А. Вяземского, страстно желавшего конституции: «Дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь человека в гаерское платье. <...> Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную, и скорее может упасть, чем еще более возвыситься. Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима. Эксперименты не годятся в таком случае. Впрочем, не мешаю другим мыслить

---

* *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 206.

иначе. <...> потомство увидит, что лучше, или что *было* лучше для России. Для меня, старика, приятнее идти в комедию, нежели в залу национального собрания или в камеру депутатов, хотя я в душе республиканец, и таким умру*». В письме к брату В. М. Карамзину от 22 мая 1817 г. он выражается еще более определенно: «...шумят о конституциях. Сапожники, портные хотят быть законодателями, особенно в ученой немецкой земле. Покойная французская революция оставила семя, как саранча: из него вылетают гадкие насекомые <...> хмурю брови на дерзкую глупость, на бесстыдное шарлатанство, на подлое лицемерие»**.

Антилиберальная позиция зрелого Карамзина не всегда была однозначно четко им выражена. К примеру, в письмах, относящихся к концу 1810-х гг., Карамзин не раз именовал себя «либералистом», подчеркивая при этом, что он «на деле либералист»***. Поэтому особенно укажем на то обстоятельство, что в конце жизни Карамзин предпочитал не упоминать о былых либеральных и республиканских симпатиях. В 1822 г. М. П. Погодин записал в своем дневнике со слов П. П. Новосильцева, адъютанта московского градоначальника князя В. Д. Голицына, впоследствии рязанского губернатора, что Н. М. Муравьев «выговаривал однажды Карамзину за его похвалы самодержавию, за монархический дух его «Истории». Карамзин отвечал: «...да не буду я первый в моем Отечестве проповедовать тот другой дух, который омыл кровью всю Европу»****. Особенно показательна была реакция Карамзина на события 14 декабря 1825 г.

* Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 204.

** Там же. С. 238.

*** Китаев В. А. Век XIX: пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008. С. 23.

**** Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 1. СПб., 1888. С. 177.

В письме к И. И. Дмитриеву от 19 декабря он писал об «ужасных лицах», «ужасных словах» «безумцев с «Поллярною звездою», Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами». «Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж. Ни крест, ни Митрополит не действовали. <...> Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов! Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ними не так много! Солдаты были только жертвою обмана»*. Такова финальная оценка деятельности русских либералов, оставленная Карамзиным.

Смерть Александра I потрясла Карамзина, а мятеж 14 декабря окончательно надломил его физические силы (в этот день он простудился на Сенатской площади, болезнь перешла в чахотку и смерть).

Карамзин как великий русский историк и писатель стал одним из символов русской культуры. А его мысли и труды являются одним из главных источников русской идеологии.

В настоящем издании во всех текстах Карамзина осуществлена минимальная модернизация орфографии и пунктуации.

Аркадий Минаков

---

* *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II. С. 466–467.

ПИСЬМА РУССКОГО ПУШЕСТВЕННИКА

* * *

Вчера в придворной церкви видел я короля и королеву. Спокойствие, кротость и добродушие изображаются на лице первого, и я уверен, что никакое злое намерение не рождено в душе его. Есть на свете счастливые характеры, которые по природному чувству не могут не любить и не делать добра: таков сей государь! Он может быть злополучен; может погибнуть в шумящей буре — по правосудной истории впишет Людовика XVI в число благодетельных царей, и друг человечества прольет в память его слезу сердечную. — Королева, несмотря на все удары рока, прекрасна и величественна, подобно розе, на которую веют холодные ветры, но которая сохраняет еще цвет и красоту свою. Мария рождена быть королевою. Вид, взор, усмешка — все показывает необыкновенную душу. Нельзя, чтобы ее сердце не страдало, но она умеет сокрывать горесть свою, и на светлых глазах ее неприметно ни одного облачка. Улыбаясь так, как грации улыбаются, перебирала она листочки в своем молитвеннике, взглядывала на короля, на принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сестра королевская, молилась с великим усердием и набожностью; мне казалось, что по лицу ее катились слезы. — В церкви было множество народу, так что я от жару и духоты упал бы в обморок, если бы одна дама, приметив

мою бледность, не подала мне спирту. Все люди смотрели на короля и королеву, еще более на последнюю; иные вздыхали, утирали глаза свои белыми платками; другие смотрели без всякого чувства и смеялись над бедными монахами, которые пели вечерню. – На короле был фиолетовый кафтан; на королеве, Елисавете и принцессе – черные платья с простым головным убором. – Дофина видел я в Тюильри. Прекрасная, нежная Ланбаль, которой Флориан посвятил «Сказки» свои, вела его за руку. Милый младенец! Ангел красоты и невинности! Как он в темном своем камзолчике с голубою лентою через плечо прыгал и веселился на свежем воздухе! Со всех сторон бежали люди смотреть его, и все без шляп; все с радостью окружали любезного младенца, который ласкал их взором и усмешками своими. Народ любит еще кровь царскую!

* * *

Париж, апреля... 1790

Говорить ли о французской революции? Вы читаете газеты: следственно, происшествия вам известны. Можно ли было ожидать таких сцен в наше время от зефирных французов, которые славились своею любезностью и пели с восторгом от Кале до Марсели, от Перпиньяна до Страсбурга:

*Pour un peuple airnable et sensible
Le premier bien est un bon Roi... –
Для любезного народа
Счастье – добрый государь?*

Не думайте, однако ж, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли

сотая часть действует; все другие смотрят, судят, спорят, плачут и смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре! Те, которым потерять нечего, дерзки как хищные волки; те, которые всего могут лишиться, робки, как зайцы; одни хотят все отнять, другие хотят спасти что-нибудь. Оборонительная война с наглым неприятелем редко бывает счастлива. История не кончилась, но по сие время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона.

С 14 июля все твердят во Франции об аристократах и демократах, хвалят и бранят друг друга сими именами, по большей части не зная их смысла. Судите о народном невежестве по следующему анекдоту.

В одной деревеньке близ Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одетого человека и требовали, чтобы он кричал с ними: «Vive la nation!» – «Да здравствует нация!» Молодой человек исполнил их волю, махал шляпою и кричал: «Vive la nation!» – «Хорошо! Хорошо!» – сказали они. – Мы довольны. Ты добрый француз: ступай куда хочешь. Нет, стой: изъясни нам прежде, что такое... нация?»

Рассказывают, что маленький дофин, играя с своею белкою, щелкает ее по носу и говорит: «Ты аристократ, великий аристократ, белка!» Любезный младенец, беспрестанно слыша это слово, затвердил его.

Один маркиз, который был некогда осыпан королевскими милостями, играет теперь не последнюю роль между неприятелями двора. Некоторые из прежних его друзей изъяснили ему свое негодование. Он пожал плечами и с холодным видом отвечал им: «Oue faire? j'aime les te-te-troubles!» – «Что делать? Я люблю мя-те-те-тежи!» Маркиз – заика.

Но читал ли маркиз историю Греции и Рима? Помнит ли цикуту и скалу Тарпейскую? Народ есть острое

железо, которым играть опасно, а революция – отверстый гроб для добродетели и – самого злодейства.

Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. «Утопия»* будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. предадим, друзья мои, предадим себя во власть провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей – и довольно.

Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо. Французская монархия производила великих государей, великих министров, великих людей в разных родах; под ее мирною сению возрастали науки и художества, жизнь общественная украшалась цветами приятностей, бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком... Но дерзкие подняли секиру на священное дерево, говоря: «Мы лучше сделаем!»

Новые республиканцы с порочными сердцами! Разверните Плутарха, и вы услышите от древнего величайшего, добродетельного республиканца Катона, что безначалие хуже всякой власти!

В заключение сообщу вам несколько стихов из Рабле, в которых знакомец мой аббат Н* находит предсказание нынешней революции:

---

* Или «Царство счастья», сочинения Моруса.

GARGANTUA, CH LVIII

Enigme et Prophetie

Французский старинный язык, может быть, для вас темен. Я переведу: «Объявляю всем, кто хочет знать, что не далее как в следующую зиму увидим во Франции злодеев, которые явно будут развращать людей всякого состояния и поссорят друзей с друзьями, родных с родными. Дерзкий сын не побоится восстать против отца своего, и раб против господина так, что в самой чудесной истории не найдем примеров подобного раздора, волнения и мятежа. Тогда нечестивые, вероломные сравняются властью с добрыми; тогда глупая чернь будет давать законы и бессмысленные сядут на место судей. О страшный, гибельный потоп! *Потоп*, говорю: ибо земля освободится от сего бедствия не иначе, как упившись кровию».

* * *

Париж, апреля...

В четверток, в пятницу и в субботу на страстной неделе бывало здесь славное гулянье в аллеях Булонского лесу; *бывало*, потому что нынешнее, мною виденное, совсем не могло войти в сравнение с прежними, для которых богачи и щеголи нарочно заказывали новые экипажи и где четыре, пять тысяч карет, одна другой лучше, блистательнее, моднее, являлись глазам зрителей. Я ходил туда пешком и видел около тысячи экипажей, но ни одного великолепного. Это гулянье напомнило мне наше, московское, 1 мая. Так же карета за каретою от Елисейских полей до монастыря Longchamp. Народ стоял в два ряда подле дороги, шумел, кричал и смеялся непристойным образом над гуляющими. Например: «Смотрите! Вот едет торговка из рыбного ряда с своею соседкою башмачницею! Вот красный нос, самый длинный во всем Париже! Вот молодая

кокетка в семьдесят лет: влюбляйтесь! Вот кавалер святого Людовика с молодой женою и с рогами! Вот философ, который продает свой ум за две копейки!» – Молодые франты прыгали на английских конях, заглядывали в каждую карету и дразнили чернь. «Allons, allons, mes amis! de l'esprit de l'esprit! Bon; c'est de la vraie gaieté Parisienne!»* Другие бродили пешком с длинными деревянными саблями вместо тростей, pour se confondre avec le peuple**. – Прежде более всего отличались тут славные жрицы Венерины; они выезжали в самых лучших экипажах. Одна молодая актриса разорвала связь свою с графом Д*, прекрасным мужчиною. Ее знакомые удивлялись. «Чему дивиться? – сказала им актриса. – Он чудовище, изверг; он не хотел подарить мне новой кареты для Булонского гулянья. Я должна была предпочесть ему старого маркиза, который заложил все бриллианты жены своей, чтобы купить мне самую дорогую карету в Париже!»

Я прошел в монастырь Longchamp, видел гробницу Изабеллы, сестры Людовика Святого, и две остроумные надписи под монументом отца Фременя и брата Франциска Серафима. Первая:

Fremin, tu fais fremir le sort,
Et ton пош vit malgre la mort***.

Другая:

Qui la vie a vccu de Francois Serapliique,
80 ans sur terre, au Ciel vit l'angelique****.

---

* Ну, ну, друзья! Больше остроумия, больше остроумия! Прекрасно! Вот это настоящая парижская веселость! (фр.).

** Чтобы смешаться с народом (фр.).

*** Фремен! Ты заставил судьбу трепетать, и имя твое живет, хоть ты и умер (фр.).

**** Кто прожил на земле восемьдесят лет жизнью Франциска Серафического, тот на небесах живет как ангел (фр.).

* * *

Париж, мая... 1790

Нынешний день молодой скиф К* в Академии надписей и словесности имел счастье узнать Бартелеми-Платона.

Меня обещали с ним познакомить, но как скоро я увидел его, то, следуя первому движению, подошел и сказал ему: «Я русский; читал «Анахарсиса»; умею восхищаться творением великих, бессмертных талантов. Итак, хотя в нескладных словах, примите жертву моего глубокого почтения!» – Он встал с кресел, взял мою руку, ласковым взором предуведомил меня о своем благорасположении и наконец отвечал: «Я рад вашему знакомству; люблю север, и герой, мною избранный, вам не чужой». – «Мне хотелось бы иметь с ним какое-нибудь сходство. Я в Академии: Платон передо мною, но имя мое не так известно, как имя Анахарсиса»¹. – «Вы молоды, путешествуете и, конечно, для того, чтобы украсить ваш разум познаниями: довольно сходства!» – «Будет еще более, если вы позволите мне иногда видеть и слушать вас, с любопытным умом, с ревностным желанием образовать вкус свой наставлениями великого писателя. Я не поеду в Грецию: она в вашем кабинете». – «Жаль, что вы приехали к нам в такое время, когда Аполлона и муз наряжаем мы в национальный мундир! Однако ж дайте мне случай видеться с вами. Теперь вы услышите мое рассуждение о самаританских медалях и легендах; оно покажется вам скучно, *comme de raison**; извините: мои товарищи займут вас приятнейшим образом». – Между тем заседание академии открылось. Бартелеми сел на свое место; он старший в академии, *le Doyen*. В собрании было около тридцати человек да столько же зрителей – не более. В самом

* Как и следовало ожидать (*фр.*).

деле, диссертация аббата Бартелеми, в которой дело шло о медалях Ионафановых, Антигоновых, Симеоновых, не могла занимать меня; зато, мало слушая, я много смотрел на Бартелеми. Совершенный Вольтер, как его изображают на портретах! Высокий, худой, с пронзительным *взором*, с тонкою афинскою усмешкою. Ему гораздо более семидесяти лет, но голос его приятен, стан прям, все движения скоры и живы. Следственно, от ученых трудов люди не стареются. Не сидячая, но бурная жизнь страстей пестрит морщинами лицо наше. Бартелеми чувствовал в жизни только одну страсть: любовь к славе, и силою философии своей умерял ее. Подобно бессмертному Монтескье, он был еще *влюблен в дружбу*, имел счастье доказать великодушную свою привязанность к изгнанному министру Шуазелю и делил с ним скуку уединения. Ему и супруге его, под именем Арсама и Федимы, приписал он «Анахарсиса» так мило и трогательно, говоря: «Сколько раз имя ваше готово было из глубины моего сердца излиться на бумагу! Сколь лучезарно сияло оно предо мною, когда мне надлежало описывать какое-нибудь великое свойство души, благоденствия, признательность! Вы имеете право на сию книгу; я сочинял ее в тех местах, которые всего более украшались вами, и хотя кончил оную далеко от Персии, но в глазах ваших, ибо воспоминание минут, с вами проведенных, никогда не может загладиться. Оно составит счастье остальных дней моих, а по смерти желаю единственно того, чтобы на гробе моем глубоко вырезали слова: «Он заслужил благосклонность Арсама и Федимы!»

Тут же узнал я Левека, автора «Российской истории», которая хотя имеет много недостатков, однако ж лучше всех других. Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Роберт-

сон, Гиббон – вот образцы! Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна; не думаю: нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев. Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набеги половцев не очень любопытны, – соглашаюсь, но зачем наполнять ими целые томы? Что неважно, то сократить, как сделал Юм в «Английской истории», но все черты, которые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий: Владимир – свой Людовик XI: Царь Иоанн – свой Кромвель: Годунов – и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества; его-то надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микельанджело. – Левек как писатель – не без дарования, не без достоинств; соображает довольно хорошо, рассказывает довольно складно, судит довольно справедливо, но кисть его слаба, краски не живы; слог правильный, логический, но не быстрый. К тому же Россия не мать ему; не наша кровь течет в его жилах: может ли он говорить о русских с таким чувством, как русский? Всего же более не люблю его за то, что он унижает Петра Великого (если посредственный французский писатель может унижить нашего славного монарха), говоря: **«On lui a peutetre refuse avec raison le titre (Thomme de Cenie) puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les aut res peuples»***.

---

* То есть: «Его, может быть, по справедливости не хотят назвать великим умом, ибо он, желая образовать народ свой, только что подражал другим народам».

Я слышал такое мнение даже от русских и никогда не мог слышать без досады. Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли б было русским не строить кораблей, не образовать регулярного войска, не заводить академий, фабрик, для того что все это не русскими выдуманно? Какой народ не перенимал у другого? И не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*? «Однако ж, – говорят, – на что подражать рабски? на что перенимать вещи, совсем ненужные?» – «Какие же? Речь идет, думаю, о платье и бороде. Петр Великий одел нас по-немецки для того, что так удобнее; обрил нам бороды для того, что так и покойнее и приятнее. Длинное платье неловко, мешает ходить...» – «Но в нем теплее!...» – «У нас есть шубы...» – «Зачем же иметь два платья?...» – «Затем, что нет способа быть в одном на улице, где двадцать градусов мороза, и в комнате, где двадцать градусов тепла. Борода же принадлежит к состоянию дикого человека; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрывает от холоду только малую часть лица: сколько же неудобности летом, в сильный жар! Сколько неудобности и зимою носить на лице иней, снег и сосульки! Не лучше ли иметь муфту, которая греет не одну бороду, но все лицо? Избирать во всем лучшее – есть действие ума просвещенного, а Петр Великий хотел просветить ум во всех отношениях. Монарх объявит войну нашим старинным обыкновениям, во-первых, для того, что они были грубы, недостойны своего века; во-вторых, и для того, что они препятствовали введению других, еще важнейших и полезнейших ипостранных новостей. Надлежало, так сказать, свернуть голову закоренелому русскому упрямству, чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы

Петр родился государем какого-нибудь острова, удаленного от всякого сообщения с другими государствами, то он в природном великом уме своем нашел бы источник полезных изобретений и новостей для блага подданных, но рожденный в Европе, где цвели уже искусства и науки во всех землях, кроме русской, он должен был только разорвать завесу, которая скрывала от нас успехи разума человеческого, и сказать нам: «Смотрите; сравняйтесь с ними и потом, если можете, превзойдите их!» Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мере шестью веками; Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие *иеремиады* об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии, — для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек! Еще другое странное мнение. «Il est probable, — говорит Левек, — que si Pierre n'avoit pas regne, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont»*, то есть: «Хотя бы Петр Великий и не учил нас, мы бы выучились». Каким же образом? Сами собою? Но сколько трудов стоило монарху победить наше упорство в невежестве! Следственно, русские не расположены, не готовы были просвещаться. При царе Алексее Михайловиче жили многие иностранцы

---

* Несомненно, русские стали бы такими, какими мы видим их сейчас, даже если бы Петр не царствовал (*фр.*).

в Москве, но не имели никакого влияния на русских, не имел с ними почти никакого обхождения. Молодые люди, тогдашние франты, катались иногда в санях по Немецкой слободе и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, деятельная воля и беспредельная власть царя русского могла произвести такую внезапную, быструю перемену. Сообщение наше с другими европейскими землями было очень несвободно и затруднительно; их просвещение могло действовать на Россию только слабо, и в два века по естественному, непринужденному ходу вещей едва ли сделалось бы то, что государь наш сделал в двадцать лет. Как Спарта без Ликурга, так Россия без Петра не могла бы прославиться.

Между тем, друзья мои, вы все еще сидите со мною в Академии надписей. Читали рассуждение о греческой живописи, похвальное слово одному из умерших членов, и я заметил то же, что несколько раз замечал в спектаклях: ни одна хорошая мысль, ни одно счастливое выражение не укрывается от тонкого вкуса здешней публики – «браво!» и рукоплескание. Всего более нравятся здесь нравственные мысли, или сентенции иногда самые обыкновенные. Например, в похвальном слове умершему автор сказал: «Вот доказательство, что нежные души предпочитают тихое удовольствие совести шумным успехам честолюбия!» – и все слушатели захопали. Заседание кончилось предложением задач для антиквариев. Надобно было познакомиться с г. Левеком и сказать ему комплимент на счет его доброго мнения о русских, у которых он, по своей благосклонности, не отнимает природного ума, ни способности к наукам. Бартеlemi подарил меня еще двумя учтивыми фразами, и мы расстались как знакомые.

Я видел автора прекрасных сказок, который в самом, кажется, легком, в самом обыкновенном роде сочинений

умеет быть единственным, неподражаемым, – Мармонтеля. Не довольно видеть, надобно его узнать короче; надобно поговорить с ним о счастливых временах французской литературы, которые прошли и не возвратятся! Век Вольтеров, Жан-Жаков, Энциклопедии, «Духа законов» не уступает веку Расина, Буало, Лафонтена; и в доме г-жи Неккер, барона Ольбаха шутили столь же остроумно, как в доме Ниноны Ланкло. Физиогномия Мармонтелева очень привлекательна; тон его доказывает, что он жил в лучшем парижском обществе. Вообразите же, что один немецкий романист, которого имени не помню, в журнале своего путешествия описывает его почти мужиком, то есть самым грубым человеком! Как врали могут быть нахальны! – Мармонтелю более шестидесяти лет; он женился на молодой красавице и живет с нею счастливо в сельском уединении, изредка заглядывая в Париж. – Лагарп в улице Генего мой сосед. Талант, слог, вкус и критика его давно награждены всеобщим уважением. Он лучший трагик после Вольтера. В творениях его мало огня, чувствительности, воображения, но стихи все хороши, и много сильных. Теперь занимается он литературною частью «Французского Меркурия», вместе с Шанфором, также членом академии. – Мерсье и Флориан в Париже, но мне по сие время не удалось их видеть.

* * *

Лондон, августа... 1790

...И сколько сокровищ в живописи, в антиках рассеяно по сельским домам! Давно уже англичане имеют страсть ездить в Италию и скупать все превосходное, чем славится там древнее и новое искусство; внук умножает собрание деда, и картина, статуя, которою любовались художники в Италии, навеки погребается в его деревен-

ском замке, где он бережет ее, как *золотое руно* свое, почему, теряясь в лабиринте сельских парков, любопытный художник может воображать себя Язоном.

Я наизусть вам только самые лучшие из виденных мною домов вокруг Лондона:

Так называемый *Бельведер* лорда Турлова, откуда прекрасный вид на окрестные поля и Темзу, покрытую кораблями, – замок графа Минсфильда, где есть великолепная зала, которую считают лучшим произведением здешней архитектуры, – герцога Девонширского, может быть, самый огромный в Англии, построенный среди темных кедровых аллей, – графа Дорсета, окруженный самым диким парком, где множество зверей, птиц и где есть прекрасный готический эрмитаж с искусственными развалинами, – графа Букингамшира с милыми каштановыми лесочками, прекрасным гротом, обсаженным благоуханными кустами, – *Sion-House* герцога Нортумберлендского с большими садами, всего более украшенными текущею в них Темзою, – Вальполя в готическом вкусе, – графа Тильнея, откуда с террасы видна река, каналы, бесчисленные аллеи, пустыни, лесочки, которые составляют необозримый амфитеатр, – алдермана Томаса, называемый *Naked beauty**, – господина Бинга и Карю (*Carew*), где обширные сады, а в садах – столетние померанцевые деревья (что беспримerno в Англии). – В каждом из сих домов богатая картинная галерея со множеством других произведений искусства; при каждом большие оранжереи, где собраны плоды и растения всех частей мира; при каждом огромные конюшни, где лошади живут лучше многих людей на свете. Вы читали забавное «Гулливерово путешествие»; помните, что он заехал в царство лошадей, у которых люди были в рабстве и которые, разговаривая по-своему с нашим путешественни-

---

* Чистая красота (*англ.*).

ком, никак не хотели верить, чтобы где-нибудь подобные им благородные твари могли служить слабодушному человеку. Эта выдумка Свифтова казалась мне странною, но, приехав в Англию, я понял сатирика: он шутил над своими земляками, которые, по страсти к лошадям, ходят за ними по крайней мере как за нежными друзьями своими. Резвые скакуны здесь только что не члены парламента и без всякого излишнего самолюбия могут вообразить себя господами людей. – Вообще архитектура сельских замков и домов очень хороша. Вкус, выгнанный из Лондона, живет и царствует в английских деревнях.

Во все стороны лондонские окрестности приятны, но смотреть на них хорошо только с какого-нибудь возвышения. Здесь все обгорожено: поля, луга, и куда ни взглянешь, везде забор – это неприятно.

Самые лучшие места – по реке Темзе, самые лучшие виды – вокруг Виндзора и Ричмонда, который в древние времена был столицею британских королей и назывался *Шен*, что на старинном саксонском языке значило *блестящий*. Теперь Ричмонд есть самая прекраснейшая деревня в свете и называется *английским Фраскати*. Тамошний дворец недостоин большого внимания; сад также, – но вид с горы, на которой Ричмонд возвышается амфитеатром, удивительно прелестен. Вы следуете глазами за Темзою верст 30 в ее блистательном течении сквозь богатые долины, луга, рощи, сады, которые все вместе кажутся одним садом. Тут прекрасно видеть восхождение солнца, когда оно, как будто бы снимая туманный покров с равнин, открывает необозримую сцену деятельности в физическом и нравственном мире. Я несколько раз ночевал в Ричмонде, но только однажды видел восходящее солнце. Между Ричмонда и Кингстона есть большой парк, называемый *New-Park**, которого хотя и

---

* Новый парк (англ.).

нельзя сравнять с Виндзорским, но который, однако ж, считается одним из лучших в Англии. Величественные деревья, прекрасная зелень, а всего лучше вид с тамошнего холма: шесть провинций представляются глазам вашим – Лондон – Виндзор...

Я один раз был в славном Кьюском саду, *Kew-Garden*, месте, которое нынешний король старался украсить по всей возможности, но которое само по себе не стоит того, хотя в описаниях и называют его Эдемом: мало, низко, без видов. Там китайское, арабское, турецкое перемешано с греческим и римским. Храм Беллоны и китайский павильон; храм Эола и дом Конфуциев; арабская *Алгамра и пагода!*

Из Ричмонда ходил я в Твитнам (*Twickenham*), миловидную деревеньку, где жил и умер философ и стихотворец Поп. Там множество прекрасных сельских домиков, но мне надобен был дом поэта (принадлежащий теперь лорду Станопу). Я видел его кабинет, его кресла – место, обсаженное деревьями, где он в летние дни переводил Гомера, – грот, где стоит мраморный бюст его и откуда видна Темза, – наконец, столетнюю иву, которая чудным образом раздвоилась и под которою любил думать философ и мечтать стихотворец; я сорвал с нее веточку на память.

В церкви сделан поэту мраморный монумент другом его, доктором Варбуртоном. Наверху бюст, а внизу надпись, самим Попом сочиненная:

Heroes and Kings! your distance
keep.
In peace let one poor Poet sleep.
Who never flattered folks like you.
Let Horace blush, and Virgile too*.

---

* Прочь, цари и герои! Дайте покойно спать бедному поэту, который вас никогда не ласкал, к стыду Горация и Вергилия! (*англ.*).

Правда ли? – В этой же церкви погребен бессмертный Томсон, без монумента, без надписи.

Я любопытствовал видеть, близ городка Барнета, то место, где в 1471 году, в светлое воскресенье, кровопролитное сражение решило судьбы фамилии Йоркской и Ланкастерской. Сия война составляет ужаснейшую эпоху в английской истории; славная Magna Charta*, права, законы – все было под спудом. Народ не знал, к кому обратиться, и в мертвой бесчувственности служил орудием беспрестанных злодеяний. – На сем месте сооружен каменный столп.

В деревне Бромтопе показывали мне развалины Кромвелева дома.

Местечко Чарлтон достойно примечания по красивому своему положению, а еще более по *роговой ярманке*, Horn-fair, которая ежегодно там бывает и на которой все жители украшают свой лоб рогами! Рассказывают, что король Иоанн, будучи на звериной ловле, утомился и заехал в Чарлтон отдохнуть; вошел в крестьянскую избу, полюбил хозяйку и начал ласкать ее так нежно, что хозяин рассердился, и так рассердился, что хотел убить его, но король объявил себя королем, обезоружил крестьянина и, желая наградить его за маленькую досаду, подарил ему местечко Чарлтон, с тем условием, чтобы он завел там ярманку, на которой бы все купцы и продавцы являлись с рогатыми лбами. – Оставляю вам сказать на этот случай множество острых слов.

Гамптон-Каурт, построенный кардиналом Вольсеем, верстах в 17 от Лондона, на берегу Темзы, удивлял некогда своим великолепием, так что Гроций назвал его в стихах своих *дворцом мира* и прибавил: «Везде властвуют боги, но жить им прилично только в Гамптон-Каурте!» – Пишут, что в нем сделано было 280 раззолоченных

---

* Великая хартия (*лат.*)

кроватей с шелковыми занавесами для гостей и что всякому гостю подавали есть на серебре, а пить в золоте. Английский Ришельё и Дюбуа – так можно назвать Вольсея – наконец сам испугался такой пышности, зная хищную зависть Генриха VIII, и решился подарить ему сей замок, в котором после жила умная и добродетельная королева Мария, дочь Иакова II. Архитектура дворца отчасти готическая, но величественна. Внутри множество картин, из которых лучшие Веронезова «Сусанна» и Бассанов «Потоп». Кабинет Марии украшен ее собственною работою. – Гамптонские сады напоминают старинный вкус.

В заключение скажу, что нигде, может быть, сельская природа так не украшена, как в Англии, нигде не радуются столько ясным летним днем, как на здешнем острове. Мрачный флегматический британец с жадностию глотает солнечные лучи, как лекарство от его болезни, *сплина*. Одним словом: дайте англичанам лангедокское небо – они будут здоровы, веселы, запоют и запляшут, как французы.

Еще прибавлю, что нигде нет такой удобности ездить за город, как здесь. Идете на почтовый двор, где стоит всегда множество карет; смотрите, на которой написано имя той деревни, в которую хотите ехать; садитесь, не говоря ни слова, и карета в положенный час скачет, хотя бы и никого, кроме вас, в ней не было; приехав на место, платите безделку и уверены, что для возвращения найдете также карету. Вот действие многолюдства и всеобщего избытка!

МЕЛОДОР К ФИЛАЛЕТУ

Где ты, любезный Филалет? В каком уединении скрываешься? Какие предметы занимают душу твою?

Чем питается твое сердце? Что делает тебе жизнь приятною? – И думаешь ли ныне о своем Мелодоре?

Ах! Где ты? Сердце мое тебя просит, требует. Оно помнит любезные твои взоры, сладкий голос и нежные, чувством согреваемые объятия, в которых жизнь бывала ему вдвое милее, – помнит и велит глазам моим искать тебя – велит рукам моим к тебе простираться!

Океан шумел между нами; теперь мы в одной земле – и не вместе! – Скажи слово, и Мелодор летит к тебе! – В ожидании сей минуты буду хотя писать к любезнейшему из друзей моих.

Пять лет мы не видались; сколько времени? Сколько перемен в свете – и в сердцах наших?.. Тысячи мыслей волнуются в душе моей. Я хотел бы вдруг перелить их в твою душу, без помощи слов, которых искать надобно; хотел бы открыть тебе грудь мою, чтобы ты собственными глазами мог читать в ней сокровенную историю друга твоего и видеть – прости мне смелое выражение – видеть все развалины надежд и замыслов, над которыми в тихие часы ночи сетует ныне дух мой, подобно страннику, воздыхающему на развалинах Илиона, стовратных Фив или великолепного греческого храма, когда бледный свет луны освещает их!

Помнишь, друг мой, как мы некогда рассуждали о нравственном мире, ловили в истории все благородные черты души человеческой, питали в груди своей эфирное пламя любви, которого веяние возносило нас к небесам, и, проливая сладкие слезы, восклицали: «Человек велик духом своим! Божество обитает в его сердце!» Помнишь, как мы, сличая разные времена, древние с новыми, искали и находили доказательство любезной нам мысли, что род человеческий возвышается и, хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству. Ах! С какую нежностью обнимали мы в

душе своей всех земнородных, как милых детей небесного Отца! – Радость сияла на лицах наших – и светлый ручеек, и зеленая травка, и алый цветочек, и поющая птичка – все, все нас веселило! Природа казалась нам обширным садом, в котором зреет божественность человечества.

Кто более нашего славил преимущества осьмогонадесять века: свет философии, смягчение нравов, тонкость разума и чувства, размножение жизненных удовольствий, всеместное распространение духа общечеловечности, теснейшую и дружелюбнейшую связь народов, кротость правлений, и проч. и проч.? Хотя и являлись еще некоторые черные облака на горизонте человечества, но светлый луч надежды златил уже края оных пред нашим взором – надежды: «Все исчезнет, и царство общей мудрости настанет, рано или поздно настанет, – и блажен тот из смертных, кто в краткое время жизни своей успел рассеять хотя одно мрачное заблуждение ума человеческого, успел хотя одним шагом приблизить людей к источнику всех истин, успел хотя единое плодоносное зерно добродетели вложить рукою любви в сердце чувствительных и таким образом ускорил ход всемирного совершения!».

Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикою, умознания с деятельностью, что люди, уверясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности и под сению мира, в крове тишины и спокойствия, наслаждаться истинными благами жизни.

О Филалет! Где теперь сия утешительная система?.. Она разрушилась в своем основании!

Осьмойнадесять век кончается; что же видишь ты на сцене мира? – Осьмойнадесять век кончается, и несчастный филантроп* меряет двумя шагами могилу свою, что-

---

* То есть друг людей.

бы лечь в нее с обманутым, растерзанным сердцем своим и закрыть глаза навеки!

Кто мог думать, ожидать, предчувствовать?.. Мы надеялись скоро видеть человечество на горней степени величия, в венце славы, в лучезарном сиянии, подобно Ангелу Божию, когда он, по священным сказаниям, является очам добрых, – с небесною улыбкою, с мирным благовестием! – Но вместо сего восхитительного явления видим... фурий с грозными пламенниками!

Где люди, которых мы любили? Где плод наук и мудрости? Где возвышение кротких, нравственных существ, сотворенных для счастья? – Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!.. Небесная красота прельщала взор мой, воспаляла мое сердце нежнейшею любовию, в сладком упоении стремился к ней дух мой, но – небесная красота исчезла – змеи шипят на ее месте! – Какое превращение!

Свирепая война опустошает Европу, столицу искусств и наук, хранилище всех драгоценностей ума человеческого, драгоценностей, собранных веками, драгоценностей, на которых основывались все планы мудрых и добрых! – И не только миллионы погибают; не только города и села исчезают в пламени; не только благословенные цветущие страны (где щедрая Натура от начала мира изливала из полной чаши лучшие дары свои) в горестные пустыни превращаются – сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснейшее зло для бедного человечества.

Мизософы* торжествуют. «Вот плоды вашего просвещения! – говорят они. – Вот плоды ваших наук, вашей мудрости! Где воспылал огонь раздора, мятежа и злобы? Где первая кровь обагрила землю? И за что?.. И откуда взялись сии пагубные идеи?.. Да погибнет же

---

* Ненавистники наук.

ваша философия!» – И бедный, лишенный отечества, и бедный, лишенный кровати бедный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяет: «Да погибнет!» И доброе сердце, раздираемое зрелищем лютых бедствий, в горести своей повторяет: «Да погибнет!» – А сии восклицания могут составить наконец *общее мнение* – вообрази же следствия!

Кровопролитие не может быть вечно: я уверен. Рука, секущая мечом, утомится, сера и селитра истощатся в недрах земли, и громы умолкнут, тишина рано или поздно настанет, – но какова будет тишина сия? Если мертвая, хладная, мрачная?

Так, мой друг, падение наук кажется мне не только возможным, но и вероятным, не только вероятным, но даже неминуемым, даже близким. Когда же падут они... когда их великолепное здание разрушится, благодетельные лампы угаснут – что будет? Я ужасаюсь и чувствую трепет в сердце! – Положим, что некоторые искры и спасутся под пеплом, положим, что некоторые люди и найдут их и осветят ими тихие, уединенные свои хижины, но что же будет с миром, с целым человеческим родом? Ах, мой друг! Для добрых сердец нет счастья, когда они не могут делить его с другими. Истинный мудрец благословляет мудрость свою для того, что может сообщать оную ближним; иначе – смею сказать – будет оно бременем для его человеколюбивой души. Александр не принял сосуда с водою и не хотел утолять жажды своей тогда, когда все воинство его томилось; в свою минуту был он подлинно Великим Александром! Такие движения неизвестны эгоистам; зато первый враг истинной философии есть эгоизм.

Сверх того, внимательный наблюдатель видит теперь повсюду отверстые гробы для нежной нравственности. Сердца ожесточаются ужасными происшествиями

и, привыкая к феноменам злодеяний, теряют чувствительность. Я закрываю лицо свое!

Ах, друг мой! Ужели род человеческий доходил в наше время до крайней степени возможного просвещения и должен, действием какого-нибудь чудного и тайного закона, ниспадать с сей высоты, чтобы снова погрузиться в варварство и снова мало-помалу выходить из оногo, подобно Сизифову камню, который, будучи взнесен на верх горы, собственно своею тяжестью скатывается вниз и опять рукою вечного труженика на гору возносится? – Горестная мысль! Печальный образ!

Теперь мне кажется, будто самые летописи доказывают вероятность сего мнения. Нам едва известны имена древних азиатских народов и царств, но по некоторым историческим отрывкам, до нас дошедшим, можно думать, что сии народы были не варвары, что они имели свои искусства, свои науки; кто знает тогдашние успехи разума человеческого? Царства разрушались, народы исчезали, из праха их, подобно как из праха фениксова, рождались новые племена, рождались в сумраке, в мерцании, младенчествовали, учились и – славились. Может быть, эоны погрузились в вечность, и несколько раз сиял день в умах людей, и несколько раз ночь темнила души, прежде нежели воссиял Египет, с которого начинается полная история. Библиотека Озимандиасова была, конечно, не первая в мире, была, верно, не что иное, как спасенный остаток древнейших библиотек.

Египетское просвещение соединяется с греческим: первое оставило нам одни развалины, но великолепные, красноречивые развалины; картина Греции жива перед нами. Там все прельщает зрение, душу, сердце, там красуются Ликурги и Солоны, Кодры и Леониды, Сократы и Платоны, Гомеры и Софоклы, Фидии и Зевксисы – одним словом, там должно дивиться утонченным действи-

ям разума и нравственности. Римляне учились в сей великой школе и были достойны своих учителей.

Что ж последовало за сею блестящею эпохою человечества? Варварство многих веков, варварство ума и нравов – эпоха мрачная – сцена, покрытая черным флером для глаз чувствительного философа!

Медленно редела, медленно прояснялась сия густая тьма. Наконец солнце наук воссияло, и философия изумила нас быстрыми своими успехами. Добрые, легковерные человеколюбцы заключали от успехов к успехам, исчисляли, измеряли путь ума, напрягали взор свой – видели близкую цель совершенства и в радостном упоении восклицали: «Берег!..» Но вдруг небо дымится, и судьба человечества скрывается в грозных туманах! – О потомство! Какая участь ожидает тебя?

Если опять возвратится на землю третий и четвертыйнадесять век?.. Мы, конечно, не доживем до сего, но можем ли умирать покойно? И что надпишем над гробами своими? Разве скажем с Сарданапалом: *«Прохожий! Услаждай свои чувства; все прочее ничто!»** – О, мой друг!

Печальные сомнения волнуют мою душу, и шумный город, в котором живу, кажется мне пустынею. Вижу людей, но взор мой не находит сердца в их взорах. Слышу рассуждения и опускаю глаза в землю. Говорю, но ветер разносит слова мои... Мертвое эхо повторяет их!

Иногда несносная грусть теснит мое сердце, иногда упадаю на колени и простираю руки свои – к Невидимому... Нет ответа! – Голова моя клонится к сердцу.

Самая Природа не веселит меня. Она лишилась венца своего в глазах моих с того времени, как не могу уже в ее объятиях мечтать о близком счастье людей, с того

---

* Квинт Курций пишет, что Александр Великий нашел гроб Сарданапалов с сею надписью.

времени, как удалилась от меня радостная мысль о их совершенстве, о царстве истины и добродетели, с того времени, как я не знаю, что мне думать о феноменах нравственного мира, чего ожидать и надеяться!

Вечное движение в одном кругу, вечное повторение, вечная смена дня с ночью и ночи со днем, вечное смешение истин с заблуждениями и добродетелей с пороками, капля радостных и море горестных слез... Мой друг! Начто жить мне, тебе и всем? Начто жили предки наши? Начто будет жить потомство?

Суди о хаосе души моей, который представляет мне все творение в беспорядке! Смотрю на восходящее солнце и спрашиваю: почто восходишь? Стою под сению шумящего дуба и спрашиваю: почто шумишь? – Теперь все существует для меня без цели.

Вообрази себе человека, заснувшего сладким сном в тихом своем кабинете, подле нежной супруги, среди милых детей и вдруг, очарованием каких-нибудь злых волшебников, пренесенного на степь Африканскую, – удары грома пробуждают его – несчастный открывает глаза, видит ночь и пустыню вокруг себя – изумляется – думает и не понимает, где он и что с ним случилось – слышит везде рев зверей и не знает, куда идти... Где мирное жилище его? Где нежная супруга? Где милые дети?... Нет пути! Нет спасения!.. Он терзается, проливает слезы и устремляет взор на небо, но небо покрыто тьмою, небо грозно! – Состояние сего человека некоторым образом подобно моему.

Дружба, священная, любезная дружба! В твои объятия изливает сердце мое сердце, жестоко уязвленное, – горестные свои чувства. Оживи его благотворным своим бальзамом, услади нежным состраданием!

Филалет! Ты вместе со мною веселился некогда жизнию, природою, человечеством; теперь скорби со мною или утешь меня!

Дух мой уныл, слаб и печален, но я достоин еще дружбы твоей, ибо я люблю еще добродетель! – Вот черта, по которой ты всегда узнаешь Мелодора, узнаешь и в бурю, и в грозу, и на краю могилы!

ФИЛАЛЕТ К МЕЛОДОРУ

Мелодор! Слезы катились из глаз моих, когда я читал любезное письмо твое. Давно уже такие сладкие чувства не посещали моего сердца. Благодарю тебя! Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается в юности, – неразрывная и приятнейшая. Она сливается в чувствительной системе нашей со всеми пленительными воспоминаниями весенних лет, сего красного утра жизни, лучшей эпохи нравственного бытия. Два добрых сердца, привыкшие любить друг друга, находят в сей любви источник нежнейших удовольствий и добродетельнейших радостей. Ах, мой друг! Можешь ли сомневаться в постоянстве своего Филалета? Везде, где ни был я, – и в жарких и в холодных зонах, – везде образ твой путешествовал со мною, освежал томного странника под огненным небом линии и согревал его в пределах льдистого полюса. Наконец я в отечестве, и не с тобою? Но мне сказали, что ты уехал в чужие земли. К счастью, сие известие, огорчившее меня, было несправедливо. Мелодор в одной стране с Филалетом!.. Спешу, спешу к своему другу! В сельских куцах ожидаю тебя – там, где некогда с улыбкою встречали мы весну, с грустию провожали лето, где заключился навеки союз душ наших.

Мой друг! Письмо твое озаменовано печатью меланхолии. Ты беспокоен, ты печален, сердце твое страдает, милые надежды твои исчезли, ты ищешь на театре

мира – и не находишь тех благородных существ, тех людей, которых некогда любили мы с таким жаром. Одним словом, новые ужасные происшествия Европы разрушили всю прежнюю утешительную систему твою, разрушили и повергнули тебя в море неизвестности и недоумений: мучительное состояние для умов деятельных!

Мелодор! Я не надеюсь утешить тебя совершенно, не надеюсь сказать тебе ничего нового, но любовь имеет особливую силу, и всякий дар любви и всякое слово любви производит благое действие. Часто самая простая мысль, согретая огнем дружбы, бывает ярким лучом света, рассеивающим густую хладную тьму сердца нашего.

Подобно тебе, смотрю я внимательным оком на все явления в мире, вздыхаю, подобно тебе, о бедствиях человечества и признаюсь искренно, что грозные бури наших времен могут поколебать систему всякого добродушного философа.

Но неужели, друг мой, не найдем мы никакого успокоения во глубине сердец наших? Ужели, в отчаянии горести, будем проклинать мир, Природу и человечество? Ужели откажемся навеки от своего разума и погрузимся во тьму уныния и душевного бездействия? – Нет, нет! Сии мысли ужасны. Сердце мое отвергает их и сквозь густоту ночи, стремится к благотворному свету, подобно мореплавателю, который в гибельный час кораблекрушения, – в час, когда все стихии угрожают ему смертию, уходит – не теряет надежды, сражается с волнами и хватается рукою за плывущую доску.

Так, Мелодор! Я хочу спастись от кораблекрушения с моим добрым мнением о Провидении и человечестве, мнением, которое составляет драгоценность души моей. Пусть мир разрушится на своем основании: я с улыбкою паду под смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщих ужасов, скажет Небу: *«Ты благо и премудро,*

благо творение руки Твоей, благо сердце человеческое, изящнейшее произведение любви Божественной!»

Уничтожься навеки, мысленная и чувствительная сила моя, прежде нежели поверю, что сей мир есть пещера разбойников и злодеев, добродетель – чуждое растение на земном шаре, просвещение – острый кинжал в руках убийцы! Нет, мой друг! Пусть докажут мне наперед, что Бог не существует, что Провидение есть одно слово без значения, что мы дети случая, слепление атомов и более ничего! Но где же тот безумный изверг, который захотел бы уверить меня в сих страшных нелепостях? Я взгляну на сапфирное небо, взгляну на цветущую землю, положу руку на сердце и скажу атеисту: «Ты – безумец!»

Неужели, видя Бога в естественном мире, видя руку Его в течении планет, в порядках солнечных, в переменных годовых времен и во всех физических явлениях нашей земной обители, будем мы отрицать Его действие в одном нравственном мире, который по существу своему должен быть, если смею сказать, ближе первого к сердцу великого Божества? Соглашаюсь, что порядок нравственный не столь ясен для нас, как порядок физический, но сие затруднение не происходит ли от слабости нашего разума? Может быть, единственно оттого мы и не постигаем нравственной гармонии, что она есть высочайшая, совершеннейшая. Дай несведущему творения Локковы: что он скажет об них? Дай ему сказку Кребилльонову: он восхитится ею. Последняя хороша в своем роде, но в ней ли наиболее удивляет нас ум человеческий? – Может быть, то, что кажется смертному великим неустройством, есть чудесное согласие для Ангелов; может быть, то, что кажется нам разрушением, есть для их небесных очей новое, совершеннейшее бытие. Сии мысли ведут меня ко святилищу Божественной премудрости, густым мраком окруженному; дух мой, брэнною плотию одетый, не

может проникнуть в оное; упадаю во прах своего ничтожества и в младенческом сердце обожаю Всетворящего.

Скажи, мой друг, скажи, чего бы нельзя было ожидать от Всевышнего и тогда, когда б рука Его возжгла только единое солнце на голубом небесном своде? Но там горят их биллионы. Тот, кто великолепно прославил Себя в Натуре, великолепно прославит Себя и в человечестве. – Не будем требовать от вечной Премудрости отчета в темных путях ее, не будем требовать того для собственного нашего спокойствия! – Знаешь ли, что всего более пленяет меня в дружбе? Доверенность, которую два сердца имеют одно к другому. Пусть гнусное злословие всеми стрелами своими язвит отдаленного Питиаса: Дамон внимает клевете и с презрением отвергает ее. «Нет! я знаю моего друга; где бы он ни был, добродетель везде с ним; что бы он ни сделал, дело его – не преступление». Мелодор! Для чего к Провидению не иметь нам той доверенности, которую два человека могут иметь один к другому? Бог вложил чувство в наше сердце, Бог вселил в мою и в твою душу ненависть ко злобе, любовь к добродетели: сей Бог, конечно, обратит все к цели общего блага.

Сия драгоценная вера может чудесным образом успокоить доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театре мира.

Вкуси сладость ее, мой любезный друг, и луч утешения кротко озарит мрак души твоей! – Горе той философии, которая все решить хочет! Теряясь в лабиринте неизъяснимых затруднений, она может довести нас до отчаяния, и тем скорее, чем естественно добрее сердце наше. Иногда, признаюсь тебе, я сам бываю слаб и печален; отворачиваюсь от света, от людей и говорю с Грессетом:

Je suis mal où je suis, et je veux être bien*;

---

* Мне плохо там, где я нахожусь, а я хочу, чтобы мне было хорошо (фр.).

душа моя стремится во мрак каких-нибудь неизвестных лесов, во мрак – самого ничтожества, но я стараюсь уменьшать число таких минут в жизни моей, оживляя в душе мысль о всетворящем Божестве, которое не есть божество Лукрециево, но есть божество Эпикурово. «Разве Оно не любит человека! – думаю сам в себе. – Разве Оно не печется о судьбе людей? Разве мир наш не в Его руке вместе с миллионами других миров?» Думаю, взираю на свод лазоревый, возношусь духом выше, выше – и взор мой проясняется, отираю слезы – и мирюсь с судьбою, мирюсь с человеческим родом. Иду в тихий кабинет свой, читаю добрых философов, утешителей, размышляю – и сравниваю жестокие потрясения в нравственном мире с лиссабонским или мессинским землетрясением, которое свирепствовало, разрушало и наконец утихло; на берегах Тага снова возвышается великолепный город – и обитатели Мессины снова наслаждаются мирною жизнью.

Будем, мой друг, будем и ныне утешаться мыслию, что жребий рода человеческого не есть вечное заблуждение и что люди когда-нибудь перестанут мучить самих себя и друг друга. Семя добра есть в человеческом сердце и не исчезнет вовеки, рука Провидения хранит его от хлада и бурь. Теперь свирепствуют аквилоны, но рано или поздно настанет благодетельная весна, и семя распустится от животворного дыхания зефиров.

Верю и всегда буду верить, что добродетель свойственна человеку и что он сотворен для добродетели. Кто не пленяется описанием златого века, века невинности? Кто не проливает слез умиления, внимая повествованию о делах великодушия и геройства? Кто не любит воображать себя добрым, благодетельным существом? Мой друг! Я был среди так называемых просвещенных народов, был среди народов диких и видел, что везде, во всех странах человек делает зло с пасмурным лицом,

а добро – с приятною улыбкою!.. Сия черта нравственности любезна философу.

Соглашаюсь с тобою, что мы некогда излишне величали осьмойнадесятый век и слишком много ожидали от него. Происшествия доказали, каким ужасным заблуждением подвержен еще разум наших современников! Но я надеюсь, что впереди ожидают нас лучшие времена, что природа человеческая более усвершенствуется, – например, в девятнадцатом веке – нравственность более исправится – разум, оставив все химерические предприятія, обратится на устройство мирного блага жизни, и зло настоящее послужит к добру будущему.

Что принадлежит до мизософов, мой друг, то они никогда, никогда торжествовать не будут. Знаю, что распространение некоторых ложных идей наделало много зла в наше время, но разве просвещение тому виною? Разве науки не служат, напротив того, средством к открытию истины и к рассеянию заблуждений, пагубных для нашего спокойствия? Разве не истина, разве ложь есть существо наук? – Разогнем книгу истории: за что не лилась кровь человеческая? Например, распри суеверия вооружали сына против отца, брата против брата; но какой безумец вздумает обвинять тем самым религию? Напротив того, не она ли обезоружила наконец сих фанатиков, озарив светом своим, светом любви и кротости, их пагубные заблуждения? Нет, мой друг, нет! Я имею доверенность к мудрости властителей и спокоен; имею доверенность ко благодати Всевышнего и спокоен. Нет! Светильник наук не угаснет на земном шаре. Ах! Разве не они служат нам отрадою в горестях? Разве не в их мирном святилище укрываемся от всех бурь житейских? Нет, Всемогущий не лишит нас сего драгоценного утешения добрых, чувствительных, печальных. Просвещение всегда благотворно; просвещение ведет к добродетели, дока-

зывая нам тесный союз частного блага с общим и открывая неиссякаемый источник блаженства в собственной груди нашей; просвещение есть лекарство для испорченного сердца и разума; одно просвещение живодетельною теплотою своею может иссушить сию тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвит все изыщное, все доброе в мире; в одном просвещении найдем мы спасительный антидот для всех бедствий человеческих! – Кто скажет мне: «Науки вредны, ибо осьмойнадесятый век, ими гордившийся, ознаменуется в Книге бытия кровию и слезами», тому скажу я: «Осьмойнадесятый век не мог именовать себя просвещенным, когда он в Книге бытия ознаменуется кровию и слезами».

Мысли твои о вечном возвышении и падении разума человеческого кажутся мне – извини искренность дружбы – воздушным замком: я не вижу их основания. Положим, что в древней Азии были многочисленные народы, но где же следы их просвещения? История застала людей во младенчестве, в начальной простоте, которая не совместна с великими успехами наук. Даже и в Египте видим мы только первые действия ума, первые магазины знаний, в которых истины были перемешаны с бесчисленными заблуждениями. Самые греки – я люблю их, мой друг, но они были не что иное, как – милые дети! Мы удивляемся их разуму, их чувству, их талантам, но так, как взрослый человек удивляется иногда разуму, чувству и талантам юного отрока. Читай вместе Платона и Боннета, Аристотеля и Локка – я не говорю о Канте – и потом скажи мне, что была греческая философия в сравнении с нашею?

Для чего и теперь не думать нам, что веки служат разуму лестницею, по которой возвышается он к своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мне на варварство средних веков, наступившее после греческого и римского просвещения;

но самое сие так называемое варварство (в котором, однако ж, от времени до времени сверкали блестящие, зрелые идеи ума) не послужило ли *в целом* к дальнейшему распространению света наук? Солнце, рассеяв облака, сияет тем лучезарнее и тем благотворнее действует на землю. Дикие народы севера, которые в грозном своем нашествии гасили, подобно шумному дыханию борея, светильники разума в Европе, наконец сами просветились, и новый фимиам воскурился музам на земном шаре.

Нет, нет! Сизиф с камнем не может быть образом человечества, которое беспрестанно идет своим путем и беспрестанно изменяется. Прохладим, успокоим наше воображение, и мы не найдем в истории никаких повторений. Всякий век имеет свой особый нравственный характер, – погружается в недра вечности и никогда уже не является на земле в другой раз.

Мой друг! Мы должны смотреть на мир как на великое позорище, где добро со злом, где истина с заблуждением ведет кровавую брань. Терпение и надежды! Все несправедливое, все ложное гибнет, рано или поздно гибнет; одна истина не страшится времени; одна истина пребывает вовеки!

Природа уже не веселит тебя?.. тебя, моего доброго, моего любезного Мелодора? Нет, пока чувствительное сердце бьется в груди твоей, люби Природу, утешайся ею, ищи радости в ее объятиях! Люди, по несчастному заблуждению, могут быть злы, Природа – никогда! Нет, Мелодор! Будем всегда нежными чадами нежной матери, будем наслаждаться ее благостию и бесчисленными красотою! Иногда жаркая слеза выкатится из глаз наших: кроткий зефир осушит ее.

В ответ на горестное заключение письма твоего скажу: «Если ужасное пробуждение описанного тобою несчастливца было не что иное, как новый сон, если он вторично откроет глаза, если все ужасы вокруг его ис-

чезнут, если Морфей унесет их с собою в царство ничтожества и теней?..»

Мелодор! Нам не век жить в сем мире. Ударит час, и все переменится! С сею любовью к добродетели, которая была, есть и будет вечным характером души твоей, падем в могилу и закроемся тихую землю!..

Там, там, за синим океаном,
Вдали, в мерцании багряном¹,

там венец бессмертия и радости ожидает земных тружеников!

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЕКАТЕРИНЕ II

Сограждане! дерзаю говорить о Екатерине – и величие предмета изумляет меня. Едва произнес ее имя, и мне кажется, что все бесчисленные народы царств российских готовы внимать словам моим: ибо все обожали Великую. И те, которые, скрываясь во мраке отдаления – под тению снежного Кавказа или за вечными льдами пустынной Сибири, – никогда не зрели образа бессмертной, и те чувствовали спасительное действие ее правления; и для тех была она божеством, невидимым, но благотворным. Где только сияло солнце в областях российских, везде сияла ее премудрость.

Счастливые ораторы, могущие украсить и возвеличить дела своих героев! или вы, которые даром красноречия воскрешаете темные подвиги древности! ваша доля завидна. Не скажут, что вы унизили предмет свой. Кому судить вас строго? Но мне должно изобразить монархиню, которая своим величием удивила вселенную; мне должно

славить первую героиню нашего времени, и в присутствии тех, для которых слава ее была счастьем. Она еще жива в их сердце; она еще и по смерти благодворит им! Черты мои должны казаться слабыми... Но горе тому, кто, представляя себе Екатерину, может думать о пользе своего ничтожного самолюбия! Благодарность, усердие есть моя слава. И я жил под ее скипетром! и я был счастлив ее правлением! и буду говорить о ней! Истина сильнее воображения; чувство разительнее красноречия – и ваше сердце, о россияне! возвысит действие моего слабого таланта.

Зерцало веков, история, представляет нам чудесную игру таинственного рока: зрелище многообразное, величественное! Какие удивительные перемены! Какие чрезвычайные происшествия! Но что более всего пленяет внимание мудрого зрителя? Явление великих душ, полубогов человечества, которых непостижимое Божество употребляет в орудие Своих важных действий. Сии любимцы Неба, рассеянные в пространствах времен, подобны солнцам, влекущим за собой планетные системы: они решают судьбу человечества, определяют путь его; неизъяснимую силою влекут миллионы людей к некоторой угодной Провидению цели; творят и разрушают царства; образуют эпохи, которых все другие бывают только следствием; они, так сказать, составляют цепь в необозримости веков, подают руку один другому, и жизнь их есть история народов.

Сограждане! не только в тени древних отдаленных времен, не только среди песчаных морей Африки, на полях Маратонских, под орлами державного Рима, видим таких избранных и великих смертных. О слава России! под небесами любезного отечества, на его троне, в его венце и порфире сияли Петр и Екатерина! Они были *наши* – и любовь Всевышнего запечатлела их Своею печатаю! *Они* друг другу, на величественном театре их действий, подают руку!.. Так, Екатерина яви-

лась на престоле оживить, возвеличить творение Петра; в ее руке снова расцвел иссохший жезл бессмертного, и священная тень его успокоилась в полях вечности: ибо без всякого суеверия можем думать, что великая душа и по разлуке с миром занимается судьбой дел своих. Екатерина Вторая в силе творческого духа и в деятельной мудрости правления была непосредственною преемницею Великого Петра; разделяющее их пространство исчезает в истории. И два ума, два характера, столь между собою различные, составляют в последствии своем удивительную гармонию для счастья народа российского! Чтобы *утвердить* славу мужественного, смелого, грозного Петра, должна через сорок лет после его царствовать Екатерина; чтобы *предуготовить* славу кроткой, человеколюбивой, просвещенной Екатерины, долженствовал царствовать Петр: так сильные порывы благодетельного ветра волнуют весеннюю атмосферу, чтобы рассеять хладные остатки зимних паров и приготовить Nature к теплomu веянию зефиров!

Чудесный Промысл Всевышнего, непостижимый для смертных! Кто бы вздумал искать при одном из скромных княжеских дворов Германии, в тихом семействе Ангальт-Цербстского дома – кто бы вздумал искать там причины нашего благоденствия и славы народа российского? Какой Улисс мог бы узнать эту новую Пирру¹ в ее первой, нежной юности? Какой мудрый астролог, видя утреннюю зарю сего величества, предсказал бы в Екатерине восход лучезарного светила для Северной Европы и Азии? Казалось, что судьба определила ей быть добродетельною супругою какого-нибудь счастливого немецкого князя. Нравственные скромные достоинства нежного пола были единственным предметом родителей при ее воспитании. Часто, среди славы ее царствования, в искренних излияниях дружества (которым толь-

ко великие монархи умеют на троне наслаждаться) она с ангельскою улыбкою говорила достойнейшим из своих подданных: «Меня воспитывали для семейственной жизни: Провидение открыло мне науку царствовать»... Провидение! так, конечно: непосредственные дары Его производят все чрезвычайное в мире. Первое воспитание определяет судьбу одних обыкновенных душ; великие, разрывая, так сказать, его узы, свободно предаются внутреннему стремлению, подобно Сократу, внимают тайному гению, ищут своего места на земном шаре и образуют себя для оногo. Одна искра, и животворный огонь Прометеев пылает; одна великая мысль, и великий ум, воскрыляясь, парит орлом под облаками!

Екатерина была известна в Германии своею красотою, разумом и скромною любезностию, когда Елисавета призвала ее украсить двор российский. Вы, которые имели счастье видеть тогдашнюю цветущую юность ее, вы донныне говорите с восторгом о первых живых чувствах удивления, возбужденных в сердце вашем ангельским видом ее, редким соединением божественных прелестей! Я зрел лучезарный запад сего светила, и глазам моим не представлялось ничего величественнее. Она рождена была для самодержавия. Кротость, приятность ума, врожденное искусство пленять душу людей единым словом, единым взором, произвели всеобщую к ней любовь двора. Он был училищем для Екатерины, которая имела выгоду примечать его волшебную игру, не будучи еще на троне. Тут ее пронизательный взор открыл слабые стороны человеческого сердца, опасности царей и хитрые способы, употребляемые лукавством для их оболыщения: открытие важное для науки царствовать! Тут прочитала Она в добрых сердцах все тайные желания истинных сынов отечества; тихий голос патриотов доходил до ее нежного слуха... Они с восторгом

говорили о Петре Великом и его великих намерениях. Екатерина хотела узнать сего полубога россиян, и все дела, все законы его, вместе с древнейшими летописями нашего государства, были предметом ее живейшего любопытства. Сего не довольно: славнейшие иностранные авторы и философы, подобно благодетельным гениям, ежедневно украшали разум ее новыми драгоценностями мыслей; в их творениях* искала она правил мудрой политики и часто, облокотясь священной рукою на бессмертные страницы *Духа законов*, раскрывала в уме своем идеи о народном счастье, предчувствуя, что она сама будет творцом одного для обширнейшей империи в свете!.. Воображая сию душевную деятельность, я вижу, кажется, пред собой юного Алькида, который, в тишине собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои, готовится предпринять геройские подвиги... Ах! подвиг мудрого царя есть самый труднейший в мире!

И Екатерина на троне!.. Уже на бессмертном мраморе истории изображен сей незабвенный день для России: удерживаю порыв моего сердца описать его величие... Красота в образе воинственной Паллады!.. вокруг блестящие ряды героев; пламя усердия в груди их!.. пред нею священный ужас и гений России!.. Опираясь на мужество, богиня шествует – и слава, гремя в облаках трубою, опускает на голову ее венки лавровый!..

С Екатериною воссели на престол кроткая мудрость, божественная любовь к славе (источник всех дел

---

* Родительница Екатерины, зная любовь ее к чтению книг, в завещании своем отказала ей свою библиотеку – сими словами: «Любезной моей государыне дочери Екатерине Алексеевне отдаю всю мою библиотеку, как здешнюю, так и Дорнебургскую, собранную мною нарочно для ее высочества; ибо я знаю ее великую охоту ко чтению. Всевышний да поможет ей украситься плодами оного, и да приобретет государыня, любезная дочь моя, все добродетели, нужные для ее высокого сана! Чрез что исполнятся наши родительские наставления, прежде данные ее высочеству».

великих), неутомимая деятельность, знание человеческого сердца, знание века, ревностное желание довершить начатое Петром, просветить народ, образовывать Россию, утвердить ее счастье на столпах незыблемых, согласить все части правления и купить бессмертие делами Матери Отечества. Сей обет произнесла монархиня в глубине души своей, и небесный Сердцеведец даровал ей силу для исполнения.

Сограждане! Екатерина бессмертна своими *победами, мудрыми законами и благотельными учреждениями*: взор наш следует за нею на сих трех путях славы.

Часть первая

Сколь часто поэзия, красноречие и мнимая философия гремят против славолюбия завоевателей! Сколь часто укоряют их бесчисленными жертвами сей грозной страсти! Но истинный философ различает, судит и не всегда осуждает. Прелестная мечта всемирного согласия и братства, столь милая душам нежным! Для чего ты была всегда мечтою? Правило народов и государей не есть правило честных людей; благо сих последних требует, чтобы первые более всего думали о внешней безопасности: а безопасность есть – могущество! Слабый народ трепещет; сильный, под эгидою величия, свободно наслаждается политическим бытием. Сия истина рождает правила для монархов. Исчезни память кроважанных Аттил, которые хотели побеждать единственно для славы побед! но цветы имя героев, которые разили врагов отечества и победами запечатлели его благоденствие! Петр и Екатерина хотели приобретений, но единственно для пользы России, для ее могущества и внешней безопасности, без которой всякое внутреннее благо ненадежно. Монархиня знала, что империя Отто-

манская, по своему закону и духу правления, есть опасный враг России; что все союзы, все дружественные договоры с нею будут только кратким перемирием и что единственный способ утвердить покой нашего государства есть ослабить сего природного и вечного неприятеля христиан – знала и совершила. Но Европа видела, что Екатерина, будучи всегда готовою к войне, по особенной любви к справедливости никогда сама не разрывала мира; когда же меч, извлеченный для обороны, блистал в руке ее, тогда – горе врагам безрассудным!

Едва монархиня успела привести в лучший порядок внутреннее правление государства, уже дерзостный Муштафа оскорбил величие России; объявил себя союзником польских мятежников; требовал, чтобы войско наше оставило Станислава им в жертву; и наконец, презирая священное право народов, заключил в темницу того, кто при его дворе был образом Екатерины!

Уже ее воины разили оттоманов; уже на берегах Днестровских развевались наши победоносные знамена... но взор Екатерины еще искал полководца, достойного ее доверенности и великих намерений. Она не хотела войны обыкновенной; не хотела жертвовать людьми по воле случая: хотела действием превосходного ума предписать закон року. Искала и нашла – Румянцева! Сей великий муж славно отличил себя во время войны Прусской; взял Колберг; удивлялся хитрости искусного Фридриха, но часто угадывал его тайные замыслы; сражался с ним и видел несколько раз побег его воинства. Талант великих душ есть узнавать великое в других людях; и Екатерина, избрав Румянцева, ускорила падение Турецкой империи.

Герой, прияв начальство, переменял все воинские распоряжения; отвергнул все малодушные осторожности, похожие на робость и введенные в наших армиях чужеземными военачальниками. *Не рогатки, а огонь и меч за-*

щита ваша, сказал он российским легионам – и вдохновение геройства оживило их. Пошли – и с того времени каждый удар россиян был поражением для оттоманов.

Дела неимоверные, чудесные! Сии страшные завоеватели востока, ужас Европы, истребители славных армий ее, не могут стоять перед лицом Румянцева! Восемьдесят тысяч отборного турецкого войска, под начальством хана Селима, исчезло, как прах, на берегах Прута; ни высокая гора, ни укрепленный стан не спасли их. Сего мало – туда, где река Прут вливает быстрые воды свои в величественный Дунай; туда, где Великий Пётр, окруженный неверными, отчаялся быть победителем и требовал мира – туда гений Екатерины привел Румянцева и поставил его между врагами бесчисленными. С одной стороны, хан Крымский горел ревностию загладить стыд своего поражения; с другой – сам визирь уже торжествовал в мыслях победу. Сограждане! каждый из вас слышал о великом дне Кагульском и проливал радостные слезы, достойные русского сердца; я проливал их, внимая вашему повествованию, герои именитые, счастливые сподвижники Румянцева! и никогда в моем воображении не затмится сия величественная картина. 17 тысяч русских, на рассвете прекраснейшего дня, в глубоком молчании идут умереть со славою против 150 тысяч неприятелей; тихое веселие на их лицах; в груди предчувствие геройского бессмертия. Все повеления были отданы, и вождь казался спокойным; одно величество блистало в его взорах. – Вдруг громы возвестили явление солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова воссияло – и где враги многочисленные? Я вижу трофеи наши, и среди их героя Румянцева, который, не изменив всегдашнего спокойного лица своего, пишет к монархине донесение о славнейшей победе в мире. Дух Петра Великого! Ты утешился. Отныне слияние Прута с Дунаем будет радостным памятником для россиян.

За сим торжеством Екатериной славы мир увидел другое, не менее чудесное. Сама природа заграждает, кажется, дальний путь нашим флотам, окружая льдами гавани России на половину года; но гений монархини побеждает природу, и волны моря Средиземного пенятся под рулями российскими. Священные воспоминания истории волновали сердце наших плывущих героев, когда они узрели берега Италии. Им *казалось*, что великие тени Фабрициев, Камиллов, Сципионов, паря над гробом древней республики, с любопытством и удивлением взирали на гордый и сим морям неизвестный флаг Екатерины; им *казалось*, что Россия есть новый Рим своим величеством. С такими чувствами наши аргонавты приближались к странам, еще древнейшим в летописях славы и равно богатым великими идеями; они надеялись воскресить там геройство Ликурговых и Солоновых питомцев; надеялись именем новой Афины воззвать к жизни и великим делам потомков Мильтиада, Аристида, Фемистокла. Но долговременное рабство на века умертвило там сердца людей; грубый слух не внимал уже сладкому имени свободы, и герои российские увидели, что им надлежало думать только о славе Екатерины. Не за тем окружили они Европу, не за тем оставили за собою берега Африканские, чтобы творить дела обыкновенной храбрости... и море Эгейское пылает!.. О зрелище, для самого воображения ужасное! мысль смелая и великая! исполнение дерзостное и счастливое! Молниеносные россияне повелевают стихиями: огонь и волны истребляют врага! веками уготованные морские силы его исчезают с дымом! Все оттоманское гибнет, кроме одних трофеев для победителя, – и монархиня возлагает их, скромно и величественно, на гроб Петра Первого! – Чесма бессмертна, подобно Полтаве и Кагулу; и семидесятый год минувшего века есть самый цветущий год нашей воинской славы*.

* В сей же год были взяты Бендеры графом Петром Ивановичем Паниным.

Следующее лето также осенило нас лаврами. Что начал Иоанн Грозный, то довершила Екатерина Великая. Сии славные глубокие окопы, которые от Черного моря простираются до Азовского, не могли остановить торжественного течения ее воинов, и Крым, последнее убежище варваров, бывших некогда ужасом и бичом нашего отечества, пал к стопам российского гения. – Берега Дуная не переставали обогряться кровию неверных, и Константинополь трепетал, внимая близким громам нашего флота. Мустафа смирился: Румянцев опустил меч свой; но еще не пришел конец бедствиям оттоманов. Мирные переговоры не имели счастливого успеха, и полководец Екатерины украсил ее корону новыми лаврами; разил, истреблял, очистил себе путь к Адрианополю, отрезал, окружил визиря – и геройскою рукою своею подписал славный для России мирный трактат, который открыл нам моря Турецкие и Дарданеллы, даровал независимость Крыму, обогатил казну государственную миллионами, утвердил за Россию Азов и Таганрог. Никогда еще отечество наше не заключало столь блестящего мира с Портою!

Беспримерные подвиги сей войны украсили книгу российского дворянства тремя именами славы. Рим имел Сципионов Африканских, Азиатских; Екатерина воскресила сию награду, достойную ее величия, – и Россия имеет своего Задунайского, Чесменского, Крымского.

Последним торжеством Румянцева был тот день, когда Екатерина именем отечества изъявила ему благодарность. Отягченный лаврами, он сходит с театра славы и скрывается от глаз наших; но история приемлет его во святилище бессмертия. Так, она скажет россиянам: «Во дни Екатерины Румянцев открыл вам тайну всегда побеждать неверных, малым числом бесчисленность; усевать поля трупами их и сохранять целость рядов ваших!» – Если таланты изъясняются сравнением, то

Задунайского можно назвать Тюреном² России. Он был *мудрый* полководец; знал своих неприятелей и систему войны образовал по их свойству; мало верил слепому случаю и подчинял его вероятностям рассудка; казался отважным, но был только проникателен; соединял решительность с тихим и ясным действием ума; не знал ни страха, ни запальчивости; берег себя в сражениях единственно для победы; обожал славу, но мог бы снести и поражение, чтобы в самом несчастии доказать свое искусство и величие; обязанный гением Натуре, прибавил к ее дарам и силу науки; чувствовал свою цену, но хвалил только других; отдавал справедливость подчиненным, но огорчился бы во глубине сердца, если бы кто-нибудь из них мог сравняться с ним талантами: судьба избавила его от этого неудовольствия. – Так думают о Задунайском благодарные ученики его.

Теперь обращается взор наш на ту, некогда мощную, республику, которой имя и бытие уже исчезло в Европе. Давно ли еще наглая и злобная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможением, хищной рукой хватала в свое подданство целые княжества российские? Давно ли древняя столица Владимира носила ее цепи? Давно ли ты, Москва цветущая, лежала у ног гордого вождя сарматского?³ Но Россия, подобно спавшему исполину, восстала в гнев своем: враги ее, в их чреду, упали на колена перед ней и возвратили похищенное. Так, монархиня взяла в Польше только древнее наше достояние, и когда уже слабый дух ветхой республики не мог управлять ее пространством. Сей раздел есть действие могущества Екатерины и любви ее к России. Полоцк и Могилев возвратились в недра своего отечества, подобно детям, которые, быв долго в горестном отсутствии, с радостью возвращаются в недра счастливого родительского семейства.

Крым был независим; но Крым был еще гнездом разбойников, опасных для России. Сия прекрасная часть нашей империи, где природа столь щедро награждает трудолюбие и за каждое лону ее вверенное зерно дает богатый класс земледельцу; где на тучных паствах рассыпаются стада бесчисленные; где свирели и нежные песни веселых пастырей, простота нравов, миролюбие и общее добродушие жителей напоминают воображению счастливые берега Ладона – Малороссия не могла быть покойною в соседстве неукротимых варваров. Екатерина повелела – и воинство ее, не обнажив меча, заняло полуостров Крымский, древнюю Тавриду, столь известную в истории и в самой мифологии. Монархиня еще не ведала, что сие важное приобретение возвратило России ее некогда именитое княжество Тмутороканское или столицу его, которая скрывалась доселе* от любопытства наших историков. Таким образом, пресеклись грозные набеги татар, столь бедственные для нашего отечества. – Сама же Таврида будет всегда прекрасной частицей Российской империи и со временем важной для торговли с архипелагом⁴ и Востоком. Уже любопытные из отдаленных земель приезжают видеть сию чудесную страну, которая представляет взору и гранитные горы Швейцарии и плодоносные долины Пьемонтские; страну, где творческая Натура с нежными красотами соединила величественные; где в одно время и зима свирепствует, и весна улыбается; где мудрый наблюдатель Природы находит для себя разнообразные богатства и где чувствительное сердце, наскучив светом, может насладиться самым приятнейшим уединением.

Оттоманская Порты содрогнулась; и хотя по занятии Крыма нашими войсками возобновила мирный трактат с Россиюю, но скоро тайная злоба ее вспылала...

---

* На острове Тамани. – См. любопытное сочинение графа А. И. Пушкина о сем предмете.

Здесь напомним вам, сограждане! славное путешествие монархини в страны ею населенные или завоеванные. Она желала видеть Тавриду и новые плоды своего счастливого царствования. Зрелище восхитительное, достойное Екатерины! От самых берегов Невских до волн Понта Эвксинского шествие Великой казалось торжеством победительницы мира. Не цепи невольников гремели вокруг торжественной колесницы, но радостные восклицания довольных подданных; миллионы падали перед нею, как перед божеством благодетельным. Так некогда обожаемая Семирамида, в сиянии славы, при звуке бесчисленных мусикийских орудий, шествовала по цветущим областям ее, изумляя подданных своих величием и щедротами!.. Как сладостно было сердцу монархини, когда искреннее усердие вещало ей: «Сии трудолюбием и художеством украшенные места недавно были горестною пустынею, дикою степью; где сии обширные сады зеленеют и гордые палаты возвышаются, там одни песчаные холмы представлялись унылому взору! В сем юном городе*, тобою сотворенном, уже цветет торговля. Здесь Восток и Запад меняются своими богатствами. Здесь все исполнено *имени* и славы твоей!» Там два венценосца⁵ встретили монархиню, как бы для того, чтобы еще более украсить ее торжество. Екатерине обязан был Станислав короною и славился тем пред светом. Иосиф внимал ее премудрым намерениям для блага человечества, когда она через волны Эвксинские устремляла священный взор на град Константина. Цари Италии спешили посольствами изъявить радость свою о приближении северной царицы к странам их.

Сие путешествие и догадки Европы о свидании Екатерины с Иосифом послужили оттоманскому двору предлогом к разрыву мира. Война снова возгорелась. Уже Румянцев не был главным, деятельным начальником; но

---

* В Херсоне.

дух его жил в российских армиях – и неверные, увидев их, вострепетали: они узнали прежних своих разителей, узнали по их быстрым движениям, смертоносным громам, сокрушительным ударам; бежали с полей открытых, милых геройству, страшных робости, и заключились в крепких оградах. Но ни искусство, ни природа не могли защитить их – и сия война ознаменовалась для славы нашей двумя чудесно смелыми и счастливыми приступами. Только россияне могут быть предметом сравнения для россиян: Очаков пал некогда пред Минихом; но Очаков не был еще укреплен тогда всеми хитростями искусства. Теперь падает он во всем своем величии, чтобы тем более увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только действием человеколюбия Екатерины и доказательством непоколебимого терпения наших воинов, которые в открытом стане презирали все ужасы зимние. Монархиня щадила жизнь людей; надеялась, что враг покорится; – но когда военачальник произнес ее именем решительное слово, герои вошли в крепость по трупам неприятелей. – Взятие Измаила было еще славнее. Там армия обороняла город; высокие стены, глубокие рвы, страшная артиллерия – все обещало ему безопасность. Пришел Суворов!.. казалось, для того, чтобы видеть неприступность города. Воинство неверных, в грозной многочисленности представ очам россиян на валу крепости, хотело одним видом своим поразить их. Уже гордый начальник Измаила думал, что он видит смятение нашего героя; что Суворов ожидает ночи для сокрытия неминуемого бегства! Ночь прошла – и Суворов в Измаиле! 20 000 оттоманов легло в окопах. С изумлением узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные, донские воины, под начальством героя, превращаются в фалангу македонскую и берут крепости.

Иосиф был верным другом России; но счастье и слава, еще вернейшие друзья наши, не хотели его признать

своим союзником. Воинство его ужаснулось сверкающих кинжалов, грозного вопля неверных и страшного имени Аллы, призываемого ими в сражениях. Баннат был свидетелем австрийских несчастий. Оттоманы, спасенные бегством от меча российского, разили воинов Иосифа, тех, которые прежде сами побеждали храбрейшие армии в Европе. Украшенный лаврами старец, совместник великого Фридриха, был вызван из мирного уединения спасти отечество. Запад жизни его еще озарился лучом славы, но кратковременным; и Лаудон, взяв Белград, без успеха приступал к Орсове. Одни россияне могли ободрить унылые легионы австрийские; один *Рымникский* мог принести славу и счастье в стан их – и принес. Семь тысяч русских указали им путь к победе... Австрийцы сразились храбро... Визирь изумился! но, увидев впереди знамена Екатерины, услышав имя Суворова, в первый раз показал тыл нашим союзникам. В сей-то незабвенный день австрийцы узнали чудесного Суворова; и когда, через десять лет после того, надлежало им против храбрых республиканцев поставить вождя крепкого, они, забыв народную гордость свою, требовали героя Рымникского.

Екатерина в сие время имела еще других врагов. Порта, Англия и Пруссия обольстили Густава: он дерзнул объявить войну России. Когда известие о первых его неприятельских действиях пришло в наши столицы, тогда, тогда надлежало видеть беспримерное усердие россиян к отечеству и к монархине. Все воспылали гневом на врага вероломного и ревностию наказать его; все мирные граждане готовы были лететь на поле брани. Сие воспоминание еще живо в сердцах ваших, сограждане, – воспоминание незабвенное и радостное для патриотов! Могли ли готты, неохотные исполнители незаконной воли*, стоять

---

* По законам Швеции, король не мог начинать войны без согласия других властей, то есть сейма.

против сынов обожаемой Екатерины, сильных любовью к отечеству и ненавистию к виновнику сей войны несправедливой? Густав думал, что его нечаянное нападение приведет в трепет Россию и откроет ему путь к столице. Он забыл имена и подвиги наших избранных легионов, столь ужасных для его предков! Сии герои стремились возобновить прежнюю славу свою в каменистом отечестве финнов и доказать миру, что стража монархов российских достойна своего имени и сана. Где только готты сражались, там россияне побеждали, на водах и на суше. Густав истощил все способы ума и дерзости своей – напрасно и без успеха! Екатерина внимала грому флотов его, но покойно и величественно гуляла в садах своих. Король, ослепленный высокомерием и лживыми союзниками, увидел наконец заблуждение и прибегнул к великодушью монархини: она даровала ему мир, который единственно мог спасти бедные остатки сил его.

Порта Оттоманская видела перед собою конечную гибель. Твердейшие опоры ее пали; воинство унывало; страшные янычары страшились одного имени россиян; море, отверстое для наших флотов, всякий день могло представить очам султана флаг Екатерины... Но монархиня желала успокоить своих воинов и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаков, и след турецкого владения истребился на сем берегу Днестра. Все дворы удивились ее умеренности; но Екатерина знала время, обстоятельства; хотела видеть следствие некоторых новых европейских перемен* и отсрочила дальнейшие успехи российского оружия.

Польша была также предметом ее внимания. Остатки сей республики волновались и кипели злобою на Россию. Беспокойные умы испровергли древние законы, утвержденные Екатериною; собирали войско и не

---

* Французской революции.

скрывали своих опасных для нашей империи умыслов. Но благоразумные требовали заступления монархини. Она повелела восстановить древний Устав республики: толпы мятежников были рассеяны горстью наших воинов, и Польша могла бы еще успокоиться под эгидою российскою... Но последний час ее настал. Не смея ратоборствовать с героями в поле, она хотела умертвить их в объятиях сна, и драгоценная кровь российская обогрела стогны варшавские. Слабодушные убийцы! стыд Севера, который, издревле довольствуясь славою побеждать Юг во бранях, оставлял ему гнусную славу коварных злодейств под сению мира! Варшава напомнила ужасы сицилианские!.. Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука ее бросила в урну сей недостойной республики жребий уничтожения, и Суворов, подобно ангелу грозному, обнажил меч истребления; пошел – и вождь мятежников спасается от смерти пленом; и Прага, крепкая их отчаянием, дымится в своих развалинах – и Варшава падает к стопам Екатерины. Совершилось!.. Польши нет; но ее мятежные и несчастные жители, утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державой трех союзных государств. Республика без добродетели и геройской любви к Отечеству есть неодушевленный труп. Афинская, Спартанская, Римская имели свое цветущее время: Польская была всегда игрищем гордых вельмож, театром их своевольтва и народного унижения... Богатейшие страны ее достались на часть России.

Взятием Варшавы заключил при Екатерине подвиги свои герой, которого имя и дела гремят еще в Италии и на вершинах Альпийских; на которого еще взирает изумленная им Европа, хотя мы уже осыпали цветами гроб его – цветами, не кипарисами: ибо смерть великого воина, который полвека жил для славы, есть торжество бессмертия и не представляет душе ничего горестного. Суворов

был один из самых счастливейших полководцев; подобно Александру, сколько раз сражался, столько раз побеждал; подобно цесарю, ставил себя выше рока, и рок не смел изблечить его в ошибке. Что в другом оказалось бы гибельною дерзостью, то в нем было спасительною надежностью и предчувствием события. Он не шел, а летел к славе, которая со своей стороны встречала его на половине пути. Вся военная теория его состояла в трех словах*: *взор, быстрота, удар* – но *взор* сей дает Природа не многим; но *быстрота* сия была тайною для самых Аннибалов; но *удар* сей разителен единственно с Суворовым. Он не любил ничего, кроме славы; ко всему прочему казался невнимательным, нечувствительным. Об искусстве военачальников судил всегда по их успехам: каких же высоких мыслей надлежало ему быть о самом себе? Некоторые считали его жестоким – несправедливо: он *любил* побежденных неприятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворов не хотел знать, как искусный полководец спасает остатки разбитой армии: ибо место первого несчастного сражения было б ему могилою. – Изображение героев Задунайского и Рымникского принадлежит к царствованию Екатерины: она выбрала одного, употребляла другого, и слава их есть часть ее славы. Град Святого Петра созерцает их памятники, вместе стоящие: там юные воины отечества будут произносить обеты геройства. И в ревностном творении слабого моего таланта да сияют вместе имена наших первых военачальников!

Уничтожение Польской республики возвратило независимость Курляндии, завоеванию храбрых тевтонических рыцарей, стране плодоносной, известной в самых древних летописях по своим рудокопням, минеральным водам и прекрасному янтарю, собираемому на берегах ее. Но Курляндия, зная, что независимость всегда бы-

---

* Написанных им в его тактике, кратком, но любопытном сочинении.

вает несчастием для области бессильной, хотела славы принадлежать Екатерине. Монархиня приняла ее под свою державу, и Россия обогатилась новыми портами, драгоценными для успехов торговли.

Уже орлы наши парили под небесами Востока; уже крылатая молва несла в страны Великого Могола имя российской монархини; уже воинство наше, то подымаясь к облакам на хребте гор туманных, то опускаясь в глубокие долины, дошло до славных *врат Каспийских*; уже *стена Кавказская*, памятник величия древних монархов Персии, расступилась пред оным; уже смелый вождь его приял серебряные ключи Дербента из рук старца, который в юности своей вручал их Петру Великому, и сей град, основанный, по восточному преданию, Александром Македонским, осенился знаменами Екатерины... когда всемогущая Судьба пресекла дни монархини и течение побед ее. Таинство великой души нам неизвестно. Чудесные дела Екатерины могли быть увенчаны новым чудом; война персидская могла иметь предмет важный; могла открыть путь в Россию несметным богатствам Востока; могла успокоить народы мятежные, которые, под влиянием счастливейшего Неба, служат примером бедствий; могла... Но повторяю: таинство великой души нам неизвестно.

Монархиня оставила Россию на высшей степени геройского величия, обогащенную новыми странами, гаванями и миллионами жителей; безопасную внутри, страшную для внешних неприятелей. Мир не знал, как побеждают россиян, и россияне не знали, как не сокрушить врага. Их стихия была слава: и сим-то чувством Великая готовила победы! Она умела награждать воинские заслуги достойным их образом; отличала воинские дарования лестным благоволением – и герой, который имел счастье лобызать ее державную руку, слышать

восхитительные слова милости, пылал новой ревностью геройства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цветами роскоши, среди столицы усыпленные негою, при первом звуке Марсовой трубы пробуждались, срывали с себя венки Граций и стремились на поле чести искать опасностей и венков лавровых. Только во время Екатерины видели мы сии, можно сказать, волшебные превращения нежных сибаритов в суровых чад Лакедемона; видели тысячи российских альцибиадов! – Европа с благоговением взирала на трон России, поручив ему весы свои. Одно слово монархини решило судьбу государств: ибо вслед за ним готовы были лететь непобедимые!

Не только благо нашего отечества, но и благо целого мира утверждено победами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стенам венским? Новый Магомет II мог быть новым истребителем государств европейских: сколь же бедственны успехи оттоманского оружия для человечества и просвещения? Теперь варвары уже не опасны для Европы; теперь слабый паша Виддина презирает могущество Порты!.. И сия безопасность есть дело Великой Екатерины, которая потрясла и отчасти разрушила сей колосс ужасный.

Часть вторая

Екатерина завоевательница стоит наряду с первыми героями вселенной; мир удивлялся блестящим успехам ее оружия – но Россия обожает ее уставы, и воинская слава героини затмевается в ней славою образовательницы государства. Меч был первым властелином людей, но одни законы могли быть основанием их гражданского счастья; и, находя множество героев в истории, едва знаем несколько имен, напоминающих разуму мудрость законодательную.

Нетерпеливые мысли мои спешат устремиться на многие предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означим главное и столь новое для России благодеяние Екатерины, которое изъясняет все другие и которое всеми другими изъясняется; означим, так сказать, священный корень нашего блаженства во дни ее – сию печать, сей дух всех ее законов.

Она уважила в подданном сан человека, нравственного существа, созданного для счастья в гражданской жизни. Петр Великий хотел возвысить нас на степень просвещенных людей; Екатерина хотела обходиться с нами как с людьми просвещенными. История представляет нам самовластных владык в виде грозного божества, которое требует единого слепого повиновения, не дает отчета в путях своих – гремит, и смертные упадают во прах ничтожества, не дерзая воззреть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молниями жезл страха, взяла масличную ветвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народного, но всем своим долголетним царствованием утвердила сию вечную истину, которая отныне будет правилом российского трона: ибо Екатерина научила нас рассуждать и любить в порфире добродетель. Счастливые россияне нашего века! вы уже не помните строгих, опасных времен, когда страшно было наименовать венценосца; но имя Екатерины, с самого ее вступления на престол, подобно имени благодетельного существа, из уст в уста с любовью и радостью перелетало. С нею воцарились мир в семействах и веселие в обществах; все души успокоились, все лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! читай в сердцах наших; мы не боимся, ибо мы любим тебя!» Хотя и оставалась еще некоторая тень мрачного Тайного судилища; но под ее собственным, мудрым надзиранием

оно было забыто добрыми и спокойными гражданами*. Хотя Великая предоставила августейшему ее внуку бессмертную славу искоренить навеки учреждение времен несчастных, ненужное в то время, когда счастье монарха и подданных составляют единое и когда любовь народная вооружена мечом правосудия для наказания злых умыслов, но в царствование Екатерины одни преступники, или явные враги ее, следственно, враги общего благоденствия, страшались пустынь сибирских; для одних извергов отверзался сей хладный гроб живых. Монархиня презирала и самые дерзкие суждения, когда оные происходили единственно от легкомыслия и не могли иметь вредных следствий для государства: ибо она знала, что личная безопасность есть первое для человека благо и что без нее жизнь наша, среди всех иных способов счастья и наслаждения, есть вечное, мучительное беспокойство. Сей кроткий дух правления, доказательство ее любви и самого почтения к человечеству, долженствовал быть и главным характером уставов ее.

Монархиня, самым первым Манифестом открыв подданным дальние виды своей мудрости и государственного блага, спешила утвердить правосудие, защиту собственности в гражданском обществе. Ей известно было страшное зло лихоимства, которое превращает святое место суда в постыдное торжище, где бедная невинность безгласна и где богатство есть обожаемый, всемогущий идол. Какое хладное сердце может быть нечувствительно к ее красноречивому, убедительному, трогательному Указу о сем предмете?*** Любовь свою к правде ставит она в пример сим недостойным судиям, которые, вместо славы быть орудиями истины, щитом невинности, ужасом злодейства, пекутся только о гнусной корысти!

---

* См. Указ об уничтожении Тайной канцелярии в 1762 году, октября 19.

** Указ о лихоимстве в 1762 году.

Сенат, учрежденный Петром Великим для управления государством; Сенат, который в отсутствие монарха имел всю власть его, но который по кончине Петра утратил свое могущество – будучи заменен Верховным Тайным Советом, а после Кабинетом императорским – хотя и был восстановлен со всеми правами императрицей Елисаветой, но бесчисленные дела, стекаясь в сем главном судилище, так сказать, исчезали в его архивах, к неизъяснимому вреду частных людей и государственной экономии. Екатерина разделила Сенат на департаменты, каждому из них предписала особенный род дел и сим порядком оживила их течение. Вы знаете, избранные мужи, преемники Долгоруких и Головиных, друзей Петровых – вы знаете, чего монархиня от вас требовала! Там, в собрании ваших священных хартий, блюдетсЯ, на память векам, сие собственной руки ее начертание*, в котором она говорит с вами, как с именитыми отцами древнего Рима, изъявляя пламенную ревность свою ко благу России, заклиная вас любовью к отечеству быть достойными орудиями законов и ставя вам в пример историю! От вас единых всегда зависело быть подобными тому величественному Совету, который царям казался *Советом царей*. Великая сама заседала с вами и рассуждала о пользе народной. Единый из вас**, муж достойный почтения россиян, дерзнул представить ей возражение в деле важном и государственном, уже решенном монархинею; не трепетал голос его, и вид спокойный не изменялся: он знал Екатерину – и державная рука ее передала бумагу, ею подписанную. Сей день для него славен – еще славнее для монархини!

Желая, чтобы дух ревности, влиянный ею в главное правительство империи, распространился и во всех частях ее, она обнародовала свое мудрое *Наставление гу-*

---

* От 6 июня 1763.

** Петр Иванович Панин. – Сей случай всем известен.

бернаторам*, в котором предписывает им быть оком и душою правосудия, чтобы во всех судебных местах, им подчиненных, обитала святая истина, и чтобы *ни знатность вельмож, ни сила богатства* не могли обольщать совести, а *вдовы и сироты не проливали слез бедствия!*

Торговля, отрасль государственного благосостояния, была особенным предметом ее внимания. Она даровала ей все способы вести и распространяться: она даровала ей свободу. Гавани открылись для вывоза богатых произведений России, богатых своей необходимостью для других народов. Обрадованное купечество могло уже по воле меняться товарами с Китаем, с Востоком и с Европою**. Архангельский порт перестал завидовать Петербургскому, и все исключительные права для общей пользы уничтожились. В правление Е к а т е р и н ы чудесные успехи внешней торговли были следствием ее мудрых коммерческих уставов.

Российское государство представляло взору монархини многие обширные страны, обогащенные Натурою, но пустые, ненаселенные: она благодетельными законами*** привлекала трудолюбивых иностранцев в Россию, и звук секиры раздался в диких лесах; пустыни оживились людьми и селениями; плуг углубился в свежую землю, и природа украсилась плодами трудов человеческих. Уже давно путешествующие иностранцы в отдаленных пределах наших с удивлением находят своих единоплеменников, которые говорят им о щедротах Е к а т е р и н ы и которые, по мере их искусства и прилежности, благоденствуют в нашей империи, не жалея о своем отечестве. Так, среди волнистых степей царицынских цветет теперь мирная колония Евангелического братства, подобно счастливому острову среди океана; пленяет глаза всеми драгоценностями ремесла,

---

* 1764 года, апреля 21.

** Указ 1762 года, августа 10.

*** Указы 1763 года, июля 22; и 1764, марта 10.

а сердце картиною добрых нравов; действует своим просвещением на соседственные дикие народы и платит нам долг признательности ласковым гостеприимством.

Учреждение монархии в рассуждении духовных имений есть также одно из достопамятных дел ее законодательного разума. Она знала, что строгий монашеский чин должен быть свободен от всех земных попечений, столь несообразных с его святостию, и совершила намерение Великого Петра, отдав монастырские деревни под начальство светское, определив достаточные суммы для всех потребностей духовенства, для благолепия церквей, и повелев употребить прочие доходы с его миллиона душ на успокоение престарелых воинов и содержание духовных училищ*. Таким образом исполнилось желание благочестивых людей, которые, отдавая монастырям свое богатство, без всякого сомнения, хотели, чтобы оно употреблено было на благодетельные заведения: что ж может быть святее призрения изувеченных героев и основания училищ, в которых образуются служители алтарей и достойные проповедники Божественного Слова? Знаменитейшие духовные особы изъявили в сем деле патриотическое свое усердие. Имена митрополита Новгородского и архиепископа Санкт-Петербургского будут всегда известны, вместе с именем Феофана, сотрудника Петрова.

Я не буду говорить о бесчисленных указах, изданных Екатериною в первые три года ее царствования и доказывающих ту неусыпную ревность к отечеству, ту непонятную деятельность, которая объемлет все части целого и которой пример находим в Петре Великом. Но потомство заметит, что внутреннее превосходное образование наших армий есть дело Екатерины. Она определила ясно** все должности от первого начальника до последне-

---

* Манифест 1764 года, февраля 29.

** См. Указ о военной дисциплине и инструкцию полковнику.

го воина и строгую, необходимую для успехов подчиненность основала на правилах разума; она своим Уставом влияла в легионы наши дух чести и благородства; она произвела, что воины одного полка считали себя детьми одного семейства, гордились друг другом и стыдились друг за друга; она, требуя от одних непрекословного повиновения, другим предписала в закон не только человеколюбие, но и самую приветливость, самую ласковую учтивость; изъявляя, можно сказать, нежное попечение о благосостоянии простого воина, хотела, чтобы он знал важность сана своего в империи и, любя его, любил отечество.

Теперь представляется мне славнейшая эпоха славного царствования! Россия имела многие частные, мудрые законы, но не имела общего Уложения, которое бывает основанием государственного благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановлениями; великие хотят системы, целого и вечного. Чего Петр Великий не мог сделать, то решилась исполнить Екатерина. Чувствуя важность сего предприятия, она хотела разделить славу свою с подданными и признала их достойными быть советниками трона. Повелев собраться государственным чинам или депутатам из всех судилищ, из всех частей империи, чтобы они предложили свои мысли о полезных уставах для государства, — Великая говорит: «Наше первое желание есть видеть народ российский столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться. Сим учреждением даем ему опыт нашего чистосердечия, великой доверенности и прямой материнской любви, ожидая со стороны любезных подданных благодарности и послушания»*. Воображение мое не может представить ничего величественнее сего дня, когда в древней столице нашей соединились обе ге-

---

* Манифест о собрании депутатов.

мисферы земли, явились все народы, рассеянные в пространствах России, языков, обычаев и вер различных: потомки славян-победителей, норманнов, ужасных Европе, и финнов, столь живо описанных пером Тацитовым; мирные пастыри южной России, лапландские ихтиофаги и звериными кожами одетые камчадалы. Москва казалась тогда столицею вселенной, и собрание российских депутатов – сеймом мира. Им торжественно объявили волю монархини – и самоед удивился, слыша, что нужны законы людям*! Им торжественно вручили сей славный *Наказ* Екатерины, писанный ею для избранной комиссии депутатов, переведенный на все европейские языки, зеркало ее великого ума и небесного человеколюбия. Никогда еще монархи не говорили с подданными таким пленительным, трогательным языком! Никто, никто еще из сидящих на троне столь премудро не изъяснялся, не имел столь обширных понятий о науке управлять людьми, о средствах народного счастья. Сograждане! Сие творение так достопамятно и священо, что сердце мое пылает ревностию представить вам главные черты его.

Монархиня прежде всего определяет образ правления в России – *самодержавный*; не довольствуется единым всемогущим изречением, но доказывает необходимость сего правления для неизмеримой империи. Только единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Воле, управляющей вселенною; только она может иметь сие быстрое, свободное исполнение, необходимое для пресечения всех возможных беспорядков; всякая медленность произвела бы несчастные следствия (9, 10, 11)**. Здесь примеры служат

---

* Сей анекдот известен. Самоедам никак не могли изъяснить, что такое закон.

** Сии числа означают отделения *Наказа*.

убедительнейшим доказательством. Сограждане! Рим, которого именем целый мир назывался, в едином самодержавии Августа нашел успокоение после всех ужасных мятежей и бедствий своих. Что видели мы в наше время? Народ многочисленный на развалинах трона хотел повелевать сам собою: прекрасное здание общественного благоустройства разрушилось; неописанные несчастья были жребием Франции, и сей гордый народ, осыпав пеплом главу свою, проклиная десятилетнее заблуждение, для спасения политического бытия своего вручает самовластие счастливому корсиканскому воину. Не затем оставил человек дикие леса и пустыни; не затем построил великолепные грады и цветущие селы, чтобы жить в них опять, как в диких лесах, не знать покоя и вечно ратоборствовать не только со внешними неприятелями, но и с согражданами: что же другое представляет нам история Республики? Видим ли на сем бурном море хотя единый мирный и счастливый остров? Мое сердце не менее других воспламеняется добродетелию великих республиканцев; но сколь кратковременны блестящие эпохи ее? Сколь часто именем свободы пользовалось тиранство и великодушных друзей ее заключало в узы? Чье сердце не обливается кровью, воображая Мильтиада в темнице, Аристиды, Фемистокла в изгнании, Сократа, Фокиана, пьющих смертную чашу, Катона самоубийцу и Брута, в последнюю минуту жизни уже не верящего добродетели? Или людям надлежит быть ангелами, или всякое многосложное правление, основанное на действии различных воль, будет вечным раздором, а народ несчастным орудием некоторых властолюбцев, жертвующих отечеством личной пользе своей. Да живет же сия дикая республиканская независимость в местах, подобно ей диких и неприступных, на снежных Альпийских громадах, среди острых гранитов и глубоких пропастей, где от вечных

ужасов Природы безмолвствуют страсти в хладной душе людей и где человек, не зная многих потребностей, может довольствоваться немногими законами Природы!

Сограждане! признаем в глубине сердец благодетельность монархического правления и скажем с Екатериною: «Лучше повиноваться законам под единым властелином, нежели угождать многим» (12). «Предмет самодержавия, – вещает она, – есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу (13)». Сия утешительная истина в устах монарших пленяет сердце – и неизмеримая империя, под скипетром венценосца, следующего правилам Екатерины, кажется мне счастливым семейством, управляемым единою волею отца, по неперменным законам любви его. Сие правление тем благотворнее, что оно соединяет выгоды монарха с выгодами подданных: чем они довольнее и счастливее, тем власть его святее и ему приятнее. Оно всех других сообразнее с целью гражданских обществ: ибо всех более способствует тишине и безопасности.

Государь есть источник всякой власти в монархии (19); но сия власть должна действовать через некоторые посредства некоторым определенным образом: рождаются правительства и законы, которые делают твердым и неподвижным установление всякого государства (20, 21). Сенат, главное правительство, но зависящее от монарха, есть в России хранилище законов (26). Он принимает их от государя для исполнения; но может представлять ему, если найдет в них что-нибудь вредное, темное или противное Уложению (21, 23, 24). Таким образом, Сенат в отношении к монарху есть совесть его, а в отношении к народу рука монарха; вообще же он служит эгидой для государства, будучи главным блюстителем порядка.

Монархиня, сказав, что самодержавие не есть враг свободы в гражданском обществе, определяет ее следу-

ющим образом: «Она есть не что иное, как спокойствие духа, происходящее от безопасности, и право делать все дозволяемое законами (38, 39); а законы не должны запрещать ничего, кроме вредного для общества; они должны быть столь изящны, столь ясны, чтобы всякий мог чувствовать их необходимость для всех граждан: и в сем-то единственно состоит возможное равенство гражданское (34)! Законодатель сообразуется с духом народа; мы всего лучше делаем то, что делаем свободно и следуя природной нашей склонности. Когда умы для лучших законов не готовы, то приготовьте их; когда же надобно для счастья народа переменить его обычаи, то действуйте одним примером. Одно необходимое наказание не есть тиранство, и законам подлежит только явное зло (57–63)».

Монархиня разделяет все возможные преступления на особенные роды, и мудрость ее, обогащенная мыслями философов, которые занимались сим важным делом, определяет для каждого рода особенные наказания, извлеченные из самого естества вины: мысль святая! новое светило для законодателей! Таким образом, «нарушитель благонравия да лишится выгод, сопряженных с благонравием; да ознаменуется стыдом, всенародным бесчестьем; да удалится от общества, которому он служит поношением; да загладит раскаянием дело свое, и да исправится! Таким образом, нарушитель общего покояда лишится мирных его наслаждений, и губитель других да погибнет! (68–79)».

Премудрая доказывает умом и опытами, что «излишне строгое наказание не удерживает людей от злодеяний; что умеренное, но *продолжительное*, действует на душу сильнее жестокого, но *маловременного*; что законы *исправительные* и кроткие благотворнее строгих, *искоренительных*; что ужасная привычка к казни ожесточает сердце и отнимает у законодателя способы к исправлению нравов; что стыд должен быть главным его орудием;

что не умеренность наказания, а совершенное упущение вины рождает дерзость и необузданность (81–91)». Нежная душа Екатерины могла ли без трепета вообразить лютую казнь смерти, уничтожение существа, одаренного чувством? Монархиня отрицает ее необходимость в спокойное царствование законов, и кроткая философия торжествует над жестоким обыкновением веков (210–213). Ко славе вашей, россияне! скажет некогда история, что у вас первых перестала литься кровь человеческая на эшафотах! И одно нежное, женское сердце, подкрепленное необыкновенною силою ума, могло согласить правосудие с человечеством! Злодейство наказано; но единый Бог располагает жизнью людей в России!

Закон, утвердив наказание, должен определить и способы открывать преступление. «В странах, где человечество угнетено, суд прост и решителен: гордый паша выслушивает распрю, и судимый оправдан или наказан. Но в государстве просвещенном, где жизнь, честь и собственность гражданина священны, требуется основательного разыскания истины (112–114)». Монархиня исчисляет все необходимые осторожности в судопроизводстве; определяя случаи, в которых многие согласные вероятности рождают уверение, отвергает все сомнительные доказательства; ставит неясное преступление еще наряду с невинностию; щадит судимого до последней возможности оправдания, избавляя его от всех ужасов, предшествующих наказанию, и страшным вратам темниц дозволяет отверзаться единственно для обличенных (116–192). С каким трогательным красноречием изображает она ужас сего варварского обыкновения терзать людей прежде осуждения, сей адом вымышленный способ допросов, страшнейший самой казни, вину бесчисленных ложных показаний и неправедных приговоров (193–198)! Сердце всякого чувствительного, содрогаясь вместе с

добродетельным сердцем монархини, уверено, что в ее царствование ни в каком случае не могло быть терпимое лютое и безрассудное истязание.

С таким же ангельским человеколюбием судит она то преступление, которого имя всего страшнее в самодержавиях – оскорбление величества – и которое часто бывает предлогом несправедливых жестокостей, единственно от темного и ложного понятия о существовании оно. Так, в Риме наказывалось смертью неуважение к статуям императора (475); так, по древнему закону Англии надлежало казнить врача, который дерзнул бы сказать о больном короле, что жизнь его в опасности (476). Монархиня говорит, что истинное оскорбление величества есть только злодейский умысел против государя (478); что не должно наказывать за слова как за действия (481), кроме случая, в котором возмутитель проповедует мятеж и бунт, следственно, уже действует (480); что слова всего более подвержены изъяснениям и толкам; что безрассудная нескромность не есть злоба (481); что для самого безумного поносителя имени царей должно определить только исправительное наказание (482); что в «самодержавном государстве хотя и нетерпимы язвительные сочинения, но что их не должно вменять в преступление: ибо излишняя строгость в рассуждении сего будет угнетением разума, производит невежество, отнимает охоту писать и гасит дарования ума» (484).

Означив таким образом свойство и действие законов, монархиня требует от их сочинителя ясности в слого, убедительной силы, доказательств пользы; они не терпят никаких излишних тонкостей ума, будучи писаны для всего народа; они суть не логические хитрости, но простое и здравое суждение отца, пекущегося о детях и домашних своих; язык их есть язык добродетели и благодати; слог их совершен не высокопарностью, не витийством, но чистотою, благородством, необходимостью каждого слова. Они

должны быть светлым зеркалом, в котором всякий гражданин, правый и неправый, видел бы ясно судьбу свою; чтобы добродушный судия не усомнился в их смысле, и чтобы самый лукавый не мог находить в них двусмыслия, благоприятного для ябеды и неправосудия (448–462).

Но Екатерина не довольствуется тем, чтобы все возможные преступления в обществе были судимы и наказываемы по их истинной важности: она желает отвратить зло. Солоны и Ликурги времен грядущих! внимайте словам ее! «Хотите ли предупредить злодеяния? Сделайте, чтобы законы благодворили равно всем гражданам; чтобы люди страшились только законов и ничего более не страшились; чтобы законы уничтожали только бедственную свободу вредить ближнему; награждайте добродетель, просвещайте людей, усовершенствуйте воспитание (243–249)!». Екатерина открывает вам тайну человеческого сердца и государственного благополучия. Дайте способы человеку в каждом гражданском отношении находить то счастье, для которого Всевышний сотворил людей: ибо главным корнем злодеяний бывает несчастье. Но чтобы люди умели наслаждаться и быть довольными во всяком состоянии мудрого политического общества, то просветите их! Они увидят необходимость гражданской зависимости, необходимость нравственного добра для счастья, и будут довольнее, добрее и счастливее!

Но просвещение требует хорошего воспитания (348). Оно должно быть двоякое: нравственное воспитание человека, общее во всех странах, и политическое воспитание гражданина, различное по образу правлений. Религия, любовь к добродетели, к трудам, к порядку, чувствительность к несчастью ближних, рассудительность или повинование сердца уму принадлежит к первому; любовь к Отечеству, к его учреждениям и все свойства, нужные для их целости, входят во второе (351–352). Пусть спартанец

или житель диких кантонов Гельвеции не терпит самовластия! В России, при самом начальном раскрытии души, должно вкоренить в человека благоговение к монарху, соединяющему в себе государственные власти, и, так сказать, образу отечества. «Каждое особенное семейство должно быть управляемо примером большого семейства (349)», которое есть государство. «Хотя в пространной империи общественное или народное воспитание невозможно, однако ж законодатель должен предписать некоторые правила, которые могли бы служить по крайней мере советом для родителей (350)». Монархиня предписывает оные – и философ, посвятивший всю жизнь свою на образование сердца, не мог бы сказать ничего премудрее.

Екатерина обращает взор на три государственных состояния: земледельческое, торговое или ремесленное и воинское. «Первое есть самое необходимое и труднейшее: тем более должно ободрять его (297)». Монархиня ставит в пример обычай Китая, где император ежегодно возвышает прилежнейшего земледельца в сан мандарина. Сообразуясь с уставами нашего государства, она предлагает иные способы награды для тех, которые, потом лица своего орошая землю, извлекают из недр ее истинные сокровища людей, гораздо драгоценнейшие перуанского золота и бразильских диамантов; «главное же ободрение сельского трудолюбия есть, по словам ее, право собственности: всякий печется о своем более, нежели о том, что другому принадлежит, или что другие могут отнять у него (295, 296)». Ее человеколюбивое намерение ясно (261); ее желание также (260). Чувствуя, сколь нужно размножение народа для России, Екатерина спрашивает: «Отчего более половины младенцев, рождаемых в наших селах, умирают в детстве?» Она угадывает источник сего страшного зла: «порок в физическом воспитании и в образе жизни. Люди, не могущие о самих себе иметь

нужного попечения в болезнях, могут ли иметь хороший присмотр за слабыми существами, находящимися в беспреестанной болезни, то есть во младенчестве? Какое счастье для России, если найдется способ отвратить такую гибель (266–276)!». Одним словом: она хотела благоденствия земледельцев; хотела, чтобы, осыпанные изобилием Природы, среди многочисленных семейств своих, они трудились для наслаждения и под смиренным кровом сельских хижин, где любит обитать спокойствие, не завидовали великолепным градским палатам, где часто праздность и скука изнуряют сердце; она хотела, чтобы трудолюбие, зернистые колосья, золотые нивы, полные житницы были для них истинною роскошью!

Как от успехов земледелия цветут поля и села, так *среднее политическое состояние* украшает грады (377). Обогащая государство торговлею и художествами, представляя ему новые источники общественного избытка и силы, оно не менее полезно и для успехов земледелия, имея нужду в его плодах и щедро награждая за них селянина (377). Премудрая чувствует необходимость особенных законов для городских жителей, для определения их прав и выгод (393), для ободрения их промышленности и трудолюбия. Каждая мысль ее о сем предмете есть важная истина для законодателей. «Торговля бежит от притеснений и царствует там, где она свободна; но свобода не есть самовластие торгующих в странах вольных; например, в Англии они всего более ограничены законами*»; но законы эти имеют единственную целию общее благо торговли, и купечество в Англии процветает (317–322)». – Сей же род людей прославляет государство науками (377), имеющими влияние и на благо других состояний. Цветущие села

---

* О свободе торговой можно сказать то же, что о свободе политической: она состоит не в воле делать все полезное одному человеку, а в воле делать все не вредное обществу.

и города должны быть безопасны от внешних неприятелей, которые огнем и мечом могут превратить их в гробы богатств и людей: образуется воинское состояние, училище героев, древний источник гражданских отличий, названных правами благородства или дворянства (365). Гражданин, для общего блага жертвующий не только спокойствием жизни, но и самую жизнь, есть предмет государственной благодарности; ее мера есть мера услуг его, герои, спасители отечества, были везде первыми знаменитыми гражданами, пользовались везде особенными правами (361). Но чем же наградить воина, умирающего на поле славы? Народная признательность изобрела средство быть *вечною*, награждая отца в сыне: почесть важнейшая мраморных памятников! Итак, право наследственного благородства есть священное для самого рас-судка, для самой философии – и полезное для общества: ибо дети знаменитых мужей, рожденные с великими гражданскими преимуществами, воспитываются в долге заслужить их личными своими достоинствами (374). Честь и слава, по словам бессмертного Монтескье, есть семя и плод дворянства. Хотя первым источником оно было издревле одни воинские добродетели; но как правосудие нужно не менее победе для государственного благоденствия, то оно также может быть отличием сего рода людей (368), сих главных стражей отечества вне и внутри его. Но славные права дворян, их не менее славные обязанности всегда ли будут только жребием некоторых счастливых поколений? Нет: добродетель с заслугою сообщают благородство (363), вещает Екатерина – и таким образом открывает путь славы для всех состояний. Что можно приобрести достоинствами, то можно утратить пороками: монархия означает и те и другие. Если человек, который долгое время был для сограждан примером нравственного совершенства и любви к Отечеству, рукой

государя возводится на степень дворянства: то можно ли стоять на ней изменнику, вероломному, лживому свидетелю? Он свергается в толпу народную, где гражданское правосудие знаменует его стыдом и бесчестьем (371).

Глава о государственной экономии служит наставлением для всех монархов, утешением для всех граждан, доказывая первым, что они суть только хранители общественного сокровища и могут употреблять его единственно для блага народного; доказывая последним, что они, уделяя государю часть своего избытка, утверждают тем собственное их благосостояние; что они платят дань не государю, а самим себе, или друг другу. Если пастыри и земледельцы хотят, чтобы стада и поля их были целы, то нужно воинство для отражения внешних хищников; если купечество желает безопасности для кораблей своих, то надобен флот, готовый наказать дерзостного оскорбителя их флагов. Внутренняя безопасность, полезные заведения, удобность пути для сообщения людей, соединение рек, наконец самое великолепие двора, изображающего величие народа, — одним словом, все предметы государственных расходов имеют в предмете общую пользу (576–580). Но монархиня желает облегчить эту необходимость для народа и предписывает законодателю искать новых, удобнейших способов для разделения налогов, сравнивая их с легкими парусами, долженствующими ускорять плавание корабля, а не бременить его (601). Самое же вернейшее средство умножить государственные богатства есть умножить народ и привести в цветущее состояние земледелие, ремесла, торговлю, художества, науки (603–618).

Всякая власть законодательства представляется важною и спасительною под мудрым пером Екатерины. Она первая изобразила все великие должности берегательной власти или благочиния. Во многих землях имя

полиции означает единственно наушников правительства и ужас не только злых людей, но и самых добрых. Монархиня превращает ее в благодетельное судилище нравов и порядка для всей империи. Полиция, соблюдая тишину, обуздывает вредную роскошь, старается искоренять и даже предупреждать нравственное зло, бесчинство, обман; печется о безопасности, физическом благосостоянии народа, чистоте воздуха, здоровой пище, твердости зданий, украшении городов и сел, о приятной удобности путешественников, – наконец печется о бедных и больных. Эта деятельная часть правительства, – этот, так сказать, неусыпный Аргус его, не присваивая себе уголовного и гражданского суда, исправляет людей легкими наказаниями и спасает порок от преступления (553–565).

Предложив в сем *Наказе* самую лучшую основу для политического образования России, Екатерина заключает его священными, премудрыми мыслями, которые, подобно Фаросу⁶, в течение времен должны остерегать все монархии от политического кораблекрушения. Сograждане! да обновится внимание ваше: се глас вечной судьбы, открывающей нам причину государственных бедствий!

«Империя близка к своему падению, как скоро повреждаются ее начальные основания; как скоро изменяется дух правления, и вместо равенства законов, которое составляет душу его, люди захотят личного равенства, несогласного с духом законного повиновения; как скоро престанут чтить государя, начальников, старцев, родителей. Тогда государственные правила называются жестокостию, уставы принуждением, уважение страхом. Прежде имение частных людей составляло народные сокровища; но в то время сокровище народное бывает наследием частных людей, и любовь к Отечеству исчезает (502–566). – Что истребило наши две славные династии? – говорит один китайский писатель: то, что они,

не довольствуясь главным надзиранием, единственно приличным государю, хотели управлять всем непосредственно и присвоили себе дела, которые должны быть судимы разными государственными правительствами. Самодержавие разрушается, когда государи думают, что им надобно изъяслять власть свою не следованием порядку вещей, а переменой оного, и когда они собственные мечты уважают более законов (510–511). – Самое высшее искусство монарха состоит в том, чтобы знать, в каких случаях должно ему употребить власть свою: ибо благополучие самодержавия есть отчасти кроткое и снисходительное правление. Надобно, чтобы государь только ободрял и чтобы одни законы угрожали (513–515). Несчастливо то государство, в котором никто не дерзает представить своего опасения в рассуждении будущего, не дерзает свободно объявить своего мнения (517). – Все сие не может понравиться ласкателям, которые беспрестанно твердят земным владыкам, что народы для них существуют. Но *мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы живем для нашего народа. Сохрани Боже, чтобы, по совершении сего законодательства, какой-нибудь народ на земле был счастливее российского! Тогда не исполнилось бы намерение наших законов: несчастье, до которого я дожить не желаю (520)!»*

Я верю своему сердцу: ваше, конечно, то же чувствует... Сograждане! сердце мое трепещет от восторга: удивление и благодарность производят его. Я лобызаю державную руку, которая, под божественным вдохновением души, начертала сии священные строки! Какой монарх на троне дерзнул – так, *дерзнул* объявить своему народу, что слава и власть венценосца должны быть подчинены благу народному; что не подданные существуют для монархов, но монархи для подданных? Мы удивляемся философу, который проповедует царям их должно-

сти; но можно ли сравнить его смелость с великодушием самодержавной Екатерины, которая, утверждая престол на благодарности подданных, торжественно признает себя обязанною заслуживать власть свою? Ядовитая лесть, которая вьется и шипит вокруг государей, могла ли уязвить такое геройское сердце? Нет! гнусный гад, пресмыкаясь во прахе, не ужалит орла, под небесами парящего!.. И это великое движение пылкой души, эти в восторге произнесенные слова: «сохрани Боже, чтобы какой-нибудь народ был счастливее российского!» – не суть ли излишние и торжество страстной добродетели, которая, избрав себе предмет в мире, стремится к нему с пламенной ревностью и самую жизнь в рассуждении его ни за что считает? Так, Екатерина преломила бы скипетр царский, свергла бы венец с главы своей, возненавидела бы власть свою, если бы они не служили ей средством осчастливить россиян!

Ее *Наказ* долженствовал быть для депутатов Ариадниной нитью в лабиринте государственного законодательства; но он, открывая им путь, означая все важнейшее на сем пути, содержит в своих мудрых правилах и душу главных уставов, политических и гражданских, подобно как зерно заключает в себе вид и плод растения.

Уже депутаты российские сообщали друг другу свои мысли о предметах общего Уложения, и жезл маршала гремел в торжественных их собраниях. Екатерина невидимо внимала каждому слову, и Россия была в ожидании... Но Турецкая война вспылала, и монархиня обратила свое внимание на внешнюю безопасность государства.

Сограждане! принесем жертву искренности и правде; скажем – что Великая не нашла, может быть, в умах той зрелости, тех различных сведений, которые нужны для законодательства. Да не оскорбится тем справедливая гордость народа российского! Давно ли еще сияет для

нас просвещение Европы? И мудрость Ликургов была ли когда-нибудь общею? Не всегда ли великое искусство государственного образования считалось небесным вдохновением, известным только некоторым избранным душам? Оставляя суеверные предания дерзости о нимфах Эгериях, можем согласиться, что Нумы⁷ всех веков имели нужду в чрезвычайных откровениях гения. Сколько мудрости потребно законодателю? Сколь трудно знать человеческое сердце, предвидеть все возможные действия страстей, обратить к добру их бурное стремление или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу с общею; наконец – после высочайших умозрений, в которых дух человеческий, как древле Моисей на горе Синайской, с невидимым Божеством сообщается, – спуститься в обыкновенную сферу людей и тончайшую метафизику преобразить в устав гражданский, понятный для всякого!

Но собрание депутатов было полезно: ибо мысли их открыли монархине источник разных злоупотреблений в государстве. Прославив благую волю свою, почтив народ доверенностию, убедив его таким опытом в ее благотворных намерениях, она решилась сама быть законодательницею России.

Едва умолкли громы войны, в самый первый год счастливого мира Екатерина обнародовала новое Учреждение для губерний, которое составляет вторую важную эпоху в ее правлении и которое, мало-помалу, удивительным образом переменяло Россию как в умах, так и во нравах.

Государства, подобно человеку, имеют разные нравственные возрасты: мудрый законодатель следует взором своим за их изменениями и от времени до времени обновляет систему свою, прибавляя или иначе располагая части ее. Что в веке Петра Великого было достаточно для скорого производства дел, то во дни Екатерины уже не ответствовало новым потребностям россиянина. Сograж-

дане! опыт и размышление открывают нам эту любопытную истину: «что быстрые шаги человека к философии и к гражданскому совершенству *до некоторого отдаления* бывают самые беспокойные». Разум, помраченный невежеством, есть тихое, заросшее травой болото, которого сонные воды не знают никакого бурного волнения; но первые лучи философии, пробуждая мысленную силу, рождают сомнение за сомнением, которые волнуют душу в океане неизвестности: время заблуждений и дерзких систем! Но вихрь наконец утихает, и разум, обогащенный идеями, находит для себя счастливую пристань, где тишина и мирные наслаждения ожидают его. Так и в гражданских обществах. Легко законодателю управлять народом грубым и полудиким, которого нужды, понятия и страсти малочисленны; которого душа недеятельна и разум дремлет. Тогда новый гражданин в случае обиды скорее прибегает к человеческой управе, нежели к гражданской; тогда бывает более ссор, нежели дел тяжбы. Но когда гражданин, так сказать, *осмотрится* в политическом обществе, когда, узнав новые потребности, новые выгоды стяжания, он уже привыкнет к власти законов, *отнимающих* и *дающих*: тогда рождается охота к тяжбам, рождается ябеда, сия хитрость простых, которая, беспокоя других, сама себя изнуряет и, стремясь к неправым приобретениям, ведет за собой разорение. Дальнейшие успехи просвещения исцеляют гражданина от этой болезни, открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни; но пока сия счастливая перемена не совершится, законодатель умножает способы правосудия для скорейшего успокоения невинности и наказания ябедника. Со времен Петра Великого до царствования Екатерины число тяжбных дел беспрестанно возрастало, и монархиня должна была установить новые судилища*.

---

* См. Манифест при Учреждении.

Но творения великих умов, подобно творениям Природы, не ограничиваются благом единого рода, и новое Учреждение Екатерины представляет нам в своем намерении различные пользы для России. Одна из великих мыслей сего Учреждения есть ввести в правление все три гражданские состояния, приучить людей к законоведению, утвердить правосудие на собственном их благе. Всякий может быть судиею для равных ему и должен знать уставы государственные; всякий для своей безопасности избирает достойнейшего, поручая ему некоторым образом жребий свой; всякий, зная тяжбу, знает и судящихся, будучи товарищем их в гражданской жизни; всякий боится употребить во зло общую доверенность, ибо через три года возвратится он в состояние частного гражданина и будет наказан общим презрением, если не исполнит обязанностей чести.

Монархиня повелела – и Россия, дотоле не соразмерная в частях своих, подобно дикому произведению Nature или слепого случая, приняла вид гармонического размера, подобно творению совершенного искусства; части сравнялись между собою, и каждая губерния ограничилась удобнейшим для нее пространством. Монархиня повелела – и глас ее, как лира Амфионова, творит новые города, если не великолепием художества, то своей пользой украшенные. Уже земледелец не принужден надолго расставаться с мирными пенатами, чтобы в отдалении искать защиты от притеснителя, суда на хищного соседа или потребностей для жизни своей. Уже каждое селение означает близость города, где правосудие берет под свою эгиду пастыря и оратая; где торговля удовлетворяет их главным потребностям и где свободно меняются они плодами трудов своих. Благоразумный политик видит в начальном недостатке сих юных заведений будущие их успехи и богатство. Так юное древо, с трудом пробиваясь

сквозь твердые глыбы земли, едва-едва приметно на ее зеленой поверхности; но время возвышает его – и величественный дуб осеняет землю.

Сии округи, заключая в средоточии своем столицу губернии, которая управляет их политическими действиями, представляют образ различных семейств под начальством единого, главного, и государев наместник имел благословенную власть отца*. *Ходатай за пользу общую и государственную, заступник утесненных и побудитель безгласных дел, но не судия*, он наблюдал течение правосудия, движение весов его и мог остановить беззаконие, относясь или в Сенат, или к самой монархине; *пресекал всякого роду злоупотребления, излишнюю роскошь, тиранство и жестокости. Доброхотство и любовь к народу* должны были быть его главным свойством**. – Монархическое правление требует такого соединения блюстительных властей в одном человеке, для хранения порядка в разных уделах государства – и когда Франция вышла из бурного хаоса безначалия и снова заняла место свое между европейскими державами, тогда хитрый властелин ее, наученный опытностью, должен был для лучшего благоустройства установить префектов, которые суть не что иное, как наместники государевы.

Учреждение губернского правления было совсем новое и беспремерное в России: место, ограниченное исполнительною властью, без всякой судебной. Монархиня чувствовала, сколь нужно отделить сию власть, чтобы главное место в губернии не присвоило себе опасного самовластия; и таким образом оно не может предписать решения нижним судам, которые в совершенной свободе действуют по уставам; но требует от них скорости, на-

---

* Сия благодетельная должность есть ныне должность губернаторов.

** См. Учреждение.

казывает пеней нерадивую медленность; и в случае неисправления предаёт виновного законам: следственно, имеет все способы благотворить обществу, не вмешиваясь в права судейские.

Прежде в губернских и городских судилищах соединялись дела всякого рода и своим множеством, своим разнообразием затрудняли их: монархиня отличила гражданские от уголовных, частные от государственных и предписала им особенный путь, как для скорейшего, так и для лучшего производства: ибо единство упражнений научает судию быстрому соображению обстоятельств и вернейшим способам открывать истину. Два департамента магистратов, Верхних расправ и Земских судов, Уголовная и Гражданская палаты, образуют две нити правосудия, которые соединяются между собою только в делах смешанных или двояких. Сии палаты, имея права Коллегий, судят в средоточии губерний; нет дальних переносов; все нужные объяснения могут быть доставляемы скоро, и медленность, первое зло по неправде, пресекается. – Государственные пользы, вверенные Казенной палате (которая действует, так сказать, на месте, знает обстоятельства, знает особенные выгоды своей губернии и не развлекается уже никакими другими предметами), составили лучшую систему хозяйства; казна обогатилась новыми доходами и вернейшим сбором прежних.

Дворянская опека и Сиротский суд, которые, подобно небесному Провидению, пекутся о беззащитных младенцах и вдовах, – Общественное призрение, которое благотворит несчастным жертвам бедности и недугов, воспитывает сырых, управляет *работными домами* (где бедный гражданин, лишенный всего, кроме сил, трудами своими живет и другим пользу приносит), местами наказания, или, лучше сказать, исправления гражданских пороков – и наконец Совестьный суд, который есть *человеколюбие пра-*

восудия (божественная и беспримерная мысль в законодательстве!), останутся в России вечным памятником того, что некогда добродетель в лице монархини управляла ею.

Политическое и нравственное действие такого нового, всеобъемлющего Учреждения должно было скоро означиться в государстве.

Многочисленное российское дворянство со времен Петра Великого служило мечом отечеству до изнеможения сил своих; тогда под знаменами воинскими, в шумных станах, среди опасностей и сражений, надлежало искать почтенных сынов России. Великий император, образуя армию, хотел, чтобы отличенные гражданскими правами отличались ревностно и служили до последней возможности: необходимость сего требовала. Но обстоятельства переменились. Уже Россия могла обойтись без сего принуждения, и Петр III заслужил благодарность дворянства, оказав доверенность к его свободной патриотической ревности. С того времени провинции и села оживились присутствием многих благородных, которые могли с честью оставить воинскую службу; они вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь; хозяйство и ловля зверей, которая приятным образом напоминала им воинскую деятельность, были единственным их занятием. Россия, особливо в отдаленных частях своих, представляла картину *феодалных* веков Европы, когда всякий владелец казался отделенным от государства составом; и если бы тяжбы, рождаемые грубым корыстолюбием и самою праздностию, не давали иногда чувствовать нашим дворянам зависимости их от правления, то они могли бы некоторым образом забыть отношения гражданина к государству. Такое состояние, конечно, не благоприятствовало духу общественности и патриотизма.

Но открытие наместничеств открыло дворянам новое поле деятельности, вывело их из произвольного зато-

чения, соединило в общество, более познакомило между собою и возвысило цену доброго мнения о человеке. Прежде любопытные иностранцы находили в России пустые, унылые города, где пять или шесть судей составляли все общество; но теперь в каждой губернии находят они цветущую столицу, украшенную новыми зданиями, оживленную присутствием многочисленного дворянства, которое призывает их к весельям лучших европейских городов и своим приятным гостеприимством, ласковою учтивостию доказывает им, что обширные степи и леса не служат в России преградой для успехов светской людскости.

Прежде какая-то грубая восточная пышность отличала богатых дворян в провинциях: теперь общий вкус к жизни сближает состояния, без роскоши украшает посредственность и самому недостатку дает вид довольства.

Прежде дворяне наши гордились какой-то, можно сказать, дикою независимостию в своих поместьях: теперь, избирая важные судебные власти и через то участвуя в правлении, они гордятся своими великими государственными правами, и благородные сердца их более нежели когда-нибудь любят свое отечество.

Прежде человеколюбивый родитель, удаленный от столицы, в сельском уединении не имел средства достойным образом воспитывать своих детей: теперь, в новом порядке вещей, нашел он более возможности образовать ум и сердце их. Пребывание многих дворянских семейств в губернских городах и старания правительства способствовали везде заведению благородных училищ.

Сия перемена, столь благоприятная для государственного просвещения, не имела вредного действия и на сельское хозяйство. Великая законодательница все предвидела и почти для всех дворян, избираемых в должность, назначила месяцы отпусков в самое то время, когда сельские работы требуют глаз помещика. Ссылаясь на опыт, спра-

шиваю: не процвело ли в наше время и самое земледелие в России? Сие изъясняется двумя причинами: во-первых, открылись новые способы для торговли, всегда имеющей влияние на хлебопашество; во-вторых, дворяне, чрез взаимное сообщение сведений, узнали лучшие способы земледелия, и старинные предрассуждения (ибо оно также имеет их) уступили место новейшим полезным опытам.

Дерзну еще сказать истину? Новое Учреждение пресекло многие злоупотребления господской власти над рабами, поручив их судьбу особенному вниманию наместника. Сии гнусные, но, к утешению доброго сердца, малочисленные тираны, которые забывают, что быть господином есть для истинного дворянина быть отцом своих подданных, не могли уже тиранствовать во мраке; луч мудрого правительства осветил их дела; страх был для них красноречивее совести, и судьба подвластных земледельцев смягчилась. Но чувствительное и патриотическое сердце желало бы еще найти другую, утешительную причину такой благой перемене – и для чего, сверх боязни, не признать нам в сем случае и спасительного действия лучшей нравственности?

Через умножение *окружных* городов умножилось купечество и процвело через многолюдство *губернских*, которых торжища скоро представили богатое собрание плодов российской и чужеземной промышленности. Самые нравы торговых людей, от многих и близких сношений с дворянством более просвещенным, утратили прежнюю свою грубость; и богатый купец, видя перед собою образцы в лучшем искусстве жизни, неприметно заимствовал вкус и светскую обходительность.

Земледельцы, сельскою добродетелию от плуга на ступени Фемидина храма возведенные, судьи себе по-

добных, долженствовали с приобретением таких новых прав возвыситься в духе своем, узнать лучше гражданскую жизнь и законы, служащие ей основанием; долженствовали, возвращаясь под домашний кров свой, быть опытными советниками и миротворцами поселян.

Установлению сельского благочиния обязаны мы безопасностью дорог и уменьшением всякого рода беспорядков. Давно ли еще путешественник трепетал грозных лесов России? давно ли внезапный шум листьев ужасал его сердце? Давно ли дикие, уединенные гроты были вертепом разбойников? Но деятельная новая власть проникла в самую непроницаемость древних лесов, в сие отечество злодеев; истребила их тайные убежища и, обнимая всеместность взором своим, препятствует самому зарождению опасных скопищ. Теперь путешественник не страшится ничего в обширных пределах России; теперь, под щитом невидимой власти, беспечно и спокойно углубляется он в самые дикие места, и отечество наше есть для него самая безопаснейшая страна в Европе.

Сограждане! я означил только главные действия сего Учреждения Екатерины, действия уже явные; но еще многие хранятся в урне будущего или в начале своем менее приметны для наблюдателя. Оно, необходимо просвещая народ, окажется тем благодетельнее в следствиях, чем народ будет просвещеннее.

Но при конце сего начертания взор мой невольно устремляется на всю неизмеримую империю, где столько морей и народов волнуется, где столько климатов цветет или свирепствует, где столько необозримых степей растилается, и столько величественных гор бросает тень на землю! Я воображаю сии едва вообразимые пространства со всеми их жителями и думаю: «Екатерина, подобно божеству, согласила все *словом* своим; отдаленные берега Ледовитого моря представляют тот же государствен-

ный порядок, которому на берегах величественной Волги или Невы удивляемся; народы, столь различные, правятся единым уставом; части, столь несходные, всеобщим Учреждением монархини приведены в целое, и бесчисленные страны российские составили разные семейства единого отечества!» Сия мысль восхищает дух мой!

Как искусный художник, сотворив хитрое орудие и приводя его в движение, еще не опускает творческой руки своей, но внимательно наблюдая, прибавляет, чего недостает к совершенству оного: так Великая Екатерина, исполнив мудрое свое Учреждение, еще не успокоилась от трудов законодательных, но спешила увенчать их новыми.

Устав Благочиния* содержит в себе не только все способы внешнего порядка и безопасности, но и самые святейшие правила гражданского нравоучения, столь любезного добродетельному сердцу монархини. Так называемое *Зерцало Благочиния* есть зеркало всех взаимных гражданских обязанностей, предложенных с тою ясною краткостью, которая должна быть характером законов и которая сколь неплодовита словами, столь мыслями и отношениями богата. Оно дает полиции священные права Римской цензуры; оно предписывает ей не только устрашать злодейство, но и способствовать благонравию народа, питать в сердцах любовь к добру общему, чувство жалости к несчастному: сие первое движение существ нравственных, слабых в уединении и сильных только взаимным между собою вспоможением; оно предписывает ей утверждать мир в семействах, основанный на добродетели супругов, на любви родительской и неограниченном повиновении детей** : ибо *мир в семействах есть мир во граде*, по словам древнего философа. Одним словом: монархиня превратила в закон мысли *Наказа* ее

---

* Обнародованный в 1782 году, апреля 8.

** См. Зерцало Благочиния.

о сем предмете, и никакое другое государство не имеет столь мудрого и совершенного полицейского Устава.

Начало дворянства нашего теряется во мраке веков. Благородные россияне были, конечно, прежде сердцем и душою, нежели именем благородные. Мало-помалу, в течение времен, делами знаменитые роды составили в нашем отечестве первую ограду трона и особенное состояние под названием дворянского. Награжденные от государей поместьями, они имели право умножать их куплею и, сверх того, занимать первые места как в гражданском, так и в воинском порядке. Петр III даровал им вольность; Екатерина распространила их политические действия; но еще недоставало полного изображения прав дворянских, утвержденного монаршею властью и торжественно преданного векам в образе священного монумента. Екатерина обнародовала Грамоту дворянства, где, представляя в блестящей картине все заслуги его, представляет она и все награды, которыми отечество изъявило ему свою признательность. Монархиня именем Неба скрепляет святость, вечность и непоколебимость этих преимуществ...

Здесь обращаюсь к вам, мои собратья, благородные сыны России, потомки мужей именитых! и, мысленно развертывая перед вами сию государственную хартию, на которой сияют все великие права дворянства, вопрошаю: чего недостает к совершенству нашего гражданского благоденствия? каких выгод можем еще желать? кому завидовать? Мы свободны! судимы только равными себе! Боимся одних законов! имеем голос в империи, и монарх внимает ему! Наша собственность неотъемлема; достоинство родов и право наследства сохранены, но мы по воле располагаем приобретениями. Земля, которой владеем, для нас отверзает недра свои и тайные сокровища; для нас текут воды в ее пространстве! И если некоторые

особенные склонности влекут нас в климаты чуждые; если полезное любопытство наше требует себе новой пищи; если кроткое небо южной Европы обещает нам лучшее здравие: мы свободны! Дворянин российский есть гражданин вселенной; нет преграды для путей его. Но и там, в странах отдаленных, отечество не престаёт нам благодетельствовать; и там мы наслаждаемся плодами нашей собственности, в недрах его оставленной; оттуда располагаем ей, и вне России живем Россиею*. Но если полная мера политического благоденствия есть наша доля, то будем же признательны и не забудем, что великие отличия приносят с собою и великие должности; что благородный есть или человек добродетельный, или поношение своего рода; что быть полезным есть первая наша обязанность; и что истинный российский дворянин не только посвящает жизнь отечеству, но готов и смертию доказать беспредельную любовь свою к его благу!

Е к а т е р и н а , возобновив или умножив права наши, в то же время обнародовала и *Городовое положение*, которое навеки утвердило *среднее состояние* в России, определив сферу действий его и назначив в ней разные степени, увенчанные наконец титлом именитого гражданина, который имеет уже часть дворянских преимуществ и даёт внуку своему право требовать сего достоинства. Каждая новая степень приносит с собою новые выгоды для общежития, открывает вблизи ещё важнейшие, возбуждает ревность к трудам, ревность к дальнейшим успехам и, питая честолюбие, способствует государственному благу. Монархиня знала человеческое сердце и тайну гражданских обществ; знала, что самые легкие отличия производят дела важные; знала, что все государственные степени, возвышаясь одна пред другою, должны иметь некоторую связь – и таким образом дворянин уже пода-

---

* См. Дворянскую грамоту, подписанную в 1785 году, 21 апреля.

ет руку именитому гражданину, который, переходя наконец в сан благородных, оставляет за собой лестницу для других, ему подобных. Если иностранные писатели доньше говорят, что в России нет *среднего состояния*, то пожалеем об их дерзком невежестве, но скажем, что Екатерина даровала сему важному состоянию истинную политическую жизнь и цену; что все прежние его установления были недостаточны, не тверды и не образовали полной системы; что она первая обратила его в государственное достоинство, которое основано на *трудолюбии* и *добрых нравах* и которое может быть утрачено пороками*; что она первая поставила на его главную степень цвет ума и талантов: мужей, просвещенных науками, украшенных изящными дарованиями**, и через то утвердила законом, что государство, уважая общественную пользу трудолюбием снисканных богатств, равномерно уважает и личные таланты и признает их нужными для своего благоденствия.

Таким образом монархия производила в действие великие мысли своего *Наказа*; таким образом ее собственная мудрая рука постепенно образовала полную государственную систему монархической России, согласную с истинным счастьем *человека*, следственно, несогласную с печальным именем *раба*, которым прежде гражданин назывался в отечестве нашем и которое навсегда уничтожилось Екатериною***. Глубокомысленный политик и философ видит перед собою величественное, огромное здание, которое всякою частию удивляет разум, свидетельствует мудрость зодчего и должно похвалить веками. Если Вел и к а я не совершила его... пожа-

---

* См. Городовое положение.

** Ученые и художники по сему закону имеют право на достоинство именитых граждан.

*** Указом 1786 года, февраля 19.

леем о кратком веке смертного! Когда бы монархи были только законодателями, то Екатерина, без сомнения, успела бы образовать Россию совершенно; но труды их столь бесчисленны, столь разнообразны, что ум обыкновенный теряется в сей необозримости. Внешняя политика, внутреннее правление, трудное и на многие предметы обращенное правосудие, занимая всю душу, истощают ее деятельность, которая, укрываясь в частях своих от глаз историка, не менее нужна и спасительна для государств; и которая, подобно тонким, едва заметным нитям ручейка, мало-помалу образующим светлую реку, обращает на себя внимание наблюдателя только через большее пространство времени, представляя картину народного счастья, удовольствия и порядка*.

Часть третья

Монархиня давала законы: Мать подданных благодарила полезными учреждениями.

Сограждане! сей огромный дом, который украшает древнюю столицу Российскую, величественно осеняя реку ее, – сей дом, предмет удивления Европы, всех любопытных чужеземцев, всех друзей человечества – есть храм, посвященный Екатериною милосердию! Там несчастные младенцы, жертвы бедности или стыда – не радость, но ужас родителей в первую минуту бытия своего; отвергаемые миром при самом их вступлении в мир; невинные, но жестоко наказываемые судьбою – приемлются во святилище добродетели, спасаются от бури, которая сокрушила бы их на первом дыхании жизни; спасаются и – что еще более – спасают, может

---

* Я не могу говорить здесь о всех Указах Екатерины: например, о межевании, о фабриках, о таможах, о рудокопнях, о почте, о сборе податей, о банках и проч. Все они доказывают ее попечительность о пользе государства и граждан.

быть, родителей от адского злодеяния, к несчастью, не беспримерного! находят человеколюбивое призрение; не только кров и пищу, но и все лучшее, мудрую благодать вымышленные способы укреплять их здравие, образовывать душу, предупреждать физическое и нравственное зло. Там всегдашние, трогательные попечения небесной благодетельности не уступают самым нежнейшим родительским попечениям и, осыпая цветами колыбель младенцев, скрывают от сирот несчастье сиротства; там кроткая улыбка добродушной надзирательницы заменяет для юных сердец счастливую улыбку матери; там благо-разумный надзиратель заступает место отца и, приучая их к трудолюбию, к порядку, готовит в них отечеству полезных граждан. Искусные в художествах и ремеслах, которые делают человека независимым властелином жизни своей, сии питомцы монаршей щедроты выходят в свет, и последний дар, ими из рук ее приемлемый, есть – гражданская свобода. Они выходят, обогатившись средствами устроить себе приятную долю в обществе, которое ждет их с нетерпением и, так сказать, рассыпает пред ними свои жребии; они избирают – и сей, некогда отверженный младенец, спасенный монаршим провидением от верной гибели, есть теперь надежный помощник именитого гражданина в делах торговых, или пример искусного ремесленника, или исправный письмоводитель в доме вельможи. – Трудолюбивый мещанин среди воспитанниц Сиротского дому находит себе подругу, наученную всем женским работам и правилам хозяйства.

Да скажут те, которые путешествовали в странах чуждых и везде искали знаков человеколюбивого правления, – да скажут они, где представлялось взору их нечто подобное Сиротскому дому Екатерины? Какое другое благодетельное заведение может равняться с ним обширностию плана, богатым основанием, порядком, а

всего более успехом и пользою? Какое другое заведение приобрело столько общей доверенности, чтобы частные люди поверяли ему драгоценную собственность охотнее, нежели первым богачам в империи, и таким образом на цветущем его состоянии утверждали свой достаток?

Сим великим учреждением монархиня открыла истинному человеколюбию и патриотизму самый лучший способ действия.

Если вы, любимые сыны счастья, хотите доказать Провидению свою признательность за дары Его; если чувствительное сердце ваше имеет нужду излиться в благотворениях, то не на стогнах ищите предмета для оных: там нередко вредная праздность одевается рубищем бедности, чтобы обмануть жалость и сострадание; но спешите в сей храм добродетели, принести ей чистые жертвы уделением вашего избытка: ибо Екатерина позволила вам благотворить вместе с нею; – там каждый дар ваш процветет и украсится сторичным плодом для святой пользы человечества.

Монархиня, уверенная, что благонравие нежного пола в высшем состоянии имеет сильное влияние на государственное благонравие, основала, под собственным ее надзиранием, Дом воспитания для двухсот благородных девиц, чтобы сделать их образцом женских достоинств. Устав сей и целью и средствами своими заслужил искреннюю похвалу, искреннее удивление первых умов в Европе. Там любовь и кротость должны ласкою образовывать юное сердце для всех женских добродетелей; там чувствительность и нежность, обращенные в приятную науку, расцветают в душе от примеров и наставлений. Нравственность есть главный предмет; но и разум обогащается всеми знаниями, всеми идеями, нужными для того любезного существа, которое должно быть прелестью света, сокровищем супруга и первым наставником

детей. Приятные женские рукоделия, которые украшают жизнь хозяйки – искусства Граций, которые милую природу и совершенства ее делают еще милее – входят также в систему воспитания. Екатерина любила посещать сей прекрасный цветник, ею насажденный; любила смотреть на веселых питомиц, которые, оставляя игры свои, спешили к ней навстречу, окружали ее радостными, шумными толпами, целовали ее руки, одежду; единогласно называли матерью и своею беспечной резвостью в присутствии монархини доказывали, что они только любили, а не боялись ее! Она знала имена, самые характеры их; награждала добрые успехи своим благоволением, ласковыми взорами и похвалами; одним словом: она казалась истинной матерью сего многочисленного, цветущего семейства. Всякий приезд ее был счастливым торжеством для всего Дома. – Доставляя юным девицам невинные забавы, монархиня желала, чтобы они представляли иногда нравоучительные драмы; славный Расин писал для Сен-Сира; еще славнейший гений Фернейский* хотел пером своим способствовать полезным удовольствиям воспитанниц Екатерины, которая, занимая величием своим театр мира, с веселием занималась театром любезного детства – и минуты, проведенные ею в Воскресенском монастыре, были, конечно, не потерянными для счастья минутами ее царствования. Она предчувствовала мирное благополучие семейств, которое долженствовало быть плодом его учреждения, – и не обманулась. Какое-то невинное добродушие, искренность, благонравие, сверх знаний и талантов, бывают особенным характером монастырских воспитанниц. – Монархиня основала также и для мещанского состояния училище, которого питомицы приготавливаются быть хорошими, добронравными хозяйками, искусными

---

* См. переписку Екатерины с Вольтером.

в рукодельях, и на всю жизнь остаются под особенною защитою Опекунского совета*.

Академия художеств существовала в России едва ли не одним именем; Екатерина даровала ей истинное бытие, законы и права, взяв ее под личное свое покровительство, в совершенной независимости от всех других властей; основала при ней воспитательное училище; ободряла таланты юных художников; посылала их в отчизну искусства, вникать в красоты его среди величественных остатков древности, там, где самый воздух вливает, кажется, в грудь *чувство изящного*, ибо оно есть чувство народное; где Рафаэль, ученик древних, превзошел своих учителей и где Микельанджело *один* сравнился с ними во всех искусствах. Там питомцы Российского художества обогащались мыслями и кисть и резец свой образовали по великим творениям гения. Сказав: *и мы, и мы художники!* они творили – и первые в Европе академии хотели иметь их своими членами. – С того времени похвальный вкус к художествам распространился в России; с того времени столицы наши гордятся великолепными зданиями собственных архитекторов; красоты живописи и ваяния расцвели в нашем климате, и россиянин, не выезжав из отечества, может говорить об искусстве. – Права, данные Академии, служат величайшею почестью, какую только государь может оказать дарованиям: всякий ее питомец есть навеки свободный человек со всем его родом, подсудим ей одной или, по крайней мере, без ее ведения не судится другою властью; волен жить независимо своим талантом, волен избрать всякую службу, но ни к какой

---

* Нередко самые лучшие учреждения, уже не будучи одушевляемы деятельным надзиранием первого творца тех, мало-помалу теряют всю пользу; но Сиротский дом и Воскресенское училище девиц имели счастье найти новую покровительницу в Ее Величестве вдовствующей императрице Марии Феодоровне, которая оживляет их своим попечением.

не принуждается. Сим важным правом Екатерина почитила в России и художества и свободу!

Кадетский корпус, учрежденный императрицею Анною, производил хороших офицеров и даже военачальников; ко славе его должно вспомнить, что Румянцев был в нем воспитан. Но сие учреждение клонилось уже к своему падению, когда Екатерина обратила на оное творческий взор свой – умножила число питомцев, надзирателей; предписала новые для них законы, сообразные с человеколюбием, достойные ее мудрости и времени. Военная строгость, которая доходила там нередко до самой крайности, обратилась в прилежное, но кроткое надзирание, и юные сердца, прежде ожесточаемые грозными наказаниями, исправлялись от легких пороков гласом убедительного наставления. Прежде немецкий язык, математика и военное искусство были почти единственным предметом науки их: Екатерина прибавила как другие языки (особливо совершенное знание российского), так и все необходимые для государственного просвещения науки, которые, смягчая сердце, умножая понятия человека, нужны и для самого благовоспитанного офицера: ибо мы живем уже не в те мрачные, варварские времена, когда от воина требовалось только искусство убивать людей; когда вид свирепый, голос грозный и дикая наружность считались некоторою принадлежностью этого состояния. Уже давно первые европейские державы славятся такими офицерами, которые служат единственно из благородного честолюбия, любят победу, а не кровопролитие; повелевают, а не тиранствуют; храбры в огне сражения и приятны в обществе; полезны отечеству шпагою, но могут быть ему полезны и умом своим. Таких хотела иметь монархиня, и Корпус сделался их училищем. Привыкая ко всем воинским упражнениям, они в то же самое время слушают и нравоучение, которое доказывает им необходимость

гражданского порядка и законов; исполняя справедливую волю благоразумных начальников, сами приобретают нужные для доброго начальника свойства; переводя записки Юлия Цезаря, Монтекукколли или Фридриха, переводят они и лучшие места из Расиновых трагедий, которые раскрывают в душе чувствительность; читая историю войны, читают историю и государств и человека; восхищаясь славою Тюренна, восхищаются и добродетелию Сократа; привыкают к грому страшных орудий смерти и пленяются гармониею нежнейшего искусства; узнают и быстрые воинские марши и живописную игру телодвижений, которая, выражая действие музыки, образует приятную наружность человека. Простая, здравая пища, мера трудов и отдыха, разделение часов на разные упражнения, соответственные каждому особенному возрасту, были предписаны Екатериною по лучшей физической и нравственной системе воспитания, не афинского, не спартанского, но самого пристойнейшего для юного российского дворянства веки европейского просвещения. — Питомцы выходят исправными, знающими офицерами, способными и для гражданских должностей, приятными людьми для света, с характером и с правилами, имеющими счастливое влияние на всю жизнь их.

Екатерина с прискорбием видела, что образование благородных детей в России поручается родителями иностранцам, которые всего менее к тому способны, не зная наших нравов, духа народного, и которые, не имея к отечеству нашему сыновней любви, не могут вселять ее и в юных учеников своих. Она повелела воспитывать, вместе с кадетами, и несколько мещанских детей, желая, чтобы они могли со временем посвятить себя званию учителей и заменить иностранцев. Уже многие из них, исполняя намерение монархини, в сей почтенной должности заслужили благодарность родителей и самого отечества.

Здесь справедливая народная признательность требует наименовать того мужа, которого главною страстию было способствовать успехам воспитания в России и который служил Екатерине первым орудием для исполнения ее благотворных в сем великом деле намерений. Бецкий жил и дышал добродетелию, не блестящею и не громкою, которая изумляет людей, но тихую и медленно награждаемую общим уважением; редкою: ибо люди стремятся более к блестящему, нежели к основательному; и мужественною: ибо она не страшится никаких трудов. Он довольствовался славою быть помощником Екатерины, радовался своими трудами и, будучи строгим наблюдателем порядка, беспреестанно взыскивая и требуя, сей друг человечества умел заслужить любовь и надзирателей и питомцев: ибо требовал только должного и справедливого. Герой, искусный министр, мудрый судия, есть, конечно, украшение и честь государства; но благодетель юности не менее их достоин жить в памяти благородных граждан.

Корпусы Морской и Артиллерийский* обязаны Екатерине нынешним своим цветущим состоянием. Первый образовал многих искусных офицеров, которых и самые гордые англичане уважают. Чтобы сообщить лучшим питомцам его совершенную опытность, знание морей и всех чрезвычайных феноменов сей величественной стихии, монархиня посылала их в отдаленности океана, в другие части мира, и молодые офицеры российские имели славу повелевать старыми мореходцами Альбиона**. — Корпус Артиллерийский производит лучших инженеров для наших армий.

Греческое училище, основанное для юных потомков древнейшей республики, которых отцы вечное изгнание

---

* Он прежде назывался Школою.

** См. Указ 1762 году о Корпусах. — Многие наши офицеры, как известно, служили на английских кораблях.

предпочли вечному страху и рабству под железным скипетром оттоманским, было также памятником Екатеринойной благодетельности. Те, которые в несчастном отечестве своем не узнали бы, может быть, никогда славной его истории, великих имен ее и самого древнего языка их, научались во глубине севера гордиться своим происхождением. Во граде Святого Петра воскресали для них священные тени героев и мудрецов греческих; во граде Святого Петра юные сердца их бились при имени Термопил и Маратона; во граде Святого Петра они беседовали с Платоном и Ксенофонтом; воображая древнюю славу Греции, стремились душою к святым местам ее; воображая настоящее унижение страны их, радовались пребыванию своему в стране великих дел и героев. Они не чужды в России – они *дома* – они в отечестве славы*!

Таким образом монархиня благовоспитала юности и человечеству в своей империи, ведая, что самые мудрые законы без добрых Нравов не сделают государства счастливым и что нравы должны быть впечатлеваемы на заре жизни. Учреждая общественное воспитание и полагая святую нравственность главным его основанием, она торжественно объявила всем родителям свое желание, чтобы они в самом домашнем воспитании сообразовались с правилами, ею обнародованными**. Одна истинная Мать народа, повторяю, могла иметь столько попечения о благе детей в государстве.

Мать народа... конечно!.. Сердцу моему приятно напомнить вам, о сограждане! еще трогательное доказательство сих нежных чувств Екатерины. Она с самого своего вступления на престол пеклась о физическом благосостоянии России; установила Медицинскую коллегия и предписала ей*** не только снабдить государство искусными

---

* Еще учреждены монархиней Горное, Лекарское и Судходное училища.

** См. главу о воспитании в *Наказе*.

*** Прежде была Медицинская канцелярия.

врачами, но и собирать все местные сведения о болезнях народных, о их причинах; искать лекарств простейших на всякую болезнь, особливо для земледельцев; исследовать врачебную силу трав российских и всякое полезное открытие немедленно обнародовать для общего блага. Сего не довольно: ужасный, неизъяснимый яд в крови, с которым почти рождаются младенцы, обнаруживаясь в своей жестокости, похищал в России едва ли не большую часть детей и на самых спасенных роком оставлял страшные знаки своей свирепости и безобразия. Уже известно было в Европе средство избавления; но Россия не пользовалась сим благодетельным открытием, страшась новости, не изведанной очевидным опытом. Что одна мать может сделать для своего обожаемого младенца, то Екатерина сделала для своих подданных: она привила себе оспу!.. День незабвенный для родителей, обязанных ему спасением детей и милою их красотой! Благодарная Россия по справедливости его торжествовала – и чувствительный отец семейства никогда торжествовать не перестанет. Он украсит розами детей своих и поведет их в священный храм молить за Екатерину. Она собственным опытом заставила нас прибегнуть к счастливому средству, и с того времени мы не боимся ужаснейшей эпохи в физическом бытии нашем.

Еще монархиня не ограничила системы государственного просвещения заведенными ею воспитательными обществами, как для благородного, так и для мещанского состояния. Лучи солнечные теряют силу свою в неизмеримых пространствах; столица, от некоторых частей империи столь отдаленная, едва ли могла на них действовать. Екатерина учредила везде – в малейших городах, и в глубине Сибири – *народные училища*, чтобы разлить, так сказать, богатство света по всему государству. Особенная комиссия, из знающих людей составленная, должна была устроить их, предписать способы учения, издавать полез-

нейшие для них книги, содержащие в себе главные, нужнейшие человеку сведения, которые возбуждают охоту к дальнейшим успехам, служат ему ступению к высшим знаниям и сами собою уже достаточны для гражданской жизни народа, выходящего из мрака невежества. Сии школы, образуя учеников, могут образовать и самих учителей, и таким образом быть всегдашним и время от времени яснейшим источником просвещения. Они могут – и должны быть полезнее всех академий в мире, действуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, который детям бедности и трудолюбия изъясняет буквы, арифметические числа и рассказывает в простых словах любопытные случаи истории или, развертывая нравственный катихизис, доказывает, сколь нужно и выгодно человеку быть добрым, в глазах философа почтен не менее метафизика, которого глубокомыслие и тонкоумие самым ученым едва вразумительно; или мудрого натуралиста, физиолога, астронома, занимающих своею наукою только некоторую часть людей. Если в городах, едва возникающих, в сем новом творении Екатерины, еще не представлялось глазам ни палат огромных, ни храмов великолепных: то в замену сих, иногда обманчивых, свидетельств народного богатства взор патриота читал на смиренных домиках любезную надпись: *Народное училище* – и сердце его радовалось. Кто благоговел перед монархиней среди ее пышной столицы и блестящих монументов славного царствования, тот любил и восхвалял просветительницу отечества, видя и слыша, в стенах мирной хижины, юного ученика городской школы, окруженного внимающим ему семейством и с благородною гордостью толкующего своим родителям некоторые простые, но любопытные истины, сведанные им в тот день от своего учителя.

Словесность, сей главный орган гения и чувствительности; сия, можно сказать, посланница Неба, которая

разносит из страны в страну великие и полезные идеи, соединяет умы и сердца, производит и питает нежную потребность души: заниматься изящными мыслями, наслаждаться творением стройного воображения, изливанием сердца – словесность была предметом особенного благоволения и покровительства Екатерины: ибо она знала ее сильное влияние на образование народа и счастье жизни. Всякое истинное дарование было правом на лестное отличие – и славная *Россияда* в ее время украсила нашу поэзию. Державин в русских стихах оживил Горация и представил новые сильные черты пиитической живописи. Богданович своими цветами осыпал Лафонтену сказку и в легком слоге играл воображением. Многие другие стихотворцы явились – и Екатерина, дерзну сказать, была для них Музой: душа их пылала ее славою, и, хваля премудрую, они не боялись казаться льстецами! Сама она, великими делами обремененная монархиня, в редкие часы досуга любила пером своим способствовать успехам нашей словесности. Европе известно, что Екатерина, плывя по величественной Волге, в то самое время, когда сильная буря устрашала всех бывших с нею, спокойно переводила Велисария, к бессмертной славе Мармонтеля! – Она указывала русским авторам новые предметы, вредные пороки общества, которые должны осмеивать Талии, – черты характера народного, которые требуют кисти таланта; писала, для юных отраслей августейшего дома своего, нравоучительные повести; но всего более, чувствуя важность отечественной истории (и предчувствуя, что сия история должна некогда украситься и возвеличиться ею!), занималась российскими летописями, изъясняла их, соединяя предложение действий с философскими мыслями, и драгоценные труды свои для публики издавала. Желая присвоить России лучшие творения древней и новой чужестранной литературы, она

учредила Комиссию для переводов, определила награду для трудящихся – и скоро почти все славнейшие в мире авторы вышли на языке нашем, обогатили его новыми выражениями, оборотами, а ум россиян новыми понятиями. Чтобы утвердить русский язык на правилах и привести в систему, монархиня основала Академию словесности, по примеру французской, и мы обязаны сему трудолюбивому обществу Полным российским словарем, нужным для всякого и необходимым для авторов. Царствование Елисаветы произвело Ломоносова и Сумарокова; первый смело парил за орлом Пиндаровым и бросал на бумагу сильные, бессмертные строфы; второй имел славу написать несколько нежных и остроумных стихов. Но сии два поэта не образовали еще нашего слога; во время Екатерины россияне начали выражать свои мысли ясно для ума, приятно для слуха, и вкус сделался общим: ибо монархиня сама имела его и любила нашу словесность; и если она своими ободрениями не произвела еще более талантов, виною тому независимость гения, который один не повинуется даже монархам, дик в своем величии, упрям в своих явлениях и часто самые неблагоприятные для себя времена предпочитает блестящему веку, когда мудрые цари с любовью призывают его для торжества и славы.

Не довольствуясь тем, чтобы покровительствовать науке и талантам в России, она на все страны мира, на всю область ума распространила свои beneficia и славу свою возвышала, так сказать, славою всех отменных дарований, ею ободряемых. Философы гордились благосклонным воззрением Екатерины и горели ревностию величать ту, которая воцарила с собой философию и тайные желания мудрого человеколюбия обратила в государственные уставы. Вольтер жалел, что старость не позволяла ему видеть *Северную владычицу* сердец. Пылкий Дидерот спешил лично изъявить ей свое

удивление. Плиний Франции с восторгом говорил, что одобрителное слово Екатерины ему драгоценнее похвал академических*. Даламбер славился ее милостию более, нежели именем глубокомысленного математика. Европа с удивлением читает ее переписку с ними – и не им, но ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаний! какое проницание! какая тонкость разума, чувства и выражений! Та, которая истощила своим царствованием все похвалы мира, умела с неподражаемою приятностию хвалить цветы словесности, игру остроумия, тонкую черту сердца. Сколь трогательно такое снисхождение в монархине! Но *унижается* ли монарх, когда он сходит иногда с высокого трона, становится наряду с людьми и, будучи любимцем судьбы, платит дань уважения любимцам Природы, отличным дарованиям? Власть разума не может ли еще служить некоторою опорой для политической власти? По крайней мере, она может быть ее орудием во всем, что касается до блага человечества. Так думали Август, Людовик XIV, Фридрих и Петр Великий, который, приходя к Боргаву, к Лейбницу, говорил: *я с вами человек***! Так думала и Великая Екатерина.

В ее царствование Российская академия наук еще более приобрела знаменитых членов и сделалась несравненно полезнее для отечества, во-первых, *ежемесячными сочинениями*, которые, будучи магазином исторических и других любопытных сведений, распространяли их в государстве; во-вторых, путешествиями ее профессоров по всем обширным странам России: намерение великое, достойное Екатерины! Исполнение, достойное намерения! Эпоха важная в ученой истории нашего государства и целого мира! Сии избранные мужи должны были

---

* См. Сешелево путешествие в Монбар.

** Я читал переписку Лейбница с Петром Великим. К славе того и другого можно сказать, что они почитали друг друга.

от берегов Невы до гор Рифейских, до морей Азовского, Каспийского и далее видеть и описать Россию в трех царствах Природы, проникнуть во внутренность пустынь, во глубину пещер и лесов дремучих, где око наблюдателя еще никогда не примечало за творческою натурою, где она искони действовала уединенно или пред свидетелями невнимательными; исчислить минералы в недрах земли, растения на зеленых коврах ее, животных в трех стихиях и, таким образом, собрать богатства для Российской естественной истории. Сим предметом еще не ограничились труды их: монархиня желала, чтобы они исследовали все исторические монументы в нашей империи; замечали следы народов, которые от стран Азии преходили Россию, сами исчезли, но оставили знаки своего течения, подобно рекам иссохшим; желала, чтобы они в развалинах, среди остатков древности, как бы забытых временем, искали откровений прошедшего; чтобы они в нынешних многочисленных народах Российских узнавали их неизвестных предков, разбирая языки, происхождение и смесь оных; чтобы они, наблюдая обычаи, нравы, понятия сих людей, сообщили историку и моралисту новые сведения, а законодателю новые средства благоденствия. – Повеления были исполнены, и не только Россия, но и вся Европа; не только ученые, но и все любопытные читают с удовольствием и пользою описание сих путешествий.

Московский университет, под начальством Шувалова (который всегда будет знаменит титулом основателя его и Ломоносова мецената), во время Екатерины более нежели прежде благотворил обществу: ибо щедрость ее даровала ему более способов действия. Многие ученые были им призваны из Германии участвовать в трудах его, наставляя юношество, питать в нем охоту к наукам и воспалять благородное соревнование в российских профессорах. Но всего более оживляла Москов-

ский университет известная всем любовь Екатерины к наукам, побуждая родителей учить детей своих. Число юных питомцев его с каждым годом умножалось, а с числом их возрастала благодетельность сего храма просвещения. И если мы видим ныне столь многих достойных судей в столицах и в самых отдаленных губерниях; если слог приказный уже не всегда устрашает нас своим варварством; если необходимые правила логики и языка соблюдаются нередко в определениях судилищ; если министерство находит всегда довольно юношей, способных быть его орудиями и служить отечеству во всех частях своими знаниями: то государство обязано сею пользою Московскому университету. Университет же обязан сею великою славою Екатерине и духу ее царствования.

Чтобы еще более размножить народные сведения чрез книги, она дозволила заведение вольных типографий, учредив благоразумную цензуру, необходимую в гражданских обществах: ибо разум может уклоняться от истины, подобно как сердце от добродетели, и неограниченная свобода писать столь же безрассудна, как неограниченная свобода действовать. Но как мудрый законодатель, избегая самой тени произвольного тиранства, запрещает только явное зло и многие сердечные слабости предает единому наказанию общего суда или мнения, так монархиня запрещению цензуры подвергала только явный разврат в важнейших для гражданского благоденствия предметах, оставляя здравому разуму граждан отличать истины от заблуждений; то есть она сделала ее не только благоразумною, но и снисходительною, и сею доверенностию к общему суду приобрела новое право на благодарность народную.

Итак, чудно ли, что Россия, в 34 года деятельного царствования которого главною целию было народное просвещение, столь преобразилась, возвысилась духом,

созрела умом, что отцы наши, если бы они теперь воскресли, не узнали бы России? Если сердце государей в руке Провидения, то сердца народов в руке государей: что могло устоять против неутомимого в благотворениях правительства, которое действовало на подданных и славою внешних успехов, и мудрыми законами, и воспитанием, и всеми средствами просвещения? Что могло не покориться всемогущей и благой воле, пылавшей тою огненною ревностию, которая бывает главным свойством великих душ, истинных подобий Божества? Екатерина, возведенная самим Небом на трон едва не беспредельной в мире империи, не ужаснулась беспредельных своих обязанностей, священных для добродетели; но почувствовала вдохновение геройского сердца, которому все возможным кажется, ибо сам Бог помогает ему. Чувство каждой должности рождало в ней стремление и силу исполнить ее – и Россия, ей некогда чуждая, став театром ее добродетелей, сделалась для Е к а т е р и н ы истинным отечеством, нежно любимым: ибо отечество для душ великих есть та страна, где они могут действовать; их ближние суть те люди, которых могут они творить счастливыми. Чем более монархиня трудилась для России, чем более осыпала ее добром и славою, тем более она любила в ней предмет своих благодеяний; и каждое благодеяние было для нас залогом нового. Сограждане! я изъясню теперь общее наше чувство: скажите, что великое могло наконец удивить нас в делах Екатерины? Не все ли в руках ее казалось нам легким, естественным, даже необходимым? Приученные к ее обыкновенной славе и добродетели, мы были уже, дерзну сказать, как бы нечувствительны к делам монархини; истощенная благодарность наша уподоблялась неблагодарности! Ваше сердце понимает меня, о сограждане! и я не порицаю, но хвалю вашу чувствительность. Виноват ли смертный, если Небо, открывая для монаршей добродете-

тели поле бесконечное, полагает границу нашей любви, признательности, самому удивлению; если, даруя Своим орудиям некоторую часть прав Своих, оставляет нас, обыкновенных людей, в тесном кругу человечества?

Сия геройская ревность к добру соединялась в Е к а т е р и н е с редким прониканием, которое представляло ей всякое дело, всякое начинание в самых дальнейших следствиях; и потому ее воля и решение были всегда непоколебимы. Она знала Россию, как только одни чрезвычайные умы могут знать государство и народы; знала даже меру своим благодеяниям: ибо самое добро в философическом смысле может быть вредно в политике, как скоро оно не соразмерно с гражданским состоянием народа. Истина печальная, но опытом доказанная! Так, самое пламенное желание осчастливить народ может родить бедствия, если оно не следует правилам осторожного благоразумия. Сограждане! я напому вам монарха, ревностного к общему благу, деятельного, неутомимого, который пылал страстию человеколюбия, хотел уничтожить вдруг все злоупотребления, сделать вдруг все добро, но который ни в чем не имел успеха и при конце жизни своей видел с горестию, что он государство свое не приблизил к цели политического совершенства, а удалил от нее: ибо прежнему, для восстановления порядка, надлежало все новости его уничтожить. Вы уже мысленно наименовали Иосифа – сего несчастного государя, достойного, по его благим намерениям, лучшей доли! Он служит тению, от которой мудрость Е к а т е р и н ы тем лучезарнее сияет. Он был несчастлив во всех предприятиях: она во всем счастлива; он с каждым шагом вперед – отступал назад: она непрерывными шагами текла к своему великому предмету; писала уставы на мраморе, неизгладимыми буквами; творила во время, и потому для вечности, и потому никогда дел своих не переделывала – и потому народ российский верил не-

обходимости ее законов, непременных, подобно законам мира. Европа удивлялась *счастью* Екатерины: Европа справедлива, ибо мудрость есть редкое счастье. Но кто думает, что темный, неизъяснимый случай решит судьбу государств, а не разумная или безрассудная система правления, тот, по крайней мере, не должен писать истории народов. Нет, нет! феномен монархини, которой все войны были завоеваниями и все уставы счастьем империи, изъясняется только соединением великих свойств ума и души.

Душа Екатерины была тверда, мужественна, истинно геройская. Небо, как бы единственно для славы ее, несколько раз помрачало тучами горизонт России в царствование великой монархини, чтобы она, презирая бури и громы, могла доказать народам крепость души своей: так искусный мореходец еще более славен опасностями, чрез которые провел он корабль свой в мирное пристанище. Сограждане! я дерзну напомнить вам то время, когда Россия, сражаясь с сильным внешним неприятелем, видела язву, смерть, волнение в стенах московских и скоро после безумный, яростный бунт, который пламенною рекою разливался по обширным странам ее⁸; когда завистники Екатерины, сильные цари, радовались нашему бедствию и грозили ей новою войною... тогда, тогда надлежало видеть славу мужественных ее добродетелей! Она вещает вождю своего отдаленного воинства: *иди далее и побеждай!* Она, как солнце, взирает с трона на город stolичный, и печальный мрак его исчезает; она отвечает на угрозы дворов: *Я отражу нападение.* И мы удивляемся Риму, который, видя у ворот своих неприятеля, повелевает консулу идти с воинством в другую часть мира или, теснимый со всех сторон врагами, с презрением слышит о новых!.. Сограждане! я уже говорил о той минуте, когда монархиня в увеселительном дворце своем спокойно исчисляла выстрелы кораблей шведских и когда главные ар-

мии наши были за отдаленными пределами отечества; Англия, Пруссия вооружались, хотели предписать нам мир: но Екатерина непоколебимая даровала оный Густаву, и Питт и Фридрих Вильгельм⁹ должны были смириться. — Сия-то решительная твердость принудила все кабинеты в некотором смысле зависеть от нашей монархии, и все трактаты ее с державами были славны для России.

Но Великая в героях сохранила на троне нежную чувствительность своего пола, которая вступалась за несчастных, за самых невинных; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала все приговоры суда и служила совершеннейшим образцом той высокой добродетели, которую могут иметь одни Небеса и государи: милосердия! О божественная кротость сердца! украшая человечество во всяком состоянии, ты торжествуешь на престоле! Каждое движение твое есть там спасение людей — и зрелище виновного, тобою сохраненного и помилованием исправленного, есть прелестный рай твой, неизвестный душам жестоким! Ах! человеческое правосудие не может быть истинным правосудием без милосердия! Но Екатерина чувствительная ведала ту черту, которая отделяет небесную добродетель от слабости; не преступала ее и царским долгом побеждала нежность своего сердца.

Спрашиваю у всех россиян: было ли что-нибудь оскорбительное для человеческой гордости, что-нибудь тягостное для самолюбия в чувствах нашего беспредельного к ней повиновения? Не казалось ли оно природным влечением сердца, необходимостью души, ее любезною потребностью? Следуя уставам монархии, мы следовали гласу Неба, и повинуюсь, не знали принуждения. Она прелестными качествами души своей украшала власть державную. Благоговея перед обладательницею народов, сердца россиян обожали Екатерину, и лучезарные добродетели монархии соединялись в ней с пленительною

любезностию человека. Чужеземцы! вы, которые из отдаленных климатов приезжали в Россию единственно за тем, чтобы видеть Екатерину! скажите, с каким чувством вы приближались к ней, когда она, окруженная своими полководцами и министрами, окруженная славою дел своих, взирала на вас с величием? Не представлялось ли вам, что вы зрите монархиню мира и вашу собственную? Но вы, которые наслаждались неоцененным счастьем видеть и слышать ее, когда она от величия снисходила к любезности и, как бы переставая быть монархиней, являлась только в виде светской приятности, дружественной искренности, среди достойнейших людей двора ее, в незабвенных для вас вечерних собраниях, куда принуждение входить не дерзало, где царствовала свобода в разговорах, где всякий для себя мог заниматься удовольствиями общества! вы с удивлением и слезами говорите о сих часах, которые вам казались минутами и в которые ласковые слова ее, простое обхождение, искренняя веселость и невинные игры, ее присутствием и самым участием оживляемые, заставляли вас позабывать самодержицу и восхищаться одною неизъяснимою прелестью ума Екатерины.

Сия трогательная, любезная мысль уступает место еще любезнейшей: Мать отечества была и самою нежнейшею матерью семейства. Какое воображение без сладкого душевного чувства может представить себе монархиню, которая, одною рукою подписывая судьбу государств, другою ласкает цветущие отрасли Императорского дома, и которая, прерывая нить великих политических мыслей, оставляя на минуту заботы правления, отдыхает сердцем в семейственных радостях и, так сказать, дополняет ими счастье добродетельной монархини? Если обыкновенному уму трудно вообразить сие неизъяснимое счастье, то всякое чувствительное сердце представит себе душевное удовольствие нежной праматери, когда священное потомство

ее расцветало перед нею; когда она видела пред собою и совершенство ангельской красоты, и нравственное совершенство, и надежду любви своей и надежду России!

Но какая чудесная сила укрепляла Екатерину для бесчисленных предметов ее деятельности, так, что Великая могла, занимаясь правлением империи, ежедневно заниматься и августейшим домом своим; находить время для внешних министерских, внутренних государственных и частных судебных дел, для своей особенной переписки, ученых трудов, для самых женских прелестных рукоделий (ибо она любила иногда напоминать себе простоту Пенелопина века) – и наконец для приятного отдохновения в избранном своем обществе? Сия чудесная сила есть *дух порядка*, благодетельный для всякого, а в добром монархе счастье народа. Каждый час представлял ей особенное упражнение, и сие разнообразие, обновляя внимание души, служило для разума ее некоторым успокоением. Следуя такой мудрой системе, она успела затмить самые деятельнейшие царствования, известные нам по истории; дела *единой* государыни могли бы прославить *многих* государей.

И слава Екатерины принадлежит ей самой. Генрих IV был царь мудрый и благодетельный; но Сюлли стоит подле него: История освещает их одним лучом славы. Людовик XIV гремел в Европе, возвеличил Францию; но Кольбер, первый министр в мире, был его министром! Екатерина, законодательница и монархиня, подобно Петру, образовала людей – но сии люди жили и действовали ее душою, ее вдохновением; сияли заимствованным от нее светом, как планеты сияют от солнца; она отличала некоторых, и сие отличие было мерою их важности. Таким образом видели мы при Екатерине возвышение человека, которого нравственное и патриотическое достоинство служит еще предметом споров в России. Он был знатен и силен: следственно, немногие могут судить

о нем беспристрастно; зависть и неблагодарность суть два главные порока человеческого сердца. Но то неоспоримо, что Потемкин имел ум острый, пронизательный; разумел великие намерения Екатерины и потому заслуживал ее доверенность. Еще неоспоримее то, что он не имел никакого решительного влияния на политику, внутреннее образование и законодательство России, которые были единственно творением ума Екатерины. Ее министры исполняли только волю ее – и Россия имела счастье быть управляемой одним великим гением во все долговременное царствование Екатерины

Но счастье может ли казаться долговременным?.. О сограждане! Небо простит нам несправедливость нашу, когда мы, пораженные ударом, забыли неперменные уставы Природы; забыли, что Великая успела осыпать нас благодеяниями на течение веков, и дерзали обвинять Провидение, что Оно столь скоро лишило наше отечество матери, и столь внезапно: ибо Екатерина *не умирая*, не приготовив нас страхом к сему несчастью, в одно мгновение сокрылась духом от земли и России! Обольщенные бессмертием дел ее, мы думали, что и сама она бессмертна; думали, что та, которая украсила вечер жизни отцов наших, должна была царствовать и для благоденствия наших детей! Она оставила нам мудрые законы свои, источник блага и просвещения для самых отдаленных потомков; но нам казалось, что с нею мы всего лишились; что она вся во гробе, и с нашим счастьем, делом рук ее. Не те одни были неутешны, которые наслаждались лицемерием Великой, внимали пленительным словам Премудрой, окружали трон ее; нет, вся Россия проливала горестные слезы: ибо она не для любимцев, а для России царствовала; не только некоторым, но всем благодворила – и слезы чувствительных сердец текли ей в жертву с равным жаром в столицах и в самых отдаленных пределах государства.

О монархи мира! Екатерина и жизнь и смерть свою служила вам примером: так царствуйте, чтобы смертные обожали вас! и видя, с каким умилением, с какою трогательною любовью донныне говорят россияне о Великой, будьте уверены, что народы чувствительны и благодарны против царей добродетельных и что память ваша, если вы заслужили любовь подданных, пребудет вовек священной. И самого недостойного государя хвалят, когда он держит в руке скипетр: ибо его боятся, или гнусные льстецы хотят награды; но когда сей скипетр из руки упадет, когда монарх платит дань общему року смертных: тогда, тогда внимайте гласу истины, которая, повелевая умолкнуть страстям, надежде и страху, опершись рукою на гроб царя, произносит свое решение: и веки повторяют его! Не в чертогах царских обнаруживается чувство народное: о всяком монархе кто-нибудь из царедворцев искренно проливает слезы; нет, оно явно только на стогнах града, в тихом жилище семейств, от двора удаленных, и в хижине мирного трудолюбия: если в них *сердечная* признательность не оплакивает смерти государя, то он не царствовал для народного счастья!

Сограждане! каким торжеством для добродетелей монархии и для вашей святой благодарности были первые слова юного самодержца¹⁰, который, восходя на престол России и желая объявить волю свою царствовать мудро и добродетельно, сказал только: *Я буду царствовать по сердцу и законам Екатерины Великой!*.. Великой! – повторила вся Россия. – Сим обетом он почтил и память ее, и вашу признательную к ней любовь; вы разумели его – и утешились!

Но благотворения новые не охлаждают в сердце нашем признательности к делам Екатерины; мы воспоминаем их с любовию, читаем мудрые законы ее с удивлением и в восторге чувствительности взираем на

небо, где око смертного ищет всегда бессмертных... Нам кажется, что священный дух монархини, в образе гения хранителя России, и там не престаёт заниматься нашим отечеством; нам кажется, что мы внимаем небесному гласу Екатерины:

«О россияне! вы, которые были столь любезны моему сердцу; которых счастье было моим счастьем; на которых взирала я с радостью матери, видящей благоденствие детей своих! если я обогатила Россию новыми пределами и народами, украсила чело ваше пальмою победы, гремела в трех частях мира и славилась вами: то слава моя была мне залогом вашей силы и безопасности; желая, чтобы мир вас страшился, я хотела единственно того, чтобы вы могли никого не страшиться. Если мои законы ограничивают природную вольность человека, то будьте уверены, что я пожертвовала частию свободы только единой целостности гражданского порядка и предпочла независимости вашей одно ваше благополучие; не даровала вам тех одних прав, которые могли быть для вас вредными. Я просвещала вас, россияне! следственно, не хотела угнетать человечества. И если мое царствование не возвело еще России на высочайшую степень народного блаженства: то помните, что власть государя не есть всемогущество Небесное, Которого воля есть уже совершение; помните, что империи цветут веками и что Провидение требует от царей только возможного блага. Но я указала вам великую цель: теките к ней, осененные моими лаврами, путеводимые моими законами! И когда все народы земли будут завидовать вашей доле; когда имя россиянина будет именем счастливейшего гражданина в мире: тогда исполнятся тайные обеты моего сердца; тогда вы узнаете, что я хотела, но чего не могла сделать; и признательность ваша почтит равно и дела мои и мою волю: единая награда, к которой добрые монархи могут быть чувствительны и по смерти своей!»

И я клянусь именем вашим, о сограждане! именем всего нашего потомства, что память Екатерины Великой будет во веки веков благословляема в России.

ВСЕОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая потрясла основание многих держав и, разрушая, угрожала еще *большими* разрушениями, которая, не ограничиваясь Европой, разливала пламя свое и на все другие части мира и которая будет славна в летописях под страшным именем *войны революционной*. Особенным ее характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при ее начале? Она не только государству, но и самые души приводила в смятение.

Как после жестокой бури взор наш с горестным любопытством примечает знаки опустошений ее, там мы воспоминаем теперь, что была Европа, сравниваем настоящее с прошедшим и удивляемся великим политическим изменениям сего десятилетия. Целые области совсем исчезли. Где Польша?* Где Венеция? Где многие Княжества в Германии и в Италии? Сего мало: надобно, чтобы и в Африке отдались громы Французской революции, где славные Египетские Беи и древние Мамелюки? Новые области явились в Европе: здесь воскресло древнее имя и царство Этрурии, тут Ломбардия превратилась в Чизальпинскую Республику, на островах Средиземно-

---

* Без французских новостей она не вздумала бы переменить своего правления и не раздражила бы России Варшавским кровопролитием; следственно, Польша была также жертвою Французской революции.

го моря образовалась новая Иония. Границы государств переместились, и авторы географических карт должны снова начать свою работу.

История заметит, что только одно европейское государство спаслось от кровопролития *революционной войны*, а именно Швеция, быв два раза в готовности воевать – сперва с Французами, а после с Англичанами. Смерть Густава удалила Шведов от разрыва с республикою, кончина Императора ПАВЛА I остановила их неприятельские действия против Англичан.

История заметит также, что Франция, где воспылали первые искры мятежа, после многих чудесных перемен судьбы своей, при заключении славного для себя мира, вошла точно в старинные свои границы, то есть в границы древней Галлии, с одной стороны – по Рейну, а с другой – до внутренней Италии, с тою разницею, что галльские народы, соединяясь иногда в воинских предприятиях, часто и друг с другом воевали, не имели общего средоточия, ни единства воли, ни единства действий, а теперь 50 миллионов повинуются законам и гению одного человека, устремляют политические силы свои на один предмет, служат (так сказать) одною рукою для Правления, и новый Цесарь, новый Кловис не страшен для новых Галлов.

Подивимся игре неизъяснимого рока: сколько раз в течение сей войны Республика, по всем вероятностям разума, должна была погибнуть? В самом начале она казалась верною жертвою, без искусных генералов, без дисциплины, с толпами людей едва не безоружных или не умеющих владеть оружием, при ужасном беспорядке в правлении, среди множества недовольных, явных и тайных *внутренних* неприятелей, желающих успеха *внешним*, которые в грозной и стройной многочисленности, под начальством славнейшего полководца, с именем лучших европейских армий, с опытными и храбрыми офицерами шли... не по-

бедить достойного их неприятеля, а только усмирить мятежников, и заняли стан в 180 верстах от Парижа! Еще четыре дня суворовского марша, и конец Революции! Уже самые смелые Жирондисты, Петионы и Бриссоты в отчаянии своем хотят бежать из Парижа, увезти заключенного короля в южные провинции, в ущелинах и на хребте гор Пиренейских основать вторую Швейцарскую Республику или погибнуть в пропастях. Вдруг соединенные армии, в иступлении панического, *до сего времени* непонятого страха бегут назад, а Дюмурье называет себя Ахиллесом, жалуется других генералов* в Аяксы и торжествует без победы! Скоро другой благоприятный случай представляется союзникам. Принц Кобургский, ученик Рымникского, побеждает Французов, их славный Ахиллес передается к австрийцам и хочет сам вести их к Парижу, в то время когда восстают лавандейцы, бьют республиканцев и готовы с другой стороны также идти к столице Франции и мятежа. Европа опять думает, что всему конец: *Consummatum est**!* Нет, надобно, чтобы союзники разделились, надобно, чтобы Герцог Йоркский пошел к Динкирхену и дал Гушару способ разбить Англичан, надобно, чтобы Принц Кобургский не вовремя приступил к Мобежу и после оставил Журдана в покое, надобно, чтобы Король Прусский, приучив французов к огню сражений (подобно как Шведы учили в свое время армию ПЕТРА Великого), заключил с ними мир! Наконец, французы имели уже великих генералов и многочисленное войско, узнавшее тайну победы. Италия, большая часть Германии были в их руках, Моро, Гош, особливо Бонапарте, дали им имя *непобедимых*; казалось, что судьба Республики уже решилась к ее славе. Но безумные властелины Директории, отправив Бонапарте в Египет вместе с их щастьем, снова поставили Францию

---

* Бернонвиля.

** Свершилось (*лат.*).

на край бездны. Суворов, как Цесарь, пришел, увидел, победил – эрцгерцог разбил Журдана – еще 35 тысяч Русских вступает в Швейцарию – Англо-Российская армия идет к Амстердаму. Союзники действовали с жаром и с твердостью. Французское правление колебалось, утратило свою надежность и доверенность народа, оно не могло подкрепить армий, которые уже разучились побеждать, и ждали, так сказать, с часу на час конца своего. Герой Итальянский, эрцгерцог и генерал Корсаков должны были вдруг напасть на Массену, разбить, истребить его, вступить через Швейцарию во Франш-Конте и прямо идти к Парижу, не имея перед собою ни крепостей, ни армий. Французы чувствовали свое бедственное состояние, и я помню речь одного из знаменитейших членов Пятисотного Совета, Эшассерио, который уже говорил об эшафотах для республиканцев. Может быть, Австрийцы позавидовали славе Русских, может быть, Тугут ошибся в расчетах своей тонкой и глубокой Политики, может быть... как бы то ни было, но отступление Австрийской армии к Мангейму все расстроило и переменяло в системе войны. С сего времени щастье снова обратилось лицом к Французам и не переставало уже до конца служить им. Таким образом, республика *три раза* была в самом отчаянном состоянии, три раза политические медики осуждали ее на смерть, но Судьба в течение сей войны более, нежели когда-нибудь, играла случаями и приводила в недоумение ум человеческий.

Первому году нового века принадлежала слава общего мира, который был необходимостью всех народов после долговременных бедствий. Война не могла уже иметь прежней цели своей: опасные и безрассудные якобинские правила, которые вооружили против Республики всю Европу, исчезли в самом своем Отечестве, и Франция, не смотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь в самом деле не что иное, как

истинная монархия. Римский Император, потеряв Брабант (где всегда с большими издержками надлежало ему иметь многочисленную армию) и Ломбардию (которая в самом деле приносила ему мало существенной пользы), награжден за то Венецией, которая вводит Австрию в число морских держав. Россия и Франция не могли ничего требовать друг от друга: им оставалось только возобновить коммерческие связи свои. Мир Франции с Портою дает первой многие торговые выгоды, а для последней спасителем тем, что Англия и Франция обязываются хранить целостность ее владений. Но Король Сардинский, Герцог Тосканский и немецкие князья остаются жертвами общего покоя, они виноваты, ибо слабость есть вина в Политике!

Мир Республики с Англией казался весьма трудным: он удивил Европу своими условиями. Франция берет все назад, Англия выигрывает только один мир, платя за то *почти* всеми своими блестящими завоеваниями и выгодами исключительной торговли, которыми она во всю войну пользовалась и которые должно теперь разделить ей с другими народами. Трудно сказать, что именно заставило английское министерство быть столь великодушным и бескорыстным, но, конечно, не одно желание пресечь кровопролитие и угодить народу; такого человеколюбия и снисхождения не можем предполагать в Аддингтоне и Гакесбури, особливо ж зная то, что они действовали по мыслям Питта, которой славен умом, а не мягким сердцем и которой готов был целым миром жертвовать пользе своего Отечества. Известно, что Аддингтон, перед самым подписанием мирных условий, несколько дней провел в деревне с Питтом. Любопытной человек хотел бы подслушать сих двух знаменитых министров, когда они, сидя под ветвями какого-нибудь величественного дерева, рассуждали о судьбе мира, угадывали все возможности и сравнивали одни с другими! Может быть, они предвиде-

ли, что европейские державы, желая мира, принудили бы наконец Англию исполнить сие желание самым тем средством, которое хотел употребить ПАВЕЛ I, то есть закрыв для нее все свои порты; может быть, они предвидели, что вечная война обременила бы Английский народ непосильными налогами или произвела бы неминуемое государственное банкротство; может быть, они в самом деле боялись, чтобы Французы рано или поздно не сделали высадки в Англии или в Ирландии, где все еще таились искры бунта. Догадки наши будут сомнительны, но человечество, без всякого сомнения, благодарно английским министрам, что они по осторожности или неосторожности заключили мир.

Английский народ вне себя от радости. Все лондонские журналисты прославляют министерство, и старинные противники его, Фокс, Шеридан, Тирней, хвалят мир. Любопытно было слышать Питта, когда он в собрании Нижнего Парламента говорил о должном уважении к французскому правительству и к Бонапарте, называя его прежде корсиканским разбойником! Но Лорд Гренвиль, бывший Государственный секретарь, и Виндам, бывший министр военный, прежние друзья Питтовы, говорили с великим жаром против мира, особливо Виндам, который в пророческом исступлении воскликнул: «Англия погибла! Пусть веселится народ, но скоро увидит он свое заблуждение! Сии радостные огни, пылающие теперь в Лондоне, кажутся мне печальными светильниками погребения! Одни непримиримые враги наши воспользуются миром, и мы рано или поздно будем жертвою их коварно-ласковой улыбки! Они цветами притворного дружелюбия усыпят нам путь к могиле! Несчастное Отечество! Гроб для тебя уже отверзается!» Красноречивый эксминистр содержанием речи и голосом своим заставил плакать многих зрителей и самых членов пар-

ламента. Но чего же хотел он? Вечной войны! «С Французами, – сказал Виндам, – нельзя помириться, между прочим, и для того, что супружество основано у них на одном гражданском контракте!» Он не удовольствовался другими, сильнейшими доказательствами.

Эксминистр видел в будущем, конечно, излишние ужасы для Англии, но то правда, что приобретение гишпанского острова Троицы и голландского Цейлана¹ не могут наградить ее за войну, которая стоила ей более 3000 миллионов рублей, что Франция в мирное время, конечно, умножит флоты свои и что Великобритания хотя не скоро, но верно должна утратить первенство свое на море. Остров Св. Троицы производит сахар, хлопчатую бумагу и множество разных плодов, он всегда важнее для англичан тем, что доставляет им удобное средство торговать с гишпанскою Америккою. Цейлан славен жемчужною ловлею и своею корицею. Лондонские журналисты говорят, что мореплаватели, приближаясь к нему, за несколько миль уже чувствуют благоухание! Но главным приобретением Англии в течение сей войны* останется слава ее непобедимых флотов, истребивших морские силы Франции, Голландии и Гишпаниии. Думают, что в тайных статьях мира английское министерство не забыло несчастных Принцев Бурбонского дому и Штатгальтера. Сей последний, выезжая из Лондона, написал к королю умное и хотя благодарное, но гордое письмо, достойное потомка Вильгельмова и Маврикиева.

Если Английский народ обрадовался миру, то радость Французов была еще живее и основательнее, особливо в городах приморских и торговых, которые с восхищением увидели *дружественный* флаг Великобритании в своих портах и спешат теперь отправлять

---

* Я не говорю здесь о завоеваниях ее в Индии, которые не имели связи с Французскою войною.

корабли во все части света. Любовь к Бонапарте дошла до высочайшей степени. Со всех сторон пишут к нему благодарные письма, в которых называют его *спасителем Республики, первым Героем всех веков, единственным*, и проч., и проч. Он, конечно, заслуживает признательность французов и почтение всех людей, умеющих ценить чрезвычайные действия геройства и разума. Его внешняя Политика и внутреннее правление достойны удивления не менее Маренгской победы. Франция, осыпанная дарами щедрой Природы, земля столь многочисленная и богатая промышленностью своих жителей, конечно, скоро загладит бедственные следы Революции, наслаждаясь тишиною под эгидою деятельного и благо-разумного правления, которое печется о мудрой системе гражданских законов, о воспитании, об успехе наук, художеств и торговли, следственно, о важнейших частях государственного благополучия. Французы хотели прежде мечтательного *равенства*, которое делало их всех *равно* несчастливими: теперь, разрушив мечты, восстановив Религию, столь нужную для сердца в мире превратностей, не менее нужную и для благоденствия государств, отличив достойнейших граждан важным правом избрания в республиканские должности (*par les listes de Notabilite*) и чрез то уничтожив вредную для Франции Демократию, Монарх-Консул оправдывает дело Судьбы, которая возвела его из праха на такую степень величия.

Многие политики боятся решительного влияния Франции на участь Европы. «Мы верим миролюбию и благоразумию Консула Бонапарте, – говорят они, – верим, что он не возмутит спокойствия держав и будет заниматься только внутренним благом государства; но когда другой со временем заступит его место и, не будучи, подобно ему, насыщен воинскою славою, захочет лавров, имея в своих руках Францию и еще три Республики,

которые непременно должны от нее зависеть: что будет тогда с Европою, по крайней мере с Германией и с Италией?» Сей страх не совсем основателен. Союз России, Австрии, Пруссии и Англии может всегда ограничивать внешние действия Франции и противоборствовать всякому злоупотреблению сил ее. На одной стороне сии четыре державы, а на другой – Французская Республика, Голландская, Швейцарская и Чизальпинская (прибавим к ним еще и Гишпанию) составят то равновесие, которое нужно для политического благосостояния Европы.

Удалим теперь от мыслей своих все печальное. Небо прояснилось над нами, некоторые остатки туч видны еще на горизонте, но мы с сердечным удовольствием смотрим на светлые места его. Австрия отдыхает после кровопролитной войны, и правительство ее старается ввести во все части государственной системы лучший порядок и согласие. Немецкие принцы надеются на следствии Регенсбургского Сейма или Амьенского Конгресса. Голландия, в самых революциях спокойная и флегматическая, занимается новыми планами для воскресающей торговли своей и отправляет Губернаторов в Африку и в Америку. Пруссия, Дания и Швеция представляют щастливую картину мудрого начальства и довольных подданных. Россия видит на троне своем любезного сердцу Монарха, который всего ревностнее желает ее щастья, взяв себе за правило, что добродетель и просвещение должны быть основанием государственного благоденствия. Все изданные им законы сообразны с духом времени и служат залогом его человеколюбивых намерений.

Обращая взор от севера к югу, видим и там приятные действия надежды. На Альпах раздается голос, требующий восстановления древней гельветической свободы, уничтоженной безрассудными французскими директорами. Республиканская свобода и независимость принад-

лежат Швейцарии так же, как ее гранитные и снежные горы; человек не разрушит дела природы, и Бонапарте дает Телевым потомкам волю утвердить судьбу свою без всякого чуждого влияния. Чизальпинская Республика, быв долгое время под опекою, ожидает наконец своей независимости и свободного политического бытия. Многочисленные депутаты ее, избранные из всякого состояния, епископы и воины, ученые и купцы спешат в Лион, где Бонапарте вместе с ними назначит главных чиновников их Республики и таким образом довершит свое творение, которое всегда было особенным предметом любви его. Луциан Бонапарте, второй брат Французского Консула, человек пылкий, умный и красноречивый, будет, как думают, Чизальпинским Консулом или Президентом. Пьемонт, по крайней мере, спокоен. Судьба его не решена, но вероятно, что Франция разделит его с Чизальпинскою и Лигурийскою Республикой. Сия последняя должна опять иметь своего Дожа, следственно, Бонапарте умеет иногда предпочитать старое новому. Тоскана, возвышенная им на степень королевств, ожидает от кроткого своего Монарха щастливых дней Леопольдовых. – Римскому Понтифу возвращено все, кроме Лаокона, Геркулеса Фарнезского, Бельведерского Аполлона и славнейших произведений Рафаэлевой кисти, о которых Рим никогда жалеть не перестанет. – Мы не сказали бы ни слова о бедственном Неаполе, если бы он, напоминая ужасы, в то же время не напоминал и славной дисциплины шести тысяч Русских, которые спасли его от дальнейших иступлений итальянской злобы. Несчастлива та столица, в которую Государь не спешит возвратиться! – Мальта была уже давно забыта Историю, но теперь снова займет в ней несколько страниц, быв *яблоком раздора* между двумя державами. Ордену возвращается древняя столица его, но вероятно, что в его статугах будут некоторые перемены

и что для увенчания общего мира Мальтийские кавалеры великодушно согласятся оставить в покое и самых неверных! – Константинополь торжествовал победы! Еще с большею радостью должно ему торжествовать мир, которой служит временною опорой для ветхого Магометова трона. Любопытно знать, на что решится теперь Пасван-Оглу, один из немногих людей в Европе, которые не радуются общему миру! – О Гишпании и Португалии можно сказать единственно то, что первая будет зависеть от Франции так же, как вторая от Англии, с тою разницею, что Гишпания хотела бы прервать свои узы, а Португалия защищает ими бытие свое. *Князь мира*, доказав, что он может быть и *Князем войны*, отдыхает на своих лаврах и пользуется всею доверенностью Короля.

Амьенский Конгресс будет в Истории славнее всех Утрехтских и Ахенских Конгрессов: с него начинается новая эпоха не только для Политики, но и для самого человечества. По крайней мере истинная философия ожидает хотя сего единственного счастливого действия ужасной Революции, которая останется пятном восемнадцатого века, слишком рано названного философским. Но девятнадцатый век должен быть счастливее, уверив народы в необходимости законного повиновения, а Государей в необходимости благодетельного, твердого, но отеческого правления. Сия мысль утешительна для сердца, которое в самых бедствиях человеческого рода находит, таким образом, залог добра для будущих времен.

Мы желаем уведомлять наших читателей о мирном благоденствии держав, о полезных учреждениях во всех землях, о новых мудрых законах, более и более утверждающих сердечную связь подданных с Монархами. Военные громы возбуждают нетерпеливое любопытство: успехи мира приятны сердцу. Оставляя издателям ведомостей сообщать в отрывках всякого рода политические

новости, мы будем замечать только важные, и *Вестник Европы* в продолжении своем может составить избранную библиотеку Литературы и Политики.

ПРИЯТНЫЕ ВИДЫ, НАДЕЖДЫ И ЖЕЛАНИЯ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

Писано в 1802 году

Все те, которые имеют счастье мыслить и судить беспристрастно, должны согласиться, что никакое время не обещало столько политического и нравственного благоденствия Европе, как наше. Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; что самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений; что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы нравственному и политическому миру, должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума; что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ; и что с сею доверенностью к действию времени и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя.

То есть Французская революция, грозившая испро-
вергнуть все правительства, утвердила их. Если бед-
ствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут
назваться благодетельными, то сим благодеянием мы,
конечно, обязаны революции. Теперь гражданские на-
чальства крепки не только воинскою силою, но и вну-
тренним; убеждением разума.

С самой половины осьмогонадесять века все нео-
быкновенные умы страстно желали великих перемен и
новостей в учреждении; обществ; все они были в неко-
тором смысле врагами настоящего, теряясь в лестных
мечтах воображения. Везде обнаруживалось какое-то
внутреннее неудовольствие; люди скучали и жаловались
от скуки; видели одно зло и не чувствовали цены блага.
Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и
другие предсказали ее с разительною точностию; гром
грянул во Франции... Мы видели издали ужасы пожара,
и всякий из нас возвратился домой благодарить Небо за
целость крова нашего и быть рассудительным!

Теперь все лучшие умы стоят под знаменами власти-
телей и готовы только способствовать успехам настояще-
го порядка вещей, не думая о новостях. Никогда согласие
их не бывало столь явным, искренним и надежным.

С другой стороны, правительства чувствуют важ-
ность сего союза и общего мнения, нужду в любви народ-
ной, необходимость истребить злоупотребления. Почти на
всех тронах Европы видим юных государей, деятельных и
ревностных к общему благу. Революция была злословием
свободы: правительства, не хвалясь именем, дозволяют
гражданам пользоваться всеми ее выгодами, согласны-
ми с основанием и порядком общества. Революция обе-
щала равенство состояний: государи вместо сей химеры
стараятся, чтобы гражданин во всяком состоянии мог
быть доволен; чтобы некоторое не было презрительным

или угнетенным. Будем справедливы: где теперь добрый человек не может наслаждаться безопасностью? Свирепствует ли где-нибудь тиранство в Европе, если исключим Турцию? Не везде ли обещают наукам покровительство? Не везде ли начальства желают способствовать успехам воспитания и просвещения, которое есть не только источник многих удовольствий в жизни, но и самой благородной нравственности; которое образует мудрых министров, достойных орудий правосудия, сынов отечества, в семействах рождая чувства патриотизма, чести, народной гордости; и без которого люди служат только одному идолу подлой корысти. Государи, вместо того, чтобы осуждать рассудок на безмолвие, склоняют его на свою сторону. Будучи, так сказать, вне обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всех низких побуждений эгоизма, которые делают людей несправедливыми и даже злыми; наконец, имея все, они должны и могут чувствовать только одну потребность: благотворить и, смотря на всякого гражданина, думать: «Я заслужил любовь его!»

В самой литературе, которая столь сильно действует на умы, видим мы полезное следствие революции. Прежде сей эпохи всякая дерзкая книга была модною; ныне, напротив того, писатели боятся оскорбить нравственность, ибо перед всяким жива картина бедствий, произведенных во Франции развратом; даже в самых дурных романах соблюдается какая-то благопристойность и уважение к святыне нравов: ибо сего требует счастливое расположение умов и сердец. Вольтер не мог бы ныне прославиться некоторыми насмешками, Буланже – педантством, Ламетри – безумием. Литература, более, нежели когда-нибудь, способствуя истинному просвещению, обратилась ныне к утверждению всех общественных связей.

Дружественный союз народов, благоприятствуя взаимному сообщению великих умов, подает справедливую

надежду, что науки обогатятся еще открытиями новых феноменов или следствий, новых отношений любопытства к пользе, которая есть истинное совершенство учения. Науки физические еще далеки от своих крайних пределов; Натура имеет много таинственного; время и опыты могут снять еще многие покровы и завесы на ее необозримой сцене... И не только физические науки, но и самая мораль открывает обширное поле для новых соображений ко благу людей. Мы несравненно богаче древних идеями и знанием человеческого сердца; однако ж не истожили нравственных наблюдений и не всеми известными воспользовались для утверждения своих понятий о человеке и способах счастья, которое должно быть главною наукою человечества и которого не могут дать сердцу самые мудрейшие правительства: ибо оно есть дело судьбы, ума и характера.

Взор русского патриота, собрав приятные черты в нынешнем состоянии Европы, с удовольствием обращается на любезное отечество. Какой надежды не можем разделять с другими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благотворениями человеколюбивого монарха? Никогда Россия столько не уважалась в политике, никогда ее величие не было так живо чувствуемо во всех землях, как ныне. Италиянская война доказала миру, что колосс России ужасен не только для соседей, но что рука его и вдали может достать и сокрушить неприятеля. Когда другие державы трепетали на своем основании, Россия возвышалась спокойно и величественно. Довольная своим пространством, естественными сокровищами и миллионами жителей, не имея ни в чем совместников, не желая ничьей гибели, не боясь никакой державы, не боясь даже и союзов против себя (ибо они не согласны с особенными выгодами государств в отношении к ней), она может презирать обыкновенные

хитрости дипломатики и судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народов.

Главным, важнейшим благом в ее внутреннем состоянии назову я... нынешнее общее спокойствие сердец; оно всего дороже и милее; оно есть верное доказательство мудрости начальства в гражданском порядке. С другой стороны, друг людей и патриот с радостью видит, как свет ума более и более стесняет темную область невежества в России; как благородные, истинно человеческие идеи более и более действуют в умах; как рассудок утверждает права свои и как дух россиян возвышается. Не только в столицах, но и в самых отдаленных губерниях находим между благородными достойных членов государства, знающих его потребности, судящих справедливо о людях и действиях. Наше среднее состояние успеваает не только в искусстве торговли, но многие из купцов спорят с дворянами и в самых общественных сведениях. Кто из нас не имел случая удивляться их любопытству, здравому рассудку и патриотическим идеям? Они чувствуют более, нежели когда-нибудь, важность прав своих и никому не завидуют. Сельское трудолюбие награждается ныне щедрее прежнего в России, и чужестранные писатели, которые беспрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастливы, удивились бы, если бы они могли видеть их возрастающую промышленность и богатство многих; видеть так называемых рабов, входящих в самые торговые предприятия, имеющих доверенность купечества и свято исполняющих свои коммерческие обязательства! Просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая и по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная. Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданских отношениях, помощником в бедствиях случая и Натуры: вот его

обязанности! За то он требует от них половины рабочих дней в неделе: вот его право!

Но патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к Отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть; и, жалея о тех людях, которые смотрят на вещи только с дурной стороны, не видят никогда хорошего и вечно жалуется, мы не хотим впасть и в другую крайность; не хотим уверять себя, что Россия находится уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нет, мудрое правление наше тем счастливее, что оно может сделать еще много добра отечеству.

Например (не говоря о другом): каким великим делом украсится еще век Александров, когда исполнится монаршая воля его; когда будем иметь полное, методическое собрание гражданских законов, ясно и мудро написанных? Я не удивляюсь (как некоторые), что законы Ярославовы ценили деньгами убийство и вооружали родственников убитого кинжалом мести; не удивляюсь, что Судебник царя Иоанна велит решить сомнительные дела поединком; не удивляюсь, что в Уложении царя Алексея Михайловича нет философических сентенций и что законодатель не предвидел случаев нашего времени: ибо знаю, что все европейские народы в разные эпохи имели такие же несовершенные законы, как и мы. «Правда» Ярославова есть кодекс всех северных народов, разрушителей Римской империи и завоевателей Европы. Судебник Иоаннов ознаменован печатью средних веков, когда дух рыцарства и живая вера к праведным действиям Неба ввели в законное обыкновение поединок. Авторы «Уложения» знали уже, как видно, Иустинианов кодекс, но имели у себя в виду единственно тогдашнее состояние России. Указы отца отечества, императрицы Анны, Елисаветы, особливо Екатерины Великой решат все важнейшие вопросы о *людях и вещах* в порядке гражданском:

нужна только философическая метода для расположения предметов; но совершение сего дела будет славно для монарха и государства. Метода и порядок заключают в себе какую-то особенную силу для разума, и судья, обнимая одним взором систему законов, удобнее впечатлевает их в душу свою. Тогда мы не позавидуем Фридрихову (вновь исправленному) кодексу; не позавидуем умному плану французского и пожалеем об англичанах, которых судилища беспрестанно запутываются в лабиринте несогласных установлений (writs), служащих им правилом. Великая Екатерина даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству. Александр дарует нам систему гражданских законов, определяющих взаимные отношения граждан между собою. Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдет в систему общего воспитания.

Мы упомянули о воспитании; можно сказать, что дети у нас воспитываются лучше отцов своих; но сколько еще желаний и надежд, в рассуждении сего предмета, имеет в запасе патриотическое сердце? Каким общим нравственным правилам следуют родители в образовании детей своих? Много ли у нас характеров? И молодой человек с *решительным образом мыслей* не есть ли редкое явление? Давно называют свет бурным океаном: но счастлив, кто плывет с компасом! А это дело воспитания. Родители, оставляя в наследство детям имение, должны присоединить к нему и наследство своих опытов, лучших идей и правил для счастья. Хорошо, если отец может поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда он сам бывает его наставником: ибо *Натура* дает отцу такие права на юное сердце, каких никто другой не имеет. Что мешает родителям заниматься детьми? По большей части, светская рассеянность, действие полупросвещения в людях и в государствах. Взглянем на великих мужей,

одаренных превосходными талантами ума: все они – не знаю, будет ли исключение, – все они, говорю, любят семейственные удовольствия. Взглянем и на самые народы: Англия есть, без сомнения, просвещеннейшая земля в Европе, и нигде люди не наслаждаются столько приятностями тихой домашней жизни, как в Англии. Просвещение ценит удовольствия и выбирает лучшие: а могут ли ничтожные светские забавы сравняться с нежными чувствами супруга и родителя, который, дав жизнь детям, дает им и мысли и чувства; ежедневно видит развитие души их, веселится ими, как своею милою собственностью, и готовит свету *украшенные нравственные образы самого себя?* Совершенное просвещение находит средство наслаждаться временем, а несовершенное хочет только избавляться от него: дикий американец от скуки целый день качается на ветвях. – Европейец, презирая его невежество, от скуки бежит из дому – играть в карты! Дни летят, и он доволен; но с ними летит и жизнь – старость с болезнью приходит к нам в гости, и мы невольным образом должны наконец поселиться дома. Новые привычки тягостны накануне смерти! Нежный отец семейства не знает, по крайней мере, сей тягости; жив всегда дома, не имеет нужды приывать в старости к кабинету, и на что ни взглянет вокруг себя, везде находит утешительные воспоминания; всякий бездушный предмет есть для него старый друг, приятно беседующий с ним о минувшем времени. И сколь не равное право на любовь и благодарность детей имеют два отца, из которых один сам воспитал их, а другой только нанимал учителей! Будет время, когда сия любовь и благодарность составят для нас главное удовольствие в жизни: подумаем об нем заранее!.. Я говорил только о счастье заниматься воспитанием детей; но, с другой стороны, оно есть и долг гражданина, обязанного в семействе своем образовать достойных сынов отечества. В республиках

предписывались для того законы; родительская нежность считалась гражданским достоинством и правом на общественную благодарность: ибо нежный отец семейства есть всегда нежный сын отечества, с судьбою которого соединена участь детей его. – Наконец скажем, что без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы.

Любя жить дома, мы имели бы более способов заниматься не только воспитанием детей, но и хозяйством, которое заставило бы нас лучше соображать расходы с доходами. Безрассудная роскошь, следствие рассеянной жизни, вредна для государств и нравов. Человек, разоряясь, прибегает ко всем средствам спастись от бедности, и к самым незаконным; он скорее другого может притеснить: своих крестьян и, питая гнусную алчность ростовщиков, поневоле обманывать честных заимодавцев; доверенность истребляется, и невинный терпит за виновного. Мы нередко видим, что самые богатые люди живут в нужде от беспорядка в хозяйственных делах и неизвинительного мотовства. Ввечеру великолепное освещение, огромная музыка, живописные Терпсихорины группы и на столе произведения всех частей мира; а на другой день низкие поклоны заимодавцам! Хотят удивить иностранцев; хотят дать им выгодную идею о нашем вкусе, уме, просвещении... Усердные любители отечественной славы! Россия увольняет вас от таких патриотических усилий, от пятидесяти *сюрпризов* в один вечер и даже от французских куплетов; она требует от вас одной рассудительности, честности, одних гражданских и семейственных добродетелей; требует, чтобы вы заставляли иностранцев удивляться не мотовству своему, а порядку в ваших идеях и домах: вот действие истинного просвещения! – Я послал бы всех роскошных людей на несколько времени в деревню быть свидетелями трудных сельских

работ и видеть, чего стоит каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить некоторых от суетной расточительности, платящей сто рублей за ананас для десерта. «Но богатством должно пользоваться?» Без сомнения. Во-первых, заплатите долги свои; во-вторых, приведите крестьян ваших, если можно, в лучшее состояние; а потом оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сделайте что-нибудь долговременное и полезное; учредите школу, гошпиталь; будьте отцами бедных и превратите в них чувство зависти в чувство любви и благодарности; ободрите земледелие, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщению людей в государстве: пусть этот новый канал, соединяющий две реки, и сей каменный мост, благодеяние для проезжих, называется вашим именем! Тогда иностранец, видя столь мудрое употребление богатства, скажет: «Россияне умеют пользоваться жизнью и наслаждаться богатством!»

Дворянство есть душа и благородный образ всего народа. Я люблю воображать себе российских дворян не только с мечом в руке, не только с весами Фемиды, но и с лаврами Аполлона, с жезлом бога искусств, с символами богини земледелия. Слава и счастье отечества должны быть им особенно драгоценны; слава государств бывает различная, счастье их есть сложное. Не все могут быть воинами и судьями, но все могут служить отечеству. Герой разит неприятелей или хранит порядок внутренний, судья спасает невинность, отец образует детей, ученый распространяет круг сведений, богатый сооружает монументы благотворения, господин печется о своих подданных, владелец способствует успехам земледелия: все равно полезны государству. – Россияне одарены от природы всем, что возводит народы на высочайшую степень гражданского величия: умом и твердым мужеством. Мы спешим к цели – и, обращая взор на то место, где нашел

россиян Петр, где нашла их Екатерина, смело надеемся, что между сею блестящею целию и нами скоро не будет уже ни одного европейского народа.

Не желаю быть мечтателем; но в царствование Александра могут ли добрые желания и патриотические надежды быть мечтами?

СТРАННОСТЬ

Француз, который жил долго в России и возвратился в свое отечество, публикует оттуда в московских газетах*, что он близ Парижа завел пансион для русских молодых дворян и приглашает родителей отправить к нему из России детей своих на воспитание, обещая учить их всему нужному, особливо же языку русскому! Живучи в уединении, я не знаю, что другие подумали о таком объявлении. Мне кажется оно более странным, нежели досадным: ибо я уверен, что наши дворяне не захотят воспользоваться благосклонным предложением господина N. N. Французы ветрены – были и будут! Снисходительный человек во многом извиняет их легкомыслие. Иначе как вздумать, чтобы родители в отечестве нашем не имели способов воспитывать детей и могли безрассудно удалить их от себя, забыть священный долг свой и вверить судьбу юных сердец чужому, неизвестному человеку? Мы готовы платить французам, или другим иностранцам, за уроки в их языках, которые нужны для благородного россиянина и служат ему средством просвещения: у нас есть деньги! но у нас есть и рассудок. Мы знаем первый и святейший закон Природы, что мать и отец должны образовать нравственность детей своих, которая есть главная часть воспитания; мы знаем, что всякий должен ра-

---

* В первых номерах декабря месяца 1801.

сти в своем отечестве и заранее привыкать к его климату, обычаям, характеру жителей, образу жизни и правления; мы знаем, что в одной России можно сделаться хорошим русским – а нам, для государственного счастья, не надобно ни французов, ни англичан! Пусть в некоторые лета молодой человек, уже приготовленный к основательному рассуждению, едет в чужие земли узнать европейские народы, сравнивать их физическое и гражданское состояние с нашим, чувствовать даже и самое их превосходство во многих отношениях! Я не боюсь за него: сердце юноши оставляет у нас предметы нежнейших чувств своих; оно будет стремиться к нам из отдаления; под ясным небом южной Европы он скажет: *хорошо; но в России семейство мое, друзья, товарищи моего детства!* Он будет многому удивляться, многое хвалить, но не полюбит никакой страны более отечества. Человек может иногда ненавидеть землю, в которой он жил долго; но *всегда, всегда любить ту, в которой воспитывался*: истина важная для отцов семейства и понятная для всякого разума! Впечатления юности составляют главную драгоценность души; они всего для нас любезнее, подобно как самый простой весенний цветок радует нас более пышной летней розы. Место, которое напоминает человеку первые действия сердца и разума его, будет для него приятнейшим местом в свете. Если отец пошлет десятилетнего сына своего на пять или на шесть лет в чужую землю, то чужая земля будет для сына отечеством: она даст ему первые нравственные, сильные чувства, и сама Натура привяжет его к ней милыми, неразрывными узами. Возраст отрока есть развитие нравственности и души; от 10 до 16 лет решится судьба нашей жизни и чувствительности.

Когда благоразумный человек надолго едет в какую-нибудь землю, то он старается заранее узнать ее обычаи и если не делом, то хотя воображением привыкает к ним,

зная, что непривычка к образу мыслей и жизни тех людей, с которыми нам ежедневно быть должно, производит для нас многие существенные неприятности. А сын мой, которому определено жить и умереть в России, поедет образовывать душу свою во Францию? Ему надобно знать русских, с которыми у него одно гражданское и нравственное счастье: а я пошлю его к французам? Положим, что все европейские народы с некоторого времени сближаются между собою характером; но различие все еще велико и навсегда останется в свойствах, обычаях и нравах, происходящих от климата, образа правления, *судьбы наших предков* и других причин, еще не изъясненных философами.

Господин N. N., учредитель парижского пансиона, скажет нам: «Вы должны согласиться, что человек еще важнее гражданина: а человек может лучше образоваться во Франции, нежели в России». Первое справедливо; на второе не согласимся. Мы уже, слава Богу! не варвары; у нас есть все способы просвещения, какие только могут найтись во Франции; и там и здесь учат одному, по одним авторам и книгам. Самый французский язык можно в Петербурге или в Москве узнать так же хорошо, как в Париже; положим, что и не так хорошо: но некоторые совершеннейшие его оттенки награждают ли за нравственный и политический вред чужестранного воспитания? Природный язык для нас важнее французского; а господин N. N., несмотря на свое милостивое обещание, не выучит детей наших в Париже говорить так хорошо по-русски, как они здесь выучатся. Питомцы его, через 6 или 7 лет возвратясь в Россию, стали бы терзать слух наш варварскими своими фразами; они сказали бы нам: «Мы *говорим язык свой*; мы знаем *математики*, мы *представляем наши почтения* согражданам»* – а со-

* Такие фразы слышали мы от русских французозов. Некоторые из них утверждают даже, что наш язык не имеет правил. Несчастные!

граждане назвали бы их глупцами, невеждами, дурно воспитанными людьми; ибо кто не знает своего природного языка, тот, конечно, дурно воспитан, хотя бы знал наизусть и все книги браминов; они сказали бы сим полугаллам: «зачем вы к нам приехали? зачем не остались во Франции? Мы не признаем вас земляками своими; вы недостойны называться русскими, которые гордятся языком Святослава, Владимира, Пожарского, Петра Великого. Вы не имеете отечества: ибо и самые французы, несмотря на то, что вы прекрасно даете чувствовать немое *E*, не признают вас французами!»... И добродушные родители, лишив себя неизъяснимого удовольствия видеть на лице и в душе милых детей расцветание красоты физической и нравственной, вместо благовоспитанных людей увидели бы в них французских обезьян или попугаев, которые наименовали бы им всех парижских актеров, а не умели бы с чувством произнести священного имени России, отца, матери и сограждан!

Но я, подобно славному рыцарю Дон-Кихоту, сражаюсь с ветряными мельницами, принимая их за исполинов. Конечно, никто из благоразумных дворян российских не подумает отправить детей своих в пансион к господину N. N., над которым, без сомнения, и французы смеются.

О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ

Любовь к Отечеству может быть физическая, моральная и политическая.

Человек любит место своего рождения и воспитания. Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, есть дело Природы и должна быть названа физической. Родина мила сердцу не местными красотами, не

ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества. В свете нет ничего милее жизни: она есть первое счастье – а начало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную прелесть. Так нежные любовники и друзья освящают в памяти первый день любви и дружбы своей. Лапланец, рожденный почти в гробе Природы, несмотря на то, любит холодный мрак земли своей. Переселите его в счастливую Италию: он взором и сердцем будет возвращаться к северу, подобно магниту; яркое сияние солнца не произведет таких сладких чувств в его душе, как день сумрачный, как свист бури, как падение снега: они напоминают ему Отечество! – Самое расположение нерв, образованных в человеке по климату, привязывает нас к родине. Недаром медики советуют иногда больным лечиться воздухом; недаром житель Гельвеции, удаленный от снежных гор своих, сохнет и впадает в меланхолию; а возвращаясь в дикий Унтервальден, в суровый Гларис, оживает. Всякое растение имеет более силы в своем климате: закон Природы и для человека не изменяется. – Не говорю, чтобы естественные красоты и выгоды отчизны не имели никакого влияния на общую любовь к ней: некоторые земли, обогащенные Природою, могут быть тем милее своим жителям; говорю только, что силы красоты и выгоды не бывают главным основанием физической привязанности людей к отечеству: ибо она не была бы тогда общою.

С кем мы росли и живем, к тем привыкаем. Душа их сообразуется с нашею; делается некоторым ее зеркалом; служит предметом или средством наших нравственных удовольствий и обращается к предметам склонности для сердца. Сия любовь к согражданам, или к людям, с которыми мы росли, воспитывались и живем, есть вторая, или моральная, любовь к Отечеству, столь же общая, как

и первая, местная, или физическая, но действующая в некоторых летах сильнее: ибо время утверждает привычку. Надобно видеть двух единоплеменников, которые в чужой земле находят друг друга: с каким удовольствием они обнимаются и спешат изливать душу в искренних разговорах! Они видятся в первый раз, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Им кажется, что они, говоря даже иностранным языком, лучше разумеют друг друга, нежели прочих: ибо в характере единоплеменников есть всегда некоторое сходство, и жители одного государства образуют всегда, так сказать, электрическую цепь, передающую им одно впечатление посредством самых отдаленных колец или звеньев. – На берегах прекраснейшего в мире озера, служащего зеркалом богатой Натуры, случилось мне встретить голландского патриота, который, по ненависти к штатгальтеру и оранистам, выехал из отечества и поселился в Швейцарии между Ниона и Роля. У него был прекрасный домик, физический кабинет, библиотека; сидя под окном, он видел перед собою великолепнейшую картину Природы. Ходя мимо домика, я завидовал хозяину, не зная его; познакомился с ним в Женеве и сказал ему о том. Ответ голландского флегматика удивил меня своею живостию: «Никто не может быть счастлив вне своего отечества, где сердце его выучилось разуместь людей и образовало свои любимые привычки. Никаким народом нельзя заменить сограждан. Я живу не с теми, с кем жил сорок лет, и живу не так, как жил сорок лет; трудно приучать себя к новостям, и мне скучно!»

Но физическая и нравственная привязанность к отечеству, действие натуры и свойств человека не составляют еще той великой добродетели, которою славились греки и римляне. Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех

отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди имеют его.

Самая лучшая философия есть та, которая основывает должности человека на его счастье. Она скажет нам, что мы должны любить пользу отечества, ибо с нею неразрывна наша собственная; что его просвещение окружает нас самих многими удовольствиями в жизни; что его тишина и добродетели служат щитом семейственных наслаждений; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человеку называться сыном презренного отца, то не менее оскорбительно и гражданину называться сыном презренного отечества. Таким образом, любовь к собственному благу производит в нас любовь к Отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма. Так греки и римляне считали себя первыми народами, а всех других – варварами; так англичане, которые в новейшие времена более других славятся своим патриотизмом, более других о себе мечтают.

Я не смею думать, чтобы у нас в России было немного патриотов; но мне кажется, что мы излишне *смирненны* в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно.

Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут.

Не говорю, чтобы любовь к Отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них щастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью.

Мы не имеем нужды прибегать к басням и выдумкам, подобно грекам и римлянам, чтобы возвысить наше

происхождение: слава была колыбелию народа русского, а победа вестницею бытия его. Римская империя узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ее легионы. Историки византийские говорят о наших предках как о чудесных людях, которым ничто не могло противиться и которые отличались от других северных народов не только своею храбростию, но и каким-то рыцарским добродушием. Герои наши в девятом и десятом веке играли и забавлялись ужасом тогдашней новой столицы мира: им надлежало только явиться под стенами Константинополя, чтобы взять дань с царей греческих. В первом-надесять веке русские, всегда превосходные храбростию, не уступали другим европейским народам и в просвещении, имея по религии тесную связь с Царем-градом, который делился с нами плодами учености; во время Ярослава были переведены на славянский язык многие греческие книги. К чести твердого русского характера служит то, что Константинополь никогда не мог себе присвоить политического влияния на отечество наше. Князья любили разум и знание греков, но всегда готовы были оружием наказать их за малейшие знаки дерзости.

Разделение России на многие владения и несогласие князей приготовили торжество Чингисхановых потомков и наши долговременные бедствия. Великие люди и великие народы подвержены ударам рока, но и в самом несчастье являют свое величие. Так Россия, терзаемая лютым врагом, гибла со славою; целые города предпочитали верное истребление стыду рабства. Жители Владимира, Чернигова, Киева принесли себя в жертву народной гордости и тем спасли имя русских от поношения. Историк, утомленный сими несчастными временами, как ужасною бесплодною пустынею, отдыхает на могилах и находит отраду в том, чтобы оплакивать смерть многих достойных сынов отечества.

Но какой народ в Европе может похвалиться лучшей судьбою? Который из них не был в узах несколько раз? По крайней мере, завоеватели наши устрашали восток и запад. Тамерлан, сидя на троне Самаркандском, воображал себя царем мира.

И какой народ так славно разорвал свои цепи? Так славно ответил врагам свирепым? Надлежало только быть на престоле решительному, смелому государю: народная сила и храбрость, после некоторого усыпления, громом и молниєю возвестили свое пробуждение.

Время самозванцев представляет опять горестную картину мятежа: но скоро любовь к Отечеству воспламеняет сердца – граждане, земледельцы требуют военачальника, и Пожарский, озаменованный славными ранами, встает с одра болезни. Добродетельный Минин служит примером; и кто не может отдать жизни отечеству, отдает ему все, что имеет... Древняя и новая истории народов не представляют нам ничего трогательнее сего общего, героического патриотизма. В царствование АЛЕКСАНДРА позволено желать русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монумент, сооруженный в Нижнем Новгороде (где раздался первый глас любви к Отечеству), обновил в нашей памяти славную эпоху русской истории. Такие монументы возвышают дух народа. Скромный монарх не запретил бы нам сказать в надписи, что сей памятник сооружен в *его счастливое* время.

ПЕТР Великий, *соединив* нас с Европою и показав нам выгоды просвещения, ненадолго унизил народную гордость русских. Мы взглянули, так сказать, на Европу и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов ее. Едва великий государь сказал воинам, как надобно владеть новым оружием, они, взяв его, летели сражаться с первою европейской армиею. Явились генералы, ныне ученики, завтра примеры для учителей.

Скоро другие могли и должны были перенимать у нас; мы показали, как бьют шведов, турков – и наконец французов. Сии славные республиканцы, которые еще лучше говорят, нежели сражаются, и так часто твердят о своих ужасных штыках, бежали в Италии от первого взмаха штыков русских. Зная, что мы храбрее многих, не знаем, еще кто нас храбрее. Мужество есть великое свойство души; народ, им отличенный, должен гордиться собою.

В военном искусстве мы успели более, нежели в других, оттого, что им более занимались как нужнейшим для утверждения государственного бытия нашего; однако ж не одними лаврами можем хвалиться. Наши гражданские учреждения мудростию своею равняются с учреждениями других государств, которые несколько веков просвещаются. Наша людскость¹, тон общества, вкус к жизни удивляют иностранцев, приезжающих в Россию с ложным понятием о народе, который в начале осьмогонадесять века считался варварским.

Завистники русских говорят, что мы имеем только в высшей степени *переимчивость*, но разве она не есть знак превосходного образования души? Сказывают, что учителя Лейбница находили в нем также одну *переимчивость*.

В науках мы стоим еще позади других, для того – и для того единственно, что менее других занимаемся ими и что ученое состояние не имеет у нас такой обширной сферы, как, например, в Германии, Англии и проч. Если бы наши молодые дворяне, *учась, могли доучиваться* и посвящать себя наукам, то мы имели бы уже своих Линнеев, Галлеров, Боннетов. Успехи литературы нашей (которая требует менее учености, но, смею сказать, еще более разума, нежели собственно так называемые науки) доказывают великую способность русских. Давно ли знаем, что такое слог в стихах и прозе? И можем в некоторых частях уже равняться с иностранцами. У французов еще в

шестом-надесять веке философствовал и писал Монтань: чудно ли, что они вообще пишут лучше нас? Не чудно ли, напротив того, что некоторые наши произведения могут стоять наряду с их лучшими, как в живописи мыслей, так и в оттенках слога? Будем только справедливы, любезные сограждане, и почувствуем цену собственного. Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славою: французские, английские авторы могут обойтись без нашей похвалы; но русским нужно, по крайней мере, внимание русских. Расположение души моей – слава Богу! – совсем противно сатирическому и бранному духу; но я осмеливаюсь попенять многим из наших любителей чтения, которые, зная лучше парижских жителей все произведения французской литературы, не хотят и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желают, чтобы иностранцы уведомляли их о русских талантах? Пусть же читают французские и немецкие критические журналы, которые отдают справедливость нашим дарованиям, судя по некоторым переводам*. Кому не будет обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи с ним, к изумлению своему, услышала от других, что он умный человек? Некоторые извиняются худым знанием русского языка: это извинение хуже самой вины. Оставим нашим любезным светским дамам утверждать, что русский язык груб и неприятен: что и *charmant* и *seduisant*, *expansion* и *vareuigs*** не могут быть на нем выражены; и что, одним словом, не стоит труда знать его. Кто смеет доказывать дамам, что они ошибаются? Но мужчины не имеют такого любезного права судить ложно. Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой живописной поэзии, но и для нежной простоты, для зву-

* Таким образом, самый худой французский перевод Ломоносова од и разных мест из Сумарокова заслужил внимание и похвалу иностранных журналистов.

** Прелестный, оболстительный, изливание, воспарения (*фр.*).

ков сердца и чувствительности. Он богаче гармониею, нежели французский; способнее для излияния души в тонах; представляет более *аналогических* слов, то есть сообразно с выражаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки! Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка: мудрено ли, что не умеем изъяснять им некоторых тонкостей в разговоре? Один иностранный министр сказал при мне, что «язык наш должен быть весьма темен, ибо русские, говоря им, по его замечанию, не разумеют друг друга и тотчас должны прибегать к французскому». Не мы ли сами подаем повод к таким нелепым заключениям? – Язык важен для патриота; и я люблю англичан за то, что они лучше хотят *свистать* и *шипеть* по-английски с самыми нежными любовницами своими, нежели говорить чужим языком, известным почти всякому из них.

Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть *сам собою*, чтобы сказать: «Я существую морально!» Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса к жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне? что там носят, в чем ездят и как убирают дома? Патриот спешит присвоить отечеству блашдетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!

До сего времени Россия беспрестанно возвышалась, как в политическом, так и в нравственном смысле. Можно сказать, что Европа год от году нас более уважает – и мы еще в середине нашего славного течения! Наблюдатель везде видит новые *отрасли* и *развития*; видит много плодов, но еще более цвета. Символ наш есть пылкий юно-

ша: сердце его, полное жизни, любит деятельность; девиз его есть: *труды и надежда!* – Победы очистили нам путь к благоденствию; слава есть право на щастие.

ПАДЕНИЕ ШВЕЙЦАРИИ

Сия несчастная земля представляет теперь все ужасы междоусобной войны, которая есть действие личных страстей, злобного и безумного эгоизма. Так исчезают народные добродетели! Они, подобно людям, отживают свой век в государствах; а без высокой народной добродетели республика стоять не может. Вот почему монархическое правление гораздо счастливее и надежнее: оно не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают. Разврат швейцарских нравов начался с того времени, как Таллевы потомки вздумали за деньги служить другим державам, возвращаясь в отечество с новыми привычками и с чуждыми пороками, они заражали ими своих сограждан. Яд действовал медленно в чистом горном воздухе, но благотворное сопротивление природы уступило наконец зловредному влиянию. *Дух торговый* в течение времени овладел швейцарцами, наполнил сундуки их золотом, но истощил в сердцах гордую, исключительную любовь к независимости. Богатство сделало граждан эгоистами и было второю причиною нравственного падения Гельвеции. Но древние гражданские и политические связи Швейцарии могли бы еще долго не разрушиться (ибо древность имеет удивительную силу), если бы злой дух французской революции не сорвал сей некогда счастливой республики с ее основания. Для новых политических зданий нужно отменное величие духа одного или многих людей: Гельвеция не имеет сих гениев, и пять новых конституций ее, мелькнув, исчезли, как тени.

ВЗОР НА ПРОШЕДШИЙ ГОД

1802 год был мирный для Европы, но важный своими великими государственными феноменами. Амьенский трактат, столь удивительный – преобразование Чизальпинской Республики (эпоха достопамятная, ежели сия Республика будет существовать в мире, и не есть одна театральная декорация, или дом, на песке построенный) – великие перемены во Франции: уничтожение последних знаков так называемой свободы, основание решительного, твердого самовластия до смерти Консула; амнистия для Эмигрантов с единственным исключением тех, которые лично ему неприятны; мудрые законы для народного учения во Франции; в Англии – любопытные Парламентские споры, смешение партий, начало новой *Оппозиции*, малочисленной, но сильной талантом двух ораторов; уничтожение *славного* налога на доходы, восстановление закона личной безопасности; два Сейма в Европе: в Сицилии и в Венгрии, из которых первый оказал более усердия к своему Двору, нежели второй, только отчасти исполнивший желание и надежду римского императора; в Германии новое разделение властей и земель, предложенное Россиею и Франциею; в Баварии (где доньше царствовал самый ревностный католицизм) церковные реформы и перемены в духе Иосифа; бедствия Швейцарии и совершенная утрата ее независимости; в Турции мир Султана с Пасваном; в России новое мудрое образование министерства и новые права, данные Сенату: вот великие предметы для будущего Историка! Поле обширное для ума и суждений его! – Не забудем и Короля, сказавшего с мудрым Соломоном: *суета сует!* – и сложившего с себя корону, правда, не весьма тяжелую своим величием. Явление Русских войск в Ионической Республике есть так-

же любопытное действие новых, донныне беспримерных политических связей, сношений и видов.

Главный исторический характер нашего времени, Наполеон Бонапарте, в течение сего года вышел из сомнительных теней надежды и страха и явился в полном свете истины, к стыду романических голов, которые в наше время мечтали о Тимолеонах¹. Наполеон лучше их знает дым славы. Он думает без сомнения:

Нешастный! Что тебе до мнения потомков?
Среди могил, костей и гробовых обломков
Не будешь чувствовать, что скажут о тебе!
Безумен славы раб! Безумен, кто Судьбе
За сей *кимвальный* звон отдаст из доброй воли
Утехи пышности, блаженство царской доли!

Между тем мы должны изъясниться и сказать, чего сии забавные романисты ожидали от консула. Они думали, что Наполеон, сильною рукою своего гения остановив бурное стремление революции, воспользуется опытами веков, всеми лучшими идеями Философов; что он даст Франции *почти* совершенное (Монархическое или республиканское) Правление, сделает власть могущею, но только благотворною и спасительною, подобною не грозной реке, которая беспрестанно может выливаться из плоских берегов своих, но тихую и мирною, текущую без всякого помешательства среди высоких стен, утвержденных мудрым искусством. Они думали, что он, совершив великое творение, сложит с себя все знаки диктаторского достоинства, оставит на голове своей один венок лавровый, уступит консульский трон закону и успокоится накануне бессмертия, среди народа благодарного, в объятиях славы, под кровом хижины, в сообществе одних великих мужей плутарховых: ибо мы, современники, не

осмелились бы тогда к нему приблизиться и только издали удивлялись бы его величию. – Надобно признаться, что сей роман стоит Морусовой Утопии²!

Хотя мы никак не осуждаем Бонапарте, однако ж историческая справедливость заставляет нас приметить, что число ревностных обожателей Наполеона весьма уменьшилось в Европе, если верить Английским и Немецким журналистам. Предсказание добродушного Лафатера может сбыться: он говорил, что Бонапарте переживет славу свою. Такова неблагодарность смертных: кто однажды удивил нас и еще остается на сцене, от того мы не перестаем требовать новых чудес, и в случае отказа готовы освистать славного Актера. Напрасно друзья наполеоновы: Секретарь Бурьень, Ценсор Баррер, Советник д'Анжели, доказывают в своих периодических листах, что Бонапарте следует примеру какого-то Мидийского Царя – шумная, безрассудная публика кричит: *это старая геродотова сказка! Нам надобно великого человека!* Одним словом, всего досаднее иметь дело с партером Европы, и Бонапарте поступил весьма благоразумно, заключившись в высоких палатах Сен-Клу, где он слышит только оклик часовых, умные приветствия Сенаторов и Версальские фразы Шевалье Жокура.

Если же мы, перестав на минуту быть эхом иностранных крикунов, называемых Журналистами, должны объявить собственное мнение о Консуле, то скажем, что он, умертвив чудовище Революции, заслужил вечную благодарность Франции и даже Европы. В сем отношении будем всегда с удовольствием хвалить его, как Великого Медика, излечившего головы от опасного кружения. Пожалеем, если Он не имеет законодательной мудрости Солона и чистой добродетели Ликурга, который, образовав Спарту, сам себя навеки изгнал из Отечества!.. Вот дело героическое, перед которым все Лоди

и Маренго исчезают! Через 2700 лет оно еще воспалит ум, и добрый юноша, читая Ликиургову жизнь, плачет от восторга... Видно, что быть искусным Генералом и хитрым Политиком гораздо легче, нежели великим, то есть героически-добродетельным человеком.

Мы не принадлежим к числу тех людей, которые имеют страсть во всех феноменах времени находить чрезвычайность; однакож физические явления 1802 года кажутся и нам необыкновенными. Зимой страшные наводнения, весной холод и морозы в самых южных землях, летом засухи и жары, ужасные грозы и бури, а осенью землетрясения в Европе и на берегах Африканских были доказательством какой-то разстройки в физическом мире. Северные земли менее других потерпели; однакож и в России засухи были чрезвычайны. Волга, царица наших рек, удивительным образом обмелела прошедшим летом в самых глубоких местах: под Сызраном и Симбирском. Люди могли переходить через нее, как пишут, однакож лето было в России весьма плодородно, особливо в некоторых Губерниях.

О НОВОМ ОБРАЗОВАНИИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

24 января державная рука Александра подписала бессмертный указ о заведении новых училищ и распространении наук в России. Сей счастливый император – ибо делать добро миллионам есть главное на земле блаженство – торжественно именуется народное просвещение важною частию государственной системы, любезною сердцу его. Многие государи имели славу быть покровителями наук и дарований; но едва ли кто-нибудь издавал

такой основательный, всеобъемлющий план народного учения, каким ныне может гордиться Россия. П е т р В е л и к и й учредил первую Академию в нашем Отечестве, Е л и с а в е т а первый университет, В е л и к а я Е к а т е р и н а городские школы; но А л е к с а н д р , размножая университеты и гимназии, говорит еще: *да будет свет и в хижинах!* Новая, великая эпоха начинается отныне в истории нравственного образования России, которое есть корень государственного величия и без которого самые блестящие царствования бывают только личную славою монархов, не отечества, не народа. Россия, сильная и счастливая во многих отношениях, унижалась еще справедливою завистию, видя торжество просвещения в других землях и слабый, неверный блеск его в обширных странах ее. Римляне, уже победители вселенной, были еще презираемы греками за их невежество и не силою, не победами, но только учением могли наконец избавиться от имени варваров. Не одно народное славолубие – хотя оно, вопреки коварным лицемерам смирения, есть душа патриотизма – не одно народное славолубие терпит от недостатка в просвещении: нет, он мешает всякому действию благотворных намерений правителя, на всяком шагу останавливает его, отнимает силу у великих, мудрых законов, рождает злоупотребления, несправедливости и – одним словом – не позволяет государству наслаждаться внутренним общим благоденствием, которое одно достойно быть целию истинно великого, то есть добродетельного монарха. А л е к с а н д р , пылая святою ревностию к счастью вверенных ему миллионов, избирает вернейшее, *единственное средство* для совершенного успеха в своих великодушных намерениях. Он желает просветить россиян, чтобы они могли пользоваться его человеколюбивыми уставами, без всяких злоупотреблений и в полноте их спасительного действия.

Ревностная признательность наша к делам сего монарха не должна казаться неблагодарностию в рассуждении его славных и великих предшественников. Имена Петра и Екатерины будут вечно сиять в заглавии истории ума и просвещения в России; но чего они не могли сделать, то делает Александр, который имеет счастье царствовать после них, и в девятнадцатом веке. Небо оставило ему славу и возможность увенчать их бессмертные творения. Патриоты с гордостью указывали иностранцам на великолепные палаты столиц, на знаки богатства и промышленности многочисленного купечества; с гордостью вводили их в блестящие собрания нашего дворянства, в университеты, в академии, в гимназии; но искренние, разумные иностранцы говорили нам: «в России уже *много* просвещения, но еще *не довольно*; в неизмеримых странах ее мы находили миллионы жителей, осужденных на вечное невежество; они еще не умнее своих предков и не имеют никаких способов умножать свои идеи, научиться опытами, успевать в искусстве жизни и благородных наслаждений». Русские ответствовали им, что сей род людей по самым связям гражданского общества кажется осужденным на печальное варварство и невежество; но иностранцы звали нас в свои земли – и мы с изумлением видели в разных государствах Европы земледельцев трудолюбивых, но просвещенных, живущих с приятностию, вкусом, мирно и счастливо – тем счастливее, чем они просвещеннее*; мы видели заведенные в деревнях школы и детей поселянина, награждаемых за прилежность к учению; видели в хижинах (не отвратительных, но опрятных и чистых) книги и добрые нравы; говорили с земледельцами и слышали, что они благословляют скромную долю свою в гражданском обществе, считают себя не жертвами его, а благополуч-

---

* Можно поставить в пример швейцарских, многих немецких (особенно голштинских) и английских земледельцев, которые имеют библиотеки, сами работают и богаты.

ными, подобно другим состояниям, которые все должны трудиться, хотя разным образом, для пользы отечества и собственной. Русские патриоты, убежденные очевидною истиною, что человек и в хижине и за плугом может не обманывать видом своим, а быть в самом деле человеком, верили тогда, что отечество наше имеет право ожидать новых, еще великих благодеяний от трона в рассуждении государственного просвещения; они желали их – и добродетельный Александр, следуя влечению прекрасной души своей, исполнил их желание. – Предупредим глас потомства, суд историка и Европы, которая ныне с величайшим любопытством смотрит на Россию; скажем, что все новые законы наши мудры и человеколюбивы, но что сей Устав народного просвещения есть *сильнейшее* доказательство небесной благодати монарха, который во *всех* своих подданных желает найти признательных, *всех* равно любит и *всех* считает людьми.

Теперь дворянство российское имеет случай доказать свое усердие к отечеству: доказать, что мы достойны такого монарха и наших предков, и что польза общая нам всего любезнее. Заведение и надежный успех сельских училищ зависят отчасти от патриотической ревности дворян: они, без сомнения, изъявят ее всеми возможными способами, и посредственность будет спорить с избытком в знаках великодушной щедрости. Самая вернейшая опора политических или государственных прав есть государственная добродетель; мы желали бы возвысить ее названием *бескорыстной*; но Небу угодно было во всем соединить с нею награду, как в морали, так и в политике. *Дворянство никогда не упало там, где оно любило жертвы для общего блага.* Можем вспомнить нашу историю: во времена бедствия России, когда самозванцы и поляки терзали ее внутренность, народ изъявлял удивительную привязанность к русским боярам, охотно следовал их воле и за их

знаменами – оттого, что бояре трогательным образом доказывали свою любовь к Отечеству, первые жертвовали имением и жизнью, забывали самую фамильную вражду (которая была тогда во всей силе) и думали единственно о спасении России. Ныне, благодаря Провидению! времена спокойны, и мы не в *печальной*, но в *радостной* одежде можем служить отечеству или Александру (к счастью, великие имена их имеют для нас одно значение); можем и должны исполнить надежду монарха, которого человеколюбивая политика удаляет от нас кровопролитие войны, но не для того, чтобы мы в мирной тишине жили только для удовлетворения прихотям безрассудной роскоши, всегда порочной; можем стараниями, приятными для благородной души, и частью доходов своих способствовать славнейшему делу в свете: просвещению народа и благу потомства. Чье сердце не трогается сею великой мыслию, тот, без сомнения, живет не в свое время, и нам остается жалеть об его несчастье; но о ком из истинных дворян русских осмелимся так подумать? Кто из них захочет обратить в истину злословие многих чужестранных писателей, представляющих нас эгоистами и варварами? Нет, усердием своим к народному просвещению докажем, что мы не боимся его следствий и желаем пользоваться единственно такими правами, которые согласны с общим благом государства и с человеколюбием.

Учреждение сельских школ несравненно полезнее всех лицеев, будучи истинным *народным* учреждением, истинным основанием государственного просвещения. Предмет их учения есть *важнейший* в глазах философа. Между людьми, которые умеют только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо более расстояния, нежели между неучеными и первыми метафизиками в свете. *История ума* представляет две главные эпохи: изобретение букв и типографии; все другие были их след-

ствием. Чтение и письмо открывают человеку новый мир, особенно в наше время, при нынешних успехах разума. Сверх того, мудрое правительство еще умножает пользу сельского учения, соединяя с ним начальное основание морали, простой, ясной, истинно человеческой и гражданской*. Дерзну сказать, что сочинение *нравственного катихизиса* для приходских училищ достойно первого гения в Европе: так оно важно и благотельно! – Можно предвидеть затруднения в начале такого нового для России учреждения, особенно в некоторых отдаленных губерниях; но время, опыты и великие выгоды грамотного человека во всех отношениях сельской жизни наконец убедят земледельцев в необходимости учения – и меры кроткого понуждения уступят действию искренней охоты. Всего же более ответствует за успех то, что мудрое наше правительство соединяет уважаемый народом сан духовных пастырей с должностью сельских учителей**.

Главным благодеянием сего нового Устава останется (как мы сказали) заведение сельских школ; но он представляет еще другие, великие пользы. Городские школы, гимназии, университеты, теперь умноженные числом, оживленные лучшим внутренним образованием, будут сильнее прежнего действовать на воспитание умов в России. Мысль отделить учение от других частей государственных, как систему особенную и целую, есть мудрая и благотельная мысль; ученые места должны зависеть только от ученых – и ректор, глава их в каждом округе, будучи сам питомцем наук, тем ревностнее и действеннее может стараться об их успехе. Доверенность, изъявляемая монархом к собранию профессоров, которые избирают своего начальника и правят не только университетом, но и всеми окружными гимназиями и другими школами,

---

* См. 32 статью Устава.

** Статья 33.

еще более возвышает сей истинно благородный сан. Лучший способ сделать людей достойными уважения есть уважать их. Новые выгоды и почести (право избрания есть великая), данные ученому состоянию, большее число профессоров и других людей, к нему принадлежащих, отныне твердо и надежно основывают его в России.

Должно заметить еще две важные, новые идеи Устава. Великая Екатерина знала необходимость образовывать собственных учителей для государства, которому назначено просветиться, – и мы имели уже некоторые педагогические заведения; но кандидаты сего важного состояния людей редко оставались в их звании, находя в других больше личных выгод. Теперь мудрый законодатель взял меры для отвращения сего великого зла: кандидат педагогический должен по крайней мере 6 лет быть учителем, чтобы перейти в другую службу*. Ободрения, назначаемые для тех, которые отличатся в сей должности, могут также иметь весьма полезные действия**; сверх того, всякий из них по достоинству награждается пенсиою***. Вторая великая идея есть побудить к законоведению всех молодых людей, желающих вступить в гражданскую службу. Через 5 лет никто уже не будет определен к должности, требующей юридических и других познаний, не доказав, что он приобрел их систематическим учением. Нужно ли описывать все хорошие следствия такого закона? Правосудие есть душа государственного порядка: не говоря о том, что науки вообще благодетельны для морали, скажем, что не столько злое намерение, сколько грубое невежество бывает причиною неправосудия.

Вообще сей великий план народного просвещения славен не только для России и государя ее, но и для са-

---

* Статья 40.

** Статья 22.

*** Статья 25.

мого века; не только Россия, но и Европа и целый свет должен гордиться монархом, который употребляет власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человека в неизмеримой державе своей. Если все просвещенные земли с особенным вниманием смотрят на сию империю (в которой творческая сила человеколюбивого гения действует ныне живее, нежели где-нибудь), то не одно любопытство рождает его: Европа чувствует, что собственный жребий ее зависит некоторым образом от жребия России, столь могущественной и великой...

Здесь глубокомысленный, важный ум должен обуздать нетерпеливость доброго сердца, которое, пленясь намерением, хочет немедленных плодов закона благодетельного. Нет, великие государственные творения бывают медленны – так угодно Небу – и если Россия в одном смысле удивляет нас своими быстрыми, счастливыми успехами, то, с другой стороны, она же доказывает, сколь трудны, неровны и неспоры шаги государств к цели гражданского просвещения. Историк означает эпохи *рождения и новых сил*: надобны веки для полного образования. Как без надежды нет счастья, так без будущего нет великих дел: в нем хранится венец их. – Довольно, что сей бессмертный Устав для совершенного просвещения империи нашей требует только – верного исполнения; а можно ли сомневаться в исполнении того, что монарх России повелевает россиянам?

О ВЕРНОМ СПОСОБЕ ИМЕТЬ В РОССИИ ДОВОЛЬНО УЧИТЕЛЕЙ

Есть два рода людей, у нас и везде: одни верят силе и легким успехам добра, радуются намерением его как делом, и – мимо всех возможных или необходимых препят-

ствий – летят мыслию к счастливому исполнению плана; другие трясут головою при всякой новой идее человеколюбия, тотчас находят невозможности, с удивительною методою разделяют их на классы и статьи, улыбаются и заключат обыкновенным припевом ленивого ума: *как ни мудри, а все будет по-старому!* В доказательство нашего беспристрастия согласимся, что первые нередко обманываются; согласимся даже, что вторые чаще бывают правы: но скажем и то, что люди не успели бы ни в чем хорошем и благородном, если бы все имели такой образ мыслей; смелые законодатели, творцы *государственного* блага, не сияли бы тогда в истории, и мы не научились бы судить о великих людях по трудностям, которые они преодолевают.

Таким образом и сей новый Устав просвещения, которым утешаются добрые патриоты, может иному флегматическому скептику представить великие трудности в своем исполнении. Например, он скажет: «Где Россия будет находить столько учителей, сколько их нужно для уездных и губернских школ по новому образованию? кем наполнятся педагогические институты? Можно ли надеяться на довольное число охотников?» Отвечаем ему:

Все знают, что при Московском университете всегда воспитывалось несколько молодых людей на казенном содержании; но не всем, может быть, известна великая польза сего учреждения. Ему обязаны мы тем, что учебное состояние (несмотря на малые свои *доныне* выгоды и весьма ограниченный круг действия) не погасло в России; что Университет наш, славясь иногда чужестранными профессорами, всегда славился и русскими, которые, преподавая науки, в то же время образовали и язык отечественный. Другие учились временно, мимоходом и редко доучивались; но из питомцев монаршей благодетельности выходили хорошие студенты, бакалавры, магистры, профессеры. Обязанные нравственным бытием своим

Университету, привыкнув к месту, к людям, к жизни, посвященной наукам, они не обольщались выгодами других состояний, оставались в ученом и с удовольствием брали на себя должность наставников юношества. – Когда же мудрое наше правительство новыми благодеяниями оживит сей институт, то Россия будет иметь столько ученых людей, столько педагогов, сколько ей надобно. Правда, что мы и не знаем другого надежного способа иметь их; но довольно и одного верного.

Число желающих пользоваться сим благодетельным учреждением было всегда так велико, что Университет не мог принимать из них ни третьей части, думаю, в определенный законом комплект. Ныне, при новых выгодах ученого звания, сколько бедных молодых людей захотят идти сим путем! сколько небогатых родителей благословят Небо и монарха, отдавая детей в такое место, где они будут хорошо содержаны, нравственно образованы, просвещены и чрез несколько лет найдут средство служить отечеству в звании столь полезном! Жалованье учителя городской школы есть уже избыток человека, воспитанного в незнании прихотей. Он же может иметь и посторонние, честные доходы: благодарные родители учеников его, купцы, дворяне, без сомнения, будут на деле изъявлять ему свою признательность. Сверх того, он имеет в виду временные награждения за особенное усердие и способность в отправлении его должности и наконец всегдашнюю пенсию. Какое счастье для человека, который родился в бедности и мог быть тягостию для злополучного отца, если бы благодетельное правительство не взяло на себя его воспитания! – Заметим еще выгоду педагогического состояния. Народный учитель есть, конечно, как говорится, невеликий господин; но малочинодность бывает оскорбительна для самолюбия только в гражданской деятельности и в частных сношениях с людьми. Учитель по

должности своей удален от светского вихря: он есть глава в кругу своем, не имеет нужды в других, а другие имеют в нем нужду (отцы и родственники учеников), и может скорее возгордиться, нежели унизиться в своих чувствах. Сие замечание так справедливо, что во многих европейских землях *гордость школьного мастера вошла в пословицу*.

Бедность есть, с одной стороны, несчастье гражданских обществ, а с другой, причина добра: она заставляет людей быть полезными и, так сказать, отдает их в расположение правительства; бедные готовы служить во всех званиях, чтобы только избежать жестокой нищеты. Россия *на первый случай* может единственно от нижних классов гражданства ожидать ученых, особенно педагогов. Дворяне хотят чинов, купцы богатства через торговлю; они, без сомнения, будут учиться, но только для выгод своего особенного состояния, а не для успехов самой науки – не для того, чтобы хранить и передавать ее сокровища другим. Слава Богу! нигде уже благородные не думают, что пыльный генеалогический свиток есть право быть невеждою и занимать важнейшие места в государственном порядке; но если и в других землях Европы, гораздо опытнейших и старейших в гражданском образовании, ученый дворянин есть некоторая редкость, то можем ли в России ждать благородных на профессорскую кафедру? хотя – признаюсь – я душевно бы обрадовался первому феномену в сем роде. Что в самом деле священнее храма наук, сего единственного места, где человек может гордиться саном своим в мире, среди богатств разума и великих идей? Воин и судья необходимы в гражданском обществе; но сия необходимость горестна для человека. Успехи просвещения должны более и более удалять государства от кровопролития, а людей от раздоров и преступления: как же благородно ученое состояние, которого дело есть возвышать нас умственно и приближать счастливую эпо-

ху порядка, мира, благоденствия!.. Но я должен извиниться перед читателями: такие мысли далеки от обыкновенных побудительных причин гражданской деятельности.

Говоря о ближайшем и настоящем, скажем, что если в Москве и каждом учебном округе России будет от трех до пяти сот воспитанников на казенном или общественном содержании, то через 10 или 15 лет университетским правлениям останется только выбирать достойнейших из них для звания учителей. Патриотическая ревность нашего дворянства и купечества может в сем случае обнаружиться с блеском и существенною пользою, чтобы не отяготить казны издержками. Благоденствие есть потребность нежной души: чем предмет его вернее и спасительнее, тем оно должно быть усерднее. Человеколюбивые намерения монарха явно действуют ныне на умы и сердца: везде обнаруживается какая-то *филантропия*, везде хотят общепользных учреждений и выдумывают планы. Труд напрасный! оставим правительству учреждать и заводить: удовольствуемся честью и славою способствовать ему в его святых намерениях. Зная главную потребность России, оно всего более желает озарить умы наши светом учения: когда сей великий план его исполнится, тогда будем счастливее и в собственных изобретениях ума, и в собственных выдумках для блага людей. Уже патриотизм готов, дерзну сказать, удивить Россию своими щедрыми дарами в пользу университетов; но скромность не позволяет нам еще произнести имени. История нашего отечества доказывает, что многие русские имели славу быть *первыми* в блестящих делах добра, но никогда не оставались без подражателей; наше время, без сомнения, не представит исключения. Если мы, усердно прославляя знаменитых благотворителей российской учености, не имеем способов равняться в щедрости с ними, то все еще можем смело идти к жертвеннику отечества и с малей-

шим даром. Пусть богатый человек достойно славится тем, что его благотворительность воспитывает десять или двадцать молодых людей при Университете: другой не менее его может радоваться мыслию, что, уделяя нечто от плодов своего трудолюбия, даст хотя *одному* сыну бедного мещанина средство учиться и быть полезным гражданином. Благodeяние такого рода *бесконечно*, и следствия его переживут наших внуков: ибо всякий образованный ум, действуя на современников, действует и на потомство, которое не особенным откровением, а нашими мыслями и сведениями должно просветиться.

Московские дворяне, издревле знаменитые, давно уже пользуясь благодеянием Университета, – где они или сами учились, или учат детей своих – не захотят ли возвысить его перед новейшими? Не захотят ли присвоить ему славы наделять Россию учителями, а другие университеты профессорами? Для сего (повторяю) надобно только умножить число народных или государственных воспитанников при московской гимназии; и тогда ректор университетский, вводя какого-нибудь знаменитого иностранца в огромные залы училища, скажет ему: «Вот питомцы щедрого московского дворянства!» С каким удовольствием сии государственные благотворители видели бы успехи молодых людей, обязанных им истинным человеческим бытием! Всякий занимался бы своим особенным питомцем и гордился бы его отличием. Содержание ученика стоит в год около 150 рублей: какое же другое удовольствие можем купить столь дешево?

Нынешнее счастливое состояние России, мудрый дух правления, спокойствие сердец, веселые лица, чувствительность русских к добру вселяют в нас охоту рассуждать о делах общей пользы. Мы знаем старцев, которые, стоя на краю могилы, с радостными слезами слушают и говорят о надеждах человеколюбия, о благо-

детельных следствиях просвещения, которых им, без сомнения, не дожидаться. Такие великодушные, бескорыстные чувства трогательны для всякого, еще не мертвого душою. – Разные обстоятельства изменяли наш простой, добрый характер и запятнали его на время: видим людей, углубленных в свою личность и холодных для всего народного; но видим и патриотов, в которых истинная русская кровь еще пылает: их сердце всегда откликается на глас отечества, когда он несется с трона.

О СЧАСТЛИВЕЙШЕМ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ

Человеколюбие, без сомнения, заставило Цицерона хвалить старость; однако ж не думаю, чтобы трактат его в самом деле утешил старцев: остроумию легко пленить разум, но трудно победить в душе естественное чувство.

Можно ли хвалить болезнь? а старость сестра ее. Перестанем обманывать себя и других; перестанем доказывать, что все действия Натуры и все феномены ее для нас благотворны – в общем плане, может быть; но как он известен одному Богу, то человеку и нельзя рассуждать о вещах в сем отношении. Оптимизм есть не философия, а игра ума: философия занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергает ложь, хотя и приятную. Творец не хотел для человека снять завесы с дел Своих, и догадки наши никогда не будут иметь силы удостоверения. – Вопреки Жан-Жаку Руссо, младенчество, сие всегдашнее борение слабой жизни с алчною смертию, должно казаться нам жалким; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здешний мир остается училищем терпения. Недаром все народы имели древнее предание, что земное состояние человека есть его падение или нака-

зание: сие предание основано на чувстве сердца. Болезнь ожидает нас здесь при входе и выходе; а в середине, под розами здоровья, кроется змея сердечных горестей. Живейшее чувство удовольствия имеет в себе какой-то недостаток; возможное на земле счастье, столь редкое, омрачается мыслию, что или мы оставим его, или оно оставит нас.

Одним словом, везде и во всем окружают нас недостатки. Однако ж слова *благо* и *счастье* справедливо занимают место свое в лексиконе здешнего света. Сравнение определяет цену всего: одно лучше другого – вот благо! одному лучше, нежели другому – вот счастье!

Какую же эпоху жизни можно назвать *счастливейшею по сравнению*? Не ту, в которую мы достигаем до физического совершенства в бытии (ибо человек не есть только животное), но – *последнюю степень физической зрелости* – время, когда все душевные способности действуют в полноте своей, а телесные силы еще не слабеют приметно; когда мы уже знаем свет и людей, их отношения к нам, игру страстей, цену удовольствий и закон Природы, для них уставленный; когда разум наш, богатый идеями, сравнениями, опытами, находит истинную меру вещей, соглашается с нею желания сердца и дает жизни общий *характер благоразумия*. Как плод дерева, так и жизнь бывает всего сладостнее *перед началом увядания*.

Сия истина доказывает мне благородство человека. Если бы умная нравственность была случайною принадлежностью существа нашего (как некоторые утверждали) и только следствием общественных связей, в которые мы зашли, уклонясь от путей Натуры, то она не могла бы своими удовольствиями заменять для нас живости и пылкости цветущих дней молодости: не только заменять их, но и несравненно возвышать цену жизни, ибо человек за тридцать пять лет, без сомнения, не пылает уже так страстями, как юноша, а в самом деле может быть гораздо его счастливее.

В сие время люди по большей части бывают уже супругами, отцами и наслаждаются в жизни самыми вернейшими радостями: семейственными. Мы ограничиваем сферу бытия своего, чтобы не бегать вдаль за удовольствиями; перестаем странствовать по туманным областям мечтания; *живем дома*, живем более в самих себе, требуем менее от людей и света; менее огорчаемся неудачами, ибо менее ожидаем благоприятных случайностей. Жребий брошен: состояние избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользой для общества; хотим оставить в мире благодетельные следы бытия своего; воспитание детей, хозяйство, государственные должности обращаются для нас в душевное удовольствие, а дружба и приязнь в сладкое отдохновение... Поля, нашими трудами обогащенные – садик, нами обработанный – земледельцы, нас благодарящие – лица домашних спокойные, сердца их, к нам привязанные, – радуют мирную душу опытного человека более, нежели сии шумные забавы, сии призраки воображения и страстей, которые обольщают молодость. Здоровье, столь мало уважаемое в юных летах, делается в летах зрелости истинным благом; самое *чувство жизни* бывает гораздо милее тогда, когда уже пролетела ее быстрая половина... так остатки ясных осенних дней располагают нас живее чувствовать прелесть Натуры; думая, что скоро все увянет, боимся пропустить минуту без наслаждения!.. Юноша неблагодарен: волнуемый темными желаньями, беспокойный от самого избытка сил своих, с небрежением ступает он на цветы, которыми Природа и судьба украшают стезю его в мире; человек, искушенный опытами, в самых горестях любит благодарить Небо со слезами за малейшую отраду.

В сие же время действует и торжествует гений... Ясный взор на мир открывает истину, воображение сильное представляет ее черты живо и разительно, вкус зрелый

украшает ее простотою, и творения ума человеческого являются в совершенстве, и творец дерзает наконец простирать руку к потомству, быть современником веков и гражданином вселенной. Молодость любит в славе только шум, а душа зрелая справедливое, основательное признание ее полезной для света деятельности.

Истинное славолубие не волнует, не терзает, но сладостно покоит душу, среди монументов тления и смерти открывая ей путь бессмертия талантов и разума: мысль утешительная для существа, которое столько любит жить и действовать, но столь недолговечно своим бытием физическим!

Дни цветущей юности и пылких желаний! не могу жалеть о вас. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастья: его не было в сей бурной стремительности чувств к беспрестанным наслаждениям, которая бывает мукою; его нет и теперь для меня в свете – но не в летах кипения страстей, а в полном действии ума, в мирных трудах его, в тихих удовольствиях жизни единообразной, успокоенной, хотел бы я сказать солнцу: *остановися!* Если бы в то же время мог сказать и мертвым: *восстаньте из гроба!*

ПИСЬМО СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ

Вы желаете, любезный друг, знать все подробности моего уединения; но мы, деревенские люди, живем так обыкновенно, так просто, что не умеем сказать о себе ничего любопытного и достойного примечания. Только вы, горожане, имеете способ разнообразить свою деятельность и пестрить жизнь вашу ежедневными новостями в планах, надеждах, удовольствиях. Если не всегда можете хвалиться счастьем, то по крайней мере богатеете опыта-

ми, наблюдениями, и ваши сутки стоят нашего месяца. Мы в деревне наблюдаем только погоду, и наши записки слушают историю не сердца человеческого, а термометра...

Вы назовете это сельскую шуткою – и не обманетесь. Жизнь моя, думаю, счастлива, ибо я доволен ею. Лета, конечно, исцеляют нас от сей душевной лихорадки, от сего внутреннего неизъяснимого беспокойства, которое тревожит молодость; но и самый чистый воздух полей и лесов, самый вид сельской природы не имеет ли также благотворного влияния на сердце и не располагает ли его *физически* к сладкому чувству покоя? Спросите о том у ваших медиков-философов; а я между тем нахожу сие действие вероятным, чувствуя себя как будто бы другим человеком со времени моего приезда в деревню.

Вам известно, любезный друг, что я не бывал мизантропом, даже и в таких обстоятельствах, которые могли бы извинить маленькую досаду на ближних; знаете, что я некогда пылал ревностию иметь обширный круг действия, в нескромной надежде на свою любовь к добру и человечеству. Но долговременное ученье в школе опыта и *феруля*¹, сего жестокого мастера, смирили мою гордость – так смирили, что я, оставив все дальнейшие требования на блестящую долю *славных людей*, взялся – за плуг и соху! Подивитесь же теперь чудной игре нашего самолюбия: с сего времени мне кажется, что добрый земледелец есть первый благодетель рода человеческого и полезнейший гражданин в обществе. «Где много героев, там много кровопролития; где много судей, там много ябеды и неправосудия; где много купцов, там много роскоши; но где много пахарей, там много хлеба – а хлеб есть корень изобилия». Что вы скажете о сем рассуждении? Оно, верно, полюбилось бы китайцам.

Это вступление готовит вас к длинному письму: пеняйте сами на себя! Старики и деревенские жители лю-

бят поговорить, когда есть случай; а вы заставили меня взяться за перо, которому уже давно не было дела. Мне хочется, например, дать вам идею о главных моих *сельских подвигах*.

Я вырос там, где живу ныне. Путешествие и служба совершенно раззнакомили меня с деревнею; однако ж, сделавшись рано господином изрядного имения и будучи, смею сказать, напитан духом филантропических авторов, то есть ненавистию к злоупотреблениям власти, я желал быть заочно благодетелем поселян моих: отдал им всю землю, довольствовался самым умеренным оброком, не хотел иметь в деревне ни управителя, ни прикащика, которые нередко бывают хуже самых худых господ, и с удовольствием искреннего человеколюбия написал к крестьянам: «Добрые земледельцы! сами изберите себе начальника для порядка, живите мирно, будьте трудолюбивы и считайте меня своим верным заступником во всяком притеснении». Возвращаясь наконец к пенатам родины, чтобы умереть там, где начал жить, я сердечно утешался приятною мыслию, что найду деревню свою в цветущем состоянии; как поэт, воображал богатые нивы, пажити, полные житницы, избыток, благоденствие и сочинял уже в голове своей письмо к какому-нибудь русскому журналисту о счастливых плодах свободы, данной мною крестьянам... Приезжаю и нахожу бедность, поля весьма худо обработанные, житницы пустые, хижины гниющие!.. С горестным удивлением призываю к себе стариков, которых имена были мне еще с ребячества памятны, – расспрашиваю их и наконец узнаю истину! Покойный отец мой, живучи сам в деревне, смотрел не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотел, чтобы и те и другие были хорошо обработаны – и в нашей деревне хлеб родился лучше, нежели во многих других; господин богател, и земледельцы не беднели. Воля, мною

им данная, обратилась для них в величайшее зло: то есть вволю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства, дошедшему с некоторого времени до ужасной крайности как в нашей, так и в других губерниях. Эта язва в здешних, удаленных от столицы, местах есть новое явление: живо помня лета своего детства, помню и то, что прежде в одни большие годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая друг друга домашним пивом или вином, купленным в городе. Ныне будни сделались для них праздником, и люди услужливые, под вывескою орла², везде предлагают им средство избавляться от денег, ума и здоровья: ибо в редкой деревне нет питейного дома. К чести некоторых дворян, соседей моих, скажу, что они отвергают выгоды, представляемые им откупщиками, и не дозволяют заводить у себя храмов русского неопрятного Бахуса; но другие не так думают, — особливо те, которые сами в откупах участвуют. Не мое дело осуждать сей легкий и модный способ умножать свои доходы; не смею вообразить, чтобы он был несогласен с достоинством благородного и великодушного патриота: ибо вижу многих почтенных людей, которые прибегают к нему без зазрения совести и хвалятся искусством в сем важном промысле. Мнения и вкусы различны. Однако ж те ошибаются, которые думают, что русские искони любили излишнее употребление вина и что никакая законодательная мудрость не отвратит их от сего порока: он заразил народ только со времен Годунова; сей царь, желая обогатить казну государственную, умножил число питейных домов^{*}; а случай и удобность, как известно, соблазняют людей. Например, при князе Василье Ивановиче народ московский, без сомнения, не любил пьянства, ибо он укорял сим пороком иностранных солдат: немцев, поляков и литовцев, взятых

---

* Слова летописца: «Устави же Царь Борис в России и пошлину имати со всяких товаров, и мыты и перевозки и пиво продаваши из казны».

тогда в русскую службу*. Но при царе Алексее Михайловиче оно уже усилилось в Москве так, что благотворительное правительство искало меры остановить его, уничтожило питейные дома и положило во всяком городе быть одному *кружешному двору*, чтобы продавать вино только ведрами и кружками... Извините, любезный друг: такая материя совсем неприятна. Но мне надлежало здесь иметь дело с откупщиками и блеснуть перед ними *ученостию в истории* их промысла. Я пострадал с их господ, что скоро выдам книгу о вреде его для государства и нравов, если они не избавят нашей деревни от своей вывески. Жестокая угроза и 1000 рублей убедили их исполнить это желание. Вот первый мой *подвиг* для блага земледельцев!

Землю мою отдавали они внаймы и брали пять рублей за десятину, которая может принести от 30 до 40 – но с трудом, а им не хотелось и для своей выгоды работать. Я возобновил господскую пашню, сделался самым усердным экономом, начал входить во все подробности, наделил бедных всем нужным для хозяйства, объявил войну ленивым, но войну не кровопролитную; вместе с ними, на полях, встречал и провожал солнце; хотел, чтобы они и для себя так же старательно трудились, вовремя пахали и сеяли; требовал от них строгого отчета и в нерабочих днях; перестроил всю деревню самым удобнейшим образом; ввел по возможности опрятность, чистоту в их избах, не столько приятную для глаз, сколько нужную для сохранения жизни и здоровья. Наконец – без всяких английских мудростей, без всяких хитрых машин, не усыпая земли ни золою, ни известью, ни толчеными костями – смею похвалиться, что и друзья земледелия и друзья человечества могут с удовольствием взглянуть на

---

* См. Герберштейна, Гваньини, Олеария. Место, где они жили (за Москвою-рекою), прозвалось *Налейками*, от слова *налей*, которое часто употреблялось ими.

мои поля, село и жителей его. Всего же более похвалюсь тем, что крестьяне благодарят меня за нынешнюю свою трезвость и работливость, видя счастливые плоды их: из бедных они сделались зажиточными; имеют хлеб, лошадей, скотоводство и надежду быть со временем сельскими богачами. Один опыт мог уверить их в счастье *трудолюбия*. Принудьте злого делать добро: отвечаю, что он скоро полюбит его. Заставьте ленивого работать: он скоро удивится своей прежней ненависти к трудам. Сократ называл добродетель *знанием*: всякий порок можно назвать *невежеством* – ибо он есть слепота ума; ибо в нем гораздо более страдания, нежели приятности. Иностранные путешественники, видя в России беспечную леность крестьянина, обыкновенно приписывают ее так называемому рабству. «Какему охотно трудиться (говорят сии господа), когда помещик может всегда отнять у него имущество?» Но смею уверить их, что такая философия никогда не входила в голову нашим земледельцам: они ленивы от природы, от навыка, от незнания выгод трудолюбия. Какой господин в самом деле отнимает у крестьян хлеб, лошадей и другую собственность? и разве нет между ними богатых и промышленных? Достоинно замечания, что нерадивые всегда приписывают избыток работающих не трудам их, а счастью! Иностранные глубокомысленные политики, говоря о России, знают все, кроме России. Я рассуждал так же в городском кабинете своем; но в деревне переменил мысли. У нас много вольных крестьян: но лучше ли господских они обрабатывают землю? по большей части напротив. С некоторого времени хлебопашество во всех губерниях приходит в лучшее состояние: отчего же? от старания помещиков: плоды их экономии, их смотрения, наделяют изобилием рынки столиц. Если бы они, приняв совет иностранных филантропов, все сделали то же, что я прежде делал: наложили на крестьян оброк, отдали им

всю землю и сами навсегда уехали в город, то я уверен, что на другой год пришло бы гораздо менее хлебных барок как в Москву, так и в Петербург. Не знаю, что вышло бы через пятьдесят или сто лет: время, конечно, имеет благотворные действия; но первые годы, без сомнения, поколебали бы систему мудрых английских, французских и немецких голов. Она хороша, если бы мы, приняв ее, могли заснуть с Эпименидом³, по крайней мере, на целый век; но всякий из нас хочет жить хорошо, спокойно и счастливо ныне, завтра и так далее. Время подвигает вперед разум народов, но тихо и медленно: беда законодателю облетать его! Мудрый идет шаг за шагом и смотрит вокруг себя. Бог видит, люблю ли человечество и народ русский; имею ли предрассудки, обожаю ли гнусный идол корысти – но для истинного благополучия земледельцев наших желаю единственно того, чтобы они имели добрых господ и средство просвещения, которое одно, одно сделает все хорошее возможным. К счастью, мы живем в такое время, когда мудрое, отеческое правительство угадывает все истинные потребности государственного и народного блага: с какою радостью читал я указ о заведении школ деревенских! Вот исполинский шаг к вернейшему благоденствию поселян! Они русские: следственно, имеют много природного ума; но ум без знания есть сидень.

Сей указ обрадовал меня тем более, что я в нынешнюю зиму по собственному движению завел у себя школу для крестьянских детей с намерением учить их не только грамоте, но и правилам сельской морали, и на досуге сочинил катихизис, самый простой и незатейливый, в котором объясняются *должности поселянина, необходимые для его счастья*. Умный новый священник деревни нашей был в этом деле моим критиком, советником и помощником. За то и я бываю его критиком и советником, когда он пишет сельские проповеди. Доставлю вам некоторые из

них, и вы увидите, что у нас есть свои Йорики. Когда отец Савва начинает говорить в церкви, земледельцы мои подвигаются к нему ближе и ближе: это хороший знак. Мы живем с ним дружно, часто обедаем вместе и, сидя на диване, в разговорах своих перебираем всю Натуру от кедра до исопа⁴. Отец Савва есть не только теолог и моралист, но и физик, ботанист, даже медик самоучкою: я взял на себя должность аптекаря, и мы ребарбаром, сосновыми шишками и Шифгаузенским пластырем делаем здесь чудеса. Крестьяне в охоте лечиться едва ли уступают городским жителям. Слабому человеку сродно искать облегчения в его страданиях, и медицина в некотором смысле есть дочь Натуры. Чем она проще, тем лучше, и торжество ее всего явнее в деревнях, где природа, укрепленная суровою жизнью, при малейшем пособии искусства, как Геркулес, отражает болезнь. Действительность нашей маленькой аптеки отводит поселян от употребления вредных средств, предписываемых им в болезнях ворожеями, колдунами и другими сельскими адептами: польза не малая! Мне сказывали, что в Московской заиконоспасской академии с некоторого времени учат студентов анатомии и ботанике, то есть готовят быть и священниками и врачами: эта мысль прекрасна и достойна нынешнего правительства. Так издревле ведется на Востоке, где одни люди врачуют душу и тело. Благодеяния медика возвышают достоинство нравственного учителя. Вижу опыт того в своей деревне: крестьяне мои уважают и любят священника, как отца, и сделались при нем гораздо набожнее. Я с своей стороны помогаю сему счастливому их расположению усердным примером своим и всякое воскресенье являюсь в церкви. Человек с умом образованным имеет тысячу побуждений быть добрым: набожность заменяет их для грубого земледельца и смягчает его душу. Ему кажется так естественно молиться Небу, предмету надежды

и страха для полей его! Питаясь непосредственно из рук Натуры, может ли он забывать ее Творца великого? Но, к несчастью, суеверие гораздо обыкновеннее набожности между людьми непросвещенными.

Зная, любезный друг, охоту вашу к садам, желал бы я сообщить вам прелестное описание какого-нибудь *Эдема*, мною заведенного; но, к великому благополучию, не имею уже работников для такого дела... Изъясню вам загадку. Сначала мы нередко ссорились с крестьянами за нерадивость и худое исполнение моих приказаний: как же наказывать виноватых? Я выдумал для них работы в саду, довольно трудные, и хотел удивить моих соседей лабиринтами, Парнасами, водяными зеркалами и проч. Но мало-помалу число преступников уменьшалось, и наконец работы наши совсем остановились. *Тем лучше!* сказал я садовнику и не думаю более о лабиринтах. Поля и рощи служат для меня самым приятнейшим английским садом. Некоторые из здешних дворян жалеют о моем дурном вкусе; что делать? я люблю добрых, исправных земледельцев гораздо более садов и не могу без вины наказывать их трудами, вымышляемыми прихотью. Одно нужное и полезное кажется мне хорошим. Так, например, я с великим удовольствием отрыл собственными руками источник свежей воды подле самой большой дороги, обложил его диким камнем, сделал вокруг дерновое канапе, часто сижу на нем и веселюсь, смотря на проезжих, утоляющих жажду *моею* водою... Разумеется, что ваш приятель сравнивает себя тогда со славными благодетелями Востока, которые, следуя предписанию Алкорана, делают колодези для странников в степях Аравийских. Видите мой *романизм*: это болезнь неизлечимая.

Однако ж, любезный друг, несмотря на то, я не хотел завести у себя романических *праздников розы*. Пусть

во Франции семнадцатилетняя невинность, как феникс, украшается венками славы: у нас все девушки смиренны и невинны. Не хочу бросить *яблока раздора* между ими. Довольно, что мы три раза в год целою деревнею веселимся, празднуя весну, окончание полевых работ и день рождения моей дочери. Широкий господский двор обращается тогда в залу пиршества и храм изобилия; даем обед, какие описываются в старинных русских сказках и в Гомеровых поэмах; сажаем земледельцев с их семьями за *столы дубовые* и не жалеем плодов земных для угощения. После обеда является русский *трубадур*, слепой украинский скоморох с волынкою, и начинаются пляски. Между тем из рогов *мифологической козы Амальтеи* льется пиво и мед для шумного собрания; и если пословица всех народов говорит правду, что хмель обнаруживает сердце, то крестьяне любят меня душевно: ибо они в Бахусовых восторгах хотят беспрестанно целовать мои руки и называют меня самыми ласковыми именами... Да и в самом деле, за что им не любить господина, который старается быть добрым, и главное свое удовольствие находит в их пользе? Они люди и, следственно, имеют чувство справедливости. Злая неблагодарность не так обыкновенна, как думают; но мы часто твердим об ней для того, что она красиво выражается в риторических фразах; для того, что гораздо легче говорить о неблагодарности, нежели делать добро великодушно и бескорыстно... Крестьяне мои знают, что я, подобно другим, мог бы завести винный завод, приставить их к огромным кубам, палить огнем неугасаемым, взять винную поставку и нажиться скорее, нежели от земледелия. Я требую от них работы, но единственно той, для которой человек создан и которая нужна для самого их счастья. Они ленились, пили и терпели недостаток: ныне работают весело, пьют только в гостях у своего помещика и не знают нужды.

Сверх того, обхождение мое с ними показывает им, что я считаю их людьми и братьями по человечеству и христианству... Нет, не могу сомневаться в любви их!

Это уверение, любезный друг, приятно душе моей; но еще гораздо приятнее, гораздо сладостнее то уверение, что живу с истинною пользою для пятисот человек, вверенных мне судьбою. Прискорбно жить с людьми, которые не хотят любить нас; всего же несноснее жить в свете бесполезно. Главное право русского дворянина быть помещиком, главная должность его быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству, как верный сын, тот служит монарху, как верный подданный: ибо Александр желает счастья земледельцев.

О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ В ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ И ГРАЖДАНСКОМ ОТНОШЕНИЯХ

Несть лести во языке моем.

Псал. 138.

Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее, одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее.

От моря Каспийского до Балтийского, от Черного до Ледовитого, за тысячу лет пред сим жили народы кочевые, звероловные и земледельческие, среди обширных пустынь, известных грекам и римлянам более по сказкам баснословия, нежели по верным описаниям очевидцев. Провидению угодно было составить из сих разнородных племен обширнейшее государство в мире.

Рим, некогда сильный доблестию, ослабел в неге и пал, сокрушенный мышцею варваров северных, началось новое творение, явились новые народы, новые нравы, и Европа восприяла новый образ, доньше ею сохраненный в главных чертах ее бытия политического. Одним словом, на развалинах владычества римского основалось в Европе владычество народов германских.

В сию новую общую систему вошла и Россия. Скандинавия, гнездо витязей беспокойных – *officina gentium, vagina nationum*^{*}, дала нашему отечеству первых государей, добровольно принятых славянскими и чудскими племенами, обитавшими на берегах Ильменя, Белоозера и реки Великой. «Идите, – сказали им чудь и славяне, наскучив своими внутренними междоусобиями, – идите княжить и властвовать над нами. Земля наша обильна и велика, но порядка в ней не видим». Сие случилось в 862 году, а в конце X века европейская Россия была уже не менее нынешней, то есть во сто лет она достигла от колыбели до величия редкого. В 964 году россияне, как наемники греков, сражались в Сицилии с аравитянами, а после в окрестностях Вавилона.

Что произвело феномен столь удивительный в истории? Пылкая, романическая страсть наших первых князей к завоеваниям и единовластие, ими основанное на развалинах многих слабых, несогласных держав народных, из коих составила Россия: Рюрик, Олег, Святослав, Владимир не давали образумиться гражданам в быстром течении побед, в непрестанном шуме воинских станов, платя им славою и добычею за утрату прежней вольности, бедной и мятежной.

В XI веке государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долголетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали

---

^{*} Гнездо племен, колыбель народов (*лат.*)

судьбы миллионов, озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать и движением перста указывали ей путь к Боспору Фракийскому или к горам Карпатским. В счастливом отдохновении мира государь пировал с вельможами и народом, как отец среди семейства многочисленного. Пустыни красились городами, города – избранными жителями, свирепость диких нравов смягчилась верою христианскою; на берегах Днепра и Волхова явились искусства византийские. Ярослав дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними немецкими. Одним словом, Россия не только была обширным, но в сравнении с другими и самым образованным государством.

К несчастью, она в сей бодрой юности не предохраняла себя от государственной общей язвы тогдашнего времени, которую народы германские сообщили Европе: говорю о системе удельной. Счастье и характер Владимира, счастье и характер Ярослава могли только отсрочить падение державы, основанной единовластием на завоеваниях. Россия разделилась.

Вместе с причиною ее могущества, столь необходимого для благоденствия, исчезло могущество и благоденствие народа. Открылось жалкое междоусобие малодушных князей, которые, забыв славу, пользу отечества, резали друг друга и губили народ, чтобы прибавить какой-нибудь ничтожный городок к своему уделу. Греция, Венгрия, Польша отдохнули: зрелище нашего внутреннего бедствия служило им поручительством в их безопасности; дотоле боялись россиян, тут начали презирать их. Тщетно некоторые князья великодушные: Мономах, Василько говорили именем отечества на торжественных съездах; тщетно другие: Боголюбский, Всеволод III ста-

рались присвоить себе единовластие – покушения были слабы, недружны, и Россия в течение двух веков терзала собственные недра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менее гибельное. Народ утратил почтение к князьям: владетель Торопца или Гомеля мог ли ему казаться столь важным смертным, как монарх всей России? Народ охладел в усердии к князьям, видя, что они для ничтожных личных выгод жертвуют его кровию, и равнодушно смотрел на падение их тронов, готовый всегда взять сторону счастливейшего или изменить ему вместе со счастьем; а князья, уже не имея ни доверенности, ни любви к народу, старались только умножить свою дружину воинскую: позволили ей теснить мирных жителей сельских и купцов, сами обирали их, чтоб иметь более денег в казне на всякий случай, и сею политикою, утратив нравственное достоинство государей, сделались подобны судиям-лихоимцам или тиранам, а не законным властителям. И так, с ослаблением государственного могущества, ослабела и внутренняя связь подданства с властью.

В таких обстоятельствах удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнее, что оно еще столь долго могло умирать по частям и в сердце, сохраняя вид и действия жизни государственной, или независимость, изъясняемую одною слабостию наших соседей. На степях Донских и Волжских кочевали орды азиатские, способные только к разбоям. Польша сама издыхала в междоусобиях. Короли венгерские желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиция, несколько раз отходяв от России, снова к ней присоединялась. Орден меченосцев едва держался в Ливонии. Но когда воинственный народ, образованный победами хана монгольского, овладев Китаем, частью Сибири и Тибетом, устремился на Россию, она могла

иметь только славу великодушной гибели. Смелые, но безрассудные князья наши с горстиею людей выходили в поле умирать героями. Батый, предводительствуя полумиллионом, топтал их трупы и в несколько месяцев сокрушил государство. В искусстве воинском предки наши не уступали никакому народу, ибо четыре века гремели оружием вне и внутри отечества, но слабые разделением сил, несогласные даже и в общем бедствии, удовлетворялись венцами мучеников, прияв оные в неравных битвах и в защите городов бранных.

Земля Русская, упоенная кровию, усыпанная пеплом, сделалась жилищем рабов ханских, а государи ее трепетали баскаков. Сего не довольно. В окружностях Двины и Немана, среди густых лесов, жил народ бедный, дикий и более двухсот лет платил скудную дань россиянам. Утесняемый ими, также прусскими и ливонскими немцами, он выучился искусству воинскому и, предводимый некоторыми отважными витязями, в стройном ополчении выступил из лесов на феатр мира; не только восстановил свою независимость, но, прияв образ народа гражданского, основал державу сильную, захватил и лучшую половину России, т. е. северная осталась данницею монголов, а южная вся отошла к Литве по самую Калугу и реку Угру. Владимир, Суздаль, Тверь назывались улусами ханскими, Киев, Чернигов, Мценск, Смоленск – городами литовскими. Первые хранили, по крайней мере, свои нравы; вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что Россия погибла навеки.

Сделалось чудо. Городок едва известный до XIV века, от презрения к его маловажности долго именуемый селом Кучковым, возвысил главу и спас отечество. Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита, заслужив имя Собирателя земли

русской, есть первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира. Надлежало, чтобы его преемники в течение века следовали одной системе с удивительным постоянством и твердостью, системе наилучшей по всем обстоятельствам и которая состояла в том, чтобы употребить самих ханов в орудие нашей свободы. Снискав особенную милость Узбека и вместе с нею достоинство великого князя, Калита первый убедил хана не посылать собственных чиновников за данью в города наши, а принимать ее в Орде от бояр княжеских, ибо татарские вельможи, окруженные воинами, ездили в Россию более для наглых грабительств, нежели для собрания ханской дани. Никто не смел встретиться с ними: как скоро они являлись, земледельцы бежали от плуга, купцы от товаров, граждане от домов своих. Все ожило, когда сии хищники перестали ужасать народ своим присутствием: села, города успокоились, торговля пробудилась, не только внутренняя, но и внешняя, народ и казна обогатились, дань ханская уже не тяготила их. Вторым важным замыслом Калиты было присоединение частных уделов к Великому княжеству. Усыпляемые ласками властителей московских, ханы с детской невинностью дарили им целые области и подчиняли других князей российских до самого того времени, как сила, воспитанная хитростью, довершила мечом дело нашего освобождения.

Глубокомысленная политика князей московских не удовольствовалась собранием частей в целое: надлежало еще связать их твердо и единовластие усилить самодержавием. Славяне российские, признав князей варяжских своими государями, хотя отказались от правления общенародного, но удерживали многие его обыкновения. Во всех древних городах наших бывало так называемое *Вече*, или совет народный при случаях важных; во всех городах избирались тысяцкие, или полководцы, не князем, а наро-

дом. Сии республиканские учреждения не мешали Олегу, Владимиру, Ярославу самодержавно повелевать Россию: слава дел, великодушие и многочисленность дружин воинских, им преданных, обуздывали народную буйность. Когда же разделилось государство на многие области независимые, тогда граждане, не уважая князей слабых, захотели пользоваться своим древним правом Веча и верховного законодательства; иногда судили князей и торжественно изгоняли в Новгороде и других местах. Сей дух вольности господствовал в России до нашествия Батыева и в самых ее бедствиях не мог вдруг исчезнуть, но ослабел приметно. Таким образом, история наша представляет новое доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо государственное могущество; 2) рабство политическое несовместимо с гражданской вольностью. Князья пресмыкались в Орде, но, возвращаясь оттуда с милостивым ярлыком ханским, повелевали смелее, нежели в дни нашей государственной независимости. Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских. Сим расположением умов, сими обстоятельствами воспользовались князья московские и, мало-помалу истребив все остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие. Умолк вечевой колокол во всех городах России. Димитрий Донской отнял власть у народа избирать тысяцких, и, вопреки своему редкому человеколюбию, первый установил торжественную смертную казнь для государственных преступников, чтобы вселить ужас в дерзких мятежников. Наконец, что началось при Иоанне I, или Калите, то совершилось при Иоанне III: столица ханская на берегу Ахтубы, где столько лет потомки Рюриковы преклоняли колена, исчезла навеки, сокрушенная местию россиян. Новгород, Псков, Рязань, Тверь присоединились к Москве

вместе с некоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древние юго-западные княжения потомков Владимировых еще оставались в руках Польши; зато Россия, новая, возрожденная, во время Иоанна IV приобрела три царства: Казанское, Астраханское и неизмеримое Сибирское, дотоле неизвестное Европе.

Сие великое творение князей московских было произведено не личным их геройством, ибо, кроме Донского, никто из них не славился оным, но единственно умною политическою системою, согласною с обстоятельствами времени. Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием.

В глубине севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами, – византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами. Сии последние черты, свойственные народу мужественному, вольному, еще были заметны в обыкновении судебных поединков, в утехах рыцарских и в духе местничества, основанного на родовом славолюбии. Заключение женского пола и строгое холопство оставалось признаком древних азиатских обычаев, двор царский уподоблялся византийскому. Иоанн III, зять одного из Палеологов, хотел как бы восстановить у нас Грецию, соблюдением всех обрядов ее церковных и придворных: окружил себя римскими орлами и принимал иноземных послов в золотой палате, которая напоминала Юстинианову. Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность.

Хотя двухвековое иго ханское не благоприятствовало успехам гражданским искусств и разума в нашем отечестве, однако ж Москва и Новгород пользовались важными открытиями тогдашних времен: бумага, порох, книгопечатание сделались у нас известны весьма скоро по их изобретении. Библиотеки царская и митрополитская, наполненные рукописями греческими, могли быть предметом зависти для иных европейцев. В Италии возродилось зодчество: Москва в XV веке уже имела знаменитых архитекторов, призванных из Рима, великолепные церкви и Грановитую палату; иконописцы, резчики, золотари обогащались в нашей столице. Законодательство молчало во время рабства. Иоанн III издал новые гражданские уставы, Иоанн IV – полное Уложение, коего главная отмена от Ярославовых законов состоит в введении *торговой казни*, неизвестной древним независимым россиянам. Сей же Иоанн IV устроил земское войско, какого у нас дотоле не бывало: многочисленное, всегда готовое и разделенное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россию. Государя, папы, республики вступили с нею в дружелюбные сношения, одни для выгод купечества, иные в надежде обратить ее силы к обузданию ужасной Турецкой империи, Польши, Швеции. Даже из самой глубины Индостана, с берегов Гангеса, в XVI веке приезжали послы в Москву, и мысль сделать Россию путем индейской торговли была тогда общею. Политическая система государей московских заслуживала удивление своею мудростию. Имея целию одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру; уклонялись от всякого участия в делах Европы, более приятного для суетности монархов, нежели полезного для государства, и, восстановив Россию в умеренном, так сказать, величии, не алкали завоеваний неверных или опасных, желая сохранять, а не приобретать.

Внутри самодержавие укоренилось. Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать; всякая власть была изливанием монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее титуло в России было уже не княжеское, не боярское, а титуло слуги царева. Народ, избавленный князьями московскими от бедствий внутреннего междоусобия и внешнего ига, не жалел о своих древних вечах и сановниках, которые умеряли власть государеву; довольный действием, не спорил о правах. Одни бояре, столь некогда величавые в удельных господствах, роптали на строгость самодержавия; но бегство или казнь их свидетельствовали твердость оного. Наконец, царь сделался для всех россиян земным богом.

Тщетно Иоанн IV, быв до 35-ти лет государем добрым и по какому-то адскому вдохновению возлюбив кровь, лил оную без вины и сек головы людей, славнейших добродетелями; бояре и народ, в глубине души своей не дерзая что-либо замыслить против венценосца, только смиренно молили Господа: да смягчит ярость цареву, сию казнь за грехи их! Кроме злодеев, ознаменованных в истории названием *опричнины*, все люди, знаменитые богатством или саном, ежедневно готовились к смерти и не предпринимали ничего для спасения жизни своей. Время и расположение умов достопамятное! Нигде и никогда грозное самовластие не предлагало столь жестоких искушений для народной добродетели, для верности или повиновения; но сия добродетель даже не усумнилась в выборе между гибелью и сопротивлением.

Злодеяние, втайне умышленное, но открытое историею, пресекло род Иоаннов: Годунов, татарин происхождением, Кромвель умом, воцарился со всеми правами монарха законного и с тою же системою единовластия неприкосновенного. Сей несчастный, сраженный тению убитого им царевица, среди великих усилий человеческой

мудрости и в сиянии добродетелей наружных, погиб как жертва властолюбия неумеренного, незаконного, в пример векам и народам. Годунов, тревожимый совестью, хотел заглушить ее священные укоризны действиями кротости и смягчал самодержавие в руках своих: кровь не лилась на лобном месте; ссылка, заточение, невольное пострижение в монахи были единственным наказанием бояр, виновных или подозреваемых в злых умыслах. Но Годунов не имел выгод быть любимым, ни уважаемым, как прежние монархи наследственные. Бояре, некогда стояв с ним на одной ступени, ему завидовали; народ помнил его слугою придворным. Нравственное могущество царское ослабело в сем избранном венценосце.

Немногие из государей бывали столь усердно приветствуемы народом, как Лжедмитрий в день своего торжественного въезда в Москву: рассказы о его мнимом, чудесном спасении, память ужасных естественных бед Годунова времени и надежда, что Небо, возвратив престол Владимирову потомству, возвратит благоденствие России, влекли сердца в сретение юному монарху, любимцу счастья.

Но Лжедмитрий был тайный католик, и нескромность его обнаружила сию тайну. Он имел некоторые достоинства и добродушие, но голову романическую и на самом троне характер бродяги; любил иноземцев до пристрастия и, не зная истории своих мнимых предков, ведал малейшие обстоятельства жизни Генриха IV, короля французского, им обожаемого. Наши монархические учреждения XV и XVI века приняли иной образ: малочисленная Дума Боярская, служив прежде единственно Царским советом, обратилась в шумный сонм ста правителей мирских и духовных, коим беспечный и ленивый Дмитрий вверил внутренние дела государственные, оставляя для себя внешнюю политику; иногда являлся там и спо-

рил с боярами, к общему удивлению: ибо россияне до толе не знали, как подданный мог торжественно противоречить монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумия и той величественной скромности, которая для самодержавцев гораздо нужнее, нежели для монахов картезианских. Сего мало. Димитрий явно презирал русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился, забавлял свою невесту пляской скоморохов в монастыре Вознесенском, хотел угощать бояр яствами гнусными для их суеверия, окружил себя не только иноземною стражею, но и шайкою иезуитов; говорил о соединении церквей и хвалил латинскую. Россияне перестали уважать его; наконец возненавидели и, согласясь, что истинный сын Иоаннов не мог бы попирать ногами святыни своих предков, возложили руку на самозванца.

Сие происшествие имело ужасные следствия для России; могло бы иметь еще и гибельнейшие. Самовольные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного исступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей. Москвитяне истерзали того, кому недавно присягали в верности: горе его преемнику и народу!

Отрасль древних князей Суздальских и племени Мономахова, Василий Шуйский, угодник царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедимитрием, свергнув неосторожного самозванца, в награду за то приял окровавленный его скипетр от Думы Боярской и торжественно изменил самодержавию, присягнув без ее согласия не казнить никого, не отнимать имений и не объявлять войны. Еще имея в свежей памяти ужасные исступления Иоанновы, сыновья отцов, невинно убиенных сим царем лютым, предпочли свою безопасность государственной и

легкомысленно стеснили дотоле неограниченную власть монаршую, коей Россия обязана была своим спасением и величием. Уступчивость Шуйского и самолюбие бояр кажутся равным преступлением в глазах потомства, ибо первый также думал более о себе, нежели о государстве и, пленяясь мыслию быть царем, хотя и с ограниченными правами, дерзнул на явную для царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться. Бояре видели в полумонархе дело рук своих и хотели, так сказать, продолжать оное, более и более стесняя власть его. Поздно очнулся Шуйский и тщетно хотел порывами великодушия утвердить колеблемость трона. Воскресли древние смуты боярские, и народ, волнуемый на площади наемниками некоторых коварных вельмож, толпами стремился к дворцу Кремлевскому предписывать законы государю. Шуйский изъяслял твердость: «Возьмите венец Мономахов, возложенный вами на голову мою, или повинуйтесь мне», – говорил он москвитянам. Народ смирялся и вновь мятежничал в то самое время, когда самозванцы, прельщенные успехом первого, один за другим на Москву восставали. Шуйский пал, сверженный не сими бродягами, а вельможами недостойными, и пал с величием, воссев на трон с малодушием. В мантии инока, преданный злодеями в руки чужеземцев, он жалел более о России, нежели о короне, с истинною царскою гордостью отвечал на коварные требования Сигизмундовы и, вне отечества заключенный в темницу, умер государственным мучеником.

Недолго многоглавая гидра аристократии владычествовала в России. Никто из бояр не имел решительного перевеса; спорили и мешали друг другу в действиях власти. Увидели необходимость иметь царя и, боясь избрать единоземца, чтобы род его не занял всех степеней трона, предложили венец сыну нашего врага, Сигизмунда, который, пользуясь мятежами России, силился овладеть ее

западными странами. Но вместе с царством предложили ему условия: хотели обеспечить веру и власть боярскую. Еще договор не совершился, когда поляки, благоприятствуемые внутренними изменниками, вступили в Москву и прежде времени начали тиранствовать именем Владислава. Шведы взяли Новгород. Самозванцы, казаки свирепствовали в других областях наших. Правительство рушилось, государство погибало.

История назвала Минина и Пожарского спасителями отечества: отдадим справедливость их усердию, не менее и гражданам, которые в сие решительное время действовали с удивительным единодушием. Вера, любовь к своим обычаям и ненависть к чужеземной власти произвели общее, славное восстание народа под знаменами некоторых верных отечеству бояр. Москва освободилась.

Но Россия не имела еще царя и бедствовала от хищных иноплеменников; из всех городов съехались в Москву избранные знаменитейшие люди и в храме Успения, вместе с пастырями церкви и боярами, решили судьбу отечества. Никогда народ не действовал торжественнее и свободнее; никогда не имел побуждений святейших; все хотели одного – целости, блага России. Не блистало во круг оружие; не было ни угроз, ни подкупа, ни противоречий, ни сомнения. Избрали юношу, почти отрока, удаленного от света, почти силою извлекли его из объятий устрешенной матери-инокини и возвели на престол, орошенный кровию Лжедмитрия и слезами Шуйского. Сей прекрасный, невинный юноша казался агнцем и жертвою, трепетал и плакал. Не имея подле себя ни единого сильного родственника, чуждый боярам верховным, гордым, властолюбивым, он видел в них не подданных, а будущих своих тиранов, и, к счастью России, ошибся. Бедствия мятежной аристократии просветили граждан и самих аристократов; те и другие единогласно, едино-

душно наименовали Михаила самодержцем, монархом неограниченным; те и другие, воспламененные любовью к отечеству, зывали только: *Бог и государь!* Написали хартию и положили оную на престол. Сия грамота, внушенная мудростию опытов, утвержденная волею и бояр, и народа, есть священнейшая из всех государственных хартий. Князья московские учредили самодержавие, отечество даровало оное Романовым.

Самое личное избрание Михаила доказывало искреннее намерение утвердить единовластие. Древние княжеские роды, без сомнения, имели гораздо более права на корону, нежели сын племянника Иоанновой супруги, коего неизвестные предки выехали из Пруссии, но царь, избранный из сих потомков Мономаховых или Олеговых, имея множество знатных родственников, легко мог бы дать им власть аристократическую и тем ослабить самодержавие. Предпочли юношу почти безродного, но сей юноша, свойственник царский, имел отца мудрого, крепкого духом, непреклонного в советах, который долженствовал служить ему пестуном на троне и внушать правила твердой власти. Так строгий характер Филалета, не смягченный принужденною монашескою жизнью, более родства его с Феодором Иоанновичем способствовал к избранию Михаила.

Исполнилось намерение сих незабвенных мужей, которые в чистой руке держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственные и чуждые страсти. Дуга небесного мира воссияла над троном российским. Отечество под сению самодержавия успокоилось, извергнув чужеземных хищников из недр своих, возвеличилось приобретениями и вновь образовалось в гражданском порядке, творя, обновляя и делая только необходимое, согласное с понятиями народными и ближайшее к существующему. Дума Боярская осталась на древнем основании, т. е. со-

ветом царей во всех делах важных, политических, гражданских, казенных. Прежде монарх рядил государство чрез своих наместников или воевод; недовольные ими прибегали к нему: он судил дело с боярами.

Сия *восточная простота* уже не ответствовала государственному возрасту России, и множество дел требовало более посредников между царем и народом. Учредились в Москве приказы, которые ведали дела всех городов и судили наместников. Но еще суд не имел устава полного, ибо Иоаннов оставлял многое на совесть или произвол судящего. Уверенный в важности такого дела, царь Алексей Михайлович назначил для оного мужей думных и повелел им вместе с выборными всех городов, всех состояний исправить Судебник, дополнить его законами греческими, нам давно известными, новейшими указами царей и необходимыми прибавлениями на случаи, которые уже встречались в судах, но еще не решены законом ясным. Россия получила *Уложение*, скрепленное патриархом, всеми значительными духовными, мирскими чиновниками и выборными городскими. Оно, после хартии Михайлова избрания, есть донныне важнейший государственный завет нашего отечества.

Вообще царствование Романовых: Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве. Еще предки наши усердно следовали своим обычаям, но пример начинал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком в воинских уставах, в системе дипломатической, в образе воспитания или учения, в самом светском обхождении: ибо нет сомнения, что Европа от XIII до XVII века далеко опередила нас в гражданском

просвещении. Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и новое соединяя со старым.

Явился Петр. В его детские лета самовольство вельмож, наглость стрельцов и властолюбие Софии напомнили России несчастные времена смут боярских, но великий муж созрел уже в юноше и мощною рукою схватил кормило государства; он сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг – и все переменялось.

Его целью было не только новое величие России, но *совершенное* присвоение обычаев европейских. Потомство воздало усердную хвалу сему бессмертному государю и личным его достоинствам и славным подвигам.

Он имел великодушие, проныцание, волю непоколебимую, деятельность, неутомимость редкую: исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным, завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые, привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, академию, наконец, поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы. Говоря о превосходных его дарованиях, забудем ли важнейшее для самодержавцев дарование: употреблять людей по способностям? Полководцы, министры, законодатели не рождаются в такое или такое царствование, но единственно избираются; чтобы избрать, надобно угадать; угадывают же людей только великие люди, и слуги Петровы удивительным образом помогали ему на ратном поле, в Сенате, в Кабинете. Но мы, россияне, имея пред глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Забудем ли князей московских: Иоанна I, Иоанна III, которые,

можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную и, что не менее важно, учредили в ней твердое правление единовластное? Петр нашел средство делать великое. Князья московские приготовляли оное и, славя славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования?

Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во время самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: художества, искусства, науки не имеют иной цели. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им уставы есть насилие незаконное и для монарха самодержавного. Народ в первоначальном завете с венценосцами сказал им: «Блюдайте нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частою для

спасения целого», но не сказал: «и противоборствуйте нашим невинным склонностям и вкусам в домашней жизни». В сем отношении государь по справедливости может действовать только примером, а не указом.

Жизнь человеческая кратка, а для утверждения новых обычаев требуется долговременность. Петр ограничил свое преобразование дворянством. Дотоле от сохи до престола россияне сходились между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях: со времен Петровых высшие степени отделились от низших, и русский земледелец, мещанин, купец увидели немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний.

В течение веков народ обык чтить бояр, как мужей, ознаменованных величием, поклонялся им с истинным уважением, когда они с своими благородными дружинами, с азиатскою пышностью, при звуке бубнов являлись на стогнах, шествуя в храм Божий или на советы к государю. Петр уничтожил достоинство бояр: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо приказов – коллегии, вместо дьяков – секретари и проч. Та же бессмысленная для россиян перемена в воинском чиновачалии: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали из нашей рати воевод, сотников, пятидесятников и проч. Честью и достоинством россиян сделалось подражание.

Семейственные нравы не укрылись от влияния царской деятельности. Вельможи стали жить открытым домом, их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих, балы, ужины соединили один пол с другим в шумных залах; россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступила место азиатского принуждения. Чем более успевали мы в людскости, в обходительности, тем бо-

лее слабели связи родственные; имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия.

Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что действительно порочно; однако ж, должно согласиться, что мы с приобретением добродетелей человеческих утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши уже в царствование Михаила и сына его присвоили себе многие выгоды иноземных обычаев, но все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство. Пусть назовут это заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев *неверными*, теперь зовем *братьями*; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию – *неверным* или *братьям*? т. е. кому бы она, по вероятности, долженствовала более противиться? При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навек оставить его, чтобы в Париже, Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр.

Он велик, без сомнения, но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добро-

детелей. К несчастью, государь сей, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узнал и полюбил женева Лефорта, который от бедности заехал в Москву и, весьма естественно, находя русские обычаи для него странными, говорил ему о них с презрением, а все европейское возвышал до небес. Вольные общества Немецкой слободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортово дело, и пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландиею.

Еще народные склонности, привычки, мысли имели столь великую силу, что Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных, подданных. Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. Многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды, ибо не хотели оставить их и дерзали порицать монарха. Сим бедным людям казалось, что он вместе с древними привычками отнимает у них самое отечество.

В необыкновенных усилиях Петровых видим всю твердость его характера и власти самодержавной. Ничто не казалось ему страшным. Церковь российская искони имела главу сперва в митрополите, наконец, в патриархе. Петр объявил себя главою Церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного. Но заметим, что наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской; служило ей полезным орудием в делах государственных и совестью в ее случайных уклонениях от добродетели. Первосвятители имели у нас одно право – вещать истину государям, не действовать, не мятежничать; право

благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастье состоит в справедливости. Со времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши были уже только угодниками царей и на кафедре языком библейским произносили им слова похвальные. Для похвал мы имеем стихотворцев и придворных; главная обязанность духовенства есть учить народ добродетели, а чтобы сии наставления были тем действительнее, надобно уважать оное. Если государь председательствует там, где заседают главные сановники церкви; если он судит их или награждает мирскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный, усердие к ней слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением веры государь лишается способность владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для отечества, и где пастырь душ может обещать в награду один венец мученический. Власть духовная должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею. Говорю о законе и праве. Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита или патриарха с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти от гражданской предполагает мнение, что первая бесполезна или, по крайней мере, не есть необходимая для государственной твердости. Пример древней России и нынешней Испании доказывает совсем иное.

Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных Природою на бесплодие и недостаток. Не имея еще ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы

купеческий город для ввоза и вывоза товаров, но мысль утвердить там пребывание наших государей была, есть и будет *вредною*. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан *на слезах и трупях*. Иноземный путешественник, въезжая в государство, ищет столицы обыкновенно среди мест плодороднейших и благоприятнейших для жизни и здоровья; в России он видит прекрасные равнины, обогащенные всеми дарами Природы, осененные липовыми, дубовыми рощами, пересекаемые реками судоходными, коих берега живописны для зрения и где в климате умеренном благорастворенный воздух способствует долголетию; видит и, с сожалением оставляя сии приятные страны за собою, въезжает в пески, в болота, в песчаные леса сосновые, где царствует бедность, уныние, болезни; там обитают цари российские, с величайшим усилием домогаясь, чтобы их царедворцы и стража не умирали голодом и чтоб ежегодная убыль в жителях пополнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человек не одолеет Натуры!

Но великий муж самыми ошибками доказывает свое величие: их трудно или невозможно изгладить, как хорошее, так и дурное делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!.. Второй Петр Великий мог бы только в 20 или 50 лет утвердить новый порядок вещей гораздо основательнее, нежели все наследники первого до самой Екатерины II. Несмотря на его чудесную деятельность, он много оставил исполнить своим преемникам, но Меншиков думал единственно о пользе своего личного властолюбия; также и Долгорукие. Меншиков замышлял открыть путь сыну своему к трону; Долгорукие и Голицыны хотели видеть на престоле слабую тень монарха и господство-

вать именем Верховного Совета. Замыслы дерзкие и малодушные! Пигмеи спорили о наследии великана.

Аристократия, олигархия губили отечество, и в то время, когда оно изменило нравы, утвержденные веками, потрясенные внутри новыми, важными переменами, которые, удалив в обычаях дворянство от народа, ослабили власть духовную, могла ли Россия обойтись без государя? Самодержавие сделалось необходимее прежнего для охранения порядка, и дочь Иоаннова, быв несколько дней в зависимости восьми аристократов, восприяла от народа, дворян и духовенства власть неограниченную. Сия государыня хотела правительствовать согласно с мыслями Петра Великого и спешила исправить многие упущения, сделанные с его времени. Преобразованная Россия казалась тогда величественным недостроенным зданием, уже ознаменованным некоторыми приметамии близкого разрушения: части судебная, воинская, внешняя политика находились в упадке. Остерман и Миних, одушевленные честолюбием заслужить имя великих мужей в их втором отечестве, действовали неутомимо и с успехом блестящим; первый возвратил России ее знаменитость в государственной системе европейской, цель усилий Петровых; Миних исправил, оживил воинские учреждения и давал нам победы. К совершенной славе Аннина царствования не доставало третьего мудрого действителя для законодательства и внутреннего гражданского образования россиян. Но злосчастная привязанность Анны к любимцу бездушному, низкому омрачила и жизнь, и память ее в истории. Воскресла Тайная канцелярия Преображенская с пытками; в ее вертепах и на площадях градских лились реки крови. И кого терзали? Врагов ли государыни? Никто из них и мысленно не желал ей зла; самые Долгорукие виновны были только пред отечеством, которое примирилось с ними их

несчастьем. Бирон, недостойный власти, думал утвердить ее в руках своих ужасами: самое легкое подозрение, двусмысленное слово, даже молчание казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Он, без сомнения, имел неприятелей: добрые россияне могли ли видеть равнодушно курляндского шляхтича почти на троне? Но сии Бироновы неприятели были истинными друзьями престола и Анны. Они гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давал право ждать милостей царских.

Вследствие двух заговоров злобный Бирон и добродушная правительница утратили власть и свободу. Лекарь француз и несколько пьяных гренадеров возвели дочь Петрову на престол величайшей империи в мире с восклицаниями: *«гибель иноземцам! честь россиянам!»* Первые времена сего царствования ознаменовались нахальством славной лейб-компании, возложением голубой ленты на малороссийского певчего и бедствием наших государственных благодетелей, Остермана и Миниха, которые никогда так не были велики, как стоя под эшафотом и желая счастья России и Елисавете. Вина их состояла в усердии к императрице Анне и во мнении, что Елисавета, праздная, сластолюбивая, не могла хорошо управлять государством. Несмотря на то, россияне хвалили ее царствование: она изъявляла к ним более доверенности, нежели к немцам; восстановила власть Сената, отменила смертную казнь, имела любовников добродушных, страсть к весельям и нежным стихам. Вопреки своему человеколюбию, Елисавета вмешалась в войну кровопролитную и для нас бесполезную. Первым государственным человеком сего времени был канцлер Бестужев, умный и деятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная негою, монархиня давала ему волю торговать политикою и силами

государства; наконец, свергнула его и сделала новую ошибку, торжественно объявив народу, что сей министр, душа почти всего ее царствования, есть гнуснейший из смертных! Счастье, благоприятствуя мягкосердой Елисавете в ее правление, спасало Россию от тех человеческих зол, коих не может отворотить никакая мудрость человеческая, но счастье не могло спасти государства от алчного корыстолюбия П. И. Шувалова. Ужасные монополии сего времени долго жили в памяти народа, утесняемого для выгоды частных людей и ко вреду самой казны. Многие из заведений Петра Великого пришли в упадок от небрежения, и вообще царствование Елисаветы не прославилось никакими блестящими деяниями ума государственного. Несколько побед, одержанных более стойкостью воинов, нежели дарованиями военачальников, Московский университет и оды Ломоносова остаются красивейшими памятниками сего времени. Как при Анне, так и при Елисавете Россия текла путем, предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими. Замечались успехи светского вкуса. Уже двор наш блистал великолепием и, несколько лет говорив по-немецки, начал употреблять язык французский. В одежде, в экипажах, в услуге вельможи наши мерялись с Парижем, Лондоном, Веною. Но грозы самодержавия еще пугали воображение людей: осматривались, произнося имя самой кроткой Елисаветы или министра сильного, еще пытки и Тайная канцелярия существовали.

Новый заговор, и несчастный Петр III в могиле со своими жалкими пороками... Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей. Она ласкала так называемых

философов XVIII века и пленялась характером древних республиканцев, но хотела повелевать, как земной бог, — и повелевала. Петр, насильствуя обычаи народные, имел нужду в средствах жестоких, Екатерина могла обойтись без оных, к удовольствию своего нежного сердца, ибо не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам, стараясь единственно возвеличить данное ей Небом отечество или славу свою победами, законодательством, просвещением. Ее душа, гордая, благородная, боялась унизиться робким подозрением, и страхи Тайной канцелярии исчезли, с ними вместе исчез у нас и дух рабства, по крайней мере, в вышних гражданских состояниях. Мы приучились судить, хвалить в делах государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась с собою, но побеждала желание мести: добродетель превосходная в монархе! Уверенная в своем величии, твердая, непреклонная в намерениях, объявленных ею, будучи единственною душою всех государственных движений в России, не выпуская власть из собственных рук — без казни, без пыток, влияя в сердца министров, полководцев, всех государственных чиновников живейший страх сделаться ей неугодным и пламенное усердие заслуживать ее милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословие, а где искренность говорила правду, там монархиня думала: «Я властна требовать молчания от россиян-современников, но что скажет потомство? и мысль, страхом заключенная в сердце, менее ли слова будет для меня оскорбительна?» Сей образ мыслей, доказанный делами 34-летнего владычества, отличает ее царствование от всех прежних в новой российской истории, т. е. Екатерина очистила самодержавие от примесей тиранства. Следствием были спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума.

Возвысив нравственную цену человека в своей державе, она пересмотрела все внутренние части нашего здания государственного и не оставила ни единой без поправления: уставы Сената, губернский, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внешняя политика сего царствования достойна особенной хвалы. Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами, Екатерина приучила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их; заблуждение славное для сей великой монархини! Она была женщина, но умела избирать вождей так же, как министров или правителей государственных. Румянцев, Суворов стали наряду с знаменитейшими полководцами в мире; князь Вяземский заслужил имя достойного министра благоразумною государственною экономией, хранением порядка и целости. Упрекнем ли Екатерину излишним воинским славолубием? Ее победы утвердили внешнюю безопасность государства. Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое. Правилom монархини было не мешаться в войны чуждые и бесполезные для России, но питать дух ратный в империи, рожденной победами.

Слабый Петр III, желая угодить дворянству, дал ему свободу служить или не служить. Умная Екатерина, не отменив сего закона, отвратила его вредные для государства следствия; любовь к Святой Руси, охлажденную в нас переменами великого Петра, монархиня хотела заменить гражданским честолюбием; для того соединила с чинами новые прелести или выгоды, вымышляя знаки отличий и стараясь поддерживать их цену достоинством людей, украшаемых оными. Крест св. Георгия не рождал, однако ж, усиливал храбрость. Многие служили, чтобы

не лишиться места и голоса в дворянских собраниях, многие, несмотря на успехи роскоши, любили чины и ленты гораздо более корысти. Сим утвердилась нужная зависимость дворянства от трона.

Но согласимся, что блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна. Нравы более развратились в палатах и хижинах: там от примеров двора любострастного, здесь от выгодного для казны умножения питейных домов. Пример Анны и Елисаветы извиняет ли Екатерину? Богатства государственные принадлежат ли тому, кто имеет единственно лицо красивое? Слабость тайная есть только слабость; явная — порок, ибо соблазняет других. Самое достоинство государства терпит, когда двор нарушает устав благонравия; как люди ни развратны, но внутренне не могут уважать развратных. Требуется ли доказательств, что истинное почтение к добродетелям монарха утверждает власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля Екатерину за превосходные качества души, невольно вспоминаешь ее слабости и краснеешь за человечество. Заметим еще, что правосудие не цвело в сие время; вельможа, чувствуя несправедливость свою в тяжбе с дворянином, переносил дело в кабинет; там засыпало оно и не пробуждалось. В самых государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам. Таково было новое Учреждение о губерниях, изящное на бумаге, но худо примененное к обстоятельствам России. Солон говорил: «Мои законы несовершенные, но лучшие для афинян». Екатерина хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных; дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения. Многие вредные следствия Петровой системы также яснее открылись при сей

государыне: чужеземцы овладели у нас воспитанием; двор забыл язык русский; от излишних успехов европейской роскоши дворянство задолжало; дела бесчестные, внушаемые корыстолюбием для удовлетворения прихотям, стали обыкновеннее; сыновья бояр наших рассыпались по чужим землям тратить деньги и время для приобретения французской или английской наружности. У нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархиня: не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни. Любимец вельможи, рожденный бедным, не стыдился жить пышно. Вельможа не стыдился быть развратным, торговали правдою и чинами. Екатерина – великий муж в главных соображениях государственных – являлась женщиною в подробностях монаршей деятельности, дремала на розах, была обманываема или себя обманывала; не видела или не хотела видеть многих злоупотреблений, считая их, может быть, неизбежными и довольствуясь общим успешным, славным течением ее царствования. По крайней мере, сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского; едва ли не всякий из нас пожелал бы жить тогда, а не в иное время.

Следствия кончины ее заградили уста строгим судиям сей великой монархини, ибо, особенно в последние годы ее жизни, действительно, слабейшие в правилах и в исполнении, мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину, от привычки к добру уже не чувствуя всей цены оного и тем сильнее чувствуя противное: доброе казалось нам естественным, необходимым следствием порядка вещей, а не личной екатерининой мудрости, худое же – ее собственной виною.

Павел восшел на престол в то благоприятное для самодержавия время, когда ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства, но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оногo. По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных претерпенных им неудовольствий, он хотел быть Иоанном IV, но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святыя обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ с степени гражданственности в хаос частного естественного права. Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества; к неизъяснимому удивлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг, отнял стыд у казни, у награды – прелесть; унизил чины и ленты расточительностию в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери; умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства. Героев, приученных к победам, учил маршировать, отвратил дворян от воинской службы; презирая душу, уважал шляпы и воротники; имея, как человек, природную склонность к благотворению, питался желчию зла; ежедневно вымышлял способы устрашать людей и сам всех более страшился; думал соорудить себе неприступный дворец и соорудил гробницу! Заметим черту, любопытную для наблюдателя: в сие царствование ужаса, по мнению иноземцев, россияне даже боялись и мыслить; нет, говорили, и смело, умолкали единственно от скуки

и частого повторения, верили друг другу и не обманывались. Какой-то дух искреннего братства господствовал в столицах; общее бедствие сближало сердца, и великодушное остервенение против злоупотреблений власти заглушало голос личной осторожности. Вот действие Екатеринына человеколюбивого царствования: оно не могло быть истреблено в четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны иметь правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.

Россияне смотрели на сего монарха как на грозный метеор, считая минуты и с нетерпением ожидая последней. Она пришла, и весть о том в целом государстве была вестью искупления: в домах, на улицах люди плакали от радости, обнимая друг друга, как в день Светлого Воскресения. Кто был несчастливее Павла? Слезы горести лились только в недрах его августейшего семейства; тужили еще некоторые им благодетельствованные, но какие люди? Их сожаление не менее всеобщей радости должноствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлучении с телом, озаренная, наконец, светом истины, могла возреть на землю и на Россию! К чести благороднейших россиян, не умолчим об их суждении. Сведав дело, они жалели, что зло вредного царствования пресечено способом вредным. Заговоры суть бедствия, колеблют основу государств и служат опасным примером для будущности. Если некоторые вельможи, генералы, телохранители присвоят себе власть тайно губить монархов или сменять их, что будет самодержавие? Игралищем олигархии, и должно скоро обратиться в безначалие, которое ужаснее самого злейшего властителя, подвергая опасности всех граждан, а тиран казнит только некоторых. Мудрость веков и право народное утвердили сие правило для монархий, что закон должен располагать тронем, а Бог одну жизнь царей! Кто верит

Провидению, да видит в злом самодержце бич гнева Небесного! Снесем его, как бурю, землетрясение, язву, феномены страшные, но редкие: ибо мы в течение 9-ти веков имели только двух тиранов: ибо тиранство предполагает необыкновенное ослепление ума в государе, коего действительное счастье неразлучно с народным, с правосудием и любовью к добру. Заговоры да устрашают народ для спокойствия государей! Да устрашают и государей для спокойствия народов! Две причины способствуют заговорам: общая ненависть или общее неуважение к властителю. Бирон и Павел были жертвою ненависти, правительница Анна и Петр III – жертвою неуважения. Миних, Лесток¹ и другие не дерзнули бы на дело, противное совести, чести и всем уставам государственным, если бы сверженные ими властители пользовались уважением и любовью россиян.

Не сомневаясь в добродетели Александра, судили единственно заговорщиков, подвигнутых местию и страхом личных опасностей; винули особенно тех, которые сами были орудием Павловых жестокостей и предметом его благодеяний. Сии люди уже большею частию скрылись от глаз наших во мраке могилы или неизвестности: едва ли кто-нибудь из них имел утешение Брута или Кассия пред смертью или в уединении. Россияне одобрили юного монарха, который не хотел быть окружен ими, и с величайшею надеждою устремили взор на внука Екатерины, давшего обет властвовать по ее сердцу!

Доселе говорил я о царствованиях минувших, буду говорить о настоящем с моею совестью и с государем по лучшему своему уразумению. Какое имею право? Любовь к отечеству и к монарху, некоторые, может быть, данные мне Богом способности, некоторые знания, приобретенные мною в летописях мира и в беседах с мужами великими, т. е. в их творениях. Чего хочу? С добрым намерением

испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет История.

Два мнения были тогда господствующими в умах: одни хотели, чтоб Александр, к вечной славе своей, взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе; другие, сомневаясь в надежном успехе такого предприятия, хотели единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатерины на царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с системою Павла. В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: «Можно, надобно только закон поставить еще выше государя». Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти. Вижу аристократию, а не монархию. Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит Устав? Представят о том Его Величеству? А он десять раз посмеется над ними, — объявят ли его преступником? Возмутят ли народ? Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли. Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто. Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия? Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных

законов, кроме Божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин русский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! ты престаупаешь границы своей власти; наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно и нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!..» Но вообразим, что Александр предписал бы монаршей власти какой-нибудь устав, основанный на правилах общей пользы, и скрепил бы оный святостию клятвы; сия клятва без иных способов, которые все или невозможны, или опасны для России, будет ли уздою для преемников Александровых? Нет, оставим мудрствования ученические и скажем, что наш государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует благодетельно! да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти; чем? страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого – никогда! «Сладкое отвращает нас от горького», – сказали послы Владимировы, изведав веры европейские.

Все россияне были согласны в добром мнении о качествах юного монарха: он царствует десять лет, и никто не переменял о том своих мыслей; скажу еще более – все согласны, что едва ли кто-нибудь из государей превосходил Александра в любви, в ревности к общему благу; едва ли кто-нибудь столь мало ослеплялся блеском венца и столь умел быть человеком на троне, как он!.. Но здесь имею нужду в твердости духа, чтобы сказать истину:

Россия наполнена недовольными; жалуются в палатах и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры. Удивительный государственный феномен! Обыкновенно бывает, что преемник монарха жестокого легко снискивает всеобщее одобрение, смягчая правила власти: успокоенные кротостию Александра, безвинно не страшась ни Тайной канцелярии, ни Сибири и свободно наслаждаясь всеми позволенными в гражданских обществах удовольствиями, каким образом изъясним сие горестное расположение умов? Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым измерением ошибаться в средствах добра. Увидим!

Начнем с внешней политики, которая имела столь важное действие на внутренность государства. Ужасная Французская революция была погребена, но оставила сына, сходного с нею в главных чертах лица. Так называемая республика обратилась в монархию, движимую гением властолюбия и побед. Умная Англия, испытав невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францию и делала свое дело. Вена тосковала о Нидерландах и Ломбардии: война представляла ей великие опасности и великие надежды. Берлин хитрил, довольствуясь учтивостями: мир был для него законом благоразумия. Россия ничего не утратила и могла ничего не бояться, т. е. находилась в самом счастливейшем положении. Австрия, все еще сильная, как величественная твердыня, стояла между ею и Францией, а Пруссия служила нам уздою для Австрии. Основанием российской политики должно было быть желание всеобщего мира, ибо война могла изменить состояние Европы, успехи Франции, Австрии могли иметь для нас равно опасные следствия, усилив ту или другую. Властолюбие Наполеона

теснило Италию и Германию. Первая, как отдаленнейшая, менее касалась до особенных польз России; вторая долженствовала сохранять свою независимость, чтоб удалить от нас влияние Франции. Император Александр более всех имел права на уважение Наполеона; слава героя Италийского еще гремела в Европе и не затмилась стыдом Германа и Корсакова; Англия, Австрия были в глазах консула естественными врагами Франции; Россия казалась только великодушною посредницею Европы и, неотступно ходатайствуя за Германию, могла напомнить ему Треббию и Нови, в случае, если бы он не изъявил надлежащего внимания к нашим требованиям. Министр, знаменитый в хитростях дипломатической науки, представлял Россию в Париже; избрание такового человека свидетельствовало, сколь Александр чувствовал важность сего места, и даже могло быть приятно для самолюбия консулова. К общему изумлению, мы видели, что граф Марков пишет свое имя под новым разделом германских южных областей в угодность, в честь Франции и к ее сильнейшему влиянию на землю немецкую; но еще с большим изумлением мы сведения, что сей министр, в важном случае оказав излишнюю снисходительность к видам Наполеона, вручает грозные записки Талейрану о каком-то женевском бродяге, взятом под стражу во Франции; делает разные неудовольствия консулу в безделицах и, принужденный выехать из Парижа, получает голубую ленту. Можно было угадать следствия, но отчего такая перемена в системе? Узнали опасное властолюбие Наполеона? А дотоле не знали его?.. Здесь приходит мне на мысль тогдашний разговор одного молодого любимца государева и старого министра. Первый, имея еще более самолюбия, нежели остроумия, и весьма несильный в государственной науке, решительно объявил при мне, что Россия должна воевать для занятия умов

праздных и для сохранения ратного духа в наших армиях, второй с тонкою улыбкою давал чувствовать, что он способствовал графу Маркову получить голубую ленту в досаду консулу. Молодой любимец веселился мыслию схватиться в поле с славным Бонапарте, а старый министр торжествовал, представляя себе бессильную ярость Наполеона. Несчастные! Одним словом, история Маркова посольства, столь несогласного в правилах, была первою нашею политическою ошибкою.

Никогда не забуду своих горестных предчувствий, когда я, страдая в тяжелой болезни, услышал о походе нашего войска... Россия привела в движение все силы свои, чтоб помогать Англии и Вене, т. е. служить им орудием в их злобе на Францию, без всякой особенной для себя выгоды. Еще Наполеон в тогдашних обстоятельствах не вредил прямо нашей безопасности, огражденной Австриею и Пруссиею, числом и славою нашего воинства. Какие замыслы имели мы в случае успеха? Возвратить Австрии великие утраты ее, освободить Голландию, Швейцарию? Признаем возможность, но только вследствие десяти решительных побед и совершенного изнурения французских сил. Что оказалось бы в новом порядке вещей? Величие, первенство Австрии, которая из благодарности указала бы России вторую степень и то до времени, пока не смирила бы Пруссию, а там объявила бы нас державою азиатскою, как Бонапарте. Вот счастливая сторона! Несчастливая уже известна!.. Политика нашего кабинета удивляла своею смелостию: одну руку подняв на Францию, другою грозили мы Пруссии, требуя от нее содействия. Не хотели терять времени в предварительных сношениях; хотели одним махом все решить. Спрашиваю: что сделала бы Россия, если бы берлинское министерство ответствовало князю Долгорукову: «Молодой человек! Вы желаете свергнуть деспота Бонапарте,

а сами, еще не свергнув его, предписываете законы политике держав независимых? Идите своим путем, мы готовы утвердить мечом свою независимость». Бенигсен, граф Толстой ударили бы тогда на Пруссию? Прекрасное начало; оно стоило бы конца! Но князь Долгорукий летел с приятнейшим ответом: правда, нас обманули, или мы сами обманули себя.

Все сделалось наилучшим образом для нашей истинной пользы. Мак в несколько дней лишился армии. Кутузов вместо австрийских знамен увидел пред собою наполеоновы, но с честью, славою, победою отступил к Ольмюцу. Два сильные воинства стояли готовые к бою. Осторожный, благоразумный Наполеон сказал своему: «Теперь Европа узнает, кому принадлежит имя храбрейших, вам или россиянам», – и предложил нам средства мира. Никогда политика российская не была в счастливейших обстоятельствах, никогда не имела столь мало причин сомневаться в выборе. Наполеон завоевал Вену, но Карл приближался, и 80 тыс<яч> россиян ждали повеления обнажить меч. Пруссия готовилась соединиться с нами. Одно слово могло прекратить войну славнейшим для нее образом: изгнанник Франц по милости Александра возвратился бы в Вену, уступив Наполеону, может быть, только Венецию; независимая Германия оградилась бы Рейном, наш монарх приобрел бы имя благодетеля, почти восстановителя Австрии и спасителя Немецкой империи. Победа долженствовала быть, по крайней мере, сомнительною. Что мы выигрывали с нею? Едва ли не одну славу, которую имели бы и в мире. Что могло быть следствием неудачи? Стыд, бегство, голод, совершенное истребление нашего войска, падение Австрии, порабощение Германии и т. д. Судьбы Божии неисповедимы: мы захотели битвы! Вот вторая политическая ошибка (молчу о воинских).

Третья, и самая важная следствиями, есть мир Тильзитский: ибо она имела непосредственной влияние на внутреннее состояние государства. Не говорю о жалкой истории полуминистра Убри²; не отрицаю ни заключенного им трактата (который был плодом Аустерлица), ни министров, давших совет государю отвергнуть сей лаконический договор; не осуждаю и последней войны с французами: тут мы должны были вступить за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон, волнуя Польшу. Знаю только, что мы в течение зимы должны были или прислать новые 100 тыс.<яч> к Бенигсену, или вступить в мирные переговоры, коих успех не был вероятен. Пултуск и Прейсиш-Эйлау ободрили россиян, изумив французов. Мы дождались Фридланда... Но здесь-то следовало показать отважность, которая в некоторых случаях бывает глубокомысленным благоразумием: таков был сей. Надлежало забыть Европу, проигранную нами в Аустерлице и Фридланде: надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т. е. не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англиею и воевать со Швециею, в противность святейшим уставам человечества и народным. Без стыда могли бы мы отказаться от Европы, но без стыда не могли служить в ней орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилия. Умолчим ли о втором необходимом для нашей безопасности условии, от коего мы должны были бы отступить, разве претерпев новое бедствие на правом берегу Немана, – условии, чтобы не быть Польше ни под каким видом, ни под каким именем? Безопасность собственная есть вышний закон в политике: лучше было согласиться, чтоб Наполеон взял Шлезию, самый Берлин, нежели признать Варшавское герцогство.

Таким образом, великие наши усилия, имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европою и сделали нас чрез Варшаву соседями Наполеона. Сего мало: убыточная война шведская и разрыв с Англиею произвели неумеренное умножение ассигнаций, дороговизну и всеобщие жалобы внутри государства. Мы завоевали Финляндию: пусть «Монитор»³ славит сие приобретение! Знаем, чего оно нам стоило, кроме людей и денег. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честью, справедливостию, вредим последнему. Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть шведов, укоризну всех народов, — и я не знаю, что́ было горестнее для великодушия Александра: быть побежденным от французов или принужденным следовать их хищной системе.

Пожертвовав союзу Наполеона нравственным достоинством великой империи, можем ли надеяться на искренность его дружбы? Обманем ли Наполеона? Сила вещей неодолима. Он знает, что мы внутренне ненавидим его, ибо его боимся; он видел усердие наше в последней войне австрийской, более нежели сомнительное. Сия двоякость была необходимым следствием того положения, в которое мы поставили себя Тильзитским миром, и не есть новая ошибка.

Легко ли исполняется обещание услуживать врагу естественному и придавать ему силы? Думаю, что мы, взяв Финляндию, не посовестились бы взять Галицию, если бы предвидели верный успех Наполеонов. Но Карл мог еще победить; к тому же и самым усерднейшим исполнением обязанности союзников мы не заслужили бы искреннего доброжелательства Наполеонова; он дал бы нам поболее, но не дал бы средств утвердить нашу независимость. Скажем ли, что Александру над-

лежало бы пристать к австрийцам? Австрийцы не пристали к нам, когда Бонапарте в изнурении удалялся от Прейсиш-Эйлау и когда их стотысячная армия могла бы доконать его. Политика не злопамятна, без сомнения, но 30 тыс<яч> или 40 тыс<яч> россиян могли бы также не подоспеть к решительной битве, как эрцгерцог Иоанн к Ваграмской; Ульм, Аустерлиц находились в свежей памяти. Чтó бы вышло? Еще хуже: Бонапарте, увидев нашу отважность, взял бы скорейшие, действительнейшие меры для обуздания оной. На сей раз лучше, что он считает нас только робкими, тайными врагами, только не допускает мириться с турками, только из-под руки страшает Швециею, Польшею. Чтó будет далее, известно Богу; но людям известны сделанные нами политические ошибки; но люди говорят: для чего граф Марков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленною войною навели отдаленные тучи на Россию? Для чего не заключили мира прежде Аустерлица? Глас народа – глас Божий. Никто не уверит россиян, чтобы советники трона в делах внешней политики следовали правилам истинной мудрой любви к Отечеству и к доброму государю. Сии несчастные, видя беду, думали единственно о пользе своего личного самолюбия; всякий из них оправдывался, чтобы винить монарха.

Посмотрим, как они действовали и действуют внутри государства. Вместо того, чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринына царствования, утвержденному опытом 34 лет и, так сказать, оправданному беспорядками Павлова времени, вместо того, чтобы отменить единственно излишнее, прибрать нужное, одним словом, исправлять по основательному рассмотрению, советники Александровы захотели новостей в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в государ-

ственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости: ибо одно время дает надлежащую твердость уставам; ибо более уважаем то, что давно уважаем, и все делаем лучше от привычки. Петр Великий заменил Боярскую Думу – Сенатом, приказы – коллегиями и не без важного усилия сообщил оным стройную деятельность. Время открыло некоторые лучшие способы управления, и Екатерина II издала Учреждение о губерниях, приводя его в исполнение по частям с великою осторожностью. Коллегии дел судных и казенных уступили место палатам, другие остались, и если правосудие и государственное хозяйство при Екатерине не удовлетворяли всем желаниям доброго гражданина, то никто не мыслил жаловаться на формы или на образование: жаловались только на людей. Фельдмаршал Миних замечал в нашем государственном чине некоторую пустоту между тронem и Сенатом, но едва ли справедливо. Подобно древней Боярской Думе, Сенат в начале своем имел всю власть, какую только высшее правительствующее место в самодержавии иметь может. Генерал-прокурор служил связью между им и государем; там вершились дела, которые надлежало бы вершить монарху: по человечеству не имея способа обнять их множество, он дал Сенату свое верховное право и свое око в генерал-прокуратуре, определив, в каких случаях действовать сему важному месту по известным законам и в каких требовать его высочайшего соизволения. Сенат издавал законы, поверял дела коллегий, решал их сомнения или спрашивал у государя, который, принимая на него жалобы от людей частных, грозил строгою казнию ему в злоупотреблении власти или дерзкому челобитчику в несправедливой жалобе. Я не вижу пустоты, и новейшая история со времен Петра до Екатерины II свидетельствует, что учреждение Верховных советов, кабинетов, конференций было несовместно

с первоначальным характером Сената, ограничивая или стесняя круг его деятельности: одно мешало другому.

Сия система правительства не уступала в благоустройстве никакой иной европейской, заключая в себе, кроме общего со всеми, некоторые особенности, сообразные с местными обстоятельствами империи. Павел, не любя дел своей матери, восстановил разные уничтоженные ею коллегии, сделал перемены и в учреждении губерний, но благоразумные: отменив малонужные верхние земские суды с расправами, отняв право исполнения у решений палатских и проч.

Движимый любовью к общему благу, Александр хотел лучшего, советовался и учредил министерства согласно с мыслями фельдмаршала Миниха и с системою правительств иностранных. Прежде всего, заметим излишнюю поспешность в сем учреждении: министерства установлены и приведены в действие, а не было еще наказа министрам, т. е. верного, ясного руководства в исполнении важных их обязанностей. Теперь спросим о пользе. Министерские бюро заняли место коллегий; где трудились знаменитые чиновники, президент и несколько заседателей, имея долговременный навык и строгую ответственность правительствующего места, там увидели мы маловажных чиновников, директоров, экспедиторов, столоначальников, которые под щитом министра действуют без всякого опасения. Скажут, что министр все делает и за все отвечает; но одно честолюбие бывает неограниченно. Силы и способности смертного заключаются в пределах весьма тесных. Например, министр внутренних дел, захватив почти всю Россию, мог ли основательно вникать в смысл бесчисленных входящих к нему и выходящих от него бумаг? Мог ли даже понимать предметы столь различные? Начали являться один за другим комитеты. Они служили сатирою на учреждение

министерств, доказывая их недостаток для благоуспешного правления. Наконец, заметили излишнюю многосложность внутреннего министерства. Что же сделали? Прибавили новое, столь же многосложное и непонятное для русских в его составе! Как? Опеки принадлежат министру полиции? Ему же и медицина? и проч., и проч. Или сие министерство есть часть внутреннего, или названо не своим именем. И благоприятствует ли славе мудрого правительства сие второе преобразование? Учредили, и после говорят: «Извините, мы ошиблись: сие относится не к тому, а к другому министерству». Надлежало бы обдумать прежде; иначе, что будет порукою и за твердость иного устава? Далее, основав бытие свое на развалинах коллегий (ибо самая Военная и Адмиралтейская утратили важность свою в сем порядке вещей), министры стали между государем и народом, заслоня Сенат, отнимая его силу и величие; хотя подведомые ему отчетами, но сказав: «Я имел счастье докладывать государю!», заграждали уста сенаторам, а сия мнимая ответственность была доселе пустым обрядом. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государем, общались Сенату только для обнародования. Выходило, что Россиею управляли министры, т. е. каждый из них по своей чести мог творить и разрушать. Спрашиваем, кто более заслуживает доверенность, один ли министр или собрание знатнейших государственных сановников, которое мы обыкли считать высшим правительством, главным орудием монаршей власти? Правда, министры составляли между собою комитет, ему надлежало одобрить всякое новое постановление прежде, нежели оно утверждалось монархом; но сей комитет не походит ли на совет 6 или 7 разноземцев, из коих всякий говорит особым языком, не понимая других? Министр морских сил обязан ли разуметь тонкости судебной науки или

правила государственного хозяйства, торговли и проч.? Еще важнее то, что каждый из них, имея нужду в сговорчивости товарищей для своих особенных выгод, сам делается сговорчивым.

«Просим терпенья, – отвечают советники монарха, – мы изобретаем еще новый способ ограничить власть министров», – выходит учреждение Совета.

И Екатерина II имела Совет, следуя правилу: «ум хорошо, а два лучше». Кто из смертных не советуется с другими в важных случаях? Государи более всех имеют в том нужду. Екатерина в делах войны и мира, где ей надлежало произнести решительное *да* или *нет*, слушала мнение некоторых избранных вельмож; вот Совет ее, по существу своему *тайный*, т. е. особенный, лично императорский. Она не сделала его государственным, торжественным, ибо не хотела уничтожить Петрова Сената, коего бытие, как мы сказали, несовместно с другим высшим правительствующим местом. Какая польза унижать Сенат, чтобы возвысить другое правительство? Если члены первого недостойны монаршей доверенности, надобно только переменить их: или Сенат не будет Правительствующим, или Совет не может торжественно и под своим именем рассматривать за ним дел и мимо Сената издавать с государем законы. Мы читаем ныне в указах монарших: «вняв мнению Сената». Итак, Сенат в стороне? Что же он? Останется ли только судилищем? Увидим, ибо нам велят ждать новых дополнительных уставов государственных, преобразования сенатского, губерний и проч. В монархии, пишет Монтескье, должно быть хранилище законов: «Le conseil du Prince n'est pas un depot convenable, il est par sa nature le dépôt de la volonte momentanee du Prince qui exécute et non pas le dépôt de lois fondamentales. Le conseil du Monarque change sans cesse; il n'est pas point permanent, il ne sauroit être nombreux; il

n'a point à un assez haut degre la confiance du peuple; il n'est donc pas en état de l'éclairer dans les temps difficiles, ni de le ramener à l'obéissance»*.

Что ни будет, но сказанное нами не изменится в главном смысле: Совет будет Сенатом или его половиною, отделением. Сие значит играть именами и формами, придавать им важность, которую имеют только вещи. Поздравляю изобретателя сей новой формы или предисловия законов: «вняв мнению Совета!»! Государь российский внемлет только мудрости, где находит ее, в собственном ли уме, в книгах ли, в голове ли лучших своих подданных; но в самодержавии не надобно ничего одобрения для законов, кроме подписи государя: он имеет всю власть. Совет, Сенат, комитеты, министры суть только способы ее действий или поверенные государя; их не спрашивают, где он сам действует. Выражение: «le conseil d'état entendu»** не имеет смысла для гражданина российского; пусть французы справедливо или несправедливо употребляют оное! Правда, и у нас писали: «Государь указал, бояре приговорили»; но сия законная пословица была на Руси несколько лет панихидою на усопшую аристократию боярскую; воскресим ли форму, когда и вещь и форма давно истребились?

Совет, говорят, будет уздою для министров. Император дает ему рассматривать важнейшие их представления; но между тем они все будут править государством именем государя. Совет не вступается в обыкновенное

---

* Состоящий при государе Совет не годится для этой цели; по самой природе своей он есть исполнитель и блюститель тех распоряжений монарха, которые имеют временный характер, а не охранитель основных законов. Сверх того, Совет государя постоянно меняется, он не действует непрерывно, не может быть многочисленным, наконец, он не пользуется в достаточно высокой степени доверием народа и потому не в состоянии ни вразумить его в затруднительных обстоятельствах, ни привести его к повиновению (фр.).

** Государственный совет решил (фр.).

течение дел, вопрошаемый единственно в случаях чрезвычайных или в новых постановлениях, а сей обыкновенный порядок государственной деятельности составляет благо или зло нашего времени?

Спасительными уставами бывают единственно те, коих давно желают лучшие умы в государстве и которые, так сказать, предчувствуются народом, будучи ближайшим целебным средством на известное зло: учреждение министерств и Совета имело для всех действие внезапности. По крайней мере, авторы долженствовали изъяснить пользу своих новых образований; читаю и вижу одни сухие формы; мне чертят линии для глаз, оставляя мой ум в покое. Говорят россиянам: «Было так, отныне будет иначе». Для чего? – не сказывают. Петр Великий, в важных переменах государственных, давал отчет народу: взгляните на Регламент духовный, где император открывает вам всю душу свою, все побуждения, причины и цель сего устава. Вообще новые законодатели России славятся наукою письмоводства более, нежели наукою государственною. Издают проект наказа министерского: что важнее и любопытнее? Тут, без сомнения, определена сфера деятельности, цель, способы, должности каждого министра? Нет, брошено несколько слов о главном деле, а все другое относится к мелочам канцелярским. Сказывают, как переписываться министерским департаментам между собою, как входят и выходят бумаги, как государь начинает и кончает свои рескрипты. Монтескье означает признаки возвышения или падения империи. Автор сего проекта с такою же важностию дает правила судить о цветущем и худом состоянии канцелярий; искренно хвалю его знания в сей части, но осуждаю постановление: «если государь издает указ, несогласный с мыслями министра, то министр не скрепляет оног своей подписью». Следственно, в государстве самодержав-

ном министр имеет законное право объявить публике, что выходящий указ, по его мнению, вреден. Министр есть рука венценосца, не более; рука не судит головы. Министр подписывает именные указы не для публики, а для императора, во уверение, что они написаны слово в слово так, как государь приказал. Подобные ошибки в коренных государственных понятиях едва ли извинительны. Чтобы определить важную ответственность министра, автор пишет: «Министр судится в двух случаях: когда преступит меру власти своей или когда не воспользуется данными ему способами для отвращения зла». Где же означена сия мера власти и сии способы? Прежде надобно дать закон, а после говорить о наказании преступника. Сия громогласная ответственность министров в самом деле может ли быть предметом торжественного суда в России? Кто их избирает? Государь. Пусть он награждает достойных своею милостию; а в противном случае удаляет недостойных, без шума, тихо и скромно. Худой министр есть ошибка государева: должно исправлять подобные ошибки, но скрытно, чтобы народ имел доверенность к личным выборам царским.

Рассматривая таким образом сии новые государственные творения и видя их незрелость, добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей. С Сенатом, с коллегиями, с генерал-прокурором у нас шли дела, и прошло блестящее царствование Екатерины II. Все мудрые законодатели, принуждаемые изменять уставы политические, старались как можно менее отходить от старых. «Если число и власть сановников необходимо должны быть переменены, – говорит умный Макиавелль, – то удержите хотя имя их для народа». Мы поступаем совсем иначе: оставляя вещь, гоним имена, для произведения того же действия вымышляем другие способы! Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее

нового, а новому добру как-то не верится; перемены сделанные не ручаются за пользу будущих, ожидают их более со страхом, нежели с надеждою, ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно; Россия же существует около тысячи лет, и не в образе дикой орды, но в виде государства великого. А нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой. Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, то она в наше время не будет ли еще страшнее? Где, в какой земле европейской блаженствует народ, цветет правосудие, сияет благоустройство, сердца довольны, умы спокойны? Во Франции? Правда, там есть: Conseil d'état, Secrétaire d'état, Sénat conservateur, Ministres de l'intérieur, de la justice, des finances, de l'instruction publique, de la police, des cultes*; правда, что Екатерина II не имела ни сих правительств, ни сих чиновников; но где видим гражданское общество согласнее с истинною целию оною, в России ли при Екатерине II или во Франции при Наполеоне? Где более произвола и прихотей самовластия? Где более законного единообразного течения в делах правительства? Мы читаем в прекрасной душе Александра сильное желание утвердить в России действия закона. Оставив прежние формы, но двигая, так сказать, оные постоянным духом ревности к общему добру, он скорее мог бы достигнуть сей цели и затруднил бы для наследников отступление от законного порядка. Гораздо легче отменить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынешнему Совету в глазах будуще-

---

* Государственный совет, государственный секретарь, блюстительный Сенат, министры внутренних дел, правосудия, финансов, народного просвещения, полиции, религиозных культов (фр.).

го преемника Александрова: новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданностям произвола.

Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин недовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи и коих благотворность остается доселе сомнительною.

Теперь перейдем в мыслях некоторые временные и частные постановления Александрова царствования; посмотрим, какие меры брались в обстоятельствах важных и что было их следствием.

Наполеон, одним махом разрушив дотоле знаменитую державу Прусскую, стремился к нашим границам. Никто из добрых россиян не был спокоен: все чувствовали необходимость усилий чрезвычайных и ждали, что сделает правительство. Выходит манифест о милиции... Верю, что советники государевы имели доброе намерение, но худо знали состояние России. Вооружить шестьсот тысяч человек, не имея оружия в запасе! Прокормить их, без средства везти хлеб за ними или изготовить его в тех местах, куда им идти надлежало! Где взять столько дворян для предводительства? Во многих губерниях недоставало и половины чиновников. Изумили дворян, испугали земледельцев; подвозы, работы остановились; с горя началось пьянство между крестьянами; ожидали и дальнейших неистовств. Бог защитил нас. Нет сомнения, что благородные сыны отечества готовы были тогда на великодушные жертвы, но скоро общее усердие простыло: увидели, что правительство хотело невозможного; доверенность к нему ослабела, и люди, в первый раз читавшие манифест со слезами, чрез несколько дней начали смеяться над жалкою милициею. Наконец, уменьшили число ратников, имели семь месяцев времени и не дали армии никакой сильной подмоги! Зато мир

Тильзитский... Если бы правительство, вместо необыкновенной для нас милиции, потребовало от государства 150 тысяч рекрут с хлебом, с подводами, с деньгами, то сие бы не произвело ни малейшего волнения в России и могло бы усилить нашу армию прежде Фридландской битвы. Надлежало бы только не дремать в исполнении. В случае государственных чрезвычайных опасностей и жертв главное правило есть действовать стремительно, не давать людям образумиться, не отступать в мерах, не раздумывать. Я читал переписку русских воевод при Лжедмитрии, когда мы не имели ни царя, ни совета боярского, ни столицы. Сии воеводы худо знали грамоте, но знали Россию и спасли ее самыми простейшими средствами, требуя друг от друга, что каждый из них мог сделать лучшего по местным обстоятельствам своего начальства. Сию статью заключу особенным примечанием. Во время милиции все жаловались на недостаток оружия и винули беспечность начальства: не знаю, воспользовались ли мы опытом для нашей будущей безопасности. Арсеналы наполняются ли пушками и ружьями на всякий случай? Слышу только, что славный Тульский завод приходит в упадок, что новые паровые машины действуют не весьма удачно и что новые образцовые ружья причиною разорения мастеров. Так ли?

Все намерения Александровы клонятся к общему благу. Гнушаясь бессмысленным правилом держать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он употребил миллионы для образования университетов, гимназий, школ: к сожалению, видим более убытка для казны, нежели выгод для отечества. Выписали профессоров, не приготовив учеников; между первыми много достойных людей, но мало полезных; ученики не разумеют иноземных учителей, ибо худо знают язык латинский, и число их так невелико, что профессоры теряют охоту хо-

дить в классы. Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, Геттингене надобно профессору только стать на кафедру, зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат, а купцы желают знать существенно арифметику или языки иностранные для выгоды своей торговли. В Германии сколько молодых людей учатся в университетах для того, чтобы сделаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! Наши стряпчие и судьи не имеют нужды в знании римских прав; наши священники образуются кое-как в семинариях и далее не идут; а выгоды ученого состояния в России так еще новы, что отцы не вдруг еще решатся готовить детей своих для оного. Вместо 60 профессоров, приехавших из Германии в Москву и в другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в гимназиях; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляя бы милость государя, и призренная бедность через 10 или 15 лет произвела бы в России ученое состояние. Смеею сказать, что нет иного действительнейшего средства для успеха в сем намерении. Строить, покупать дома для университетов, заводить библиотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитых иноземных астрономов, филологов – есть пускаться в глаза пыль. Чего не преподают ныне даже в Харькове и в Казани? А в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдем человек сто, которые совершенно знают правописание, и мы не имеем хорошей грамматики, а в именных указах употребляются слова не в их смысле. Пишут в важном банковом учреждении: «отдать деньги бессрочно», вместо *à perpétuité*, «без возврата»; пишут в манифесте о торговых пошлинах: «сократить ввоз това-

ров» и проч. Заметим также некоторые странности в сем новом образовании ученой части. Лучшие профессора, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров для университета! В сей круг хозяйственных забот входит еще содержание ста или более училищ, подведомых университетскому Совету. Сверх того, профессора обязаны ежегодно ездить по губерниям для обозрения школ. Сколько денег и трудов потерянных! Прежде хозяйство университета зависело от его особой канцелярии – и гораздо лучше: пусть директор училищ года в два один раз осмотрел бы уездные школы в своей губернии; но смешно и жалко видеть сих бедных профессоров, которые всякую осень трясутся в кибитках по дорогам. Они, не выходя из Совета, могут знать состояние всякой гимназии или школы по ее ведомостям. Где много учеников, там училище цветет; где их мало, там оно худо; а причина едва ли не всегда одна – худые учителя. Для чего не определяют хороших? Их нет или мало. Что виною? Сонливость здешнего Педагогического института (говорю только о московском, мне известном). Путешествия профессоров не исправят сего недостатка. Вообще Министерство так называемого просвещения в России доньше дремало, не чувствуя своей важности и как бы не ведая, что ему делать, а пробуждалось от времени до времени единственно для того, чтобы требовать денег, чинов и крестов от государя.

Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность дворян в снискании ученых сведений в университетах, правительство желало принудить нас к тому и выдало несчастный Указ об экзаменах. Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в коллежские асессоры без свидетельства своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только

необходимого для их службы знания: науки инженерной от инженера, законоведения от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойства кислорода и всех газов, вице-губернатор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия столь несогласного с их целию! Забавно, что сочинитель сего Указа, предписывающего всем знать риторику, сам делает в нем ошибки грамматические. Не будем говорить о смешном; заметим только вредное. Доныне дворяне и недворяне в гражданской службе искали у нас чинов или денег. Первое побуждение невинно, второе опасно, ибо умеренность жалованья производит в корыстолюбивых охоту мздоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни других наук, для чего будут служить титулярные и коллежские советники? Лучшие, т. е. честолюбивые, возьмут отставку; худшие, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу с живого и мертвого. Уже видим и примеры. Вместо сего нового постановления надлежало бы только исполнить сказанное в Уставе университетском, что впредь молодые люди, вступая в службу, обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях. От начинающих можно всего требовать, но кто уже давно служит, с тем нельзя по справедливости делать новых условий для службы: он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин статского советника, ему обещанный законом; а вы нарушаете сей контракт государственный. И, вместо всеобщих знаний, должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя: юн-

керов Иностранной коллегии испытывайте в статистике, истории, географии, дипломатике, языках; других только в знании отечественного языка и права русского, а не римского, для нас бесполезного; третьих – в геометрии, буде они желают быть землемерами и т. д. Хотеть лишнего или не хотеть должного – равно предосудительно.

Указ об экзаменах был осыпан везде язвительными насмешками; тот, о коем теперь хочу говорить, многих оскорбил и никого не порадовал, хотя самое святейшее человеколюбие внушило его мысль государю. Слыхали мы о дворянах-извергах, которые торговали людьми бесчеловечно: купив деревню, выбирали крестьян, годных в солдаты, и продавали их врознь. Положим, что такие звери были в наши времена: надлежало бы грозным указом запретить сей промысл и сказать, что имение дворян, столь недостойных, будет отдаваемо в опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполнением. Вместо сего запрещают продажу и куплю рекрут. Дотоле лучшие земледельцы охотно трудились 10–20 лет, чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупку рекрута и тем сохранить целостность семьи своей; ныне отнято от них сильнейшее побуждение благодетельного трудолюбия, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасет любезного его сына? Правда, винные откупщики радуются, но отцы семейств плачут. Для государства необходимы рекруты, лучше брать их из людей злосчастных, нежели счастливых, ибо судьба последних несравненно горестнее в солдатстве. Спрашиваю: крестьяне тирана-помещика, который из жадности к золоту мог бы продать их в рекруты, наслаждаются ли благоденствием оттого, что сия продажа запрещена? Может быть, они сделались бы менее злополучными в полках; с другой стороны, небогатые владельцы лишились средства сбывать худых крестьян или дворовых людей с пользою для себя

и для общества: ленивый, невоздержанный исправился бы в строгой школе воинской, а работающий, трезвый остался бы за сохою. Пример также имел бы спасительное действие: иной унялся бы от пьянства, зная, что господин может продать его в рекруты. Чем теперь владелец мелкопоместный, коему нет очереди рекрутской, устроит крестьян распутных? Палкою? Изнурительным трудом? Не полезнее ли им страшиться палки в роте? Скажут, что ныне у нас лучше солдаты, но справедливо ли? Я спрашивал у генералов, – они сего не приметили. По крайней мере, верно то, что крестьяне стали хуже в селениях. Отец трех, иногда двух сыновей заблаговременно готовит одного из них в рекруты и не женит его: сын знает свою долю и пьянствует, ибо добрым поведением не спасет себя от солдатства. Законодатель должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной; иначе, пресекая зло, может сделать еще более зла.

Так, нынешнее правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу. Должно знать происхождение сего рабства. В девятом, десятом, первомнадцатом веках были у нас рабами одни холопы, т. е. или военнопленные и купленные чужеземцы, или преступники, законом лишенные гражданства, или потомки их; но богатые люди, имея множество холопей, населяли ими свои земли. Вот первые, в нынешнем смысле, крепостные деревни. Сверх того, владелец принимал к себе вольных хлебопашцев в кабалу на условиях, более или менее стеснивших их естественную и гражданскую свободу; некоторые, получая от него землю, обязывались и за себя, и за детей своих служить ему вечно: вторая причина сельского рабства. Другие же крестьяне, и большая часть, нанимали землю у владельцев только за деньги или же за определенное количество хлеба, имея право, по истечении урочного времени, идти в другое

место. Сии свободные переходы имели свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали к себе вольных крестьян от владельцев малосильных, которые, оставаясь с пустою землею, лишались способа платить государственные повинности. Царь Борис отнял первый у всех крестьян волю переходить с места на место, т. е. укрепил их за господами: вот начало общего рабства. Сей устав изменялся, ограничивался, имел исключения и долгое время служил поводом к тяжбам, наконец, утвердился во всей силе, и древнее различие между крестьянами и холопями совершенно исчезло. Следует: 1) что нынешние господские крестьяне не были никогда владельцами, т. е. не имели собственной земли, которая есть законная, неотъемлемая собственность дворян; 2) что крестьяне холопского происхождения – также законная собственность дворянская и не могут быть освобождены лично без особенного некоторого удовлетворения помещика; 3) что одни вольные, Годуновым укрепленные за господами земледельцы могут по справедливости требовать прежней свободы; но как 4) мы не знаем ныне, которые из них происходят от холопей и которые от вольных людей, то законодателю предстоит немалая трудность в распутывании сего узла Гордиева, если он не имеет смелости рассечь его, объявив, что все люди равно свободны: потомки военнопленных, купленных, законных невольников и потомки крепостных земледельцев, что первые освобождаются правом естественным, также как вторые – правом монарха самодержавного – отменять уставы своих предместников. Не вступая в дальнейший спор, скажем только, что в государственном общежитии право естественное уступает гражданскому и что благоразумный самодержавец отменяет единственно те уставы, которые делаются вредными или недостаточными и могут быть заменены лучшими.

Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить, где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти правительства. Хорошо; но сии земледельцы не будут иметь земли, которая (в чем не может быть спора) есть собственность дворянская. Они или останутся у помещиков, с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб куда надобно, – одним словом, для них работать, как и прежде, или, недовольные условиями, пойдут к другому, умереннейшему в требованиях владельцу. В первом случае, надеясь на естественную любовь человека к родине, господа не предпишут ли им самых тягостных условий? Дотоле щадили они в крестьянах свою собственность; тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических. Напишут контракт, и земледельцы не исполнят его: тяжбы, вечные тяжбы! Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей, не потерпит ли и земледелие? Не останутся ли многие поля необработанными, многие житницы пустыми? Не вольные земледельцы, а дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом. Иное зло: уже не завися от суда помещиков, решительного, безденежного, крестьяне начнут ссориться между собою и судиться в городе, – какое разорение! Освобожденные от надзора господ, имевших собственную земскую исправу или полицию, гораздо деятельнейшую всех земских судов, станут пьянствовать, злодействовать: какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и государственной безопасности! Одним словом, теперь дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства: отняв у них сию власть блюстительную, он, как Атлас, возьмет себе Россию на рамена... Удержит ли? Падение

страшно. Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внешнюю целостность государства, благотворить состояниям и лицам есть уже вторая. Он желает сделать земледельцев счастливее свободой; но ежели сия свобода вредна для государства? И будут ли земледельцы счастливее, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бессовестным? Нет сомнения, что крестьяне благоразумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного попечителя и заступника. Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких? Они известны начальникам губерний. Ежели последние верно исполняют свою должность, то первых скоро не увидим; а ежели не будет в России умных и честных губернаторов, то не будет благоденствия и для поселян вольных. Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных, ныне имеют навык рабов; мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, к которой надобно готовить человека исправлением нравственным; а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением? В заключение скажем доброму монарху: «Государь! История не упрекнет тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), – но ты будешь отвечать Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных уставов».

Не осуждаю Александрова закона, дающего право селениям откупаться от господ с их согласия, но мно-

гие ли столь богаты, многие ли захотят отдать последнее за вольность? Крестьяне человеколюбивых владельцев довольны своею участью; крестьяне худых – бедны: то и другое мешает успеху сего закона.

К важнейшим действиям нынешнего царствования относятся меры, взятые для уравниения доходов с расходами, для приведения в лучшее состояние торговли и вообще государственного хозяйства. Две несчастные войны французские, турецкая и в особенности шведская, заставили казну умножить количество ассигнаций. Случилось необходимое: цены на вещи возвысились и курс упал; а разрыв с Англиею довершил сие бедствие. Грузные товары наши могут быть единственно отпускаемы морем, число иностранных кораблей в российских гаванях уменьшилось, а произведения фабрик европейских, легкие, драгоценные, входили к нам и морем, и сухим путем. Исчезло всякое равновесие между ввозом и вывозом. Таково было состояние вещей, когда показался Манифест о налогах. Вместо того, чтобы сказать просто: «необходимое умножение казенных расходов требует умножения доходов, а новых ассигнаций не хотим выпускать», правительство торжественно объявило нам, что ассигнации не деньги, но составляют необъятную сумму долгов государственных, требующих платежа металлом, коего нет в казне!.. Следствием было новое возвышение цен на все вещи и падение курса: первое от новых налогов, второе от уменьшения доверенности иноземцев к нашим ассигнациям, торжественно оглашенным сомнительными векселями. Скажем о том и другом несколько слов.

Умножать государственные доходы новыми налогами есть способ весьма ненадежный и только временный. Земледелец, заводчик, фабрикант, обложенные новыми податями, всегда возвышают цены на свои произведения, необходимые для казны, а чрез несколько месяцев

открываются в ней новые недостатки. Например, за что Комиссариат платил в начале года 10 тыс. рублей, за то, вследствие прибавленных налогов, подрядчики требуют 15 тыс. руб. Опять надобно умножать налоги, и так до бесконечности. Государственное хозяйство не есть частное: я могу сделаться богаче от прибавки оброка на крестьян моих, а правительство не может, ибо налоги его суть общие и всегда производят дороговизну. Казна богатеет только двумя способами: размножением вещей или уменьшением расходов, *промышленностию* или *бережливостию*. Если год от года будет у нас более хлеба, сукон, кож, холста, то содержание армии должно стоить менее, а тщательная экономия богаче золотых рудников. Миллион, сохраненный в казне за расходами, обращается в два; миллион, налогом приобретенный, уменьшается ныне вполовину, завтра будет нулем. Искренне хваля правительство за желание способствовать в России успехам земледелия и скотоводства, похвалим ли за бережливость? Где она? В уменьшении дворцовых расходов? Но бережливость государя не есть государственная: Александра называют даже скупым; но сколько изобретено новых мест, сколько чиновников ненужных! Здесь три генерала стерегут туфли Петра Великого; там один человек берет из пяти мест жалованье, всякому столовые деньги, множество пенсий излишних; дают займы без отдачи и кому? богатейшим людям! Обманывают государя проектами, заведениями на бумаге, чтобы грабить казну; непрестанно на государственное иждивение ездят инспекторы, сенаторы, чиновники, не делая ни малейшей пользы своими объездами; все требуют от императора домов и покупают оные двойною ценою из сумм государственных, будто бы для общей, а в самом деле для частной выгоды, и проч., и проч. Одним словом, от начала России не бывало государя столь

умеренного в своих особенных расходах, как Александр, и царствования, столь расточительного, как его. В числе таких несообразностей заметим, что мы, предписывая дворянству бережливость в указах, видим гусарских армейских офицеров в мундирах, облитых серебром и золотом! Сколько жалованья сим людям? и чего стоит мундир? Полки красятся не одеждою, а делами. Мало остановить некоторые казенные строения и работы, мало сберечь тем 20 млн., – не надобно тешить бесстыдного корыстолюбия многих знатных людей; надобно бояться всяких новых штатов, уменьшить число тунеядцев на жаловании, отказывать невеждам, требующим денег для мнимого успеха наук, и, где можно, ограничить роскошь самых частных людей, которая в нынешнем состоянии Европы и России вреднее прежнего для государства.

Обратимся к ассигнациям. Многие простодушные, впрочем, неглупые люди доньше думают, что советники правительства в сем случае имели свои тайные виды и хотели умышленно повредить государственному кредиту. Я изъясню себе загадку, как и в других случаях, одною известною хвастливостью неосновательных умов и не менее известною их охотою умничать. Доселе назывались в России государственными долгами только те суммы, которые наше правительство занимало в Голландии или в других землях; никто не причислял ассигнаций к оным, и всякий считал их деньгами, ибо они служили как деньги в купле. Жители Мальдивских островов не знают иной монеты, кроме ничтожных раковин, имея торговлю внутреннюю и внешнюю. Кто дает цену деньгам? Правительство, объявляя, что оно будет принимать их в дань народную вместо таких и таких вещей. Если бы государь дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо рублей, нашедши способ предохранить нас от фальшивых монет деревянных, то мы взяли бы и щепки.

Монеты введены не для делания из них сосудов, пуговиц и табакерок, но для оценки вещей и сравнения их между собою. Пусть металлическая монета, как доказывают Бюш и другие, есть наилучшая, уже быв известною и во времена Иова; но сильное государство, богатое вещами, должно ли признать себя нищим, должно ли не иметь ни армии, ни флотов для того, что у него по обстоятельствам нет в избытке ни серебра, ни золота? Самое золото имеет гораздо более воображительного, нежели внутреннего достоинства. Кто бы за его блесточку отдал зимою теплую шубу, если бы оно ценилось только по своей собственной пользе? Но отдаю шубу и беру блесточку, когда могу обойтись без первой, а на вторую купить себе кафтан; если мне дают кафтан и за бумажку, то бумажка и блесточка для меня равно драгоценны. Ассигнации уменьшаются в цене от своего размножения; золото и серебро также. Открытие Америки произвело в оценке европейских товаров действие, подобное тому, что видим ныне в России от ассигнаций. Сей закон соразмерности непреложен. От IX до XIV века предки наши не имели собственной металлической монеты, а единственно кожаные, правительством заклеюванные лоскутки, называемые кунами, т. е. ассигнациями, и торговали с востоком и западом, с Грециею, с Персиею, с немецкою Ганзою; от IX в. до 1328 года лоскутки сии не унижались в цене относительно к серебру, ибо правительство не расточало их, но унизились до крайности, быв после того размножены неумеренно. Достойно примечания, что сии кожаные ассигнации были у нас заменены серебряною и медною монетою в самые мятежные и варварские времена ига ханского, когда баскаки уважались более князей. Татары не хотели брать кун, а требовали серебра: россиянин мог откупиться от мук, от смерти, от неволи куском сего металла; отдавал за него все, что имел, и с презрени-

ем отвергал куны, так что они сами собою должны были исчезнуть. Прежде серебро шло в Киев из Греции, после в Новгород из Сибири чрез Югорию, туда же из Немецкой земли, чрез города ганзеатические, наконец, в Москву из самой Орды, с коею мы завели торговлю. Но количество добываемых купечеством металлов было столь невелико, что россияне, отменив куны внутри государства, должны были большею частию меняться вещами: дело весьма неблагоприятное для успехов торговли и следствие варварства! Царь Иоанн Васильевич истощил казну многими дотоле необыкновенными расходами и, видя недостаток серебра, снова думал ввести кожаные деньги. Хотя торговля с Англиею и приобретение богатой Сибири с ее рудниками наделили нас изрядным количеством металлов, однако ж Петр Великий нуждался в оных, и серебро в России было тогда дороже, нежели в других землях европейских; почему купцы иноземные охотно привозили к нам червонцы и талеры. Несмотря на то, редкость денег препятствовала успехам торговли внутри государства: из самых отдаленных губерний возили в столицу сухим путем хлеб и другие дешевые вещи, ибо не могли продавать их на месте. В Петербурге, в Архангельске, в Москве сыпалось золото и серебро; в Симбирске, в Пензе, в Воронеже едва показывалось. В бумагах времен императрицы Анны и Правительницы⁴ видим жалобы умнейшего из российских министров на великий недостаток в легкой монете: Остерман предполагал несколько раз закупить большое количество серебра в Голландии, не имел мысли об ассигнациях и едва ли знав, что Россия в новом государственном порядке Европы первая и столь долго употребляла оные. Наконец, Екатерина II изданием ассигнаций сперва изумила, но скоро облегчила народ во всех платежах и торговых сделках. Увидели удобность и пользу. Дотоле за-

емные и купеческие обороты производились у нас векселями, с сего времени ассигнации заступили место векселей и распространили внутреннюю торговлю. Правительство обязывалось выдавать металлические деньги за оные; но знало, что и публика, однажды навсегда удостоверенная в действительности бумажек, станет требовать от банка единственно малых сумм, нужных для мелочных расходов. Так и было в царствование Екатерины. К пользе государственной и народной казна приобрела знатный капитал и могла в чрезвычайных случаях обходиться без умножения податей; народ перестал нуждаться в деньгах, и серебро, уже менее необходимое, долго держалось в одной цене с ассигнациями, после возвысилось безделицею, потом более и, наконец, в полтора раза, вместе с постепенным возвышением всех иных цен, — необходимое следствие прибавки 200 млн к денежной сумме, бывшей у нас дотоле в обращении. Где мало денег, там вещи дешевы; где много первых, там последние дороги. Серебряная монета, замененная ассигнациями, сделалась в отношении к ним дороже, не как монета, предпочитаемая бумажкам, но как товар. Стали замечать общую дороговизну, которая, однако ж, не выходила из меры и не была решительным злом. Справедливо жаловались на правительство, когда оно в последние годы Екатеринина царствования не могло удовлетворять народному требованию в выдаче мелкой разменной монеты. Время Павлово не произвело никакой важной перемены в государственном хозяйстве, ибо казна не умножала ассигнаций, но в нынешнее царствование излились оные рекою, и вещи удвоились, утроились в цене. Не осуждаем правительства за выпуск, может быть, 500 млн бумажных рублей. Находились ли иные, лучшие способы для удовлетворения государственным потребностям, не знаю, даже сомневаюсь; но когда сделалось

неминуемое зло, то надобно размыслить и взять меры в тишине, не ахать, не бить в набат, от чего зло увеличивается. Пусть министры будут искренни пред лицом одного монарха, а не пред народом; сохрани Боже, если они будут следовать иному правилу – обманывать государя и сказывать всякую истину народу! Объявите, что отныне фабрика ассигнационная останется без дела, – хорошо; но к чему толковать слова: «Объявителю платит Государственный банк» и проч. Я позволил бы сказать вам, что ассигнации не деньги, если бы вы могли отворить банки и ящики, наполненные серебром, для вымена бумажек; позволил бы сказать, что ассигнации не деньги, если бы у нас были другие. Какие же? Серебряные и медные? Сколько их теперь в России, и думаете ли, что бедная сумма оных могла бы удовлетворить государство в торговых его оборотах? В древней России ходили куны вместе с серебром и золотом, в новой – ходят ассигнации вместе с металлами, тогда и ныне редкими, кожаный лоскут не лучше бумажного, но древние князья киевские, смоленские, новгородские не изъясняли народу, что куны векселя, и Россия 500 лет довольствовалась оными, благословляя сие счастливое изобретение. Привычка сильнее мудрования; несмотря на вексельную форму ассигнаций, мы не считали государя должником своим, не ждали от него платы за бумажки, не осведомлялись о состоянии казны, будучи довольны тем, что мы имели за них все вещи по желанию. Пусть ассигнации вексель, но государственный, совсем отличный от купеческого или гражданского. Правительство выпускает их в обращение под видом векселей; но, вошедши в общее употребление, они уже делаются монетой там, где нет иной в достаточном количестве. Необходимость есть закон для правительства и народа. Если бы купец сказал о своих заемных письмах то, что в манифесте сказано об ассигнациях;

если бы он объявил торжественно, что надавал их непомерное множество и крайне заботится о следствиях: едва ли бы кто на другой день согласился продать ему свое имение на вексель; а за наши ассигнации и теперь продают все. Они унизились ценою в отношении к вещам не для того, чтобы лишились доверия или кредита, но следуя общему закону соразмерности между вещами и деньгами; одним словом, вопреки манифесту, ассигнации и теперь остаются у нас деньгами, ибо иных не имеем; но купцы иноземные, купцы гораздо ученейшие россияны языке и в признаках государственного банкротства, усумнились иметь дела с нами, курс упал более и более, уменьшая цену российских произведений для иноземцев и возвышая оную для нас самих.

Что сказать о так называемом «Разуме манифеста», всюду разосланном вместе с оным? Надобно, чтобы «Разум манифеста» находился в самом манифесте, а не в особенном творении какого-нибудь школьника-секретаря, который с смешною важностию толкует нам слова повторением их или перестановкою, гордо объявляя, что одни слабоумные считают нужным перелить монету сообразно с ее нынешнею ценою и что пуд меди, стоящий во всех других вещах 40 р., в деньгах должен ходить за 16 р.; ибо если мы из медного рубля сделаем два, то все цены удвоятся. Нет, г. изъяснитель, медная монета есть у нас только разменная, в коей мы теперь имеем крайнюю нужду и которая уменьшается от тайного переплавливания в вещи или от вывоза в чужие земли. Не надобно из рубля меди без необходимости делать десяти, чтобы не было фальшивой монеты, но не должно делать и 16 из 40, чтобы монету не переплавливали в кубы и проч. Ни в каком государстве металлы не ходят ниже своей цены. Вопреки сему разуму правительство уставило переменить медную монету и сделать из 16–24 р.; для чего же

не 40, не 50 р.? Не так легко делание фальшивой монеты, если бы медь чрез несколько времени и весьма унизилась в цене, чему доказательством служит собственный наш пример, когда медные деньги со времен Петра Великого ходили в России несравненно выше своего внутреннего достоинства. Все жалуются на правительство, что оно, имея действительный способ доставить нам все нужное для размена количество медной монеты, позволяет ментовщикам грабить людей. Торгуют даже и мелкими ассигнациями: неужели советникам банка трудно их подписывать, или жаль бумаги?

Я развертывал книги о государственном хозяйстве, слышал, как люди ученые судят о нынешнем хозяйственном состоянии России, и замечал более слов, нежели мыслей, более мудрований, нежели ясных понятий. Зло не так велико, как думают. Все дорого, правда, но с умножением расходов не прибавились ли и доходы? Владелец, имеющий деревни на пашне или фабрики, не терпит нужды от дороговизны; купцы – также; господин оброчных крестьян терпит, более или менее; денежные капиталисты и люди, живущие жалованием, более всех теряют. Сравнивая выгоды и невыгоды, вижу, что нынешняя дороговизна есть вообще зло, а как она произошла от умножения ассигнаций, то надобно ли уменьшить их количество?

«Надобно», – думает правительство и взяло меры: учредило Заемный банк и продает казенные имения... Желательно, чтоб сие намерение не совсем исполнилось; иначе явится другое зло, которое в течение минувшего лета едва ли кто-нибудь мог предвидеть.

Цены на вещи возвышались не только по соразмерности прибавляемых ассигнаций, но и по вероятностям их будущего выпуска, также вследствие новых податей и низкого курса. Дороговизна ежедневно возрастала. В пятницу хотели взять за товар более, нежели в четверг; в суб-

боту более, нежели в пятницу, следуя иногда привычке и вкусу слепого корыстолюбия. Уже не действует сила, приведшая в действие шар, но шар еще катится. Верят и не верят, чтоб казна перестала издавать новые ассигнации. Наконец открывается нечаянность: большая нужда в деньгах, т. е. в ассигнациях! Купцы в Москве с изумлением спрашивают друг у друга, куда они девались, и предлагают заимодавцам три процента на месяц. Ассигнаций не ubyло, но по дороговизне делается мало, т. е. излишне высокие цены в последнее время вышли из соразмерности с суммою оных. Например: купец имел прежде 10 тыс. р. в капитале, ныне имеет 15 тыс.; но как цена покупаемого им товара удвоилась, то он, чтобы не уменьшить своей торговли, должен призанять 5 тыс. рублей.

Если казна посредством банка и продажи имений вынет теперь из обращения миллионов двести, увидим страшный недостаток в деньгах; винные откупщики разорятся, крестьяне не заплатят оброка господину, купцы не купят или не продадут товара, найдется недоимка в казенных сборах. Не думайте, чтобы вдруг оказалась дешевизна: нет, первые продавцы не скоро уступят вам вещь за половину ее бывшей цены, но делается остановка в торговле и в платежах. Неудовольствиям, жалобам не будет конца, и многие скажутся банкротами прежде, нежели установится новый порядок в оценке вещей, соразмерной с количеством денег в государстве. Великие переломы опасны. Вдруг уменьшить количество бумажек также вредно, как и вдруг умножить оное. Что же сделать? не выпускать их более: сего довольно; цены спадут, без сомнения, ибо возвысились несоразмерно с прибавлением ассигнаций, как мы сказали, но спадут постепенно, без кризиса, если Россия не будет иметь каких-нибудь несчастий.

Вторая мысль Заемного банка, или так называемого *погашения* долгов, есть унижить серебро обещанием

уплатить через несколько лет рубль сим металлом за два бумажные. Если бы внести в сей банк миллионов двести, то правительство нашлось бы в крайнем затруднении по истечении срока: нелегко приготовить сто миллионов серебром для расплаты! К счастью, взнос невелик, ибо у нас нет праздных капиталов, но достохвально ли учреждение, коему, для государственного блага, нельзя желать успеха? Автор, кажется, полагал, что в течение шести лет рубль серебряный унизится, например, до 1 р. 50 к. ассигнациями и что заимодавцы с радостью возьмут всю сумму бумажками. Хорошо, а если того не будет? Заметим, что цена серебра возвысилась у нас гораздо более иных цен. Куль муки за 4 года пред сим стоил в Москве серебром $4\frac{1}{2}$ р., а теперь стоит менее $2\frac{1}{2}$. Возьмите в пример и другие российские произведения: за все платите серебром почти вдвое менее прежнего; виною то, что умножился расход оного для содержания российских армий и для тайной покупки иноземных товаров. Хотите ли уронить цену серебра? Не выменивайте его для армий, уймите запрещенную торговлю, которая вся производится на звонкую монету, дайте нам более разменных денег, или вы хотите невозможного. Теперь дороговизна благородных металлов убыточна не для народа, а для казны и богатых людей, имеющих нужду в иноземных товарах, коих цена возвышается по цене серебра. У нас ходит оно только в столицах, в городах пограничных и приморских: внутри России не видят и не спрашивают его, в противность сказанному в манифесте, что единственная российская банковая монета есть рубль серебряный; нет, серебро у нас товар, а не деньги. Для внешней законной торговли также не требуется металлов. Англичанину нет нужды, какие ходят у нас деньги, медные ли, золотые или бумажные; если он за лоскуток бумаги получает у нас вещь, за которую сходно ему дать свою вещь, ценою в гинею, то

английская гиней будет равняться в курсе с российской бумажкой; ибо торговля государств основана в самом деле на мене вещей. Не существенная, но торговая цена монет определяет курс. Например, наш рубль уменьшился бы в количестве своего металла, но если за него дают в России столько же вещей, как и прежде, то сия убавка в существенной цене рубля не имеет влияния на курс, буде нет иной причины к упадку оногo. Но если деньги нам нужнее в чужих краях, нежели иностранцам российские, если более спускаем, нежели выпускаем товаров, то курс наш упадет. Сии причины изъясняют, каким образом рубль мог обратиться в 18 су, или в 8 штиверов! Кроме уменьшения цены бумажек внутри государства и несоразмерности ввоза с вывозом товаров, страх, чтобы первые еще более не унизились, заставил многих купцов иностранных, имевших у нас денежные капиталы, переводить оные в Англию или в другие места.

Правительство наше крайне заботится о лучшем курсе, но хочет невозможного. Пока не восстановится свободная морская торговля, дотоле не будет равновесия в привозе и выпуске товаров, не будет иностранцам нужды в русских деньгах для закупки большого количества наших произведений. Новым манифестом о тарифе мы позволяем все вывозить, а многое для ввоза запрещаем; но много ли кораблей найдем для первого? Здесь видим новую неудобность. Позволяют, например, выпуск шерсти, т. е. сводят иностранных купцов с здешними: бой весьма неравный! Иностранцу выгодно дать за пуд ее два червонца, как и прежде; тогда червонец стоил $3\frac{1}{2}$, а теперь он стоит 12 р., следовательно, и мы, имея в шерсти необходимую надобность для делания сукон, будем давать за пуд 25 р. – гораздо более, нежели втрое в сравнении с прежнею ценою и почти вдвое в сравнении с нынешнею! Теперь спрашиваем: намерено ли правительство возвы-

ситель цену солдатских сукон в России, что должно быть неминуемым следствием вывоза шерсти? Если бы курс упал только соразмерно с уменьшением цены бумажек в России, то мы могли бы без убытка купечествовать с Европою и торговаться в цене наших собственных произведений; но теперь французы, голландцы, немцы имеют слишком много выгод пред нами и могут в совместном торге разорить покупателей русских. Сошлемся на хитрых англичан: для общей пользы желая у себя дешевизны некоторых вещей, они запрещают их вывоз. Отпуск шерсти может ли приметно улучшить курс? но весьма приметно возвысит цену ее в России. Давно ли правительство употребляло самые несправедливые средства, чтобы иметь дешево сукна для войска? На вольные фабрики налагали оброк, давали хозяину самую малую цену, подчиняли его закону насилия; теперь вдруг казна подчиняет себя необходимости платить вдвое за сукна.

Мысль ограничить ввоз товаров, по малому выходу наших, – весьма благоразумная. Я не стал бы жаловаться на правительство, если бы оно вместе с сукнами, шелковыми и бумажными тканями запретило и алмазы, табак, голландские сельди, соленые лимоны и проч. Жалею только, что в манифесте не назначен срок для продажи запрещенных товаров; под видом старых увидим в лавках и вновь привозимые, разумеется, тайно: не будет клейма – и фальшивые? А кто из покупателей смотрит на клеймо? Вообще надобно взять строжайшие меры против тайной торговли: она уносит миллионы. Все говорят об ней, но у знатных таможенных чиновников уши завешены золотом. Другое зло то, что лавочники, не ограниченные сроком для продажи, день ото дня возвышают цены запрещенных сукон и тканей, а мы все покупаем, пока есть товар. Не надо давать пищи столь алчному и бессовестному корыстолюбию.

Впрочем, строгость начальства и верность таможни сделали бы нечто в пользу нашего курса, но не многое: он бывает хорош единственно для такой земли, которая более продает, нежели покупает, сверх того, имеет безопасное существование государственное, не боится ничего извне и внутри, управляется духом твердого порядка, не знает опасных перемен, не ждет ежеминутно указов о новых мерах государственного хозяйства, не ждет новых толкований на ассигнации, новых доказательств, что они не суть деньги. Надобно не только отворить наши гавани для всех кораблей на свете; надобно еще, чтобы иностранцы захотели переводить к нам капиталы, менять свои гинеи и червонцы на русские ассигнации и не считали бы оных подозрительными вексельями.

Оставляя предмет государственных доходов, ассигнации и торговли, упомяну о манифесте, который, думаю, вышел в 1806 году и в коем определяются права купеческих степеней; он назван *коренным уставом*, долженствовал быть написан золотыми буквами на хартии и положен в хранилище законов на память векам. Не говорю о слоге, не говорю о порядке мыслей; но страннее всего, что законодатель, описав права и выгоды каждой степени, отлагает до другого времени предложить обязанности или условия, на коих сии права даны будут купечеству, а только издали страшает их возвышением купеческих податей. На что же обнародовали сей манифест, когда еще не время было сказать, чего потребуются от желающих иметь описанные в оном выгоды? Трудно угадать, а меланхолики говорили: «нетрудно, – хотят беспокоить все состояния. Еще не выдумали налога, а спешат предвестить его и в утешение обещают право носить саблю». Но теперь у нас есть Совет, где рассматриваются проекты общих государственных постановлений. Ожидаем впредь более зрелости в мыслях законодательных.

Скоро увидим, как основательна сия надежда: книги общего гражданского законодательства готовятся для России.

Уже царь Феодор Алексеевич видел недостаток Уложения: вышли новые статьи в прибавление. Петр Великий, все обнимая, хотел полной книги законов и собственною рукою написал о том указ Сенату, желая, чтобы правила оных были утверждены по основательном рассмотрении всех наших и чужестранных гражданских уставов. Екатерина I несколько раз побуждала Сенат заниматься сим важным делом. Петр II указал из каждой губернии прислать для оного в Москву по несколько выборных дворян, знающих, благомысленных. Императрица Анна присоединила к ним и выборных из купечества, но граф Остерман в наставлении Правительнице говорит: «Уже более 20-ти лет трудятся при Сенате над сочинением книги законов, а едва ли будет успех, если не составят особенной для того Комиссии из двух особ духовных, пяти или шести дворян, граждан и некоторых искусных законоведцев». Прошло и царствование Елисаветы, миновал и блестящий век Екатерины II, а мы еще не имели Уложения, несмотря на добрую волю правительства, на учреждение в 1754 г. особенной законодательной комиссии, на план уложения, представленный ею Сенату, несмотря на шумное собрание депутатов в Москве, на красноречивый *Наказ* Екатерины II, испещренный выписками из Монтескье и Беккария. Чего не доставало? Способных людей. Были ли они в России? По крайней мере, их не находили; может быть, худо искали.

Александр, ревностный исполнить то, чего все монархи российские желали, образовал новую комиссию, набрали многих секретарей, редакторов, помощников, не сыскали только одного и самого необходимейшего: человека, способного быть ее душою, изобрести лучший

план, лучшие средства и привести оные в исполнение наилучшим образом. Более года мы ничего не слышали о трудах сей комиссии. Наконец, государь спросил у председателя и получил в ответ, что медленность необходима, что Россия имела дотоле одни указы, а не законы, что велено переводить кодекс Фридриха Великого. Сей ответ не давал большой надежды. Успех вещи зависит от ясно-го, истинного об ней понятия. Как! у нас нет законов, но только указы? Разве указы (edicta) не законы? И Россия не Пруссия: к сему послужит нам перевод Фридрихова кодекса. Не худо знать его, но менее ли нужно знать и Юстинианов или датский единственно для общих соображений, а не для путеводительства в нашем особенном законодательстве. Мы ждали опять года два. Начальник переменялся, выходит целый том работы предварительной: смотрим и протираем себе глаза, ослепленные школьною пылью. Множество ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах, ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России. Добрые соотечественники наши не могли ничего понять, кроме того, что голова авторов в луне, а не в земле Русской, и желали, чтобы сии умозрители или спустились к нам или не писали для нас законов. Опять новая декорация: видим новое законодательство в другой руке. Обещают скорый конец плаванью и верную пристань. Уже в манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно будут готовы и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем проекта Уложения. Чтó же находим? Перевод Наполеонова кодекса.

Какое изумление для россиян! Какая пища для злословия! Благодаря Всевышнего, мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя, у нас еще не Вестфалия, не Италианское королевство, не Варшавское герцогство, где кодекс Наполеонов, со слезами переве-

денный, служит уставом гражданским. Для того ли существует Россия как сильное государство около тысячи лет, для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно перед лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю или 7-ю экс-адвокатами и экс-якобинцами? Петр Великий любил иностранное, однако ж не велел, без всяких дальних околичностей, взять, например, шведские законы и назвать оные русскими, ибо ведал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств. Мы имели бы уже 9 уложений, если бы надлежало только переводить. Правда, благоразумные авторы сего проекта иногда чувствуют невозможность писать для россиян то, что написано во французском подлиннике, и, дошедши в переводе до главы о супружестве и о разводе, обращаются от Наполеона к Кормчей книге, но везде видно, что они шьют нам кафтан по чужой мерке. Кстати ли начинать, напр., русское уложение главою о правах гражданских, коих в истинном смысле не бывало и нет в России? У нас только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч., все они имеют свои особенные права; общего нет, кроме названия русских. В Наполеоновом кодексе читаю: *participation aux droits civils ci-après exprimes**, и далее говорит законодатель о праве собственности, наследства, завещания: вот гражданские права во Франции; но в России господский и самый казенный земледелец имеет ли оные, хотя и называется русским? Здесь мы только переводим, и в иных местах неясно, напр., в подлинном сказано о человеке, лишенном прав гражданских: *il ne peut procéder*

---

* Обладает всеми гражданскими правами, перечисленными ниже (фр.).

en justice, ni en défendant, ni en demandant*, а в переводе, что он не может быть в суде ни истцом, ни ответчиком! Следственно, прибьет вас, ограбит и за то не ответствует. Переводчики многое сокращают: они могли бы выпустить и следующие постановления, ими сохраненные в описании движимого и недвижимого имущества: Le glaces d'un appartement sont censées mises à perpétuelle demeure, lorsque le parquet, sur lequel elles sont attachées, fait corps avec la boiserie. Quant aux statues, elles sont inameubles, lorsqu'elles sont placées dans une niche pratiquée exprès, pour le réservoir, encore qu'elles puissent être enlevées sans fracture, ni détérioration...** Могли бы также не говорить об Alluvion***: от начала России еще не бывало у нас тяжбы о сих предметах, и никто из русских, читая сей проект, не догадался бы, что он читает наше гражданское уложение, если бы не стояло того в заглавии, все не русское, все не по-русски; как вещи, так и предложение оных. Кто поймет, для чего в нашем учреждении опек быть семейственному совету? Но в сем отделении французского кодекса говорится о conseil de famille!**** Кто поймет сию краткость в деле важном, где не надобно жалеть слов для ясности, и сию плодovitость в описании случаев, совсем для нас неизвестных? Я слышал мнение людей неглупых: они думают, что в сих двух изданных книжках предлагается только содержание будущего кодекса, с означением некоторых мыслей, я не хотел выводить

---

* Он не может быть ни защищаем правосудием, ни выступать в суде истцом (фр.).

** Зеркала в квартире считаются частью помещения, когда оправа, к которой они прикреплены, составляет единое целое с панелями стен. Что касается статуй, то они не являются мебелью, если помещены в специально сделанную для них нишу или же не могут быть изъяты без повреждения помещения (фр.).

*** Наплыв, нанос (почвы) (фр.).

**** Семейный совет (фр.).

их из заблуждения и доказывать, что это самый кодекс; они не скоро бы мне поверили: так сия наполеоновская форма законов чужда для понятия русских. Есть даже вещи смешные в проекте, напр.: «младенец, рожденный мертвым, не наследует». Если законодатель будет говорить подобные истины, то наполнит оными сто, тысячу книг. Я искал сей аксиомы в Code Napoléon и вместо нее нашел: «celui là n'est pas encore constitué enfant, qui n'est pas né viable»*. Здесь переводчики делаются авторами. Не привязываюсь к новым словам, однако ж скажу, что в книге законов странно писать о ложе реки (le lit de là rivière**) вместо желобовины, русла. Самая выписка из наших церковных уставов о позволенных браках и разводах сделана наскоро, например: забыта главная вина развода: неспособность к телесному совокуплению. Вижу крайний страх авторов предлагать отмены в делах духовных, но в уложении надлежало бы, по крайней мере, сказать, что епископы в своих епархиях могут, по усмотрению, дозволять браки, сомнительные свойством жениха и невесты; иначе в небольших деревнях скоро нельзя будет никому жениться от размножения свойств! Хвалю закон о разделе имения между братьями и сестрами, детьми и родителями, уже давно предлагаемый общим мнением. Не знаю, можно ли сверх того похвалить что-нибудь в сем проекте. Вставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применены к нашему гражданственному состоянию? Мы все, любящие Россию, государя, ее славу, благоденствие, все так ненавидим сей народ, обагранный кровию Европы, осыпанный прахом столь многих держав разрушенных, – и в то время, когда имя

---

* Не может считаться юридически ребенком тот, который рожден нежизнеспособным (фр.).

** Букв. перевод: постель реки (фр.).

Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его кодекс на святой алтарь отечества!

Для старого народа не надобно новых законов. Согласно с здравым смыслом, требуем от комиссии систематического предложения наших. Русская Правда и Судебник, отжив век свой, существуют единственно как предмет любопытства. Хотя Уложение царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем обветшало, уже для нас бессмысленного, непригодного? Остаются указы и постановления, изданные от времен царя Алексея до наших: вот содержание кодекса. Должно распорядить материалы, отнести уголовное к уголовному, гражданское к гражданскому, и сии две главные части разделить на статьи. Когда же всякий указ будет подведен под свою статью, тогда начнется второе действие: соединение однородных частей в целое, или соглашение указов, для коего востребуется иное объяснить, иное отменить или прибавить, буде опыты судилищ доказывают или противоречие или недостаток в существующих законах. Третье действие есть общая критика законов: суть ли они лучшие для нас по нынешнему гражданскому состоянию России? Здесь увидим необходимость исправить некоторые, в особенности уголовные, жестокие, варварские; их уже давно не исполняют: для чего же оные существуют к стыду нашего законодательства?

Таким образом, собранные, приведенные в порядок, дополненные, исправленные законы предложите в форме книги, систематически с объяснением причин; не только описывайте случаи, но и все другие возможные решите *общими правилами*, без коих нет полных законов и которые дают им высочайшую степень совершенства. Сих-то правил недостает в Уложении царя Алексея, и во многих указах говорят: «если будет такой случай, решите так», а если встретится другой, не описанный законодателем?

Надобно идти в доклад? Не умствуйте высокопарно, не рассуждайте, чтоб просветить судью; лучше, удобнее впечатлеть ему в память простые начала, нежели многообразные следствия оных. Русское право также имеет свои начала, как и римское; определите их, и вы дадите нам систему законов. Сие последнее действие законодательства назову систематическим предложением. О порядке материй спорить много не буду; начнете ли с гражданских или уголовных законов, с людей или вещей, с рассуждений или предписаний; но думаю, что лучше начать с важнейшего и последовать не кодексу Наполеону, не Фридрихову, а Юстинианову и царя Алексея Михайловича. Оградите святыню закона неприкосновенность Церкви, государя, чиновников и личную безопасность всех россиян; утвердите связи гражданские между нами, потом займитесь целостию собственности, наследствами, куплею, завещаниями, залогами и проч., наконец, дайте устав о производстве дел.

Сей труд велик, но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным творцом Уложения российского; другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками. Здесь единство мысли необходимо для совершенства частей и целого, единство воли необходимо для успеха. Или мы найдем такого человека, или долго будем ждать кодекса.

Есть и другой способ. Мы говорили доселе о систематическом законодательстве; когда у нас нет людей, способных для оногo, то умерьте свои требования, и вы сделаете еще немалую пользу России. Вместо прагматического кодекса издайте полную, сводную книгу российских законов или указов по всем частям судным, согласив противоречия и заменив лишнее нужным, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложения царя Алек-

сея Михайловича, и на Морской устав, и на 20 указов, из коих иные в самом Сенате не без труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великих усилий разума, ни гения, ни отличных знаний ученых; не будем хвалиться ею в Европе, но облегчим способ правосудия в России, не затрудним судей нашими галлицизмами и не покажемся жалкими иностранцам, что, без сомнения, заслужим переводом Наполеонова кодекса.

Прибавим одну мысль к сказанному нами о российском законодательстве. Государство наше состоит из разных народов, имеющих свои особенные гражданские уставы, как Ливония, Финляндия, Польша, самая Малороссия. Должно ли необходимо ввести единство законов? Должно, если такая перемена не будет существенным, долговременным бедствием для сих областей; в противном случае не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, без насилия и действуя на мягкий ум юношества. Пусть молодые люди, хотящие там посвятить себя законоведению, испытываются в знании и общих законов российских, особенно языка нашего: вот самое лучшее приготовление к желаемому единству в гражданских уставах. Впрочем, надобно исследовать основательно, для чего, например, Ливония и Финляндия имеют такой-то особенный закон? Причины, родившие оный, существуют ли и согласны ли с государственным благом? Бude существуют и согласны, то можно ли заменить их действия иным способом? От новости не потерпят ли нравы, не ослабеют ли связи между разными гражданскими состояниями той земли? «Какая нужда, – говорит Монтескье, – одним ли законам следуют граждане, если они верно следуют оным». Фридрих Великий, издавая общее уложение, не хотел уничтожить всех частных статуты, полезных в особенности для некоторых провинций. Опасайтесь внушения

умов легких, которые думают, что надобно только велеть – и все сравняется.

Мы означили главные действия нынешнего правительства и неудачу их. Если прибавим к сему частные ошибки министров в мерах государственного блага (постановления о соли, о суконных фабриках, о прогоне скота), имевшие столь много вредных следствий, – всеобщее бесстрашие, основанное на мнении о кротости государя, равнодушие местных начальников ко всяким злоупотреблениям, грабеж в судах, наглое взяточничество капитан-исправников, председателей палатских, вице-губернаторов, а всего более самих губернаторов; наконец, беспокойные виды будущего, внешние опасности, – то удивительно ли, что общее мнение столь неблагоприятствует правительству? Не будем скрывать зла, не будем обманывать себя и государя, не будем твердить, что люди обыкновенно любят жаловаться и всегда недовольны настоящим, но сии жалобы разительны их согласием и действием на расположение умов в целом государстве.

Я совсем не меланхолик и не думаю подобно тем, которые, видя слабость правительства, ждут скорого разрушения; нет, государства живущи, и в особенности Россия, движимая самодержавною властью. Если не придут к нам беды извне, то еще смело можем, и долгое время, заблуждаться в нашей внутренней государственной системе; вижу еще обширное поле для всяких новых творений самолюбивого, неопытного ума, – но не печальна ли сия возможность? Надобно ли изнурять силы для того, что их еще довольно в запасе? Самым худым медикам нелегко уморить человека крепкого сложения; только всякое лекарство, данное некстати, делает вред существенный и сокращает жизнь.

Мы говорили о вреде, говорить ли о средствах целебных? и какие можем предложить? – самые простейшие.

Минувшего не возвратить. Было время (о сем мы сказали вначале), когда Александр мог бы легко возобновить систему Екатеринина царствования, еще живого в памяти и в сердцах, по ней образованных: бурное царствование Павлово изгладилось бы, как сновидение, в мыслях. Теперь поздно: люди и вещи большею частию переменились; сделано столько нового, что и старое показалось бы нам новостью ныне опасною: мы уже от него отвыкли, и для славы государя вредно с торжественностью признаться в десятилетних заблуждениях, произведенных самолюбием его весьма неблагомысленных советников, которые захотели своею творческою мудростию затмить жену Екатерину и превзойти мужа Петра. Дело сделано: надобно искать средств, пригоднейших к настоящему.

Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности этого изобретение разных министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся, только в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны. Пусть министерства и совет существуют: они будут полезны, если в министерстве и совете увидим только мужей, знаменитых разумом и честью. Итак, первое наше доброе желание есть: да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей! Такое избрание, а не учреждение Сената с коллегиями ознаменовало величием царствование Петра во внутренних делах империи. Сей монарх имел страсть к способным людям, искал их в кельях монастырских и в темных каютах: там нашел Феофана и Остермана, славных в нашей государственной истории. Обстоятельства иные и скромные, тихие свойства души отличают Александра от Петра, который везде был сам, со всеми говорил, всех слушал и брал на себя по одному слову, по одному взору решить

достоинство человека; но да будет то же правило: *искать людей*. Кто имеет доверенность государя, да замечает их вдали для самых первых мест. Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям. Всемогущая рука единовластителя – одного ведет, другого мчит на высоту, медленная постепенность есть закон для множества, а не для всех. Кто имеет ум министра, не должен поседеть в столоначальниках или секретарях. Чины унижаются не скорым их приобретением, но глупостию или бесчестием сановников; возбуждается зависть, но скоро умолкает пред лицом достойного. Вы не образуете полезного министерства сочинением Наказа, тогда образуете, когда приготовите хороших министров. Совет рассматривает их предложения, но уверены ли вы в мудрости его членов? Общая мудрость рождается только от частной. Одним словом, теперь всего нужнее люди!

Но люди не только для министерства или Совета, но и в особенности для мест губернаторских: Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями; если там пойдут дела как должно, то министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут в России, как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа.

Если губернаторы не умеют или не хотят делать того, – виною худое избрание лиц; если не имеют способа, – виною худое образование губернских властей.

1) Каковы ныне большею частию губернаторы? Люди без способностей и дают всякую неправду наживаться

секретарям своим или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что в такой-то губернии начальник глупец, и весьма давно; в такой-то грабитель, и весьма давно. Слухом земля полнится, а министры не знают того или знать не хотят. К чему же служат ваши новые министерские образования? К чему писать законы, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят.

2) Прежде начальник губернии знал над собою один Сенат; теперь, кроме Сената, должен относиться к разным министрам: сколько хлопот и письма! А всего хуже то, что многие части в составе губернии не принадлежат к его ведомству: школы, удельные имения, казенные леса, дороги, воды, почта – сколько пестроты и многочисленности! Выходит, что губерния имеет не начальника, а начальников, из коих один в Петербурге, другие в Москве: система правления, весьма не согласная с нашей старинною, истинно монархическою, которая соединяла власти в наместнике для единства и силы в их действиях. Всякая губерния есгь Россия в малом виде; мы хотим, чтобы государство управлялось единою, а каждая из частей оною разными властями. Страшимся злоупотреблений в общей власти. Но частная разве не имеет их? Как в большом доме не может быть исправности без домоправителя, дающего во всем отчет господину, так не будет совершенного порядка и в губерниях, пока столь многие чиновники действуют независимо от губернаторов, ответствующих государю за спокойствие государства, и гораздо более всех живущих в Петербурге министров, членов Совета, сенаторов. Одна сия мысль не убеждает ли в необходимости возвысить сан губернаторский всеобщим уважением? Да будет губернатор, что были наместники при Екатерине; дайте им достоинство сенаторов, согласите оное с отношениями их к министрам, которые в самом деле должны быть единственно

секретарями государя по разным частям, и тогда умейте только избирать людей.

Вот главное правило. Второе, не менее существенное, есть: *умейте обходиться с людьми*. Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, т. е. добрых и худых вместе. Мудрое правление находит способ усиливать в чиновниках побуждение добра или обуздывать стремление ко злу. Для первого есть награды, отличия, для второго – боязнь наказаний. Кто знает человеческое сердце, состав и движение гражданских обществ, тот не усумнится в истине сказанного Макиавеллем, что страх гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных. Если вы, путешествуя, увидите землю, где все тихо и стройно, народ доволен, слабый не утеснен, невинный безопасен, то скажите смело, что в ней преступления не остаются без наказания. Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не было страха! Любить добро для его собственных прелестей есть действие высшей нравственности, явления редкого в мире: иначе не посвящали бы алтарей добродетели. Обыкновенно же люди соблюдают правила честности, не столько в надежде приобрести тем особенные некоторые выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженного с явным нарушением сих правил. Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит. Доносят плуты, честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяточбратель и взяточдатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто на них подал жалобу, а сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитни-

ков в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились; в два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни. Иногда видим, что государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из службы двух или трех сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры отвечают ли бесчисленности нынешних мздоимцев? Негодяй так рассуждает: «Брат мой N. N. наказан отставкою, но собратья мои, такие-то, процветают в благоденствии; один многим не указ, а если меня и выгонят из службы, то с богатым запасом на черный день еще найду немало утешений в жизни». Строгость, без сомнения, неприятна для сердца чувствительного; но где она необходима для порядка, там кротость неуместна. Как живописцы изображают монарха? Воином и с мечом в руке; не пастушком и не с цветами. В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия; мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали вышним уставом. Сирены могут петь вокруг трона: «Александр! воцари закон в России» и проч. Я возьмусь быть толкователем сего хора: «Александр! дай нам именем закона господствовать над Россиею, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!» В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя, не боятся и закона. В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола, так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести. Чего Александр не сведает, если захочет ведать? И да накажет преступника,

да накажет и тех, которые возводят преступника на степень знаменитую! Да ответствует министр, по крайней мере, за избрание главных чиновников! Спасительный страх должен иметь ветви; где десять за одного боятся, там десять смотрят за одним. Начинайте всегда с головы: если худы капитан-исправники, виновны губернаторы, виновны министры! Не сему правилу следовали те, которые дали государю совет обесчестить снятием мундира всех комиссариатских и провиантских чиновников, кроме начальников. Равные не могут ответствовать друг за друга. Если они все причиною бедствий армии, то мало лишит их мундира; если еще не доказаны виноватые, то надобно подождать, а казнь виновного вместе с правым отнимает стыд у казни. Малейшее наказание, но бесполезное, ближе к тиранству, нежели самое жестокое, коего основанием есть справедливость, а целию – общее добро. Ненавидят тирана, но мягкосердие тогда есть добродетель в венценосце, когда он умеет превозмогать оное долгом благоразумной строгости. Единственно в своих личных, тайных оскорблениях государь может прощать достохвально, а не в общественных; когда же вредно часто прощать, то еще вреднее терпеть; в первом случае виновят слабость, во втором – беспечность или непроницание. Мы упомянули о личных оскорблениях для монарха: они редко бывают без связи с вредом государственным. Так, например, не должно позволять, чтобы кто-нибудь в России смел торжественно представлять лицо недовольного или не уважать монарха, коего священная особа есть образ отечества. Дайте волю людям, они засыпят вас пылью. Скажите им слово на ухо, они лежат у ног ваших.

Говорив о необходимости страха для удержания нас от зла, скажем нечто о наградах: они благодетельны своею умеренностию; в противном же случае делаются бесполезны или вредны. Я вижу всех генералов, осы-

панных звездами, и спрашиваю: сколько побед мы одержали? сколько царств завоевали? Ныне дают голубую ленту, завтра лишают начальства. Сей некогда лестный крест св. Георгия висит на знаменитом ли витязе? Нет, на малодушном и презренном в целой армии. Кого же украсит теперь св. Георгий? Если в царствование Павла чины и ленты упали в достоинстве, то в Александрове, по крайней мере, не возвысились: чего следствием было и есть – требовать иных наград от государя, денежных, ко вреду казны и народа, ко вреду самых государственных добродетелей. О бережливости говорили мы в другом месте; здесь напомним две аксиомы: 1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому. Россия никогда не славилась богатством; у нас служили по должности, из чести, из куска хлеба, не более. Ныне не только воинские, но и гражданские чиновники хотят жить большим домом на счет государства. И какая пестрота: люди в одном чине имеют столь различные жалованья, что одному нечего есть, а другой может давать лакомые обеды; ибо первый служит по старым, а второй по новым штатам; первый в Сенате, в губернии, а второй у министра в канцелярии или где-нибудь в новом месте. Не думают о бедных офицерах, удовлетворяя корыстолюбию генералов арендами и пенсиями. Ставят в пример французов: для чего же не русских времени Петрова или Екатерины? Но и французские генералы всего более недовольны Наполеоном за то, что он, дав им богатство, отнимает у них досуг и способ наслаждаться оным. Честь, честь должна быть главною наградою. Римляне с дубовыми венками завоевывали мир. Люди в главных свойствах не изменились: соедините с каким-нибудь знаком понятие о превосходной добродетели, т. е. награждайте им людей единственно превосходных, – и вы увидите,

что все будут желать одного, несмотря на его ничтожную денежную цену. Слава Богу, мы еще имеем честолубие; еще слезы катятся из глаз наших при мысли о бедствиях России; в самом множестве недовольных, в самых нескромных жалобах на правительство вы слышите нередко голос благородной любви к Отечеству. Есть люди, умеете только обуздывать их в зле и поощрять к добру благоразумною системою наказаний и наград; но повторим – первое еще важнее.

Сие искусство избирать людей и обходиться с ними есть первое для государя российского; без сего искусства тщетно будете искать народного блага в новых органических уставах. Не спрашивайте, как писаны законы в государстве, сколько министров, есть ли Верховный Совет, но спрашивайте, каковы судьи, каковы властители? Фразы для газет только, правила – для государства.

В дополнение сказанного нами прибавим некоторые особенные замечания.

Самодержавие есть палладиум России, целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских или царских. Худо, ежели слуги овладеют слабым господином; но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью. Права благородных суть не отдел монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие,двигающее состав государственный. Монтескье сказал: «Point de Monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de Monarque»*. Дворянство есть наследственное. Порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг для

---

* «Нет монарха, нет и дворянства; нет дворянства, нет и монарха» (фр.).

отечественной пользы. Народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награждаемые отличиями и выгодами, уважением и достатком. Личные подвижные чины не могут заменить дворянства родового, постоянного, и хотя необходимы для означения степеней государственной службы, однако ж в благополучной монархии не должны ослаблять коренных прав его, не должны иметь выгод оного. Надлежало бы не дворянству быть по чинам, но чинам по дворянству, т. е. для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времен Петра Великого не соблюдается: офицер есть уже дворянин! Не должно для превосходных дарований, возможных во всяком состоянии, заграждать пути к высшим степеням; но пусть государь дает дворянство прежде чина и с некоторыми торжественными обрядами, вообще редко и с выбором строгим. Польза ощутительна: 1) если часто будете выводить простолудинов в министры, в вельможи, в генералы, то с знатностию приведется давать им и богатство, необходимое для ее сияния; казна истощается. Напротив того, дворяне, имея наследственный достаток, могут и в высших чинах обойтись без казенных денежных пособий; 2) оскорбляете дворянство, представляя ему людей низкого происхождения на ступенях трона, где мы издревле обыкли видеть бояр сановитых. Ни слова, буде сии люди означены способностями редкими, выпренными; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сии высшие места занимались дворянами; 3) природа дает ум и сердце, но воспитание образует их. Дворянин, облагодетельствованный судьбою, навывает от самой колыбели уважать себя, любить отечество и государя за выгоды своего рождения, пленяется знатностию, уделом его предков и наградою личных будущих заслуг его. Сей образ мысли и чувствований дает ему то благородство духа, которое,

сверх иных намерений, было целию при учреждении наследственного дворянства, – преимущество важное, редко заменяемое естественными дарами простолюдина, который в самой знатности боится презрения, обыкновенно не любит дворян и мыслит личною надменностию изгладить из памяти людей свое низкое происхождение. Добродетель редка. Ищите в свете более обыкновенных, нежели превосходных душ. Мнение не мое, но всех глубокомысленных политиков есть, что твердо основанные права благородства в монархии служат ей опорю. Итак, желаю, чтобы Александр имел правилом возвышать сан дворянства, коего блеск можно назвать отливом царского сияния, – возвышать не только государственными хартиями, но и сими, так сказать, невинными, легкими знаками внимания, столь действительными в самодержавии. Например, для чего императору не являться иногда в торжественных собраниях дворянства в виде его главы, и не в мундире офицера гвардейского, а в дворянском? Сие произвело бы гораздо более действия, нежели письмо красноречивое и словесные уверения в монаршем внимании к обществу благородных. Но ничем Александр не возвысил бы оногo столь ощутительно, как законом принимать всякого дворянина в воинскую службу офицером, требуя единственно, чтобы он знал начала математики и русский язык с правильностию; дарите жалованье только комплектным: все благородные, согласно с пользою монархии, основанной на завоеваниях, возьмут тогда шпагу в руки вместо пера, коим ныне (без сомнения, ко вреду государственному) и богатые, и небогатые дворяне вооружают детей своих в канцеляриях, в архивах, в судах, имея отвращение от солдатских казарм, где сии юноши, деля с рядовыми воинами и низкие труды, и низкие забавы, могли бы потерпеть и в здоровье, и в нравственности. В самом деле, чего нужного для службы нельзя узнать офице-

ром? Учиться же для дворянина гораздо приятнее в сем чине, нежели в унтер-офицерском. Армии наши обогатились бы молодыми, хорошо воспитанными дворянами, тоскующими ныне в повытьях⁵. Гвардия осталась бы исключением: единственно в ней начинали бы мы служить с унтер-офицеров; но и в гвардии надлежало бы отличать сержанта благородного от сына солдатского. Можно и должно смягчать суровость воинской службы там, где суровость не есть способ победы, – строгость в безделицах уменьшает охоту к делу. Занимайте, но не утомляйте воинов игрушками или вахт-парадами. Действуйте на душу еще более, нежели на тело. Герои вахт-парадов оказываются трусами на поле битвы: сколько знаем примеров! Офицеры Екатеринина века ходили иногда во фраках, но ходили смело и на приступы. Французы не педантствуют и побеждают: мы видели прусских героев.

Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения. Не предлагаю восстановить патриаршество, но желаю, чтобы Синод имел более важности в составе его и в действиях; чтобы в нем заседали, например, одни архиепископы; чтобы он, в случае новых коренных государственных постановлений, сходился вместе с Сенатом для выслушания, для принятия оных в свое хранилище законов и для обнародования, разумеется, без всякого противоречия. Ныне стараются о размножении духовных училищ, но будет еще похвальнее закон, чтобы 18-летних учеников не ставить в священники, и никого без строгого испытания; закон, чтобы иереи более пеклись о нравственности прихожан, употребляя на то данные им от Синода благоразумные действительные средства, о коих мыслил и государь Петр Великий. По характеру сих важных духовных сановников можете всегда судить о нравственном состоянии народа. Не довольно дать России хороших губерна-

торов, надобно дать и хороших священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе.

Дворянство и духовенство, Сенат и Синод, как хранилища законов, над всеми государь, единственный законодатель, единственный источник властей, – вот основание российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих.

Державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит Философия, так вещает История. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, благоразумная система государственная продолжает век государств. Кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков бесконечного бедствия; но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит! Вижу опасность, но еще не вижу погибели.

Еще Россия имеет 40 млн. жителей и самодержавие, имеет государя, ревностного к общему благу; если он, как человек, ошибается, то, без сомнения, с добрым намерением, которое служит нам вероятностию будущего исправления ошибок.

Если Александр вообще будет осторожнее в новых государственных творениях, стараясь всего более утвердить существующие и думая более о людях, нежели о формах, ежели благоразумною строгостию обратит вельмож, чиновников к ревностному исполнению должностей; если заключит мир с Турциею и спасет Россию от третьей, весьма опасной войны с Наполеоном, хотя бы и с утратою многих выгод так называемой чести, которая есть только роскошь сильных государств и не равняется с первым их благом или с целостию бытия; если он, не умножая денег бумажных, мудрою бережливостию уменьшит расходы казны и найдет способ прибавить жалованья бедным чиновникам воинским и гражданским; если таможенные уставы, верно наблюдаемые, приведут в соразмерность ввоз и вывоз товаров; если (что в сем пред-

положении будет необходимо) дороговизна мало-помалу уменьшится, то Россия благословит Александра, колебания утихнут, неудовольствия исчезнут; родятся нужные для государства привычки; ход вещей делается правильным, постоянным; новое и старое сольются в одно; реже будут вспоминать прошедшее; злословие не умолкнет, но лишится жала. Судьба Европы теперь не от нас зависит; переменит ли Франция свою ужасную систему, или Бог переменит Францию – неизвестно, но бури не вечны. Когда же увидим ясное небо над Европою, и Александра, сидящего на троне *целой* России, тогда восхвалим Александрово счастье, коего он достоин своею редкою добротой.

Любя Отечество, любя монарха, я говорил искренно. Возвращаюсь к безмолвию верноподданного с сердцем чистым, моля Всевышнего: да блюдет Царя и Царство Российское!

1811 года, Москва

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

*Государю Императору
Александру Павловичу
Самодержцу Всея России*

Всемиловитейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалясь ревностью и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории – об ужасах Батыева нашествия, о подвиге Ге-

роя, Дмитрия Донского – в то время, когда густая туча бедствий нависла над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Дмитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею – но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном луче бессмертия. Государь! Если счастье Вашего добродетельного сердца равно вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и Венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, Наук, Искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно Царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещанной Вам и законом Природы и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, Монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предаёт деяния великодушных Царей, и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством.

История народа принадлежит Царю.

*Всемиловейший Государь!
Вашего Императорского Величества
верноподданный
Николай Карамзин*

Декабря 8, 1815

ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил, завет предков к потомству, дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках, утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось, она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят Историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Дееписанию¹; омра-

ченный густою сению невежества народ с жадностью внимал сказаниям Летописцев. И вымыслы нравятся, но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидавая Царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии, личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям, но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками, и немые предметы красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнovidных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке, Россия имеет своих диких, подобно другим странам Европы, являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над седьмою частию мира, открыл страны, никому дотоле не известные, внес их в общую систему Географии, Истории и просветил Божественною верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными Державами и просвещеннее России, однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междоусобия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; про-

стосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; Герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере, не знаю Монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра – и между сими двумя Самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный лже-Димитрий, и за сонмом доблестных Патриотов, Бояр и граждан, наставник трона, Первосвяtitель Филалет с Державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и Царь Алексей, мудрый отец Императора, коего назвала Великим Европа. Или вся Новая История должна безмолвствовать, или Российская имеет право на внимание.

Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума, что сей предмет не богат ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца: но История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением, в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о Дееписаниях Древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии греческих городов: тол-

пы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы Трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика, с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи легиона Варова, с ужасом на кровавый пир неистовых Римлян, освещаемых пламенем Капитолия, с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой Некролог Римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета, а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее Половецких набегов. – Одним словом, чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе Государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени, или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для Читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в «Историю Карла V», тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет

нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих – тогда знаем Историю. Хвастливость Авторского красноречия и нега читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали и своими бедствиями изготовили наше величие: а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней Истории, но добрые Россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданина образованному?.. Так я мыслил, и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней Летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо *живых, целых* образов, представлял единственно *тени*, в *отрывках*, то не моя вина: я не мог дополнять Летописи!

Есть *три* рода Истории: *первая* современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века*. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение Деэписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда творит, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* – и безмолвная Критика не мешает читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта; нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если

---

* Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слышали от своих отцов и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете многое, чего нет в книгах.

они умолчали, – или справедливая Критика заградит уста легкомысленному Историк, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению Аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее, здравый вкус устави́л неизменные правила и навсегда отлучил Деписание от Поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных Героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит Историю, посвященную не славе Писателя, не удовольствию Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как Естественная, так и Гражданская история не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется, и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Чем взыскательнее и строже Критика, тем непозволительнее Историк, для выгод его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? Порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь, должен знать всего цену и

свойство, открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе Древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех прав на свете, ученость немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавеллево в Историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, Немцы Иоанном Мюллером, и справедливо*: оба суть достойные совместники Древних – не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» есть правило Гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апоффегмы*², уподобиться Тациту? не знаю, но сие желание блистать умом или казаться глубокомысленным едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апофегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в Истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* бытописателя, а хорошая отдельная мысль – дар: читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодovitый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы со-

* Говорю единственно о тех, которые писали целую Историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет не равняются с сими двумя Историками, но, усердно хваля Мюллера (историка Швейцарии), знатоки не хвалят его вступления, которое можно назвать Геологическою Поэмою.

вершеннейшим из Новых, если бы не излишне *чуждался* Англии, не излишне хвалился беспристрастием и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда Афинского Грека, в Ливии всегда Римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше*, оживляет повествование – и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в Историке: так любовь к Отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаюсь к труду моему. Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то Князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истоцая* материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно – мимо всего близкого,

ясного – к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупаю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы Древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться, но когда большая часть их в рукописях, в темноте, когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено, – надобно вооружиться терпением. В воле Читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово, малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер, сказал, что наша история имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до Моголов *разделенною* (Divisa), от Батыя до Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*. 2) Государство *делилось* и прежде

1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время Великого Князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастьем, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *Древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *Среднюю* от Иоанна до Петра, и *Новую* от Петра до Александра. Система Уделов была характером *первой* эпохи, Единовластие *второй*, изменение гражданских обычаев *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти Томов, могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения, но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство, служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим Отечество, желаем ему благоденствия еще более, нежели славы, желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия, да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей, да цветет Россия... по крайней мере, долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ

Годы 980–1014

Хитрость Владимира. Усердие к идолопоклонству. Женолюбие. Завоевание Галиции. Первые Христианские мученики в Киеве. Бунт Радимичей. Камская Болгария. Торки. Отчаяние Гориславы. Супружество Владимира и крещение России. Разделение Государства. Строеие городов. Война с Хорватами и Печенегами. Церковь Десятинная. Набег Печенегов. Пирь Владимировы. Милосердие. Осада Белгорода. Бунт Ярослава. Кончина Владимирова. Свойства его. Сказки народные. Богатыри.

Владимир с помощью злодеяния и храбрых Варягов овладел Государством; но скоро доказал, что он родился быть Государем великим.

Сии гордые Варяги считали себя завоевателями Киева и требовали в дань с каждого жителя по две гривны: Владимир не хотел вдруг отказать им, а манил их обещаниями до самого того времени, как они, по взятым с его стороны мерам, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидели обман; но видя также, что войско Российское в Киеве было их сильнее, не дерзнули взбунтоваться и смиренно просились в Грецию. Владимир, с радостью отпустив сих опасных людей, удержал в России достойнейших из них и роздал им многие города в управление. Между тем послы его предуведомили Императора, чтобы он не оставлял мятежных Варягов в столице, но разослал по городам и ни в каком случае не позволял бы им возвратиться в Россию, сильную собственным войском.

Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан

Перуна с серебряною головою и поставил его близ *те-ремного двора*, на священном холме, вместе с иными кумирами. Там, говорит Летописец, стекался народ ослепленный и земля осквернялась кровию жертв. Может быть, совесть беспокоила Владимира; может быть, хотел он сею кровию примириться с богами, раздраженными его братоубийством: ибо и самая Вера языческая не терпела таких злодеяний... Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новымгородом, также поставил на берегу Волхова богатый кумир Перунов.

Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, Чехини или Богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ Киева) и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, Летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии.

Владимир, вместе со многими Героями древних и новых времен любя жен, любил и войну. Польские Славяне, Ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно Славянам Российским, еще ранее их прибегнули к Единовластию. Мечислав, Государь знаменитый в Истории введением Христианства в земле своей, правил тогда народом Польским: Владимир объявил ему войну, с намерением, кажется, возратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после, может быть, при слабом Ярополке отошло

к Государству Польскому. Он взял города *Червен* (близ Хелма), *Перемышль* и другие, которые, с сего времени будучи собственностью России, назывались *Червенскими*. В следующие два года храбрый Князь смирил бунт *Вятичей*, не хотевших платить дани, и завоевал страну *Ятвягов*, дикого, но мужественного народа *Латышского*, обитавшего в лесах между *Литвою* и *Польшею*. Далее к Северо-Западу он распространил свои владения до самого *Бальтийского моря*: ибо *Ливония*, по свидетельству *Стурлезона*, *Летописца Исландского*, принадлежала *Владимиру*, коего чиновники ездили собирать дань со всех жителей между *Курляндию* и *Финским заливом*.

Увенчанный победою и славою, *Владимир* хотел принести благодарность идолам и кровию человеческой обогреть олтари. Исполняя совет *Бояр и старцев*, он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц *Киевских* надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов – и жребий пал на юного *Варяга*, прекрасного лицом и душою, коего отец был *Христианином*. Посланные от старцев объявили родителю о сем несчастье: вдохновенный любовью к сыну и ненавистию к такому ужасному суеверию, он начал говорить им о заблуждении язычников, о безумии кланяться тленному дереву вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека. *Киевляне* терпели *Христианство*; но торжественное хуление *Веры* их произвело всеобщий мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор *Варяжского Христианина* и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостью сказал: «Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, которые были таким образом первыми и последними мучениками *Христианства* в языческом *Киеве*. Церковь наша чтит их *Святыми* под именем *Феодора* и *Иоанна*.

Владимир скоро имел случай новыми победами доказать свое мужество и счастье. Радимичи, спокойные данники Великих Князей со времен Олеговых, вздумали объявить себя независимыми: он спешил наказать их. Храбрый Воевода его, прозванием *Волчий Хвост*, начальник передовой дружины Княжеской, встретился с ними на берегах реки *Пищаны*³ и наголову побил мятежников; они смирились, и с того времени (пишет Нестор) вошло на Руси в пословицу: *Радимичи волчья хвоста бегают*.

[985 г.] На берегах Волги и Камы издревле обитали Болгары⁴, или, может быть, переселились туда с берегов Дона в VII веке, не хотев повиноваться Хану Козарскому. В течение времени они сделались народом гражданским и торговым; имели сообщение, посредством судоходных рек, с Севером России, а чрез море Каспийское с Персиею и другими богатыми Азиатскими странами. Владимир, желая завладеть Камскою Болгариею, отправился на судах вниз по Волге вместе с Новгородцами и знаменитым Добрынею; берегом шли конные *Торки*, союзники или наемники Россиян. Здесь в первый раз упоминается о сем народе, единоплеменном с Туркоманами и Печенегами: он кочевал в степях на юго-восточных границах России, там же, где скитались Орды Печенежские. Великий Князь победил Болгаров; но мудрый Добрыня, по известию Летописца, осмотрев пленников и видя их в *сапогах*, сказал Владимиру: «Они не захотят быть нашими данниками: пойдем лучше искать *лапотников*». Добрыня мыслил, что люди избыточные имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение, заключил мир с Болгарами, которые торжественно обещались жить дружелюбно с Россиянами, утвердив клятву сими простыми словами: «Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде». — Ежели не с данию, то

по крайней мере с честью и с дарами Великий Князь возвратился в столицу.

К сему времени надлежит, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный в продолжении Несторовой летописи. Рогнеда, названная по ее горестям *Гориславою*, простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены в любви: ибо Великий Князь уже предпочитал ей других жен и выслал несчастную из дворца своего. В один день, когда Владимир, посетив ее жилище уединенное на берегу Лыбеди – близ Киева, где в Несторово время было село *Предславино*, – заснул там крепким сном, она хотела ножом умертвить его. Князь проснулся и отвел удар. Напомнив жестокому смерть ближних своих и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что он уже давно не любит ни ее, ни бедного младенца Изяслава. Владимир решился собственною рукою казнить преступницу; велел ей украсить брачною одеждою и, сидя на богатом ложе в светлой храме, ждать смерти. Уже гневный супруг и судия вступил в сию храмину... Тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему меч обнаженный и сказал: «Ты не один, о родитель мой! Сын будет свидетелем». Владимир, бросив меч на землю, отвечивал: «Кто знал, что ты здесь!»... удалился, собрал Бояр и требовал их совета. «Государь! – сказали они: – прости виновную для сего младенца и дай им в Удел бывшую область отца ее». Владимир согласился: построил новый город в нынешней Витебской Губернии и, назвав его *Изяславлем*, отправил туда мать и сына.

Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимирова, которое всего более прославило его в истории... Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более ста лет мало-помалу укоренялось Христианство, наконец вся и торжественно призна-

ла святость одного, почти в одно время с землями соседственными: Венгрию, Польшу, Швецию, Норвегию и Данию. Самое разделение Церквей, Восточной и Западной, имело полезное следствие для истинной Веры: ибо главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний Летописец наш повествует, что не только Христианские проповедники, но и Магометане, вместе с Иудеями, обитавшими в земле Козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию Веры своей и что Великий Князь охотно выслушивал их учение. Случай вероятный: народы соседственные могли желать, чтобы Государь, уже славный победами в Европе и в Азии, исповедовал одного Бога с ними, и Владимир мог также – увидев наконец, подобно великой бабке своей, заблуждение язычества – искать истины в разных Верах.

Первые Послы были от Волжских или Камских Болгаров. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала Вера Магометанская, утвержденная там счастливым оружием Аравитян: Болгары приняли оную и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого Князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино – уставом безрассудным. *Вино*, сказал он, *есть веселие для Русских; не можем быть без него.* – Послы Немецких Католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь ответствовал им: *Идите обратно; отцы наши не принимали Веры от Папы*⁵. Выслушав Иудеев, он спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, – ответствовали проповедники: – но Бог во гневе своем расточил нас по землям чуждым». *И вы, называемые Богом, дерзаете учить других?* сказал Вла-

димир: *мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества.* – Наконец, безымянный Философ, присланный Греками, опровергнув в немногих словах другие Веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: Историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, Христианства, семи Соборов, и в заключение показал ему картину Страшного Суда с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на вечную муку. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: «Благо добродетельным и горе злым!» *Крестися,* – ответил Философ, – *и будешь в раю с первыми.*

Летописец наш *угадывал*, каким образом проповедники Вер должны были говорить с Владимиром; но ежели Греческий Философ действительно имел право на сие имя, то ему не трудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона Христианского. Вера Славян ужасала воображение могуществом разных богов, часто между собою несогласных, которые играли жребием людей и нередко увеселялись их кровию. Хотя Славяне признавали также и бытие единого Существа высочайшего, но праздного, беспечного в рассуждении судьбы мира, подобно божеству Эпикурову и Лукрециеву. О жизни за пределами гроба, столь любезной человеку, Вера не сообщала им никакого ясного понятия: *одно земное* было ее предметом. Освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства, она способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовлетворять сердца чувствительного и разума глубокомысленного. Напротив того, Христианство, представляя в едином невидимом Боге создателя и правителя вселенной, нежного отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых – здесь миром и покоем совести, а там, за тьмою времен-

ной смерти, блаженством вечной жизни, – удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой.

[987 г.] Владимир, отпустив Философа с дарами и с великою честью, собрал Бояр и *градских старцев*, объявил им предложения Магометан, Иудеев, Католиков, Греков и требовал их совета. «Государь! – сказали Бояре и старцы: – Всякий человек хвалит Веру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умных людей в разные земли испытать, который народ достойнее поклоняется Божеству» – и Великий Князь отправил *десять* благо-разумных мужей для сего испытания. Послы видели в стране Болгаров храмы скудные, моление унылое, лица печальные; в земле Немецких Католиков богослужение с обрядами, но, по словам летописи, *без всякого величия и красоты*, наконец прибыли в Константинополь. *Да созерцают они славу Бога нашего!* – сказал Император и, зная, что грубый ум пленяется более наружным блеском, нежели истинами отвлеченными, приказал вести Послов в Софийскую церковь, где сам Патриарх, облаченный в Святительские ризы, совершал Литургию. Великолепие храма, присутствие всего знаменитого Духовенства Греческого, богатые одежды служебные, убранство олтарей, красота живописи, благоухание фимиама, сладостное пение Клироса, безмолвие народа, священная важность и таинственность обрядов изумили Россиян; им казалось, что сам Всевышний обитает в сем храме и непосредственно с людьми соединяется... Возвратясь в Киев, Послы говорили Князю с презрением о богослужении Магометан, с неуважением о Католическом и с восторгом о Византийском, заключив словами: «Всякий человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького; так и мы, узнав Веру Греков, не хотим иной». Владимир желал еще слышать мнение Бояр и старцев. «Когда бы Закон Греческий, – сказали они, – не был лучше других, то бабка

твоя, Ольга, мудрейшая всех людей, не вздумала бы принять его». Великий Князь решил быть Христианином.

Так повествует наш Летописец, который мог еще знать современников Владимира, и потому достоверный в описании важных случаев его княжения. Истина сего Российского Посольства в страну Католиков и в Царьград, для испытания Закона Христианского, утверждается также известиями одной Греческой древней рукописи, хранимой в Парижской библиотеке: несогласие состоит единственно в прилагательном имени Василия, тогдашнего Царя Византийского, названного в ней *Македонским* вместо *Багрянородного*.

Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже давно находились церкви и Священники Христианские⁶; но Князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни Цари Греческие и Патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унижаться, в рассуждении Греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, *завоевать* Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

[988 г.] Собрав многочисленное войско, Великий Князь пошел на судах к Греческому Херсону, которого развалины донныне видимы в Тавриде, близ Севастополя. Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами Гераклеяскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов до Козаров и Печенегов. Он признавал над собою верховную власть Императоров Греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам

Республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях, Черноморских, наслаждались изобилием. — Владимир, остановясь в гавани, или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великий Князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложения в надежде, может быть, иметь скорую помощь от Греков; старались уничтожать все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит Летописец, ночью уносили в город ту землю, которую Россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оную валом, по древнему обыкновению военного искусства. К счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас: сей человек пустил к Россиянам стрелу с надписью: *За вами, к Востоку, находятся колодези, дающие воду Херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее.* Великий Князь спешил воспользоваться советом и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин Херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, Российский Князь еще более возгордился своим величием и чрез Послов объявил Императорам, Василию и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной Царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с Греческими знаменитыми Царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти Героя Цимиския, была жертвою мятежей и беспорядка: Военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным Государям и спорили с ними о Державе. Сии обстоятельства принудили Императоров забыть обыкновенную надменность Греков и презрение

к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощью сильного Князя Российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв Веру Христианскую, он получит и руку Царевны и Царство небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостью изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы Императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с Князем народа, по мнению Греков, дикого и свирепого, казалось ей *жестоким пленом* и ненавистнее смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность к обращению идолопоклонников служила ей оправданием или предложением. Горестная Царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что Великий Князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда Святитель возложил на него руку. Бояре Российские, удивленные чудом, вместе с Государем приняли истинную Веру (в церкви Св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили Великий Князь и невеста его). Херсонский Митрополит и Византийские Пресвитеры совершили сей обряд торжественный⁷, за коим следовало обручение и самый брак Царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великий Князь, как верный союзник Императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в Империи.

Сего не довольно: Владимир отказался от своего завоевания и, соорудив в Херсоне церковь – на том воз-

вышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город Царям Греческим в изъявление благодарности за руку сестры их. Вместо пленников он вывел из Херсона одних Иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырех коней медных, в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведения древнего искусства стояли в Несторово время на площади старого Киева, близ нынешней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонским Митрополитом в тайнах и нравственном учении Христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приуготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр. Чтобы усердные язычники не извлекли идола из реки, воины Княжеские отталкивали его от берегов и проводили до самых порогов, за коими он был извержен волнами на берег (и сие место долго называлось Перуновым). Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди Русские, Вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься – и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая Вера должна быть мудрою и святою, когда Великий Князь и Бояре предпочли ее старой Вере отцев своих. Там явился Владимир, провождаемый собором Греческих Священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; Иереи читали мо-

литвы крещения и пели славу Вседержителя. Когда же обряд торжественный совершился; когда Священный Собор нарек всех граждан Киевских Христианами: тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес молитву: «Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного, утверди в них Веру правую. Будь мне помощь в искушениях зла, да восхваляю достойно святое имя Твое!»... *В сей великий день*, говорит Летописец, *земля и небо ликовали.*

Скоро знамения Веры Христианской, принятой Государем, детьми его, Вельможами и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ. Великий Князь соорудил в Киеве деревянную церковь Св. Василия на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери, там, где в 983 году пострадал за Веру благочестивый Варяг и сын его. Между тем ревностные служители олтарей, Священники, проповедовали Христа в разных областях Государства. Многие люди крестились, рассуждая без сомнения так же, как и граждане Киевские; другие, привязанные к Закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало в некоторых странах России до самого XII века. Владимир не хотел, кажется, принуждать совести; но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить Россиян.* Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на Славянский язык Кириллом и Мефодием⁸ и без сомнения уже давно известных Киевским Христианам, Великий Князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Сие благодеяние казалось тогда

страшную новостью, и жены знаменитые, у коих неволей брали детей в науку, оплакивали их как мертвых, ибо считали грамоту опасным чародейством.

Владимир имел 12 сыновей, еще юных отроков. Мы уже наименовали из них 9: Станислав, Позвизд, Судислав родились, кажется, после. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил Государство на области и дал в Удел Вышеславу Новгород, Изяславу Полоцк, Ярославу Ростов: по смерти же Вышеслава Новгород, а Ростов Борису; Глебу Муром, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владимир Вольнский, Мстиславу Тмуторокань, или Греческую Таматарху, завоеванную, как вероятно, мужественным дедом его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туров, который донныне существует в Минской Губернии и назван так от имени Варяга Тура, повелевавшего некогда сею областью. Владимир отправил малолетних Князей в назначенный для каждого Удел, поручив их до совершенного возраста благоразумным пестунам. Он, без сомнения, не думал раздробить Государства и дал сыновьям одни права своих Наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти. Удельный Князь, повинясь отцу, самовластному Государю всей России, мог ли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть брату своему? Междоусобие детей Святославовых уже доказало противное; но Владимир не воспользовался сим опытом: ибо самые великие люди действуют согласно с образом мыслей и правилами своего века.

Желая удобнее образовать народ и защитить южную Россию от грабительства Печенегов, Великий Князь основал новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне и населил их Новгородскими Славянами, Кривичами, Чудью, Вятичами. Укрепив Киевский Белго-

род стеною, он перевел туда многих жителей из других городов: ибо отменно любил его и часто живал в оном.

Война с Хорватами, обитавшими (как думаем) на границах Седмиградской области и Галиции⁹, отвлекла Владимира от внутренних государственных распоряжений. Едва окончив ее, миром или победою, он сведал о набеге Печенегов, которые пришли из-за Сулы и разоряли область Киевскую. Великий Князь встретился с ними на берегах Трубежа: причем Летописец рассказывает следующую повесть:

«Войско Печенегов стояло за рекою: Князь их вызвал Владимира на берег и предложил ему решить дело поединком между двумя, с обеих сторон избранными богатырями. *Ежели Русской убьет Печенега, сказал он, то обязываемся три года не воевать с вами, а ежели наш победит, то мы вольны три года опустошать твою землю.* Владимир согласился и велел *Бирючам* или Герольдам в стане своем кликнуть охотников для поединка: не сыскалось ни одного, и Князь Российский был в горести. Тогда приходит к нему старец и говорит: *Я вышел в поле с четырьмя сынами, а меньший остался дома. С самого детства никто не мог одолеть его. Однажды, в сердце на меня, он разорвал надвое толстую воловью кожу. Государь! Вели ему бороться с Печенегом.* Владимир немедленно послал за юношею, который для опыта в силе своей требовал быка дикого; и когда зверь, раздраженный прикосновением горячего железа, бежал мимо юноши, сей богатырь одной рукою вырвал у него из боку кусок мяса. На другой день явился Печенег, великан страшный, и, видя своего малорослого противника, засмеялся. Выбрали место: единоборцы схватились. Россиянин крепкими мышцами своими давнул Печенега и мертвого ударил об землю. Тогда дружина Княжеская, воскликнув победу, бросилась на уstraшенное войско Печенегов, которое едва могло спастись бегством. Радостный Влади-

мир в память сему случаю заложил на берегу Трубежа город и назвал его *Переяславлем*: ибо юноша Русской *перейал* у врагов *славу*. Великий Князь, наградив витязя и старца, отца его, саном Боярским, возвратился с торжеством в Киев». Поединок может быть истинною; но обстоятельство, что Владимир основал Переяславль, кажется сомнительным: ибо о сем городе упоминается еще в Олеговом договоре с Греками в 906 году¹⁰.

[994–996 гг.] Россия года два или три наслаждалась потом тишиною. Владимир, к великому своему удовольствию, видел наконец совершение каменного храма в Киве, посвященного Богоматери¹¹ и художеством Греков украшенного. Там, исполненный Веры святой и любви к народу, он сказал пред олтарем Всевышнего: «Господи! В сем храме, мною сооруженном, да внимаешь всегда молитвам храбрых Россиян!» – и в знак сердечной радости угостил во дворце Княжеском Бояр и градских старцев; не забыл и людей бедных, щедро удовлетворив их нуждам. – Владимир отдал в новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые в Херсоне; велел служить в ней Херсонским Иереям; поручил ее любимцу своему Анастасу; оставил брать ему десятую часть из собственных доходов Княжеских и, клятвенною грамотою обязав своих наследников не преступать сего закона, положил оную в храме. Следственно, Анастас был Священного сана и, вероятно, знаменитого, когда главная церковь столицы (доныне именуемая *Десятинною*) находилась под его особенным ведением. Новейшие Летописцы утвердительно повествуют о Киевских Митрополитах сего времени, но, именуя их, противоречат друг другу. Нестор совсем не упоминает о Митрополии до княжения Ярославова, говоря единственно о Епископах, уважаемых Владимиром, без сомнения Греках или Славянах Греческих, которые, разумея язык наш, тем удобнее могли учить Россиян.

Случай, опасный для Владимировой жизни, еще более утвердил сего Князя в чувствах набожности. Печенеги, снова напав на области Российские, приступили к Василеву, городу, построенному им на реке Стугне. Он вышел в поле с малою дружиною, не мог устоять против их множества и должен был скрыться под мостом. Окруженный со всех сторон врагами свирепыми, Владимир обещался, ежели Небо спасет его, соорудить в Василеве храм празднику того дня, Святому Преображению. Неприятели удалились, и Великий Князь, исполнив обет свой, созвал к себе на пир Вельмож, Посадников, старейшин из других городов. Желая изобразить его роскошь, Летописец говорит, что Владимир приказал сварить *триста варь меду* и восемь дней праздновал с Боярами в Василеве. Убогие получили 300 гривен из казны государственной. Возвратясь в Киев, он дал новый пир не только Вельможам, но и всему народу, который искренно радовался спасению доброго и любимого Государя. С того времени сей Князь всякую неделю угощал в *Гриднище*, или в прихожей дворца своего, Бояр, Гридней (меченосцев Княжеских), воинских Сотников, Десятских и всех людей именитых или *нарочитых*. Даже и в те дни, когда его не было в Киеве, они собирались во дворце и находили столы, покрытые мясами, дичиною и всеми роскошными яствами тогдашнего времени. Однажды – как рассказывает летописец – гости Владимировы, упоенные крепким медом, вздумали жаловаться, что у знаменитого Государя Русского подают им к обеду деревянные ложки. Великий Князь, узнав о том, велел сделать для них *серебряные*, говоря благоразумно: *Серебром и золотом не добудешь верной дружины; а с нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и деду*. Владимир, по словам летописи, отменно любил свою дружину и советовался с сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, как о воинских, так и гражданских делах.

Будучи другом усердных Бояр и чиновников, он был истинным отцом бедных, которые всегда могли придти на двор Княжеский, утолять там голод свой и брать из казны деньги. Сего мало: *больные*, говорил Владимир, *не в силах дойти до палат моих* – и велел развозить по улицам хлеба, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. «Где нищие, недужные?» – спрашивали люди Княжеские и наделяли их всем потребным. Сию добродетель Владимирову приписывает Нестор действию Христианского учения. Слова Евангельские: *блажени милостиви, яко тии помиловани будут*, и Соломоновы: *дая нищему, Богу в заим даете*, вселили в душу Великого Князя редкую любовь к благотворению и вообще такое милосердие, которое выходило даже из пределов государственной пользы. Он щадил жизнь самых убийц и наказывал их только *Вирою*, или денежною пенею: число преступников умножалось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан. Наконец духовные Пастыри Церкви вывели набожного Князя из заблуждения. «Для чего не караешь злодейства?» – спросили они. *Боюсь гнева Небесного*, отвечивал Владимир. «Нет, – сказали Епископы: – ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование. Должно карать преступника, но только с рассмотрением». Великий Князь, приняв их совет, отменил *Виру* и снова ввел смертную казнь, бывшую при Игоре и Святославе.

Сим благоразумным советникам надлежало еще пробудить в нем, для государственного блага, и прежний дух воинский, усыпленный тем же человеколюбием. Владимир уже не искал славы Героев и жил в мире с соседственными Государями: Польским, Венгерским и Богемским; но хищные Печенеги, употребляя в свою пользу миролюбие его, беспрестанно опустошали Россию. Мудрые Епископы и *старцы* доказали Великому Князю, что Государь должен быть ужасом не только преступни-

ков государственных, но и внешних врагов, – и глас воинских труб снова раздался в нашем древнем отечестве.

[997 г.] Владимир, желая собрать воинство многочисленное для отражения Печенегов, сам отправился в Новгород; но сии неутомимые враги, узнав его отсутствие, приблизились к столице, окружили Белгород и пресекли сообщение жителей с местами окрестными. Чрез несколько времени сделался там голод, и народ, собравшись на *Вече*, или совет, изъявил желание сдаться неприятелям. «Князь далеко, – говорил он: – Печенеги могут умертвить только некоторых из нас; а от голода мы все погибнем». Но хитрость умного старца, впрочем не совсем *вероятная*, спасла граждан. Он велел ископать два колодезя, поставить в них одну кадь с сытою, другую с тестом и звать старшин неприятельских будто бы для переговоров. Видя сии колодези, они поверили, что земля сама собою производит там вкусную для людей пищу, и возвратились к своим Князьям с вестию, что город не может иметь недостатка в съестных припасах! Печенеги сняли осаду.

Вероятно, что Владимир счастливым оружием унял наконец сих варваров: по крайней мере Летописец не упоминает более о их нападениях на Россию до самого 1015 года. Но здесь предания оставляют, кажется, Нестора и в течение *семнадцати лет* он рассказывает нам только, что в 1000 году умерли Мальфрида – одна из бывших Владимировых жен, как надобно думать, – и знаменитая несчастием Рогнеда, в 1001 Изяслав, а в 1003 младенец Всеслав, сын Изяславов; что в 1007 году привезли иконы в Киевский храм Богоматери из Херсона или из Греции, а в 1011 скончалась Анна, супруга Владимирова, достопамятная для потомства: ибо она была орудием Небесной благодати, извлекшей Россию из тьмы идолопоклонства.

В сии годы, скудные происшествиями по Несторовой летописи, Владимир мог иметь ту войну с Норвеж-

ским Принцем Эриком, о коей повествует Исландский Летописец Стурлезон. Гонимый судьбою, малолетний Принц Норвежский Олоф, племянник Сигурда, одного из Вельмож Владимировых, с матерью, вдовствующею Королевою Астридою, нашел убежище в России; учился при Дворе, осыпaeмый милостями Великой Княгини, и ревностно служил Государю; но, оклеветанный завистливыми Боярами, должен был оставить его службу. Через несколько лет – может быть, с помощью России – он сделался Королем Норвежским, отняв престол у Эрика, который бежал в Швецию, собрал войско, напал на северо-западные Владимировы области, осадил и взял приступом город Российский *Альдейгабург*, или, как *вероятно*, нынешнюю Старую Ладогу¹², где обыкновенно приставали мореплаватели Скандинавские и где, по народному преданию, Рюрик имел дворец свой. Храбрый Норвежский Принц четыре года воевал с Владимиром; наконец, уступив превосходству сил его, вышел из России.

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концом своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

Наместники Новгородские ежегодно платили две тысячи гривен Великому Князю и тысячу раздавали Гридням, или телохранителям Княжеским. Ярослав, тогдашний Правитель Новагорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря Варягов на помощь, думая, вопреки законам Божественным и человеческим, поднять меч на отца и Государя. Небо, отвратив сию войну богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого.

[1015 г.] Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время Печенеги ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его *любимому* сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив кормило Государства на волю рока...

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице: боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину Великого Князя, вероятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: Вельможи, народ, воины бросились в церковь; увидели труп Государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благодетеля, Бояре отца отечества... Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжественно рядом с гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного.

Сей Князь, названный церковию *Равноапостольным*¹³, заслужил и в истории имя *Великого*. Истинное ли уверение в святине Христианства, или, как повествует знаменитый Арабский Историк XIII века, одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с Государями Византийскими решило его креститься? Известно Богу, а не людям. Довольно, что Владимир, приняв Веру Спасителя, освятился Ею в сердце своем и стал иным человеком. Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и – что всего ужаснее – братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах Христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на веч-

ную славу и благодарность потомства состоит, конечно, в том, что он поставил Россиян на путь истинной Веры; но имя *Великого* принадлежит ему и за дела государственные. Сей Князь, похитив Единовластие, благоразумным и счастливым для народа правлением загладил вину свою; выслал мятежных Варягов из России, употребил лучших из них в ее пользу; смирил бунты своих данников, отражал набеги хищных соседей, победил сильного Мечислава и славный храбростию народ Ятвяжский; расширил пределы Государства на Западе; мужеством дружины своей утвердил венец на слабой главе Восточных Императоров; старался просветить Россию: населил пустыни, основал новые города; любил советоваться с мудрыми Боярами о полезных уставах земских; завел училища и призывал из Греции не только Иереев, но и художников; наконец, был нежным отцом народа бедного. Горестию последних минут своих он заплатил за важную ошибку в Политике, за назначение особенных Уделов для сыновей.

Слава его правления раздалась в трех частях мира: древние Скандинавские, Немецкие, Византийские, Арабские летописи говорят о нем. Кроме преданий Церкви и нашего первого Летописца о делах Владимировых, память сего Великого Князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новгородском, Александре *с золотую гривною*, Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвеце, грозе Печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных летописях. Сказки не история; но сие сходство в народных понятиях о временах Карла Великого и Князя Владимира достойно замечания: тот и другой, заслужив бессмертие в летописях своими победами, усердием к Христианству, любовью к Наукам, живут донныне и в сказках богатырских.

Владимир, несмотря на слабое от природы здоровье, дожил до старости: ибо в 970 году уже господствовал в Новгороде, под руководством дяди, Боярина Добрыни.

Прежде нежели будем говорить о наследниках сего великого Монарха, дополним Историю описанных нами времен всеми известиями, которые находятся в Несторе и в чужестранных, современных Летописцах, о гражданском и нравственном состоянии тогдашней России: чтобы не прерывать нити исторического повествования, сообщаем оные в статье особенной.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ, ИЛИ ГЕОРГИЙ

Годы 1019–1054

Война с Полоцким Князем. Победы Мстиславы. Падение Козарской державы. Голод в Суздале. Битва у Листвена. Мир. Основание Юрьева, или Дерпта. Завоевания в Польше. Смерть Мстислава. Единовластие. Судислав заключен. Новые Уделы. Победа над Печенегами. Каменные стены и Собор Св. Софии в Киеве. Митрополит. Строение монастырей. Любовь Ярослава к книгам. Война с Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Поход на Греков. Древнее предсказание. Брачные союзы. Митрополит Россиянин. Наставление и кончина Ярослава. Гроб его. Свойства сего Князя. Крещение костей. Первое народное училище. Киев — второй Царьград. Монета Ярославова. Демественное пение. Россия — убежище изгнанников. Северные владения России. Законы.

Ярослав вошел в Киев и, по словам летописи, *отерпот* с мужественною дружиною, трудами и победою заслужив сан Великого Князя Российского. Но бедствия войны междоусобной еще не прекратились.

В Полоцке княжил тогда Брячислав, сын Изяславов и внук Владимира. Сей юноша хотел смелым подвигом утвердить свою независимость: взял Новгород, ограбил жителей и со множеством пленных возвращался в свое Удельное Княжение. Но Ярослав, выступив из Киева, встретил и разбил его на берегах реки Судомы, в нынешней Псковской Губернии. Пленники Новгородские были освобождены, а Брячислав ушел в Полоцк и, как вероятно, примирился с Великим Князем: ибо Ярослав оставил его в покое. – О сей войне упоминают древние Исландские Саги. Варяги, или Норманы, служившие тогда нашим Князьям, рассказывали, возвратясь в отечество, следующие обстоятельства, достойные замечания, хотя, может быть, *отчасти* и баснословные: «Храбрый витязь Эймунд, сын Короля Гейдмаркского, оказал великие услуги Ярославу в продолжение трехлетней войны с Киевским Государем (Святополком); наконец, взяв сторону Брячислава, еще более удивил Россиян своим мужеством и хитростию. Сей витязь засел с товарищами в одном месте, где надлежало ехать супруге Ярославовой: убил под нею коня и привез ее к Брячиславу, остыдив многочисленных воинов, окружавших Великую Княгиню. Брячислав, заключив мир с братом, наградил Эймунда целою областью». – Скоро опаснейший неприятель восстал на Ярослава.

Мы знаем, что Владимир отдал Воспорскую, или Тмутороканскую, область в удел сыну своему Мстиславу. Сей Князь, рожденный быть Героем, хотел войны и победы: Император Греческий предложил ему уничтожить Державу Каганову в Тавриде. Искав дружбы Козаров идолопоклонников, но сильных, Греки искали их погибели, когда они приняли Веру Христианскую, но утратили свое могущество. Андроник, вождь Императорский, в 1016 году пристал к берегам Тавриды, соединился с

войском Мстислава и в самом первом сражении пленил Кагана, именем Георгия Цула. Греки овладели Тавридою, удовольствовав Мстислава одною благодарностию или золотом. – Таким образом пала Козарская Держава в Европе; но в Азии, на берегах Каспийского моря, она существовала, кажется, до самого XII века, и в 1140 году Левит Еврейский, Равви Иегуда, писал еще похвальное слово Монарху ее, своему единоверцу. С одной стороны, Аскольд, Дир, Олег, отец и сын Св. Владимира¹⁴; а с другой – Узы, Печенеги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сие некогда знаменитое Царство, которое от устья Волжского простиралось до Черного моря, Днепра и берегов Оки. – Через несколько лет Мстислав объявил войну Касогам или нынешним Черкесам¹⁵, восточным соседям его области. Князь их Редедя, сильный великан, хотел, следуя обычаю тогдашних времен богатырских, решить победу единоборством. «На что губить дружину? – сказал он Мстиславу: – одолей меня и возьми все, что имею; жену, детей и страну мою». Мстислав, бросив оружие на землю, схватился с великаном. Силы Князя Российского начали изнемогать: он призвал в помощь Богородицу – низвергнул врага и зарезал его ножом. Война кончилась: Мстислав вступил в область Редеди, взял семейство Княжеское и наложил дань на подданных.

[1023 г.] Уверенный в своем воинском счастье, сей Князь не захотел уже довольствоваться областью Тмутороканскою, которая, будучи отдалена от России, могла казаться ему печальною ссылкой: он собрал подвластных ему Козаров, Черкесов или Касогов, и пошел к берегам Днепровским. Ярослава не было в столице. Киевские граждане затворились в стенах и не пустили брата его; но Чернигов, менее укрепленный, принял Мстислава. – Великий Князь умирал тогда народный мятеж в Суздале. Голод свирепствовал в сей области,

и суеверные, приписывая оный злomu чародейству, безжалостно убивали некоторых старых жен, мнимых волшебниц. Ярослав наказал виновников мятежа, одних смертью, других ссылкой, объявив народу, что не волшебники, но Бог карает людей голодом и мором за грехи их, и что смертный в бедствиях своих должен только умолять благодать Всевышнего. Между тем жители искали помощи в изобильной стране Казанских Болгаров и Волгою привезли оттуда множество хлеба. Голод миновался. Восстановив порядок в земле Суздальской, Великий Князь спешил в Новгород, чтобы взять меры против властолюбивого брата.

Знаменитый Варяг Якун пришел на помощь к Ярославу. Сей витязь Скандинавский носил на больных глазах шитую золотом луду, или повязку; едва мог видеть, но еще любил войну и битвы. Великий Князь вступил в область Черниговскую. Мстислав ожидал его у Листвена, на берегу Руды¹⁶; ночью изготовил войско к сражению; поставил Северян или Черниговцев в середине, а любимую дружину свою на правом и левом крыле. Небо покрылось густыми тучами – и в то самое время, когда ударил гром и зашумел сильный дождь, сей отважный Князь напал на Ярослава. Варяги стояли мужественно против Северян: казалось, что ужас ночи, буря, гроза тем более остервеняли воинов, при свете молнии, говорит Летописец, страшно блистало оружие. Храбрость, искусство и счастье Мстислава решили победу: Варяги, утомленные битвою с Черниговцами, смятые пылким нападением его дружины, отступили. Вождь их, Якун, бежал вместе с Ярославом в Новгород, оставив на месте сражения златую луду свою¹⁷. На другой день Мстислав, осматривая убитых, сказал: «Мне ли не радоваться? Здесь лежит Северянин, там Варяг; а собственная дружина моя цела». Слово недостойное доброго Князя: ибо

Черниговцы, усердно пожертвовав ему жизнь, стоили по крайней мере его сожаления.

Но Мстислав изъявил редкое великодушие в рассуждении брата, дав ему знать, чтобы он безопасно шел в Киев и господствовал, как старший сын великого Владимира, над всею правою стороною Днепра. Ярослав боялся верить ему; правил Киевом чрез своих Наместников и собирал войско. Наконец сии два брата съехались у Городца, под Киевом; заключили искренний союз и разделили Государство: Ярослав взял западную часть его, а Мстислав восточную; Днепр служил границею между ими, и Россия, десять лет терзаемая внутренними и внешними неприятелями, совершенно успокоилась.

Вся Ливония платила дань Владимиру: междоусобие детей его возвратило ей независимость. Ярослав в 1030 году снова покорил Чудь, основал город Юрьев, или нынешний Дерпт¹⁸, и, собирая дань с жителей, не хотел насильно обращать их в Христианство: благоразумие достохвальное, служившее примером для всех Князей Российских! Пользуясь свободою Веры, древняя Ливония имела и собственных гражданских начальников, о коих, согласно с преданием, пишут, что они были вместе и судии и палачи, то есть, обвинив преступника, сами отсекали ему голову. – Однако ж, несмотря на умеренность россиян и на легкость ига, возлагаемого ими на данников, Чудь и Латыши, как увидим, нередко старались свергнуть оное и не щадили крови своей для приобретения вольности совершенной.

[1031–1036 гг.] В Польше царствовал тогда Мечислав, малодушный сын и наследник Великого Болеслава. Пользуясь слабостию сего Короля и внутренними неустройствами земли его, Ярослав взял Бельз: в следующий год, соединясь с мужественным братом своим, овладел снова всеми городами Червенскими; входил в самую

Польшу, вывел оттуда множество пленников и, населив ими берега Роси, заложил там города или крепости¹⁹.

Искреннее согласие двух Государей Российских продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг занемог и скончался. Сей Князь, прозванный *Удалым*, не испытал превратностей воинского счастья: сражаясь, всегда побеждал; ужасный для врагов, славился милостию к народу и любовью к верной дружине; веселился и пировал с нею подобно великому отцу своему, следуя его правилу, что Государь не златом наживает витязей, а с витязями злато. Он поднял меч на брата, но загладил сию жестокость, свойственную тогдашнему веку, великодушным миром с побежденным, и Россия обязана была десятилетнею внутреннею тишиною счастливому их союзу, истинно братскому. – Памятником Мстиславовой набожности остался каменный храм Богоматери в Тмуторокани, созданный им в знак благодарности за одержанную над Касожским великаном победу, и церковь Спаса в Чернигове, заложенная при сем Князе: там хранились и кости его в Несторово время. Мстислав, по словам летописи, был *чермен лицом и деibel телом*, имел также необыкновенно большие глаза. Он не оставил наследников: единственный его сын, Евстафий, умер еще за три года до кончины родителя.

Ярослав сделался Монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии. Из прежних Удельных Князей оставался один Брячислав Полоцкий: вероятно, что он зависел от своего дяди как Государя самодержавного. О детях Владимировых, Всеволоде, Станиславе, Позвизде, Летописец не упоминает более, сказывая только, что Великий Князь, обманутый клеветниками, заключил в Пскове Судислава, меньшего своего брата, который, может быть, княжил в сем городе.

Но Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бедствиям Удельного Правления. Женатый на Ингигерде, или Анне, дочери Шведского Короля Олофа – которая получила от него в вено город Альдейгабург, или Старую Ладогу, – он был уже отцом многочисленного семейства. Как скоро большому сыну его, Владимиру, исполнилось шестнадцать лет, Великий Князь отправился с ним в Новгород и дал ему сию область в управление. Здравая Политика, основанная на опытах и знании сердца человеческого, не могла противиться действию слепой любви родительской, которое обратилось в несчастное обыкновение.

Узнав о набеге Печенегов, он спешил из Новгорода в южную Россию и сразился с варварами под самыми стенами Киева. Варяги, всегдашние его помощники, стояли в середине; на правом крыле граждане Киевские, на левом Новгородцы. Битва продолжалась целый день. Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. Большая часть Печенегов легла на месте; другие, гонимые раздраженным победителем, утонули в реках; немногие спаслись бегством, и Россия навсегда освободилась от их жестоких нападений. В память сего знаменитого торжества Великий Князь заложил на месте сражения великолепную церковь и, распространив Киев, обвел его *каменными* стенами; подражая Константинополю, он назвал их главные врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софиею *Митрополитскою*, украсив ее золотом, серебром, мусиею и драгоценными сосудами. Тогда был уже Митрополит в нашей древней столице, именем Феопемпт – вероятно, Грек, – который, по известию Нестора, в 1039 году вновь освятил храм Богоматери, сооруженный Владимиром, но поврежденный, как надобно думать, сильным Киевским пожаром 1017 года.

Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь Св. Георгия и Св. Ирины. Сей государь, по сказанию Летописца, весьма любил *церковные уставы*, духовных пастырей и в особенности *черноризцев*, не менее любил и книги Божественные; велел переводить их с Греческого на Славянский язык, читал оные день и ночь, многие списывал и положил в церкви Софийской для народного употребления. Определив из казны своей достаточное содержание Иереям, он умножил число их во всех городах и предписал им учить новых Христиан, образовать ум и нравственность людей грубых; видел успехи Веры и радовался, как усердный сын Церкви и добрый отец народа.

Ревностное благочестие и любовь к учению книжному не усыпляли его воинской деятельности. Ятвяги были побеждены Владимиром Великим; но сей народ, обитая в густых лесах, питаясь рыбною ловлею и пчеловодством, более всего любил дикую свободу и не хотел никому платить дани. Ярослав имел с ним войну; также с Литовцами, соседями Полоцкого или Туровского Княжения, и с Мазовшанами, тогда независимыми от Государя Польского. Сын Великого Князя, Владимир, ходил с Новгородцами на Ямь, или нынешних Финляндцев, и победил их; но в сей земле, бесплодной и каменистой, воины его оставили всех коней своих, бывших там жертвою мора.

Предприятие гораздо важнейшее ознаменовало для нашей Истории 1043 год. Дружба Великих Князей с Императорами, основанная на взаимных выгодах, утвердилась единством Веры и родственным их союзом. С помощью Россиян шурин Владимиров завоевал не только Тавриду, но и Болгарию²⁰, они сражались под знаменами Империи в самых окрестностях древнего Вавилона. Летописцы Византийские рассказывают, что чрез несколько лет по кончине Св. Владимира прибыл на судах в гавань

Цареградскую какой-то родственник его; объявил намерение вступить в службу Императора, но тайно ушел из пристани, разбил Греков на берегах Пропонтиды и вооруженною рукою открыл себе путь к острову Лимну, где Самский Наместник и Воевода Солунский злодейским образом умертвили его и 800 бывших с ним воинов²¹. Сие обстоятельство не имело никаких следствий: купцы Российские, пользуясь дружественною связию народа своего с Империею, свободно торговали в Константинополе. Но сделалась ссора между ими и Греками, которые, начав драку, убили одного знаменитого Россиянина. Вероятно, что Великий Князь напрасно требовал удовольствия: оскорбленный несправедливостию, он решился наказать Греков; поручил войско мужественному Полководцу, Вышате, и велел сыну своему, Владимиру, идти с ним к Царю-граду. Греция вспомнила бедствия, претерпенные некогда ею от флотов Российских – и Послы Константина Мономаха встретили Владимира. Император писал к нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что он желает мира и дает слово наказать виновников обиды, сделанной Россиянам. Юный Владимир не уважил сего письма, отпустил Греческих Послов с ответом высокомерным, как говорят Византийские Historики, и шел далее. Константин Мономах, приказав взять под стражу купцов и воинов Российских, бывших в Цареграде, и заключив их в разных областях Империи, выехал сам на Царской яхте против неприятеля; за ним следовал флот и конница берегом. Россияне стояли в боевом порядке близ фара. Император вторично предложил им мир. «Соглашаюсь, – сказал гордый Князь Новгородский, – ежели вы, богатые Греки, дадите по три фунта золота на каждого человека в моем войске». Тогда Мономах велел своим готовиться к битве и, желая

заманить неприятелей в открытое море, послал вперед три галеры, которые врезались в средину Владимирова флота и зажгли Греческим огнем несколько судов. Россияне снялись с якорей, чтобы удалиться от пламени. Тут сделалась буря, гибельная для малых Российских лодок; одни исчезли в волнах, другие стали на мель или были извержены на берег. Корабль Владимиров пошел на дно; некто Творимирич, один из усердных чиновников, спас Князя и Воевод Ярославовых, взяв их к себе в лодку. Море утихло. На берегу собралось 6000 Россиян, которые, не имея судов, решились возвратиться в отечество сухим путем. Главный Воевода Ярослав, Вышата, предвидя неминуемую для них опасность, хотел великодушно разделить оную и сошел на берег, сказав Князю: «Иду с ними; буду ли жив, или умру, но не покину достойных воинов». Между тем Император праздновал бурю как победу и возвратился в столицу, отправив вслед за Россиянами флот и два Легиона. 24 Галеры Греческие обогнали Владимира и стали в заливе: Князь пошел на них. Греки, будучи со всех сторон окружены неприятельскими лодками, сцепились с ними и вступили в отчаянный бой. Россияне победили, взяв или истребив суда Греческие. Адмирал Мономахов был убит, и Владимир пришел в Киев со множеством пленных... Великодушный, но несчастный Вышата сразился в Болгарии, у города Варны, с сильным Греческим войском: большая часть его дружины легла на месте. В Константинополь привели 800 окованных Россиян и самого Вышату; Император велел их ослепить!

Сия война предков наших с Грециею была последнею. С того времени Константинополь не видал уже их страшных флотов в Воспоре: ибо Россия, терзаемая междоусобием, скоро утратила свое величие и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказание, не-

известно кем написанное в X или XI веке под истуканом Беллерофона²² (который стоял на Таврской площади в Цареграде), что «Россияне должны овладеть столицей Империи Восточной»: столь имя их ужасало Греков! – Через три года Великий Князь заключил мир с Империей, и пленники Российские, бесчеловечно лишенные зрения, возвратились в Киев.

Около сего времени Ярослав вошел в свойство со многими знаменитыми Государями Европы. В Польше царствовал тогда Казимир, внук Болеслава *Храброго*: изгнанный в детстве из отечества вместе с матерью, он удалился (как рассказывают Историки Польские) во Францию и, не имея надежды быть Королем, сделался Монахом. Наконец Вельможи Польские, видя мятеж в Государстве, прибегнули к его великодушию: освобожденный Папою от уз духовного обета, Казимир возвратился из кельи в чертоги Царские. Желая пользоваться дружбою могущественного Ярослава, он женился на сестре его, дочери Св. Владимира. Польские Историки говорят, что брачное торжество совершилось в Кракове; что добродетельная и любезная *Мария*, названная *Доброневною*, приняла Веру Латинскую и что Король их взял за супругую великое богатство, множество серебряных и золотых сосудов, также драгоценных конских и других украшений. Собственный Летописец наш сказывает, что Казимир дал Ярославу за *вено* – то есть за невесту свою – 800 человек: вероятно, Россиян, плененных в 1018 году Болеславом. Сей союз, одобренный здорово Политикою обоих Государств, утвердил за Россиею города Червенские; а Ярослав, как искренный друг своего зятя, помог ему смирить мятежника смелого и хитрого, именем Моислава, который овладел Мазовиею и хотел быть Государем независимым. Великий Князь, разбив его многочисленное войско, покорил сию область Казимиру.

Нестор совсем не упоминает о дочерях Ярославых; но достоверные Летописцы чужестранные именуют трех: Елисавету, Анну и Анастасию, или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежского²³. В юности своей выехав из отечества, он служил Князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойным ее руки, искал великого имени в свете. Гаральд отправился в Константинополь; вступил в службу Императора Восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения Святым Местам и чрез несколько лет, с богатством и славою возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех блестящих подвигов геройства. Наконец он сделался Королем Норвежским.

Вторая княжна, Анна, сочеталась браком с Генриком I, Королем Французским. Папа объявил кровосмешением супружество отца его и гнал Роберта как беззаконника за то, что он женился на родственнице в четвертом колене. Генрик, будучи свойственником Государей соседственных, боялся такой же участи и в стране отдаленной искал себе знаменитой невесты. Франция, еще бедная и слабая, могла гордиться союзом с Россиею, возвеличенною завоеваниями Олега и Великих его преемников. В 1048 году – по известию древней рукописи, найденной в С. Омерской церкви – Король отправил Послом к Ярославу Епископа Шалонского, Рогера: Анна приехала с ним в Париж и соединила кровь Рюрикову с кровию Государей Французских. – По кончине Генрика I, в 1060 году, Анна, славная благочестием, удалилась в монастырь Санлизский; но чрез два года, вопреки желанию сына, вступила в новое супружество с Графом де-Крепи. Один Французский Летописец говорит, что она, потеряв второго, любезного ей

супруга, возвратилась в Россию: но сие обстоятельство кажется сомнительным. Сын ее, Филипп, царствовал во Франции, имея столь великое уважение к матери, что на всех бумагах государственных Анна вместе с ним подписывала имя свое до самого 1075 года²⁴. Честолюбие, узы семейственные, привычка и Вера Католическая, ею принятая, удерживали сию Королеву во Франции.

Третья дочь Ярославова, Анастасия, вышла за Короля Венгерского, Андрея I. Вероятно, что сей брачный союз служил поводом для некоторых Россиян переселиться в Венгрию, где в разных Графствах, на левой стороне Дуная, живет донныне многочисленное их потомство, утратив чистую Веру отцев своих.

Ссылаясь на Летописцев Норвежских, Торфей называет Владимира, старшего Ярославова сына, супругом Гиды, дочери Английского Короля Гаральда, побежденного Вильгельмом *Завоевателем*. Саксон Грамматик, древнейший Историк Датский, также повествует, что дети несчастного Гаральда, убитого в Гастингском сражении, искали убежища при дворе Свенона II, Короля Датского, и что Свенон выдал потом дочь Гаральдову за Российского Князя, именованного Владимиром; но сей Князь не мог быть *Ярославич*. Гаральд убит в 1066 году, а Владимир, сын Ярославова, скончался в 1052 (построив в Новгороде церковь Св. Софии, которая еще не разрушена временем и где погребено его тело).

Кроме Владимира, Ярослав имел пятерых сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестре Казимира Польского, несмотря на то, что его родная тетка была за сим Королем; а Всеволод, по сказанию Нестора, на *Греческой Царевне*. Новейшие Летописцы называют Константина Мономаха тестем Всеволода; но Константин не имел детей от Зои. Мы не знаем даже, по Византийским летописям, ни одной

Греческой Царевны сего времени, кроме Евдокии и Феодоры, умерших в девстве. Разве положим, что Мономах, еще не быв Императором, прижил супругу Всеволодову с *первою*, неизвестною нам женою? – О супружестве других сыновей Ярославовых не можем сказать ничего *верного*. Историки Немецкие пишут, что дочь Леопольда, Графа Штадского, именем Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI века за Князей Российских, но, скоро овдовев, возвратились в Германию и сочетались браком с Немецкими Принцами. Вероятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревую: сии меньшие сыновья Ярославовы скончались в юношестве, и первая от Российского Князя имела одного сына, воспитанного ею в Саксонии: думаю, Бориса Вячеславича, о коем Нестор говорит только с 1077 года и который мог до того времени жить в Германии. Летописцы Немецкие прибавляют, что мать его, выезжая из нашего отечества, зарыла в землю сокровище, найденное им по возвращении в Россию.

Великий Князь провел остаток жизни своей в тишине и в Христианском благочестии. Но сия усердная набожность не препятствовала ему думать о пользе государственной и в самых церковных делах. Греки, сообщив нам Веру и присылая главных духовных Пастырей, надеялись, может быть, чрез них присвоить себе и некоторую мирскую власть над Россиею: Ярослав не хотел того и еще в первый год своего Единодержавия, будучи в Новгороде, *сам* избрал в начальники для сей Епархии Луку Жидяту; а в 1051 году, собрав в Киеве Епископов, велел им поставить Митрополитом Илариона *Россиянина*, без всякого участия со стороны Константинопольского Патриарха... Иларион, муж ученый и добродетельный²⁵ был Иереем в селе Берестове при церкви Святых Апостолов: Великий Князь узнал его

достоинства, имея там загородный дворец и любя, подобно Владимиру, сие веселое место.

Наконец, чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будет меня на свете, – говорил он, – вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие Государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как Государь! Он защитит утесненного и накажет виновного». Слова достопамятные, мудрые и бесполезные! Ярослав думал, что дети могут быть рассудительнее отцов, и к несчастью ошибся.

Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами: поехал в Вышегород и там скончался [19 февраля 1054 г.], имея от роду более семидесяти лет (супруга его умерла еще в 1050 году). Из детей был с ним один Всеволод, которого он любил нежнее всех других и никогда не отпускал от себя. Горестный сын, народ и Священники в служебных ризах шли за телом из Вышегорода до Киева, где оно, заключенное в мраморную раку, было погребено в Софийской церкви. Сей памятник, украшенный резными изображениями птиц и дерев, уцелел до наших времен.

Ярослав заслужил в летописях имя Государя мудро; не приобрел оружием новых земель, но возвратил утраченное Россиею в бедствиях междоусобия;

не всегда побеждал, но всегда оказывал мужество; успокоил отечество и любил народ свой. Следуя в правлении благодетельным намерениям Владимира, он хотел загладить вину ослушного сына и примириться с тению огорченного им отца.

Внешняя политика Ярославова была достойна Монарха сильного: он привел Константинополь в ужас за то, что оскорбленные Россияне требовали и не нашли там правосудия; но, отмстив Польше и взяв свое, великодушною помощию утвердил ее целость и благоденствие.

Ярослав наказал мятежных Новгородцев за убийство Варягов так, как Государи не должны наказывать: вероломным обманом; но, признательный к их усердию, дал им многие выгоды и права. Князья Новгородские следующих веков должны были клясться гражданам в точном соблюдении его *льготных грамот*, к сожалению, истребленных временем. Знаем только, что сей народ, ссылаясь на оные, почитал себя вольным в избрании собственных Властителей. Память Ярославова была в течение веков любезна жителям Новгорода, и место, где обыкновенно сходился народ для совета, в самые позднейшие времена именовалось *Двором Ярослава*.

Сей князь заточил брата, обнесенного клеветниками; но доказал свое добродушие, простив мятежного племянника и забыв, для счастья России, прежнюю вражду Князя Тмутороканского.

Ярослав был набожен до суеверия: он вырыл кости Владимировых братьев, умерших в язычестве – Олеговы и Ярополковы, – крестил их и положил в Киевской церкви Св. Богородицы. Ревность его к Христианству соединялась, как мы видели, с любовью к просвещению. Летописцы средних веков говорят, что сей Великий Князь завел в Новгороде первое народное училище, где 300 отроков, дети Пресвитеров и Старейшин,

приобретали сведения, нужные для Священного сана и гражданских чиновников. Загладив следы Болеславовых опустошений в южной России, населив пленниками область Киевскую и будучи, подобно Олегу и Владимиру, основателем многих городов новых, он хотел, чтобы столица его, им обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторым Царемградом*. Ярослав любил Искусства: художники Греческие, им призванные в Россию, украсили храмы живописью и мусиею, донныне видимою в Киевской Софийской церкви. Сия мусия, составленная из четвероугольных камешков, изображает на златом поле лица и одежду Святых по рисунку весьма несовершенному, но с удивительною свежестию красок: работа более трудная, нежели изящная, однако ж любопытная для знатоков Искусства. — Благоприятный случай сохранил также для нас серебряную монету княжения Ярославова, на коей представлен воин с Греческою надписью: *ὁ Γεοργιος*, и с Русскою: *Ярославле серебро*: доказательство, что древняя Россия не только пользовалась чужестранными драгоценными монетами, но имела и собственные. — Стараясь о благолепии храмов, приятном для глаз, Великий Князь желал, чтобы и слух молящихся находил там удовольствие: пишут, что около половины XI столетия выехали к нам певцы Греческие, научившие Российских церковников согласному *Демественному* пению.

Двор Ярославов, окруженный блеском величия, служил убежищем для Государей и Князей несчастных. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олоф *Святый*, Король Норвежский, лишенный трона, требовал защиты Российского Монарха. Ярослав принял его с особенным дружелюбием и хотел дать ему в управление знаменитую область в Государстве своем; но сей Король, обольщенный сновидением и надеждою победить Канута,

завоевателя Норвегии, выехал из России, оставив в ней юного сына своего, Магнуса, который после царствовал в Скандинавии. Дети мужественного Короля Английского, Эдмунда, изгнанные Канутом, Эдвин и Эдвард, также Принц Венгерский, Андрей (не быв еще зятем Ярославовым), вместе с братом своим Левентою искали безопасности в нашем отечестве. — Ярослав с таким же великодушием принял Князя Варяжского Симона, который, будучи изгнан дядею, *Якуном Слепым*, со многими единоплеменниками вступил в Российскую службу и сделался первым Вельможею юного Всеволода.

Мы сказали, что Ярослав не принадлежит к числу завоевателей; однако ж вероятно, что в *его* княжение область Новгородская распространилась на Восток и Север. Жители Перми, окрестностей Печорских, Югра²⁶, были уже в XI веке данниками Новгородскими (Нестор знал и диких Самоедов, которые обитали к Северу от Югры): завоевание столь отдаленное не могло вдруг совершиться, и Россиянам надлежало прежде овладеть всеми ближайшими местами Архангельской и Вологодской Губерний, древним отечеством народов Чудских, славным в Северных летописях под именем Биармии. Там, на берегах Двины, в начале XI века, по сказанию Исландцев, был торговый город²⁷, где съезжались летом купцы Скандинавские и где Норвежцы, отправленные в Биармию Св. Олофом, Ярославовым современником, ограбили кладбище и похитили украшение Финского идола Йомалы. Баснословие их Стихотворцев о чудесном великолепии сего храма и богатстве жителей не входит в Историю; но жители Биармии могли некоторыми произведениями земли своей, солью, железом, мехами торговать с Норвежцами, открывшими в IX веке путь к устью Двины, и даже с Камскими Болгарами, посредством рек судоходных. Занимаясь рыбною и зве-

риною ловлею, огражденные с одной стороны морями хладными, а с другой лесами дремучими, они спокойно наслаждались независимостию, до самого того времени, как смелые и предприимчивые Новгородцы сблизились с ними чрез область Белозерскую и покорили их, в княжение Владимира или Ярослава. Сия земля, от Белоозера до реки Печоры, была названа Заволочьем²⁸ и мало-помалу населена выходцами Новгородскими, которые принесли туда с собою и Веру Христианскую (по достоверным историческим свидетельствам нам известно, что в XII веке уже существовали монастыри на берегах Двины). Скоро отдаленный хребет гор Уральских, идущий от Новой Земли к Югу и бывший несколько времени предметом баснословия в нашем отечестве, сделался как бы границею России, и Новгородцы нашли способ получать естественные, драгоценные произведения Сибири чрез своих Югорских данников, которые выменивали оные у тамошних обитателей на железные орудия и другие дешевые вещи.

Наконец блестящее и счастливое правление Ярослава оставило в России памятник, достойный великого Монарха. Сему Князю приписывают древнейшее собрание наших гражданских уставов, известное под именем *Русской Правды*²⁹. Еще в Олегово время Россияне имели законы; но Ярослав, *может быть*, отменил некоторые, исправил другие и первый издал законы *письменные* на языке Славянском. Они, конечно, были государственными или *общими*, хотя древние списки их сохранились единственно в Новгороде и заключают в себе некоторые *особенные* или местные учреждения. Сей остаток древности, подобный *двенадцати доскам Рима*³⁰, есть верное зеркало тогдашнего гражданского состояния России и драгоценен для Истории: предлагаем его здесь в извлечении.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ

Годы 1113–1125

Грабят Жидов в Киеве. Мономах усмиряет мятеж. Новое пренесение мощей Бориса и Глеба. Закон о ростах. Победы в Ливонии, в Финляндии, в Болгарии, на Дону. Черные Клобуки. Беловежцы. Дела с Греками. Мономахова шапка. Царевич Леон. Усмирение Минского Князя и Новгородцев. Изгнание и бедствие Князя Владимирского. Венгры, Богемцы и Поляки в России. Их неудача. Плен Володаря. Смерть трех Князей знаменитых. Кончина Мономахова. Свойства его. Поучение. Основание Владимира Залесского. Гада, супруга Мономахова. Ее дети. Сочинение Митрополита Никифора.

По смерти Святополка-Михаила граждане Киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из Князей Российских должен быть Великим Князем, отправили Послов к Мономаху и звали его властвовать в столице. Добродушный Владимир давно уже забыл несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивал его кончину и в сердечной горести отказался от предложенной ему чести³¹. Вероятно, что он боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи детьми старшего Ярославова сына, по тогдашнему обыкновению должны были наследовать престол Великокняжеский. Сей отказ имел несчастные следствия: Киевляне не хотели слышать о другом Государе; а мятежники, пользуясь безначалием, ограбили дом Тысячского, именем Путяты, и всех Жидов, бывших в столице под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка. Спокойные граждане, приведенные в ужас

таким беспорядком, вторично звали Мономаха. «Спаси нас, говорили их Послы, от неистовства черни; спаси от грабителей дом печальной супруги Святополковой, собственные наши дома и святыню монастырей». Владимир приехал в столицу: народ изъявил необычайную радость, и мятежники усмирились, видя Князя великодушного на главном престоле Российском.

Даже и Святославичи не противились общему желанию; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удельными и жили с ним в согласии до самой их кончины. Они счастливее отцев своих торжествовали вместе принесение [2 Маия 1115 г.] мощей Св. Бориса и Глеба из ветхой церкви в новый каменный храм Вышегородский³²: сим действием Владимир изъявил, в начале своего правления, не только набожность, но и любовь к Отечеству: ибо древняя Россия признавала оных Мучеников главными ее небесными заступниками, ужасом врагов и подпорою наших воинств. Еще будучи Князем Переяславским, он украсил серебряную раку святых золотом, хрусталем и резьбою столь хитрою, как говорит Летописец, что Греки дивились ее богатству и художеству. Из отдаленнейших стран России собрались тогда в Вышегороде Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; бесчисленное множество людей теснилось на улицах и стенах городских; всякий хотел прикоснуться к святому праху, и Владимир, чтобы очистить дорогу для клироса, велел бросать народу ткани, одежды, драгоценные шкуры зверей, сребреники. Олег дал роскошный пир Князьям; три дня угощали бедных и странников. – Сие торжество, и церковное и государственное, изображая дух времени, достойно замечания в истории.

Мономах спешил также благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца народного. Причиною Киевского мяте-

жа было, кажется, лихоимство Евреев: вероятно, что они, пользуясь тогдашнею редкостью денег, угнетали должников неумеренными ростами. Мономах, желая облегчить судьбу недостаточных людей, собрал в Берестовском дворце своем знатнейших Бояр и Тысячских: Ратибора Киевского, Прокопия Белгородского, Станислава Переяславского, Нажира Мирослава и Боярина Олегова, Иоанна Чудиновича: рассуждал, советовался с ними и наконец определил, что займодавец, взяв три раза с одного должника так называемые *третные росты*, лишается уже истинных своих денег или капитала: ибо как ни велики были тогдашние годовые росты, но месячные и третные еще превышали их. Мономах включил сей закон в Устав Ярославов.

Сей Государь шадил кровь людей; но знал, что вернейшее средство утвердить тишину есть быть грозным для внешних и внутренних неприятелей. Сын его Мстислав, два раза победив чудь, завладел городом Оденпе, или *Медвежьею Головою*³³, в Ливонии. Призванный отцом княжить в Белегороде, он поручил Новгородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовал воинский дух свой счастливым, но многотрудным походом в Финляндию. Худой зимний путь (ибо весна уже наступала) и бедность земли угрожали Россиянам голодною смертию; недостаток был так велик, что они за каждый хлеб платили ногату. Меньший брат Мстиславов, Георгий, княживший в Суздале, ходил Волгою на судах в землю казанских болгаров, победил их и возвратился с добычею. Третий сын Мономахов, Ярополк, воевал в окрестностях Дона; взял три города в области Половецкой: Балин, Чешлюев, Сугров; пленил множество Ясов, там обитавших, и в числе их прекрасную девицу, на коей он женился. Около сего же времени Владимир выгнал из России Берендеев, Печенегов и Торков, новых при-

шельцев: утесняемые Половцами и разбитые ими близ Дона, они искали убежища в окрестностях Переяславля, но, любя грабеж, не могли кочевать там спокойно. Однако ж многие из них остались на Днестре, были известны под общим именем *Черных Клобуков, или Черкасов*³⁴, и служили Россиянам. – Летопись Владимирова времени упоминает еще о Беловежцах, охотно принятых Великим Князем. Сии обитатели некогда знаменитой крепости Козарской на берегах Дона, взятой мужественным Святославом I, спасаясь от свирепости Половцев, основали новый город в верховье реки Остера и назвали его именем древнего, или Белою Вежею, коей известные развалины (во 120 верстах от Чернигова) свидетельствуют, что в ней находились *каменные* стены, башни, ворота и другие здания. Козары, наученные Греками, строили лучше наших предков.

Успехи Мономахова оружия так прославили сего Великого Князя на Востоке и Западе, что имя его, по выражению Летописцев, гремело в мире, и страны соседственные трепетали оного. Если верить новейшим повествователям, то Владимир ужасал и Греческую Империю. Они рассказывают, что Великий Князь, вспомнив знаменитые победы, одержанные его предками над Греками, со многочисленным войском отправил Мстислава к Адрианополю и завоевал Фракию; что устрешенный Алексей Комнин прислал в Киев дары: крест животворящего древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, венец, золотую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимирова; что Неофит, Митрополит Ефесский, вручил сии дары Великому Князю, склонил его к миру, венчал в Киевском Соборном храме Императорским венцем и возгласил Царем Российским. В Оружейной Московской Палате хранятся так называемая *Мономахова золотая шапка*, или корона, цепь, держава,

скипетр и древние бармы, коими украшаются Самодержцы наши в день своего торжественного венчания и которые действительно могли быть даром Императора Алексия³⁵. Мы знаем, что и в X веке Государи Российские часто требовали Царской утвари от Византийских Императоров; знаем также, что Великие Князья Московские XIV столетия отказывали в завещаниях наследнику трона некоторые из сих вещей, сделанных в Греции (как то свидетельствуют надписи оных и самая работа). Но завоевание Фракии кажется сомнительным³⁶, и в древних летописях находятся только следующие известия о делах Владимира в отношении к Грекам:

«В 1116 году *супруг Мономаховой дочери Марии, Царевич Леон*, сын бывшего Императора Диогена, собрав войско на берегах Черного моря, вступил в северные области Империи и завладел городами Дунайскими; но Царь Алексей подослал к нему в Доростол двух Аравитян, которые злодейски умертвили его (Августа 15). Тогда Владимир, желая или отмстить за убийство зятя, или сохранить для юного сына Марии, именем Василия, взятые Леоном города, велел идти на Дунай Воеводе Иоанну Войтишичу и сыну своему, Вячеславу, с другим Боярином, Фомою Ратиборовичем; первый действительно занял некоторые из оных, а Вячеслав без успеха отступил от Доростола». Вопреки сему сказанию, Анна Комнина в истории отца ее, славного Императора Алексия, уверяет, что Леон, сын Диогенов, погиб в сражении с турками близ Антиохии. «Через некоторое время, – пишет Анна, – явился в Империи обманщик, принявший на себя его имя. Сосланный за то в Херсон, он был освобожден Половцами и, предводительствуя их толпами, шел во Фракию; но, взятый в плен Греками, испытал, что дерзость не остается без наказания: ему выкололи глаза» (в 1096 году). Сего не-

счастливого и другие Византийские Летописцы именуют самозванцем; но зять Мономахов, убитый в Доростоле, был, конечно, истинным Диогеновым сыном: ибо Владимир, находясь в тесных связях с Двором Константинопольским, не мог, кажется, дать себя в обман лжецубродяге. – Вдовствующая супруга Леонова, Мария, скончалась Монахиною в России, где сын ее, Василий, усердно служил Великим Князьям; а города дунайские были скоро возвращены Империи или силою оружия, или вследствие мирных договоров.

[1116–1123 гг.] Владимир, одолевая внешних неприятелей, смирял и внутренних. Князь Минский, Глеб, не хотел ему повиноваться, сжег город Слуцк, захватывал людей между Припятью и Двиною: за то сын Мономахов, Ярополк, опустошил Друцк и вывел жителей в новый городок, для них основанный. Сам Великий Князь, соединясь с Давидом Черниговским и с Ольговичами, взял город Вячеславль, Оршу, Копыс; осаждал Минск, смирил Глеба и, вновь им оскорбленный, привел его как пленника в Киев, где он и скончался. – Беспокойные Новгородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнев Мономаха, который, призвав всех тамошних Бояр в Киев, велел им торжественно присягнуть в верности, удержал некоторых у себя, а других заточил. Правые или не столь виновные возвратились домой, узнав опытом, что самый человеколюбивый, но мудрый Государь не оставляет дерзких ослушников без наказания. Уже несколько времени Посадники Новгородские были, кажется, избираемы из тамошних граждан: Владимир, опасаясь их мятежного духа, дал сей сан Киевскому Вельможе Борису.

Сын Святополков Ярослав, или Ярославец, Князь Владимирский, ненавидел жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ее деда: Мономах выступил

с войском, соединился с Ростиславичами, Князьями юго-западной России, около двух месяцев держал город Владимир в осаде и принудил Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянник снова оскорбил дядю, с презрением удалив от себя нелюбимую супругу: он бежал в Польшу. Никто из Бояр не хотел за ним следовать, и Великий Князь отдал Владимирский удел сыну своему, Роману, Володареву зятю, который в том же году умер. Мономах послал на его место другого сына, Андрея (женатого на внучке Половецкого Князя, Тугоркана) и велел ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустого, зная, что сей Король, свойственник изгнанного Князя Владимирского, ожидает только удобного случая для объявления войны Россиянам. Андрей опустошил соседственные владения Королевские и возвратился с добычею. Ляхи, приведенные Ярославом, хотели взять Червен; но с великим уроном были отражены тамошним Наместником, Фомою Ратиборовичем. Тогда Ярослав прибегнул к Государю Венгерскому, Стефану, который, желая отомстить Россиянам за отца своего, побежденного ими на берегах Сана, вступил в область Владимирскую вместе с Богемцами и Поляками. Великий Князь, не имев времени собрать войско, с малою дружиною отправил Мстислава к городу Владимиру, где юный Андрей, осажденный многочисленными неприятелями, не терял бодрости. Уже надменный Ярослав, подъехав к стенам, грозил сыну Мономахову и народу страшную месть в случае сопротивления; осматривал крепость и в уме своем назначал места для приступа, отложенного только до следующего дня. В одну минуту все переменялось. Два человека вышли тайно из крепости, засели на пути, между неприятельским станом и городом, и копьями пронзили неосторожного Ярослава, когда он сам-третий возвращался к союзному войску. Несчастный умер в ту же ночь;

а союзники, изумленные его бедствием, спешили заключить мир с Великим Князем. Летописец Венгерский повествует, что Стефан, огорченный смертью Ярослава, клялся взять крепость или умереть; но что Воеводы его не хотели ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили Короля возвратиться в Венгрию.

В стане Владимировых неприятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: каким образом сии два брата, славные благородством и великодушием, могли присоединиться ко врагам России? В древнейших Летописцах Польских находим объяснение. Мужественный Володарь, ужас и бич соседственных Ляхов, не умел защитить себя от их коварства. Они подослали к нему одного хитрого Вельможу, именем Петра, который вступил в его службу, притворно изъявлял ненависть к Болеславу, вкрался в доверенность к добродушному Князю Перемышльскому, ездил с ним на охоту и в лесу с помощью своих людей, внезапно схватив безоружного Володаря, увез его связанного к себе в замок: что случилось незадолго до осады Владимира. Брат и сын выкупили знаменитого пленника из неволи, отправив в Польшу на возах и вельблюдах множество золота, серебра, драгоценных одежд, сосудов. Сверх того, Ростиславичи обязались жить в союзе с Болеславом и находились, кажется, в его стане под Владимиром, единственно для заключения сего договора или желая быть посредниками между изгнанником Ярославом и Великим Князем.

Завоеванием Минска и приобретением Владимира Мономах утвердил свое могущество внутри Государства, но не думал переменить системы наследственных Уделов, столь противной благу и спокойствию отечества. Долговременное обыкновение казалось тогда уже законом; или Владимир боялся отчаянного сопротивления Князей Черниговских, Полоцких и Ростиславичей,

которые не уступили бы ему прав своих без страшного кровопролития. Он не имел дерзкой решительности тех людей, кои жертвуют благом современников неверному счастью потомства; хотел быть *первым*, а не *единственным* Князем Российским: покровителем России и Главою частных Владетелей, а не Государем Самодержавным. Справедливость вооружила его против хищника Глеба и Князя Владимирского (ибо сей последний хотел обесчестить семейство Мономахово разводом с дочерью Мстислава и звал иноплеменников грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законного достояния у Князей спокойных. – По кончине гордого Олега и кроткого Давида, вообще уважаемого за его правдивость, меньший их брат, Ярослав, мирно княжил в области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимирко, Ростислав, и Васильковичи, Григорий с Иоанном, наследовали Перемышль, Звенигород, Теробовль и другие места в юго-западной России, когда в 1124 году умерли отцы их³⁷, оставив навсегда в России память своих счастливых дел воинских, верности в обетах и любви к отечественной славе.

Княжив в столице 13 лет, Владимир Мономах скончался [19 Мая 1125 г.] на 73 году от рождения, *славный победами за Русскую землю и благими нравами*, как говорят древние летописцы. Уже в слабости и недуге он поехал на место, орошенное святою кровию Бориса, и там, у церкви, им созданной, на берегу Альты, предал дух свой Богу в живейших чувствованиях утешительной Веры. Горестные дети и Вельможи привезли его тело в Киев и совершили обряд погребения в Софийском храме. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродетелию; но Владимир отличался Христианским сердечным умилением: слезы обыкновенно текли из глаз его, когда он в храмах молился Вседержителю

за отечество и народ, ему любезный. Не менее хвалят Летописцы нежную его привязанность к отцу (которого сей редкий сын *никогда и ни в чем не ослушался*), снисхождение к слабому человечеству, милосердие, щедрость, незлобие: ибо он, по их словам, *творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами*. Но всего яснее и лучше изображает его душу *поучение*, им самим написанное для сыновей. К счастью, сей остаток древности сохранился в одной харатейной летописи и достоин занять место в Истории.

Великий Князь говорит вначале, что дед его, Ярослав, дал ему Русское имя Владимира и Христианское Василия, а отец и мать прозвание *Мономаха*, или *Единборца*: для того ли, что Владимир действительно был по матери внук Греческого Царя Константина Мономаха, или в самой первой юности изъявлял особенную воинскую доблесть? – «Приближаясь ко гробу, – пишет он, – благодарю Всевышнего за умножение дней моих: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: *он говорит несправедливо!*

Страх Божий и любовь к человечеству есть основание добродетели. Велик Господь, чудесны дела Его!» Описав в главных чертах, и по большей части словами Давида, красоту творения и благость Творца, Владимир продолжает:

«О дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не Монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных; кормите их, и мыслите, что всякое достояние есть Божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли: сие противно Христианству. Будьте от-

цами сирот: судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа Христианина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердив же клятву целованием крестным, не преступайте оной. Братья сказали мне: *изгоним Ростиславичей и возьмем их область, или ты нам не союзник!* Но я отвечивал: *не могу забыть крестного целования, развернул Псалтырь и читал с умилением: вскую печальна еси, душе моя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему. Не ревнуй лукавнующим ниже завиди творящим беззаконие.* – Не оставляйте больных; не страшитесь видеть мертвых: ибо все умрем. Принимайте с любовью благословение Духовных; не удаляйтесь от них; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: *мы тленны; ныне живы, а завтра во гробе.* – Бойтесь всякой лжи, пьянства и любострастия, равно губельного для тела и души. – Читите старых людей как отцов, любите юных как братьев. – В хозяйстве сами прилежно за всем смотрите, не полагаясь на Отроков и Тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего. – На войне будьте деятельны; служите примером для Воевод. Не время тогда думать о пиршествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапно: для того не слагайте с себя оружия, где может встретиться опасность, и рано садитесь на коней. – Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду Княжеским Отрокам; а где остановитесь, напоите, накормите хозяина. Всего же более чтите гостя, и знаменитого и простого, и купца и Посла; если не можете одарить его, то хотя брашном и питием удовольствуйте: ибо гости распускают в чужих землях и добрую и худую об нас славу. – Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо. – Любите жен своих, но не давайте им власти

над собою. – Все хорошее, узнав, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил *пятью языками*: за что хвалят нас чужестранцы. Лениость – мать пороков: берегитесь ее. Человек должен всегда заниматься: в пути, на коне, не имея дела, вместо суетных мыслей читайте наизусть молитвы или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: *Господи помилуй*. Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славили господа с радостью и говорили: *Просвети очи мои, Христе Боже, и дал ми еси свет Твои красный*. Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту; а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям и птицам Бог присудил отдыхать в час полуденный. – Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть Отроку: на охоте и войне, днем и ночью, в зной летний и холод зимний не знал покоя; не надеялся на посадников и бирючей; не давал бедных и вдовиц в обиду сильным; сам назирал церковь и Божественное служение, домашний распорядок, конюшню, охоту, ястребов и соколов». – Исчислив свои дела воинские, уже известные Читателю, Владимир пишет далее: «Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомяну. Я заключил с Половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их Князей и выпустил из неволи, а более двух сот казнил и потопил в реках. – Кто путешествовал скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве у родителя прежде Вечерен. – Любя охоту, мы часто ловили зверей с вашим дедом. Своими руками в густых лесах вязал я диких коней вдруг по несколько. Два раза буйвол метал

меня на рогах, олень бодал, лось топтала ногами; вепрь сорвал меч с бедра моей, медведь прокусил седло; лю-
тый зверь однажды бросился и низвергнул коня подо
мною. Сколько раз я падал с лошади! Дважды разбил
себе голову, повреждал руки и ноги, не блюдя жизни
в юности и не щадя головы своей. Но Господь хранил
меня. И вы, дети мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни
зверей свирепых; но являйтесь мужами во всяком слу-
чае, посланном от Бога. Если Провидение определит,
кому умереть, то не спасут его ни отец, ни мать, ни бра-
тья. Хранение Божие надежнее человеческого».

Без сего завещания, столь умно писанного, мы не
знали бы всей прекрасной души Владимира, который
не сокрушил чуждых государств, но был защитою, сла-
вою, утешением собственного; и никто из древних Кня-
зей Российских не имеет более права на любовь потом-
ства: ибо он с живейшим усердием служил отечеству и
добродетели. Если Мономах один раз в жизни не усом-
нился нарушить права народного и вероломным обра-
зом умертвить Князей Половецких, то можем отнести к
нему слова Цицеронова: *век извиняет человека*. Считая
Половцев врагами Христианства и Неба (ибо они жгли
церкви), Россияне думали, что истреблять их, каким бы
то образом ни было, есть богоугодное дело.

К сожалению, древние Летописцы наши, рассказы-
вая подробно воинские и церковные дела, едва упомина-
ют о государственных или гражданских, коими Влади-
мир украсил свое правление. Знаем только, что он, желая
доставить народу все возможные удобства, сделал на
Днепре мост; часто ездил в Ростовскую и Суздальскую
землю, наследственную область Всеволодова Дому, для
хозяйственных распоряжений; выбрал прекрасное место
на берегу Клязьмы, основал город, назвал его *Владими-
ром Залесским*, окружил валом и построил там церковь

Св. Спаса. Сын его, Мстислав, распространил в 1114 году укрепления новгородские, а Посадник, именем Павел, заложил каменную стену в Ладоге.

Во время Мономахова княжения, довольно спокойное и мирное в сравнении с другими, были некоторые бедствия: редкая засуха в 1124 году и сильный в Киеве пожар, который продолжался два дня, обратив в пепел большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу*. Народ с ужасом видел еще одно совершенное затмение солнца и звезды на небе в самый полдень. В южной России случились два землетрясения, а в северной страшная буря, которая срывала дома и потопила множество скота в Волхове.

Мономах оставил пять сыновей и супругу третьего брака. Нет сомнения, что *первою* была Гида, дочь Английского Короля Гаральда, о коей мы упоминали и которая, по известию древнего Историка Датского, около 1070 года вышла за нашего Князя, именем Владимира. Норвежские Летописцы сказывают, что сын Гиды и сего Князя женился на Христине, дочери Шведского Короля Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владимировича действительно называлась Христиною. Ее дочери, внуки Мономаховы, вступили в знаменитые брачные союзы: одна с Норвежским Королем Сигурдом, а после с Датским Эриком Эдмундом; *вторая* с Канутом Святым, Королем Оботритским, отцом *Вальдемара*, славного Государя Датского, названного сим именем, может быть, в честь его великого прадеда, *Владимира* Мономаха; *третья* с Греческим Царевичем: думаю, сыном Императора Иоанна, Алексием, коего супруга именем и родом неизвестна по Византийским летописям.

В год сего бракосочетания (1120) приехал из Константинополя в Россию Митрополит Никита и заступил место умершего Никифора, мужа знаменитого сведениями

и красноречием³⁸: чего памятником остались два письма его к Мономаху: первое *о разделении Церквей*, Восточной и Западной; второе *о посте*, особенно любопытное, ибо оно содержит в себе не только богословские, но и философические умствования, заключаемые хвалою добродетелей Мономаховых. – «Разум, – пишет Никифор, – разум есть светлое око души, обитающей во главе. Как ты, Государь мудрый, сидя на престоле, чрез Воевод своих управляешь народом, так душа посредством пяти чувств правит телом. Не имею нужды во многоречии: ибо ум твой летает быстро, постигая смысл каждого слова. Могу ли предписывать тебе законы для умеренности в чувственных наслаждениях, когда ты, сын Княжеской и Царской (Греческой) крови, Властитель земли сильная, не знаешь дому, всегда в трудах и путешествиях, спишь на голой земле, единственно для важных дел государственных вступаешь во дворец светлый и, снимая с себя любимую одежду простую, надеваешь Властительскую; когда, угощая других обедами Княжескими; сам только смотришь на яства роскошные?.. Восхваляю ли тебе и другие добродетели? Восхваляю ли щедрость, когда десница твоя ко всем простерта; когда ты ни серебра ни злата не таишь, не считаешь в казне своей, но обеими руками раздаешь их, хотя оскудеть не можешь, ибо благодать Божия с тобою?.. Скажу единое: как душа обязана испытывать или поверять действия чувств, зрения, слуха, ее всегдашних орудий, дабы не обмануться в своих заключениях: так и Государь должен поверять донесения Вельмож. Вспомни, кто изгнан, кто наказан тобою: ни клевета ли погубила сих несчастных?.. Князь любезный! Да не оскорбит тебя искренняя речь моя! Не думай, чтобы я слышал жалобу осужденных и за них вступался; нет, пишу единственно на воспоминание тебе: ибо власть великая требует и великого отчета; а мы начинаем теперь

пост, время душеспасительных размышлений, когда Пастыри церковные должны и Князьям смело говорить истину. Ведаю, что мы сами, может быть, в злом недуге; но слово Божие в нас здраво и цело: ежели оно полезно, то надобно ли входить в дальнейшее исследование? Человек в лице, Бог в сердце», и проч. – Таким образом древние учителя нашей Церкви беседовали с Государями, соединяя усердную хвалу с наставлением Христианским. Слог сих писем ознаменован печатаю века: груб, однако ж довольно ясен, и многие выражения сильны.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ КИЕВСКИЙ. АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, ИЛИ ВЛАДИМИРСКИЙ

Годы 1167–1169

Вероломство Владимира. Изгнание Святослава из Новагорода. Война с Половцами. Речь Мстислава. Клевета Бояр. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятие и совершенное падение Киева.

Сыновья Ростислава, брат его Владимир, народ Киевский и Черные Клобуки – исполняя известную им последнюю волю умершего Великого Князя – звали на престол Мстислава Волынского. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряжениями в своем частном Уделе, поручил Киев племяннику, Васильку Ярополковичу, прислал нового Тиуна в Киев и скоро узнал от них, что дядя его, брат Ярослав, Ростиславичи и Князь Дорогобужский Владимир Андреевич, заключив тесный союз, думают самовольно располагать областями: хотят присвоить себе Брест, Торческ и другие

города. Мстислав оскорбился; призвал Галичан, Ляхов и выступил к Днепру с сильною ратиею. Усердно любив отца, Киевляне любили и сына, знаменитого делами воинскими; народ ожидал Мстислава с нетерпением, встретил с радостью, и Князья смирились. Только Владимир Мстиславич, малодушный и вероломный, дерзнул обороняться в Вышегороде: Великий Князь мог бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступил ему Котелницу и чрез несколько дней сведал о новых злых умыслах сего дяди. Владимир хотел оправдаться. Свидание их было в Обители Печерской. «Еще *не* обсохли уста твои, которыми ты целовал крест в знак искреннего дружества!» – говорил Мстислав и требовал вторичной присяги от Владимира. Дав оную, бессовестный дядя за тайну объявил Боярам своим, что Берендеи готовы служить ему и свергнуть Мстислава с престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. «И так отроки будут моими Боярами!» – сказал он и приехал к Берендеям, подобно ему вероломным: ибо сии варвары, быв действительно с ним в согласии, но видя его оставленного и Князьями и Боярами, пустили в грудь ему две стрелы. Владимир едва мог спастись бегством. Гнушаясь сам собою, отверженный двоюродным братом, Князем Дорогобужским, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился к Андрею Суздальскому, который принял его, но не хотел видеть; обещал ему Удел и велел жить в области Глеба Рязанского. Мать Владимирова оставалась в Киеве: Мстислав сказал ей: «Ты свободна: иди куда хочешь! но могу ли быть с тобою в одном месте, когда сын твой ищет головы моей и смеется над святостию крестных обетов?»

Андрей тогда же принял к себе и другого изгнанника, Святослава Ростиславича. Новгородцы – думая, что смерть отца Святославова разрешила их клятву – в тай-

ных ночных собраниях умыслили изгнать своего Князя. Сведав заговор, Святослав уехал в Великие Луки и велел объявить Новгородцам, что не хочет княжить у них. «А мы не хотим иметь тебя князем», – ответствовали граждане, клялися в том иконою Богоматери и выгнали его из Лук. Святослав бежал в Суздальскую область и, с помощью Андрея обратив в пепел Торжок, грабил окрестности. С другой стороны Князь Смоленский, отмщая за брата, выжег Луки. Бедные жители стремились толпами в Новгород, требуя защиты. Могущественный Андрей, действуя согласно с Романом Смоленским и Всеславом Полоцким, хотел, чтобы Новгородцы смирились пред Святославом. «Вам не будет иного Князя», – говорил он с угрозами. Но упрямый народ презирал оные; убил Посадника и двух иных друзей Святославовых; готовился к обороне и просил сына у Великого Князя Мстислава, обещаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новгородские могли проехать в Киев: ибо на всех дорогах стерегли их и ловили как злодеев. Между тем в Новгороде начальствовал умный Посадник Якун и заставил Святослава удалиться от Русы: сей Князь, имев сильное войско союзное, не дерзнул вступить в битву, довольный разорением многих селений, и чрез два года умер, хвалимый в летописях за его добродетель, бескорыстие и любовь к дружине.

[1168 г.] Несколько месяцев Новгород сиротствовал без Князя, с нетерпением ожидая его из Киева. В сие время Мстислав был занят воинским предприятием. В торжественном собрании всех Князей союзных он сказал им: «Земля Русская, наше отечество, стенает от половцев, которые не пременили донныне их древнего обычая: всегда клянутся быть нам друзьями, берут дары, но пленяют Христиан и множество невольников отводят в свои вежи. Нет безопасности для купеческих судов на-

ших, ходящих по Днепру с богатым грузом. Варвары думают совершенно овладеть торговым путем *Греческим*. Время прибегнуть к средствам действительным и сильным. Друзья и братья! Оставим междоусобие; воззрим на Небо, обнажим меч и, призвав имя Божие, ударим на врагов. Славно, братья, искать чести в поле и следов, проложенных там нашими отцами и дедами!» Все единодушно изъявили согласие умереть за Русскую землю, и каждый привел свою дружину: Святослав Черниговский, Олег Северский, Ростиславичи, Глеб Переяславский, Михаил, брат его, Князя Туровский и Волынские. Бояре радовались согласию Государей, и народ благословлял их ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями: Половцы слышали и бежали от Днепра, бросая жен и детей. Князя, оставив назади обоз, гнались за ними, разбили их, взяли многие вежи на берегах Орели, освободили Российских невольников и возвратились с добычею, с табунами и пленниками, потеряв не более трех человек. Сию добычу, следуя древнему обыкновению, разделили между собою Князя, Бояре и воины. Народ веселился и торжествовал победу в день Пасхи. Скоро, к общему удовольствию, прибыл благополучно и богатый купеческий флот из Греции: Князя ходили с войском на встречу к оному, чтобы защитить купцов от нападения Половцев, еще не совсем усмирненных.

Ни Мстислав, пируя тогда с союзниками под Каневом, ни Киевляне, радуясь победе и товарам *Греческим*, не предвидели близкого несчастья. Одна из причин оного была весьма маловажна: Князя жаловались на Мстислава, что он, будучи с ними на берегах Орели, тайно посылал ночью дружину свою вслед за бегущими врагами, чтобы не делиться ни с кем добычею. Два Боярина, удаленные Великим Князем от двора за гнусное

воровство, старались также поссорить братьев, уверяя Давида и Рюрика, что Мстислав намерен заключить их в темницу. Легковерие свойственно нравам грубым. Бояре Киевские, знавшие чистосердечие Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословия; но Ростиславичи остались в подозрении и не согласились выдать клеветников брату, говоря: «кто ж захочет впредь остерегать нас?» В то же время дядя Мстислава, Владимир Андреевич, несправедливо требуя от него новых городов, сделался ему врагом и с негодованием уехал в Дорогобуж. Таким образом Великий Князь лишился друзей и сподвижников, столь нужных в опасности.

Но главною виною падения его было то, что он исполнил желание Новгородцев и, долго медлив, послал наконец сына, именем Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть их мстителем; разорил часть Полоцкой области, сжег Смоленский городок Торопец, пленил многих людей. Андрей Суздальский вступился за союзников и не мог простить Мстиславу, что он, как бы в досаду ему, объявил себя покровителем Новгородцев. Может быть, Андрей с тайным удовольствием видел случай уничтожить первенство Киева и сделаться главою Князей Российских: по крайней мере, оставив на время в покое Новгород, он думал только о средствах низвергнуть Мстислава, издавна им любимого; тайно согласился с Ростиславичами, с Владимиром Дорогобужским, Олегом Северским, Глебом Переяславским и с Полоцким Князем; взял дружину у Владетелей Рязанского и Муромского, ему покорных; собрал многочисленную рать; поручил ее сыну Мстиславу и воеводе Борису Жидиславичу; велел им идти к Вышегороду, где княжил тогда Давид Ростиславич и где надлежало соединиться всем союзникам. Сие грозное

ополчение *одиннадцати* Князей³⁹ (в числе коих был и юный Всеволод Георгиевич, приехавший из Царяграда) шло с разных сторон к Днепру; а неосторожный Мстислав ничего не ведал и в то же время послал верного ему Михаила Георгиевича, Андреева брата, с отрядом Черных Клобуков к Новугороду: Ростиславичи схватили сего Князя на пути вместе с купцами Новгородскими. Мстислав едва успел призвать Берендеев и Торков, когда неприятели стояли уже под стенами города; два дня оборонялся мужественно: в третий [8 Марта 1169 г.] союзники взяли Киев *приступом*, чего не бывало дотоле. Сия, по слову древнего Олега, мать городов Российских, несколько раз осаждаемая и теснимая, отворяла иногда Златые врата свои неприятелям; но никто не входил в них *силою*. Победители, к стыду своему, забыли, что они Россияне: в течение трех дней грабили, не только жителей и дома, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола – и добродушный Летописец, желая извинить грабителей, сказывает нам, что Киевляне были тем наказаны за грехи их и за некоторые ложные церковные учения тогдашнего Митрополита Константина!.. Мстислав ушел с братом Ярославом в Волынию, оставив жену, сына, Бояр пленниками в руках неприятельских и едва не был на пути застрелен изменниками, Черными Клобуками.

Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицей отечества. Глеб и преемники его уже зависели от Андрея, который с того времени сделался истинным *Великим Князем России*, и таким образом город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицей, заступил ее место, обязанный своею знаменитостию не любви Андреевой к южной России.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ

Годы 1169–1174

Области Андрея. Набеги Половцев. Возвращение Мстислава в Киев. Кончина сего Князя. Война Андреева с Новымгородом. Мир. Набег Половцев. Кончина Глеба. Смерть вероломного Владимира. Киев отдан Смоленскому Князю. Сайгат, или трофеи Половецкие. Сын Андреев в Новгороде. Война с Болгарами. Ссора Андрея с Ростиславичами. Происшествия в Галиче. Свойство Мстислава Храброго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговского Князя. Убиение Андрея. Мятеж в земле Суздальской. Ненависть к Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодей Епископ. Население Вятки.

Андрей властвовал тогда в четырех нынешних губерниях: Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской; *отчасти*, в Новгородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагал областью Киевскою; повелевал Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими; но Черниговские и Галицкий оставались независимы: Новгород также.

Мстислав Андреевич, утвердив дядю на престоле Киевском, спешил поздравить отца с сим важным завоеванием. Оставленный союзниками, Глеб с беспокойством услышал о множестве Половцев, вступивших в область Днепровскую. Изъявляя миролюбие, Послы их говорили: «Мы не хотим страшить вас; не хотим и вас страшиться. Присягнем же друг другу в любви и согласии!» Но когда Глеб осыпал дарами Половцев на левой стороне Днепра, чтобы скорее удалить опасность от двенадцатилетнего сына своего, Владимира, княжившего в Переяславле, в то самое время другие толпы сих варваров, бывшие

у Корсуня, жгли и грабили церковные села, приписанные к Десятинному храму Богоматери. Глеб, не имея готового войска, хотел с малым числом гнаться за разбойниками, которые уже бежали к степям своим; но Берендеи не пустили его. «Государь Киевский (сказали они) не выходит в поле без сильной рати и без союзников. У тебя есть меньший брат и мы, верные слуги». Князь Михаил Георгиевич, взяв 100 Переяславцев и 1500 Берендеев, настиг Половцев; умертвил их стражу и начал битву. Берендеи и тут оказали усердие: схватили за узду коня Михаила и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идут вперед, оставляя его за собою как твердую опору. «Враги (по словам Летописца) превосходили числом, а наши мужеством: на всякое копие Русское было десять Половецких». Знаменосец Михаил пал в рядах, и неприятели сорвали его хоругвь с древка. Воевода Княжеский, наткнув на оное шлем свой, бросился вперед и сразил знаменосца неприятельского. Михаила ранили двумя копьями в бедро, а третьим в руку: Князь не думал о своих ранах, победил и привел в Киев 1500 пленных, освободив великое число Русских невольников.

Еще Глеб не мог княжить спокойно. Изгнанный из Киева Мстислав Изяславич, гордый, воинственный подобно родителю, считал свое изгнание минутным безвременьем и думал так же управиться с сыновьями Долгорукого, как Изяслав II управлялся с их отцем. Будучи союзником Ярослава Галицкого, он вступил с его полками в область Дорогобужскую, чтобы наказать ее Князя, Владимира Андреевича, ему изменившего. Владимир лежал на смертном одре: города пылали, жителей тысячами отводили в плен; в числе их попался в руки неприятелю и знаменитый пестун Княжеский, Боярин Пук. Напрасно ждав обещанного вспоможения от Глеба, несчастный Владимир умер, и разоренная область его

досталась Владимиру Мстиславичу, столь известному вероломством. Сей недостойный внук Мономахов, ознаменованный стыдом и презрением, отверженный Князьями и народом, долго странствовал из земли в землю, был в Галиче, в Венгрии, в Рязани, в степях Половецких; наконец прибегнул к великодушью своего гонителя, Мстислава; вымолил прощение и с его согласия въехал в Дорогобуж, дав обет вдовствующей Княгине и тамошним Боярам не касаться их имения. На другой же день он преступил клятву, отнял у них все, что мог, и выгнал горестную невестку, которая, взяв тело супруга, повезла оное в Киев. Туда шел и Мстислав, усиленный дружинами Князей Городненских, Туровскою и Владимира Мстиславича; а нерадивый Глеб, в одно время сведав о кончине Владимира Андреевича и приближении Мстислава, отправил Игумена Поликарпа встретить гроб первого и спешил уехать в Переяславль, ибо сомневался в верности Киевлян. Но Давид бодрствовал в Вышегороде. К нему привезли тело Дорогобужского Князя, оставленное Боярами, которые не смели явиться в Киев, где они недавно злодействовали вместе с Суздальцами. Игумен Лавры, Поликарп, требовал воинов у Давида, чтобы вести за гробом коней Княжеских и держать знамя над оным. «Мертвым нет нужды ни в чести, ни в знаменах, – ответствовал Князь: – неприятель идет; моя дружина готовится к битве: даю тебе только Игуменов и Священников». Зная, что Мстислав уже близко и что народ волнуется в Киеве, Давид не пустил туда горестной супруги Владимировой, для ее безопасности; сам выжег окрестности своего города и ждал неприятеля.

Мстислав без сопротивления вошел в Киев. Граждане столицы и Берендеи встретили его как друга: первые искренно, вторые лицемерно, доброхотствуя Глебу. Не теряя времени, Мстислав приступил к Вышегороду;

стал пред Златыми вратами, в садах; бился с утра до вечера, не жалея крови; хотел непременно взять крепость. Но союзники изменили ему. Воевода Галицкий объявил мнимое повеление своего Князя щадить людей и не стоять долго под Вышегородом. Другие также охладели в усердии; а Берендеи и Торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшение войска, силу неприятеля и слыша, что Глеб идет с Половцами к Киеву, Мстислав снял осаду; удалился в Вольнию с горестию, однако ж не без надежды быть впредь счастливее. Он действительно не замедлил снова ополчиться, узнав, что его племянник, Василько Ярополкович, разбитый Половцами, теснимый в Михайлове (близ Киева) и принужденный искать мира, выехал в Чернигов к Святославу Всеволодовичу (деду своему по матери); что Глеб и Давид с братьями разрушили до основания городок Михайлов, истребляя все памятники Мстиславова княжения в странах Днепровских. Но внезапная болезнь обезоружила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть, он поручил сыновей брату Ярославу, взял с него клятву не касаться их Уделов и преставился в Владимире с именем властителя умного, бодрого. Летописцы Польские, согласно с нашими, называют Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустого.

Россия северная в то же время была феатром важного происшествия. Могущественный Андрей, покорив древнюю южную столицу Государства, думал смирить Новгородцев и тревожил их чиновников, которые ездили собирать подати за Онегою. Первые неприятельские действия еще более возгордили сих надменных друзей вольности: они с малым числом разбили на Белеозере сильный отряд Суздальский и взяли дань с Андреевской области. Тогда Великий Князь решился одним ударом сразить их гордыню. Князя Смоленский, Рязанский, Муромский, Полоцкий вторично соединили свои дружины с

его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная летами, уже не пылала воинским славолюбием: он не хотел сам предводительствовать ратию и в надежде на счастье или мужество сына своего, Мстислава, снова вверил ему начальство. Вся Россия с любопытством ожидала следствий предприятия грозного, справедливого, по мнению современников беспристрастных. «Правда (говорили они), что Ярослав Великий, желая изъявить Новгородцам вечную благодарность за их усердие, даровал им свободу *избирать* себе Князей⁴⁰ из его достойнейших потомков; но сей Князь бессмертный предвидел ли все злоупотребления свободы? Предвидел ли, что народ, упоенный самовластием, будет ругаться над священным саном Государей, внуков и правнуков своего незабвенного благодетеля; будет давать клятву с намерением преступить оную; будет заключать Князей в темницу, изгонять их с бесчестием? Злоупотребление уничтожает право, и Великий Князь Андрей был избран Небом для наказания вероломных». Читая в летописях такие рассуждения, можем заключить, что современники желали успеха Андрею: одни по уважению и любви к достоинству Князей Российских, уничижаемых тогда Новгородцами; другие, может быть, от зависти к избытку и благосостоянию сего народа торгового. Падение Киева предвещало гибель и Новгородской независимости: шло то же войско; тот же Мстислав вел оное. Но Киевляне, приученные менять Государей и жертвовать победителю побежденным, сражались только за честь Князя; а Новгородцы за права собственные, за уставы отцов, которые бывают не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вместо того, чтобы грозить казнию одним главным виновникам последнего мятежа (ибо целый народ никогда сам собою не действует) или врагам изгнанного Святослава, за коего Великий Князь вступался, Мстислав

Андреевич в области Новгородской жег села, убивал земледельцев, брал жен и детей в рабство. Слух о таких злодействах, вопль, отчаяние невинных жертв воспламенили кровь Новгородцев. Юный Князь их, Роман Мстиславич, и посадник Якун взяли все нужные меры для защиты: укрепили город тыном; вооружили множество людей. Неприятели, на трех стах верстах оставив за собою один пепел и трупы, обступили Новгород, требуя, чтобы мятежники сдались. Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться; в четвертый день [25 февраля 1170 г.] началась битва, кровопролитная, ужасная. Новгородцы напоминали друг другу о судьбе Киева, опустошенного союзным войском; о церквах разграбленных, о святынях и древностях похищенных; клялись умереть за вольность, за храм Софии, и бились с остервенением. Архиепископ Иоанн, провождаемый всем Клиросом, вынес икону Богоматери и поставил на внешнем деревянном укреплении, или остроге: Игумены, Иереи пели святые песни; народ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй*. Стрелы сыпались градом: рассказывают, что одна из них, пущенная воином Суздальским, ударилась в икону; что сия икона в то же мгновение обратилась лицом к городу; что слезы капали с образа на фелон Архиепископа и что гнев Небесный навел внезапный ужас на полки осаждающих. Новгородцы одержали блестящую, совершенную победу и, приписав оную чудесному заступлению Марии, устави ежегодно торжествовать ей 27 ноября праздник благодарности⁴¹. Чувство живой Веры, возбужденное общим умилением, святыми церковными обрядами и ревностным содействием Духовенства, могло весьма естественным образом произвести сие чудо, то есть вселить в сердца мужество, которое, изумляя врага, одолевает его силу. Новгородцы видели

в Андреевых воинах не только своих злодеев, но и святотатцев богопротивных: мысль, что за нас Небо, делает храброго еще храбрее. Победители, умертвив множество неприятелей, взяли столько пленных, что *за гривну отдавали десять Суздальцев* (как сказано в Новгородской летописи), более в знак презрения, нежели от нужды в деньгах. – Бегущий Мстислав был наказан за свою лютость; воины его на возвратном пути не находили хлеба в местах, опустошенных ими, умирали с голода, от болезней, и древний Летописец говорит с ужасом, что они тогда, в *Великий пост*, ели *мясо* коней своих.

Казалось, что Новгородцы, столь озлобленные Боголюбским, должны были навеки остаться его врагами; но (к удивлению современников), чрез несколько месяцев изгнав Князя своего, Романа, они вошли в дружелюбное сношение с Андреем: ибо терпели недостаток в хлебе и других вещах необходимых, получаемых ими из соседственных областей Российских. Четверть ржи стоила тогда в Новгороде около рубля сорока трех копеек нынешними серебряными деньгами. Довольные славою одержанной победы, не желая новых бедствий войны и щадя народ, чиновники, Архиепископ, люди нарочитые предложили мир Боголюбскому, по тогдашнему выражению, *на всей воле своей*, то есть не уступая прав Новгородских: Великий Князь принял оный с тем условием, чтобы вместо умершего Святослава княжил в Новгороде брат его, Рюрик Ростиславич, который господствовал в Овруче, не хотел перемены и, единственно в угодность Андрею выехав оттуда, приказал сей Удел Волынский брату Давиду.

Северные области успокоились: в южных снова свирепствовали Половцы, которые на сей раз пришли из-за реки Буга, от берегов Черного моря. Глеб Киевский, отягченный болезнию, не мог защитить бедных земледельцев; но храбрый Михаил и юный брат его, Всеволод Георгие-

вич, с Торками и Берендеями разбили хищников. Воевода Михайлов, Володислав, дал Князю совет умертвить пленных: ибо другие толпы неприятелей были еще впереди. Сия жестокость казалась тогда спасительною мерою безопасности. Освободив 400 Россиян, сыновья Георгиевы возвратились оплакать кончину Глеба, благонравного (по сказанию летописцев), верного в слове и милосердного.

Еще Андрей не имел времени назначить преемника Глебова⁴², когда Ростиславичи, Давид и Мстислав, послали в Воынию за дядею своим, Владимиром Дорогобужским, желая, чтобы он, как старший в роде Мономаховом, господствовал в Киеве или в самом деле зависел от них, господствуя только именем. Будучи союзником Ярослава Луцкого и сыновей его брата, Владимир, не сказав им ни слова, уехал из Дорогобужа и был [15 февраля 1171 г.] возведен племянниками на Киевский престол, к неудовольствию граждан и Боголюбского, который, хотя унижил сию столицу, однако ж думал, что Князь, славный только вероломством, не достоин именоваться наследником ее древних самодержцев. Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавших дядю, Андрей велел ему немедленно выехать из Киева; но Владимир, княжив менее трех месяцев, умер, памятный криводушием и всеми презираемый: ибо не имел блестящих свойств, смелости и мужества, коими другие Князья, столь часто ему подобные в вероломстве, закрашивали свои преступления. Тогда Андрей, соединяя честолюбие с благородным бескорыстием и как бы желая великодушием устыдить Ростиславичей, объявил им, что они, дав слово быть ему послушными как второму отцу, имеют право ждть от него милости и что он уступает Киев брату их, Роману Смоленскому. Довольный сею особенною благосклонностию Великого Князя, Роман поручил Смоленск сыну Ярополку и въехал в столицу Киевскую

при изъявлениях всеобщей радости жителей, любивших в нем добродетели отца его: справедливость и незлобие. Он торжествовал вместе и свое восшествие на престол и победу, одержанную Игорем Святославичем Северским (близ урочища Олтавы и реки Ворсклы) над Кобяком и Кончаком, Ханами Половецкими. Юный Игорь сам вручил ему *сайгат*, или трофеи, в знак уважения; был ода-рен Ростиславичами и весело праздновал с ними в Вышегороде день Святых Бориса и Глеба.

Не уважая Киева, Андрей старался подчинить себе Новгород уже не силою, но дружбою и справедливостию. Рюрик недолго был там Князем: выгнав Посадника Жирослава (ушедшего к Боголюбскому), он не мог жить с гражданами в мире и скоро уехал к братьям. На его место Андрей с удовольствием дал Новгородцам юного сына своего, Георгия, и сам решил их важнейшие дела гражданские, по коим Архиепископ Иоанн ездил на совет к нему в Владимир. Народ, в угодность Великому Князю, снова признал Жирослава главным своим чиновником; а Великий Князь, в угодность народу согласился чрез год на избрание другого Посадника.

В то время Андрей имел опять войну с Болгарами, желая ли отмстить им за какие обиды или обогатиться добычею в стране торговой. Рязанцы и муромцы соединились с его сыном, Мстиславом, на устье Оки и зимою пришли к берегам Камы, но в малом числе: ибо люди отбывали от зимнего похода, трудного в местах, большею частию ненаселенных, где лежат глубокие снега и часто свирепствуют метели. Главный воевода Андреев, Борис Жидиславич, взяв шесть Болгарских деревень и седьмой городок, умертвив жителей, пленив жен и детей, советовал Князьям идти назад. 6000 Болгаров гнались за ними и едва не настигли Мстислава близ границы, верстах в 20 от устья Оки. Сей Князь, возвратясь в столицу, кончил

жизнь в юности. Пользуясь доверенностию отца в делах ратных, он без сомнения отличался мужеством.

Горестный Андрей, оплакивая смерть достойного сына, не терял бодрости в делах государственных, ни властолюбия. Вероятно, что Рюрик, принужденный отказать от Новагорода, винил в том не одну строптивость его жителей, но и хитрость Великого Князя, столь охотно взявшего на себя быть их главою. Вероятно, что и Великий Князь, изведав гордость Ростиславичей, в особенности Давида и Мстислава, искал случая унижить оную без явного нарушения справедливости. По крайней мере, счастливое согласие между ими не продолжилось. Веря, искренно или притворно, какому-то ложному внушению, Андрей дал знать Ростиславичам, что Глеб умер в Киеве не естественною смертию и что тайным убийцею его был Вельможа Григорий Хотович, коего они, вместе с другими участниками сего злодеяния, должны прислать к нему в Владимир для казни. Роман не сделал того из жалости к людям невинным, бессовестно оклеветанным; а гневный Андрей, велел Ростиславичам выехать из областей южных, отдал Киев храброму Михаилу, княжившему в Торческе. Тихий Роман не спорил и возвратился в Смоленск; но его братья, Рюрик, Давид, Мстислав, жаловались на сию несправедливость и, видя, что Великий Князь презирает их жалобы, вступили ночью в Киев, захватили там Всеволода Георгиевича вместе с племянником Андреевым, Ярополком; осадили Михаила в Торческе и заключили с ним особенный мир, уступив ему Переяславль, а себе взяв столицу Киевскую, где Рюрик, возведенный братьями на ее престол, хотел господствовать независимо от Андрея. В сие время жил у Михаила юный Князь Галицкий, Владимир Ярославич, сын его сестры, Ольги Георгиевны. Ярослав, имея слабость к одной злонравной женщине, именем Анастасии, не лю-

бил супруги и так грубо обходился с нею, что она решилась бежать с сыном в Польшу. Многие Бояре Галицкие, доброхотствуя им, дерзнули на явный бунт: вооружили народ, умертвили некоторых любимцев Княжеских, сожгли Анастасию, заточили ее сына и невольно примирили Ярослава с супругою. Мир, вынужденный угрозами и злодейством, не мог быть искренним: усмирив или обуздав мятежных Бояр, Ярослав новыми знаками ненависти к Княгине Ольге и к Владимиру заставил их вторично уйти из Галича. Владимир искал покровительства Ярослава Изяславича Луцкого и его племянников, обещав им со временем возвратить Волынские города, Бужск и другие; но Князь Галицкий требовал, чтобы они выдали ему сего несчастного, и грозился опустошить пламенем всю область Луцкую. Тогда Владимир прибегнул к своему дяде Михаилу; а Михаил, не пустив его ни к Святославу Черниговскому (тестю Владимирову), ни к Андрею, велел ему, в угодность Ростиславичам, друзьям Князя Галицкого, возвратиться к отцу, готовому простить сына. За то Рюрик освободил Всеволода Георгиевича, удержав одного Ярополка пленником в Киеве: ибо Ростиславичи, предвидя неминуемую войну с Андреем, хотели иметь важного аманата в руках своих. Брат Ярополков, высланный ими из Триполя, должен был уехать в Чернигов.

Святослав Черниговский и все Олеговы внуки радовались междоусобию Мономахова потомства. «Неужели не вступишься за честь свою! – говорили их Послы Великому Князю: – враги твои суть наши; мы все готовы к войне». Андрей, еще более подвигнутый ими на злобу, отправил Княжеского Мечника, именем Михна, сказать Ростиславичам: «Вы мятежники. Область Киевская есть мое достояние. Да удалится Рюрик в Смоленск к брату, а Давид в Берлад: не хочу терпеть его в земле Русской, ни Мстислава, главного виновника злу». Сей последний,

как пишут современники, навык от юности не бояться никого, кроме Бога единого. В пылкой досаде он велел остричь голову и бороду Послу Андрееву. «Теперь иди к своему Князю, – сказал Мстислав: – повтори ему слова мои: доселе мы уважали тебя как отца; но когда ты не устыдился говорить с нами как с твоими *подручниками* и людьми простыми, забыв наш Княжеский сан, то не страшимся угроз; исполни оные: идем на суд Божий». Сведав бесчестие своего Посла и сей гордый ответ, Андрей, по выражению Летописца, омрачился гневом и, собрав 50000 воинов Суздальских, Белозерских, Новгородских, Муромских, Рязанских, вручил предводительство юному Георгию Новгородскому, тогда уже единственному его сыну, и Вельможе Борису Жидиславичу. Он велел им изгнать Рюрика с Давидом, а дерзкого Мстислава привести в Владимир. Рать, столь многочисленная, была еще усилена дружинами всех иных Князей, подчиненных Андрею: Кривских, или Полоцких, Туровского, Городненского, Пинского, даже и Смоленского: ибо Роман не смел ослушаться Великого Князя, сколько ни любил братьев. Все полки соединились в Черниговской области, и старший из Князей, Святослав, внук Олегов, принял главное начальство. Михаил и Всеволод Георгиевичи, вместе с тремя племянниками, встретили их на берегу Днепра. Они вступили в Киев без сопротивления: ибо Рюрик удалился оттуда в Белгород, а Мстислав с Давидовым полком заключился в Вышегороде; сам же Давид уехал в Галич требовать вспоможения от Ярослава Владимировича. Взяв с собою еще множество Киевлян, Берендеев, Торков, Святослав Черниговский и более двадцати князей осадили Вышегород. Шумный, необозримый стан их был предметом удивления для жителей Днепровских. Ничтожная крепость, обороняемая горстию людей, казалась целию,

недостойною такого великого ополчения, которое могло бы разрушить или завоевать сильную Державу; но в сей ничтожной крепости бодрствовал Герой, а в стане осаждающих недоставало ни усердия, ни согласия. Одни Князья не любили самовластия Андреева, другие коварства Святославова; некоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичам. Стояли девять недель, от 8 сентября [1173 г.] до самой глубокой осени; бились ежедневно, с обеих сторон теряя немало людей. Вдруг показались вдали знамена: Мстислав ожидал Галичан; но пришел Ярослав Изяславич Луцкий, также союзник Андреев. Сей Князь решил судьбу осады. Думая только о собственной пользе, он хотел столицы Киевской; узнав же, что Ольговичи намерены присвоить оную себе, вступил в тайные переговоры с Рюриком и Мстиславом, которые охотно согласились на все его требования. Когда же Ярослав явно взял их сторону и с полками своими двинулся к Белугороду, чтобы соединиться с Рюриком, стан осаждающих представил зрелище удивительной тревоги и наконец всеобщего бегства. Не слушая ни Воевод, ни Князей, малодушные вопили: «Мы гибнем! Ярослав изменил, Берендеи изменят, Галичане идут; будем окружены, побиты наголову!» – и ночью бросались толпами в реку. Герой Мстислав стоял на стене: при свете утренней зари видя сие непонятное бегство войска многочисленного, как бы сверхъестественною силою гонимого, низвергаемого во глубину Днепра, он едва верил глазам – поднял руки к небу; восхвалил святых заступников Вышегорода, Бориса и Глеба; сел на коня и спешил довершить удар; топил, пленял людей; взял стан неприятельский, обозы – и с того времени считался храбрейшим из Князей Российских. Летописцы, осуждая надменность Андрея и союз его с Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносят хвалами

Мстислава, ознаменованного чудесным покровительством Неба в ратоборстве с сильными.

Ярослав Луцкий въехал в Киев, а сын Андреев возвратился в Суздальский Владимир с неописанным стыдом, без сомнения, весьма чувствительным для отца; но, умея повелевать движениями своей души, Андрей не изъявил ни горести, ни досады и снес уничтожение с кротостию Христианина, приписывая оное, может быть – равно как и бедственную осаду Новагорода – гневу Божию на Суздальцев за опустошение святых церквей Киевских в 1169 году. Сия мысль смирила, кажется, его гордость. Он не хотел упорствовать в злобе на Ростиславичей, не думал мстить Ярославу за измену и не мешал ему спокойно властвовать в Киеве, к прискорбию Святослава Черниговского, коего искусство государственное состояло в том, чтобы ссорить Мономаховых потомков. [1174 г.] Сей Князь, не имея надежды вооружить Андрея, начал требовать удела от Ярослава, говоря: «Ты обещал под Вышегородом дать мне область, когда сядешь на престоле Святого Владимира; ныне, сидя на оном – право ли, криво ли, не знаю, – исполни обещание. У нас одни предки: я не Лях, не Угрин». Ярослав сухо отвечивал, что он господствует в Киеве не по милости Ольговичей и что род их должен искать Уделов только на левом берегу Днепра. Князь Черниговский замолчал; но в тишине собрал войско, внезапно изгнал Ярослава, пленил его жену, сына, Бояри, ограбив дворец, ушел назад. Киевляне оставались равнодушными зрителями сего разбоя в ожидании, кто захочет быть их Князем. Ярослав возвратился; и, думая, что они сами тайно призвали Святослава, обложил данию всех граждан, даже Попов, Монахов, иноземных купцов, Католиков. «Мне надобно серебро, чтобы выкупить жену и сына», – говорил озлобленный Князь и,

наказав Киевлян, виновных единственно своею к нему холодностью, заключил мир с Святославом, который жег тогда область брата, Олега Северского.

Сей мир казался Ростиславичам малодушием, а тягостная дань, возложенная на Киев, несправедливостию. Огорченные Андреем, но внутренно уважая в нем старейшего из Князей, достойного быть их Главою, они изъявили ему желание забыть прошедшее и взаимным искренним согласием успокоить южную Россию: для того хотели, чтобы Великий Князь, как ее законный покровитель, снова уступил Киев Роману Смоленскому, и брали на себя выслать оттуда Ярослава, не любимого народом и неспособного блюсти древнюю столицу Государства. Андрей, довольный их уважением, обещал посоветоваться с братьями, Михаилом, Всеволодом; писал к ним в Торческ и не дождался ответа, кончив жизнь от руки своих любимцев.

Великий Князь, женатый – по известию новейших Летописцев – на дочери убиенного Боярина Кучка, осыпал милостями ее братьев. Один из них приличился в каком-то злодействе и заслужил казнь. Другой, именем Иоаким, возненавидел Государя и благодетеля за сие похвальное действие правосудия; внушал друзьям своим, что им будет со временем такая же участь; что надобно умереть или умертвить Князя, ожесточенного старостию; что безопасность есть закон каждого, а мщение должность. Двадцать человек вступили в заговор. Никто из них не был лично оскорблен Князем; многие пользовались его доверенностию: зять Иоакимов, Вельможа Петр (у коего в доме собирались заговорщики), Ключник Анбал Ясин, чиновник Ефрем Моизович. В глубокую полночь [29 июня 1174 г.] они пришли ко дворцу в Боголюбове (ныне селе в 11 верстах от Владимира), ободрили себя вином и крепким медом в Княжеском погребе, зарезали

стражей, вломились в сени, в горницы и кликали Андрея. С ним находился один из его Отроков. Услышав голос Великого Князя, злодеи отбили дверь *ложницы*, или спальни. Андрей напрасно искал меча своего, тайно унесенного Ключником Анбалом: сей меч принадлежал некогда Святому Борису. Два человека бросились на Государя: сильным ударом он сшиб первого с ног, и товарищи в темноте умертвили его вместо Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорил извергам: «За что проливаете кровь мою? Рука Всевышнего казнит убийц и неблагодарных!». . . Наконец упал на землю. В страхе, в замешательстве они схватили тело своего товарища и спешили удалиться. Андрей в беспамятстве вскочил, бежал за ними, громко стелая. Убийцы возвратились; зажгли свечу и следом крови Андреевой дошли в сенях до столпа лестницы, за коим сидел несчастный Князь. Петр отрубил ему правую руку; другие вонзили мечи в сердце; Андрей успел сказать: «Господи! В руке Твои предаю дух мой!» и скончался⁴³.

Умертвив еще первого любимца Княжеского, Проконья, заговорщики овладели казною государственною, золотом, драгоценными камнями; вооружили многих Дворян, приятелей, слуг и послали объявить Владимирской дружине или тамошним Боярам о смерти Великого Князя, называя их своими единомышленниками. «Нет, – ответствовали Владимирцы: – мы не были и не будем участниками вашего дела». Но граждане Боголюбские взяли сторону убийц; расхитили дворец, серебро, богатые одежды, ткани. – Тело Андреево лежало в огороде: Киевлянин, именем Козма, усердный слуга несчастного Государя, стоял над оным и плакал. Видя Ключника Анбала, он требовал ковра, чтобы прикрыть обнаженный труп. Анбал отвечал: «Мы готовим его на снадение псам». *Изверг!* сказал сей добродушный слуга: *Государь*

взял тебя в рубище, а ныне ты ходишь в бархате, оставляя мертвого благодетеля без покрова. Ключник бросил ему ковер и мантию. Козма отнес тело в церковь, где крилошане долго не хотели отпереть дверей: на третий день отпели его и вложили в каменный гроб. Через шесть дней Владимирский Игумен Феодул привез оное в Владимир и погреб в Златоверхом храме Богоматери.

Неустройство, смятение господствовали в областях Суздальских. Народ, как бы обрадованный убиением Государя, везде грабил дома Посадников и Тиунов, Отроков и Мечников Княжеских; умертвил множество чиновников, предавался всякого рода неистовству, так, что Духовенство, желая восстановить тишину, прибегнуло наконец к священным обрядам: Игумены, Иереи, облаченные в ризы, ходили с образами по улицам, моля Всевышнего, чтобы он укротил мятеж. Владимирцы оплакивали Андрея, но не думали о наказании злодейства, и гнусные убийцы торжествовали.

Одним словом, казалось, что Государство освобождено от тирана: Андрей же, некогда вообще любимый, по сказанию Летописцев, был не только набожен, но и благотворителен; щедр не только для Духовных, но и для бедных, вдов и сирот: слуги его обыкновенно развозили по улицам и темницам мед и брашна стола Княжеского. Но в самых упреках, делаемых Летописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находим объяснение на сию странность: *вы не рассудили (говорят они современникам), что Царь, самый добрый и мудрый, не в силах искоренить зла человеческого; что где закон, там и многие обиды.* Следственно, общее неудовольствие происходило от худого исполнения законов или от несправедливости судей: столь нужно ведать Государю, что он не может быть любим без строгого, бдительного правосудия; что народ за хищность судей

и чиновников ненавидит Царя, самого добродушного и милосердного!⁴⁴ Убийцы Андреевы знали сию ненависть и дерзнули на злодеяние.

Впрочем, Боголюбский, мужественный, трезвый и прозванный за его ум *вторым Соломоном*, был, конечно, одним из мудрейших Князей Российских в рассуждении Политики, или той науки, которая утверждает могущество государственное. Он явно стремился к спасительному единовластию и мог бы скорее достигнуть своей цели, если бы жил в Киеве, унял Донских хищников и водворил спокойствие в местах, облагодетельствованных природою, издавна обогащаемых торговлею и способнейших к гражданскому образованию. Господствуя на берегах Днепра, Андрей тем удобнее подчинил бы себе знаменитые соседственные Уделы: Чернигов, Волынию, Галич; но, ослепленный пристрастием к северо-восточному краю, он хотел лучше основать там *новое* сильное Государство, нежели восстановить могущество *древнего* на Юге.

Летописцы всего более хвалят Андрея за обращение многих Болгаров и Евреев в Христианскую Веру, за его усердие к церквам и монастырям, за уважение и любовь к сану Духовных. Подражая Святому Князю, крестившему Россию, он наделил в Владимире новую *Епископскую* Соборную церковь Богоматери (им в 1158 году заложенную) поместьями и купленными слободами; отдал ей также десятую часть из торговых доходов своих и Княжеских стад; призвал художников из разных земель, чтобы украсить оную великолепно; и драгоценные сосуды ее, золотые двери, паникадила, серебряный амвон, живопись, богатые оклады икон, осыпанных жемчугом, были тогда предметом удивления для Россиян и купцов иностранных. В сем новом Десятинном храме стоял Палладиум Великого Княжения Суздальского: образ Бого-

матери, с коим Андрей прибыл из Вышегорода на берега Клязьмы и победил в 1164 году Болгаров. Не менее славилась великолепием церковь Боголюбская, украшенная золотом и финифтью. Такую же хотел Андрей соорудить и в Киеве, на *Дворе Ярослава* – в память, как говорил он, древнему отечеству его предков; уже отправил туда зодчих, строивших Владимирские Златые врата, но не успел исполнить своего набожного обета. В некоторых летописях сказано, что сей Великий Князь думал учредить Митрополию в Владимире, но что Патриарх Цареградский отказал ему в том⁴⁵, желая оставить Киевского Митрополита единственным в России.

Со времен Владимира Святого до Георгия Долгорукого мир и тишина царствовали в недрах Российской благословенной Церкви. При Изяславе II сей мир был нарушен несогласием Епископов о посвящении Митрополита Климента: при Великом же Князе Боголюбском открылась первая ересь в нашем отечестве, важная, по мнению тогдашних Христиан. Ростовский Епископ Леон, изгнанный народом за его корыстолюбие и грабеж, утверждал, что ни в какие Господские праздники, буде они случатся в Среду или в Пятницу, не должно есть мяса. Новый Епископ Суздальский, Феодор, в присутствии Великого Князя опровергал Леона, который решился искать суда в Греции. Послы Киевский, Андреев, Переяславский и Черниговский отправились вслед за ним и в ставке Императора Мануила, бывшего тогда на Дунае, с великим благоговением слушали, как Святитель Болгарский, Адриан, уличал Леона в заблуждении. Император думал согласно с Адрианом; но Леон противоречил, и столь дерзко, что Вельможи Греческие схватили нескромного еретика и хотели утопить в реке. Митрополит Российский и Черниговский Епископ Антоний держались мнения Леонова: за что Князь

Святослав Всеволодович изгнал Антония из Чернигова. Сие странное прение несколько лет волновало умы и совесть людей простодушных.

Гораздо удивительнее и важнее то, что Летописцы рассказывают нам о другом Ростовском Епископе. Великий Князь, признав монаха Феодора достойным Святительского сана, посылал его ставиться в Киев; но Феодор, уже приняв на себя звание Епископа, не хотел ехать к Митрополиту. Сего мало: будучи корыстолюбив и злобен, он мучил людей в подвластных Епископу селах, Иноков, Игуменов, Священников; брил им головы и бороды; даже распинал некоторых, выжигал глаза, резал языки, единственно для того, чтобы присвоить себе их достояние. Князь терпел изверга, довольствуясь, может быть, одними угрозами. Еще более тем озлобленный, лжепастырь вздумал наконец запереть все церкви в Владимире и взял от них ключи. Народ взволновался. Великий Князь, низвергнув Феодора, предал его на суд Митрополиту, который велел отрезать ему язык, отсечь правую руку и выколоть глаза: «ибо сей еретик (прибавляют Летописцы) злословил Богоматерь!» Такие происшествия могут быть изъяснены одним тогдашним невежеством и грубостью нравов.

К последнему году княжения Андреева относится любопытное известие *Хлыновского Летописца* о первом населении Вятки Россиянами. В 1174 году некоторые жители области Новгородской, отчасти наскучив внутренними раздорами, отчасти теснимые возрастающим многолюдством в их пределах, решились выехать из отечества и, Волгою доплыв до Камы, завели селение на берегу ее. Зная, что далее к Северу обитают народы дикие в стране лесной, изобильной дарами природы, многие из сих выходцев отправились вверх до устья Осы; обратились к Западу; дошли до Чепцы

и, плывя ею вниз, покорили бедные жилища Вотяков; наконец, вошли в реку Вятку и на правом берегу ее, на горе высокой, увидели красивый городок, окруженный глубоким рвом и валом. Место полюбили Россияне: они захотели овладеть им и навсегда там остаться; несколько дней говели, молились и, призвав в помощь святых защитников своего отечества, Бориса и Глеба, на память их, Июля 24, взяли город. Жители скрылись в лесах. Сие укрепленное селение называлось *Болванским* (вероятно, от капища, там бывшего): завоеватели дали ему имя Никулицына и построили в нем церковь Бориса и Глеба. Между тем оставленные на Каме товарищи – может быть, опасаясь соседственных Болгаров – решились также искать другого жилища; пришли на судах к устью Вятки; плыли сею рекою вверх до *Черемисского* города *Кокшарова* (ныне Котельнича) и завладели оным. Утвердясь в стране Вятской, Россияне основали новый город близ устья речки Хлыновицы, назвали его *Хлыновом* и, с удовольствием приняв к себе многих Двинских жителей, составили маленькую республику⁴⁶, особенную, независимую в течение двухсот семидесяти осми лет, наблюдая обычаи Новгородские, повинясь сановникам избираемым и Духовенству. Первобытные обитатели земли Вятской, Чудь, Вотяки, Черемисы, хотя набегами беспокоили их, но были всегда отражаемы с великим уроном, и память сих битв долго хранилась там в торжественных церковных обрядах: два раза в год из села Волкова с образом Св. Георгия носили в Вятку *железные стрелы*, кои были оружием Чуди или Вотяков и напоминали победу Россиян. Новгородцы также от времени до времени старались делать зло Хлыновским поселенцам, именовали их своими беглецами, рабами и не могли простить им того, что они хотели жить независимо.

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН III ВАСИЛЬЕВИЧ

Годы 1462–1472

Вступление. Князь Рязанский отпущен в свою столицу. Договор с Князьями Тверским и Верейским. Дела Псковские. Ахмат восстает на Россию. Всеобщая мысль о скором преставлении света. Кончина супруги Иоанновой. Избрание нового Митрополита. Походы на Казань. Война с Новымгородом. Явление комет. Завоевание Перми. Нашествие Ахмата на Россию. Смерть Юрия, Иоаннова брата.

Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки Княжеские, но деяния Царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется Держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устраются лучшие воинства, призываются Искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; Посольства Великокняжеские спешат ко всем Дворам знаменитым; Посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: Император, Папа, Короли, Республики, Цари Азиатские приветствуют Монарха Российского, славного победами и завоеваниями от прадедов Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия: Италия дает первые плоды рождающихся в ней

художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы драгоценные. Вот содержание блестящей Истории Иоанна III, который имел редкое счастье властвовать сорок три года и был достоин оного, властвуя для величия и славы Россиян.

Иоанн на двенадцатом году жизни сочетался браком с Мариєю, Тверскою Княжною; на осмнадцатом уже имел сына, именем также Иоанна, прозванием *Младого*, а на двадцать втором сделался Государем. Но в лета пылкого юношества он изъявлял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный Судьбою восстановить Единодержавие в России, он не вдруг предпринял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными. Московские Наместники управляли Рязанью; малолетний Князь ее, Василий, воспитывался в нашей столице: Иоанн одним словом мог бы присоединить его землю к Великому Княжению, но не хотел того и послал шестнадцатилетнего Василия господствовать в Рязани, выдав за него меньшую сестру свою, Анну. Признал также независимость Твери, заключив договор с шурином, Михаилом Борисовичем, как с братом и *равным ему Великим* Князем; не требовал для себя никакого старейшинства; дал слово не вступаться в *Дом Святого Спаса*, не принимать ни Твери, ни Кашина от Хана⁴⁷, утвердил границы их владений, как они были при Михаиле Ярославиче. Зять и шурина условились действовать заодно против Татар, Литвы, Польши и Немцев; второй обязывался не иметь никакого сношения с врагами пер-

вого, с сыновьями Шемяки, Василия Ярославича Боровского и с Можайскими; а Великий Князь обещал не покровительствовать врагов Тверского. Михаил Андреевич Верейский по договорным грамотам уступил Иоанну некоторые места из своего Удела и признал себя *младшим* в отношении к самым меньшим его братьям; в прочем удержал все старинные права Князя Владетельного.

Псковитяне оскорбили Иоанна. Василий Темный незадолго до кончины своей дал им в Наместники, без их воли, Князя Владимира Андреевича⁴⁸, они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули с крыльца на Вече. Владимир поехал жаловаться в Москву, куда вслед за ним прибыли и Бояре Псковские. Три дня Великий Князь не хотел их видеть; на четвертый выслушал извинения, простил и милостиво дозволил им выбрать себе Князя. Псковитяне избрали Князя Звенигородского, Ивана Александровича: Иоанн утвердил его в сем достоинстве и сделал еще более: прислал к ним войско, чтобы наказать Немцев за нарушение мира: ибо жители Дерпта посадили тогда наших купцев в темницу. Сия война, как обыкновенно, не имела важных следствий. Немцы с великим стыдом бежали от передового отряда Российского; а Псковитяне, имея у себя несколько пушек, осадили Нейгаузен и посредством Магистра Ливонского скоро заключили перемирие на девять лет, с условием, чтобы Епископ Дерптский, по древним грамотам, заплатил какую-то дань Великому Князю, не утесняя в сем городе ни жителей Русской слободы, ни церковей наших. Воевода Иоаннов, Князь Федор Юрьевич, возвратился в Москву, осыпанный благодарностию Псковитян и дарами, которые состояли в тридцати рублях для него и в пятидесяти для всех бывших с ним Бояр ратных.

Новгородцы не взяли участия в сей войне и даже явно доброжелательствовали Ордену: в досаду им Пско-

витяне отложились от их Архиепископа, хотели иметь своего особенного Святителя и просили о том Великого Князя. Еще Новгород находился в дружелюбных сношениях с Москвою и слушался ее Государя: благоразумный Иоанн отвечал Псковитянам: «В деле столь важном я должен узнать мнение Митрополита и всех Русских Епископов. Вы и старшие братья ваши, Новгородцы, моя отчина, жалуетесь друг на друга; они требовали от меня Воеводы, чтобы смирить вас оружием: я не велел им мыслить о сем междоусобии, ни задерживать ваших Послов на пути ко мне; хочу тишины и мира; буду праведным судиею между вами». Сказав, совершил дело миротворца. Псковитяне возвратили церковные земли Архиепископу Ионе и взаимными клятвами подтвердили древний союз братский с Новгородцами. Через несколько лет Духовенство Псковское, будучи весьма недовольно правлением Ионы, обвиняемого в беспечности и корыстолюбии, хотело без его ведения решить все церковные дела по Номоканону и с согласия гражданских чиновников написало судную для себя грамоту; но Великий Князь вторично вступился за древние права Архиепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, как было.

Три года Иоанн властвовал мирно и спокойно, не сложив с себя имени данника Ординского, но уже не требуя милостивых ярлыков от Хана на достоинство Великокняжеское и, как вероятно, не платя дани, так что Царь Ахмат, повелитель Волжских Улусов, решился прибегнуть к оружию; соединил все силы и хотел идти к Москве. Но счастье, благоприятствуя Иоанну, воздвигло Орду на Орду: Хан Крымский, Ази-Гирей, встретил Ахмата на берегах Дона⁴⁹: началась кровопролитная война между ими, и Россия осталась в тишине, готовясь к важным подвигам.

[1466–1467 гг.] Кроме внешних опасностей и неприятелей, юный Иоанн должен был внутри Государства

преодолеть общее уныние сердец, какое-то расслабление, дремоту сил душевных. Истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира по Греческим хронологам: суеверие с концом ее ждало и конца миру⁵⁰. Сия несчастная мысль, владычествуя в умах, вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества; менее стыдились государственного ига, менее пленялись мыслию независимости, думая, что все ненадолго. Но печальное тем сильнее действовало на сердца и воображение. Затмения, мнимые чудеса ужасали простолюдинов более, нежели когда-нибудь. Уверяли, что Ростовское озеро целые две недели страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестным жителям. Были и важные, действительные бедствия: от чрезвычайного холода и морозов пропадал хлеб в полях; два года сряду выпадал глубокий снег в мае месяце. Язва, называемая в летописях *железою*, еще искала жертв в России, особенно в Новгородских и Псковских владениях, где, если верить исчислению одного Летописца, в два года умерло 250652 человека; в одном Новгороде 48402, в монастырях около 8000. В Москве, в других городах, в селах и на дорогах также погибло множество людей от сей заразы.

Огорчаясь вместе с народом, Великий Князь, сверх того, имел несчастье оплакать преждевременную смерть юной, нежной супруги Марии. Она скончалась внезапно: Иоанн находился тогда в Коломне: мать его и Митрополит погребли ее в Кремлевской церкви Вознесения (где со времен Василия Димитриевича начали хоронить Княгинь). Сию неожиданную кончину приписывали действию яда, единственно потому, что тело умершей вдруг отекло необыкновенным образом. Подозревали жену Дворянина Алексея Полуевктова, Наталью, которая, служа Марии, однажды посылала ее пояс к какой-то ворожее. Доказательства столь неверные не убедили Великого Князя в истине предполагаемого

злодейства; однако ж Алексей Полуевтков шесть лет не смел показываться ему на глаза.

К горестным случаям сего времени Летописцы причисляют и то, что Первосвятитель Феодосий, добродетельный, ревностный, оставил Митрополию. Причина достопамятна. Набожность, питаемая мыслию о скором преставлении света, способствовала неумеренному размножению храмов и Священнослужителей: всякий богатый человек хотел иметь свою церковь. Празднолюбцы шли в Диаконы и в Попы, соблазняя народ не только грубым невежеством, но и развратною жизнью. Митрополит думал пресечь зло: еженедельно собирал их, учил, вдовых постригал в Монахи, распутных лишал сана и наказывал без милосердия. Следствием было, что многие церкви опустели без Священников. Сделался ропот на Феодосия, и сей Пастырь строгий, но не весьма твердый в душе, с горести отказался от правления. Великий Князь призвал в Москву своих братьев, всех Епископов, духовных сановников, которые единодушно избрали суздальского святителя, Филиппа, в Митрополиты; а Феодосий заключился в Чудове монастыре и, взяв в келию к себе одного прокаженного, ходил за ним до конца жизни, сам омывая его струпы. Россияне жалели о Пастыре столь благочестивом и страшились, чтобы Небо не казнило их за оскорбление святого мужа.

Наконец Иоанн предпринял воинскими действиями рассеять свою печаль и возбудить в Россиянах дух бодрости. Царевич Касим, быв верным слугою Василия Темного, получил от него в Удел на берегу Оки мешерский городок, названный с того времени *Касимовым*, жил там в изобилии и спокойствии; имел сношения с Вельможами Казанскими и, тайно приглашенный ими свергнуть их нового Царя, Ибрагима, его пасынка, требовал войска от Иоанна, который с удовольствием видел случай при-

своить себе власть над опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточные границы, подверженные впадениям ее хищного, воинственного народа. Князь Иван Юрьевич Патрекеев и Стрига-Оболенский выступили из Москвы с полками: Касим указывал им путь и думал внезапно явиться под стенами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать Казанская, предводимая Царем, уже стояла на берегу Волги и принудила Московских Воевод идти назад. В сем неудачном осеннем походе Россияне весьма много претерпели от ненастья и дождей, тонули в грязи, бросали доспехи, уморили своих коней и сами, не имея хлеба, ели в пост мясо (что могло случиться тогда единственно в ужасной крайности). Однако ж возвратились все живы и здоровы. Царь не смел гнаться за ними, а послал отряд к Галичу, где Татары не могли сделать важного вреда: ибо Великий Князь успел взять меры, заняв воинскими дружинами все города пограничные: Нижний, Муром, Кострому, Галич.

[1468 г.] Немедленно другая рать Московская с Князем Симеоном Романовичем пошла из Галича в Черемисскую землю (в нынешнюю Вятскую и Казанскую Губернии) сквозь дремучие леса, уже наполненные снегом, и в самые жестокие морозы. Повеление Государя и надежда обогатиться добычею дали воинам силу преодолеть все трудности. Более месяца шли они по лесным пустыням, не видя ни селений, ни пути пред собою: не люди, но звери жили еще на диких берегах Ветлуги, Усты, Кумы. Вступив в землю Черемисскую, изобильную хлебом и скотом – управляемую собственными Князьями, но подвластную Царю Казанскому, – Россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодейство в неприятельской

стране считалось законным. – Князь Симеон доходил почти до самой Казани и, без битвы пролив множество крови, возвратился с именем победителя. – Князь Иван Стрига-Оболенский выгнал Казанских Разбойников из Костромской области. Князь Даниил Холмский побил другую шайку их близ Мурома: только немногие спаслись бегством в дремучие леса, оставив своих коней. Муромцы, Нижегородцы опустошили берега Волги в пределах Ибрагимова Царства.

Иоанн еще хотел подвига важнейшего, чтобы загладить первую неудачу и смирить Ибрагима; собрал всех Князей, Бояр и сам повел войско к границе, оставив в Москве меньшего брата, Андрея. По древнему обыновению наших Князей он взял с собою и десятилетнего сына своего, чтобы заблаговременно приучить его к ратному делу. Но сей поход не совершился. Узнав о прибытии Литовского, Казимирова Посла, Якова Писаря, то есть Секретаря Государственного, Иоанн велел ему быть к себе в Переславль и ехать назад к Королю с ответом; а сам, неизвестно для чего, возвратился в Москву, послав из Владимира только малый отряд на Кичменгу, где Казанские Татары жгли и грабили села. Оставив намерение лично предводительствовать ратию, Иоанн дал повеление Воеводам идти к берегам Камы из Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги с детьми Боярскими и Козаками. Главными начальниками были Руно Московский и Князь Иван Звенец Устюжский. Все соединились в земле Вятской, под Котельничем, и шли берегом реки Вятки, землю Черемисскую, до Камы, Тамлуги и перевоза Татарского, откуда поворотили Камою к Белой Воложке, разрушая все огнем и мечом, убивая, пленяя беззащитных. Настигнув в одном месте 200 вооруженных Казанцев, Полководцы Московские устыдились действовать против них всеми силами и выбрали охотников, которые

истребили сию толпу, взяв в плен двух ее начальников. Иных битв не было: Татары, привычные ко впадениям в чужие земли, не умели оборонять своих. Перехватив на Каме множество богатых купеческих судов, Россияне с знатною добычею возвратились через великую Пермь к Устюгу и в Москву. – С другой стороны ходил на Казанцев Воевода Нижегородский, Князь Федор Хрипун-Ряполовский с Московскою дружиною и, встретив на Волге отряд Царских телохранителей, побил его наголову. В числе пленников, отосланных к Иоанну, в Москву, находился знаменитый Князь Татарский, Хозяем Бердей.

Но Казанцы между тем присвоили себе господство над Вяткою: сильное войско их; вступив в ее пределы, так устрашило жителей, что они, не имея большого усердия к Государям Московским, без сопротивления объявили себе подданными Царя Ибрагима. Сие легкое завоевание было непрочно: Казань не могла бороться с Москвою.

[1469 г.] В следующую весну Иоанн предпринял нанести важнейший удар сему Царству. Не только Двор Великокняжеский с Боярскими детьми всех городов и всех Уделов, но и Московские купцы вместе с другими жителями столицы вооружились под особенным начальством Князя Петра Васильевича Оболенского-Нагого. Главным предводителем был назначен Князь Константин Александрович Беззубцев, а местом соединения Нижний Новгород. Полки сели на суда в Москве, в Коломне, в Владимире, Суздале, Муроме. Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ростовцы, Ярославцы, Костромичи плыли Волгою; другие Окою, и в одно время сошлись при устье сих двух величественных рек. Такое знаменитое судовое ополчение было зрелищем любопытным для северной России, которая еще не видала подобных.

Уже Главный Воевода, Князь Константин, сделав общие распоряжения, готовился идти далее; но Иоанн,

вдруг переменив мысли, написал к нему, чтобы он до времени остался в Нижнем Новгороде и только легкими отрядами, составленными из охотников, тревожил неприятельскую землю на обеих сторонах Волги. Летописцы не сказывают, что побудило к тому Иоанна; но причина кажется ясною. Царевич Касим, виновник сей войны, умер: жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына к дружбе с Россиею, и Великий Князь надеялся без важных усилий воинских достигнуть своей цели и смирить Казань. Случилось не так.

Воевода объявил Князьям и чиновникам волю Государеву: они единогласно ответствовали: «мы все хотим казнить неверных» – и с его дозволения немедленно отправились, по тогдашнему выражению, *искать ратной чести*, имея более ревности, нежели благоразумия; подняли паруса, снялись с якоря, и пристань скоро опустела. Воевода остался в Нижнем почти без войска и даже не избрал для них главного начальника. Они сами увидели необходимость сего: приплыв к месту старого Нижнего Новагорода, отпели там молебен в церкви Преображения, роздали милостыню и в общем совете выбрали Ивана Руна в предводители. Им не велено было ходить к Казани; но Руно сделал по-своему: не теряя времени, спешил к Царской столице и, перед рассветом вышедши из судов, стремительно ударил на ее посад с криком и трубным звуком. Утренняя заря едва осветила небо; Казанцы еще спали. Россияне без сопротивления вошли в улицы, грабили, резали; освободили бывших там пленников Московских, Рязанских, Литовских, Вятских, Устюжских, Пермских и зажгли предместье со всех сторон. Татары с драгоценнейшим своим имением, с женами и детьми запираясь в домах, были жертвою пламени. Обратив в пепел все, что могло сгореть, Россияне, усталые, обремененные добы-

чею, отступили, сели на суда и пошли к Коровничьему острову, где стояли целую неделю без всякого дела: чем Руно навлек на себя подозрение в измене. Многие думали, что он, пользуясь ужасом Татар, сквозь пламя и дым предместия мог бы войти в город, но силою отвел полки от приступа, чтобы тайно взять окуп с Царя. По крайней мере никто не понимал, для чего сей Воевода, имея славу разума необыкновенно, тратит время; для чего не действует или не удаляется с добычею и пленниками?

Легко было предвидеть, что Царь не будет дремать в своей, кругом обожженной столице: наконец Русский пленник, выбежав из Казани, принес весть к нашим, что Ибрагим соединил все полки Камские, Сыплинские, Костяцкие, Беловолжские, Вотяцкие, Башкирские⁵¹ и готовится в следующее утро наступить на Россиян конною и судовою ратию. Воеводы Московские спешили взять меры: отобрали молодых людей и послали их с большими судами к Ирихову острову, не велев им ходить на узкое место Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать неприятеля, который действительно вышел из города. Хотя молодые люди не послушались Воевод и стали как бы нарочно в узком протоке, где неприятельская конница могла стрелять в них, однако ж мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имели бой с лодками Казанскими и, прогнав оные к городу, соединились с своими большими судами у Ирихова острова, славя победу и Государя.

Тут прибыл к ним главный Воевода, Князь Константин Беззубцев, из Нижнего Новагорода, сведав, что они, в противность Иоаннову намерению, подступили к Казани. Доселе успех служил им оправданием: Константин хотел еще важнейшего: отправил гонцов в Москву, с вестью о происшедшем, и в Вятку, с повелением, чтобы ее жители немедленно шли к нему под Казань. Он еще

не знал их коварства. Иоанн, послав весною главную рать в Нижний, в то же время приказал Князю Даниилу Ярославскому с отрядом Детей Боярских и с полком Устюжан, а другому Воеводе, Сабурову, с Вологжанами плыть на судах к Вятке, взять там всех людей, годных к ратному делу, и с ними идти на Царя Казанского. Но правители Вятских городов, мечтая о своей древней независимости, ответствовали Даниилу Ярославскому: «Мы сказали Царю, что не будем помогать ни Великому Князю против него, ни ему против Великого Князя; хотим сдержать слово и остаемся дома». У них был тогда Посол Ибрагимов, который немедленно дал знать в Казань, что Россияне из Устюга и Вологды идут к ее пределам с малыми силами. Отказав в помощи Князю Ярославскому, Вятчане отказали и Беззубцеву, но выдумали только иной предлог, говоря: «Когда братья Великого Князя пойдут на Царя, тогда и мы пойдём». Около месяца тщетно ждав Полков Вятских, не имея вести от Князя Ярославского и начиная терпеть недостаток в съестных припасах, Воевода Беззубцев пошел назад к Нижнему. На пути встретилась ему вдовствующая Царица Казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что Великий Князь отпустил ее с честью и с милостию; что война прекратится и что Ибрагим удовлетворит всем требованиям Иоанновым. Успокоенные ее словами, Воеводы наши расположились на берегу праздновать воскресный день, служить обедню и пировать. Но вдруг показалась рать Казанская, судовая и конная. Россияне едва успели изготавиться. Сражались до самой ночи; Казанские суда отступили к противоположному берегу, где стояла конница, пуская стрелы в наших, которые не захотели биться на сухом пути, и ночевали на другой стороне Волги. В следующее утро ни те, ни другие не думали возобновить битвы; и Князь Беззубцев благополучно доплыл до Нижнего.

Не столь счастлив был Князь Ярославский. Видя непослушание Вятчан, он решился идти без них, чтобы в окрестностях Казани соединиться с Московскою ратюю. Уведомленный о походе его, Ибрагим заградил Волгу судами и поставил на берегу конницу. Произошла битва, достопамятная мужеством обоюдным: хватались за руки, секлись мечами. Главные из Вождей Московских пали мертвые; другие были ранены или взяты в плен; но князь Василий Ухтомский одолевал многочисленность храбростию: сцеплялся с Ибрагимовыми судами, разил неприятелей ослопом и топил их в реке. Устюжане, вместе с ним оказав редкую неустрашимость, пробились сквозь Казанцев, достигли Новагорода Нижнего и дали знать о том Иоанну, который, в знак особенного благоволения, прислал им *две золотые деньги* и несколько кафтанов. Устюжане отдали *деньги* своему Иерею, сказав ему: «Молись Богу за Государя и Православное воинство; а мы готовы и впредь так сражаться».

[1469 г.] Обманутый льстивыми обещаниями Ибрагимовой матери, недовольный и нашими Воеводами, Иоанн предпринял новый поход в ту же осень, вручив предводительство своим братьям Юрию и Андрею. Весь Двор Великокняжеский и все Князя *Служивые* находились с ними. В числе знатнейших Воевод Летописцы именуют Князя Ивана Юрьевича Патрекеева. Даниил Холмский вел передовой полк; многочисленная рать шла сухим путем, другая плыла Волгою; обе подступили к Казани, разбили Татар в вылазке, отняли воду у города и принудили Ибрагима заключить мир *на всей воле* Государя Московского: то есть исполнить все его требования. Он возвратил свободу нашим пленникам, взятым в течение сорока лет.

Сей подвиг был первым из знаменитых успехов государствования Иоаннова: второй имел еще благопри-

ятнейшие следствия для могущества Великокняжеского внутри России. Василий Темный возвратил Новгородцам Торжок: но другие земли, отнятые у них сыном Донского, Василием Дмитриевичем, оставались за Москвою: еще не уверенные в твердости Иоаннова характера и даже сомневаясь в ней по первым действиям сего Князя, ознаменованным умеренностию, миролюбием, они вздумали быть смелыми, в надежде показаться ему страшными, унижить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности, утраченные излишнею уступчивостию их отцев и дедов. С сим намерением приступили к делу: захватили многие доходы, земли и воды Княжеские; взяли с жителей присягу только именем Новгорода; презирали Иоанновых Наместников и Послов; властью Веча брали знатных людей под стражу на Городище, месте, не подлежащем народной управе; делали обиды Москвитянам. Государь несколько раз требовал от них удовлетворения: они молчали. Наконец приехал в Москву Новгородский Посадник, Василий Ананьин, с обыкновенными делами земскими; но не было слова в ответ на жалобы Иоанновы. «Я ничего не знаю, – говорил Посадник Боярам Московским, – Великий Новгород не дал мне никаких о том повелений». Иоанн отпустил сего чиновника с такими словами: «Скажи Новгородцам, моей отчине, чтобы они, признав вину свою, исправились; в земли и воды мои не вступались, имя мое *держали честно и грозно по старине*, исполняя обет крестный, если хотят от меня покровительства и милости; скажи, что терпению бывает конец и что мое не продолжится».

Великий Князь в то же время написал к верным ему Псковитянам, чтобы они, в случае дальнейшей строптивости Новгородцев, готовились вместе с ним действовать против сих ослушников. Наместником его во Пскове был тогда Князь Феодор Юрьевич, знаменитый Воевода,

который с Московскою дружиною защитил сию область в последнюю войну с Немцами: из отменного уважения к его особе Псковитяне дали ему судное право во всех *двенадцати* своих пригородах; а дотоле Князя судили и рядили только в *семи*: прочие зависели от народной власти. Боярин Московский, Селиван, вручил Псковитянам грамоту Иоаннову. Они сами имели разные досады от Новгородцев; однако ж, следуя внушениям благоразумия, отправили к ним посольство с предложением быть миротворцами между ими и Великим Князем. «Не хотим кланяться Иоанну и не просим вашего ходатайства, – ответствовали тамошние правители: – но если вы добросовестны и нам друзья, то вооружитесь за нас против самовластия Московского». Псковитяне сказали: «увидим» – и дали знать Великому Князю, что они готовы помогать ему всеми силами.

[1470 г.] Между тем, по сказанию Летописцев, были страшные знамения в Новгороде: сильная буря сломила крест Софийской церкви; древние Херсонские колокола в монастыре на Хутыне⁵² сами собою издавали печальный звук; кровь являлась на гробах, и проч. Люди тихие, миролюбивые трепетали и молились богу: другие смеялись над ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народ более нежели когда-нибудь мечтал о прелестях свободы; хотел тесного союза с Казимиром и принял от него Воеводу, Князя Михаила Олельковича, коего брат, Симеон, господствовал тогда в Киеве с честью и славою, *подобно древним Князьям Владимирова племени*, как говорят Летописцы. Множество Панов и витязей Литовских приехало с Михаилом в Новгород.

В сие время скончался Новгородский Владыка Иона: народ избрал в Архиепископы Протодиакона Фиофила, коему нельзя было ехать в Москву для поставления без согласия Иоаннова: Новгородцы чрез Боярина

своего, Никиту, просили о том Великого Князя, мать его и Митрополита. Иоанн дал *опасную грамоту* для приезда Феофилова в столицу и, мирно отпуская Посла, сказал ему: «Феофил, вами избранный; будет принят с честью и поставлен в Архиепископы; не нарушу ни в чем древних обыкновений и готов вас жаловать, как мою отчину, если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что мои предки именовались Великими Князьями Владимирскими, *Новагорода и всяя Руси*»⁵³. [1471 г.] Посол, возвратясь в Новгород, объявил народу о милостивом расположении Иоанновом. Многие граждане, знатнейшие чиновники и нареченный Архиепископ Феофил хотели воспользоваться сим случаем, чтобы прекратить опасную распрю с Великим Князем; но скоро открылся мятеж, какого давно не бывало в сей народной Державе.

Вопреки древним обыкновениям и нравам Славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства⁵⁴, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего Посадника Исаака Борецкого, мать двух сыночек уже взрослых, именем Марфа, предприняла решить судьбу отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство. Народные чиновники сходились в ее великолепном или, по-тогдашнему, *чудном* доме пировать и советоваться о делах важнейших. Так, Св. Зосима, Игумен монастыря Соловецкого, жалуюсь в Новгороде на обиды двинских жителей, в особенности тамошних прикащиков Боярских, должен был искать покровительства Марфы, которая имела в Двинской земле богатые села⁵⁵. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотела видеть его; но после, узнав истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила к себе на обед вместе с людьми знатнейшими и дала Соловецкому монастырю земли. Еще не довольная всеобщим уважением и тем, что Ве-

ликий Князь, в знак особенной милости, пожаловал ее сына, Димитрия, в знатный чин Боярина Московского, сия гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой и, по уверению Летописцев, выйти замуж за какого-то Вельможу Литовского, чтобы вместе с ним господствовать, именем Казимировым, над своим отечеством. Князь Михаил Олелькович, служив ей несколько времени орудием, утратил ее благосклонность и с досадою уехал назад в Киев, ограбив Русу. Сей случай доказывал, что Новгород не мог ожидать ни усердия, ни верности от Князей Литовских; но Борецкая, открыв дом свой для шумных сонмищ, с утра до вечера славил Казимира, убеждая граждан в необходимости искать его защиты против утеснений Иоанновых. В числе ревностных друзей Посадницы был Монах Пимен, Архиепископский Ключник: он надеялся заступить место Ионы и сыпал в народ деньги из казны Святительской, им расхищенной. Правительство сведало о том и, заключив сего коварного Инока в темницу, взыскало с него 1000 рублей пени. Волнуемый честолюбием и злобою, Пимен клеветал на избранного Владыку Феофила, на Митрополита Филиппа; желал присоединения Новгородской Епархии к Литве и, лаская себя мыслию получить сан Архиепископа от Григория Киевского, Исидорова ученика, помогал Марфе советом, кознями, деньгами.

Видя, что Посольство Боярина Никиты сделало в народе впечатление, противное ее намерению, и расположило многих граждан к дружелюбному сближению с Государем Московским, Марфа предприняла действовать решительно. Ее сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленным сонмом людей подкупленных, явились на Вече и торжественно сказали, что настало время управиться с Иоанном; что он не Государь, а злодей их; что Великий Новгород есть сам

себе Властелин: что жители его суть вольные люди и не *отчина* Князей Московских; что им нужен только покровитель; что сим покровителем будет Казимир и что не Московский, а Киевский Митрополит должен дать Архиепископа Святой Софии. Громогласное восклицание: «Не хотим Иоанна! да здравствует Казимир!» – служило заключением их речи. Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: «Да исчезнет Москва!» Благоразумнейшие сановники, старые Посадники, Тысячские, Житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан и говорили: «Братья! что замышляете? изменить Руси и православию? поддаться Королю иноплеменному и требовать Святителя от еретика Латинского? Вспомните, что предки наши, Славяне, добровольно вызвали Рюрика из земли Варяжской; что более шестисот лет его потомки законно княжили на престоле Новгородском; что мы обязаны истинною Верою Святому Владимиру, от коего происходит Великий Князь Иоанн, и что Латинство донныне было для нас ненавистно». Единомысленники Марфины не давали им говорить; а слуги и наемники ее бросали в них камнями, звонили в Вечевые колокола, бегали по улицам и кричали: «Хотим за Короля!» Другие: «Хотим к Москве православной, к Великому Князю Иоанну и к отцу его, Митрополиту Филиппу!» Несколько дней город представлял картину ужасного волнения. Нареченный Владыка Феофил ревностно противоборствовал усилиям Марфиных друзей и говорил им: «Или не изменяйте православию, или не буду никогда Пастырем отступников: иду назад в смиренную келию, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа». Но Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество, как жертву их страстей личных. Совершилось, чего издавна желали завоеватели Литовские и чем Новгород страшал иногда

Государей Московских: он поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Действие незаконное: хотя сия область имела особенные уставы и вольности, данные ей, как известно, Ярославом Великим; однако же составляла всегда часть России и не могла перейти к иноплеменникам без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на Естественном Праве. Многочисленное Посольство отправилось в Литву с богатыми дарами и с предложением, чтобы Казимир был Главою Новгородской Державы на основании древних уставов ее гражданской свободы. Он принял все условия, и написали грамоту следующего содержания:

«Честный Король Польский и Князь Великий Литовский заключил дружественный союз с нареченным Владыкою Феофилом, с Посадниками, Тысячскими Новгородскими, с Боярами, людьми Житыми, купцами и со всем Великим Новымгородом; а для договора были в Литве Посадник Афанасий Евстафиевич, Посадник Дмитрий Исакович (Борецкий)... от людей Житых Панфил Селифонтович, Кирилл Иванович... Ведать тебе, честному Королю, Великий Новгород по сей крестной грамоте и держать на Городище своего Наместника Греческой Веры, вместе с Дворецким и Тиуном, коим иметь при себе не более пятидесяти человек. Наместнику судить с Посадником на дворе Архиепископском как Бояр, житых людей, младших граждан, так и сельских жителей, согласно с правдою, и не требовать ничего, кроме судной законной пошлины; но в суд Тысячского, Владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на Городище во дворце и собирать доходы твои вместе с Посадником; а Тиуну вершить дела с нашими приставами. Если Государь Московский пойдет войной на Великий Новгород, то тебе, господину, честному Королю, или в твое отсутствие Раде Литовской дать нам

скорую помощь. – Ржев, Великие Луки и Холмовский погост остаются землями Новгородскими; но платят дань тебе, честному Королю. – Новгородец судится в Литве по вашим, Литвин в Новгороде по нашим законам без всякого притеснения... В Русе будешь иметь десять соляных варниц; а за суд получаешь там и в других местах, что издревле установлено. Тебе, честному Королю, не выводить от нас людей, не купить ни сел, ни рабов и не принимать их в дар, ни Королеве, ни Панам Литовским; а нам не таить законных пошлин. Послам, Наместникам и людям твоим не брать подвод в земле Новгородской, и волости ее могут быть управляемы только нашими собственными чиновниками. – В Луках будет твой и наш Тиун: Торопецкому не судить в Новгородских владениях. В Торжке и Волоке имей Тиуна; с нашей стороны будет там Посадник. – Купцы Литовские торгуют с Немцами единственно чрез Новгородских. Двор Немецкий тебе не подвластен: не можешь затворить его. – Ты, честный Король, не должен касаться нашей православной Веры: где захотим, там и посвятим нашего Владыку (в Москве или в Киеве); а Римских церковей не ставить нигде в земле Новгородской. – Если примиришь нас с Великим Князем Московским, то из благодарности уступим тебе всю народную дань, собираемую ежегодно в Новгородских областях; но в другие годы не требуй оной. – В утверждение договора целуй крест к Великому Новгороду за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую *вправду, без извета*, а послы наши целовали крест *Новгородскою душою*⁵⁶ к честному Королю за Великий Новгород».

И так сей народ легкомысленный еще желал мира с Москвою, думая, что Иоанн устрашится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего Княжества Российского. Хотя Наместники

Московские, быв свидетелями торжества Марфиных поборников, уже не имели никакого участия в тамошнем правлении, однако ж спокойно жили на городище, уведомляя Великого Князя о всех происшествиях. Несмотря на свое явное отступление от России, Новгородцы хотели казаться умеренными и справедливыми; твердили, что от Иоанна зависит остаться другом Святой Софии; изъявляли учтивость его Боярам, но послали Суздальского Князя, Василья Шуйского-Гребенку, начальствовать в Двинской земле, опасаясь, чтобы рать Московская не овладела сею важною для них странюю.

Еще желая употребить последнее миролюбивое средство, Великий Князь отправил в Новгород благо-разумного чиновника, Ивана Федоровича Товаркова, с таким увещанием: «Люди Новгородские! Рюрик, Св. Владимир и великий Всеволод Юрьевич, мои предки, повелевали вами; я наследовал сие право: жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание. Когда вы бывали подданными Литвы? Ныне же раболепствуете иноверным, преступая священные обеты. Я ничем не отяготил вас и требовал единственно древней законной дани. Вы изменили мне: казнь Божия над вами! Но еще медлю, не любя кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием возвратитесь под сень отечества». В то же время Митрополит Филипп писал к ним: «Слышу о мятеже и расколе вашем. Бедственно и единому человеку уклониться от пути правого: еще ужаснее целому народу. Трепещите, да страшный серп Божий, виденный пророком Захарие⁵⁷ не снидет на главу сынов ослушных. Вспомните реченное в Писании: *беги греха яко ратника; беги от прелести, яко от лица змиина. Сия прелесть* есть Латинская: она уловляет вас. Разве пример Константинополя не доказал ее гибельного действия? Греки царствовали, Греки слави-

лись во благочестии: соединились с Римом и служат ныне Туркам. Доселе вы были целы под крепкою рукою Иоанна: не уклоняйтесь от *Святой великой старины* и не забывайте слов апостола: *Бога бойтесь, а Князя чтите*. – Смиритесь, и Бог мира да будет с вами!» – Сии увещания остались бесполезны: Марфа с друзьями своими делала что хотела в Новгороде. Устрашаемые их дерзостью, люди благоразумные тужили в домах и безмолвствовали на Вече, где клеветы или наемники Борецких вопили: «Новгород Государь нам, а Король покровитель!» Одним словом, Летописцы сравнивают тогдашнее состояние сей народной державы с древним Иерусалимом, когда Бог готовится предать его в руки Титовы⁵⁸. Страсти господствовали над умом, и Совет Правителей казался сонмом заговорщиков.

Посол Московский возвратился к Государю с уверением, что не слова и не письма, но один меч может смирить Новгородцев. Великий Князь изъявил горесть: еще размышлял, советовался с матерью, с Митрополитом и призвал в столицу братьев, всех Епископов, Князей, Бояр и Воевод. В назначенный день и час они собрались во дворце. Иоанн вышел к ним с лицом печальным: открыл Государственную Думу и предложил ей на суд измену Новгородцев. Не только Бояре и Воеводы, но и святители ответствовали единогласно: «Государь! возьми оружие в руки!» Тогда Иоанн произнес решительное слово: «Да будет война!» – и еще хотел слышать мнение Совета о времени, благоприятнейшем для ее начала, сказав: «Весна уже наступила: Новгород окружен водою, реками, озерами и болотами непроходимыми. Великие Князья, мои предки, страшились ходить туда с войском в летнее время, и когда ходили, то теряли множество людей». С другой стороны поспешность обещала выгоды: Новгородцы не изготовились к войне, и Казимир не мог

скоро дать им помощи. Решились не медлить, в надежде на милость Божию, на счастье и мудрость Иоаннову. Уже сей Государь пользовался общею доверенностию: Москвитяне гордились им, хвалили его правосудие, твердость, прозорливость; называли любимцем Неба, Властителем Богоизбранным; и какое-то новое чувство государственного величия вселилось в их душу.

Иоанн послал *складную грамоту* к Новгородцам, объявляя им войну [23 мая 1471 г.] с исчислением всех их дерзостей, и в несколько дней устроил ополчение: убедил Михаила Тверского действовать с ним заодно и велел Псковитянам идти к Новгороду с Московским Воеводою, Князем Феодором Юрьевичем Шуйским; Устюжанам и Вятчанам в Двинскую землю под начальством двух Воевод, Василья Федоровича Образца и Бориса Слепого-Тютчева; Князю Даниилу Холмскому с детьми Боярскими из Москвы к Русе, а Князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стриге с Татарскою конницею к берегам Мсты.

Сии отряды были только передовыми. Иоанн, следуя обыкновению, раздавал милостыню и молился над гробами Святых Угодников и предков своих; наконец, приняв благословение от Митрополита и Епископов, сел на коня и повел главное войско из столицы. С ним находились все Князья, Бояре, дворяне Московские и Татарский Царевич Данияр, сын Касимов. Сын и брат Великого Князя, Андрей Меньший, остались в Москве: другие братья, Князья Юрий, Андрей, Борис Васильевичи и Михаил Верейский, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями к Новгородским границам; а Воеводы Тверские, Князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Жито, соединились с Иоанном в Торжке. Началось страшное опустошение. С одной стороны Воевода Холмский и рать Великокняжеская, с другой Псковитя-

не, вступив в землю Новгородскую, истребляли все огнем и мечом. Дым, пламя, кровавые реки, стон и вопль от востока и запада неслись к берегам Ильменя. Москвитяне изъявляли остервенение неописанное: Новгородцы-изменники казались им хуже Татар. Не было пощады ни бедным земледельцам, ни женщинам. Летописцы замечают, что Небо, благоприятствуя Иоанну, иссушило тогда все болота; что от Маия до Сентября месяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердели; войско с обозами везде имело путь свободный и гнало скот по лесам, дотоле непроходимым.

Псковитяне взяли Вышегород. Холмский обратил в пепел Русу. Не ожидав войны летом и нападения столь дружного, сильного, Новгородцы послали сказать Великому Князю, что они желают вступить с ним в переговоры и требуют от него *опасной грамоты* для своих чиновников, которые готовы ехать к нему в стан. Но в то же время Марфа и единомышленники ее старались уверить сограждан, что одна счастливая битва может спасти их свободу. Спешили вооружить всех людей, волею и неволею; ремесленников, гончаров, плотников одели в доспехи и посадили на коней; других на суда. Пехоте велели плыть озером Ильменем к Русе, а коннице, гораздо многочисленнейшей, идти туда берегом. Холмский стоял между Ильменем и Русою, на Коростыне: пехота Новгородская приблизилась тайно к его стану, вышла из судов и, не дожидаясь конного войска, стремительно ударила на ополошных Москвитян. Но Холмский и товарищ его, Боярин Феодор Давидович, храбростию загладили свою неосторожность: положили на месте 500 неприятелей, рассеяли остальных и с жестокосердием, свойственным тогдашнему веку, приказав отрезать пленникам носы, губы, послали их искаженных в Новгород. Москвитяне бросили в воду все латы, шлемы,

щиты неприятельские, взятые в добычу ими, говоря, что войско Великого Князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в изменнических.

Новгородцы приписали сие несчастье тому, что конное их войско не соединилось с пехотным и что особенный *полк Архиепископский* отрекся от битвы, сказав: «Владыка Феофил запретил нам поднимать руку на Великого Князя, а велел сражаться только с неверными Псковитянами». Желая обмануть Иоанна, Новгородские чиновники отправили к нему второго Посла, с уверением, что они готовы на мир и что войско их еще не действовало против Московского. Но Великий Князь уже имел известие о победе Холмского и, став на берегу озера Коломны, приказал сему Воеводе идти за Шелонь навстречу к Псковитянам и вместе с ними к Новугороду: Михаилу же Верейскому осадить городок Демон. В самое то время, когда Холмский думал переправляться на другую сторону реки, он увидел неприятеля столь многочисленного, что Москвитяне изумились. Их было 5000, а Новгородцев от 30000 до 40000: ибо друзья Борецких еще успели набрать и выслать несколько Полков, чтобы усилить свою конную рать. Но Воеводы Иоанновы, сказав дружине: «Настало время послужить Государю; не убоимся ни трехсот тысяч мятежников; за нас правда и Господь Вседержитель», бросились на конях в Шелонь, с крутого берега и в глубоком месте; однако ж никто из Москвитян не усомнился следовать их примеру; никто не утонул; и все, благополучно переехав на другую сторону, устремились [14 июля] в бой с восклицанием: *Москва!* Новгородский Летописец говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитян отступить, но что конница Татарская, быв в засаде, нечаянным нападением расстроила первых и решила дело. Но по другим известиям

Новгородцы не стояли ни часу: лошади их, язвимые стрелами, начали сбивать с себя всадников; ужас объ-ял Воевод малодушных и войско неопытное; обратили тыл; скакали без памяти и топтали друг друга, гони-мые, истребляемые победителем; утомив коней, броса-лись в воду, в тину болотную; не находили пути в лесах своих, тонули или умирали от ран; иные же проскакали мимо Новгорода, думая, что он уже взят Иоанном. В безумии страха им везде казался неприятель, везде слышался крик: *Москва! Москва!* На пространстве двенадцати верст полки Великокняжеские гнали их, убили 12000 человек, взяли 1700 пленников, и в том числе двух знатнейших Посадников, Василия Казимира с Димитрием Исаковым Борецким; наконец, утомленные, воз-вратились на место битвы. Холмский и Боярин Феодор Давидович, трубным звуком возвестив победу, сошли с коней, приложились к образам под знаменами и прославили милость Неба. Боярский сын, Иван Замятня, спешил известить Государя, бывшего тогда в Яжелбицах, что один передовой отряд его войска решил судьбу Новгорода; что неприятель истреблен, а рать Московская цела. Сей вестник вручил Иоанну договорную грамоту Новгородцев с Казимиром, найденную в их обозе между другими бумагами, и даже представил ему человека, который писал оную. С какой радостью Великий Князь слушал весть о победе, с таким негодованием читал сию законопреступную хартию, памятник Ново-городской измены.

Холмский уже нигде не видал неприятельской рати и мог свободно опустошать села до самой Наровы или Немецких пределов. Городок Демон сдался Михаилу Верейскому. Тогда Великий Князь послал *опасную грамоту* к Новгородцам с Боярином их, Лукою, соглашаясь вступить с ними в договоры; прибыл в Русу и явил пример

строгости: велел отрубить головы знатнейшим пленникам, Боярам Дмитрию Исакову, Марфину сыну, Василию Селезеневу-Губе, Киприяну Арбузееву и Иеремию Сухощоку, Архиепископскому Чашнику, ревностным благоприятелям Литвы; Василия Казимира, Матвея Селезенева и других послал в Коломну, окованных цепями; некоторых в темницы Московские; а прочих без всякого наказания отпустил в Новгород, соединяя милосердие с грозой мести, отличая главных деятельных врагов Москвы от людей слабых, которые служили им только орудием. Решив таким образом участь пленников, он расположился станом на устье Шелони [27 июля].

В сей самый день новая победа увенчала оружие великокняжеское в отдаленных пределах Заволочья. Московские Воеводы, Образец и Борис Слепой, предводительствуя Устюжанами и Вятчанами, на берегах Двины сразились с Князем Василием Шуйским, верным слугою Новгородской свободы. Рать его состояла из двенадцати тысяч Двинских и Печерских жителей: Иоаннова только из четырех. Битва продолжалась целый день с великим остервенением. Убив трех Двинских знаменосцев, Москвитяне взяли хоругвь Новгородскую и к вечеру одолели врага. Князь Шуйский раненый едва мог спастись в лодке, бежал в Колмогоры, оттуда в Новгород; а Воеводы Иоанновы, овладев всею Двинскою землею, привели жителей в подданство Москвы.

Миновало около двух недель после Шелонской битвы, которая произвела в Новгороде неописанный ужас. Они надеялись на Казимира и с нетерпением ждали вестей от своего Посла, отправленного к нему через Ливонию, с усиленным требованием, чтобы Король спешил защитить их; но сей Посол возвратился и с горестию объявил, что Магистр Ордена не пустил его в Литву. Уже не было времени иметь помощи, ни сил про-

тивиться Иоанну. Открылась еще внутренняя измена. Некто, именем Упадыш, тайно доброхотствуя Великому Князю, с единомышленниками своими в одну ночь заколотил железом 55 пушек в Новгороде: правители казнили сего человека; несмотря на все несчастья, хотели обороняться: выжгли посады, не жалея ни церквей, ни монастырей; учредили бессменную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народ; другие стояли на стенах и башнях, готовые к бою с Москвитянами. Однако ж миролюбивые начали изъявлять более смелости, доказывая, что упорство бесполезно; явно обвиняли друзей Марфы в приверженности к Литве и говорили: «Иоанн перед нами; а где ваш Казимир?» Город, стесненный Великокняжескими отрядами и наполненный множеством пришельцев, которые искали там убежища от Москвитян, терпел недостаток в съестных припасах: дороговизна возрастала; ржи совсем не было на торгу: богатые питались пшеницею; а бедные вопили, что Правители их безумно раздражили Иоанна и начали войну, не подумав о следствиях. Весть о казни Димитрия Борецкого и товарищей его сделала глубокое впечатление как в народе, так и в чиновниках: доселе никто из Великих Князей не дерзал торжественно казнить первостепенных гордых Бояр Новгородских. Народ рассуждал, что времена переменились; что Небо покровительствует Иоанну и дает ему смелость вместе со счастьем: что сей Государь правосуден: карает и милует; что лучше спастись смирением, нежели погибнуть от упрямства. Знатные сановники видели меч над своею головою: в таком случае редкие жертвуют личною безопасностью правилу или образу мыслей. Самые усердные из друзей Марфиных, те, которые ненавидели Москву по ревностной любви к вольности отечества, молчанием или языком умеренности хотели заслужить

прощение Иоанново. Еще Марфа силилась действовать на умы и сердца, возбуждая их против Великого Князя: народ видел в ней главную виновницу сей бедственной войны; он требовал хлеба и мира.

Холмский, Псковитяне и сам Иоанн готовились с разных сторон обступить Новгород, чтобы совершить последний удар: не много времени оставалось для размышления. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному Архиепископу Феофилу быть ходатаем мира. Сей разумный Инок со многими Посадниками, Тысячскими и людьми Житыми всех пяти Концов отправился на судах озером Ильменем к устью Шелони, в стан Московский. Не смея вдруг явиться Государю, они пошли к его Вельможам и просили их заступления: Вельможи просили Иоанновых братьев, а братья самого Иоанна. Через несколько дней он дозволил Послам стать пред лицом своим. Феофил вместе со многими духовными особами и знатнейшие чиновники Новгородские, вступив в шатер Великокняжеский, пали ниц, безмолвствовали, проливали слезы. Иоанн, окруженный сонмом Бояр, имел вид грозный и суровый. «Господин, Князь Великий! – сказал Феофил: – утоли гнев свой, утиши ярость; пощади нас, преступников, не для моления нашего, но для своего милосердия! Угаси огонь, палящий страну Новгородскую; удержи меч, лиющий кровь ее жителей!» Иоанн взял с собою из Москвы одного ученого в летописях Дьяка, именем Стефана Бородатого, коему надлежало исчислить перед Новгородскими Послами все древние их измены; но Послы не хотели оправдываться и требовали единственно милосердия. Тут братья и Воеводы Иоанновы ударили челом за народ виновный; молили долго, неотступно [11 августа]. Наконец Государь изрек слово великодушного прощения, следуя, как уверяют Летопис-

цы, внушениям Христианского человеколюбия и совету Митрополита Филиппа помиловать Новгородцев, если они раскаются; но мы видим здесь действие личного характера, осторожной политики, умеренности сего Властителя, коего правилом было: *не отвергать хорошего для лучшего*, не совсем верного.

Новгородцы за вину свою обещали внести в казну Великокняжескую 15500 рублей или около осьмидесяти пуд серебра, в разные сроки, от 8 сентября до Пасхи: возвратили Иоанну прилежащие к Вологде земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, места, уступленные Василию Темному, но после отнятые ими; обязались в назначенные времена платить Государям Московским *черную*, или народную, дань, также и Митрополиту судную пошлину; клялись ставить своих Архиепископов только в Москве, у гроба Св. Петра Чудотворца, в Дому Богоматери; не иметь никакого сношения с Королем Польским, ни с Литвою; не принимать к себе тамошних Князей и врагов Иоанновых; Князя Можайского, сыновей Шемяки и Василия Ярославича Боровского; отменили так называемые Вечевые грамоты; признали верховную судебную власть Государя Московского, в случае несогласия его Наместников с Новгородскими сановниками; обещались не издавать впредь судных грамот без утверждения и печати Великого Князя, и проч. Возвращая им Торжок и новые свои завоевания в Двинской земле, Иоанн по обычаю целовал крест, в уверение, что будет править Новымгородом согласно с древними уставами оною, без всякого насилия. Сии взаимные условия или обязательства изображены в шести тогда написанных грамотах, от 9 и 11 Августа, в коих юный сын Иоаннов именуется также, подобно отцу, Великим Князем всей России. Помирив еще Новгород с Псковитянами, Иоанн уведомил своих Полководцев, что

война прекратилась; ласково угостил Феофила и всех Послов; отпустил их с милостию и вслед за ними велел ехать Боярину Феодору Давидовичу, взять присягу с Новгородцев на Вече. Дав слово забыть прошедшее, Великий Князь оставил в покое и самую Марфу Борецкую и не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене. Исполнив свое намерение, наказав мятежников, свергнув тень Казимирову с древнего престола Рюрикова, он с честью, славою и богатою добычей [1 Сентября] возвратился в Москву. Сын, брат, Вельможи, воины и купцы встретили его за 20 верст от столицы, народ за семь, Митрополит с духовенством перед Кремлем на площади. Все приветствовали Государя как победителя, изъявляя радость.

Еще Новгород остался державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и долженствовала исчезнуть по мановению самодержца. Нет свободы, когда нет силы защитить ее. Все области Новгородские, кроме столицы, являли от пределов восточных до моря зрелище опустошения, произведенного не только ратию Великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельские в течение двух месяцев ходили туда вооруженными толпами из Московских владений грабить и наживаться. Погибло множество людей. К довершению бедствия, 9000 человек, призванных в Новгород из уездов для защиты оногo, возвращаясь осенью в свои дома на 180 судах, утонули в бурном Ильмене. Зимю Священноинок Феофил с духовными и мирскими сановниками приехал в Москву и был поставлен в Архиепископы. Когда сей торжественный обряд совершился, Феофил на амвоне смиренно преклонил выю пред Иоанном и молил его умилосердиться над знатными Новгородскими пленниками, Василием Казимиром и другими, которые еще сидели в Москов-

ских темницах: Великий Князь даровал им свободу, и Новгород принял их с дружелюбием, а Владыку своего с благодарностию, легкомысленно надеясь, что время, торговля, мудрость Веча и правила благоразумнейшей политики исцелят глубокие язвы отечества.

В исходе сего года явилась Комета, в начале следующего другая; народ трепетал, ожидая чего-нибудь ужасного. Иоанн же, не участвуя в страхе суеверных, спокойно мыслил о важном завоевании. Древняя славная Биармия, или Пермь уже в XI веке платила дань Россиянам, в гражданских отношениях зависела от Новгорода, в церковных от нашего Митрополита, но всегда имела собственных Властителей и торговала с Москвитянами как Держава свободная. Присвоив себе Вологду, Великие Князья желали овладеть и Пермью, однако ж дотоле не могли: ибо Новгородцы крепко стояли за оную, обогащаясь там меною Немецких сукон на меха драгоценные и на серебро, которое именовалось *Закамским* и столь прельщало хитрого Иоанна Калиту. В самом Шелонском договоре Новгородцы включили Пермь в число их законных владений; но Иоанн III, подобно Калите дальновидный и гораздо его сильнейший, воспользовался первым случаем исполнить намерение своего пращура без явной несправедливости. В Перми обидели некоторых, Москвитян: сего было довольно для Иоанна: он послал туда Князя Феодора Пестрого с войском, чтобы доставить им законную управу.

[1472 г.] Полки выступили из Москвы зимою, на Фоминой неделе пришли к реке Черной, спустились на плотках до местечка Айфаловского, сели на коней и близ городка Искора встретились с Пермскою ратию. Победа не могла быть сомнительною: Князь Феодор рассеял неприятелей; пленил их Воевод, Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взял Искор с иными городками, сжег их и на устье

Почки, впадающей в Колву, заложил крепость; а другой Воевода, Гаврило Нелидов, им отряженный, овладел Уросом и Чердынюю, схватив тамошнего Князя Христианской Веры, именем Михаила. Вся земля Пермская покорилась Иоанну, и Князь Феодор прислал к нему, вместе с пленными, 16 сороков черных соболей, драгоценную шубу соболью, 29 *поставов* Немецкого сукна, 3 панциря, шлем и две сабли булатные. Сие завоевание, коим владения Московские прислонились к хребту гор Уральских, обрадовало Государя и народ, обещая важные торговые выгоды и напомнив России счастливую старину, когда Олег, Святослав, Владимир брали мечом чуждые земли, не теряя собственных. – Вероятно, что Пермский Князь Михаил возвратился в свое отечество, где после господствовал и сын его, Матфей, как присяжник Иоаннов. Первым Российским Наместником Великой Перми был в 1505 году Князь Василий Андреевич Ковер.

Доселе Великий Князь еще не имел дела с главным врагом нашей независимости, с Царем Большой или Золотой Орды, Ахматом, коего толпы в 1468 году, напали единственно на Рязанскую землю, не дерзнув идти далее: ибо в упорной битве с тамошними Воеводами потеряли много людей. Благоразумный Иоанн, готовый к войне, хотел удалить ее: время усиливало Россию, ослабляя могущество Ханов. Но другой естественный враг Москвы, Казимир Литовский, употреблял все способы подвигнуть Ахмата на Великого Князя. Дед Иоаннов, Василий Димитриевич, купил в Литве одного Татарина, именем Мисюря, Витовтова пленника, которого внук, Кирей, рожденный в холопстве, бежал от Иоанна в Польшу и снискал особенную милость Казиминову. Сей Государь хотел употребить его в орудие своей ненависти к России, послал в Золотую Орду с ласковыми грамотами, с богатыми дарами и предлагал Ахмату тесный

союз, чтобы вместе воевать наше отечество. Кирей имел ум хитрый, знал хорошо и Татар и Москву: доказывал Хану необходимость предупредить Иоанна, замышляющего быть самовластителем независимым; подкупал Вельмож Ординских и легко склонил их на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали Великому Князю за его к ним презрение или скупость. Уже Москва не удовлетворяла их алчному корыстолюбию; уже Послы наши не пресмыкались в Улусах с мешками серебра и золота. Главный из Вельмож Ханских, именем Темир, всех ревностнее помогал Кирею; но целый год миновал в одних переговорах. Междоусобия Татар не позволяли Ахмату удалиться от берегов Волги, и в то время, когда Посол Литовский твердил ему о древнем величии Ханов, знаменитая их столица, город Сарай, основанный Батием, не мог защитить себя от набега смелых Вятчан: приплыв Волгою и слыша, что Хан кочует верстах в пятидесяти оттуда, они врасплох взяли сей город, захватили все товары, несколько пленников и с добычею ушли назад, сквозь множество Татарских судов, которые хотели преградить им путь. Наконец Ахмат, взяв меры для безопасности Улусов, отправил с Киреем собственного посла к Казимиру, обещал немедленно начать войну и чрез несколько месяцев действительно вступил в Россию с знатными силами, удержав при себе Московского чиновника, который был послан к нему от Государя с мирными предложениями.

Великий Князь, узнав о том, отрядил Боярина Феодора Давидовича с Коломенскою дружиною к берегам Оки; за ним Даниила Холмского, князя Оболенского-Стригу и братьев своих с иными полками; услышал о приближении Хана к Алексину и сам немедленно выехал из столицы в Коломну, чтобы оттуда управлять движениями войска. При нем находился и сын Касимов, Царе-

вич Данияр, с своею дружиною: таким образом политика Великих Князей вооружала Моголов против Моголов. Но еще сильно действовал ужас Ханского имени: несмотря на 180000 воинов, которые стали между неприятелем и Москвою, заняв пространство ста пятидесяти верст; несмотря на общую доверенность к мудрости и счастью Государя, Москва страшилась, и мать Великого Князя с его сыном для безопасности уехала в Ростов.

Ахмат приступил к Алексину, где не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов; однако ж граждане побили множество неприятелей. На другой день Татары сожгли город вместе с жителями; бегущих взяли в плен и бросились целыми полками в Оку, чтобы ударить на малочисленный отряд Москвитян, которые стояли на другом берегу реки. Начальники сего отряда, Петр Федорович и Семен Беклемишев, долго имел перестрелку, хотели уже отступить, когда сын Михаила Верейского, Князь Василий, прозванием Удалый, подоспел к ним с своею дружиною, а скоро и брат Иоаннов, Юрий. Москвитяне прогнали Татар за Оку и стали рядами на левой стороне ее, готовые к битве решительной: новые полки непрестанно к ним подходили с трубным звуком, с распущенными знаменами. Хан Ахмат внимательно смотрел на них с другого берега, удивляясь многочисленности, стройности оных, блеску оружия и доспехов. «Ополчение наше (говорят Летописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освещенному солнцем». Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побежали гонимые одним страхом: ибо никого из Москвитян не было за Окою. Сие нечаянное бегство произошло, как сказывали, от жестокой заразной болезни, которая открылась тогда в Ахматовом войске. – Великий Князь послал Воевод своих вслед за неприятелем; но Татары в шесть дней достигли

до своих *Катунов*, или Улусов, откуда прежде шли к Алексину шесть недель; Россияне не могли или не хотели нагнать их, взяв несколько пленников и часть обоза неприятельского; а Великий Князь распустил войско, удостоверенный, что Хан не скоро осмелится предпринять новое впадение в Россию. Между тем Казимир, союзник Моголов, не сделал ни малейшего движения в их пользу: имея важную распрю с Государем Венгерским и занятый делами Богемии, сей слабодушный Король предал Ахмата так же, как и Новгородцев. Иоанн возвратился в Москву с торжеством победителя.

Скоро после того он и все Москвитяне были огорчены преждевременною кончиною Князя Юрия Васильевича. Меньшие братья его и сам Великий Князь находились в Ростове, у матери, тогда нездоровой. Митрополит Филипп не смел без повеления Иоаннова хоронить тела Юриева, которое, в противность обыкновению, четыре дня стояло в церкви Архангела Михаила. Великий Князь приехал оросить слезами гроб достойного брата, не только им, но и всеми искренно любимого за его добрые свойства и за ратное мужество, коим он славился. — Юрий скончался холостым на тридцать втором году жизни и в духовном завещании отказал свое имение матери, братьям, сестре, Княгине Рязанской, поручив им выкупить разные заложенные им вещи, серебряные, золотые, и даже сукна Немецкие: ибо на нем осталось более семисот рублей долгу. О городах своих — Дмитрове, Можайске, Серпухове — он не упоминает в духовной. Иоанн, присоединив их к Великому Княжению, досадил завистливым братьям; но мать благоразумными увещаниями прекратила ссору, отдав Андрею Васильевичу местечко Романов: Великий Князь уступил Борису Вышегород, а меньшему Андрею Торусу, утвердив грамотами наследственные Уделы за ними и за детьми их.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

Годы 1472–1477

Брак Иоаннов с Греческою Царевною. Посольства из Рима и в Рим. Заключение Ивана Фрязина и Треви-зана, Посла Венецианского. Прение Легата Папского о Вере. Следствия Иоаннова брака для России. Выез-жие Греки. Братья Софиины. Посольства в Венецию. Зодчий Аристотель строит в Москве храм Успения. Строение других церквей, палат и стен Кремлевских. Льют пушки, чеканят монету. Дела с Ливониею, с Литвою, с Крымом, с Большою Ордою, с Персиею. Посол Венецианский Контарини в Москве.

В сие время судьба Иоаннова ознаменовалась новым величием посредством брака, важного и счастливого для России: ибо следствием одного было то, что Европа с любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную; что Государи и народы просвещенные захотели нашего дружества; что мы, вступив в непосредственные сношения с ними, узнали много нового, полезного как для внешней силы государственной, так и для внутреннего гражданского благоденствия.

Последний Император Греческий, Константин Палеолог, имел двух братьев, Димитрия и Фому, которые, под именем Деспотов господствуя в Пелопоннесе, или в Морее, ненавидели друг друга, воевали между собою и тем довершили торжество Магомета II: Турки овладели Пелопоннесом. Димитрий искал милости в Султани, отдал ему дочь в Сераль и получил от него в удел город Эн во Фракии; но Фома, гнушаясь неверными, с женою, с детьми, с знатнейшими Греками ушел из Корфу в Рим, где Папа, Пий II, и Кардиналы, уважая в нем остаток

древнейших Государей Христианских и в благодарность за сокровище, им привезенное: за главу Апостола Андрея (с того времени хранимую в церкви Св. Петра)⁵⁹ назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотых ефимков ежемесячного жалованья. Фома умер в Риме. Сыновья его, Андрей и Мануил, жили благодеяниями нового Папы, Павла II, не заслуживая оных своим поведением, весьма легкомысленным и соблазнительным; но юная сестра их, девица, именем София, одаренная красотой и разумом, была предметом общего доброжелательства. Папа искал ей достойного жениха и, замышляя тогда воздвигнуть всех Государей Европейских на опасного для самой Италии Магомета II, хотел сим браком содействовать видам своей Политики. К удивлению многих, Павел обратил взор на Великого Князя Иоанна, по совету, может быть, славного Кардинала Виссариона: сей ученый Грек издавна знал единовенную Москву и возрастающую силу ее Государей, известных и Риму по делам их с Литвою, с Немецким Орденом и в особенности по Флорентийскому Собору, где Митрополит наш, Исидор, представлял столь важное лицо в церковных прениях. Отдаленность, благоприятствуя баснословию, рождала слухи о несметном богатстве и многочисленности Россиян. Папа надеялся, во-первых, чрез Царевну Софию, воспитанную в правилах Флорентийского Соединения, убедить Иоанна к принятию оных и тем подчинить себе нашу Церковь; во-вторых, лестным для его честолюбия свойством с Палеологами возбудить в нем ревность к освобождению Греции от ига Магометова. Вследствие сего намерения Кардинал Виссарион, в качестве нашего единове́рца, отправил Грека, именем Юрия, с письмом к Великому Князю (в 1469 году), предлагая ему руку Софии, знаменитой дочери Деспота Морейского, которая будто бы отказала двум женихам, Королю Французскому и Герцогу Медио-

ланскому⁶⁰, не желая быть супругою Государя Латинской Веры. Вместе с Юрием приехали в Москву два Венецианина, Карл и Антон, брат и племянник Ивана Фрязина, денежника, или монетчика, который уже давно находился в службе Великого Князя, переселясь к нам, как вероятно, из Тавриды и приняв Веру Греческую.

Сие важное Посольство весьма обрадовало Иоанна; но, следуя правилам своего обыкновенного хладнокровного благоразумия, он требовал совета от матери, Митрополита Филиппа, знатнейших Бояр: все думали согласно с ним, что сам Бог посылает ему столь знаменитую невесту, *отрасль Царственного древа, коего сень покоила некогда все Христианство* православное, неразделенное; что сей благословенный союз, напоминающая Владимиров⁶¹, сделает Москву как бы новою Византиею и даст Монархам нашим права Императоров Греческих. – Великий Князь желал чрез собственного посла удостовериться в личных достоинствах Софии и велел для того Ивану Фрязину ехать в Рим, имея доверенность к сему Венецианскому уроженцу, знакомому с обычаями Италии. Посол возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссариона; уверил Иоанна в красоте Софии и вручил ему живописный образ ее вместе с листами от Папы для свободного проезда наших Послов в Италию за невестою: о чем Павел особенно писал к Королю Польскому, именуя Иоанна любезнейшим сыном, Государем *Московии*, Новгорода, Пскова и других земель. – Между тем сей Папа умер, и слух пришел в Москву, что место его заступил Каллист: Великий Князь в 1472 году, Генваря 17, отправил того же Ивана Фрязина со многими людьми в Рим, чтобы привезти оттуда Царевну Софию, и дал ему письмо к новому Папе. Но дорогою узнали послы, что преемник Павлов называется Сикстом: они не хотели возвратить-

ся для переписывания грамоты; вычистив в ней имя Каллиста, написали Сикстово и в Мае прибыли в Рим.

Папа, Виссарион и братья Софиины приняли их с отменными почестями. 22 мая, в торжественном собрании Кардиналов, Сикст IV объявил им о Посольстве и сватовстве Иоанна, Великого Князя *Белой России*⁶². Некоторые из них сомневались в православии сего Монарха и народа его; но Папа ответствовал, что Россияне участвовали в Флорентийском Соборе и приняли Архиепископа или Митрополита от Латинской Церкви; что *они желают ныне иметь у себя Легата Римского, который мог бы исследовать на месте обряды Веры их и заблуждающимся указать путь истинный*, что ласкою, кротостию, снисхождением надобно обращать сынов ослепленных к нежной матери, т. е. к Церкви; что Закон не противится бракосочетанию Царевны Софии с Иоанном.

25 Маия Послы Иоанновы были введены в тайный Совет Папский, вручили Сиксту Великокняжескую, писанную на Русском языке грамоту с золотою печатью и поднесли в дар шестьдесят соболей. В грамоте сказано было единственно так: «Сиксту, Первосвятителю Римскому, Иоанн, Великий Князь Белой Руси, кланяется и просит верить его Послам». Именем Государя они приветствовали Папу, который в ответе своем хвалил Иоанна за то, что он, как добрый Христианин, *не отвергает Собора Флорентийского* и не принимает Митрополитов от Патриархов Константинопольских, избираемых Турками; что хочет совокупиться браком с Христианкою, воспитанною в столице Апостольской, и что *изъявляет приверженность к Главе Церкви*. В заключение Святой Отец благодарил Великого Князя за дары. – Тут находились Послы Неаполитанские, Венецианские, Медиоланские, Флорентийские и Феррарские. Июня 1 София в церкви Св. Петра была обручена

Государю Московскому, коего лицо представлял главный из его поверенных, Иван Фрязин.

Июня 12 собралися Кардиналы для дальнейших переговоров с Российскими Послами, *которые уверяли Папу о ревности их Монарха к благословенному соединению Церквей*. Сикст IV, так же как и Павел II, имея надежду изгнать Магомета из Царяграда, хотел, чтобы Государь Московской склонил Хана Золотой Орды воевать Турцию. Послы Иоанновы ответствовали, что России легко воздвигнуть Татар на Султана; что они своим несметным числом могут еще подавить Европу и Азию; что для сего нужно только послать в Орду тысяч десять золотых ефимков и богатые, особенные дары Хану, коему удобно сделать впадение в Султанские области чрез Паннонию; но что Король Венгерский едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрез свою державу; что сии вероломные наемники, в случае несправного платежа, бывают злейшими врагами того, кто их нанял; что победа Татар оказалась бы равно бедственною и для Турков и для Христиан. Одним словом, Послы Московские старались доказать, что неблагоразумно искать помощи в Орде, и Папа удовольствовался надеждою на собственные силы Иоанна, единовеца Греков и естественного неприятеля их утеснителей.

Так говорят церковные летописи Римские о Посольстве Московском. Действительно ли Великий Князь манил Папу обещаниями принять устав Флорентийского Собора или Иван Фрязин клеветал на Государя, употребляя во зло его доверенность? Или Католики, обманывая самих себя, не то слышали и писали, что говорил Посол наш? Сие остается неясным. – Папа дал Софии богатое вено и послал с нею в Россию Легата, именем Антония, провождаемого многими Римлянами; а Царевичи Андрей и Мануил отправили Послом к Иоанну Грека Димитрия. Невеста

имела свой особенный Двор, чиновников и служителей: к ним присоединились и другие Греки, которые надеялись обрести в единоверной Москве второе для себя отечество. Папа взял нужные меры для безопасности Софии на пути и велел, чтобы во всех городах встречали Царевну с надлежащею честью, давали ей съестные припасы, лошадей, проводников, в Италии и в Германии, до самых областей Московских. 24 Июня она выехала из Рима, Сентября 1 прибыла в Любек, откуда 10 числа отправилась на лучшем корабле в Ревель; 21 Сентября вышла там на берег и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивение Ордена. Гонец Ивана Фрязина спешил из Ревеля через Псков и Новгород в Москву с известием, что София благополучно переехала море. Посол Московский встретил ее в Дерпте, приветствуя именем Государя и России.

Между тем вся область Псковская была в движении: Правители готовили дары, запас, мед и вина для Царевны; рассылали всюду гонцов; украшали суда, лодки и 11 Октября выехали на Чудское озеро, к устью Эмбаха, встретить Софию, которая со всеми ее многочисленными спутниками тихо подъезжала к берегу. Посадники, Бояре, вышедши из судов и налив вином кубки, ударили челом своей будущей Великой Княгине. Достигнув наконец земли Русской, где провидение судило ей жить и Царствовать; видя знаки любви, слыша усердные приветствия Россиян, она не хотела медлить ни часу на берегу Ливонском: степенный Посадник принял ее и всех бывших с нею на суда. Два дня плыли озером; ночевали у Св. Николая в Устьях и 13 Октября остановились в монастыре Богоматери: там Игумен с братиею отпел за Софию молебен; она оделась в *Царские ризы* и, встреченная Псковским Духовенством у ворот, пошла в Соборную церковь, где народ с любопытством смотрел на Папского Легата, Антония, на его червленную одежду, высокую

Епископскую шапку, перчатки и на серебряное литое распятие, которое несли перед ним. К соблазну наших Христиан правоверных, сей Легат, вступив в церковь, не поклонился Святым иконам; но София велела ему приложиться к образу Богоматери, заметив общее негодование. Тем более народ пленился Царевною, которая с живейшим усердием молилась Богу, наблюдая все обряды Греческого Закона. Из церкви повели ее в Великокняжеский дворец. По тогдашнему обыкновению гостеприимство изъяснялось дарами: Бояре и купцы поднесли Софии пятьдесят рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная к усердию Псковитян, она, чрез пять дней выезжая оттуда, сказала им с ласкою: «Спешу к моему и вашему Государю; благодарю чиновников, Бояр и весь Великий Псков за угощение и рада при всяком случае ходатайствовать в Москве по делам вашим». — В Новгороде была ей такая же встреча от Архиепископа, Посадников, Тысячских, Бояр и купцев; но Царевна спешила в Москву, где Иоанн ожидал ее с нетерпением.

Уже София находилась в пятнадцати верстах от столицы, когда Великий Князь призвал Бояр на совет, чтобы решить свое недоумение. Легат Папский, желая иметь более важности в глазах Россиян, во всю дорогу ехал с Латинским *крыжем*: то есть пред ним в особенных санях везли серебряное распятие, о коем мы выше упоминали. Великий Князь не хотел оскорбить Легата, но опасался, чтобы Москвитяне, увидев сей торжественный обряд иноверия, не соблазнились, и желал знать мнение Бояр. Некоторые думали, согласно с нашим Послом, Иваном Фрязином, что не должно запрещать того из уважения к Папе; другие, что доселе в земле Русской не оказывалось почестей Латинской Вере; что пример и гибель Исидора еще в свежей памяти.

Иоанн отнесся к Митрополиту Филиппу, и сей старец с жаром отвечал: «Буде ты позволишь в благо-

верной Москве нести крест перед Латинским Епископом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой, изыду другими вон из града. Чтить Веру чуждую есть унижать собственную». Великий Князь немедленно послал Боярина, Феодора Давидовича, взять крест у Легата и спрятать в сани. Легат повиновался, хотя и с неудовольствием: тем более спорил Иван Фрязин, осуждая Митрополита. «В Италии (говорил он) честили Послов Великокняжеских: следственно, в Москве надо честить Папского». Сей Фрязин, будучи в Риме, таил перемену Веры своей, сказывался Католиком и, в самом деле приняв Греческий Закон в России только для мирских выгод, внутренне исповедывал Латинский, считая нас суеверами. Но Боярин Феодор Давидович исполнил повеление Государя.

Царевна въехала в Москву 12 ноября, рано поутру, при стечении любопытного народа. Митрополит встретил ее в церкви: приняв его благословение, она пошла к матери Иоанновой, где увиделась с женихом. Тут совершилось обручение: после чего слушали Обедню в деревянной Соборной церкви Успения (ибо старая каменная была разрушена, а новая не достроена). Митрополит служил со всем знатнейшим Духовенством и великолепием Греческих обрядов; наконец обвенчал Иоанна с Софиею, в присутствии его матери, сына, братьев, множества Князей и Бояр, Легата Антония, Греков и Римлян. На другой день Легат и посол Софииных братьев, торжественно представленные великому князю, вручили ему письма и дары.

В то время, когда Двор и народ в Москве праздновали свадьбу Государя, главный пособник сего счастливого брака, Иван Фрязин, вместо чаемой награды заслужил оковы. Возвращаясь в первый раз из Рима чрез Венецию и называясь Великим Боярином Московским, он был обласкан Дожем, Николаем Троно, который, узнав от него о тесных связях Россиян с Моголами Золотой Орды, взду-

мал отправить туда Посла чрез Москву, чтобы склонить Хана к нападению на Турцию. Сей Посол, именем Иван Батист Тревизан, действительно приехал в нашу столицу с грамотою от Дожа к Великому Князю и с просьбою, чтобы он велел проводить его к Хану Ахмату; но Иван Фрязин уговорил Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновенных даров; обещал и без того доставить ему все нужное для путешествия в Орду и, пришедши с ним к Великому Князю, назвал сего посла купцем Венецианским, своим племянником. Ложь их открылась прибытием Софии: Легат Папский и другие из ее спутников, зная лично Тревизана – зная также, с чем он послан в Москву, – сказали о том Государю. Иоанн, взыскательный, строгий до суровости, в гневе своем за дерзкий обман велел Фрязина оковать цепями, сослать в Коломну, дом разорить, жену и детей взять под стражу, а Тревизана казнить смертию. Едва Легат Папский и Греки могли спасти жизнь сего последнего усердным за него ходатайством, умолив Государя, чтобы он прежде обослался с сенатом и дожем Венецианским.

Ласкаемый в Москве, Посол Римский, согласно с данным ему от Папы наставлением, домогался, чтобы Россия приняла устав Флорентийского Собора. Может быть, Иоанн, во время сватовства искав благосклонности Папы, давал сию надежду словами двусмысленными; но будучи уже супругом Софии, не хотел о том слышать. Летописец говорит, что Легат Антоний имел прения с нашим Митрополитом Филиппом, но без малейшего успеха; что Митрополит, опираясь на особенную мудрость какого-то Никиты, Московского книжника, ясно доказал истину Греческого исповедания, и что Антоний, не находя сильных возражений, сам прекратил спор, сказав: «нет книг со мною». – Пробыв одиннадцать недель в Москве, Легат и Посол Софийных братьев отправились назад в Италию

с богатыми дарами для Папы и Царевичей от Великого Князя, сына его и Софии, которая, по известию Немецких Историков, обещав Сиксту IV наблюдать внушенные ей правила Западной Церкви, обманула его и сделалась в Москве ревностною Христианкою Веры Греческой.

Главным действием сего брака (как мы уже заметили) было то, что Россия стала известнее в Европе, которая чтит в Софии племя древних Императоров Византийских и, так сказать, провождала ее глазами до пределов нашего отечества; начались государственные сношения, пересылки; увидели Москвитян дома и в чужих землях; говорили об их странных обычаях, но угадывали и могущество. Сверх того многие Греки, приехавшие к нам с Царевною, сделались полезны в России своими знаниями в художествах и в языках, особенно в Латинском, необходимом тогда для внешних дел государственных; обогатили спасенными от Турецкого варварства книгами Московские церковные библиотеки и способствовали велелепию нашего двора сообщением ему пышных обрядов Византийского, так что с сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву. Следственно, падение Греции, содействовав возрождению наук в Италии, имело счастливое влияние и на Россию. — Некоторые знатные Греки выехали к нам после из самого Константинополя: например, в 1485 году Иоанн Палеолог Рало, с женою и с детьми, а в 1495 Боярин Феодор Ласкир с сыном Димитрием. София звала к себе и братьев; но Мануил предпочел двор Магомета II, уехал в Царьград и там, осыпанный благодеяниями Султана, провел остаток жизни в изобилии: Андрей же, совокупившись браком с одною распутною Гречанкою, два раза (в 1480 и 1490 году) приезжал в Москву и выдал дочь свою, Марию, за Князя Василия Михайловича Верейского; однако ж возвратился в Рим

(где лежат кости его подле отцевских в храме Св. Петра). Кажется, что он был не доволен Великим Князем: ибо в духовном завещании отказал свои права на Восточную Империю не ему, а иноверным Государям Кастиллии, Фердинанду и Елисавете⁶³, хотя Иоанн, по свойству с Царями Греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с Московским: то есть на одной стороне изображался орел а на другой всадник, попирающий дракона⁶⁴, с надписью: *«Великий Князь, Божию милостию Господарь всея Руси»*.

Вслед за Легатом Римским Великий Князь послал в Венецию Антона Фрязина с жалобою на Тревизана, велел сказать Дожу: «Кто шлет Посла чрез мою землю тайно, обманом, не испросив дозволения, тот нарушает уставы чести». Дож и сенат, услышав, что бедный Тревизан сидит в Москве под стражею окованный цепями, прибегнули к ласковым убеждениям, прося, чтобы Великий Князь освободил его для общего блага Христиан и отправил к Хану, снабдив всем нужным для сего путешествия, из дружбы к Республике, которая с благодарностию заплатит сей долг. Иоанн умилился, освободил Тревизана, дал ему семьдесят рублей и, вместе с ним послав в Орду Дьяка своего возбуждать Хана против Магомета II, уведомил о том Венецианского Дожа. Сие новое Посольство в Италию особенно любопытно тем, что главою оного был уже не иноземец, но Россиянин, именем Семен Толбузин, который взял с собою Антона Фрязина в качестве переводчика и сверх государственного дела имел поручение вывезти оттуда искусного зодчего.

Здесь в первый раз видим Иоанна, пекущегося о введении художеств в Россию: ознаменованный величием духа, истинно Царским, он хотел не только ее свободы, могущества, внутреннего благоустройства, но и внешнего велелепия, которое сильно действует на воображение лю-

дей и принадлежит к успехам их гражданского состояния. Владимир Святой и Ярослав Великий украсили древний Киев памятниками Византийских Искусств; Андрей Боголюбский призывал оные и на берега Клязьмы, где Владимирская церковь Богоматери еще служила предметом удивления для северных Россиян; но Москва, возникшая в веки слез и бедствий, не могла еще похвалиться ни одним истинно величественным зданием. Соборный храм Успения, основанный Св. Митрополитом Петром, уже несколько лет грозил падением, и Митрополит Филипп желал воздвигнуть новый по образцу Владимирского. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь с торжественными обрядами, с колокольным звоном, в присутствии всего двора: перенесли в оную из старой гробы Князя Георгия Даниловича⁶⁵ и всех Митрополитов (сам Государь, сын его, братья, знатнейшие люди несли мощи Св. Чудотворца Петра; особенного покровителя Москвы). Сей храм еще не был достроен, когда Филипп Митрополит скоро после Иоаннова бракосочетания преставился, испуганный пожаром, который обратил в пепел его Кремлевский дом; обливаясь слезами над гробом Св. Петра и с любовью утешаемый Великим Князем, Филипп почувствовал слабость в руке от паралича; велел отвезти себя в монастырь Богоявленский и жил только один день, до последней минуты говорив Иоанну о совершении новой церкви. Преемник его, Геронтий (бывший Коломенский Епископ, избранный в Митрополиты Собором наших Святителей) также ревностно пекся об ее строении; но едва складенная до сводов, она с ужасным треском упала, к великому огорчению Государя и народа. Видя необходимость иметь лучших художников, чтобы воздвигнуть храм, достойный быть первым в Российской державе, Иоанн послал во Псков за тамошними каменщиками, учениками Немцев, и велел Толбузину, чего бы то

ни стоило, сыскать в Италии Архитектора опытного для сооружения Успенской кафедральной церкви. Вероятно даже, что сие дело было главною виною его Посольства. Уже Италия, пробужденная зарею наук, умела ценить памятники древней Римской изящной Архитектуры, презирая Готическую, столь несоразмерную, неправильную, тяжелую, и Арабскую, расточительную в мелочных украшениях. Образовался новый, лучший вкус в зданиях, хотя еще и несовершенный, но Италиянские Архитекторы уже могли назваться превосходнейшими в Европе.

Принятый в Венеции благосклонно от нового Дожа, Марчелла, и взяв с Республики семьсот рублей за все, чем снабдили Тревизана, в Москве из казны Великокняжеской, Толбузин нашел там зодчего, Болонского уроженца, именем Фиоравенти Аристотеля, которого Магомет II звал тогда в Царьград для строения Султанских палат, но который захотел лучше ехать в Россию, с условием, чтобы ему давали ежемесячно по десяти рублей жалованья, или около двух фунтов серебра. Он уже славился своим искусством, построив в Венеции большую церковь и ворота⁶⁶, отменно красивые, так что правительство с трудом отпустило его, в угождение Государю Московскому. Прибыв в столицу нашу, сей художник осмотрел развалины новой Кремлевской церкви: хвалил гладкость работы, но сказал, что известь наша не имеет достаточной вязкости, а камень не тверд, и что лучше делать своды из плит, он ездил в Владимир, видел там древнюю Соборную церковь и дивился в ней произведению великого искусства; дал меру кирпича; указал, как надобно обжигать его, как растворять известь; нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем; махиною, неизвестною тогдашним Москвитянам и называемою *бараном*, разрушил до основания стены Кремлевской церкви, которые уцелели в ее падении; выкопал новые рвы и наконец заложил великолепный

храм Успения, донныне стоящий пред нами как знаменитый памятник Греко-Италиянской Архитектуры XV века, чудесный для современников, достойный хвалы и самых новейших знатоков искусства своим твердым основанием, расположением, соразмерностию, величию. Построенная в четыре года, сия церковь была освящена в 1479 году, августа 12, Митрополитом Геронтием с Епископами.

Чтобы представить читателям в одном месте все сделанное Иоанном для украшения столицы, опишем здесь и другие здания его времени. Довольный столь счастливым опытом Аристотелева искусства, он разными Посольствами старался призывать к себе художников из Италии: создал новую церковь Благовещения на своем дворе⁶⁷, а за нею – на площади, где стоял терем – огромную палату, основанную Марком Фрязином в 1487 году и совершенную им в 1491 с помощью другого Италиянского Архитектора, Петра Антония. Она долженствовала быть местом торжественных собраний Двора, особенно в случае Посольств иноземных, когда Государь хотел являться в величии и блеске, следуя обычаю Монархов Византийских. Сия палата есть так называемая *Грановитая*, которая в течение трехсот двадцати лет сохранила всю целость и красоту свою⁶⁸: там видим и ныне трон Венценосцев Российских, с коего они в первые дни их царствования изливают милости на Вельмож и народ. – Дотолу Великие Князья обитали в деревянных зданиях: Иоанн (в 1492 году) велел разобрать ветхий дворец и поставить новый на Ярославском месте, за церковию Архангела Михаила; но недолго жил в оном: сильный пожар (в 1493 году) обратил весь город в пепел, от Св. Николая на Песках до поля за Москвою-рекою и за Сретинскою улицею: Арбат, Неглинную, Кремль, где сгорели дворы Великого Князя и Митрополитов со всеми житницами на Подоле, обрушилась церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот (под

коею хранилась казна Великой Княгини Софии), и вообще не осталось ни одного целого здания, кроме новой палаты и соборов (в Успенском обгорел алтарь, крытый Немецким железом). Государь переехал в какой-то большой дом на Яuzu, к церкви Св. Николая Подкопаева, и решился соорудить дворец каменный, заложенный в мае 1499 года Медиоланским Архитектором, Алевизом, на старом месте, у Благовещения; глубокие погребы и ледники служили основанием сего великолепного здания, совершенного через девять лет и ныне именуемого *дворцом теремным*. Между тем Иоанн жил на своем Кремлевском дворе в деревянных хоромах, а иногда на Воронцовом поле. Угождая Государю, знатные люди также начали строить себе каменные дома: в летописях упоминается о палатах Митрополита, Василия Федоровича Образца, и Головы Московского, Дмитрия Владимировича Ховрина.

Величественные Кремлевские стены и башни равномерно воздвигнуты Иоанном: ибо древнейшие, сделанные в княжение Димитрия Донского, разрушились, и столица наша уже не имела каменной ограды. Антон Фрязин в 1485 году, июля 19, заложил на Москве-реке стрельницу, а в 1488 другую, Свибловскую, с тайниками, или подземельным ходом; Италиянец Марко построил Беклемишевскую; Петр Антоний Фрязин две, над Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и третью Фроловскую; башня над речкою Неглинною совершена в 1492 году неизвестным Архитектором⁶⁹. Окружили всю крепость высокою, твердою, широкою стеною, и Великий Князь приказал сломать вокруг не только все дворы, но и церкви, оставив, чтобы между ею и городским строением было не менее ста девяти сажений. Таким образом Иоанн украсил, укрепил Москву, оставив Кремль долговечным памятником своего Царствования⁷⁰, едва ли не превосходнейшим в сравнении со всеми иными Евро-

пейскими зданиями пятого-надесять века. – Последним делом Италиянского зодчества при сем Государе было основание нового Архангельского собора, куда перенесли гробы древних Князей Московских из ветхой церкви Св. Михаила, построенной Иоанном Калитою и тогда разобранной. – Кроме зодчих, Великий Князь выписывал из Италии мастеров пушечных и серебряников. Фрязин, Павел Дебосис, в 1488 году слил в Москве огромную Царь-пушку⁷¹. В 1494 году выехал к нам из Медиолана другой художник огнестрельного дела, именем Петр. Италиянские серебряники начали искусно чеканить Русскую монету, вырезывая на оной свое имя: так, на многих деньгах Иоанна Васильевича видим надпись: Aristoteles: ибо сей знаменитый Архитектор славился и монетным искусством (сверх того лил пушки и колокола). – Одним словом, Иоанн, чувствуя превосходство других Европейцев в гражданских искусствах, ревностно желал заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, усердно держась Русских; оставлял Вере и Духовенству образовать ум и нравственность людей; не думал в философическом смысле просвещать народа, но хотел доставить ему плоды наук, нужнейшие для величия России. – Теперь обратимся к государственным происшествиям.

Запад России, Немцы и Литва были предметом Иоаннова внимания. Князь Феодор Юрьевич Шуйский, несколько лет властвовав во Пскове как Государев наместник и сведав, что тамошние граждане, не любя его, послали к Великому Князю требовать себе иного Правителя, уехал в Москву. Псковитяне желали вторично иметь своим Князем Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата Князя Ярослава: Государь дал им последнего, сказав, что первые нужны ему самому для ратного дела. В то же время Псковитяне известили Иоанна о неприятельском расположении Ливонского Ордена. Еще не минул срок перемирия,

заключенного ими с Магистром в 1463 году на девять лет, когда Немцы, подведенные Русскими лазутчиками, сожгли несколько деревень на берегах Синего озера: Псковитяне, казнив своих изменников, удовольствовались жалобами на вероломство Ордена. В 1471 году Магистр прислал брата своего сказать им, что он намерен переселиться из Риги в Феллин и желает соблюсти дружбу с ними, требуя, чтобы они не вступались в землю и воды за Красным городком. Псковитяне ответствовали, что Магистр волен жить, где ему угодно; что мир с их стороны не будет нарушен, но что упомянутые места издревле суть достояние Великих Князей. Условились решить спор на общем съезде и назначили время. Уже Иоанн, замышляя быть истинным Государем всей России, не считал дел Псковских или Новгородских как бы чуждыми для Москвы: он послал своего Боярина выслушать требования ордена; но переговоры, бывшие в Нарве и в Новгороде, не имели успеха: Немецкие Послы уехали назад с досадою, и Великий Князь, исполняя желание Псковитян, отправил к ним войско, составленное из городских полков и Детей Боярских, коими предводительствовал славный муж, Князь Даниил Холмский, имея под своим начальством более двадцати Князей. Чиновники Псковские, встретив сию знатную рать с хлебом и с медом, удивились ее многочисленности, так, что она едва могла поместиться в городе, за рекою Великою. Холмский нетерпеливо желал вступить в Ливонию: к несчастью, сделалась оттепель в Декабре месяце; реки вскрылись; не было ни зимнего, ни летнего пути; воины скучали праздностию, а граждане убытком, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. С Москвитянами пришло несколько сот Татар: сии наемники силою отнимали у жителей скот и разные запасы, пока Холмский строгостию не унял их, определив, что город обязан ежедневно давать на содержание полков.

Но сей убыток был вознагражден счастливыми следствиями. Слух о прибытии Московской рати столь испугал Магистра и епископа дерптского, что они немедленно прислали своих чиновников для возобновления мира: первый на двадцать пять, а второй на тридцать лет, с условием, чтобы Немцам не вступаться в земли Псковитян, давать везде свободный путь их купцам и не пропускать в Россию из Ливонии ни меда, ни пива. В сем договоре участвовали и Новгородцы, коих войско также готовилось действовать против ордена вместе с Великокняжеским. Так Иоанн ввел единство в систему внешней Политики Российской, к крайнему беспокойству наших западных соседей, видевших, что Новгород, Псков и Москва делаются одною державою, управляемою Государем благоразумным, миролюбивым, но решительным в намерениях и сильным в исполнении. Получив известие, что Магистр и Правительство Дерптское клятвою утвердили мирные условия, Князь Холмский возвратился в Москву с честью и с даром двухсот рублей от признательных Псковитян, которые особенною грамотою, отправленною с гонцом, изъявили благодарность Иоанну за его милостивое вспоможение.

Но Великий Князь не был доволен ни ими, ни Холмским: ими за то, что они дерзнули, вместо знатных людей, прислать к нему гонца; а Князь Холмский заслужил гнев Иоаннов какою-то виною, вероятно, не умышленною: ибо сей Государь, строгий по нраву и правилам, скоро простил ему оную, взяв с него *клятвенную грамоту* следующего содержания: «Я, Князь Данило Дмитриевич Холмский, бил челом Государю за мою вину посредством Господина Геронтия Митрополита и Епископов: во уважение чего он простил меня, слугу своего; а мне, Князю Данилу, быть ему верным до конца жизни и не искать службы в иных землях. Когда же преступлю клятву, да лишуся милости Божией и благословения Пастырского в сей век и в бу-

душдей: Государь же и дети его вольны казнить меня», и проч. Сверх того Вельможи дали восемь *поручных грамот* за Холмского, обязываясь, в случае его измены, внести в казну две тысячи рублей. Иоанн же, в знак искреннего прощения, пожаловал Князя Даниила Боярином.

Псковитяне, услышав о гневе Государя, немедленно отправили к нему Князя Ярослава Васильевича с тремя Посадниками и многими Боярами: Иоанн не пустил их к себе на глаза, даже в город, так что они, простояв пять дней в шатрах на поле, должны были ехать обратно; наконец, смягченный их скорбию и новым торжественным Посольством, сей хитрый Государь принял от них в дар сто пятьдесят рублей и милостиво объявил, что будет править своею Псковскою отчиною согласно с древними грамотами Великих Князей: то есть он хотел, наблюдая во всем достоинство Монарха, приучить и вельмож и граждан к благоговению пред его священным саном и, грозя внешним неприятелям, умножал внутреннюю силу России строгим действием Самодержавной власти.

Доселе Иоанн не имел никаких известных дел, ни сношений с Литвою, сильным ударом меча исхитив из ее рук Новгород и до времени оставляя Казимира тщетно злоститься на Россию. Одни Псковитяне пересылались с сим Королем, желал дружелюбно утвердить границы между его и своими владениями. С обеих сторон честили и дарили Послов, съезжались сановники на рубеже и не могли согласиться в прениях. Сам Казимир был в Полоцке, обещался собственными глазами осмотреть все спорные места, но не сдержал слова. Лаская Псковитян, он давал им чувствовать, что признает их народом вольным, независимым от Москвы и готов всегда жить в дружбе с ними. Осенью в 1473 году открылись неприятельские действия между Москвитянами и Литвою. Первые, ограбив город Любутск, ушли назад с добычею и с пленни-

ками; а Любчане напали на Князя Симеона Одоевского, Российского подданного, убили его в сражении, но не могли ничего завоевать в наших пределах. Вероятно, что сей случай заставил Казимира отправить в Москву посла, именем Богдана, или с жалобами, или с дружественными предложениями, на которые Иоанн отвечал ему чрез своего Посла, Василия Китая: следствием было то, что сии Государи остались только внутренне неприятелями, не объявляя войны друг другу.

Хитрая политика Иоаннова еще яснее видна в делах Ординских сего времени. Царь Казанский жил тогда спокойно и не тревожил России, однако ж был опасным для нас соседом: чтобы иметь в руках своих орудие против Казани, Великий Князь подговорил одного из ее Царевичей, Муртозу, сына Мустафы, к себе в службу и дал ему Новгородок Рязанский с волостями.

Хан Таврический, или Крымский, знаменитый Ази-Гирей, умер около 1467 года, оставив шесть сыновей: Нордоулата, Айдара, Усемеаря, Менгли-Гирея, Ямгурчя и Милкомана, из коих старший, Нордоулат, заступил место отца, но, сверженный братом, Менгли-Гиреем, искал убежища в Польше. Сие обстоятельство и союз Казимиров с неприятелем Таврической Орды, Ханом Волжским, Ахматом, возбудив в Менгли-Гирее недоверие к Королю Польскому, дали мысль прозорливому Иоанну искать дружбы нового Царя Крымского, посредством одного богатого Жида, именем Хози Кокоса, жившего в Кафе, где купцы наши часто бывали для торговли с Генуэзцами. Зная по слуху новое могущество России и личные достоинства Государя ее, Менгли-Гирей столь обрадовался предложению Иоаннову, что немедленно написал к нему ласковую грамоту, привезенную в Москву Исупом, шурином Хози Кокоса. Так началась дружелюбная связь между сими двумя Государями, непрерывная до конца их жизни,

выгодная для обоих и еще полезнейшая для нас: ибо она, ускорив гибель Большой, или Золотой, Орды и развлекая силы Польши, явно способствовала величию России.

Иоанн послал в Крым толмача своего Иванчу, желая заключить с Ханом торжественный союз; а Менгли-Гирей в 1473 году прислал в Москву чиновника Ази-Бабу, который именем его клятвенно утвердил предварительный мирный договор между Крымом и Россиею, состоящий в том, что Царю Менгли-Гирею, *Уланам* и Князьям его быть с Иоанном в братской дружбе и любви, против недругов стоять заодно, не воевать Государства Московского, разбойников же и хищников казнить, пленных выдавать без окупа, все насилием отнятое возвращать сполна и с обеих сторон ездить Послам свободно без платежа купеческих пошлин. – Вместе с Ази-Бабою отправился в Крым Послом Боярин Никита Беклемишев, коему, сверх упомянутого мирного договора, даны были еще прибавления: первое в таких словах: «Ты, Великий Князь, обязан слать ко мне, Царю, *поминки*, или дары ежегодные». Государь велел Беклемишеву согласиться на сие единственно в случае неотступного Ханского требования. Во втором прибавлении Иоанн обещался действовать с Менгли-Гиреем совокупно против Хана Золотой Орды, Ахмата, если он (Менгли-Гирей) сам будет помогать России против Короля Польского. – Никита Беклемишев должен был увериться в приязни ближних Князей Царевых, одарить их соболями, заехать в Кафу, изъявить благодарность Хозе Кокосу за оказанную им услугу в сношениях с Крымским Царем и требовать от тамошнего Консула, чтобы Генуэзцы выдали Российским купцам отнятые у них товары на две тысячи рублей и впредь не делали подобного насилия, вредного для успехов взаимной торговли.

Беклемишев возвратился [15 Ноября 1474 г.] в Москву с Крымским Послом, Довлетском Мурзою, и с клят-

венною Ханскою грамотою, на коей Иоанн в присутствии сего Мурзы целовал крест в уверение, что будет точно исполнять все условия союза. – Довлетек жил в Москве четыре месяца и поехал назад в Тавриду с Великокняжеским чиновником, Алексеем Ивановичем Старковым, коего наказ состоял в следующем: «*Сказать Хану. Князь Великий Иоанн челом бьет. Ты пожаловал меня себе братом и другом, чтобы нам иметь общих приятелей и врагов: благодарствую за твое жалованье. – Ты хочешь, чтобы я принял к себе Зенебека Царевича: в минувшее лето он просился в мою службу; но я отказал ему, считая его твоим недругом: ныне послал за ним в Орду, чтобы сделать тебе угодное. – Мы взаимно обязались крепким словом любви по нашей Вере: не преступай клятвы; я исполню свою*». Но в сем заключенном между Россиею и Крымом договоре не упоминалось именно ни об Ахмате, ни о Казимире: Иоанн не обязывался воевать с первым, ибо Менгли-Гирей не дал клятвы действовать вместе с Россиею против последнего. Старков долженствовал объявить Хану, что одно не может быть без другого. Сверх того ему велено было жаловаться на Кафинских Генуэзцев, ограбивших какого-то Российского Посла и наших купцов: в случае неудовлетворения Иоанн грозил силою управиться с сими разбойниками. – Наконец Посол Московский имел приказание вручить дары Манкупскому Князю *Исайку* (из благодарности за дружелюбное принятие Никиты Беклемишева) и разведать чрез Хозю Кокоса, сколько тысяч золотых готовит сей Владетель в приданое за свою дочь, которую он предлагал в невесты сыну Великого Князя, Иоанну Иоанновичу. Известно, что Манкуп (ныне местечко в Тавриде, на высокой неприступной горе) был прежде знаменитою крепостию и назывался *городом Готфским*⁷²: ибо там с третьего века обитали Готфы Тетракситы, Христиане Греческой веры, данники

Козаров, Половцев, Моголов, Генуэзцев, но управляемые собственными Властителями, из коих последний был сей Исайко, приятель Иоаннов по единоверию.

Старков не мог исполнить данных ему повелений: ибо все переменилось в Тавриде. Брат Ханский Айдар, собрав многочисленную толпу преданных ему людей, изгнал неосторожного Менгли-Гирея, бежавшего в Кафу к Генуэзцам. Скоро явился на Черном море сильный Турецкий флот под начальством Визиря Магометова, Ахмета Паши; сей искусный Вождь, пристав к берегам Тавриды, в шесть дней овладел Кафою, где в первый раз кровь Русская пролилася от меча Оттоманов: там находилось множество наших купцов; некоторые из них лишились жизни, другие имения и вольности. Генуэзцы ушли в Манкуп, как в неприступное место; но Визирь осадил и сию крепость. Пишут, что ее начальник, выехав на охоту, был взят в плен Турками и что осажденные, потеряв бодрость, искали спасения в бегстве, гонимые, убиваемые неприятелем. Истребив до основания державу Генуэзскую в Тавриде, более двух веков существовавшую, и покорив весь Крым Султану, Ахмет Паша возвратился в Константинополь с великим богатством и с пленниками, в числе коих был и Менгли-Гирей с двумя братьями. Султан обласкал сего Хана, назвал законным Властителем Крыма и, велев изобразить его имя на монете, отправил господствовать над сим полуостровом в качестве своего присяжника. – Но Менгли-Гирей, еще не успев восстановить в Тавриде порядка, разрушенного Турецким завоеванием, был вторично изгнан оттуда Ахматом, Царем Золотой Орды, которого сын, предводительствуя сильным войском, овладел всеми городами Крымскими.

Иоанн, огорченный новым бедствием Менгли-Гирея, в то же время сведал, что Ахмат, добровольно или принужденно, уступил Тавриду Царевичу Зенебе-

ку, который прежде искал службы в России. Зенебек, став Ханом Крымским, не ослепился своим временным счастьем, предвидел опасности и прислал в Москву чиновника, именем Яфара Бердея, узнать, может ли он, в случае изгнания, найти у нас безопасное убежище. Великий Князь отвечал ему чрез гонца: «Еще не имея ни силы, ни власти и будучи единственно *Козаком*, ты спрашивал у меня, найдешь ли отдохновение в земле моей, если конь твой утрудится в поле? Я обещал тебе безопасность и спокойствие. Ныне радуюсь твоему благополучию; но если обстоятельства переменятся, то считай мою землю верным для себя пристанищем». Сей гонец должен был изъясниться с Зенебеком наедине и предложить ему возобновление союза, заключенного между Россией и Менгли-Гиреем.

В сем сношении не было слова о Царе Большой Орды, Ахмате, который, несмотря на свое неудачное покушение смирить Иоанна оружием, еще именовался нашим верховным Властителем и требовал дани. Пишут, что Великая Княгиня София, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга к свержению ига, говоря ему ежедневно: «Долго ли быть мне рабынею Ханскою?» В Кремле находился особенный для Татар дом, где жили Послы, чиновники и купцы их, наблюдая за всеми поступками Великих Князей, чтобы извещать о том Хана: София не хотела терпеть столь опасных лазутчиков; послала дары жене Ахматовой и писала к ней, что она, имев какое-то видение, желает создать храм на Ординском подворье (где ныне церковь Николы Гостунского)⁷³: просит его себе и дает вместо одного другое. Царица согласилась: дом разломали, и Татары, выехав из него, остались без пристанища: их уже не впускали в Кремль. Пишут еще, что София убедила Иоанна не встречать Послов Ординских, которые обыкновенно

привозили с собою *басму*, образ или *болван* Хана⁷⁴, что древние Князья Московские всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим и, для слушания Царских грамот подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена. На месте, где бывала сия встреча, создали в Иоанново время церковь, именуемую доньне Спасом *на Болвановке*⁷⁵. Однако ж, в надежде скоро видеть гибель Орды как необходимое следствие внутренних ее междоусобии, Великий Князь уклонялся от войны с Ахматом и манил его обещаниями; платил ему, кажется, и некоторую дань: ибо в грамотах, тогда писанных, все еще упоминается о *выходе Ординском*. В 1474 году был в Улусах наш Посол Никифор Басенков, а в Москве Ханский, именем Карачук: с последним находилось 600 служителей и 3200 торговых людей, которые привели 40000 Азиатских лошадей для продажи в России. В 1475 году Дьяк Иоаннов, Лазарев, возвратился из Большой Орды с известием, что Хан отпустил Венецианского Посла, Тревизана, в Италию морем, не изъявив желанья воевать с Турками. Изгнав Менгли-Гирея из Крыма, Ахмат, ободренный сим успехом, велел гордо сказать Иоанну чрез Мурзу, именем Бочюка, чтобы он вспомнил древнюю обязанность Российских Князей и немедленно сам ехал в Орду поклониться Царю своему: Великий Князь дружелюбно угостил Бочюка, послал с ним в Улусы Тимофея Бестужева, вероятно, и дары, но не думал исполнять требования Ахматова.

В сие время мы имели сношения и с Персиею, где Царствовал славный Узун-Гассан, Князь племени Туркоманского, овладевший всеми странами Азии от Инда и Окса до Евфрата⁷⁶. Слыша о знаменитых успехах его оружия, деятельная Республика Венецианская отправила к нему Посла, именем Контарини, с предложением действовать общими силами против Магомета II. Контарини

ехал туда через Польшу, Киев, Кафу, Мингрелию, Грузию и встретил в Экбатане чиновника Великокняжеского, Марка Руфа, Италиянского или Греческого уроженца, который имел переговоры с Царем Узунум. Великий Князь без сомнения искал дружбы Персидского завоевателя, с намерением угрожать ею Хану Большой Орды, Ахмату: сие тем вероятнее, что Узун-Гассан, семидесятилетний, но бодрый старец, вообще ненавидел Моголов, зависев некогда от Тамерлановых слабых наследников и владея южными берегами Каспийского моря, был в соседстве с Ахматовыми Улусами. Посол Московский отправился назад в Россию вместе с Персидским; в числе их спутников находился и Контарини: ибо – сведав, что Кафа завоевана Турками – он уже не хотел прежним путем возвратиться в Италию и вверил судьбу свою Марку Руфу, который взял с собою его и Монаха Французского, Людовика, называвшегося Патриархом Антиохийским и Послом Герцога Бургундского. Мы имеем описание их любопытного путешествия⁷⁷. Они ехали из Тифлиса через *Кирополь*, или Шамаху, *богатую шелком*, Дербент и Астрахань, где господствовали три брата, племянники Ахматовы. Город сей состоял из землянок, обнесенных худою стеною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостию оною, сказывая, что ароматы, привозимые некогда в Венецию, шли от них Волгою и Доном. Тамошние купцы доставляли в Москву шелковые ткани, покупая в России меха и седла. Имя Великого Князя было особенно уважаемо в Астрахани за его щедрость и приязнь к ее Ханам, которые ежегодно отправляли к нему Посольства. Марко Руф и Контарини с величайшею осторожностью ехали по степям Донским и Воронежским, боясь хищных Татар; не видали ничего, кроме неба и земли; часто имели недостаток в воде; не находили ни верных дорог, ни мостов; сами делали плоты, где надле-

жало переправляться через реки, и восхвалили милость Божию, когда достигли благополучно до Рязанской области, лесной, малонаселенной, но обильной хлебом, мясом, медом и совершенно безопасной для путешественников. Выехав из Астрахани 10 Августа, они прибыли в Москву 26 Сентября в 1476 году, увидев только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный Государю и три раза обедав за его столом вместе со многими Боярами, Контарини хвалит величественную Иоаннову наружность, осанку, приветливость, умное любопытство. «Когда я, – пишет он, – говоря с ним, из почтения отступал назад, сей Монарх всегда сам приближался ко мне, с отменным вниманием слушал мои слова; весьма строго осуждал поступок нашего единоземца, Ивана Баптиста Тревизана, но уверял меня в своем особенном дружестве к Венецианской Республике; дозволил мне видеть и Великую Княгиню Софию, которая обошлась со мною весьма ласково, приказав, чтобы я кланялся от нее нашему Дожу и Сенату». Контарини жил в доме италиянского зодчего, Аристотеля, но ему велено было переехать в другой. Не имея денег для пути, он ждал их с нетерпением из Венеции. Между тем Великий Князь ездил осматривать границы юго-восточных областей своих, подверженных набегам степных Татар: когда же возвратился, то немедленно приказал, из уважения к Венецианской Республике, ссудить его из казны нужною суммою денег. Сверх того Контарини получил в дар тысячу червонцев и шубу. Перед отъездом обедая во дворце, он должен был выпить серебряную стопу крепкого меда и взять ее себе в знак особенной Государевой благосклонности. Иоанн дозволил ему не пить, сказав, что иноземцы могут не следовать Русским обычаям, и, прощаясь с ним (в Генваре 1477 года) весьма милостиво, желал, чтобы Республика Венецианская осталась на-

всегда другом Москвы. В то же время Великий Князь отпустил и Монаха Французского, Людовика, который, называя себя Патриархом Антиохийским, но исповедуя Веру Латинскую, был задержан в Москве как обманщик: ходатайство Контариниево и Марка Руфа возвратило ему свободу. – Одним словом, Контарини, строго осуждая тогдашние нравы Россиян, их нетрезвость, грубость, любовь к праздности, говорит о личных свойствах и разуме Иоанна с великою похвалою.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

Годы 1475–1481

Совершенное покорение Новгорода. Обзорение истории его от начала до конца. Рождение Иоаннова сына, Василия-Гавриила. Посольство в Крым. Свержение ига Ханского. Ссора Великого Князя с братьями. Поход Ахмата на Россию. Красноречивое послание Архиепископа Вассиана к Великому Князю. Разорение Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшого, брата Иоаннова. Посольство в Крым.

Таким образом до Тибра, моря Адриатического, Черного и пределов Индии обнимая умом государственную систему Держав, сей Монарх готовил знаменитость внешней своей Политики утверждением внутреннего состава России. – Ударил последний час Новгородской вольности! Сие важное происшествие в нашей Истории достойно описания подробного. Нет сомнения, что Иоанн воссел на престол с мыслию оправдать титул Великих Князей, которые со времен Симеона Гордого именовались *Государями всея Руси*, желал ввести совершенное единовластие,

истребить Уделы, отнять у Князей и граждан права, несогласные с оным, но только в удобное время, пристойным образом, без явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно: одним словом, с наблюдением всей свойственной ему осторожности. Новгород изменял России, пристав к Литве; войско его было рассеяно, гражданство в ужасе: Великий Князь мог бы тогда покорить сию область; но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи развлекли бы силы Государства Московского, нужные для внешней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия, слишком дорого платили за остатки свободы и наконец, утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие неограниченной Государевой власти. Иоанн простил Новгородцев, обогатив казну свою их серебром, утвердив верховную власть Княжескую в делах судебных и в Политике; но, так сказать, не спускал глаз с сей народной Державы, старался умножать в ней число преданных ему людей, питал несогласие между Боярами и народом, являлся в правосудии защитником невинности, делал много добра и обещал более. Если Наместники его не удовлетворяли всем справедливым жалобам истцов, то он винил недостаток древних законов Новгородских, хотел сам быть там, исследовать на месте причину главных неудовольствий народных, обуздать утеснителей, и (в 1475 году) действительно, призываемый младшими гражданами, отправился к берегам Волхова, поручив Москву сыну.

Сие путешествие Иоанново – без войска, с одною избранною, благородною дружиною – имело вид мирно-

го, но торжественного величия: Государь объявил, что идет утвердить спокойствие Новагорода, коего знатнейшие сановники и граждане ежедневно выезжали к нему, от реки Цны до Ильменя, навстречу с приветствиями и с дарами, с жалобами и с оправданием: старые Посадники, Тысячские, люди Житые, Наместник и Дворецкий Великокняжеские, Игумены, чиновники Архиепископские. За 90 верст от города ожидали Иоанна Владыка Феофил, Князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, Посадник и Тысячский, Степенные, Архимандрит Юриева монастыря и другие первостепенные люди, коих дары состояли в бочках вина, белого и красного. Они имели честь обедать с Государем. За ними явились старосты улиц Новгородских; после Бояре и все жители Городища, с вином, с яблоками, винными ягодами. Бесчисленные толпы народные встретили Иоанна перед Городищем, где он слушал Литургию и ночевал; а на другой день угостил обедом Владыку, Князя Шуйского, Посадников, Бояр и 23 ноября [1475 г.] въехал в Новгород. Там, у врат Московских, Архиепископ Феофил, исполняя Государево повеление, со всем Клиросом, с иконами, крестами и в богатом Святительском облачении принял его, благословил и ввел в храм Софии, в коем Иоанн поклонился гробам древних Князей: Владимира Ярославича, Мстислава Храброго – и приветствуемый всем народом, изъявил ему за любовь благодарность; обедал у Феофила, веселился, говорил только слова милостивые и, взяв от хозяина в дар 3 постава ипрских сукон, сто корабельников (Нобилей, или двойных червонцев)⁷⁸, рыбий зуб и две бочки вина, возвратился в свой дворец на Городище.

За днем пиршества следовали дни суда. С утра до вечера дворец Великокняжеский не затворялся для народа. Одни желали только видеть лицо сего Монарха и в знак усердия поднести ему дары; другие искали правосу-

дия. Падение Держав народных обыкновенно предвещается наглыми злоупотреблениями силы, неисполнением законов: так было и в Новгороде. Правители не имели ни любви, ни доверенности граждан; пеклись только о собственных выгодах; торговали властью, теснили неприятелей личных, похлебствовали родным и друзьям; окружали себя толпами прислужников, чтобы их воплем заглушать на вече жалобы утесняемых. Целые улицы, чрез своих поверенных, требовали Государевой защиты, обвиняя первейших сановников. «Они не судьи, а хищники», – говорили челобитчики и доносили, что Степенный Посадник, Василий Ананьин, с товарищами приезжал разбоем в улицу Славкову и Никитину, отнял у жителей на тысячу рублей товара, многих убил до смерти. Другие жаловались на грабеж старост. Иоанн, еще следуя древнему обычаю Новгородскому, дал знать Вечу, чтобы оно приставило стражу к обвиняемым; велел им явиться на суд и, сам выслушав их оправдания, решил – в присутствии Архиепископа, знатнейших чиновников, Бояр – что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будет им возмездием, а для других примером. Обратив в ту же минуту глаза на двух Бояр Новгородских, Ивана Афанасьева и сына его, Елевферия, он сказал гневно: «Изыдите! вы хотели предать отечество Литве». Воины Иоанновы оковали их цепями, также Посадника Ананьина и Бояр, Федора Исакова (Марфина сына), Ивана Лошинского и Богдана. Сие действие самовластия поразило Новгородцев; но все, потупив взор, молчали.

На другой день Владыка Феофил и многие Посадники явились в Великокняжеском дворце, с видом глубокой скорби моля Иоанна, чтобы он приказал отдать заключенных Бояр на поруки, возвратив им свободу. «Нет, – отвечивал Государь Феофилу: – тебе, бого-

мольцу нашему, и всему Новгороду известно, что сии люди сделали много зла отечеству и ныне волнуют его своими кознями». [1476 г.] Он послал главных преступников окованных в Москву; но, из уважения к ходатайству Архиепископа и Веча, освободил некоторых, менее виновных, приказав взыскать с них денежную пеню: чем и заключился грозный суд Великокняжеский. Снова начались пиры для Государя и продолжались около шести недель. Все знатнейшие люди угощали его роскошными обедами: Архиепископ трижды; другие по одному разу, и дарили деньгами, драгоценными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами и проч. Например, Князь Василий Шуйский подарил три половинки сукна, три камки, тридцать корабельников, два кречета и сокола; Владыка – двести корабельников, пять поставов сукна, жеребца, а на проводы бочку вина и две меда; в другой же раз – триста корабельников, золотой ковш с жемчугом (весом в фунт), два рога, окованные серебром, серебряную мису (весом в шесть фунтов), пять сороков соболей и десять поставов сукна; Василий Казимир – золотой ковш (весом в фунт), сто корабельников и два кречета; Яков Короб – двести корабельников, два кречета, рыбий зуб и постав *рудожелтого* сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30 корабельников, десять поставов сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверх того Степенный Посадник, Фома, избранный на место сверженного Василия Ананьина, и Тысячский Есипов поднесли Великому Князю от имени всего Новгорода тысячу рублей. В день Рождества Иоанн дал у себя обед Архиепископу и первым чиновникам, которые пировали во дворце до глубокой ночи. Еще многие знатные чиновники готовили пиршества; но Великий Князь объявил, что ему время ехать в Москву, и только принял от них назначенные для

него дары. Летописец говорит, что не осталось в городе ни одного зажиточного человека, который бы не поднес чего-нибудь Иоанну и сам не был одарен милостиво, или одеждою драгоценною, или камкою, или серебряным кубком, соболями, конем и проч. – Никогда Новгородцы не изъявляли такого усердия к Великим Князьям, хотя оно происходило не от любви, но от страха: Иоанн ласкал их, как Государь может ласкать подданных, с видом милости и приветливого снисхождения.

Великий Князь, пируя, занимался и делами государственными. Правитель Швеции, Стен Стур, прислал к нему своего племянника, Орбана, с предложением возобновить мир, нарушенный впадением Россиян в Финляндию. Иоанн угостил Орбана, принял от него в дар статного жеребца и велел Архиепископу именем Новгорода утвердить на несколько лет перемирие с Швециею по древнему обыкновению. – Послы Псковские, вручив Иоанну дары, молили его, чтобы он не делал никаких перемен в древних уставах их отечества; а Князь Ярослав, тамошний Наместник, приехав сам в Новгород, жаловался, что Посадники и граждане не дают ему всех законных доходов. Великий Князь отправил туда Бояр, Василия Китая и Морозова, сказать Псковитянам, чтобы они в пять дней удовлетворили требованиям Наместника или будут иметь дело с Государем раздраженным. Ярослав получил все желаемое. – Быв девять недель в Новгороде, Иоанн выехал оттуда со множеством серебра и золота, как сказано в летописи. Воинская дружина его стояла по монастырям вокруг города и плавала в изобилии; брала, что хотела: никто не смел жаловаться. Архиепископ Феофил и знатнейшие чиновники проводили государя до первого стана, где он с ними обедал, казался весел, доволен. Но судьба сей народной Державы уже была решена в уме его.

Заточение шести Бояр Новгородских, сосланных в Муром и в Коломну, оставило горестное впечатление в их многочисленных друзьях: они жаловались на самовластие Великокняжеское, противное древнему уставу, по коему Новгородец мог быть наказываем только в своем отечестве. Народ молчал, изъявляя равнодушие; но знатнейшие граждане взяли их сторону и нарядили Посольство к Великому Князю: сам Архиепископ, три Посадника и несколько Житых людей приехали в Москву бить челом за своих несчастных Бояр. Два раза Владыка Феофил обедал во дворце, однако ж не мог умолить Иоанна и с горестию уехал на Страстной неделе, не хотев праздновать Пасхи с государем и с Митрополитом.

[1477 г.] Между тем решительный суд Великокняжеский полюбился многим Новгородцам так, что в следующий год некоторые из них отправились с жалобами в Москву; вслед за ними и ответчики, знатные и простые граждане, от Посадников до земледельцев: вдовы, сироты, Монахини. Других же позвал сам Государь: никто не дерзнул ослушаться. «От времен Рюрика (говорят Летописцы) не бывало подобного случая: ни в Киев, ни в Владимир не ездили судиться Новгородцы: Иоанн умел довести их до сего уничижения»⁷⁹. Еще он не сделал всего: пришло время довершить начатое.

Умное правосудие Иоанново пленяло сердца тех, которые искали правды и любили оную: утесненная слабость, оклеветанная невинность находили в нем защитника, спасителя, то есть истинного Монарха, или судию, не причастного низким побуждениям личности: они желали видеть судную власть в одних руках его. Другие, или завидуя силе первостепенных сограждан, или ласкаемые Иоанном, внутренне благоприятствовали самодержавию. Сии многочисленные друзья Великого Князя, может быть, *сами собою*, а может быть,

и по согласию с ним замыслили следующую хитрость. Двое из оных, чиновник Назарий и *Дьяк* Веча, Захария, в виде Послов от Архиепископа и всех соотечественников, явились пред Иоанном (в 1477 году) и торжественно наименовали его *Государем* Новагорода, вместо *Господина*, как прежде именовались Великие Князья в отношении к сей народной Державе. Вследствие того Иоанн отправил к Новгородцам Боярина, Феодора Давидовича, спросить, что они разумеют под названием *Государя*? хотят ли присягнуть ему как *полному Властителю*, единственному законодателю и судии? соглашаются ли не иметь у себя Тиунов, кроме Княжеских, и отдать ему Двор Ярославов, древнее место Веча? Изумленные граждане ответствовали: «Мы не посылали с тем к Великому Князю; это ложь». Сделалось общее волнение. Они терпели оказанное Иоанном самовластие в делах судных как *чрезвычайность*, но ужаснулись мысли, что сия чрезвычайность будет уже *законом*, что древняя поговорка: *Новгород судится своим судом*, утратит навсегда смысл и что Московские Тиуны будут решить судьбу их. Древнее Вече уже не могло ставить себя выше Князя, но по крайней мере существовало именем и видом: Двор Ярославов был святилищем народных прав: отдать его Иоанну значило торжественно и навеки отвергнуться оных. Сии мысли возмутили даже и самых мирных граждан, расположенных повиноваться Великому Князю, но в угодность собственному внутреннему чувству блага, не слепо, не под острием меча, готового казнить всякого по мановению самовластителя. Забвенные единомышленники Марфины воспрянули как бы от глубокого сна и говорили народу, что они лучше его предвидели будущее; что друзья или слуги Московского Князя суть изменники, коих торжество есть гроб отечества. Народ остервенился, искал предателей, требовал мести. Схва-

тили одного знаменитого мужа, Василия Никифорова, и привели на вече, обвиняя его в том, что он был у Великого Князя и дал клятву служить ему против отечества. «Нет, – отвечивал Василий: – я клялся Иоанну единственно в верности, в доброжелательстве, но без измены моему истинному Государю, Великому Новгороду; без измены вам, моим господам и братьям». Сего несчастного изрубили в куски топорами; умертвили еще Посадника, Захарию Овина, который ездил судиться в Москву и сам доносил гражданам на Василия Никифорова; казнили и брата его, Козьму, на дворе Архиепископском; многих иных ограбили, посадили в темницу, называя их советниками Иоанновыми: другие разбежались. Между тем народ не сделал ни малейшего зла Послу Московскому и многочисленной дружине его: сановники честили их, держали около шести недель и наконец отпустили именем Веча с такою грамотою к Иоанну: «Кланяемся тебе, *Господину нашему*, Великому Князю; а *Государем* не зовем. Суд твоим Наместникам будет на Городище по старине; но твоего суда, ни твоих Тиунов у нас не будет. *Дворища Ярославля* не даем. Хотим жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростыне тобою и нами (в 1471 году). Кто же предлагал тебе быть *Государем* Новгородским, тех сам знаешь и казни за обман; мы здесь также казним сих лживых предателей. А тебе, Господин, челом бьем, чтобы ты держал нас в старине, по крестному целованию». Так писали они и еще сильнее говорили на Вече, не скрывая мысли снова поддаться Литве, буде Великий Князь не откажется от своих требований.

Но Иоанн не любил уступать и без сомнения предвидел отказ Новгородцев, желая только иметь вид справедливости в сем раздоре. Получив их смелый ответ, он с печалию объявил Митрополиту Геронтию, матери, Боярам, что Новгород, произвольно дав ему имя Государя,

запирается в том, делает его лжецом пред глазами всей земли Русской, казнит людей, верных своему законному Монарху, как злодеев, и грозитя вторично изменить святейшим клятвам, православию, отечеству. Митрополит, Двор и вся Москва думала согласно, что сии мятежники должны почувствовать всю тягость Государева гнева. Началось молебствие в церквах; раздавали милостыню по монастырям и богадельням; отправили гонца в Новгород с *грамотою складною*, или с объявлением войны, и полки собралися под стенами Москвы. Медленный в замыслах важных, но скорый в исполнении, Иоанн или не действовал, или действовал решительно, всеми силами: не осталось ни одного местечка, которое не прислало бы ратников на службу Великокняжескую. В числе их находились и жители областей Кашинской, Бежецкой, Новоторжской: ибо Иоанн присоединил к Москве часть сих тверских и Новгородских земель.

Поручив столицу юному Великому Князю, сыну своему, он сам выступил с войском 9 октября, презирая трудности и неудобства осеннего похода в местах болотистых. Хотя Новгородцы и взяли некоторые меры для обороны, но знали слабость свою и прислали требовать *опасных грамот* от Великого Князя для Архиепископа Феофила и Посадников, коим надлежало ехать к нему для мирных переговоров. Иоанн велел остановить сего посланного в Торжке, также и другого; обедал в Волоке у брата, Бориса Васильевича, и был встречен именитым Тверским Вельможею, Князем Микулинским, с учтивым приглашением заехать в Тверь, отведать хлеба-соли у Государя его, Михаила. Иоанн вместо угощения требовал полков, и Михаил не смел ослушаться, заготовив, сверх того, все нужные съестные припасы для войска Московского. Сам Великий Князь шел с отборными полками между Яжелбицкою дорогою и Мстою; царевич Да-

ния и Василий Образец по Замсте; Даниил Холмский пред Иоанном с Детьми Боярскими, Владимирцами, Переславцами и Костромитянами; за ним два Боярина с Дмитровцами и Кашинцами; на правой стороне Князь Симеон Рязполовский с Суздальцами и Юрьевцами: на левой – брат Великого Князя, Андрей Меньший, и Василий Сабуров с Ростовцами, Ярославцами, Угличанами и Бежичанами; с ними также Воевода матери Иоанновой, Семен Пешек, с ее Двором; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою – Князя Александр Васильевич и Борис Михайлович Оболенские; первый с Колужанами, Алексинцами, Серпуховцами, Хотуничами, Москвитянами, Радонежцами, Новоторжцами; второй с Можайцами, Волочанами, Звенигородцами и Ружанами; по дороге Яжелбицкой – Боярин Феодор Давидович с Детьми Боярскими Двора Великокняжеского и Коломенцами, также Князь Иван Васильевич Оболенский со всеми его братьями и многими Детьми Боярскими. 4 ноября присоединились к войску Иоаннову полки Тверские, предводимые Князем Михаилом Феодоровичем Микулинским.

В Еглине, Ноября 8, Великий Князь потребовал к себе задержанных Новгородских *опасчиков* (то есть присланных за *опасными грамотами*): Старосту Даниславской улицы, Федора Калитина, и гражданина Житого, Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челом, именуя его *Государем*. Иоанн велел им дать пропуск для Послов Новгородских. – Между тем многие знатные Новгородцы прибыли в Московский стан и вступили в службу к Великому Князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь от злобы тамошнего народа, который гнал всех Бояр, подозреваемых в тайных связях с Москвою.

Ноября 19, в Палине, Иоанн вновь устроил войско для начатия неприятельских действий: вверил пере-

довой отряд брату своему, Андрею Меньшему, и трем храбрейшим Воеводам: Холмскому с Костромитянами, Феодору Давидовичу с Коломенцами, Князю Ивану Оболенскому-Стриге с Владимирцами; *в правой руке* велел быть брату, Андрею Большему, с Тверским Воеводою, Князем Микулинским, с Григорием Никитичем, с Иваном Житом, с Дмитровцами и Кашинцами; *в левой* брату, Князю Борису Васильевичу, с Князем Васильем Михайловичем Верейским и с Воеводою матери своей, Семеном Пешком; а в собственном полку Великокняжеском – знатнейшему Боярину Ивану Юрьевичу Патрикееву, Василию Образцу с Боровичами, Симеону Ряполовскому, Князю Александру Васильевичу. Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову с их дружинами, также всем Переславцам и Муромцам. Передовой отряд должен был занять Бронницы.

Еще не довольный многочисленностию своей рати, Государь ждал Псковитян. Тамошний Князь Ярослав, ненавидимый народом, но долго покровительствуемый Иоанном – был даже в явной войне с гражданами, не смевшими выгнать его, и пьяный имел с ними битву среди города – наконец по указу Государеву выехал отсюда. Псковитяне желали себе в Наместники Князя Василья Васильевича Шуйского: Иоанн отправил его к ним из Торжка и велел, чтобы они немедленно вооружились против Новагорода. Обыкновенное их благоразумие не изменилось и в сем случае: Псковитяне предложили Новгородцам быть за них ходатаями у Великого Князя; но получили в ответ: «Или заключите с нами особенный тесный союз как люди вольные, или обойдемся без вашего ходатайства». Когда же Псковитяне, исполняя Иоанново приказание, грамотою объявили им войну, Новгородцы одумались и хотели, чтобы они вместе с ними послали чиновников к Великому Князю; но Дьяк Московский,

Григорий Волнин, приехав во Псков от Государя, нудил их немедленно сесть на коней и выступить в поле. Между тем сделался там пожар: граждане письменно известили Иоанна о своей беде, называли его *Царем Русским* и давали ему разуметь, что не время воевать людям, которые льют слезы на пепле своих жилищ; одним словом, всячески уклонялись от похода, предвидя, что в падении Новагорода может не устоять и Псков. Отговорки были тщетны: Иоанн велел, и Князь Шуйский, взяв осадные орудия – пушки, пищали, самострелы, – с семью Посадниками вывел рать Псковскую, которой надлежало стать на берегах Ильменя, при устье Шелони.

Ноября 23 Великий Князь находился в Сытине, когда донесли ему о прибытии Архиепископа Феофила и знатнейших сановников Новгородских. Они явились. Феофил сказал: «*Государь* Князь Великий! я, богомолец твой, Архимандриты, Игумены и Священники всех семи Соборов бьем тебе челом. Ты возложил гнев *на свою отчину*, на Великий Новгород; огонь и меч твой ходят по земле нашей; кровь Христианская льется. Государь! смилуйся: молим тебя со слезами: дай нам мир и освободи Бояр Новгородских, заточенных в Москве!» А Посадники и Житые люди говорили так: «*Государь* Князь Великий! Степенный Посадник Фома Андреев и старые Посадники, Степенный Тысяцкий Василий Максимов и старые Тысячские, Бояре, Житые, купцы, черные люди и весь Великий Новгород, твоя отчина, мужи вольные, бьют тебе челом и молят о мире и свободе наших Бояр заключенных». Посадник Лука Федоров примолвил: «Государь! челобитье Великого Новагорода пред тобою: повели нам говорить с твоими Боярами». Иоанн не отвечал ни слова, но пригласил их обедать за столом своим.

На другой день Послы Новгородские были с дарами у брата Иоаннова, Андрея Меньшего, требуя его

заступления. Иоанн приказал говорить с ними Боярину, Князю Ивану Юрьевичу. Посадник Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы Государь принял в милость Великий Новгород, мужей вольных, и меч свой унял». – Феофилакт Посадник: «Желаем освобождения Бояр Новгородских». – Лука Посадник: «Желаем, чтобы Государь всякие четыре года ездил в свою отчину, Великий Новгород, и брал с нас по тысяче рублей; чтобы Наместник его судил с Посадником в городе; а чего они не управят, то решит сам Великий Князь, приехав к нам на четвертый год; но в Москву да не зовет судящихся!» – Яков Федоров: «Да не велит Государь вступаться своему Наместнику в особенные суды Архиепископа и Посадника!» – Житые люди сказали, что подданные Великокняжеские зовут их на суд к Наместнику и Посаднику в Новгороде, а сами хотят судиться единственно на Городище; что сие несправедливо и что они просят Великого Князя подчинить тех и других суду Новгородскому. – Посадник Яков Короб заключил сими словами: «Челобитье наше пред Государем: да сделает, что ему Бог положит на сердце!»

Иоанн в тот же день велел Холмскому, Боярину Федору Давидовичу, Князю Оболенскому-Стриге и другим Воеводам под главным начальством брата его, Андрея Меньшого, идти из Бронниц к Городищу и занять монастыри, чтобы Новгородцы не выжгли оных. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду и в одну ночь заняли все окрестности Новгородские.

25 ноября Бояре Великокняжеские, Иван Юрьевич, Василий и Иван Борисовичи, дали ответ Послам. Первый сказал: «Князь Великий Иоанн Василиевич всяя Руси тебе, своему богомольцу Владыке, Посадникам и Житым людям так отвечает на ваше челобитье». – Боярин Василий Борисович продолжал: «Ведаете сами, что вы предлагали нам, мне и сыну моему, чрез сановника

Назария и Дьяка Вечевого, Захарию, быть вашими Государями; а мы послали Бояр своих в Новгород узнать, что разумеется под сим именем? Но вы заперлися, укоряя нас, Великих Князей, насилием и ложью; сверх того делали нам и многие иные досады. Мы терпели, ожидая вашего исправления; но вы более и более лукавствовали, и мы обнажили меч, по слову Господню⁸⁰: *аще согрешит к тебе брат твой, обличи его наедине; аще не послушает, поими с собою два или три свидетеля: аще ли и тех не послушает, повеждь Церкви; аще ли и о Церкви не радети начнет, будете яко же язычник и мытарь*. Мы посылали к вам и говорили: *уймитесь, и будем вас жаловать*, но вы не захотели того и сделались нам как бы чужды. И так, возложив упование на Бога и на молитву наших предков, Великих Князей Русских, идем наказать дерзость». – Боярин Иван Борисович говорил далее именем Великого Князя: «Вы хотите свободы Бояр ваших, мною осужденных; но ведаете, что весь Новгород жаловался мне на их беззакония, грабежи, убийства: ты сам, Лука Исаков, находился в числе истцов; и ты, Григорий Киприанов, от имени Никитиной улицы; и ты, владыка, и вы, Посадники, были свидетелями их уличения. Я мыслил казнить преступников, но даровал им жизнь, ибо вы молили меня о том. Пристойно ли вам ныне упоминать о сих людях?» – Князь Иван Юрьевич заключил сими словами ответ Государев: «Буде Новгород действительно желает нашей милости, то ему известны условия».

Архиепископ и Посадники отправились назад с Великокняжеским приставом для их безопасности. – 27 ноября Иоанн, подступив к Новугороду с братом Андреем Меньшим и с юным Вереysким Князем, Василием Михайловичем, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волхова, в трех верстах от города, в селе Лошинского, где был некогда дом Ярослава Великого, именуе-

мый Ракомлею; велел брату стать в монастыре Благовещения, Князю Ивану Юрьевичу в Юрьеве, Холмскому в Аркадьевском, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищах, Борису Оболенскому на Сокове у Богоявления. Ряполовскому на Пидьбе, Князю Василию Верейскому на Лисьей Горке, а Боярину Феодору Давидовичу и Князю Ивану Стриге на Городище. 29 ноября пришел с полком брат Иоаннов, Князь Борис Васильевич, и стал на берегу Волхова в Кречневе, селе Архиепископа. – 30 ноября Государь велел Воеводам отпускать половину людей для собрания съестных припасов до 10 декабря, а 11 число быть всем налицо, каждому на своем месте; и в тот же день послал гонца сказать Наместнику Псковскому, Князю Василию Шуйскому, чтобы он спешил к Новгороду с огнестрельным снарядом.

Новгородцы хотели сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всем купцам иноземным выехать во Псков с товарами: укрепились деревянною стеною по обеим сторонам Волхова; заградили сию реку судами; избрали Князя Василия Шуйского-Гребенку в военачальники и, не имея друзей, ни союзников, не ожидая ниоткуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единомышленными, показывая, что надеются в крайности на самое отчаяние и готовы отразить приступ, как некогда предки их отразили сильную рать Андрея Боголюбского. Но Иоанн не хотел кровопролития в надежде, что они покорятся, и взял меры для доставления всего нужного многочисленной рати своей. Исполняя его повеление, богатые Псковитяне отправили к нему обоз с хлебом, пшеничною мукою, калачами, рыбою, медом и разными товарами для вольной продажи: прислали также и мостников. Великокняжеский стан имел вид шумного торжища, изобилия; а Новгород, окруженный полками

Московскими, был лишен всякого сообщения. Окрестности также представляли жалкое зрелище: воины Иоанновы не щадили бедных жителей, которые в 1471 году безопасно скрывались от них в лесах и болотах, но в сие время умирали там от морозов и голода.

Декабря 4 вторично прибыл к Государю Архиепископ Феофил с теми же чиновниками и молил его только о мире, не упоминая ни о чем ином. Бояре Московские, Князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и Князь Иван Стрига отпустили их с прежним ответом, что Новгородцы знают, как надобно бить челом Великому Князю. – В сей день пришли к городу Царевич Данияр с Воеводою, Василием Образцом, и брат Великого Князя, Андрей Старший, с Тверским Воеводою: они расположились в монастырях Кириллове, Андрееве, Ковалевском, Болотове, На Деревенице и у Св. Николы на Острове.

Видя умножение сил и непреклонность Великого Князя – не имея ни смелости отважиться на решительную битву, ни запасов для выдержания осады долговременной – угрожаемые и мечом и голодом, Новгородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время и без надежды спасти вольность надеялись переговорами сохранить хотя некоторые из ее прав. Декабря 5 Владыка Феофил с Посадниками и с людьми Житыми, ударив челом Великому Князю в присутствии его трех братьев, именем Новагорода сказал: «Государь! Мы, виновные, ожидаем твоей милости: *признаем* истину Посольства Назариева и Дьяка Захарии; но какую власть желаешь иметь над нами?» Иоанн отвечив им чрез Бояр: «Я доволен, что вы признаете вину свою и сами на себя свидетельствуете. Хочу властвовать в Новгороде, как властвую в Москве». – Архиепископ и Посадники требовали времени для размышления. Он отпустил их с повелением дать решительный ответ в третий

день. – Между тем пришло войско Псковское, и Великий Князь, расположив его в Бискупицах, в селе Федотине, в монастыре Троицком на Варяжи, приказал знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мост под Городищем, как бы для приступа. Сей мост, с удивительною скоростию сделанный на судах через реку Волхов, своею твердостью и красою заслужил похвалу Иоаннову.

7 Декабря Феофил возвратился в стан Великокняжеский с Посадниками и с выборными от пяти Концов Новгородских. Иоанн выслал к ним Бояр. Архиепископ молчал: говорили только Посадники. Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы Государь велел Наместнику своему судить вместе с нашим Степенным Посадником». – Феофил: «Предлагаем Государю ежегодную дань со всех волостей Новгородских, с двух сох гривну». – Лука: «Пусть Государь держит Наместников в наших пригородах; но суд да будет по старине». – Яков Федоров бил челом, чтобы Великий Князь не выводил людей из владений Новгородских, не вступался в отчины и земли Боярские, не звал никого на суд в Москву. Наконец все просили, чтобы Государь не требовал Новгородцев к себе на службу и поручил им единственно оберегать северо-западные пределы России. Бояре донесли о том Великому Князю и вышли от него с следующим ответом: «Ты, богомолец наш, и весь Новгород признали меня Государем; а теперь хотите мне указывать, как править вами?» – Феофил и Посадники били челом и сказали: «Не смеем *указывать*, но только желаем ведать, как Государь намерен властвовать в своей Новгородской отчине: ибо Московских обыкновений не знаем». Великий Князь велел своему Боярину, Ивану Юрьевичу ответствовать так: «Знайте же, что в Новгороде не быть ни Вечевому колоколу, ни Посаднику, а будет одна власть Государева: что как в стране Московской, так и здесь хочу иметь волости и села; что

древние земли Великокняжеские, вами отнятые, суть отныне моя собственность. Но снисходя на ваше моление, обещаю не выводить людей из Новагорода, не вступаться в отчины Бояр и суд оставить по старине».

Прошла целая неделя. Новгород не присылал ответа Иоанну. Декабря 14 явился Феофил с чиновниками и сказал Боярам Великокняжеским: «Соглашаемся не иметь ни Веча, ни Посадника; молим только, чтобы Государь утолил навеки гнев свой и простил нас искренно, но с условием не выводить Новгородцев в Низовскую землю, не касаться собственности Боярской, не судить нас в Москве и не звать туда на службу». Великий Князь дал слово. Они требовали присяги. Иоанн ответствовал, что Государь не присягает. «Удовольствуемся клятвою Бояр Великокняжеских или его будущего Наместника Новгородского», – сказал Феофил и Посадники: но и в том получили отказ; просили *опасной грамоты*: и той им не дали. Бояре Московские объявили, что переговоры кончились. Тут любовь к древней свободе в последний раз сильно обнаружилась на Вече. Новгородцы думали, что Великий Князь хочет обмануть их и для того не дает клятвы в верном исполнении его слова. Сия мысль поколебала в особенности Бояр, которые не стояли ни за Вечевой колокол, ни за Посадника, но стояли за свои отчины. «Требуем битвы! – восклицали тысячи: – умрем за вольность и Святую Софию!» Но сей порыв великодушия не произвел ничего, кроме шума, и должен был уступить хладнокровию рассудка. Несколько дней народ слушал прение между друзьями свободы и мирного подданства: первые могли обещать ему одну славную гибель среди ужасов голода и тщетного кровопролития; другие жизнь, безопасность, спокойствие, целостность имения: и сии наконец превозмогли. Тогда Князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, доселе верный защитник свободных

Новгородцев, торжественно сложил с себя чин их Воеводы и перешел в службу к Великому Князю, который принял его с особенною милостию.

29 декабря послы Веча, Архиепископ Феофил и знатнейшие граждане, снова прибыли в Великокняжеский стан, хотя и не имели *опаса*, изъявили смирение и молили, чтобы Государь, отложив гнев, сказал им изустно, чем жалует свою Новгородскую отчину. Иоанн приказал впустить их и говорил так: «Милость моя не изменилась; что обещал, то обещаю и ныне: забвение прошедшего, суд по старине, целость собственности частной, увольнение от Низовской службы; не буду звать вас в Москву; не буду выводить людей из страны Новгородской». Послы ударили челом и вышли; а Бояре Великокняжеские напомнили им, что Государь требует волостей и сел в земле их. Новгородцы предложили ему Луки Великие и Ржеву Пустую: он не взял. Предложили еще десять волостей Архиепископских и монастырских: не взял и тех. «Избери же, что тебе самому угодно, – сказали они: – полагаемся во всем на Бога и на тебя». Великий Князь хотел половины всех волостей Архиепископских и монастырских: Новгородцы согласились, но убедили его не отнимать земель у некоторых бедных монастырей. Иоанн требовал верной описи волостей и в знак милости взял из Феофиловых только десять: что вместе с монастырскими составляло около 2700 *обеж*, или тягол⁸¹, кроме земель Новоторжских, также ему отданных. – Прошло шесть дней в переговорах.

[1478 г.] Генваря 8 владыка Феофил, Посадники и Житые люди молили Великого Князя снять осаду: ибо теснота и недостаток в хлебе произвели болезни в городе так, что многие умирали. Иоанн велел Боярам своим условиться с ними о дани и хотел брать по семи денег с каждого земледельца; но согласился уменьшить сию дань

второе. «Желаем еще другой милости, – сказал Феофил: – молим, чтобы Великий Князь не посылал к нам своих писцов и данщиков, которые обыкновенно теснят народ; но да верит он совести Новгородской: сами исчислим людей и вручим деньги, кому прикажет; а кто утаит хотя единую душу, да будет казнен». Иоанн обещал.

Генваря 10 Бояре Московские требовали от Феофила и Посадников, чтобы двор Ярославов был немедленно очищен для Великого Князя и чтобы народ дал ему клятву в верности. Новгородцы хотели слышать присягу: Государь послал ее к ним в Архиепископскую палату с своим Подьячим. На третий день Владыка и сановники их сказали Боярам Иоанновым: «Двор Ярославов есть наследие Государей, Великих Князей: когда им угодно взять его, и с площадью, да будет их воля. Народ слышал присягу и готов целовать крест, ожидая всего от Государей, как Бог положит им на сердце и не имея уже иного упования». Дьяк Новгородский списал сию клятвенную грамоту, а Владыка и пять Концов утвердили оную своими печатями. Генваря 13 многие Бояре Новгородские, Житые люди и купцы присягнули в стане Иоанновом. Тут Государь велел сказать им, что пригороды их, Заволочане и Двиняне будут оттоле целовать крест на имя Великих Князей, не упоминая о Новгороде; чтобы они не дерзали мстить своим единоплеменникам, находящимся у него в службе, ни Псковитянам, и в случае споров о землях ждали решения от Наместников, не присвоивая себе никакой своевольной управы. Новгородцы обещались и вместе с Феофилом просили, чтобы Государь благоволил изустно и громко объявить им свое милосердие. Иоанн, возвысив голос, сказал: «Прощаю и буду отныне жаловать тебя, своего богомольца, и нашу отчину, Великий Новгород».

Генваря 15 рушилось древнее Вече, которое до сего дня еще собиралось на Дворе Ярослава. Вельможи

Московские, Князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и Стрига-Оболенский, вступив в палату Архиепископскую, сказали, что Государь, вняв молению Феофила, всего священного Собора, Бояр и граждан, навеки забывает вины их, в особенности из уважения к ходатайству своих братьев, с условием, чтобы Новгород, дав искренний обет верности, не изменял ему ни делом, ни мыслию. Все знатнейшие граждане, Бояре, Житые люди, купцы целовали крест в Архиепископском доме, а Дьяки и воинские чиновники Иоанновы взяли присягу с народа, с Боярских слуг и жен в пяти концах. Новгородцы выдали Иоанну ту грамоту, коею они условились стоять против него единодушно и которая скреплена была пятидесятью осьмью печатями.

Генваря 18 все Бояре Новгородские, Дети Боярские и Житые люди били челом Иоанну, чтобы он принял их в свою службу. Им объявили, что сия служба, сверх иных обязанностей, повелевает каждому из них извещать Великого Князя о всяких злых против него умыслах, не исключая ни брата, ни друга, и требует скромности в тайнах Государевых. Они обещали то и другое. – В сей день Иоанн позволил городу иметь свободное сообщение с окрестностями; Генваря 20 отправил гонца в Москву к матери своей (которая без него постриглась в Инокини)⁸², к Митрополиту и к сыну с известием, что он *привел Великий Новгород во всю волю свою*, на другой день допустил к себе тамошних Бояр, Житых людей и купцев с дарами и послал своих Наместников, Князя Ивана Стригу и брата его, Ярослава, занять Двор Ярославов; а сам не ехал в город, ибо там свирепствовали болезни.

Наконец, 29 Генваря, в Четверток Масляной недели, он с тремя братьями и с Князем Василием Верейским прибыл в церковь Софийскую, отслушал Литургию, возвратился на Заозерье и пригласил к себе на обед всех знат-

нейших Новгородцев. Архиепископ пред столом поднес ему в дар панагию, обложенную золотом и жемчугами, струфово яйцо, окованное серебром в виде кубка⁸³, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису в 6 фунтов и 200 корабельников, или 400 червонцев. Гости пили, ели и беседовали с Иоанном.

Февраля 1 он велел взять под стражу Купеческого Старосту, Марка Памфилиева, Февраля 2 славную Марфу Борецкую с ее внуком Василием Феодоровым (коего отец умер в Муромской темнице), а после из Житых людей – Григория Киприанова, Ивана Кузмина, Акинфа с сыном Романом и Юрия Репехова, отвезти в Москву и все их имение описать в казну. Сии люди были единственною жертвою грозного Московского Самодержавия, или как явные, непримиримые враги его, или как известные друзья Литвы. Никто не смел за них вступить. Февраля 3 Наместник Великокняжеский, Иван Оболенский-Стрига, отыскал все письменные договоры, заключенные Новгородцами с Литвою, и вручил их Иоанну. – Все было спокойно; но Великий Князь прислал в город еще двух иных Наместников, Василия Китая и Боярина Ивана Зиновьевича, для соблюдения тишины, велел им занять дом Архиепископский.

Февраля 8 Иоанн вторично слушал Литургию в Софийской церкви и обедал у себя в стане с братом Андреем Меньшим, с Архиепископом и знатнейшими Новгородцами. Февраля 12 Владыка Феофил пред обеднею вручил Государю дары: цепь, две чары и ковш золотые, весом около девяти фунтов; вызолоченную кружку, два кубка, мису и пояс серебряные, весом в тридцать один фунт с половиною, и 200 корабельников. – Февраля 17, рано поутру, Великий Князь отправился в Москву; на первом стане, в Ямнах, угостил обедом Архиепископа, Бояр и Житых людей Новгородских; принял от них не-

сколько бочек вина и меда; сам отдал всех, отпустил с милостию в Новгород и приехал в столицу 5 Марта. Вслед за ним привезли в Москву славный Вечевой колокол Новгородский и повесили его на колокольне Успенского собора, на площади. – Если верить сказанию современного историка, Длугоша, то Иоанн приобрел несметное богатство в Новгороде и нагрузил 300 возов серебром, золотом, камнями драгоценными, найденными им в древней казне Епископской или у Бояр, коих имение было описано, сверх бесчисленного множества шелковых тканей, сукон, мехов и проч. Другие ценят сию добычу в 14000000 флоринов: что без сомнения увеличено.

Так Новгород покорился Иоанну, более шести веков слыв в России и в Европе Державою народною, или Республикою, и действительно имел образ Демократии: ибо Вече гражданское присвоивало себе не только законодательную, но и высшую исполнительную власть; избирало, сменяло не только Посадников, Тысячских, но и Князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великого; давало им власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало в случаях важных; даже с Московскими Государями, даже и с Иоанном заключало условия, *взаимною* клятвою утверждаемые, и в нарушении оных имея право мести или войны; одним словом, владычествовало как собрание народа Афинского или Франков на поле Марсовом⁸⁴, представляя лицо Новгорода, который именовался *Государем*. Не в правлении вольных городов Немецких – как думали некоторые Писатели, – но в первобытном составе всех Держав народных, от Афин и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежит искать образцов Новгородской политической системы⁸⁵, напоминающей ту глубокую древность народов, когда они,

избирая сановников вместе для войны и суда, оставляли себе право наблюдать за ними, свергать в случае неспособности, казнить в случае измены или несправедливости и решить все важное или чрезвычайное в общих советах. Мы видели, что Князья, Посадники, Тысячские в Новгороде судили тяжбы и предводительствовали войском: так древние Славяне, так некогда и все иные народы не знали различия между воинскою и судебною властью. Сердцем или главным составом сей Державы были Огнищане, или Житые люди, то есть домовитые, или владельцы: они же и первые воины, как естественные защитники отечества; из них выходили *Бояре* или граждане, знаменитые заслугами. Торговля произвела купцов: они, как менее способные к ратному делу, занимали вторую степень; а третью – свободные, но беднейшие люди, названные черными. Граждане *Младшие* явились в новейшие времена и стали между купцами и черными людьми. Каждая степень без сомнения имела свои права: вероятно, что Посадники и Тысячские избирались только из Бояр; а другие сановники из Житых, купцов и Младших граждан, но не из черных людей, хотя и последние участвовали в приговорах Веча. Бывшие Посадники, в отличие от Степенных, или настоящих, именуясь *старыми*, преимущественно уважались до конца жизни. – Ум, сила и властолюбие некоторых Князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невского, Калиты, Донского, сына и внука его, обуздывали свободу Новгородскую, однако ж не переменили ее главных уставов, коими она столько веков держалась, стесняемая временно, но никогда не отказываясь от своих прав.

История Новгорода составляет любопытнейшую часть древней Российской. В самых диких местах, в климате суровом основанный, может быть, толпою Славянских рыбаей, которые в водах Ильменя наполняли

свои мрежи изобильным ловом, он умел возвыситься до степени Державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами Финскими, рано научился господствовать в соседстве; покоренный смелыми Варягами, заимствовал от них дух купечества, предприимчивость и мореплавание; изгнал сих завоевателей и, будучи жертвою внутреннего беспорядка, замыслил Монархию, в надежде доставить себе тишину для успехов гражданского общежития и силу для отражения внешних неприятелей; решил тем судьбу целой Европы Северной и, дав бытие, дав Государей нашему отечеству, успокоенный их властью, усиленный толпами мужественных пришельцев варяжских, захотел опять древней вольности: сделался собственным законодателем и судиею, ограничив власть Княжескую⁸⁶: воевал и купечествовал; еще в X веке торговал с Царемградом, еще во XII посылал корабли в Любек; сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири и, горстию людей покорив обширные земли между Ладогою, морями Белым и Карским, рекою Обию и нынешнею Уфою, насадил там первые семена гражданственности и Веры Христианской; передавал Европе товары Азиатские и Византийские, сверх драгоценных произведений дикой природы; сообщал России первые плоды ремесла Европейского, первые открытия Искусств благодетельных; славясь хитростию в торговле, славился и мужеством в битвах, с гордостью указывая на свои стены, под коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбского; на Альту, где Ярослав Великий с верными Новгородцами победил злочестивого Святополка; на Липицу, где Мстислав Храбрый с их дружиною сокрушил ополчение Князей Суздальских; на берега Невы, где Александр смирил надменность Биргера, и на поля Ливонские, где Орден Меченосцев столь часто уклонял знамена пред Святою Софиею, обращаясь в бегство. Такие

воспоминания, питая народное честолюбие, произвели известную поговорку: *кто против Бога и Великого Новагорода?* Жители его хвалились и тем, что они не были рабами Моголов, как иные Россияне: хотя и платили дань Ординскую, но Великим Князьям, не зная Баскаков и не быв никогда подвержены их тиранству.

Летописи Республик обыкновенно представляют нам сильное действие страстей человеческих, порывы великодушия и нередко умиленное торжество добродетели среди мятежей и беспорядка, свойственных народному правлению: так и летописи Новагорода в неискusstvenной простоте своей являют черты, пленительные для воображения. Там народ, подвигнутый омерзением к злодействам Святополка, забывает жестокость Ярослава I, хотящего удалиться к Варягам⁸⁷, рассекает ладии, приготовленные для его бегства, и говорит ему: «Ты умертвил наших братьев, но мы идем с тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нет казны: возьми все, что имеем». Здесь Посадник Твердислав, несправедливо гонимый, слышит вопль убийц, посланных вонзить ему меч в сердце, и велит нести себя больного на градскую площадь, да умрет пред глазами народа, если виновен, или будет спасен его защитою, если невинен; торжествует и навеки заключается в монастырь, жертвуя спокойствию сограждан всеми приятностями честолюбия и самой жизни⁸⁸. Тут достойный Архиепископ, держа в руке крест, является среди ужасов междоусобной брани; возносит руку благословляющих, именует Новгородцев детьми своими, и стук оружия умолкает: они смиряются и братски обнимают друг друга⁸⁹. В битвах с врагами иноплеменными Посадники, Тысячские умирали впереди за Святую Софию. Святители Новгородские, избираемые гласом народа, по всеобщему уважению к их личным свойствам, превосходили иных достоинства-

ми Пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общего блага; строили стены, башни, мосты и даже посылали на войну особенный полк, который назывался *Владычным*, будучи главными блюстителями правосудия, внутреннего благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгород и не боялись ни гнева Митрополитов, ни мести Государей Московских⁹⁰. Видим также некоторые постоянные правила великодушия в действиях сего часто легкомысленного народа: таковым было не превозноситься в успехах, изъявлять умеренность в счастье, твердость в бедствиях, давать пристанище изгнанникам, верно исполнять договоры, и слово: *Новгородская честь, Новгородская душа* служило иногда вместо клятвы⁹¹. – Республика держится добродетелию и без нее упадает.

Падение Новгорода ознаменовалось утратою воинского мужества, которое уменьшается в державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к наслаждениям мирным. Сей народ считался некогда самым воинственным в России и где сражался, там побеждал, в войнах междоусобных и внешних: так было до XIV столетия. Счастлием спасенный от Батые и почти свободный от ига Моголов, он более и более успевал в купечестве, но слабел доблестию: сия вторая эпоха, цветущая для торговли, бедственная для гражданской свободы, начинается со времен Иоанна Калиты. Богатые Новгородцы стали откупаться серебром от Князей Московских и Литвы; но вольность спасается не серебром, а готовностью умереть за нее: кто откупается, тот признает свое бессилие и манит к себе Властелина. Ополчения Новгородские в XV веке уже не представляют нам ни пылкого духа, ни искусства, ни успехов блестящих. Что кроме неустройства и малодушного бегства видим в последних решительных битвах за свободу? Она принад-

лежит льву, не агнцу⁹², и Новгород мог только избирать одного из двух Государей, Литовского или Московского: к счастью, наследники Витовтовы не наследовали его души, и Бог даровал России Иоанна.

Хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать Республикам, основанным на коренных правах вольности, ему любезной; хотя самые опасности и беспокойства ее, питая великодушие, пленяют ум, в особенности юный, малоопытный; хотя Новгородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с образованнейшими Немцами, без сомнения отличались благородными качествами от других Россиян, униженных тиранством Моголов: однако ж История должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия, то есть чтобы не погибла от ударов нового Батыя или Витовта; тогда не уцелел бы и Новгород: взяв его владения, Государь Московский поставил одну грань своего Царства на берегу Наровы, в угрозу Немцам и Шведам, а другую за Каменным Поясом, или хребтом Уральским, где баснословная древность воображала источники богатства и где они действительно находились в глубине земли, обильной металлами, и во тьме лесов, наполненных соболями. — Император Гальба сказал: «Я был бы достоин восстановить свободу Рима, если бы Рим мог пользоваться ею»⁹³. Историк Русский, любя и человеческие и государственные добродетели, может сказать: «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России».

Здесь умолкает *особенная* История Новгорода. Прибавим к ней остальные известия о судьбе его в государственство Иоанна. В 1479 году Великий Князь

ездил туда, сменил Архиепископа Феофила, будто бы за тайную связь с Литвою, и прислал в Москву, где он через шесть лет умер в обители Чудовской как последний из знаменитых народных Владык; преемником его был Иеромонах Троицкий, именем Сергей, избранный *по жребию* из трех духовных особ: чем Великий Князь хотел изъявить уважение к древнему обычаю Новгородцев, отняв у них право иметь *собственных* Святителей. Сей Архиепископ, не любимый гражданами, через несколько месяцев возвратился в Троицкую обитель за болезнию. Место его заступил Чудовский Архимандрит Геннадий. – Не мог вдруг исчезнуть дух свободы в народе, который пользовался ею столько веков, и хотя не было общего мятежа, однако ж Иоанн видел неудовольствие и слышал тайные жалобы Новгородцев: надежда, что вольность может воскреснуть, еще жила в их сердце; нередко обнаруживалась природная их строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный дух, он прибегнул к средству решительному: в 1481 году велел взять там под стражу знатных людей: Василия Казимира с братом Яковом Коробом, Михаила Берденева и Луку Федорова, а скоро и всех главных Бояр, коих имущество, движимое и недвижимое, описали на Государя. Некоторых, обвиняемых в измене, пытали: они сами доносили друг на друга; но, приговоренные к смерти, объявили, что взаимные их доносы были клеветою, вынужденною муками: Иоанн велел разослать их по темницам; другим, явно невинным, дал поместья в областях Московских. В числе богатейших граждан, тогда заточенных, Летописец именует *славную* жену Анастасию и Боярина Ивана Козмина: у первой в 1476 году пировал Великий Князь с двором своим; а второй уходил в Литву с тридцатью слугами, но, будучи недоволен Казимиром, возвратился в отчизну и думал по крайней мере умереть

там спокойно. – В 1487 году перевели из Новагорода в Владимир 50 лучших семейств купеческих. В 1488 году Наместник Новгородский, Яков Захарьевич, казнил и повесил многих Житых людей, которые хотели убить его, и прислал в Москву более осьми тысяч Бояр, именитых граждан и купцов, получивших земли в Владимире, Муроме, Нижнем, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме; а на их земли, в Новгород, послали Москвитян, людей служивых и гостей. Сим переселением был навеки усмирен Новгород. Остался труп: душа исчезла: иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные Самодержавию. Иоанн в 1500 году, с согласия Митрополитова, роздал все Новгородские церковные имения в поместье Детям Боярским.

Один Псков еще сохранил древнее гражданское образование, вече и народных сановников, обязанный тем своему послушанию. Великий Князь, довольный его содействием в походе Новгородском, прислал ему в дар кубок и милостиво обещал *не променять старины*, а сведав, что Послы Великокняжеские делают там наглые обиды жителям, с гордостью отвергают дары Веча, но своевольно берут у граждан и поселян что им вздумается, он строго запретил такие насилия. В сем случае, как и в других, видим Иоанново правило соглашать вводимое им единовластие с уставом естественной справедливости и не отнимать ничего без вины. Псков удержал до времени свои законы гражданские, ибо не оспоривал Государевой власти отменить их.

Довольный славным успехом Новгородского похода, Иоанн скоро наслаждался и живейшею семейственною радостью. София была уже матерью трех дочерей: Елены, Феодосии и второй Елены; хотела сына и вместе с супругом печалилась, что Бог не исполняет их желания. Для сего ходила она пешком молиться в обитель

Троицкую, где, как пишут, явился ей Св. Сергий, держа на руках своих благовидного младенца, приблизился к Великой Княгине и *ввергнул его в ее недра*, София затрепетала от видения столь удивительного; с усердием обლობызала мощи Святого и чрез девять месяцев родила сына, Василия-Гавриила. Сию повесть рассказывал сам Василий (уже будучи Государем) Митрополиту Иоасафу⁹⁴. После того София имела четырех сыновей: Георгия, Димитрия, Симеона, Андрея, дочерей Феодосию и Евдокию.

Покорение Новагорода есть важная эпоха сего славного княжения: следует другая, еще важнейшая: торжественное восстановление нашей государственной независимости, соединенное с конечным падением Большой, или Золотой Орды. Тут ясно открылась мудрость Иоанновой Политики, которая неусыпно искала дружбы Ханов Таврических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву. Недолго Зенебек господствовал в Тавриде: Менгли-Гирей изгнал его, воцарился снова и прислал известить о том Иоанна, который немедленно отправил к нему гонца с поздравлением, а скоро (в 1480 году) и Боярина, Князя Ивана Звенца. Сей Посол должен был сказать Хану, что Великий Князь, из особенной к нему дружбы, принял к себе не только изгнанного Царя Зенебека, но и двух братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, живших прежде в Литве, дабы отнять у них способ вредить ему; что Государь согласен действовать с Менгли-Гиреем против Ахмата, если он будет ему поборником против Казимира Литовского. На сих условиях надлежало после заключить союз с Ханом: для чего и дали ему *шертную*, или клятвенную грамоту с повелением изъяснить Вельможам Крымским, сколь усердно Государь доброжелательствует их Царю. Сверх того Боярин Зенец имел поручение отдать Хану наеди-

не тайную грамоту, утвержденную крестным целованием и золотою печатью: сею грамотою, по желанию Менгли-Гирея написанною, Великий Князь обязывался дружески принять его в России, буде он в третий раз лишится престола; не только обходиться с ним как с Государем вольным, независимым, но и способствовать ему всеми силами к возвращению царства. Испытав непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотел взять меры на случай ее новых превратностей и заблаговременно изготовить себе убежище: сия печальная мысль расположила его к самому верному дружеству с Иоанном. Боярин Звенец успел совершенно в деле своем: заключили союз, искренностию и Политикою утвержденный; условились вместе воевать или мириться; наблюдать все движения Ахмата и Литвы; тайно или явно мешать их замыслам, вредным для той или другой стороны; наконец обеим Державам, Москве и Крыму, действовать как единой во всех случаях.

Уверенный в дружбе Менгли-Гирея и в собственных силах, Иоанн, по известию некоторых Летописцев, решился вывести Ахмата из заблуждения и торжественно объявить свободу России следующим образом. Сей Хан отправил в Москву новых Послов требовать дани. Их представили к Иоанну: он взял *басму* (или образ Царя), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами; велел умертвить Послов, кроме одного, и сказал ему: «Спешి объявить Царю виденное тобою; что сделалось с его *басмою* и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое». Ахмат воскипел яростию. «Так поступает раб наш, Князь Московский!» – говорил он своим Вельможам и начал собирать войско. Другие Летописцы, согласнее с характером Иоанновой осторожности и с последствиями, приписывают ополчение Ханское единственно наущениям Казимировым. С ужасом

видя возрастающее величие России, сей Государь послал одного служащего ему Князя Татарского, именем Акирея Муратовича, в Золотую Орду склонять Ахмата к сильному впадению в Россию, обещая с своей стороны сделать то же. Время казалось благоприятным: Орда была спокойна; племянник Ахматов, именем Касыда, долго спорив с дядею о царстве, наконец с ним примирился. Злобствуя на Великого Князя за его ослушание и недовольный умеренностию даров его, Хан условился с Королем, чтобы Татарам идти из Волжских Улусов к Оке, а Литовцам к берегам Угры, и с двух сторон в одно время вступить в Россию. Первый сдержал слово, и летом (в 1480 году) двинулся к пределам Московским со всею Ордою, с племянником Касыдою, с шестью сыновьями и множеством Князей Татарских. — К ободрению врагов наших служила тогда и несчастная распря Иоаннова с братьями: обстоятельства ее достойны замечания.

Государь, сменив Наместника, бывшего в Великих Луках, Князя Ивана Оболенского-Лыка, велел ему заплатить большое количество серебра тамошним гражданам, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливые. Князь Лыко в досаде уехал к брату Иоаннову, Борису, в Волок Ламский, пользуясь древним правом Боярским переходить из службы Государя Московского к Князьям Удельным. Иоанн требовал сего беглеца от брата; но Борис отвечивал: «Не выдаю; а если он виновен, то нарядим суд». Вместо суда Великий Князь приказал Наместнику Боровскому тайно схватить Лыка, где бы то ни было, и скованного представить в Москву: что он и сделал. Князь Борис Васильевич оскорбился; писал к брату, Андрею Суздальскому, о сем беззаконном насилии и говорил, что Иоанн тиранствует, презирает святыя древние уставы и единоутробных, не дал им части ни из Удела Юриева, ни из областей Новгородских,

завоевав их вместе с ними; что терпению должен быть конец и что они не могут после того жить в Государстве Московском. Андрей был такого же мнения: собрав многочисленную дружину, оба с женами и детьми выехали из своих Уделов; не хотели слушать Боярина Иоаннова, посланного уговорить их; спешили к Литовской границе, злодействуя на пути огнем и мечом как в земле неприятельской; остановились в Великих Луках и требовали от Казимира, чтобы он за них вступился. Король, обрадованный сим случаем, дал город Витебск на содержание их семейств, к крайнему беспокойству всех Россиян, уstraшенных вероятности междоусобной войны. Между тем Великий Князь подозревал мать свою в тайном согласии с его братьями, зная отменную любовь ее к Андрею, и хотел быть великодушным: послал к ним Ростовского Святителя, Вассиана, с Боярином Василием Федоровичем Образцом и предлагал мир искренний, обещая Андрею, сверх наследственного Удела Алексин и Калугу. Но братья с гордостью отвергнули все убеждения Вассиановы и милость Иоаннову.

Тогда услышали в Москве о походе Ахмата, который шел медленно, ожидая вестей от Казимира. Иоанн все предвидел: как скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, верный его союзник, по условию с ним напал на Литовскую Подоли⁹⁵ и тем отвлек Казимира от содействия с Ахматом. Зная же, что сей последний оставил в своих Улусах только жен, детей и старцев, Иоанн велел Крымскому Царевичу Нордоулату и Воеводе Звенигородскому, Князю Василью Ноздреватому, с небольшим отрядом сесть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мере уstrашить Хана. Москва в несколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сын Великого Князя, младой Иоанн, выступил со все-

ми полками из столицы в Серпухов 8 июня [1480 г.]; а дядя его, Андрей Меньший, из своего Удела. Сам Государь еще оставался в Москве недель шесть; наконец, сведав о приближении Ахмата к Дону, 23 июля отправился в Коломну, поручив хранение столицы дяде своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и Боярину Князю Ивану Юрьевичу, Духовенству, купцам и народу. Кроме Митрополита, находился там Архиепископ Ростовский, Вассиан, старец ревностный ко славе отечества. Супруга Иоаннова выехала с двором своим в Дмитров, откуда на судах удалилась к пределам Белоозера; а мать его, Инокиния Марфа, вняв убеждениям Духовенства, к утешению народа осталась в Москве.

Великий Князь принял сам начальство над войском, прекрасным и многочисленным, которое стояло на берегах Оки реки, готовое к битве. Вся Россия с надеждою и страхом ожидала следствий. Иоанн был в положении Димитрия Донского, шедшего сразиться с Мамаем: имел полки лучше устроенные, Воевод опытнейших, более славы и величия; но зрелостию лет, природным хладнокровием, осторожностью располагаемый не верить слепому счастью, которое иногда бывает сильнее доблести в битвах, он не мог спокойно думать, что один час решит судьбу России; что все его великодушные замыслы, все успехи медленные, постепенные, могут кончиться гибелию нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею нашего отечества, и единственно *от нетерпения*: ибо Золотая Орда ныне или завтра должна исчезнуть по ее собственным, внутренним причинам разрушения. Димитрий победил Мамаю, чтобы видеть пепел Москвы и платить дань Тохтамышу; гордый Витовт, презирая остатки Капчакского Ханства, хотел одним ударом сокрушить их и погубил рать свою на берегах Ворсклы. Иоанн имел славолюбие не воина,

но Государя; а слава последнего состоит в целостности Государства, не в личном мужестве: целость, сохраненная осмотрительною уклончивостию, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию. Сии мысли казались благоразумием Великому Князю и некоторым из Бояр, так что он желал, если можно, удалить решительную битву. Ахмат, слыша, что берега Оки к Рязанским пределам везде заняты Иоанновым войском, пошел от Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска к Угре в надежде соединиться там с Королевскими полками или вступить в Россию с той стороны, откуда его не ожидали. Великий Князь, дав повеление сыну и брату идти к Калуге и стать на левом берегу Угры, сам приехал в Москву, где жители посадов перебиралися в Кремль с своим драгоценнейшим именем и, видя Иоанна, вообразили, что он бежит от Хана. Многие кричали в ужасе: «Государь выдает нас Татарам! Отягощал землю налогами и не платил дани ординской! Разгневил Царя и не стоит за отечество!» Сие неудовольствие народное, по словам одного Летописца, столь огорчило Великого Князя, что он не въехал в Кремль, но остановился в Красном селе, объявив, что прибыл в Москву для совета с матерью, Духовенством и Боярами. «Иди же смело на врага!» – сказали ему единодушно все духовные и мирские сановники. Архиепископ Вассиан, седой, ветхий старец, в великодушном порыве ревностной любви к Отечеству воскликнул: «Смертным ли бояться смерти? Рок неизбежен. Я стар и слаб; но не убоюсь меча Татарского, не отвращу лица моего от его блеска». – Иоанн желал видеть сына и велел ему быть в столицу с Даниилом Холмским: сей пылкий юноша не поехал, ответствуя родителю: «Ждем татар»; а Холмскому: «Лучше мне умереть здесь, нежели удалиться от войска». Великий Князь уступил общему мнению и дал слово крепко противоборствовать

Хану. В сие время он помирился с братьями, коих Послы находились в Москве; обещал жить с ними дружно, наделить их новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спешили к нему с своею воинскою дружиною для спасения отечества. Мать, Митрополит, Архиепископ Вассиан, добрые советники, а всего более опасность России, к чести обеих сторон, прекратили вражду единокровных. — Иоанн взял меры для защиты городов; отрядил Дмитровцев в Переславль, Москвитян в Дмитров; велел сжечь посады вокруг столицы и 3 Октября, приняв благословение от Митрополита, поехал к войску. Никто ревностнее Духовенства не ходатайствовал тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечом. Первосвятитель Геронтий, знаменуя Государя крестом, с умилением сказал: «Бог да сохранит твое Царство и даст тебе победу, якоже древле Давиду и Константину! Мужайся и крепися, о сын духовный! как истинный воин Христов. Добрый пастырь полагает душу свою за овцы: ты не наемник! Избави врученное тебе Богом словесное стадо от грядущего ныне зверя⁹⁶. Господь нам поборник!» Все Духовные примолвили: *Аминь! буди тако!* и молили Великого Князя не слушать мнимых друзей мира, коварных или малодушных.

Иоанн приехал в Кременец, городок на берегу Лужи, и дал знать Воеводам, что будет оттуда управлять их движениями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстах, ждали неприятеля, отразив легкий передовой отряд его, который искал переправы через Угру. 8 Октября, на восходе солнца, вся сила Ханская подступила к сей реке. Сын и брат Великого Князя стояли на противном берегу. С обеих сторон пускали стрелы: Россияне действовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третий и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бегут и стреляют метко, в осо-

бенности из пищалей, Ахмат удалился за две версты от реки, стал на обширных лугах и распустил войско по Литовской земле для собрания съестных припасов. Между тем многие Татары выезжали из стана на берег и кричали нашим: «Дайте путь Царю, или он силою дойдет до Великого Князя, а вам будет худо».

Миновало несколько дней. Иоанн советовался с Воеводами: все изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы неприятельские велики. Но он имел двух любимцев, Боярина Ощеру и Григория Мамона, коего мать была сожжена Князем Иоанном Можайским за мнимое волшебство: сии, как сказано в летописи, тучные Вельможи любили свое имение, жен и детей гораздо более отечества и не преставали *шептать* Государю, что лучше искать мира. Они смеялись над геройством нашего Духовенства, которое, не имея понятия о случайностях войны, хочет кровопролития и битвы; напоминали Великому Князю о судьбе его родителя, Василия Темного, плененного Татарами⁹⁷, не устыдились думать, что Государи Московские, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на Ханов, не могут без вероломства воевать с ними. Сии внушения действовали тем сильнее, что были согласны с правилами собственного опасливого ума Иоаннова. Любимцы его жалели своего богатства: он жалел своего величия, снисканного трудами осьмнадцати лет, и, не уверенный в победе, мыслил сохранить оное дарами, учтивостями, обещаниями. Одним словом, Государь послал Боярина, Ивана Федоровича Товаркова, с мирными предложениями к Ахмату и Князю Ординскому, Темиру. Но Царь не хотел слушать их, отвергнул дары и сказал Боярину: «Я пришел сюда наказать Ивана за его неправду, за то, что он не едет ко мне, не бьет челом и уже *девять* лет не платил дани. Пусть сам явится предо мною: тогда Князья наши будут

за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость». Темир также не взял даров, ответствуя, что Ахмат гневен и что Иоанн должен у *Царского стремени* вымолить себе прощение. Великий Князь не мог унизиться до такой степени раболепства. Получив отказ, Ахмат сделался снисходительнее и велел объявить Иоанну, чтобы он прислал сына или брата, или хотя Вельможу, Никифора Басенка, угодника Ординского. Государь и на то не согласился. Переговоры кончились.

Сведав об них, Митрополит Геронтий, Архиепископ Вассиан и Паисий, Игумен Троицкий, убедительными грамотами напоминали Великому Князю обет его стоять крепко за отечество и Веру. Старец Вассиан писал так⁹⁸:

«Наше дело говорить царям Истину: что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, вняв молению и доброй думе Митрополита, своей родительницы, благоверных Князей и Бояр, поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага Христианского, мы, усердные твои богомольцы, денно и ночью припадали к олтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит Христианство, грозит тебе и отечеству: ты же пред ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему Послов; а нечестивый дышит гневом и презирает твоё моление!.. Государь! каким советам внимаешь? людей, недостойных имени Христианского. И что советуют? повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли, от какой славы и в какое уничижение низводят они твоё величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разорению, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не изливается в слезах от единых мысли? О государь! кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря. И куда бежать? где воцаришь-

ся, погубив данное тебе Богом стадо? *Взыгравши ли яко орел и посреди ли звезд гнездо себе устроишь? свергнет тебя Господь и оттуду*⁹⁹... Нет, нет! уповаем на Вседержителя. Нет, ты не оставишь нас, не явишься беглецом и не будешь именоваться предателем отечества!.. Отложи страх и возмогай о Господе в державе крепости Его! Един пожнет тысящу и два двигнут тьму, по слову мужа Святого: *не суть боги их яко Бог наш!*¹⁰⁰ Господь мертвит и живит: Он даст силу твоим воинам. Язычник, Философ Демокрит, в числе главных Царских добродетелей ставит прозорливость в мирских случаях, твердость и мужество. Поревнуй предкам своим: они не только землю Русскую хранили, но и многие иные страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владимира, коих данники были Цари Греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для Половцев; а прадед твой великий, хвалы достойный Димитрий, не сих ли неверных Татар победил за Доном? Презирая опасность, сражался впереди; не думал: *имею жену, детей и богатство; когда возмут землю мою, вселюся инде*¹⁰¹ – но стал в лицо Мамаю, и Бог осенил главу его в день брани. Неужели скажешь, что ты обязан клятвою своих предков не поднимать руки на Ханов? Но Димитрий поднял оную. Клятва принужденная разрешается Митрополитом и нами: мы все благословляем тебя на Ахмата, не Царя, но разбойника и *богоборца*. Лучше солгать и спасти Государство, нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, Государь православный, обязан уважать сего злочестивого самозванца, который силою поработил наших отцов за их малодушие и воцарился, не будучи ни Царем, ни племени Царского? То было действием гнева Небесного; но Бог есть отец чадолюбивый: наказует и милует; древле потопил Фараона и спас Израиля: спасет и народ твой, и тебя, когда покаянием очистишь

свое сердце: ибо ты человек и грешен. Покаяние Государя есть искренний обет блюсти правду в судах, любить народ, не употреблять насилия, оказывать милость и виновным... Тогда Бог восставит нам тебя, Государя, яко древле Моисея, Иисуса и других, освободивших Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобою от нечестивого Ахмата, нового Фараона: Ангелы снидут с небес в помощь твою; Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы¹⁰² и одолееши врагов, и смятутся, и погибнут. Тако глаголет Господь: *Аз воздвигох тя, Царя правды, и приях тя за руку десную, и укрепил тя, да послушают тебе языцы, и крепость Царей разрушиши; и Аз пред тобою иду, и горы сравню, и двери медные сокрушу, и затворы железные сломя*¹⁰³ ... и дарует тебе Всевышний Царство славное и сынам сынов твоих врод и род во веки. А мы Соборами Святительскими день и ночь молим Его, да рассыплются племена нечестивые, хотящие брани; да будут омрачены молниею небесною и яко псы гладные да лижут землю языками своими! Радумемся и веселимся, слыша о доблести твоей и Богом данного тебе сына: уже вы поразили неверных; но не забуди слова Евангельского: *претерпевый до конца, той спасен будет*¹⁰⁴. Наконец прошу тебя, Государь, не осудить моего художества; писано бо есть: *дай мудрому вину, и будет мудрее*¹⁰⁵. Да будет тако! Благословение нашего смирения на тебе, на твоём сыне, на всех Боярах и Воеводах, на всем христоролюбивом воинстве... Аминь».

Прочитав сие письмо, достойное великой души бесмертного мужа, Иоанн, как сказано в летописи, *исполнился веселия, мужества и крепости*: не мыслил более о средствах мира, но мыслил единственно о средствах победы и готовился к битве. Скоро прибыли к нему братья его, Андрей и Борис, с их многочисленною дружиною: не было ни упреков, ни извинений, ни условий; единокров-

ные обнялись с видом искренней любви, чтобы вместе служить отечеству и Христианству.

Прошло около двух недель в бездействии: Россияне и Татары смотрели друг на друга чрез Угру, которую первые называли *поясом Богоматери*, охраняющим Московские владения¹⁰⁶. Ахмат послал лучшую свою конницу к городищу Опакову и велел ей украдкою переплыть Оку: Воеводы Иоанновы не пустили Татар на свой берег. Ахмат злобился; грозил, что морозы откроют ему путь через реки; ждал Литовцев и зимы. О Литовцах не было слуха; но в исходе Октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдом, и Великий Князь приказал всем нашим Воеводам отступить к Кременцу, чтобы сразиться с Ханом на полях Боровских, удобнейших для битвы.

Так говорил он; так, вероятно, и мыслил. Но Бояре и Князья изумились, а воины оробели, думая, что Иоанн страшится и не хочет битвы. Полки не отступали, но бежали от неприятеля, который мог ударить на них с тылу. Сделалось чудо, по словам Летописцев: Татары, видя левый берег Угры оставленный Россиянами, воображали, что они манят их в сети и вызывают на бой, приготовив засады: объятый странным ужасом, Хан спешил удалиться [7 Ноября]. Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые! Россияне наконец остановились; но Ахмат ушел восвояси, разорив в Литве двенадцать городов за то, что Казимир не дал ему помощи. Так кончилось сие последнее нашествие Ханское на Россию: Царь не мог ворваться в ее пределы; не вывел ни одного пленника Московского. Только сын его, Амуртоза, на возвратном пути захватил часть нашей Украины¹⁰⁷; но был немедленно изгнан оттуда братьями Великого Князя, посланными с войском вслед за неприятелем. Один Летописец Казан-

ский удовлетворительно изъясняет сие бегство Ахматово, сказывая, что Крымский Царевич Нордоулат и Князь Василий Ноздреватый счастливо исполнили повеление Иоанново: достигли Орды, взяли юрт Батыев (вероятно, Сарай)¹⁰⁸, множество пленников, добычи и могли бы вконец истребить сие гнездо наших злодеев, если бы Улан Нордоулатов, именем Обуяз, не помешал тому своими представлениями. «Что делаешь? – сказал он своему Царевичу: – вспомни, что сия древняя Орда есть наша общая мать; все мы от нее родились. Ты исполнил долг чести и службы Московской: нанес удар Ахмату: доволно; не губи остатков!» Нордоулат удалился; а Хан, сведав о разорении Улусов, оставил Россию, чтобы защитить свою собственную землю. Сие обстоятельство служит к чести Иоаннова ума: заблаговременно взяв меры отвлечь Ахмата от России, Великий Князь ждал их действия и для того не хотел битвы. Но все другие Летописцы славят единственно милость Божию и говорят: «Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия! Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!» Иоанн, распустив войско, с сыном и с братьями приехал в Москву славословить Всевышнего за победу, данную ему без кровопролития. Он не увенчал себя лаврами как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость Государства. Народ веселился; а Митрополит уставил особенный ежегодный праздник Богоматери и Крестный ход Июня 23 в память освобождения России от ига Моголов: ибо здесь конец нашему рабству¹⁰⁹.

Ахмат имел участь Мамаев. Он вышел из Литвы с богатою добычею: Князь *Шибанских*, или Тюменских, Улусов, Ивак, желая отнять ее, с Ногайскими Мурзами, Ямгурчеем, Мусою и с шестнадцатью тысячами Козаков гнался за ним и от берегов Волги до Малого Донца,

где сей Хан, близ Азова, остановился зимовать, распустив своих Уланов. Ивак приблизился ночью, окружил на рассвете Царскую *белую вежу*, собственною рукою умертвил спящего Ахмата, без сражения взял Орду, его жен, дочерей, богатство, множество Литовских пленников, скота; возвратился в Тюмень и прислал объявить Великому Князю, что злодей России лежит в могиле. Еще так называемая Большая Орда не совсем исчезла, и сыновья Ахматовы удержали в степях Волжских имя Царей; но Россия уже не поклонялась им, и знаменитая столица Батыева, где наши Князья более двух веков раболепствовали Ханам, обратилась в развалины, донныне видимые на берегу Ахтубы: там среди обломков гнездятся змеи и ехидны. — Отселе Татары Шибанские и Ногайские, коих Улусы находились между рекою Бузулуком и морем Аральским, являются действующими в нашей Истории и в сношениях с Москвою, нередко служа орудием ее Политике. Князь Ивак Тюменский хвалился происхождением своим от Чингиса и правом на трон Батыев, называя Ахмата, его братьев и сыновей детьми Темир-Кутлуя, а себя истинным Царем *Бесерменским*, искал дружбы Иоанновой и величался именем равного ему Государя, уже не дерзая требовать с нас дани и мыслить, чтобы Россияне были природными подданными всякого Хана Татарского.

Заметим тогдашнее расположение умов. Несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления Государства от злобы Ахматовой; несмотря на бегство неприятеля, на целость войска и Державы, Москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны Государем: ибо думали, что он не явил в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Иоанн, готовясь к войне, послал супругу в

отдаленные Северные земли, думая о личной ее безопасности более, нежели о столице, где надлежало ободрить народ присутствием Великокняжеского семейства. Строго осуждали и Софию, что она без всякой явной опасности бегала с знатнейшими женами Боярскими из места в место, не хотела даже остаться и в Белозерске, уехала далее к морю и на пути позволяла многочисленным слугам своим грабить жителей как неприятелей. И так славнейшее дело Иоанново для потомства, конечное свержение Ханского ига, в глазах современников не имело полной, чистой славы, обнаружив в нем, по их мнению, боязливость или нерешительность, хотя сия мнимая слабость происходит иногда от самой глубокой мудрости человеческой, которая не есть Божественная, и, предвидя многое, знает, что не предвидит всего.

Тем более народ славил твердость нашего Духовенства и в особенности Вассиана, коего послание к Великому Князю ревностные друзья отечества читали и переписывали с слезами умиления. Сей добродетельный старец едва имел время благословить начало государственной независимости в России: занемог и скончался [в 1481 году], оплакиваемый всеми добрыми согражданами. Славная память его осталась навеки неразлучною с памятию нашей свободы. – Тогда же преставился и брат Великого Князя, Андрей Меньший, любимый народом за верность и бодрую деятельность, оказанную им против Ахмата. В духовном завещании он признает себя должником Иоанна, получив от него 30000 рублей для платежа в Орды, в Казань и Царевичу Данияру; велит выкупить разные вещи, отданные им в залог Ивану Фрязину и другим; не оставив ни детей, ни жены, отказывает государю Удел свой, его сыновьям иконы, кресты, поясы и цепи золотые, братьям Андрею и Борису некоторые волости, Троицкому монастырю 40 де-

ревень на Вологде и проч. Таким образом, делая себя единственным наследником своих ближних, умирающих бездетными, Великий Князь новыми договорными грамотами утвердил за Андреем старшим, за Борисом и за детьми их Уделы родительские с частию Московских пошлин; дал еще первому город Можайск, а второму несколько сел, с условием, чтобы они не вступались в его приобретения, настоящие и будущие. В сих грамотах упоминается об издержках Ординских: хотя Великий Князь уже не мыслил быть данником, но предвидел необходимость подкупать Татар, чтобы располагать их остальными силами в нашу пользу. Содержание Царевича Данияра и братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, сосланного за что-то в Вологду; наконец дары, посылаемые в Тавриду, в Казань, в Ногайские Улусы, требовали немалых расходов, в коих Андрей и Борис Васильевичи обязывались участвовать.

Благополучно отразив Ахмата, сведав о гибели его и миром с братьями успокоив как Россию, так и собственное сердце, Иоанн послал к Менгли-Гирею Боярина Тимофея Игнатъевича Скрыбу с известием о своем успехе и с напоминанием, чтобы сей Хан не забывал их договора действовать всегда общими силами против Волжской Орды и Казимира, в случае, если преемники Ахматовы или Король замыслят опять воевать Россию. Боярин Тимофей должен был говорить в особенности с Князем крымским, Именеком, нашим доброжелателем, и вручить его сыну, Довлетеку, *опасную грамоту* с золотою печатаю для свободного пребывания во всех Московских владениях: ибо Довлетек не веря спокойствию мятежной Тавриды, просил о том Иоанна. Странное действие судьбы: Россия, столь долго губимая Татарами, сделалась их покровительницею и верным убежищем в несчастиях!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

Годы. 1480–1490

Война с Ливонским Орденом. Литовские дела. Хан Крымский опустошает Киев. Сыновья Ахматовы воюют с Крымским Ханом. Король Венгерский Матфей в дружбе с Иоанном. Брак сына Иоаннова с Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавского. Завоевание Твери. Присоединение Удела Верейского к Москве. Князья Ростовские, Ярославские лишены прав Владетельных. Происшествия Рязанские. Покорение Казани. Сношения с Ханом Крымским. Посольство Муртозы, сына Ахматова, в Москву. Посольство Ногайское. Покорение Вятки. Завоевание земли Арской. Кончина Иоанна Младого. Казнь врача. Собор на еретиков Жидовских. Свержение Митрополита; избрание нового.

В сие время Иоанн предпринял нанести удар Ливонским Немцам. Еще в 1478 году, покоряя Новгород, Московская рать входила в их Нарвские пределы и возвратилась оттуда с добычею. Скоро после того купцы Псковские были задержаны в Риге и в Дерпте: у некоторых отняли товары, других заключили в темницу. Псковитяне сделали то же и с купцами Дерптскими; но не хотели войны и, считая себя в мире с Немцами, удивились, когда Рыцари заняли Вышегородок. Сие известие пришло во Псков ночью: ударили в Вечевой колокол; граждане собрались и на рассвете выступили против неприятеля. Оставив Вышегородок, Немцы явились под Гдовом. С помощью Великого Князя и с его Воеводою, Князем Андреем Никитичем Ногтем, присланным из Новагорода, Псковитяне заставили их бежать, сожгли Костер на реке Эмбахе, взяли там несколько пушек, осаждали Дерпт и возвратились

обремененные добычею. Сие впадение Россиян в Дерптскую землю описано самим Магистром Ливонским, Бернгардом, в донесении его к Главе Прусского Ордена¹¹⁰; нет лютости, в которой бы он не обвинял их; убиение людей безоружных было легчайшим из злодейств, ими будто бы совершенных. Напомним читателю сказание Византийских Историков о свирепости древних Славян или повествование наших Летописцев о набегах Татарских; Россияне, по словам Бернгарда, едва ли не превзошли тогда сих варваров. Магистр готовил месть: сведав, что Воевода Московский, недовольный Псковитянами, ушел от них с своею дружиною и что Иоанн занят войною с Ахматом, Бернгард требовал помощи, людей и денег от Прусского Ордена; желая действовать всеми силами, но боясь упустить время, приступил к Изборску: не мог взять его и выжег только окрестности. Псковитяне, видя огонь и дым, жаловались на своего Князя, Василия Шуйского, что он пьет и грабит их, а защитить не умеет. Немцы обратили в пепел городок Кобылий, умертвив до четырех тысяч жителей, и наконец (в 1480 году, Августа 20) осадили Псков. Войско их, как пишут, состояло из 100000 человек, большею частию крестьян, худо вооруженных и совсем неспособных к ратным действиям, так, что необозримый стан его за рекою Великою походил на Цыганский: шум и беспорядок господствовали в оном. Но Псковитяне ужаснулись. Многие бежали, и сам Князь Шуйский уже садился на коня, чтобы следовать примеру малодушных: граждане остановили его; делали мирные предложения Магистру, с обрядами священными носили вокруг стен одежду своего незабвенного Героя Довмонта и наконец исполнились мужества. Бернгард, имея 13 Дерптских судов с пушками, старался зажечь город. Немцы пристали к берегу: тут Россияне, вооруженные секирами, мечами, камнями, устреми-

лись в бой и смяли их в реку. Немцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, сняв осаду, ушли. «Мы тщетно предлагали Россиянам битву в поле, – говорит Бернгард в письме к начальнику Прусского Ордена: – река Великая не допустила нас до города». Ожидая нового нападения, Псковитяне требовали защиты от братьев Иоанновых, Андрея и Бориса, которые ехали тогда из Великих Лук в Москву с сильною дружиною; но сии Князья ответствовали, что им не время думать о Немцах, и мимоездом ограбили несколько деревень за то, как сказано в одной летописи, что Псковитяне, опасаясь Иоаннова гнева, не хотели принять к себе их Княгинь, бывших в Литве.

Магистр, испытав неудачу, распустил войско: сия оплошность дорого стоила бедной земле его. Сведав о неприятельских действиях Ордена и не имея уже других врагов, Иоанн послал Воевод, Князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенского, с двадцатью тысячами на Ливонию, кроме особенных полков Новгородских, предводимых Наместниками, Князем Василием Федоровичем и Боярином Иваном Зиновьевичем. Псков был местом соединения Российских сил, достаточных для завоевания всей Ливонии; но умеренный Иоанн не хотел оного, имея в виду иные, существеннейшие приобретения: желал единственно вселить ужас в Немцев и тем надолго успокоить наши северо-западные пределы. В исходе февраля 1481 году рать Великокняжеская, конница и пехота, вступила в Орденские владения и разделилась на три части: одна пошла к Мариенбургу, другая к Дерпту, третья к Вальку. Неприятель нигде не смел явиться в поле: Россияне целый месяц делали что хотели в земле его; жгли, грабили; взяли Феллин, Тарваст, множество людей, лошадей, колоколов, серебра, золота; захватили обоз Магистра: едва и сам Бернгард не попался им в руки, бежав из Феллина за день до их прихода. Неко-

торые города откупались: Летописец обвиняет корыстолюбие Князей Булгака и Ярослава, тайно бравших с них деньги. Всех более потерпели Священники: Москвитяне ругались над ними, секли их и жгли, как сказано в бумагах Орденских; Дворян, купцов, земледельцев, жен, детей отправляли тысячами в Россию и тяжелые обозы с добычею. Весенняя распутица освободила наконец Ливонию: полки наши возвратились во Псков; а Бернгард, оплакивая судьбу Ордена, винил во всем Великого Магистра Прусского, не давшего ему помощи; другие же обвиняли Епископа Дерптского, который, имея свое особенное войско, не хотел действовать совокупно с Рыцарями. Но обстоятельства переменялись: Орден три века боролся с Новгородцами и Псковитянами, часто несогласными между собою: единовластие давало России такую силу, что бытие Ливонии уже находилось в опасности. – В 1483 году Послы Иоанновы заключили в Нарве перемирие с Немцами на 20 лет.

С Литвою не было ни войны, ни мира. Иоанн предлагал мир, но требовал наших городов и земель, коими завладел Витовт; а Король требовал Великих Лук и даже Навагорода. С обеих сторон недоброжелательствовали друг другу, стараясь вредить тайно и явно. Россия имела друзей в Литве между Князьями единоверными: трое из них, Ольшанский, Михаил Олелькович и Федор Бельский, правнуки славного Ольгерда¹¹¹, будучи недовольны Казимиром, замыслили поддаться Иоанну с их Уделами в земле Северной. Сие намерение открылось: Король велел схватить двух первых; а Бельский (в 1482 году) ушел в Москву, оставив в Литве юную супругу на другой день своей женитьбы. Так сказано о сем происшествии в наших летописях. Историк Польский говорит следующее: «Князья Северские, приехав в Вильну, хотели видеть Короля; но страж не позволил им войти во дворец и две-

рю прихлопнул одному из них ногу: Казимир осудил сего воина на смерть, однако ж не мог укротить тем злобы Князей: считая себя несносно обиженными и давно имея разные досады на правительство Литовское, к ним неблагоклонное за иноверие, они поддалися Государю Московскому». Иоанн, в надежде воспользоваться услугами Бельского, принял его с отменною милостию и дал ему в отчину городок Демон.

Казимир поставил 10000 ратников в Смоленске, однако ж не смел начать войны; ласково угостил в Гродне чиновников Пскова и снисходительно удовлетворил всем их требованиям в спорных делах с Литвою; между тем советовал Ахматовым сыновьям, Сеид-Ахмату и Муртозе, тревожить Россию и старался отвлечь Хана Менгли-Гирея от нашего союза: в чем едва было и не успел, подкупив Вельможу Крымского, Именека, который склонил государя своего заключить (в 1482 году) мир с Литвою. Но Иоанн разрушил сей замысел: Послы Великокняжеские, Юрий Шестак и Михайло Кутузов, сильными представлениями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя неприятелем Казимировым, так что он в 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегах Днепра, взял Киев, пленил тамошнего Воеводу, Ивана Хотковича, опустошил город, сжег монастырь Печерский и прислал к Великому Князю дискос и потир Софийского храма, вылитые из золота¹¹². Сей случай оскорбил православных Москвитян, которые видели с сожалением, что Россия насылет варваров на единоверных жечь и грабить Святые церкви, древнейшие памятники нашего Христианства; но Великий Князь, думая единственно о выгодах государственных, изъявил благодарность Хану, убеждая его и впредь ревностно исполнять условия их союза. «Я с своей стороны, – приказывал к нему Иоанн, – не упу-

скаю ни единого случая делать тебе угодное: содержи твоих братьев в России, Нордоулата и Айдара, с немалым убытком для казны моей». Великий Князь в самом деле поступал как истинный, усердный друг Менгли-Гиреев. Взаимная ненависть Ханов Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертью Ахмата, несмотря на то, что Султан Турецкий, правом верховного Мусульманского Властителя, запретил им воевать между собою. Скитаясь в Донских степях с особенным своим Улусом, Царь Муртоза, при наступлении жестокой зимы (в 1485 году), искал убежища от голода в окрестностях Тавриды: Менгли-Гирей вооружился, пленил его, отослал в Кафу и разбил еще Улус Князя Золотой Орды, Темира; но сей Князь в следующее лето, соединясь с другим Ахматовым сыном, нечаянно напал на Тавриду – когда жители и воины ее занимались хлебопашеством, – едва не схватил самого Менгли-Гирея, освободил Муртозу и с добычею удалился в степи. Великий Князь, сведав о том, немедленно отрядил войско на Улусы Ахматовых сыновей и прислал к Менгли-Гирею многих Крымских пленников, вырученных Россиянами.

В Венгрии Царствовал Матфей Корвин, сын славного Гуниада, знаменитый остроумием и мужеством¹¹³: будучи неприятелем Казимира, он искал дружбы Государя Московского и в 1482 году прислал к нему чиновника, именем Яна; а Великий Князь, приняв его благосклонно, вместе с ним отправил к Королю Дьяка Федора Курицына, чтобы утвердить договор, заключенный в Москве между сими двумя Государствами и разменяться грамотами. Обе Державы условились вместе воевать Королевство Польское в удобное для того время. – Венгрия, быв некогда в частых сношениях с южною Россиею, уже около двухсот лет как бы не существовала для нашей Истории¹¹⁴: Иоанн возобновил сию древнюю связь, ко-

торая могла распространить славу его имени в Европе и способствовать нашему гражданскому образованию. Великий Князь требовал от Матфея, чтобы он доставил ему: 1) художников, умеющих лить пушки и стрелять из оных; 2) *Размыслов*, или Инженеров; 3) серебряников для делания больших и малых сосудов; 4) зодчих для строения церквей, палат и городов; 5) горных мастеров, искусных в добывании руды золотой и серебряной, также в отделении металла от земли. «У нас есть серебро и золото, – велел он сказать Королю: – но мы не умеем чистить руду. Услужи нам, и тебе услужим всем, что находится в моем Государстве». – Дьяк Курицын, возвращаясь в Москву, был задержан Турками в Белегороде, но освобожден старанием Короля и Менгли-Гирея. Новые взаимные Посольства, ласковые письма и дары утверждали сию приязнь. Иоанн (в 1488 году) подарил Матфею черного соболя с коваными золотыми ноготками, обсаженными крупным Новгородским жемчугом; в знак особенного уважения допускал к себе Послов Венгерских, изустно говорил с ними, дозволял им садиться и сам подавал кубок вина. Зная, что дружество Государей бывает основано на Политике, он внимательно наблюдал Матфееву и предписывал своим Послам разведывать о всех его сношениях с Турциею, Римским Императором, с Богемиею и с Казимиром.

В сие время явилась новая знаменитая Держава в соседстве с Литвою и сделалась предметом Иоанновой политики. Мы говорили о начале Молдавского Княжества, управляемого Воеводами, коих имена едва нам известны до самого Стефана IV, или Великого, дерзнувшего обнажить меч на ужасного Магомета II и славными победами, одержанными им над многочисленными Турецкими воинствами, вписавшего имя свое в историю редких Героев: мужественный в опасностях,

твердый в бедствиях, скромный в счастье, приписывая его только Богу, покровителю добродетели, он был удивлением Государей и народов, с малыми средствами творя великое. Вера Греческая, сходство в обычаях, употребление одного языка в церковном служении и в делах государственных, необыкновенный ум обоих Властителей, Российского и Молдавского, согласие их выгод и правил служили естественной связью между ими. Стефан, кроме Турков, опасался честолюбивого Казимира и Менгли-Гирея: первый хотел, чтобы Молдавия зависела от Королевства Польского; второй, будучи присяжником Султана, угрожал ей нападением. Иоанн мог содействовать ее независимости и безопасности, обуздывая Короля страхом войны, а Менгли-Гирея дружественными представлениями, с условием, чтобы и Стефан, в случае нужды, помогал России усердно. Сей *Воевода* и *Господарь* – так называет он себя в своих грамотах, – противоборствуя насилиям Султанов, утеснителей Греции, имел еще особенное право на дружество зятя Палеологов, который принял герб их и с ним обязательство быть врагом Магометовых наследников.

Таким образом расположенные к искреннему союзу, Иоанн и Стефан утвердили оный семейственным: второй предложил выдать дочь свою, Елену, за старшего сына Иоаннова, избрав в посредницы мать Великого Князя. Боярин Михаиле Плещеев с знатною дружиною в 1482 году отправился за невестою в Молдавию, где и совершилось обручение. Стефан отпустил дочь в Россию с своими Боярами: Ланком, Синком, Герасимом и с женами их. Она ехала через Литву: Казимир не только дал ей свободный путь, но и прислал дары в знак учтивости. Прибыв в Москву после Филиппова заговенья, Елена жила в Вознесенском монастыре у матери Великого Князя и до свадьбы имела время познакомиться с женихом.

Их обвенчали в самый праздник Крещения. Увидим, что Судьба не благословила сего союза.

Хитрою внешнею Политикою утверждая безопасность Государства, Иоанн возвеличил его внутри новым успехом Единовластия. Он уже покорил Новгород, взял Двинскую землю, завоевал Пермь отдаленную; но в осьмидесяти верстах от Москвы видел Российское особенное Княжество, Державу равного себе Государя, по крайней мере именем и правами. Со всех сторон окруженная Московскими владениями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, как малый остров среди моря, ежечасно угрожаемый потоплением. Князь Михаил Борисович, шурин Иоаннов, знал опасность и не верил ни свойству, ни грамотам договорным, коими сей Государь утвердил его независимость: надлежало по первому слову смиренно оставить трон или защитить себя иноземным союзом. Одна Литва могла служить ему опорой, хотя и весьма слабою, как то свидетельствовал жребий Новагорода; но личная ненависть Казимира к Великому Князю, пример бывших Тверских Владетелей, искони друзей Литвы, и легкоеверие надежды, вселяемое страхом в малодушных, обратили Михаила к Королю: будучи вдовцом, он вздумал жениться на его внучке и вступил с ним в тесную связь. Дотоле Иоанн, в нужных случаях располагая Тверским войском, оставлял шурина в покое: узнав же о сем тайном союзе и, как вероятно, обрадованный справедливым поводом к разрыву, немедленно объявил Михаилу войну (в 1485 году). Сей Князь, затрепетав, спешил умиловить Иоанна жертвами: отказался от имени *равного* ему брата, признал себя *младшим*, уступил Москве некоторые земли, обязался всюду ходить с ним на войну. Тверской Епископ был посредником, и Великий Князь, желая обыкновенно казаться умеренным, долготерпеливым, отсрочил гибель

сей Державы. В мирной договорной грамоте, тогда написанной, сказано, что Михаил разрывает союз с Королем и без ведома Иоаннова не должен иметь с ним никаких сношений, ни с сыновьями Шемяки, Князя Можайского, Боровского, ни с другими Российскими беглецами; что он клянется за себя и за детей своих вовеки не поддаваться Литве; что Великий Князь обещает не вступаться в Тверь, и проч. Но сей договор был последним действием Тверской независимости: Иоанн в уме своем решил ее судьбу, как прежде Новгородскую; начал теснить землю и подданных Михайловых: если они чем-нибудь досаждали Москвитянам, то он грозил и требовал их казни; а если Москвитяне отнимали у них собственность и делали им самые несносные обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаил писал и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имеют защитника в своем Государе, искали его в Московском: Князя Микулинский и Дорогобужский вступили в службу Великого Князя, который дал первому в поместье Дмитров, а второму Ярославль. Вслед за ними приехали многие Бояре Тверские. Что оставалось Михаилу? Готовить себе убежище в Литве. Он послал туда верного человека: его задержали и представили Иоанну письмо Михайлово к Королю, достаточное свидетельство измены и вероломства: ибо Князь Тверской обещался не сноситься с Литвою, а в сем письме еще возбуждал Казимира против Иоанна. Несчастный Михаил отправил в Москву Епископа и Князя Холмского с извинениями: их не приняли. Иоанн велел Наместнику Новгородскому, Боярину Якову Захарьевичу, идти со всеми силами ко Твери, а сам, провождаемый сыном и братьями, выступил из Москвы 21 Августа со многочисленным войском и с огнестрельным снарядом (вверенным искусному Аристотелю); Сентября 8 осадил Михайлову столицу и зажег

предместие. Через два дня явились к нему все тайные его доброжелатели Тверские, Князья и Бояре, оставив Государя своего в несчастьи. Михаил видел необходимость или спастись бегством, или отдаться в руки Иоанну; решился на первое и ночью ушел в Литву. Тогда Епископ, Князь Михаил Холмский с другими Князьями, Боярами и земскими людьми, сохранив до конца верность к их законному Властителю, отворили город Иоанну, вышли и поклонились ему как общему Монарху России. Великий Князь послал Бояр своих и Дьяков взять присягу с жителей; запретил воинам грабить; 15 Сентября въехал в Тверь, слушал Литургию в храме Преображения и торжественно объявил, что дарует сие Княжество сыну, Иоанну Иоанновичу; оставил его там и возвратился в Москву. Через некоторое время он послал Бояр своих в Тверь, в Старицу, Зубцов, Опоки, Клин, Холм, Новгородок описать все тамошние земли и разделить их на сохи для платежа казенных податей.

Столь легко исчезло бытие Тверской знаменитой Державы, которая от времен Святого Михаила Ярославича именовалась *Великим* Княжеством и долго спорила с Москвою о первенстве. Ее народ, уступая другим Россиянам в промышленности¹¹⁵, славился мужеством и верно-стью к Государям. Князья Тверские имели до 40000 конного войска; но, будучи врагами Московских, не хотели участвовать в великом подвиге нашего освобождения и тем лишились права на общее сожаление в их бедствии. Михаил Борисович кончил дни свои изганныком в Литве, не оставив сыновей.

Иоанн известил Матфея, Короля Венгерского, о покорении Твери и велел сказать ему: «Я уже начал воевать с Казимиром, ибо Князь Тверской его союзник. Наместники мои заняли разные места в Литовских пределах, и Хан Менгли-Гирей, исполняя мою волю, огнем и мечем

опустошает Казимировы владения. И так помогай мне, как мы условились». Но Матфей, отняв тогда у Императора знатную часть Австрии и Вену, хотел отдохновения в старости. «Душевно радуюсь, – писал он к Великому Князю, – успехам твоего единовластия в России. Я готов исполнить договор и вступить в землю общего врага нашего, когда узнаю, что ты всеми силами против него действуешь. Ожидаю сей вести». Между тем, возбуждая друг друга к войне Польской, они не начинали ее и занимались иными делами.

Взяв Тверь мечом, Иоанн грамотою присвоил себе Удел Верейский. Единственный сын и наследник Князя Михаила Андреевича, Василий, женатый на Гречанке Марии, Софииной племяннице, должен был еще при жизни родителя выехать из отечества, быв виною раздора в семействе Великокняжеском, как сказывает Летописец. Иоанн, в конце 1483 года обрадованный рождением внука, именем Димитрия, хотел подарить невестке, Елене, драгоценное узорочье первой Княгини своей; узнав же, что София отдала его Марии или мужу ее, Василию Михайловичу Верейскому, так разгневался, что велел отнять у него все женино приданое и грозил ему темницею. Василий в досаде и страхе бежал с супругою в Литву; а Великий Князь, объявив его навеки лишенным отцовского наследия, клятвенною грамотою обязал Михаила Андреевича не иметь никакого сообщения с сыном-изменником и города Ярославец, Белоозеро, Верею по кончине своей уступить ему, Государю Московскому, в потомственное владение. Михаил Андреевич умер весною в 1485 году, сделав Великого Князя наследником и душеприкащиком, не смев в духовной ничего отказать сыну в знак благословения, ни иконы, ни креста, и моля единственно о том, чтобы Государь не пересуживал его судов.

Присоединяя Уделы к Великому Княжению, Иоанн искоренял и все остатки сей несчастной для Государства системы. Ярославль уже давно зависел от Москвы, но его Князья еще имели особенные наследственные права, несогласные с единовластием: они добровольно уступили их Государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошних Князей, Владимира Андреевича, Ивана Ивановича, детей их и племянников: они продали ее Великому Князю. – Сим восстановилась целость северной Российской Державы, как была она при Андрее Боголюбском или Всеволоде III. Усиленное сверх того подданством Новагорода и всех его обширных владений, также Уделов Муромского и некоторых Черниговских, Великое Княжение Московское было уже достойно имени Государства. – Но Рязань еще сохраняла вид Державы особенной: любя сестру свою, Княгиню Анну, Иоанн позволял супругу и сыновьям ее господствовать там независимо. Зять его, Василий Иванович, преставился в 1483 году, отказав большему сыну, Ивану, Великое Княжение Рязанское, с городами Переславлем, Ростиславлем и Пронском, а Феодору меньшему Перевитеску и Старую Рязань с третью доходов Переславских. Сии два брата жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себе четвертую часть их всех казенных пошлин, и в 1486 году заключили между собою договор, чтобы одному наследовать после другого, если не будет у них детей, и чтобы никаким образом не отдавать своего Княжества в иной род. Они боялись, кажется, чтоб Государь Московский не объявил себя их наследником.

Новый блестящий успех прославил оружие Иоанново. Еще в 1478 году Царь Казанский, нарушив клятвенные обеты, воевал зимою область Вятскую, приступал к ее городам, опустошил села и вывел оттуда многих пленников, будучи обманут ложною вестию, что Иоанн раз-

бит Новгородцами и сам-четверт шел раненый в Москву. Великий Князь отмстил ему весною: Устюжане и Вятчане выжгли селения в окрестностях Камы; а Воевода Московский, Василий Образец, на берегах Волги: он доходил из Нижнего до самой Казани и приступил к городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагим просил мира, заключил его и скоро умер, оставив многих детей от разных жен. Казань сделалась феатром несогласия и мятежа чиновников: одни хотели иметь Царем Магмет-Аминя, меньшего Ибрагимового сына, коего мать, именем Нурсалтан, Дочь Темирова, сочеталась вторым браком с Ханом Таврическим, Менгли-Гиреем; другие держали сторону Алегамы, старшего сына, и с помощью Ногаев возвели его на престол, к неудовольствию Иоанна, который доброжелательствовал пасынку своего друга, Менгли-Гирея, знал ненависть Алегамову к России и сверх того опасался тесного союза Казани с Ногаями. Юный Магмет-Аминь приехал в Москву: Великий Князь дал ему в поместье Коширу и наблюдал все движения Алегамовы. Воеводы Московские стояли на границах; вступали иногда и в Казанскую землю. Царь мирился; нелюбимый подданными, обещал быть нам другом, обманывал и злодействовал. Наконец Иоанн, видя непримиримую его злобу, в Апреле 1487 года послал Магмет-Аминя и славного Даниила Холмского с сильною ратию к Казани. Маия 18 Холмский осадил ее; Июля 9 взял город и Царя. Сию радостную весть привез в Москву Князь Федор Ряполовский: Иоанн велел петь молебны, звонить в колокола и с умилением благодарил Небо, что Оно предало ему в руки Мамутеково Царство, где его отец, Василий Темный, лил слезы в неволе. Но мысль совершенно овладеть сим древним Болгарским Царством и присоединить оное к России еще не представлялась ему или казалась неблагоприятною: народ

Веры Магометовой, духа ратного, беспокойного, нелегко мог быть обуздан властью Государя Христианского, и мы еще не имели всегдашнего, неперменного войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Иоанн только назвался *Государем Болгарии*, но дал ей собственного Царя: Холмский его именем возвел Магмет-Аминя на престол, казнил некоторых знатных Уланов, или Князей, и прислал Алегама в Москву, где народ едва верил глазам своим, видя Царя Татарского пленником в нашей столице. Алегам с двумя женами был сослан в Вологду; а мать, братья и сестры его в Карголом на Белеозере.

Иоанн немедленно уведомил о сем счастливом происшествии Менгли-Гирея и в особенности Царицу Нурсалтан, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, из благодарности за ее сына, им возвеличенного, способствовала твердости союза между Россиею и Крымом. Сия искренняя, взаимная приязнь не изменялась. Великий Князь уведомлял Менгли-Гирея о замыслах Ханов Ординских, о частых их сношениях с Казимиром; и, сведав, что они двинулись к Тавриде, отрядил Козаков с Нордоулатом, бывшим Царем Крымским, на Улусы Золотой Орды; велел и Магмед-Аминю тревожить ее нападениями; советовал также Менгли-Гирею возбудить Ногаев против сыновей Ахматовых. Сообщение между Тавридою и Россиею подвергалось крайним затруднениям, ибо Волжские Татары хватали в степях, кого встречали, на берегах Оскола и Мерли: для того Иоанн предлагал Хану уставить новый путь через Азов с условием, чтобы Турки освобождали Россиян от всякой пошлины. Сия безопасность пути нужна была не только для государственных сношений и купцов, но и для иноземных художников, вызываемых Великим Князем из Италии и ездивших в Москву через Кафу. Кроме обыкновенных

гонцов¹¹⁶, отправлялись в Тавриду и знаменитые Послы: в 1486 году Семен Борисович, в 1487 Боярин Дмитрий Васильевич Шеин, с ласковыми грамотами и дарами, весьма умеренными; например, в 1486 году Иоанн послал Царю три шубы – рысью, кунью и беличью, – три соболя и корабельник, жене его и брату, Калге Ямгурчею, по корабельнику, а детям по червонцу. За то и сам хотел даров: узнав, что Царица Нурсалтан достала славную Тохтамышеву жемчужину (которую, может быть, сей Хан похитил в Москве при Димитрии Донском), он неотступно требовал ее в письмах и наконец получил от Царицы. – Как истинный друг Мангли-Гирея, Иоанн способствовал его союзу с Королем Венгерским и не дал ему сделать важной политической ошибки. Сей случай достопамятен, показывая ум Великого Князя и простосердечие Хана. Братья Менгли-Гиревы, Айдар и Нордоулат, добровольно приехав в Россию, уже не имели свободы выехать оттуда. Хан Золотой Орды, Муртоза, желал переманить Нордоулата к себе и (в 1487 году) прислал своего чиновника в Москву с письмами к нему и к Великому Князю, говоря первому: «Брат и друг мой, сердцем праведный, величеством знаменитый, опора Бесерменского Царства! Ты ведаешь, что мы дети единого отца; предки наши, омраченные властолюбием, восстали друг на друга: немало было зла и кровопролития; но раздоры утихли: следы крови омылися млеком, и пламень вражды погас от воды любовной. Брат твой, Менгли-Гирей, снова возбудил междоусобие: за что господь наказал его столь многими бедствиями. Ты, краса отечества, живешь среди неверных: сего мы не можем видеть спокойно и шлем твоему величеству *тяжелый поклон с легким даром* чрез слугу, Ших-Баглула: открой ему тайные свои мысли. Хочешь ли оставить страну злочестия? Мы пишем о том к *Ивану*. Где ни будешь, будь здрав и люби наше братство».

Письмо к Великому Князю содержало в себе следующее: «Муртозино слово Ивану. Знай, что Царь Нордоулат всегда любил меня: отпусти его, да возведу на Царство, свергнув моего злодея, Менгли-Гирея. Удержи в залог жену и детей Нордоулатовых: когда он сядет на престол, тогда возьмет их у тебя добром и любовью». Великий Князь посмеялся над гордостью Муртозы; задержав его Посла, известил о том Менгли-Гирея и прибавил, что Король Польский тайно зовет к себе другого брата Ханского, Айдара. Но Менгли-Гирей, не весьма прозорливый, скучая множеством забот, сам желал уступить Нордоулату половину трона, чтобы он, вместе с ним Царствуя, своим умом и мужеством облегчил ему тягость власти. «Отправь его ко мне, – писал Менгли-Гирей к Иоанну: – мы забудем прошедшее. Айдара же не боюсь: пусть идет, куда хочет». Великий Князь отвечал, что не может исполнить требования столь неблагоразумного; что властолюбие не знает ни братства, ни благодарности; что Нордоулат, быв сам Царем в Тавриде, не удовольствуется частию власти, имея дарования и многих единомышленников; что долг приязни есть остерегать приятеля и не соглашаться на то, что ему вредно. Сии представления образумили и, может быть, спасли Менгли-Гирея.

Несчастливая судьба Алегама оскорбила Шибанских и Ногайских Владетелей, связанных с ним родством: Царь Ивак, Мурзы Алач, Муса, Ямгурчей и жена его прислали в Москву грамоты, убеждая в них освободить сего пленника. Ивак писал к Великому Князю: «Ты мне брат: я Государь Бесерменский, а ты Христианский. Хочешь ли быть в любви со мною? Отпусти моего брата, Алегама. Какая тебе польза держать его в неволе? вспомни, что ты, заключая с ним договоры, обещал ему доброжелательство и приязнь». Мурзы изъявляли в своих письмах более смирения, говоря, что они шлют Великому Князю

тяжелые поклоны с легким даром и ждут от него милости; что отцы их жили всегда в любви с Государями Московскими; что обстоятельства удаляли юрт Иваков от пределов России, но что сей Царь, победив недругов, снова к ней приблизился и хочет Иоанновой дружбы. Послы Ногайские желали еще, чтобы купцы их могли свободно приезжать к нам и торговать везде без пошлин. Государь велел объявить им следующий ответ: «Алегама, обманщика и клятвопреступника, мною сверженно-го, не отпускаю; а другом вашим быть соглашаюсь, если Царь Ивак казнит разбойников, людей Алегамовых, которые у него живут и грабят землю мою и сына моего, Магмет-Аминя; если возвратит все похищенное ими и не будет впредь терпеть подобных злодейств». В ожидании сего требуемого удовлетворения Иоанн задержал в Москве одного из Послов, отпустил других и велел, чтобы Ногайцы ездили в Россию всегда чрез Казань и Нижний, а не Мордовскую землю, как они приехали. Сии сношения продолжались и в следующие годы, представляя мало достопамятного для Истории. Видим только, что Орда Ногайская, кочуя на берегах Яика и близ Тюменя, имела разных Царей и сильных Мурз, или Князей Владетельных; называясь их другом, Иоанн говорил с ними языком повелителя; *дозволил* Князю Мусе, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать дочь свою за Магмет-Аминя, но не велел последнему выдавать сестры за сына Мурзы Ногайского, Ямгурчя, коего люди, вместе с жителями Астраханскими, грабили наших рыболовов на Волге; несмотря на все убедительные просьбы Ногайских Владетелей, держал Алегама в неволе, отвечая: «Из уважения к вам даю ему всякую льготу»; посылал к ним гонцов и дары, ипрские сукна, кречетов, рыбы зубы, не забывая и жен их, которые в своих приписках именовались его *сестрами*, но строго наблюдая

пристойность в Дворских обрядах и различая Послов, Великий Князь изъяснялся с Ногайскими единственно через второстепенных сановников, Казначеев и Дьяков. Главною целию Иоанновой Политики в рассуждении сего кочевого народа было возбуждать его против Ахматовых сыновей и не допускать до впадения в землю Казанскую, где Магмет-Аминь Царствовал как присяжник и *данник* России: ибо в тогдашних бумагах находим жалобу Магмед-Аминя на чиновника Московского, Федора Киселева, который сверх обыкновенных пошлин взял у жителей Цывильской области несколько кадок меда, лошадей, куниц, бобров, лисьих шкур и проч.

Подчинив себе Казань, Государь утвердил власть свою над Вяткою. В то время, когда Холмский действовал против Алегамы, беспокойный ее народ, не менее своих братьев, Новгородцев, привязанный к древним уставам вольности, изъявил непослушание и выгнал Наместника Великокняжеского. Несмотря на многочисленность войска, бывшего в Казанском походе, Иоанн имел еще иное в готовности и послал Воеводу, Юрия Шестака-Кутузова, смирить мятежников; но Вятчане умели обольстить Кутузова: приняв их оправдание, он возвратился с миром. Великий Князь назначил других Полководцев, Князя Даниила Щеню и Григорья Морозова, которые с 60 000 воинов приступили к Хлынову. Жители обещались повиноваться, платить дань и *служить службы* Великому Князю, но не хотели выдать главных виновников бунта: Аникиева, Лазарева и Богодайщикова. Воеводы грозили огнем: велели окружить город плетнями, а плетни берестом и смолою. Оставалось несколько минут на размышление: Вятчане представили Аникиева с товарищами, коих немедленно послали окованных к Государю. Народ присягнул в верности. Ему дали новый устав гражданский, согласный с самодержавием, и вывели оттуда всех

нарочитых земских людей, граждан, купцов с женами и детьми в Москву. Иоанн поселил земских людей в Боровске и в Кременце, купцов в Дмитрове, а трех виновнейших мятежников казнил: чем и пресеклось бытие сей достопамятной народной Державы, основанной выходцами Новгородскими в исходе второго-надесять века, среди пустынь и лесов, где в тишине и неизвестности обитали Вотяки с Черемисами. Долго история молчала о Вятке: малочисленный ее народ, управляемый законами демократии, строил жилища и крепости, пахал землю, ловил зверей, отражал нападения Вотяков и, мало-помалу усиливаясь размножением людей, более и более успевая в гражданском хозяйстве, вытеснил первобытных жителей из мест привольных, загнал их во глубину болотистых лесов, овладел всею землею между Камою и Югом, устьем Вятки и Сысолою; начал торговать с Пермьяками, Казанскими Болгарами, с восточными Новгородскими и Великокняжескими областями; но еще не довольный выгодами купечества, благоприятствуемого реками судоходными, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самых единоплеменников. Вологда, Устюг, Двинская земля опасались сих Русских Норманов столько же, как и Болгария: легкие вооруженные суда их непрестанно носились по Каме и Волге. В исходе XIV века уже часто упоминается в летописях о Вятке. Полководец Тохтамыш выжег ее города: сын Донского присвоил себе власть над оною, внук стеснил там вольность народную, правнук уничтожил навеки. Воеводы Иоанновы вместе с Вяткою покорили и землю *Арскую* (где ныне город Арск); сия область древней Болгарии имела своих Князей, взятых тогда в плен и приведенных в Москву: государь отпустил их назад, обязав клятвою подданства.

Среди блестящих деяний государственных, ознаменованных мудростию и счастьем Венценосца, он был

поражен несчастием семейственным. Достойный наследник Великого Князя, Иоанн Младой, любимый отцом и народом, пылкий, мужественный в опасностях войны, в 1490 году занемог ломотою в ногах (что называли тогда *камчюгою*). За несколько месяцев перед тем сыновья Рала Палеолога, быв в Италии, привезли с собою из Венеции, вместе с разными художниками, лекаря, именем Мистра Леона, родом Жидовина: он взялся вылечить больного, сказав Государю, что ручается за то своею головою. Иоанн поверил и велел ему лечить сына. Сей Медик, более смелый, нежели искусный, жег больному ноги стеклянными сосудами, наполненными горячею водою, и давал пить какое-то зелие. Недуг усилился: юный Князь, долго страдав, к неописанной скорби отца и подданных скончался, имев от рождения 32 года. Иоанн немедленно приказал заключить Мистра Леона в темницу и через шесть недель казнил всенародно на Болванове за Москвою-рекою¹¹⁷. В сем для нас жестоком деле народ видел одну справедливость: ибо Леон обманул Государя и сам себя обрек на казнь. Такую же участь имел в 1485 году и другой врач, Немец Антон, лекарствами уморив Князя Татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою и зарезан ножом под Москворецким мостом, к ужасу всех иноземцев, так, что и славный Аристотель хотел немедленно уехать из России: Иоанн разгневался и велел заключить его в доме; но скоро простил.

Строгий в наказании бедных неискусных врачей, сей Государь в то же время изъявил похвальную умеренность в случае важном для веры, в расколе столь бедственном, по выражению современника, Св. Иосифа Волоцкого, что благочестивая земля Русская не видала подобного соблазна от века Ольгина и Владимирова¹¹⁸. Расскажем обстоятельства. Был в Киеве Жид именем Схариа, умом хитрый, языком острый: в 1470 году приехав в Новгород

с Князем Михайлом Олельковичем, он умел обольстить там двух Священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единый Божественный; что история Спасителя выдумана; что Христос еще не родился; что не должно поклоняться иконам, и проч. Завелась Жидовская ересь. Поп Алексей назвал себя Авраамом, жену свою Саррою и развратил, вместе с Дионисием, многих Духовных и мирян, между коими находился Протоиерей Софийской церкви, Гавриил, и сын знатного Боярина, Григорий Михайлович Тучин. Но трудно понять, чтобы Схариа мог столь легко размножить число своих учеников Новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении Христианства и в прославлении Жидовства¹¹⁹: Св. Иосиф Волоцкий дает ему имя *Астролога* и *чернокнижника*: и так вероятно, что Схариа обольщал Россиян Иудейскою Кабалою, наукою пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых ученых людей (например, Иоанн Пик Мирандольский) искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого¹²⁰. Кабалисты хвалились древними преданиями, будто бы дошедшими до них от Моисея; многие уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, и главный источник Соломоновой мудрости; что они знают все тайны природы, могут изъяснить сновидения, угадывать будущее, повелевать духами; что сею наукою Моисей восторжествовал над Египетскими волхвами, Илия повелевал огнем небесным, Даниил смыкал челюсти львам; что Ветхий Завет исполнен хитрых иносказаний, объясняемых кабалою; что она творит чудеса посредством некоторых слов Библии, и проч. Неудивительно, если сии внушения произвели сильное действие в умах слабых, и хитрый Жид, овладев ими, уверил их и в том, что Мессия еще не являлся в мире. – Внутренно отвергая святыню Христи-

анства, Новгородские еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными в исполнении всех обязанностей благочестия так, что Великий Князь в 1480 году взял Попов Алексея и Дионисия в Москву как Пастырей, отличных достоинствами: первый сделался Протоиереем храма Успенского, а второй Архангельского. С ними перешел туда и раскол, оставив корень в Новгороде. Алексей снискал особенную милость Государя, имел к нему свободный доступ и тайным своим учением прельстил Архимандрита Симоновского, Зосиму, Инока Захарию, Дьяка Великокняжеского Федора Курицына и других. Сам Государь, не подозревая ереси, слышал от него речи двусмысленные, таинственные: в чем после каялся наедине Святому Иосифу, говоря, что и невестка его, Княгиня Елена, была вовлечена в сей Жидовский раскол одним из учеников Алексиевых, Иваном Максимовым. Между тем Алексей до конца жизни пользовался доверенностью Государя и, всегда хваля ему Зосиму, своего единомышленника, был главною виною того, что Иоанн, по смерти Митрополита Геронтия, возвел сего Архимандрита Симоновского (в 1490 году) на степень Первосвятителя. «Мы увидели, – пишет Иосиф, – чадо Сатаны на престоле угодников Божиих, Петра и Алексея¹²¹, увидели хищного волка в одежде мирного Пастыря». Тайный Жидовин еще скрывался под личиною Христианских добродетелей.

Наконец Архиепископ Геннадий открыл ересь в Новгороде: собрав все об ней известия и доказательства, прислал дело на суд Государю и Митрополиту вместе с виновными, большею частию Попами и Дяконами; он наименовал и Московских их единомышленников, кроме Зосимы и Дьяка Федора Курицына. Государь призвал Епископов, Тихона Ростовского, Нифонта Суздальского, Симеона Рязанского, Вассиана Тверского, Прохора Сар-

ского, Филофея Пермского, также многих Архимандритов, Игуменов, Священников и велел Собором исследовать ересь. Митрополит председательствовал. С ужасом слушали Геннадиеву обвинительную грамоту: сам Зосима казался изумленным. Архиепископ Новгородский доносил, что сии отступники злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болванами, грызут *оныя зубами*, повергают в места нечистые, не верят ни Царству Небесному, ни Воскресению мертвых и, безмолвствуя при усердных Христианах, дерзостно развращают слабых. Призвали обвиняемых: Инока Захарию, Новгородского Протопопа Гавриила, Священника Дионисия и других (глава их, Алексей, умер года за два до сего времени). Они во всем заперлися; но свидетельства, Новгородские и Московские, были несомнительны. Некоторые думали, что уличенных надобно пытаться и казнить: Великий Князь не захотел того, и Собор, действуя согласно с его волею, проклял ересь, а безумных еретиков осудил на заточение. Такое наказание по суровости века и по важности разврата было весьма человеколюбиво. Многие из осужденных были посланы в Новгород: Архиепископ Геннадий велел посадить их на коней, лицом к хвосту, в одежде вывороченной, в шлемах берестовых, острых, какие изображаются на бесах, с мочальными кистями, с венцом соломенным и с надписью: *се есть Сатанино воинство!* Таким образом возили сих несчастных из улицы в улицу; народ плевал им в глаза, восклицая: *се враги Христовы*, и в заключение сжег у них на голове шлемы. Те, которые хвалили сие действие как достойное ревности Христианской, без сомнения осуждали умеренность Великого Князя, не хотевшего употребить ни меча, ни огня для истребления ереси. Он думал, что клятва церковная достаточна для отвращения людей слабых от подобных заблуждений.

Но Зосима, не дерзнув на Соборе покровительствовать своих обличенных тайных друзей, остался в душе еретиком; соблюдая наружную пристойность, скрытно вредил Христианству, то изъясняя ложно Св. Писание, то будто бы с удивлением находя в нем противоречия; иногда же, в порыве искренности, совершенно отвергая учение Евангельское, Апостольское, Святых Отцов, говорил приятелям: «Что такое Царство Небесное? что второе пришествие и воскресение мертвых? кто умер, того нет и не будет». Придворный Дьяк Федор Курицын и многие его сообщники также действовали во мраке; имели учеников; толковали им Астрологию, иудейскую мудрость, ослабляя в сердцах Веру истинную. Дух суетного любопытства и сомнения в важнейших истинах Христианства обнаруживался в домах и на торжищах: Иноки и светские люди спорили о Естестве Спасителя, о Троице, о святости икон, и проч. Все зараженные ересь составляли между собою некоторый род тайного общества, коего гнездо находилось в палатах Митрополитовых: там они сходились умствовать и пировать. — Ревностные враги их заблуждений были предметом гонения: Зосима удалил от церкви многих Священников и Дияконов, которые отличались усердием к Православии и ненавистию к Жидовскому расколу. «Не должно (говорил он) злобиться и на еретиков, Пастыри духовные да проповедают только мир!»

Так повествует Св. Иосиф, основатель и начальник монастыря Волоколамского¹²², Историк, может быть, не совсем беспристрастный: по крайней мере смелый, неустрашимый противник ереси: ибо он еще во времена Зосими Первосвятительства дерзал обличать ее, как то видим из письма его к Суздальскому Епископу Нифонту. «Сокрылись от нас, — пишет Иосиф, — отлетели ко Христу древние орлы Веры, Святители добродетель-

ные, коих глас возвещал истину в саду Церкви и которые истерзали бы когтями всякое око, неправо зрящее на божественность Спасителя. Ныне шипит тамо змий пагубный, изрыгая хулу на Господа и Его мать». Он заклинает Нифонта очистить Церковь от неслыханного дотоле соблазна, открыть глаза Государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Уверился ли Великий Князь в расколе Митрополита, неизвестно; но в 1494 году, без суда и без шума, велел ему как бы добровольно удалиться в Симонов, а оттуда в Троицкий монастырь за то, как сказано в летописи, что сей Первосвятитель не радел о Церкви и любил вино. Благоразумный Иоанн не хотел, может быть, соблазнить Россиян всенародным осуждением Архипастыря, им избранного, и для того не огласил его действительной вины.

Преемник Зосимы в Митрополии был Игумен Троицкий, Симон. Здесь летописцы сообщают нам некоторые весьма любопытные обстоятельства. Когда Владыки Российские в Великокняжеской Думе нарекли Симона достойным Первосвятительства, Государь пошел с ним из дворца в церковь Успения, провождаемый сыновьями, внуком, Епископами, всеми Боярами и Дьяками. Поклонились иконам и гробам Святительским; пели, читали молитвы и тропари. Иоанн взял будущего Архипастыря за руку и, выходя из церкви, в западных дверях *предал* Епископам, которые отвели его в дом Митрополитов. Там, отпустив их с благословением, сей скромный муж обедал с Иноками Троицкого монастыря, с своими Боярами и Детьми Боярскими. В день посвящения он ехал на *осляти*, коего вел знатный сановник Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый Митрополит должен был идти на свое место. Вдруг священнодействие остановилось; пение умолкло: взоры Духовенства и Вельмож устремились на Иоанна. Государь выступил

и громогласно сказал Митрополиту: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая нам Государство всея Руси, подает тебе сей великий престол Архирейства руковождением Архиепископов и Епископов нашего Царства. Восприими жезл Пастырства; взыди на седалище старейшинства во имя Господа Иисуса; моли Бога о нас – и да подаст тебе Господь здравие со многоденством». Тут хор певчих возгласил *Исполлаэти Деспот*¹²³. Митрополит отвечивал: «Всемогущая и вседержавная десница вышнего да сохранит мирно твое Богоставленное Царство, Самодержавный Владыко! Да будет оно многолетно и победительно со всеми повинующимися тебе Христолюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего будя здрав, творя добро, о Государь Самодержавный!» Певчие возгласили Иоанну многолетие. – Великие Князья всегда располагали Митрополию, и нет примера в нашей Истории, чтобы власть духовная спорила с ними о сем важном праве; но Иоанн хотел утвердить оное священным обрядом: сам указал Митрополиту престол и торжественно действовал в храме: чего мы доселе не видали.

К успокоению правоверных новый Митрополит ревностно старался искоренить Жидовскую ересь; еще ревностнее Иосиф Волоцкий, который, имея доступ к Государю, требовал от него, чтобы он велел по всем городам искать и казнить еретиков. Великий Князь говорил, что надобно истреблять разврат, но без казни, противной духу Христианства; иногда, выводимый из терпения, приказывал Иосифу умолкнуть; иногда обещал ему подумать и не мог решиться на жестокие средства, так что многие действительные или мнимые еретики умерли спокойно; а знатный Дьяк Федор Курицын еще долго пользовался доверенностью Государя и был употребляем в делах Посольских.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

Годы 1491–1496

Заключение Андрея, Иоаннова брата. Смерть его и Бориса Васильевича. Посольства Императора Римского и наши к нему. Открытие Печорских рудников. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружеское сношение с Султаном. Посольства в Крым. Литовские дела. Смерть Казимира: сын его, Александр, на троне Литовском. Неприятельские действия против Литвы. Переговоры о мире и сватовстве. Злоумышление на жизнь Иоаннову. Посольство Князя Мазовецкого в Москву. Мир с Литвою. Иоанн отдает дочь свою, Елену, за Александра. Новые неудовольствия между Россиею и Литвою.

Обратимся к государственным происшествиям. — Великий Князь жил мирно с братьями до кончины матери, Инокими Марфы: она преставилась в 1484 году, и с того времени началось взаимное подозрение между ими. Андрей и Борис не могли привыкнуть к новому порядку вещей и досадовали на властолюбие Иоанна, который, непрестанно усиливая Государство Московское, не давал им части в своих приобретениях. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы Великий Князь не отнял у них и наследственных Уделов. Иоанн также, зная сие внутреннее расположение братьев, помня их бегство в Литву и наглые злодейства в пределах Российских, не имел к ним ни доверенности, ни любви; но соблюдал пристойность, не хотел быть явным утеснителем и в 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себе ни Андреевых, ни Борисовых городов, требуя, чтобы сии Князья не входили в переговоры с Казимиром, с Твер-

ским изгнанником Михаилом, с Литовскими Панами, Новгородцами, Псковитянами и немедленно сообщали ему все их письма. Следственно, Иоанн опасался тайной связи между братьями, Литвою и теми Россиянами, которые не любили самодержавия: может быть, и знал об ней, желая прервать оную или в противном случае не оставить братьям уже никакого извинения. Еще они с обеих сторон удерживались от явных знаков взаимного недоброжелательства, когда Андрею Василиевичу сказали, что Великий Князь намерен взять его под стражу: Андрей хотел бежать; одумался и велел Московскому Боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у Государя, чем он заслужил гнев его? Боярин не дерзнул вмешаться в дело столь опасное. Андрей сам пришел к брату и хотел знать вину свою. Великий Князь изумился: ставил Небо во свидетели, что не думал сделать ему ни малейшего зла, и требовал, чтобы он наименовал клеветника. Андрей сослался на своего Боярина, Образца: Образец на слугу Иоаннова, Мунта Татищева; а последний признался, что сказал то единственно в шутку. Государь, успокоив брата, дал повеление отрезать Татищеву язык: ходатайство Митрополитово спасло несчастного от сей казни; однако ж его высекли кнутом. В 1491 году Великий Князь посылал войско против Ординских Царей, Сеид-Ахмута и Шиг-Ахмета, которые хотели идти на Тавриду, но удалились от ее границ, сведав, что Московская рать уже стоит на берегах Донца. Полководцы Иоанновы, Царевич Салтаган, сын Нордоулатов, и Князя Оболенские, Петр Никитич и Репня, возвратились, не сделав ничего важного. В сем походе должныствовали участвовать и братья Великого Князя; но Андрей не прислал вспомогательной дружины к Салтагану. Иоанн скрыл свою досаду. Осенью, Сентября 19, приехав из Углича в Москву, Андрей был целый вечер во дворце у Великого Князя.

Они казались совершенными друзьями: беседовали искренно и весело. На другой день Иоанн через Дворецкого, Князя Петра Шастунова, звал брата к себе на обед, встретил ласково, поговорил с ним и вышел в другую комнату, отослав Андреевых Бояр в столовую гридню, где их всех немедленно взяли под стражу. В то же время Князь Симеон Иванович Ряполовский со многими иными Вельможами явился перед Андреем, хотел говорить и не мог ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконец дрожащим голосом сказал: *Государь Князь Андрей Василиевич! поиман еси Богом, да Государем Великим Князем, Иваном Василиевичем, всяя Руси, братом твоим старейшим.* Андрей встал и с твердостью отвечивал: *«Волен Бог да Государь брат мой; а Всевышний рассудит нас в том, что лишаюсь свободы безвинно».* Андрея свели на Казенный двор, оковали цепями и приставили к нему многочисленную стражу, состоящую из Князей и Бояр; двух его сыновей, Ивана и Димитрия, заключили в Переславле; дочерей оставили на свободе: Удел же их родителя присоединили к Великому Княжению. Чтобы оправдать себя, Иоанн объявил Андрея изменником: ибо сей Князь, нарушив клятвенный обет, замышлял восстать на Государя с братьями Юрием, Борисом и с Андреем Меньшим, переписывался с Казимиром и с Ахматом, наводя их на Россию; вместе с Борисом уезжал в Литву; наконец, послушался Великого Князя и не посылал Воевод своих против Сеид-Ахмута. Только последняя вина имела вид справедливости: другие, как старые, были заглажены миром в 1479 году; или надлежало уличить Андрея, что он уже после того писал к Казимиру. Одним словом, Иоанн в сем случае поступил жестоко, оправдываясь, как вероятно, в собственных глазах известною строптивостью Андрея, государственною пользою, требующею беспрекословного

единовластия, и примером Ярослава I, который также заключил брата. – Государь тогда же потребовал к себе и Бориса Василиевича: сей Князь с ужасом и трепетом явился в Московском дворце, но через три дня был с милостию отпущен назад в Волок. Андрей в 1493 году умер в темнице, к горести Великого Князя, по уверению Летописцев. Рассказывают, что он (в 1498 году), призвав Митрополита и Епископов во дворец, встретил их с лицом печальным, безмолвствовал, заплакал и начал смиренно каяться в своей жестокости, быв виною жалостной, безвременной кончины брата. Митрополит и Епископы сидели: Государь стоял перед ними и требовал прощения. Они успокоили его совесть: отпустили ему грех, но с Пастырским душеспасительным увещанием. – Борис Василиевич также скоро преставился. Сыновья его, Феодор и Иван, наследовали достояние родителя. В 1497 году они уступили Великому Князю Коломенские и другие села, взяв за них Тверские. Иван Борисович, умирая в 1503 году, отказал Государю Рузу и половину Ржева, вместе с его *воинскою рухлядью*, доспехами и конями. Так в Государстве Московском исчезали все особенные наследственные власти, уступая Великокняжеской.

Между тем и внешние политические отношения России более и более возвышали достоинство ее Монарха. Послы Ольгины находились в Германии, при Оттоне I, а Немецкие в Киеве около 1075 года; Изяслав I и Владимир Галицкий искали покровительства Римских Императоров: Генрик IV был женат на княжне Российской, и Фридерик Барбарусса уважал Всеволода III: но с того времени мы не имели сообщения с Империею, до 1486 года, когда знатный Рыцарь, именем Николай Поппель, приехал в Москву с письмом Фридерика III¹²⁴, без всякого особенного поручения, единственно из любопытства. «Я видел, – говорил он, – все земли Христиан-

ские и всех Королей: желаю узнать Россию и Великого Князя». Бояре ему не верили и думали, что сей иноземец с каким-нибудь злым намерением подослан Казимиром Литовским; однако ж Поппель, удовлетворив своему любопытству, благополучно выехал из России и чрез два года возвратился в качестве Посла Императорского с новою грамотою от Фридерика и сына его, Короля Римского, Максимилиана¹²⁵, писанною в Ульме 26 декабря 1488 года. Принятый ласково, он в первом свидании с Московскими Боярами, Князем Иваном Юрьевичем, Даниилом Холмским и Яковом Захарьевичем, говорил следующее: «Выехав из России, я нашел Императора и Князей Германских в Нюрнберге; беседовал с ними о стране вашей, о Великом Князе, и вывел их из заблуждения: они думали, что Иоанн есть данник Казимиров. Нет, сказал я: *Государь Московский сильнее и богаче Польского; Держава его неизмерима, народы многочисленны, мудрость знаменита.* Одним словом, самый усерднейший из слуг Иоанновых не мог бы говорить об нем иначе, ревностнее и справедливее. Меня слушали с удивлением, особенно Император, в час обеда ежедневно разговаривая со мною. Наконец сей Монарх, желая быть союзником России, велел мне ехать к вам Послом со многочисленною дружиною. Еще ли не верите истине моего звания? За два года я казался здесь обманщиком, ибо имел с собою только двух служителей. Пусть Великий Князь пошлет собственного чиновника к моему Государю: тогда не останется ни малейшего сомнения». Но Иоанн уже верил послу, который именем Фридериковым предложил ему выдать его дочь, Елену или Феодосию, за Албрехта, Маргкрафа Баденского, племянника Императорова, и желал видеть невесту. Великий Князь отвечивал ему через Дьяка Федора Курицына, что вместе с ним отправится в Германию По-

сол Российский, коему велено будет изъясниться о сем с Императором, и что обычаи наши не дозволяют прежде времени показывать юных девиц женихам или сватам. – Второе предложение Поппелево состояло в том, чтобы Иоанн запретил Псковитянам вступаться в земли Ливонских Немцев, подданных Империи. Государь велел ответствовать, что Псковитяне владеют только собственными их землями и не вступают в чужие.

Весьма достопамятна третья аудиенция, данная Послу Фридрикову в *набережных сенях*, где сам Великий Князь слушал его, отступив несколько шагов от своих Бояр. «Молю о скромности и тайне, – сказал Поппель: – ежели неприятели твои, Ляхи и Богемцы, узнают, о чем я говорить намерен: то жизнь моя будет в опасности. Мы слышали, что ты, Государь, требовал себе от Папы *Королевского* достоинства; но знай, что не Папа, а только Император жалует в Короли, в Принцы и в Рыцари. Если желаешь быть Королем, то предлагаю тебе свои услуги. Надлежит единственно скрыть сие дело от Монарха Польского, который боится, чтобы ты, сделавшись ему равным Государем, не отнял у него древних земель Российских». Ответ Иоаннов изображает благородную, истинно Царскую гордость. Бояре сказали Послу так: «Государь, великий Князь, Божию милостию наследовал Державу Русскую от своих предков, и *поставление* имеет от Бога, и молит Бога, да сохранит оную ему и детям его вовеки; а поставления от иной власти никогда не хотел и не хочет». Поппель не смел более говорить о том и вторично обратился к сватовству. «Великий Князь, – сказал он, – имеет двух дочерей: если не благоволит выдать некоторой за Маркграфа Баденского, то Император представляет ему в женихи одного из Саксонских знаменитых Принцев, сыновей его племянника (Курфирста Фридрика)¹²⁶, а другая Княжна Российская может быть

супругою Сигизмунда, Маркграфа Бранденбургского, коего старший брат есть зять Короля Польского». На сие не было ответа, и Поппель скоро отправился из Москвы в Данию чрез Швецию, для какого-то особенного Императорского дела: Государь же послал в Немецкую землю Грека, именем Юрия Траханиота, или Трахонита, выехавшего к нам с Великою Княгинею, Софиею, дав ему следующее наставление:

«I. Явить Императору и сыну его, Римскому Королю Максимилиану, верующую Посольскую грамоту¹²⁷. Уверить их в искренней приязни Иоанновой. – II. Условиться о взаимных дружественных Посольствах и свободном сообщении обеих Держав. – III. Ежели спросят, намерен ли Великий Князь выдать свою дочь за Маркграфа Баденского? то ответствовать, что сей союз не пристоеен для знаменитости и силы Государя Российского, брата древних Царей Греческих¹²⁸, которые, переселясь в Византию, уступили Рим Папам. Но буде Император пожелает сватать нашу Княжну за сына своего, Короля Максимилиана, то ему не отказывать и дать надежду. – IV. Искать в Германии и принять в службу Российскую полезных художников, горных мастеров, Архитекторов и проч.». На издержки дано было ему 80 соболей и 3000 белок. Иоанн написал с ним дружественные грамоты к Бургомистрам Нарвскому, Ревельскому и Любекскому.

Траханиот поехал (22 марта) из Москвы в Ревель, оттуда в Любек и Франкфурт, где был представлен Римскому Королю Максимилиану, говорил ему речь на языке Ломбардском и вручил дары Великокняжеские, 40 соболей, шубы горностаевую и беличью. Доктор, Георг Торн, именем Максимилиана отвечал послу на том же языке, изъявляя благодарность и приязнь сего Венценосца к Государю Московскому. Посла осыпали в Германии ласками и приветствиями.

Король Римский, встречая его, сходил обыкновенно с трона и сажал подле себя; то же делал и сам Император. Они стоя подавали ему руку в знак уважения к Великому Князю. Более ничего не знаем о переговорах Траханиота, который возвратился в Москву 16 июля 1490 года с новым Послом Максимилиановым. Георгом Делатором. Незадолго до того времени умер славный Король Матфей, и Паны Венгерские соглашались избрать на его место Казимира сына, Владислава, Государя Богемского, в досаду Максимилиану, считавшему себя законным наследником Матфеевым. Сие обстоятельство соединяло Австрийскую Политику с нашею: Максимилиан хотел завоевать Венгрию, Иоанн южную Литовскую Россию: они признавали Казимира общим врагом, и Делатор, чтобы тем вернее успеть в государственном деле, объявил желание Римского Короля (тогда вдового) быть Иоанну зятем: хотел видеть юную Княжну и спрашивал о цене ее приданого. Ответ состоял в учтивом отказе: послу изъяснили наши обычаи. Какой стыд для отца и невесты, если бы сват отвергнул ее! Мог ли знаменитый Государь с беспокойством и страхом ждать, что слуга иноземного властителя скажет об его дочери? Изъяснили также Делатору, что Венценосцам неприлично торговаться в приданом; что Великий Князь без сомнения назначит его по достоинству жениха и невесты, но уже после брака; что надобно согласиться прежде в деле важнейшем, а именно в том, чтобы Княжна Российская, если будет супругою Максимилиана, не переменяла Веры, имела у себя Церковь Греческую и Священников. Для последнего Великий Князь требовал уверительной записи: но Делатор сказал, что он для сего не уполномочен. И так перестали говорить о браке.

Однако ж союз государственный заключился, и написали договор следующего содержания:

«По воле Божией и нашей любви мы, Иоанн, Божию милостию Государь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Югорский, Вятский, Пермский, Болгарский» (то есть Казанский) «и проч. условились с своим братом, Максимилианом, Королем Римским и Князем Австрийским, Бургонским, Лотарингским, Стирским, Каринтийским и проч. быть в вечной любви и согласии, чтобы помогать друг другу во всех случаях. Если Король Польский и дети его будут воевать с тобою, братом моим, за Венгрию, твою отчину: то извести нас, и поможем тебе усердно, без обмана. Если же и мы начнем *добывать* Великого Княжения Киевского и других земель Русских, коими владеет Литва: то уведомим тебя, и поможешь нам усердно, без обмана. Если и не успеем обослаться, но узнаем, что война началась с твоей или моей стороны: то обязываемся немедленно идти друг ко другу на помощь. – Послы и купцы наши да ездят свободно из одной земли в другую. На сем целую крест к тебе, моему брату... В Москве, в лето 6998 (1490), Августа 16».

Сей первый договор с Австрией, написанный на хартии, был скреплен золотою Великокняжескою печатю. Делатор, видев супругу Иоаннову, Софию, поднес ей в дар от Максимилиана серое сукно и попугая; а Государь, пожаловав его в *золотоносцы*¹²⁹, дал ему золотую цепь с крестом, горностаевую шубу и серебряные *остроги*, или шпоры, как бы в знак рыцарского достоинства. Делатор выехал из Москвы августа 19, вместе с нашими Послами, Траханиотом и Дьяком Васильем Кулешиным. Наказ, им данный, состоял в следующем: «1) Вручить Максимилиану договорную Иоаннову грамоту и присягнуть в верном исполнении условий. 2) Взять с него такую же, писанную языком Славянским; а буде напишут оную по-Немецки или по-Латыни, то изъяснить, что обязательство Велико-

го Князя не имеет силы, ежели в грамоте будут отмены против Русской» (ибо Траханиот и Кулешин не знали сих двух языков). «3) Максимилиан должен утвердить союз целованием креста перед нашими Послами. 4) Объявить Королю согласие Иоанново выдать за него дочь, с условием, чтобы она не переменила Закона. 5) Сказать ему, что Послам его и Московским лучше ездить впредь чрез Данию и Швецию, для избежания неприятностей, какие могут им встретиться в Польских владениях. 6) Требовать, чтобы он дал Великому Князю лекаря искусного в целении внутренних болезней и ран. 7) Приветствовать единственно Короля Римского, а не Императора¹³⁰: ибо Делатор, будучи в Москве, не сказал Великому Князю ни слова от Фридерика». Несмотря на государственную важность заключаемого с Австриею союза, Иоанн, как видим, строго наблюдал достоинство Российского Монарха и в сие же время отослал из Москвы без ответа слугу Поппелева, который приезжал в Россию за живыми лосями для Императора, но с письмом не довольно учтивым от господина своего. Не взяв даров Поппелевых, богатого мониста с ожерельем, Великий Князь милостиво принял от его слуги две объяри и дал ему зато 120 соболей, ценою в 30 червонцев.

Траханиот и Кулешин писали к Государю из Любека, что Король Датский и Князья Немецкие, сведав об их прибытии в Германию и желая добра Казимиру, замыслили сделать им остановку в пути; что Посол Максимилианов едет вместе с ними и возьмет меры для их безопасности; что Римский Король уже завоевал многие места в Венгрии. Они наехали Максимилиана в Нюрнберге, вручили ему дары от Иоанна и Великой Княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договор, им одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовстве, ибо слышали, что Максимили-

ан, долго не имев ответа от Великого Князя, в угождение своему отцу помолвил на Княжне Бретанской. Пробыв там от 22 Марта до 23 Июня (1491 года), послы Иоанновы возвратились в Москву Августа 30 с Максимилиановою союдною грамотою, которую Великий Князь приказал отдать в хранилище государственное.

Вслед за ними Король Римский вторично прислал Делатора, чтобы он был свидетелем клятвенного Иоаннова обета исполнять заключенный договор. Государь сделал то же, что Максимилиан: целовал крест перед его Послом. Изъявив совершенное удовольствие и благодарность Короля, Делатор молил Великого Князя не досадовать за помолвку его на Принцессе Бретанской и рассказал длинную историю в оправдание сего поступка. «Король Римский, – говорил он, – весьма желал чести быть зятем Великого Князя; но Бог не захотел того. Разнесся в Германии слух, что я и Послы Московские, в 1490 году отплыв на двадцати четырех кораблях из Любека, утонули в море. Государь наш думал, что Иоанн не сведал о его намерении вступить в брак с Княжною Российскою. Дальнее расстояние не позволяло отправить нового Посольства, и согласие Великого Князя было еще не верно. Между тем время текло. Князя Немецкие требовали от Императора, чтобы он женил сына, и предложили в невесты Анну Бретанскую. Фридерик убедил Максимилиана принять ее руку. Когда же Государь наш узнал, что мы живы и что Княжна Российская могла быть его супругою, то искренне огорчился и донныне жалеет о невесте столь знаменитой». Сия справедливая или выдуманная повесть удовлетворила Иоанновой чести: он не изъявил ни малейшей досады и не отвечал послу ни слова. Делатор, как бы в знак особенной, неограниченной к нему доверенности Максимилиановой, известил Великого Князя о тайных видах Австрийской

Политики. Долговременная война Немецкого Ордена с Польшею решилась (в 1466 году) совершенною зависимою первого от Казимира, так что Великий Магистр Людвиг назвал себя его присяжником, и Рыцарство, некогда Державное, стеноло под игом чужеземной власти. Максимилиан тайно возбуждал Орден свергнуть сие иго и снова прибегнуть к оружию; но Магистры Немецкий и Ливонский требовали от него, чтобы он прежде доставил им важное покровительство Монарха Российского, сильного и грозного. Делатор убеждал Великого Князя послать Московского чиновника в Ливонию для переговоров, дать ее Рыцарям вечный мир, не теснить их и *взять Орден в его милостивое соблюдение*. – Столь же усердно ходатайствовал Посол за Швецию. Государственный ее правитель, Стен Стур, находился в дружественной связи с Максимилианом и жаловался ему на обиды Россиян, которые в 1490 году ужасным образом свирепствовали в Остерботне: жгли, резали, мучили жителей, присвоивая себе господство над Финляндиею. Делатор молил Иоанна оставить сию несчастную землю в покое. Наконец предлагал, чтобы Московские Послы ездили в Империю через Мекленбург и Любек, а не через Данию, где в рассуждении их не соблюдаются уставы чести и гостеприимства: ибо Король держит сторону Казимирову. – Заметим, что Посол Максимилианов в своих аудиенциях именовал Великого Князя *Царем*, так и наши Послы называли Иоанна в Германии: Немцы же в переводе дипломатических бумаг употребляли имя *Kauser, Imperator*, вместо Царя.

Ответ Великого Князя, сообщенный Послу Казначеем Дмитрием Владимировичем и Дьяком Федором Курицыным, был такой: «Я заключил искренний союз с моим братом Максимилианом! хотел помогать ему всеми силами в завоевании Венгрии и готовился сам сесть на

коня; но слышу, что Владислав, сын Казимиров, объявлен там Королем и что Максимилиан с ним примирился: следственно, мне теперь нечего делать. Однако ж вместе с тобою отправлю к нему Послов. Не изменю клятве. Если брат мой решится воевать, то иду немедленно на Казимира и сыновей его, Владислава и Албрехта. В угодность Максимилиану буду посредником его союза с Господарем Молдавским, Стефаном. Что касается до Магистров Прусского и Ливонского, то я готов взять их в мое хранение. Последний желает условиться о мире с моими особенными Послами и вместо *челобитья* писать в *договора* *моление*, но да будет все по-старому. Прежде он *бил челом* вольному Новугороду: ныне да имеет дело с тамошними моими наместниками, людьми знатными». — О Швеции не было слова в ответе.

Делатор выехал из Москвы 12 апреля 1492 года, с Великокняжеским Приставом, коему надлежало довольствовать его всем нужным до самой границы. Так обыкновенно бывало: Приставы встречали и провожали Послов. Маия 6 снова отправился Траханиот с Дьяком Михайлом Яропкиным в Германию. Ему велено было именем Иоанновым *спросить Максимилиана о здравии, но не править поклона*: ибо Делатор в первой аудиенции не кланялся ни Великому Князю, ни супруге его от своего Короля, а спрашивал только о здравии. Наказ сего Посольства был следующий:

«Объявить Максимилиану, что Великий Князь, вступив с ним в союз, желал верно исполнять условия и для того не хотел говорить о мире с Послом Литовским, бывшим в Москве: следственно и Король Римский не должен мириться с Богемиею и Польшею без Иоанна, который готов, в случае его верности, действовать с ним заодно всеми силами, ему Богом данными. — Если он заключил мир с Владиславом, то разведать о тайных

причинах оного. Узнать все обстоятельства и виды Австрийской Политики: имеет ли Максимилиан сильных доброжелателей в Венгрии и кого именно? не для того ли уступает оную Владиславу, чтобы воевать с Государем Французским, который, по слуху, отнимает у него невесту, Анну Бретанскую? – Ежели брак Римского Короля не состоялся, то искусным образом внушить ему, что Великий Князь, может быть, не отринет его вторичного сватовства, когда Император и Максимилиан пришлют к нему убедительную грамоту с *человеком добрым*» (то есть знатным). «В таком случае изъясниться о Вере Греческой, о церкви и Священниках. А буде Король женится на Принцессе Бретанской, то говорить о сыне его, Филиппе, или о Саксонском Курфирсте Фридерике. Наведаться также о пристойных невестах для сына Государева, Василия, из дочерей Королевских, и проч.; но соблюдать благоразумную осторожность, чтобы не повредить Государевой чести. – Заехать к саксонскому курфирсту, поднести ему в дар 40 соболей и сказать: Великий Князь благодарит тебя за охранение его Послов в земле твоей: и впредь охраняй их, равномерно и тех, которые ездят к нам из *стран Италийских*. Дозволяй художникам, твоим подданным, переселяться в Россию: за что Великий Князь готов служить тебе всем, чем изобилует земля его».

Послы наши имели письма к Герцогу Мекленбургскому, к Бургомистрам и Ратманам городов Немецких, о свободном их пропуске: в Нарве и в Ревеле они должны были вручить сии грамоты сидя. – Донесения, писанные им к Государю в пути, любопытны своею подробностью, вмеща в себе известия не только о главных делах Европейской Политики, но и купеческие: например, о дороговизне хлеба во Фландрии, где ласт ржи стоил тогда 100 червонцев. Описывая войну Максимилиана с Коро-

лем Французским, Траханиот и Яропкин говорят о союзе первого с Англиею, Шотландиею, Испаниею, Португалиею и со всеми Князьями Немецкими; о мире его с Владиславом, который обязался ему заплатить за Венгрию 100 000 червонцев, объявив Максимилиана после себя наследником; уведомляют также о походе Султанского войска в Сервию; одним словом, представляют все движения Европы очам любопытного Иоанна, который хотел быть сам одним из ее Великих Монархов.

Приплыв на корабле из Ревеля в Германию, Траханиот и Яропкин жили несколько месяцев в Любеке – не зная, куда ехать к Максимилиану, занятому тогда Французскою войною, – и для перевода Немецких бумаг, ими получаемых, приняли в Государеву службу тамошнего славного *книгопечатника* Варфоломея, который дал им клятву таить содержание оных. Они нашли Максимилиана в Коль-маре, где и были от 15 Генваря до 23 Марта. Политика его уже переменилась: сей Государь, довольный условиями заключенного с Владиславом мира, не думал более о северном союзе, употребляя все усилия против Франции. Послы наши – не сделав, кажется, ничего – возвратились в Москву в Июле 1493 года.

Таким образом прекратились на сей раз сношения Великокняжеского Двора с Империею, хотя и не имев важных государственных следствий, однако ж удовлетворив честолюбию Иоанна, который поставил себя в оных наравне с первым Монархом Европы. – Связь с Германнею доставила нам и другую существенную выгоду. Новое велелепие Двора Московского, новые кремлевские здания, сильные ополчения, Посольства, дары требовали издержек, которые истощали казну более, нежели прежняя дань Ханская. Доселе мы пользовались единственно чужими драгоценными металлами, добываемыми внешнею торговлею и меною с Сибирскими народами через

Югру: сей последний источник, как вероятно, оскудел или совсем закрылся: ибо в летописях и в договорах XV века уже нет ни слова о *серебре Закамском*. Но издавна был у нас слух, что страны полунощные, близ Каменного Пояса¹³¹, изобилуют металлами: присоединив к Московской Державе Пермь, Двинскую землю, Вятку, Иоанн желал иметь людей, сведущих в горном искусстве. Мы видели, что он писал о том к Королю венгерскому; но Траханиот, кажется, первый вывез их из Германии. В 1491 году два Немца, Иван и Виктор, с Андреем Петровым и Василием Болтиным отправились из Москвы искать серебряной руды в окрестностях Печоры. Через семь месяцев они возвратились с известием, что нашли оную, вместе с медною, на реке Цыльме, верстах в двадцати от Космы, в трехстах от Печоры и в 3500 от Москвы, на пространстве десяти верст. Сие важное открытие сделало Государю величайшее удовольствие, и с того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из своего серебра; имели и золотые деньги, или медали Российские. В собрании наших древностей хранится снимок золотой медали 1497 года с изображением Св. Николая: в надписи сказано, что *Великий Государь* вылил сей *единый талер* из золота для *Княгини* (Княжны) своей, Феодосии. На серебряных деньгах Иоаннова времени обыкновенно представлялся всадник с мечом.

Может быть, слух о новых, в северной России открытых богатых рудниках скоро дошел до Германии и возбудил там любопытство увериться в справедливости оного (Европа еще не знала Америки и, нуждаясь в драгоценных металлах, долженствовала брать живейшее участие в таком открытии): по крайней мере, в 1492 году приехал в Москву Немец Михаил Снупс с письмом к Великому Князю от Максимилиана и дяди его, Австрийского Эрцгерцога Зигмунда, княжившего в Инспру-

ке: они дружески просили Иоанна, чтобы он позволил сему путешественнику осмотреть все любопытное в нашем отечестве, учиться языку Русскому, видеть обычаи народа и приобрести знания, нужные для успехов общей Истории и Географии. Снупс, обласканный Великим Князем, немедленно изъявил желание ехать в дальнейшие страны полунощные и на восток, к берегам Оби. Иоанн усомнился и наконец решительно отказал ему. Прожив несколько месяцев в Москве, Снупс отправился назад в Германию прежним путем, чрез Ливонию, с следующим письмом от Великого Князя к Максимилиану и Зигмунду: «Из дружбы к вам мы ласково приняли вашего человека, но не пустили его в страны отдаленные, где течет река Обь, за неудобностию пути: ибо самые люди наши, ездящие туда для собрания дани, подвергаются немалым трудам и бедствиям. Мы не дозволили ему также возвратиться к вам чрез владения Польские или Турецкие: ибо не можем ответственность за безопасность сего пути. Бог да блюдет ваше здравие». Вероятно, что Иоанн опасался сего Немца как лазутчика и не хотел, чтобы он видел наши северо-восточные земли, где открылся новый источник богатства для России.

Вторым достопамятным Посольством описываемых нами времен было Датское. Если не Дания, то по крайней мере Норвегия издревле имела сношения с Новымгородом, по соседству с его северными областями. Двор Ярослава Великого служил убежищем для ее знаменитых изгнанников; Александр Невский хотел женить сына на дочери Гаконовой; мы упоминали также о договоре Норвегии с Правительством Новгородским в 1326 году: но отдаленная Москва скрывалась во мраке неизвестности для трех Северных Королевств до того времени, как Великий Князь сделался Самодержцем всей России, от берегов Волги до Лапландии. Приязнь,

бывшая между тогдашним Королем Датским, Иоанном, сыном Христиановым, и Казимиром, заставила первого нарушить долг гостеприимства в рассуждении послов Московских, когда они ехали в Любек чрез его землю: ибо Траханиот и Яропкин жаловались на претерпенные ими в ней обиды; но существенные выгоды государственные переменяли образ мыслей сего Монарха: будучи врагом Шведского правителя, он увидел пользу быть другом Великого Князя, чтобы страхом нашего оружия обуздывать Шведов, и Посол Датский (в 1493 году) заключил в Москве союз любви и братства с Россиею. Грек Дмитрий Ралев и Дьяк Зайцев отправились в Данию для размена договорных грамот.

Упомянем также о двух Посольствах Азиатских. Неизмеримая Держава, основанная завоеваниями дикого Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять в своем величии и разделилась: однако ж имя Царства Чагатайского, составленного из Бухарии и Хорасана, еще гремело в Азии: Султан Абусаид, внук Тамерланова сына, Мирана, господствовал от берегов моря Каспийского до Мультана в Индии и, в 1468 году убитый Персидским Царем Гассаном, оставил сию обширную страну в наследие сыновьям, коих междоусобие предвестило их общую гибель. Гуссеин Мирза, правнук второго Тамерланова сына, Омара, завладел Хорасаном; прославился многими победами, одержанными им над Татарами-Узбеками; любил добродетель, науки; слышал о величии Государя Российского и, желая его дружбы, в 1489 году прислал в Москву какого-то *богатыря* Уруса для заключения союза с Иоанном. Может быть, он хотел, чтобы Великий Князь, имея связь с Ногаями, возбудил их против Узбеков. Но Царство Чагатайское отжило век свой: Хан Узбекский, Шай-Бег, в начале XVI века изгнал Гуссеиновых сыновей из Хорасана, овладев и Бухарию, откуда последний

Султан Тамерланава рода, Бабор, ушел в Индостан, где судьба определила ему быть основателем Империи так называемого *Великого Могола*¹³².

Иверия, или нынешняя Грузия, искони славилась воинскою доблестью своего народа, так, что ни Персидское, ни Македонское оружие не могло поработить его; славилась также богатством (древние Аргонавты искали *златого руна* в соседственной с ней Мингрелии). Завоеванная Помпеем, она делается с того времени известною в Римской Истории, которая именует нам ее разных Царей, данников Рима. Один из них, Фарасман II, верный друг Императора Адриана, удостоился чести приносить богам жертву в Капитолии и видеть свой изваянный образ в храме Беллоны на берегу Тибра. Но далее не находим уже никаких известий о сей стране до разделения Империи; знаем только, что Христианская Вера начала там утверждаться еще со времен Константина Великого; что Св. Симеон Столпник способствовал успехам ее; что Иверия, имея всегда собственных Царей или Князей, зависела то от Монархов Персидских, то от Императоров Греческих, была покорена Моголами и в 1476 году подвластна Царю Персидскому, Узун-Гассану. Нет сомнения, что Россия издревле находилась в связи с единоверною Грузиею: Изяслав I, как известно, был женат на Княжне Абассинской, а сын Андрея Боголюбского супругом славной Грузинской Царицы, Тамари. Сия связь, прерванная нашествием Батыевым, возобновилась: Послы Князя Иверского, Александра, именем Нариман и Хоземарум, в 1492 году приехали к Иоанну требовать его покровительства. Уважаемый в Персии и в странах окрестных, Великий Князь мог действительно быть заступником своих утесненных единоверцев, которые оплакивали падение Греции и, под игом варваров закоснев в невежестве, имели нужду в советах нашего духо-

венства для Христианского просвещения. Александр в грамоте своей смиренно именуется *холопом* Иоанна, его же называет Великим Царем, *светом зеленого неба, звездою темных, надеждою Христиан, подпорою бедных, законом, истинною управою всех Государей, тишиною земли и ревностным обетником Св. Николая.*

Занимаясь делами Европы и Азии, мог ли Иоанн оставить без примечания Державу Оттоманскую, которая уже столь сильно действовала на судьбу трех частей мира? Как зять Палеологов и сын Греческой Церкви, утесняемой Турками, он долженствовал быть врагом Султанов; но не хотел себя обманывать: видел, что еще не пришло время для России бороться с ними; что здравая Политика велит ей употреблять свои юные силы на иные предметы, ближайšie к истинному благу ее: для того, заключая союзы с Венгриєю и Молдавиєю, не касался дел Турецких, имея в виду одну Литву, нашего врага естественного. Выгодная торговля купцов Московских в Азове и Кафе, управляемой Константинопольскими Пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнейшего союзника России) от Султанов и надежда вредить Казимиру через Оттоманскую Порту склоняли Иоанна к дружбе с нею: он ждал только пристойного случая и тем более обрадовался, узнав, что Султанские Паши, говоря в Белегороде с Дьяком его, Федором Курицыным, объявили ему желание их Государя искать Иоанновой приязни. Великий Князь поручил Менгли-Гирею основательно разведать о сем предложении, и Султан, Баязет II, отвечив: «Ежели Государь Московский тебе, Менгли-Гирею, брат: то будет и мне брат». Следующее происшествие служило поводом к первому государственному сношению между нами и Портою. Купцов Российских обижали в Азове и в Кафе, так что они перестали наконец ездить в Султанские владения. Паша Кафинский жаловался на то Баязе-

ту, слагая вину на Менгли-Гирея, будто бы отвратившего Россиян от торговли с сим городом; а Менгли-Гирей хотел, чтобы Иоанн оправдал его в глазах Султана. Удовлетворяя требованию оклеветанного друга и как бы единственно из снисхождения, Великий Князь написал такую грамоту к Баязету:

«Султану, *вольному* Царю Государей Турских и *Азямских*¹³³, земли и моря, Баязету, Иоанн божиею милостию единый правый, наследственный Государь всяя Руси и многих иных земель от Севера до Востока. Се наше слово к твоему Величеству. Мы не посылали людей друг ко другу спрашивать о здравии; но купцы мои ездили в страну твою и торговали, с выгодою для обеих Держав. Они уже несколько раз жаловались мне на твоих чиновников: я молчал. Наконец, в течение минувшего лета, Азовский Паша принудил их копать ров и носить камень для городского строения. Сего мало: в Азове и Кафе отнимают у наших купцов товары за полцены: в случае болезни одного из них кладут печать на имение всех: если умирает, то все остается в казне; если выздоравливает, отдают назад только половину. Духовные завещания не уважаемы: Турецкие чиновники не признают наследников, кроме самих себя, в Русском достоянии. Узнав о сих обидах, я не велел купцам ездить в твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: отчего же родилось насилие? знаешь или не знаешь оного?.. Еще одно слово: отец твой (Магомет II) был Государь Великий и славный: он хотел, как сказывают, отправить к нам Послов с дружеским приветствием; но его намерение, по воле Божией, не исполнилось. Для чего же не быть тому ныне? Ожидаем ответа. Писано в Москве, 31 Августа» (в 1492 году). – Менгли-Гирей должен был доставить сию грамоту Баязету: увидим следствие.

Тесная связь Иоаннова с Ханом Таврическим не ослабевала, утверждаемая частыми Посольствами и дарами. В 1490 году ездил в Тавриду Князь Василий Ромодановский с уверением, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду. Сия тень Батыева Царства скиталась из места в место: иногда переходила за Днепр, иногда удалялась к пределам страны Черкесской, к берегам Кумы. Тщетно сыновья Ахматовы вместе с Царем астраханским, Абдыл-Керимом, замыслили впадение в Тавриду, оберегаемую с одной стороны Россиянами, Магмет-Аминем Казанским и Ногаями, а с другой Султаном, который дал Менгли-Гирею 2000 воинов для его защиты. Крымцы отгоняли стада у Волжских Татар и в одной кровопролитной сшибке убили сына Ахматова, Едигея. – В 1492 году новый Посол Иоаннов, Лобан Колычев, убеждал Менгли-Гирея воевать Литовские владения, представляя, что Ординские Цари злодействуют ему единственно по внушениям Казимировым. Хан отвечивал: «Я с братом моим, Великим Князем, всегда один человек, и строю теперь при устье Днепра, на старом *городище*, новую крепость, чтобы оттуда вредить Польше». Сия крепость была *Очаков*, основанный на каких-то древних развалинах. Брат Ханский, Усмемир, и племянник Довлет жили у Казимира: Великий Князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить их в Россию, но не мог; в угодность ему принял также меньшего пасынка его, Абдыл-Летифа, и с честью отправил к Царю Казанскому, Магмет-Аминю. Менгли-Гирей желал еще, чтобы он дал Каширу в поместье Царевичу Мамытеку, сыну Мустафы: сие требование не было уважено, равно как и другое, чтобы Иоанн заплатил 33000 алтын, взятых Ханом в долг у жителей Кафинских для строения Очакова. «Не строением бесполезных крепостей, отдаленных от Литвы, – приказывал Великий Князь к своему

другу, – но частыми впадениями в ее земли должен ты беспокоить общих врагов наших». Хан любил дары; просил кречетов и соболей для Турецкого Султана: Государь давал, однако ж небескорыстно, и (в 1491 году) походом Воевод Московских на Улусы Золотой Орды оказав услугу Менгли-Гирею, хотел, чтобы он в знак благодарности прислал к нему свой *большой красный лал*. Заметим еще, что Хан Крымский, опасаясь Иоаннова подозрения, сносился с Царем Казанским только чрез Москву; всякую грамоту их переводили и читали Государю, который думал, что осторожность не мешает дружбе.

Так было до 1492 года, когда важная перемена случилась в Литве и переменила систему России. Несмотря на взаимную ненависть между сими двумя Державами, никоторая не хотела явной войны. Казимир, уже старый и всегда малодушный, боялся твердого, хитрого, деятельного и счастливого Иоанна, увенчанного славою побед; а Великий Князь отлагал войну по внушению государственной мудрости: чем более медлил, тем более усиливался и вернее мог обещать себе успехи; неусыпно стараясь вредить Литве, казался готовым к миру и не отвергал случаев объясняться с Королем в их взаимных неудовольствиях. С 1487 до 1492 года Литовские Послы, Князь Тимофей Мосальский, Смоленский Боярин Плюсков, Стромиллов, Хребтович и Наместник Утенский, Клочко, приезжали в Москву с разными жалобами. Со времен Витовта Удельные Князья древней земли Черниговской, в нынешних Губерниях Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы; видя наконец возрастающую силу Иоанна, склоняемые к нему единоверием и любезным их сердцу именем Русским, они начали переходить к нам с своими отчинами и для успокоения совести давали только знать Казимиру, что слагают с себя обязанность его присяжников. Уже некоторые Одо-

евские, Воротынские, Белевские, Перемышльские Князья служили Московскому Государю и вели непрестанную войну с своими родственниками, которые еще оставались в Литве. Так Василий Кривой, Князь Воротынский, опустошил несколько мест в земле Королевской. Сыновья Князя Симеона Одоевского взяли город их дяди, Феодора, Одоев; расхитили казну, пленили мать его. Дружина Князя Дмитрия Воротынского обратила в пепел многие Брянские села. Князь Иван Белевский силою принудил брата, Андрея, отложиться от Короля. Казимир жаловался, что Иоанн принимает изменников и терпит их разбои; то многие Литовские места отошли к нам; что Великие Луки и Ржева не хотят платить ему дани, и проч. Иоанн отвечивал ему на словах и чрез собственных Послов, что сии жалобы большею частию несправедливы: что Великие Луки и Ржева суть искони Новгородские области; что Казимировы подданные сами обижают Россиян; что ссорные дела должны быть решены на месте общими судьями; что Князья племени Владимирова, добровольно служив Литве, имеют право с наследственным своим достоянием возвратиться под сень их древнего отечества. Государь требовал, чтобы Казимир отпустил в Россию жену Князя Бельского, не обременял наших купцов налогами и возвратил отнятое у них насилием в его земле, казнил обидчиков, дозволил Послам Великокняжеским свободно ездить чрез Литву в Молдавию, и проч. «Государь наш, – сказал Король чиновнику Иоаннову, Яропкину, – любил требовать, а не удовлетворять: я должен следовать его примеру». Однако ж взаимно соблюдалась учтивость: Литовские Послы обедали у Государя; не только он, но и юный сын его, Василий Иоаннович, приказывал с ними дружеские поклоны к Казимиру; в знак приязни Великий Князь освободил даже многих Поляков, которые находились пленниками в Орде. В мае 1492 года

был отправлен в Варшаву Иван Никитич Беклемишев с предложением, чтобы Король отдал нам городки Хлепен, Рогачев и другие места, издревле Российские, и чтобы с обеих сторон выслать Бояр на границу для исследования взаимных обид. Но Беклемишев возвратился с известием, что Казимир умер 25 июня; что старший его сын, Алберт, сделался Королем Польским, а меньший, Александр, великим Князем Литовским.

Сей случай казался благоприятным для России: Литва, избрав себе иного властителя уже не могла располагать силами Польши, которая не имела вражды с нами и долженствовала следовать особенной государственной системе. Иоанн немедленно послал Константина Заболоцкого к Менгли-Гирею, убедить его, чтобы он воспользовался смертью Короля и шел на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочует в отдаленных восточных пределах и не опасна для Тавриды; что ему никогда не будет лучшего времени отмстить Казимировым сыновьям за все злые козни отца их. – Другой Великокняжеский чиновник, Иван Плещеев, отправился к Стефану Молдавскому, вероятно, с такими же представлениями. Начались и неприятельские действия с нашей стороны: Князь Федор Телепня-Оболенский, вступив с полком в Литву, разорил Мценск и Любутск; Князья Перемышльские и Одоевские, служащие Иоанну, пленили в Мосальске многих жителей, наместников и Князей с их семействами; другой отряд завоевал Хлепен и Рогачев.

Между тем новый Государь Литовский, Александр, всего более желал мира с Россиею, от юных лет слышав непрестанно о величии и победах ее самодержца. Вернейшим средством снискать Иоаннову приязнь казалось ему супружество с одною из его дочерей, и Наместник Полоцкий, Ян, писал о том к первому Воеводе Московскому, Князю Ивану Юрьевичу, представляя, что

Россия и Литва наслаждались счастливым миром, когда дед Иоаннов, Василий Димитриевич, совокупился браком с дочерию Витовта. Скоро явилось в Москве и торжественное Посольство Литовское. Пан Станислав Глебович, вручив верующую грамоту, объявил Иоанну о смерти Казимира, о восшествии Александра на престол и требовал удовлетворения за разорение Мценска и других городов. Ему ответствовали, что мы должны были отмстить Литве за грабежи ее подданных; что пленники будут освобождены, когда Александр удовольствуется всех обиженных Россиян, и проч. Станислав, пируя у Воеводы Московского, Князя Ивана Юрьевича, в веселом разговоре упомянул о сватовстве: он был нетрезв и для того не получил ответа; а на другой день сказал, что Литовские Сенаторы желают сего брака, но что ему велено тайно разведать о мыслях Великого Князя. Дело столь важное требовало осторожности: не входя ни в какие изъяснения, послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренний, вечный мир, прежде нежели говорить о сватовстве; что мир легко может быть заключен, если Правительство Литовское удержится от *лишних речей* и требований неосновательных. То же написал и Князь Иван Юрьевич к Наместнику Полоцкому.

Станислав уехал из Москвы, и неприятельские действия продолжались. Князя Воротынские, Симеон Федорович с племянником Иваном Михайловичем, вступив в нашу службу, засели города Литовские, Серпейск и Мещовск: Воевода Смоленский, Пан Юрий, и Князь Симеон Можайский выгнали их оттуда; но Государь послал сильное войско, Московское и Рязанское, которое взяло приступом Серпейск и городок Опаков; а Мещовск сдался. В числе пленников находились многие знатные Смоляне и Паны двора Александра. Другое наше войско покорило Вязьму: ее Князя, присягнув

Государю, остались в наследованном владении; также и Князь Мезецкий, выдав Иоанну своих двух братьев, сосланных в Ярославль за их усердие к Литве. Князья Воротынские завоевали Мосальск.

В сие время открылось в Москве гнусное злоумышление, коего истинный виновник уже тлел во гробе, но которое едва не исполнилось и не пресекло славного течения Иоанновой жизни. Никогда выгода государственная не может оправдать злодеяния; нравственность существует не только для частных людей, но и для Государей: они должны поступать так, чтобы правила их деяний могли быть общими законами. Кто же устави́т, что Венценосец имеет право тайно убить другого, находя его опасным для своей Державы: тот разрушит связь между гражданскими обществами, устави́т вечную войну, беспорядок, ненависть, страх, подозрение между ими, совершенно противные их цели, которая есть безопасность, спокойствие, мир. Не так рассуждал отец Александров, Казимир: он подослал к Иоанну Князя Ивана Лукомского, племени Владимирова, с тем, чтобы злодейски убить или отравить его. Лукомский клялся исполнить сие адское поручение, привез с собою в Москву яд, составленный в Варшаве, и, будучи милостиво обласкан Государем, вступил в нашу службу; но какою-то счастливою нескромностию обнаружил свой умысел: его взяли под стражу; нашли и яд, коим он хотел умертвить Государя, чтобы сдержать данное Казимиру слово. Злодейство столь необыкновенное требовало и наказания чрезвычайного: Лукомского и единомышленника его, Латинского толмача, Поляка Матиаса, сожгли в клетке на берегу Москвы-реки. Князь Феодор Бельский также впал в подозрение и был сослан в Галич: ибо Лукомский доказывал, что сей легкомысленный родственник Казимиров хотел тайно уехать от нас в Литву. Открылись и

другие преступники, два брата, Алексей и Богдан Селевины, граждане Смоленские: будучи пленниками в Москве, они жили на свободе, употребляли во зло доверенность Государеву к их честности, имели связь с Литвою и посылали вести к Александру Литовскому. Богдана засекли кнутом до смерти: Алексею отрубили голову.

Такое происшествие не могло расположить Иоанна к миру: он непрестанно побуждал Менгли-Гирея воевать Литву. Посол Александра, Князь Глинский, находился тогда в Крыму и требовал, чтобы Хан снес город Очаков, построенный им на Литовской земле. В угодность Великому Князю Менгли-Гирей задержал Глинского, зимою подступил к Киеву и выжег окрестности Чернигова, но за разлитием Днепра возвратился в Перекоп. Между тем Воевода Черкасский, Богдан, разорил Очаков, к великой досаде Хана, истратившего 150 000 алтын на строение оною. «Мы ничего важного не сделаем врагам своим, если не будем иметь крепости при устье Днепра», – писал Менгли-Гирей к Великому Князю, уведомляя, что Александр посредством Султана Турецкого предлагал ему мир и 13 500 червонцев за Литовских пленников, но что он, как верный союзник Иоаннов, не хотел о том слышать; что сей новый Государь Литовский, следуя политике отца, возбуждает Ахматовых сыновей против Тавриды и России; что Царь Ординский, Шиг-Ахмед, женатый на дочери Ногайского Князя Мусы и за то сверженный с престола, опять царствует вместе с братом Сеид-Махмутом; что войско Крымское всегда готово идти на них и на Литву, и проч. В самом деле Менгли-Гирей не престававал тревожить Александровых владений набегами и грабежом.

Новый союзник представился Иоанну, Владетельный Князь Мазовецкий, Конрад, племени древних Венценосцев Польских. Будучи тогда врагом сыновей Казимировых, он желал вступить в тесную связь с Россиею и при-

слал в Москву Варшавского Наместника, Ивана Подосю, сватать за него одну из дочерей Великого Князя. Сей брак казался пристойным и выгодным для нашей Политики; но Государь не хотел вдруг изъявить согласия и сам отправил Послов в Мазовию для заключения предварительного договора с ее Князем: 1) о вспоможении, которое он дает России против сыновей Казимировых; 2) о назначении вена для будущей супруги его: то есть Иоанн требовал, чтобы она имела в собственном владении некоторые города и волости в Мазовии. – Не знаем, с каким ответом возвратились Послы; но сие сватовство не имело дальнейших следствий, вероятно, от перемены обстоятельств.

Если и Казимир, Государь Литвы и Польши, опасался войны с Иоанном, то Александр, властвуя единственно над первою и не уверенный в усердной помощи брата, мог ли без крайности отважиться на кровопролитие? Менгли-Гирей опустошал, Стефан Молдавский грозил, заключив тесный союз между собою посредством Иоанна и следуя его указаниям. Но всего опаснее был сам Великий Князь, именем отечества и единоверия призывая к себе всех древних Россиян, которые составляли большую часть Александровых подданных. Уже Москва расширила свои пределы до Жиздры и самого Днепра, действуя не столько мечом, сколько приманом. В городах, в селах и в битвах страшились измены. – Итак, Александр решительно хотел искреннего, вечного мира.

Не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбие Иоанна; все ему благоприятствовало: он имел сильное, опытное войско, друзей в Литве и счастье, важное в делах человеческих; видел ее боязнь и слабость; мог обещать себе редкую славу и даже Христианскую заслугу, то есть возратить отечеству лучшую его половину, а Церкви шесть или семь знаменитых Епархий, насилем Латинским отторженных от ее истинного, общего

Пастырства. Но мы знаем характер Иоаннов, для коего умеренность была законом в самом счастье; знаем ум его, который не любил отважности, кроме необходимой. Властвовав уже более тридцати лет в непрестанной и часто беспокойной деятельности, он хотел тишины, согласной с достоинством Великого Монарха и благом Державы. Вообще люди на шестом десятилетии жизни редко принимают трудное и менее обольщаются успехами отдаленными. Покушение завоевать всю древнюю южную Россию возбудило бы против нас не только Польшу, но и Венгрию, и Богемию, где царствовал брат Александров, Владислав; надлежало бы воевать долго и не распускать полков: что казалось тогда невозможностию. Союз Хана Крымского и Стефана Великого, полезный для усмирения Литвы, не мог быть весьма надежен в усильном боре-нии с сими тремя Государствами. Менгли-Гирей зависел от Султана, готового иногда оказывать услуги Венгрии и Польше: хотя не изменял Иоанну, однако ж не во всем удовлетворял ему: например, без его ведома освободил Глинского, ссылался с Александром и действовал против Литвы слабо, недружно. Стефан же имел более ума и мужества, нежели сил, истощаемых им в войнах с Турками. — Заметим наконец, что время уже приучило Северную Россию смотреть на Литовскую как на чуждую землю; в обычаях и нравах сделалась перемена, и связь единородства ослабела. Иоанн, отняв у Литвы некоторые области, был доволен сим знаком превосходства сил и лучше хотел миром утвердить приобретенное, нежели войною искать новых приобретений.

Вслед за Литовскими Послами, бывшими в Москве, Великий Князь отправил Дворянина Загряского к Александру, с объявлением, что отчины Князей Воротынских, Белевских, Мезецких и Вяземских, служащих Государю, будут впредь частию России, и что Литовское правитель-

ство не должно вступаться в оные. В верующей грамоте, данной Загряскому, Иоанн по своему обыкновению назвал себя Государем *всей России*. Сей Посол имел также письмо от юного сына Иоаннова, Василия, к изгнаннику, Князю Василию Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться в Москву: ибо Великая Княгиня Софья исходатайствовала ему прощение. В Вильне отвечали Загряскому, что новые Послы Александровы будут в Москву: они действительно приехали в исходе Июня с требованием, чтобы Иоанн не только отдал их Государю все захваченные Россиянами Литовские области, но и казнил виновников сего насилия; сверх того изъявили негодование, что Великий Князь употребляет в грамотах титул *новый и высокий*, именуясь Государем *всей России* и многих земель: а в заключение сказали Воеводе Московскому, Ивану Юрьевичу, что Александр, по желанию Сенаторов Литовских, готов начать переговоры о вечном мире. Ответ Иоанновых Бояр состоял в следующем: «Князья Воротынские и другие искони были слугами наших Государей. Пользуясь *невзгодю России*, Литва завладела их странами: теперь иные времена. – Великий Князь не пишет в грамотах своих ничего *высокого*, а называется Властителем земель, данных ему Богом».

В Генваре 1494 году *Великие Послы* Литовские, Воевода Троцкий, Петр Янович Белой и Станислав Гастольд, Староста Жмудский, прибыли в Москву для заключения мира. Они хотели возобновить договор Казимиров с Василием Темным, а наши Бояре древнейший Ольгердов с Симеоном Гордым и отцем Донского. Первые уступали Иоанну Новгород, Псков и Тверь в вечное потомственное владение, но требовали всех иных городов, коими завладели Россияне в новейшие времена. «Вы уступаете нам не свое, а наше», – сказали Бояре. Спорили долго, хитрили и несколько раз прерывали сношения; наконец

согласились, чтобы Вязьма, Алексин, Тешилов, Рославль, Венев, Мстислав, Торуса, Оболенск, Козельск, Серенск, Новосиль, Одоев, Воротынский, Перемышль, Белев, Мещера остались за Россию; а Смоленск, Любутск, Мценск, Брянск, Серпейск, Лучин, Мосальск, Дмитров, Лужин и некоторые иные места по Угру за Литвою. Князьям Мезецким, или Мещовским, дали волю служить, кому они хотят. Александр обещал признать Великого Князя *Государем всей России*, с тем, чтобы он не требовал Киева. Тогда Послы Литовские, вторично представленные Иоанну, начали дело сватовства, и Государь изъявил согласие выдать дочь свою, Елену, за Александра, взяв слово, что он не будет нудить ее к перемене Веры. На другой день, Февраля 6, в комнатах у Великой Княгини Софии они увидели невесту, которая чрез Окольникового спросила у них о здоровье будущего супруга. Тут, в присутствии всех Бояр, совершилось обручение. Станислав Гастольд заступал место жениха, ибо старшему послу, Воеводе Петру, *имевшему вторую жену*, не дозволили быть действующим в сем обряде. Иереи читали молитвы. Обменялись перстнями и крестами, висящими на золотых цепях.

Февраля 7 Послы именем Александра присягнули в верном соблюдении мира; а Великий Князь целовал крест в том же. Главные условия договора, написанного на хартии с золотою печатю, были следующие: «1) Жить обоим Государям и детям их в вечной любви и помогать друг другу во всяком случае; 2) владеть каждому своими землями по древним рубежам; 3) Александру не принимать к себе Князей Вяземских, Новосильских, Одоевских, Воротыньских, Перемышльских, Белевских, Мещерских, Говдыревских, ни Великих Князей Рязанских, остающихся *на стороне* Государя Московского, коему и решить их спорные дела с Литвою; 4) двух Князей Мезецких, сосланных в Ярославль, освободить; 5) в

случае обид выслать общих судей на границу; 6) изменников Российских, Михаила Тверского, сыновей Князя Можайского, Шемяки, Боровского, Верейского, никуда не отпускать из Литвы: буде же уйдут, то вновь не принимать их; 7) Послам и купцам ездить свободно из земли в землю», и проч. – Сверх того Послы дали слово, что Александр обяжется грамотою не беспокоить супруги в рассуждении веры. Они три раза обедали у Государя и получили в дар богатые шубы с серебряными ковшами. Отпуская их, Великий Князь сказал изустно: «Петр и Станислав! милостию Божиею мы утвердили дружбу с зятем и братом Александром; что обещали, то исполним. Послы мои будут свидетелями его клятвы».

Для сего Князь Василий и Симеон Рязановские, Михайло Яропкин и Дьяк Федор Курицын были посланы в Вильну. Александр, присягнув, разменялся мирными договорами; написал также грамоту о Законе будущей супруги, но впустил слова: «Если же Великая Княгиня Елена сама захочет принять Римскую Веру, то ее воля». Сие дополнение едва не остановило брака: Иоанн гневно велел сказать Александру, что он, по-видимому, не хочет быть его зятем. Бумагу переписали, и чрез несколько месяцев явилось в нашей столице Великое Посольство Литовское. Воевода Виленский, Князь Александр Юрьевич, Князь Ян Заберезенский, Наместник Полоцкий, Пан Юрий, Наместник Брянславский, и множество знатнейших Дворян приехали за невестою, блистая великолепием в одежде, в услуге и в украшении коней своих. В верующей грамоте Александр именовал Великого Князя отцом и тестем. Выслушав речь Посольскую, Иоанн сказал: «Государь ваш, брат и зять мой, восхотел прочной любви и дружбы с нами: да будет! Отдаем за него дочь свою. – Он должен помнить условие, скрепленное его печатью, чтобы дочь наша не переменяла Закона ни в каком случае,

ни принужденно, ни собственною волею. – Скажите ему от нас, чтобы он дозволил ей иметь придворную церковь Греческую. Скажите, да любит жену, как Закон Божественный повелевает, и да веселится сердце родителя счастьем супругов! – Скажите от нас Епископу и Панам вашей Думы Государственной, чтобы они утверждали Великого Князя Александра в любви к его супруге и в дружбе с нами. Всевышний да благословит сей союз!»

Генваря 13 Иоанн, отслушав Литургию в Успенском храме со всем Великокняжеским семейством и с Боярами, призвал Литовских Вельмож к церковным дверям, вручил им невесту и проводил до саней. В Дорогомилове Елена остановилась и жила два дня: брат ее, Василий, угостил там Панов роскошным обедом; мать ночевала с нею, а Великий Князь два раза приезжал обнять любезную ему дочь, с которою расставался навеки. Он дал ей следующую записку: «Память Великой Княжне Елене. В божницу Латинскую не ходить, а ходить в Греческую церковь: из любопытства можешь видеть первую или монастырь Латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и не прикажет тебе идти с собою в божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь». – Невесту провожали Князь Симеон Ряполовский, Боярин Михайло Яковлевич Русалка и Прокофий Зиновьевич с женами, Дворецкий Дмитрий Пешков, Дьяк и Казначей Василий Кулешин, несколько Окольничих, Стольников, Конюших и более сорока знатных Детей Боярских. В тайном наказе, данном Ряполовскому, велено было требовать, чтобы Елена венчалась в Греческой церкви, в Русской одежде, и при совершении брачного обряда на вопрос Епископа о любви ее к Александру ответствовала: *люб ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болезни, кроме Закона; держать мне Греческий, а ему не нудить меня к Римскому.* Иоанн

не забыл ничего в своих предписаниях, назначая даже, как Елене одеваться в пути, где и в каких церквах петь молебны, кого видеть, с кем обедать и проч.

Ее путешествие от пределов России до Вильны было веселым торжеством для народа Литовского, который видел в ней залог долговременного, счастливого мира. В Смоленске, Витебске, Полоцке Вельможи и Духовенство встречали ее с дарами и с любовью, радуясь, что кровь Св. Владимира соединяется с Гедиминовою; что Церковь Православная, сирая, безгласная в Литве, найдет ревностную покровительницу на троне; что сим брачным союзом возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александр выслал знатнейших чиновников приветствовать Елену на пути и сам встретил ее за три версты от Вильны, окруженный двором и всеми Думными Панами. Невеста и жених, ступив на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку друг другу, сказали несколько ласковых слов и вместе въехали в столицу, он на коне, она в санях, богато украшенных. Невеста в Греческой церкви Св. Богоматери отслушала молебен: Боярыни Московские расплели ей косу, надели на голову кичу с покрывалом, осыпали ее хмелем и повели к жениху в церковь Св. Станислава, где венчал их, на бархате и на соболях, Латинский Епископ и наш Священник Фома. Тут был и Виленский Архимандрит Макарий, Наместник Киевского Митрополита; но не смел читать молитв. Княгиня Ряполовская держала над Еленою венец, а Дьяк Кулешин скляницу с вином. — По совершении обрядов Александр торжественно принял Бояр Иоанновых; начались веселые пиры: открылись и взаимные неудовольствия.

Давно замечено Историками, что редко брачные союзы между Государями способствуют благу Государств: каждый Венценосец желает употребить свойство себе в пользу; вместо уступчивости рождаются новые требова-

ния, и тем чувствительнее бывают отказы. Кажется, что Иоанн и Александр в сем случае не хотели обмануть друг друга, но сами обманулись: по крайней мере первый действовал откровеннее, великодушнее, как должно сильнейшему; не уступал, однако ж и не мыслил коварствовать, с прискорбием видя, что надежда обеих Держав не исполнилась и что свойство не принесло ему мира надежного.

Еще во время сватовства Александр с досадою писал в Москву о новых обидах, делаемых Россиянами Литве: Иоанн обещал управу; но сам был недоволен тем, что Александр именовал его в грамотах только Великим Князем, а не *Государем всей России*. Весною приехал из Литвы Маршалок Станислав¹³⁴ с брачными дарами: вручив их Государю и семейству его, он жаловался ему на Молдавского Воеводу, Стефана, разорившего город Бряславль, и на Послов Московских, Князя Ряполовского и Михайла Русалку, которые, едучи из Вильны в Москву, будто бы грабили жителей; требовал еще, чтобы все Российские чиновники, служащие Елене, были отозваны назад: «ибо она имеет довольно своих подданных для услуги». Иоанн обещал примирить Стефана с зятем; но досадовал, что Александр не позволил ни православному Епископу, ни Архимандриту Макарию венчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь Греческого Закона, удалил от нее почти всех Россиян и весьма худо содержит остальных. Жалоба на Московских Послов была клеветою: напротив того, они дорогою терпели во всем недостаток. — Отпустив Станислава, Великий Князь послал гонца в Вильну навеститься о здоровье Елены и дал ему два письма: одно с обыкновенными приветствиями, а другое с тайными наставлениями, желая, чтобы она не имела при себе чиновников, ни слуг Латинской Веры, и никак не отпускала наших Бояр, из коих главным был тогда Князь Василий Ромодановский, при-

сланный в Вильну с женою. Для переписки с родителями Елена употребляла Московского Подьячего и должна была скрывать оную от супруга: положение весьма опасное и неприятное! Юная Великая Княгиня, одаренная здравым смыслом и нежным сердцем, вела себя с удивительным благоразумием и, сохраняя долг покорной дочери, не изменяла мужу, ни государственным выгодам ее нового отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашние неудовольствия и старалась утвердить его в союзе с Александром. В сие время разнесся слух в Вильне, что Хан Менгли-Гирей идет на Литву: Елена вместе с супругом писала к Иоанну, чтобы он, исполняя договор, защитил их; о том же писала и к матери в выражениях убедительных и ласковых.

Великий Князь находился в обстоятельствах затруднительных: без ведома и без участия Менгли-Гиреева вступив в тесный союз с Александром, их бывшим неприятелем, он известил Хана Таврического о сем важном происшествии, уверяя его в неизменной дружбе своей и предлагая ему также помириться с Литвою. Ответ Менгли-Гиреев, сильный искренностию и прямотою, содержал в себе упреки, отчасти справедливые. «С удивлением читаю твою грамоту, – писал Хан к Государю: – ты ведаешь, изменял ли я тебе в дружбе, предпочитал ли ей мои особенные выгоды, усердно ли помогал тебе на врагов твоих! *Друг и брат великое дело; не скоро добудешь его*, так я мыслил и жег Литву, громил Улусы Ахматовых сыновей, не слушал их предложений, ни Казимировых, ни Александровых: что ж моя награда? Ты стал другом наших злодеев, а меня оставил им в жертву!.. Сказал ли нам хотя единое слово о своем намерении? Не рассудил и подумать с твоим братом!» Однако ж Менгли-Гирей все еще держался Великого Князя и даже снова клялся умереть его верным союзником; не отвергал и мира с Лит-

вою, требуя единственно, чтобы Александр удовлетворил ему за понесенные им в войне убытки.

И так Иоанн мог бы легко примирить зятя с Ханом; но прежде надлежало удостовериться в искренней дружбе первого: ответствуя ему, что договор с нашей стороны будет исполнен и что войско Российское готово защитить Литву, если Менгли-Гирей не согласится на мир, Иоанн послал в Вильну Боярина Кутузова с требованием, чтобы Александр непременно позволил супруге своей иметь домовую церковь, не принуждал ее носить Польскую одежду, не давал ей слуг Римского исповедания, писал в грамотах весь титул Государя согласно с условием, не запрещал вывозить серебра из Литвы в Россию и чтобы наконец отпустил в Москву жену Князя Бельского. В угодность зятю Великий Князь отозвал из Вильны Бояр Московских, коих Александр считал опасными доносителями и ссорщиками: остались при Елене только Священник Фома с двумя Крестовыми Дьяками и несколько Русских поваров. Несмотря на то, зять не хотел исполнить ни одного из требований Иоанновых, ответствуя на первое, что устав предков его запрещает строить вновь церкви нашего исповедания и что Елена может ходить в приходскую, которая недалеко от дворца. «Какое мне дело до ваших уставов? – возражал Государь: – у тебя супруга Православной Веры, и ты обещал ей свободу в богослужении». Но Александр упрямылся; не отпустил даже и Княгини Бельской, говоря, что она сама не едет в Россию. К сим досадам он присовокупил новую. Султан Турецкий, Баязет, получив грамоту Великого Князя и строго запретив утеснять купцев наших, торгующих в Кафе и Азове, немедленно отправил в Москву Посла с дружественными уверениями: Александр велел ему и бывшим с ним Константинопольским гостям возвратиться из Киева в Турцию, приказав к Иоанну, что ни-

когда Султанские Послы не езжали в Россию чрез Литву и что они могут быть лазутчиками.

Однако ж Великий Князь еще изъявлял доброхотство зятю и дал ему знать, что Стефан Молдавский и Менгли-Гирей соглашаются жить в мире с Литвою. Сего не довольно: услышав, что Александр, по совету Думных Панов, готов отдать в Удел меньшую брату, Сигизмунду, Киевскую область, Иоанн писал к Елене, чтобы она всячески старалась отвратить мужа от намерения столь вредного. Повторим собственные слова его: «Я слышал о неустройствах, какие были в Литве от Удельного правления. И ты слыхала о наших собственных бедствиях, произведенных разновластием в княжение отца моего; помнишь, что и сам я терпел от братьев. Чему быть доброму, когда Сигизмунд делается у вас особенным Государем? Советую, ибо люблю тебя, милую дочь свою; не хочу вашего зла. Если будешь говорить мужу, то говори единственно от себя». В сем случае Иоанн явил образ мыслей, достойный Монарха сильного и великодушного: имел досаду на зятя, но как искренний друг предостерегал его от гибельной погрешности, несмотря на то, что Россия могла бы воспользоваться ею.

Сие великодушие, по-видимому, не тронуло Александра: он с грубостию отвечивал, что не видит расположения к миру в наших союзниках, Менгли-Гирее и Стефана, непрестанно враждующих Литве; что тесть указывает ему в его делах и не дает никакой управы. Огорченный Великий Князь, жалуясь Елене на мужа ее, спрашивал, для чего он не хочет жить с ним в любви и братстве? «Для того, – писал Александр к тестю, – что ты завладел многими городами и волостями, издавна Литовскими; что пересылаешься с нашими недругами, Султаном Турецким, Господарем Молдавским и Ханом Крымским, а доселе не помирил меня с ними, вопреки

нашему условию иметь одних друзей и неприятелей; что Россияне, невзирая на мир, всегда обижают Литовцев. Если действительно желаешь братства между нами, то возврати мое и с убытками, запрети обиды и докажи тем свою искренность: союзники твои, увидев оную, престанут мне злодействовать». Елена в сей грамоте приписала только поклон родителю.

Все неудовольствия Александровы происходили, кажется, оттого, что он жалел о городах, уступленных им России, и с прискорбием оставлял Елену Греческою Христианкою. Иоанн не отнял ничего нового у Литвы после заключенного договора; видя же упрямство, несправедливость и грубости зятя, брал свои меры. Боярин Князь Звенец поехал к Менгли-Гирею: извиняясь, что за худою зимнею дорогою не уведомил его вовремя о сватовстве Александровом, Иоанн убеждал Хана забыть прошедшее. «Не требую, – говорил он, – но соглашаюсь, чтобы ты жил в мире с Литвою; а если зять мой будет опять тебе или мне врагом, то мы восстанем на него общими силами». Вероятно, что Иоанн таким же образом писал и к Стефану Молдавскому: по крайней мере сии два союзника России не спешили мириться с Александром, и Великий Князь в случае войны мог надеяться на их усердную помощь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

Годы 1495–1503

Заложен Иваньгород. Гнев Вел. Князя на Ливонских Немцев и заключение всех купцов Ганзейских в России. Союз с Даниею. Едина с Шведами. Иоанн в Новгороде. Поход на Гамскую землю, или Финляндию. Дела Казанские. Первое наше Посольство в

Константинополь. Рязанская Княгиня в Москве и выдает дочь за Бельского. Гнев Иоаннов на супругу и сына, Василия. Великий Князь торжественно венчает на Царство внука своего, юного Димитрия Иоанновича; мирится с супругою, казнит Бояр и называет Василия вел. Князем Новагорода и Пскова. Посол из Шемахи. Посольство в Венецию и в Константинополь. Завоевание земли Югорской, или северо-западной Сибири. Послан Воевода в Казань. Разрыв с Литвою. Князья Черниговский и Рыльский поддаются Иоанну. Завоевание Муценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевские добровольно покоряются. Местничество наших Воевод. Битва на берегах Ведроши. Хан Крымский опустошает Литву и Польшу. Союз Александра с Ливонским Орденом. Переговоры о мире. Александр избран в Польские Короли. Новая победа над Литвою близ Мстиславля. Война с Орденом. Сражение близ Изборска. Болезнь в Ливонской рати. Россияне опустошают Ливонию. Царь Большой Орды, Шиг-Ахмет, помогает Литве. Хан Крымский совершенно истребляет сии остатки Батыева Царства. Александр вероломно заключает Шиг-Ахмета. Досада Хана Крымского на Великого Князя. Иоанн, заключив невестку и внука, объявляет Василия наследником. Разрыв с Стефаном Молдавским. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва с Магистром Ливонским близ Пскова. Папа старается о мире. Перемирие с Литвою и с Орденом. Хитрость Вел. Князя. Александр безрассудно досаждает ему.

Имея Литву главным предметом своей Политики, Государь с тою же деятельностью занимался и другими внешними делами, важными для чести и безопасности России. Он велел в 1492 году заложить каменную крепость против Нарвы, на Девичьей горе, с высокими башнями, и назвал ее, по своему имени, *Иваньгород*¹³⁵, к великому беспокойству Ливонских Немцев, которые однако ж

не могли ему в том воспрепятствовать и в 1493 году продолжили мир с Россией на десять лет. Чрез несколько месяцев – так пишет Немецкий Историк – «всемирно сожгли в Ревеле одного Россиянина, уличенного в гнусном преступлении, и легкомысленные из тамошних граждан сказали его единоземцам: *мы сожгли бы и вашего Князя, если бы он сделал у нас то же*. Сии безрассудные слова, пересказанные Государю Московскому, возбудили в нем столь великий гнев, что он изломал трость свою, бросил на землю и, взглянув на небо, грозно произнес: *Бог суди мое дело и казни дерзость*. А наш Летописец говорит, что Ревельцы обижали купцов Новгородских, грабили их на море, без обсылки с Иоанном и без исследования варили его подданных в котлах, делая несносные грубости Послам Московским, которые ездили в Италию и в Немецкую землю. Раздраженный Государь требовал, чтобы Ливонское Правительство выдало ему Магистрат Ревельский, и, получив отказ, велел схватить Ганзейских купцов в Новгороде: их было там 49 человек, из Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга. Мюнстера, Дортмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали Немецкие гостинные дворы, лавки и божницу; отняли и послали в Москву все товары, ценою на миллион гульденов; заключили несчастных в тяжкие оковы и в душные темницы. Весть о сем бедственном случае произвела тревогу во всей Германии. Давно не бывало подобного: Новгород в самых пылких ссорах с Ливонским Орденом щадил купцов Ганзейских, имея нужду во многих вещах, ими доставляемых России: ибо они привозили к нам не только Фламандские сукна и другие Немецкие рукоделия, но и соль, медь, пшеницу. Ганза находилась тогда на вышней степени ее силы и богатства. Новгородская контора сего достопамятного купеческого союза издавна считалась матерью других: удар столь же-

стокий произвел всеобщее замешательство в делах оно-го. Послы Великого Магистра, семидесяти городов Немецких и зятя Иоаннова, Александра, приехали в Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобождения купцов, предлагая с обеих сторон выслать судей на остров реки Наровы для разбора всех неудовольствий. Миновало более года: заключенные томились в темницах. Наконец Государь умилился и велел отпустить их: некоторые умерли в оковах, другие потонули в море на пути из Ревеля в Любек; немногие возвратились в отечество, и все лишились имения: ибо им не отдали товаров. Сим пресекалась торговля Ганзейская в Новгороде, быв для него источником богатства и самого гражданского просвещения в то время, когда Россия, омраченная густыми тенями варварства Могольского, сим одним путем сообщалась с Европою. Иоанн без сомнения сделал ошибку, Последовав движению гнева; хотел исправить оную и не мог: Немецкие купцы уже страшались вверять судьбу свою такой земле, где единое мановение грозного Самовластителя лишало их вольности, имения и жизни, не отличая виновных от невинных. Любек, Гамбург и другие союзные города, пострадав за Ревель, имели причину жаловаться на жестокость Иоанна, который думал только явить гнев и милость, в надежде, что Немцы, смиренные наказанием, с благодарностию возвратятся на свое древнее торжище: чего однако ж не случилось. Люди охотнее подвергаются морским волнам и бурям, нежели беззаконному насилию правительств. Дворы, божница, лавки Немецкие опустели в Новгороде; торговля перешла оттуда в Ригу, Дерпт и Ревель, а после в Нарву, где Россияне менялись своими произведениями с чужестранными купцами.

Так Великий Князь в порыве досады разрушил благое дело веков, к обоюдному вреду Ганзы и России, в противность собственному его всегдашнему старанию быть

в связи с образованною Европою. Некоторые Историки умствуют, что Иоанн видел в Ганзейских купцах проповедников народной вольности, питающих дух мятежа в Новгороде, и для того гнал их; но сия мысль не имеет никакого исторического основания и не согласна ни с духом времени, ни с характером Ганзы, которая думала единственно о своих торговых выгодах, не вмешиваясь в политические отношения граждан к Правительству, и, несмотря на покорение Новгорода, еще несколько лет купечествовала там свободно. Другие пишут, что Великий Князь сделал то в угождение Королю Датскому, ее неприятелю; что они условились вместе воевать Швецию; что Король уступал Иоанну знатную часть Финляндии, требуя уничтожения Ганзейской конторы в Новгороде. Сии два Монарха действительно заключили между собою тесный союз. Наши Послы возвратились из Копенгагена с новым Послом Датским, и скоро Воеводы Российские, Князь Щеня, Боярин Яков Захарьевич, Князь Василий Федорович Шуйский, осадили Выборг. Приготовления и силы наши были велики. Желая изъять особенное усердие, Псковитяне с каждых десяти сох поставили вооруженного всадника и на шумном Вече обесчестили многих Иереев, которые доказывали Номоканоном, что жители церковных сел не должны участвовать в земских ополчениях. Но Россияне около трех месяцев стояли под Выборгом и не могли взять его. Уверяют, что тамошний начальник, храбрый витязь Кнут Поссе, видя их уже на стене крепости, зажег башню, где лежал порох: она с ужасным треском взлетела на воздух, а с нею и множество Россиян; другие, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; остальные бежали, гонимые страхом и мечом осажденных. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жил в памяти Финнов под именем *Выборгского треска* и прославил мнимое волшебное искусство Кнута Поссе.

Воеводы наши удовольствовались только опустошением сел на пространстве тридцати или сорока миль.

Желая распорядить на месте военные действия, Иоанн сам ездил в Новгород со внуком Димитрием и сыном Юрием, оставив старшего сына, Василия, в Москве. Уже сей город не имел ни прежнего многолюдства, ни величавых Бояр, ни купцев именитых; но Архиепископ Геннадий и Наместники старались пышною встречей удовлетворить вкусу Иоаннову ко всему торжественному: Святитель, Духовенство, чиновники, народ ждали Государя на Московской дороге; радостные восклицания провождали его до Софийской церкви: он обедал у Геннадия со Двором своим, который состоял из осьми Бояр Московских, четырех Тверских, трех Окольных, Великого Дворецкого, Постельничего, Спальничего, трех Дьяков, пятидесяти Князей и многих Детей Боярских.

Воеводы, Князь Василий Косой, Андрей Федорович Челяднин, Александр Владимирович Ростовский и Дмитрий Васильевич Шеин, посланные на *Гамскую землю, Ямь*, или Финляндию, разбили 7000 Шведов. Сам Государственный правитель, Стен Стур, находился в Або, имея сорок тысяч воинов, и хотел встретить Россиян в поле; но дал им время уйти назад с добычею и пленниками. Иоанн возвратился в Москву, приказав двум братьям, Князьям Ивану и Петру Ушатым, собрать войско в области Устюжской, Двинской, Онежской, Вагской и весною идти на Каянию или *на десять рек*¹³⁶. Сей поход имел важнейшее следствие: Князья Ушатые не только разорили всю землю от Корелии до Лапландии, но и присоединили к Российским владениям берега Лименги, коих жители отправили Посольство к Великому Князю в Москву и дали клятву быть его верноподданными. За то Шведский чиновник, Свант Стур, с двумя тысячами воинов и с огнестрельным снарядом приплыв на семидесяти легких судах из Сток-

гольма в реку Нарову, взял Иваньгород. Тамошний начальник, Князь Юрий Бабич, первый ушел из крепости; а Воеводы, Князя Иван Брюхо и Гундоров, стояли недалеко оттуда с полком многочисленным, видели приступ Шведов и не дали никакой помощи гражданам. Зная, что ему нельзя удержать сего места, Свант уступал оно Ливонскому рыцарству; но Магистр отказался от приобретения столь опасного. Шведы разорили часть крепости и спешили удалиться с тремястами пленников.

[1496 г.] Война кончилась тем, что Король Датский, друг Иоаннов, сделался Государем Швеции¹³⁷ согласно с желанием ее Сената и Духовенства. Он старался всячески соблюсти приязнь Великого Князя и, может быть, отдал ему некоторые места в Финляндии. Два раза (в 1500 и в 1501 году) Послы его были в Москве, а наши в Дании, вероятно, для утверждения бесспорных границ между обеими Державами. Финляндия наконец отдохнула, претерпев ужасные бедствия от наших частых впадений, так, что Шведский Государственный Совет, обвиняя бывшего правителя Стена во многих жестокостях, сказал в манифесте: «Он злодействовал в Швеции, как Россияне в Финляндии!» Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никак не хотел относиться к Новгородским Наместникам, требуя, чтобы сам Великий Князь договаривался с ним о мире: Иоанн досадовал на такую гордость и желал смирить оную.

[1497 г.] Доселе Царь Казанский верно исполнял обязанность нашего присяжника; но, угождая Иоанну, теснил подданных и был ненавидим Вельможами, которые тайно предлагали Владетелю Шибанскому, Мамуку, избавить их от тирана. Магмед-Аминь, узнав о том, требовал защиты в Москве, и Государь прислал к нему Воеводу, Князя Ряполовского, с сильною ратиею. Изменники бежали: Мамук удалился от пределов Казанских; все было тихо и спокой-

но. Магмед-Аминь отпустил Ряполовского, но чрез месяц сам явился в Москве, с вестию, что Мамук, внезапно изгнав его, Царствует в Казани. Сей новый Царь умел только грабить: жадный к богатству, отнимал у купцев товары, у Вельмож сокровища и посадил в темницу главных своих доброжелателей, которые предали ему Казань, изменив Магмед-Аминю. Он хотел завоевать городок Арский: не взял его и не мог уже возвратиться в Казань, где граждане стояли на стенах с оружием, велев сказать ему, что им не надобен Царь-разбойник. Мамук ушел восвояси; а Вельможи Казанские отправили Посольство к Иоанну, смиренно извиняясь перед ним, но вина и Магмед-Аминя в несносных для народа утеснениях. «Хотим иметь иного Царя от руки твоей, – говорили они: – дай нам второго Ибрагимова сына, Абдыл-Летифа». Иоанн согласился и Послал сего меньшего пасынка Менгли-Гиреева в Казань, где Князья Симеон Данилович Холмский и Федор Палецкий возвели его на Царство, заставив народ присягнуть в верности к Российскому Монарху. – Чтобы удовольствовать и Магмед-Аминя, Великий Князь дал ему в поместье Коширу, Серпухов и Хотунь, к бедствию жителей, коим он сделался ненавистен своим алчным корыстолюбием и злым нравом.

Сие происшествие могло беспокоить Нурсалтан, жену Менгли-Гирееву: Иоанн дал ей знать о том в самых ласковых выражениях, уверяя, что Казань всегда будет собственностью ее рода. Благодаря Великого Князя, она уведомляла его о своем возвращении из Мекки и намерении ехать в Россию для свидания с сыновьями. Менгли-Гирей прислал Иоанну в дар яхонтовый перстень Магомета II и старался утвердить Султана Баязета в благосклонном к нам расположении. Хотя Посол Турецкий и не доехал до Москвы, однако ж Иоанн решился тогда отправить своего в Константинополь, чтобы изъяснить при-

знательность Султану за его доброе намерение, и поручил сие дело Михайлу Андреевичу Плещееву: Хан Крымский дал ему письма и вожатых. Целию Посольства было доставить нашим купцам безопасность и свободу в торговле с областями Султанскими: по крайней мере в бумагах оно не упоминается ни о чем ином; сказано только, чтобы Плещеев в изъявлениях Иоаннова дружества к Баязету и к юному сыну его, Магмеду Шихзоде, Кафинскому Султану, строго наблюдал достоинство Великого Князя; чтобы *правил им поклон стоя, не на коленях*, и никому из других Послов не уступал места; чтобы говорил речь единственно Султану, а не Пашам, и проч. Плещеев, исполняя в точности наказ Государев, своею гордостью удивил двор Баязетов. Обласканный Пашами в Константинополе и слыша, что его на другой день представят Султану, он не хотел ехать к ним на обед, не взял их даров, которые состояли в драгоценной одежде, ни десяти тысяч Оттоманских денег, назначенных ему на содержание, и сказал присланному от них чиновнику: «Мне с Пашами нет речи; их платья не надену; денег не хочу; буду говорить только с Султаном». Однако ж Баязет отпустил Плещеева с ласковою ответною грамотою и сделал все, чего требовал Иоанн в рассуждении наших купцев. «Государь Российский, – писал он к Менгли-Гирею, – с коим искренно желаю быть в любви, прислал ко мне какого-то невежду: для сего не посылаю с ним моих людей в Россию, опасаясь, чтобы их там не оскорбили. Уважаемый от Востока до Запада, не хочу подвергнуть себя такому стыду. Пусть сын мой, Правитель Кафы, сносится с Иоанном». Но, соблюдая учтивость, Баязет не жаловался самому Великому Князю на его Посла и писал к нему следующее: «Ты от чистого сердца присла *доброто мужа к моему порогу*: он видел меня и вручил мне твою грамоту, которую я приложил к своему сердцу, видя, что желаешь быть нам

другом. Послы и гости твои да ездят часто в мою землю: они увидят и скажут тебе нашу правду, равно как и сей, едуший назад в свое отечество. Дай Бог, чтобы он благополучно возвратился *с нашим великим поклоном* и к тебе и ко всем друзьям твоим: ибо кого ты любишь, того и мы любим». – Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношение России с Оттоманскою Державою! Ни та, ни другая не могла предвидеть, что Судьба готовит их к ужасному взаимному противоборству, коему надлежало решить падение Магометанских Царств в мире и первенство Христианского оружия!¹³⁸

[1498 г.] Плещеев возвратился в Москву тогда, когда двор, Вельможи и народ были ужасным образом волнуемы происшествиями, горестными для Иоаннова сердца. Мы видели, что с XV века установилось новое право наследственное в России, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками Великокняжеского достоинства; но кончина старшего Иоаннова сына произвела вопрос: «кому быть наследником Государства, внуку ли Дмитрию или Василию Иоанновичу?» Великий Князь колебался: Бояре думали разное, одни доброхотствуя Елене и юному сыну ее, другие Софии и Василию; первых было гораздо более, отчасти по любви, которую все имели к великодушному отцу Дмитрию, отчасти и потому, что мать его окружали только Россияне; Софию же многие Греки, неприятные нашим Вельможам. Друзья Еленины утверждали, что Дмитрий естественным образом наследовал право своего родителя на Великое Княжение; а Софиины доброжелатели ответствовали, что внук не может быть предпочтен сыну – и какому? происшедшему от крови Императоров Греческих. София и Елена, обе хитрые, честолюбивые, ненавидели друг друга, но соблюдали наружную пристойность. Великая Княгиня Рязанская, Анна, гостила тогда в Москве у брата, равно

ласкаемая его супругою и невесткою: он мог еще наслаждаться семейственными удовольствиями; продержал сестру несколько месяцев, склонил ее выдать дочь за Князя Федора Ивановича Бельского и с любовью отпустил в Рязань, где надлежало быть свадьбе.

Скоро по отъезде Анны донесли Государю о важном заговоре. Дьяк Федор Стромилов уверил юного Василия, что родитель его хочет объявить внука наследником: сей Дьяк и некоторые безрассудные молодые люди предлагали Василию погубить Димитрия, уйти в Вологду и захватить там казну Государеву. Они втайне умножали число своих единомышленников и клятвою обязались усердно служить сыну против отца и Государя. Иоанн, узнав о том, вспылал гневом. Обвиняемых взяли в допрос, пытали и, вынудив от них признание, казнили на Москве-реке: Дьякам Стромилову и Гусеву, Князю Ивану Палецкому и Скрыбину отсекали голову: Афанасию Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многих иных Детей Боярских посадили в темницу и к самому Василию приставили во дворце стражу. Гнев Иоаннов пал и на Софию: ему сказали, что к ней ходят мнимые колдуньи с зелием; их схватили, обыскали и ночью утопили в Москве-реке. С того времени Государь не хотел видеть супруги, подозревая, кажется, что она мыслила отравить ядом невестку Елену и Димитрия. В сем случае Наместник Московский, Князь Иван Юрьевич, и Воевода Симеон Ряполовский действовали явно как ревностные друзья Иоаннова внука и недоброжелатели Софиины.

Елена торжествовала: Великий Князь немедленно назвал ее сына своим преемником и возложил на него венец Мономахов. Искони Духовные Российские Пастыри благословляли Государей при восшествии их на престол, и сей обряд совершался в церкви; но древние Летописцы не сказывают ничего более: здесь в первый раз ви-

дим Царское венчание, описанное со всеми любопытными обстоятельствами¹³⁹. В назначенный день Государь, провождаемый всем Двором, Боярами и чиновниками, ввел юного, пятнадцатилетнего Дмитрия в Соборную церковь Успения, где Митрополит с пятью Епископами, многими Архимандритами, Игуменами, пел молебен Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвон с тремя седалищами: для Государя, Дмитрия и Митрополита. Близ сего места лежали на столе венец и бармы Мономаховы. После молебна Иоанн и Митрополит сели: Дмитрий стоял пред ними на вышней ступени амвона. Иоанн сказал: «Отче Митрополит! издревле Государи, предки наши, давали Великое Княжество первым сынам своим: я также благословил оным моего первородного, Иоанна. Но по воле Божией его не стало: благословляю ныне внука Дмитрия, его сына, при себе и после себя Великим Княжеством Владимирским, Московским, Новгородским: и ты, отче, дай ему благословение». Митрополит велел юному Князю ступить на амвон, встал, благословил Дмитрия крестом и, положив руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, от Святого жилища Своего благоволит воззреть с любовию на Дмитрия; да сподобит его помазаться елеем радости, приять силу свыше, венец и скипетр Царствия; да воссядет юноша на престол правды, оградится всеоружием Святого Духа и твердою мышцею покорит народы варварские; да живет в сердце его добродетель, Вера чистая и правосудие. Тут два Архимандрита подали бармы: Митрополит, ознаменовав Дмитрия крестом, вручил их Иоанну, который возложил оные на внука. Митрополит тихо произнес следующее: «Господи Вседержителю и Царю веков! се земный человек, Тобою Царем сотворенный, преклоняет главу в молении к Тебе, Владыке мира. Храни его под кровом Своим: правда и мир да сияют во

дни его; да живем с ним тихо и покойно в чистоте душевной!...» Архимандриты подали венец: Иоанн взял его из рук Первосвященителя и возложил на внука. Митрополит сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!»

Читали Ектению и молитву Богоматери. Великий Князь и Митрополит сели на своих местах. Архидиакон с амвона возгласил многолетие обоим Государям: за ним лик Священников и Диаконів. Митрополит встал и вместе с Епископами поздравил деда и внука: также сыновья Государевы, Бояре и все знатные сановники. В заключение Иоанн сказал юному Князю: «Внук Дмитрий! Я пожаловал и благословил тебя Великим Княжеством; а ты имей страх Божий в сердце, люби правду, милость и пекись о всем Христианстве». – Великие Князья сошли с амвона. После обедни Иоанн возвратился в свой дворец, а Дмитрий, в венце и в бармах, провождаемый всеми детьми Государевыми (кроме Василия) и Боярами, ходил в собор Архангела Михаила и Благовещения, где сын Иоаннов, Юрий, осыпал его в дверях золотыми и серебряными деньгами.

В тот день был великолепный пир у Государя для всех духовных и светских сановников. Лаская юного Дмитрия, он подарил ему крест с золотою цепью, пояс, осыпанный драгоценными камнями, и сердоликовую крабю Августа Цесаря¹⁴⁰.

Несмотря на сии знаки любви ко внуку, грозное чело Иоанново изъясняло мучительное смятение его души, так что самые усердные доброжелатели Елены – самые те, которые своими доносами и внушениями возбудили гнев Государев на Софию и Василия – не смели радоваться, опасаясь перемены. Страх их был весьма основателен. Иоанн любил супругу, по крайней мере чтит в ней отрасль знаменитого Императорского дома, двадцать лет благоденствовал с нею, пользовался ее советами и мог по суеверию,

свойственному и великим людям, приписывать счастью Софии успехи своих важнейших предприятий. Она имела тонкую Греческую хитрость и друзей при дворе. Василий, коего рождение, прославленное чудом, было столь вожде-ленно для отца, не мог лишиться всех прав на любовь его. Вина сего юного Князя – если и несомнительная – находи-ла извинение в незрелости ума и в легкомыслии молодых лет. Но миновал год: Россия уже привыкла к мысли, что Димитрий, любезный, непорочный сын отца, памятного благородным мужеством, и внук двух Великих Государей, будет ее Монархом. Открылось, что дед украсил венцом сего юношу как жертву, обреченную на погибель.

[1499 г.] К сожалению, Летописцы не объясняют всех обстоятельств сего любопытного происшествия, сказыва-вая только, что Иоанн возвратил наконец свою нежность супруге и сыну, велел снова исследовать бывшие на них доносы, узнал козни друзей Елениных и, считая себя обманутым, явил ужасный пример строгости над знат-нейшими Вельможами, Князем Иваном Юрьевичем Па-трикеевым, двумя его сыновьями и зятем, Князем Симе-оном Ряполовским, обличенными в *крамоле*: осудил их на смертную казнь, невзирая на то, что Иван Юрьевич, праправнук славного Ольгерда, был родной племянник Темного, сын дочери Великого Князя Василия Димитри-евича, Марии, и тридцать шесть лет верно сужил Госу-дарю как первый Боярин в делах войны и мира; отец же Ряполовского, один из потомков Всеволода Великого, спасал Иоанна в юности от злобы Шемякиной. Государь по-видимому уверился, что они, усердствуя Елене, окле-ветали пред ним и Софию и Василия: не знаем точной истины; но Иоанн во всяком случае был обманут кознями той или другой стороны: жалостная участь Монар-хов, коих легковерие стоит чести или жизни невинным! Князю Ряполовскому отсекли голову на Москве-реке; но

Митрополит Симон, Архиепископ Ростовский и другие Святители ревностным ходатайством спасли Патрикеевых от казни: Иван Юрьевич и старший его сын, Боярин Василий Косой, постриглись в Монахи: первый в обители Св. Сергия, а второй – Св. Кирилла Белозерского; меньший сын Юрьевича, Иван Мынинда, остался под стражею в доме. Сия *первая знаменитая Боярская опала* изумила Вельмож, доказав, что гнев Самодержца не щадит ни сана, ни заслуг долговременных.

Через шесть недель Иоанн назвал Василия *Государем, Великим Князем Новагорода и Пскова*, изъявлял холодность к невестке и ко внуку; однако ж долго медлил и соведился отнять старейшинство у Последнего, данное ему пред лицом всей России и с обрядами священными. Еще Димитрий именовался Великим Князем Владимирским и Московским; но двор благоговел пред Софиею, удаляясь от Елены и сына ее: ибо предвидели будущее. Мог ли Иоанн, столь счастливо основав единовластие в России, предать ее по своей кончине в жертву новому, вероятному междоусобию двух Князей Великих, сына и внука? Могла ли и София быть спокойною, не свергнув Димитрия? Одним словом, его падение казалось уже необходимым. – Псковитяне, с удивлением и неудовольствием сведав, что Иоанн дал им Государя особенного, Послали к нему знатнейших чиновников, жаловались на такую новость и молили, чтобы Димитрий, как будущий наследник Российской Державы, остался и Главою земли их. Великий Князь с гневом отвечивал: «Разве я не волен в моем сыне и внуке? Кому хочу, тому и дам Россию. Служите Василию». Послов заключили в башню, но скоро освободили.

Сие время без сомнения было самым печальнейшим Иоанновой жизни: однако ж Монарх являл и тогда непрестанную деятельность в отношениях государственных. В Шамахе господствовал Султан Махмут,

внук Ширван-Шаха, данника Тамерланова и сыновей его. Слабость и бедствия их преемников, смерть завоевателя Персидского, Узун-Гассана, и малодушие его наследников возвратили независимость сей стране Каспийской. Махмут, величаясь достоинством Монарха, желал иметь любовь и дружбу с Государями знаменитыми, каков был Иоанн. Он прислал в Москву Вельможу своего, Шебеддина, с учтивыми и ласковыми словами, на которые ответствовали ему такими же; но Государь не счел за нужное отправить собственного Посла в Шамаху, сведав, может быть, о завоеваниях Измаила Софи, мнимого потомка Алиева, который около сего времени назвался Шахом, овладел Ираном, Багдадом, южными окрестностями моря Каспийского и сделался основателем сильной Державы Персидских Софиев, во дни отцев наших уничтоженной Тахмасом-Кулы Ханом¹⁴¹.

Тогда же Иоанн посылал в Венецию грека Дмитрия, Ралева сына, с Митрофаном Карачаровым, и к Султану Баязету Алексея Голохвастова, с коим отправились многие наши купцы в Азов рекою Доном (они грузились на Мече у Каменного Коня). Голохвастов, имея учтивые письма к Баязету и к сыну его, Магмеду Шихзоде, должен был исходатайствовать разные выгоды Московским торговым людям в Баязетовых владениях и сказать Пашам Султанским следующие слова: «Великий Князь не ведает, чем вы обвиняете бывшего у вас Российского Посла Михаила Плещеева; но знайте, что многие Государи шлют Послов к нашему, чтущему и жалующему их ради своего имени: Султан может в том удостовериться опытом». Голохвастов через несколько месяцев возвратился с ответными грамотами от Баязета и Шихзоды: Последний присылал из Кафы в Москву и собственного чиновника, который обедал у Великого Князя. Но дело шло, как и прежде, единственно о безопасной и свободной торговле.

В сей год Иоанн утвердил власть свою над северо-западную Сибирю, которая издревле платила дань Новгороду. Еще в 1465 году – по известию одного летописца – Устюжанин, именем Василий Скряба, с толпою вольницы ходил за Уральские горы воевать Югру и привел в Москву двух тамошних Князей, Калпака и Течика: взяв с них присягу в верности, Иоанн отпустил сих Князей в отечество, обложил Югру данию и милостиво наградил Скрябу. Сие завоевание оказалось недействительным или мнимым: подчинив себе Новгород, Иоанн (в Мае 1483 года) должен был отрядить Воевод, Князя Федора Курбского Черного и Салтыка-Травина, с полками Устюжскими и Пермскими на Вогуличей и Югру. Близ устья реки Пельни разбив Князя Вогульского, Юмшана, Воеводы Московские шли вниз по реке Тавде мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегом Иртыша до великой Оби в землю Югорскую, пленили ее Князя Молдана и с богатою добычею возвратились чрез пять месяцев в Устюг. Владетели Югорские или *Кодские* требовали мира, коего посредником был Епископ пермский Филофей; присягнули в верности к России и *пили воду с золота* пред нашими чиновниками, близ устья Выми; а Юмшан Вогульский с Епископом Филофеем сам приезжал в Москву и, милостиво облаканный Великим Князем, начал платить ему дань, быв дотоле, равно как и отец его, Асыка, ужасом Пермской области. Но конечное покорение сих отдаленных земель совершилось уже в 1499 году: Князя Симеон Курбский, Петр Ушатов и Заболоцкий-Бражник, предводительствуя пятью тысячами Устюжан, Двинян, Вятчан, плыли разными реками до Печоры, заложили на ее берегу крепость и 21 ноября отправились на лыжах к Каменному Поясу. Сражаясь с усилием ветров и засыпаемые снегом, странствующие полки Великокняжеские с неописанным трудом всходили на сии, во многих местах неприступные горы,

где и в летние месяцы не является глазам ничего, кроме ужасных пустынь, голых утесов, стремнин, печальных кедров и хищных белых кречетов, но где, под мшистыми гранитами, скрываются богатые жилы металлов и цветные камни драгоценные. Там встретили Россияне толпу мирных Самоедов, убили 50 человек и взяли в добычу 200 оленей; наконец спустились в равнины и, достигнув городка Ляпина (ныне Вогульского местечка в Березовском уезде), исчислили, что они прошли уже 4650 верст. За Ляпином съехались к ним владетели Югорские, земли Обдорской, предлагая мир и вечное подданство Государю Московскому. Каждый из сих Князьков сидел на длинных саях, запряженных оленями. Воеводы Иоанновы ехали также на оленях, а воины на собаках, держа в руках огонь и меч для истребления бедных жителей. Курбский и Петр Ушатов взяли 32 города, Заболоцкий 8 городов (то есть мест, укрепленных острогом), более тысячи пленников и пятьдесят Князей; обязали всех жителей (Вогуличей, Югорцев или, как вероятно, Остяков и Самоедов) клятвою верности и благополучно возвратились в Москву к Пасхе. Сподвижники их рассказывали любопытным о трудах, ими перенесенных¹⁴², о высоте Уральских гор, коих хребты скрываются в облаках и которые, по мнению Географов, назывались в древности Рифейскими, или Гиперборейскими; о зверях и птицах, неизвестных в нашем климате; о виде и странных обыкновениях жителей Сибирских: сии рассказы, повторяемые с прибавлением, служили источником баснословия о чудовищах и *немых людях*, будто бы обитающих на северо-востоке; о других, которые по смерти снова оживают, и проч. — С того времени Государи наши всегда именовались Князьями *Югорскими*, а в Европе разнесся слух, что мы завоевали древнее отечество *Угров* или Венгерцев¹⁴³: сами Россияне хвалились тем, основываясь на сходстве имен и на пре-

дании, что единоплеменник Атилиин, славный Маджарский Воевода Альм, вышел из глубины Азии Северной, или Скифии, где много соболей и драгоценных металлов: Югория же, как известно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду. Даже и новейшие ученые хотели доказывать истину сего мнения сходством между языком Вогуличей и Маджарским, или Венгерским.

[1500 г.] Иоанн посылал еще войско в Казань с Князем Федором Бельским, узнав, что Шибанский Царевич Агалак, брат Мамуков, ополчился на Абдыл-Летифа: Агалак ушел назад в свои Улусы, и Бельский возвратился; а для защиты Царя остались там Воеводы, Князь Михайло Курбский и Лобан Ряполовский, которые чрез несколько месяцев отразили Ногайских Мурз, Ямгурчю и Мусу, хотевших изгнать Абдыл-Летифа.

Но дела Литовские всего более заботили тогда Иоанна: взаимные неудовольствия тестя и зятя произвели наконец разрыв явный и войну, которая осталась навеки памятною в летописях обеих Держав, имел столь важные для оных следствия.

Александр мог двумя способами исполнить обязанность Монарха благоразумного: или стараясь искреннею приязнию заслужить Иоаннову для целости и безопасности Державы своей, или в тишине изготовляя средства с успехом противоборствовать Великому Князю, умножая свои ратные силы, отвлекая от него союзников, приобретаая их для себя: вместо чего он досаждал тестю по упрямству, по зависти, по слепому усердию к Латинской Вере; приближал войну и не готовился к оной; не умел расторгнуть опасной для него связи Иоанновой с Менгли-Гиреем, ни с Стефаном Молдавским, искав только бесполезной дружбы бывшего Шведского правителя, Стена, и слабых Царей Ординских; одним словом, не умел быть ни приятелем, ни врагом сильной Москвы. Великий Князь

еще несколько времени показывал миролюбие: освобождая купцов Ганзейских, говорил, что делает то из уважения к ходатайству зятя; не отвергал его посредничества в делах с Швециею; объяснял несправедливость частых Литовских жалоб на обиды Россиян. В 1497 году войско Султанское перешло Дунай, угрожая Литве и Польше: Иоанн велел сказать зятю, что Россияне в силу мирного договора готовы помогать ему, когда Турки действительно вступят в Литву. Но сие обещание не было искренним: Султан успел бы взять Вильну прежде, нежели Россияне тронулись бы с места. К счастью Александра, Турки удалились. Досадуя на Стефана за разорение Бряславля, он хотел воевать Молдавию: Великий Князь просил его не тревожить союзника Москвы. «Я всегда надеялся, – отвечивал Александр, – что зять тебе дороже свата: вижу иное». В 1499 году приехал в Москву Литовский Посол, Маршалок Станислав Глебович, и, представленный Иоанну, говорил так именем своего Князя: «В угодность тебе, нашему брату, я заключил наконец союз любви и дружбы с Воеводою Молдавским Стефаном. Ныне слышим, что Баязет Султан ополчается на него всеми силами, дабы овладеть Молдавию: братья мои, Короли Венгерский, Богемский, Польский, хотят вместе со мною защитить оную. Будь и ты нашим сподвижником против общего злодея, уже владеющего многими Великими Государствами Христианскими. Держава Стефанова есть ограда для всех наших: когда Султан покорит ее, будет равно опасно и нам и тебе... Ты желаешь, чтобы я в своих грамотах именовал тебя *Государем всей России*, по мирному договору нашему: не отрицаюсь, но с условием, чтобы ты письменно и навеки утвердил за мною город Киев... К изумлению и прискорбию моему сведал я, что ты, вопреки клятвенному обету искреннего доброжелательства, умышляешь против меня зло в своих тайных сношениях с Менгли-

Гиреем. Брат и тесть! вспомяни душу и Веру». Сей упрек имел вид справедливости: Иоанн (в 1498 году), послав в Тавриду Князя Ромодановского будто бы для того, чтобы прекратить вражду Менгли-Гирея с Александром, велел наедине сказать Хану: «Мирись, если хочешь; а я всегда буду заодно с тобою на Литовского Князя и на Ахматовых сыновей». Александр – неизвестно, каким образом – имел в руках своих выписку из тайных бумаг Ромодановского и прислал оную в Москву для улики. Казначей и Дьяки Великокняжеские ответствовали Послу, что Иоанн, будучи сватом и другом Стефану, не откажется дать ему войска, когда он сам того потребует; что Государь никогда не утвердит Киева за Литвою и что сие предложение есть нелепость; что Ромодановский действительно говорил Менгли-Гирею вышеприведенные слова, но что виною тому сам Александр, будучи в дружбе с неприятелями России, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудные обстоятельства Воеводы Молдавского, Иоанн не препятствовал ему мириться с Литвою; но тем приятнее было Великому Князю, что Менгли-Гирей изъявлял постоянную ненависть к наследникам Казимировым, отвергая все Александровы мирные предложения или требуя от него Киева, Канева и других городов, завоеванных некогда Батыем, то есть невозможного. Он убеждал Иоанна немедленно идти на Литву войною, обещая ему даже помощь Баязетову; но в то же время сам не верил Султану и писал откровенно к Великому Князю, что мыслит на всякий случай о безопасном для себя убежище вне Тавриды. Вот собственные слова его: «Султаны *не прямые люди*, говорят то, делают другое. Прежде Кафинские Наместники зависели от моей воли; а ныне там сын Баязетов: теперь еще молод и меня слушается; но за будущее нельзя ручаться. У стариков есть Пословица, что *две бараньи головы в один котел не лезут*. Если начнем

ссориться, то будет худо; а где худо, оттуда бегут люди. Ты можешь достать себе Киев и городок Черкасск: я с радостию переселюсь на берег Днепра; наши люди будут твои, а твои наши. Когда же *ни добром, ни лихом* не возьмем Киева, ни Черкаска, то нельзя ли хотя выменять их на другие места? что утешит мое сердце и прославит имя твое». Иоанн отвечал: «Ревностно молю Бога о возвращении нам древней отчины, Киева, и мысль о ближнем соседстве с тобою, моим братом, весьма для меня приятна». Он ласкал Менгли-Гирея во всех письмах как друга, желая располагать его силами против Литвы, в случае явного с нею разрыва. Но Александр столь мало надеялся на успех своего оружия и Великий Князь столь любил умеренность в счастии, столь был доволен последним миром с Литвою, что, несмотря на беспрестанные взаимные досады, жалобы, упреки, война едва ли могла бы открыться между ими, если бы в распрю их не замешалась Вера. Иоанн долго сносил грубости зятя; но терпение его исчезло, когда надлежало защитить Православие от Латинских фанатиков. Как ни скромно вела себя Елена, как ни таилась в своих домашних прискорбиях, уверяя родителя, что она любима мужем, свободна в исполнении обрядов Греческой Веры и всем довольна: однако ж Иоанн не преставал беспокоиться, посылал ей душеспасительные книги, твердил о Законе и, сведав, что Духовник ее, Священник Фома, выслан из Вильны, с удивлением спрашивал о вине его. «Он мне негоден, – сказала Елена: – буду искать другого». Наконец (в 1499 году) уведомили Великого Князя, что в Литве открылось гонение на Восточную Церковь; что Смоленский Епископ, Иосиф, взялся обратить всех единоверцев наших в Латинство; что Александр нудит к тому и супругу, желая угодить Папе и в летописях Римской Церкви заслужить имя Святого. Может быть, он хотел и государственного блага, думая,

что единоверие подданных утверждает основание Державы: сие неоспоримо; но предприятие опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и действовать более хитростию, нежели явную силою, или вместо желаемого добра произведешь бедствия: для того язычник Гедимин, Католик Витовт и отец Александров, впрочем суеверный, никогда не касались совести людей в делах Закона. Встревоженный известием, Иоанн немедленно отправил в Вильну Боярского сына, Мамоннова, узнать подробно все обстоятельства, и велел ему наедине сказать Елене, чтобы она, презирая льстивые слова и даже муки, сохранила чистоту Веры своей. Так и поступила сия юная, добродетельная Княгиня: ни ласки, ни гнев мужа, ни хитрые убеждения коварного отступника, Смоленского Владыки, не могли поколебать ее твердости в Законе: она всегда гнушалась Латинским, как пишут Историки Польские.

Между тем гонение на Греческую Веру в Литве продолжалось. Киевского Митрополита Макария (в 1497 году) злодейски умертвили Перекопские Татары близ Мозыря: Александр обещал Первосвятительство Иосифу Смоленскому. В угодность ему сей честолюбивый Владыка, Епископ Виленский Альберт Табор и Монахи Бернардинские ездили из города в город склонять Духовенство, Князей, Бояр и народ к соединению с Римскою Церковию: ибо по смерти Киевского Митрополита Григория Святителя Литовской России, отвергнув устав Флорентийского Собора, не хотели зависеть от Папы и снова принимали Митрополитов от Патриархов Константинопольских. Иосиф доказывал, что Римский Первосвятитель есть действительно глава Христианства; Виленский Епископ и Бернардины вопили: «Да будет едино стадо и един Пастырь!» Александр грозил насилием: Папа в красноречивой Булле изъявлял свою радость, что еретики озаряются светом исти-

ны, и присылал в Литву мощи Святых. Но ревностные в Православии Христиане гнушались Латинским соблазном, и многие выехали в Россию. Знатный Князь, Симеон Бельский, первый поддался Государю Московскому с своею отчиною: за ним Князья Мосальские и Хотетовский, Бояре Мценские и Серпейские; другие готовились к тому же, и вся Литва находилась в волнении. Принимая к себе Литовских Князей с их поместьями, Иоанн нарушал мирный договор; но оправдывался необходимостью быть покровителем единоверцев, у коих отнимают мир совести и душевное спасение.

Видя опасность своего положения, Александр прислал в Москву Наместника Смоленского, Станислава, написав в верующей грамоте весь Государев титул и требуя, чтобы Иоанн взаимно исполнил договор, удовлетворил всем жалобам Литовских подданных и выдал ему Князя Симеона Бельского вместе с другими беглецами, коих он будто бы никогда не мыслил *знать за Веру* и которые бесстыдным образом на него клеветают. «Поздно брат и зять мой исполняет условия, – ответственал Великий Князь, – именует меня наконец Государем всей России; но дочь моя еще не имеет придворной церкви и слышит хулы на свою Веру от Виленского Епископа и нашего отступника, Иосифа. Что делается в Литве? строят Латинские божницы в городах русских; отнимают жен от мужей, детей у родителей и силою *крестят* в Закон Римский. То ли называется *не знать за Веру* и могу ли видеть равнодушно утесняемое Православие? Одним словом, я ни в чем не преступил условий мира, а зять мой не исполняет оных».

Новые измены устрашили Александра. Князь Иван Андреевич Можайский и сын Шемякин, Иван Димитриевич, непримиримые враги Государя Московского, пользовались в Литве отменною милостию Казимира, так, что он дал им в наследственное владение целые области

в южной России: первому Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч; второму Рыльск и Новгород Северский, где, по смерти сих двух Князей, господствовали их дети: сын Можайского, Симеон, и внук Шемякин, Василий, верные присяжники Александра до самого того времени, как он вздумал обращать Князей и народ в Латинство. Сие безрассудное дело рушило узы любви и верности, соединявшие Государя с подданными. Следуя примеру Бельского, Симеон и Василий Ивановичи, забыв наследственную вражду, предложили Великому Князю избавить их и подвластные им города от Литовского ига. Тогда Иоанн решился действовать силою против зятя: послал чиновника, именем Телешева, объявить ему, чтобы он уже не вступался в отчину Симеона Черниговского, ни Василия Рыльского, которые добровольно присоединяются к Московской Державе и будут охраняемы ее войском. Телешев должен был вручить Александру и *складную грамоту*, то есть Иоанн, *сложив с себя крестное целование*, объявлял войну Литве за принуждение Княгини Елены и всех наших единоверцев к Латинству. Грамота оканчивалась словами: «хочу стоять за Христианство, сколько мне Бог поможет».

Тщетно Александр желал отклонить войну, уверяя, что он всякому дает полную свободу в Вере и немедленно отправит Послов в Москву: Государь дозволил им приехать, но уже брал города в Литве. Войском нашим предводительствовал бывший Царь Казанский, Магмед-Аминь, но действовал и всем управлял Боярин Яков Захарьевич. Мценск и Серпейск сдались добровольно. Брянск не мог сопротивляться долго: тамошний Епископ и Наместник, Станислав Бардашевич, были отосланы в Москву. Князь Симеон Черниговский и внук Шемякин, встретив Москвитян на берегу Кондовы, с радостью присягнули Иоанну: то же сделали и Князья Трубчев-

ские (или Трубецкие), потомки Ольгердовы. Усиленный их дружинами, Воевода Яков Захарьевич овладел Путьвлем, пленил Князя Богдана Глинского с его женою и занял без кровопролития всю Литовскую Россию от нынешней Калужской и Тульской Губерний до Киевской. Другая Московская рать, предводимая Боярином Юрием Захарьевичем (прапрадедом Царя Михаила Феодоровича), вступила в Смоленскую область и взяла Дорогобуж.

Необходимость защитить свою Державу вооружила наконец Александра. Обнажив меч с трепетом и чувствуя себя неспособным к ратному делу, он искал Полководца между своими Вельможами. Незадолго до того времени Гетман Литовский, Петр Белый, старец, уважаемый Двором и любимый народом, будучи на смертном одре, сказал горестному Александру: «Князь Острожский, Константин, может заменить меня отечеству, будучи украшен достоинствами редкими». Таков действительно был сей муж, один из потомков славного Романа Галицкого, имея весьма скромную наружность, малый рост, но великую душу. Еще немногие ведали его доблесть, которая оказалась после в тридцати битвах, счастливых для оружия Литовского; но все отдавали ему справедливость в добродетелях государственных, гражданских и семейственных: «дома благочестивый Нума (писал об нем легат Римский к Папе), в сражениях Ромул¹⁴⁴: к сожалению, он раскольник, ослеплен излишним усердием к Греческой Вере и не хочет отступить ни на волос от ее Догматов». Несмотря на то, Александр возвел Константина на степень Гетмана Литовского и – что еще важнее – вручил ему главное Воеводство против Россиян, его братьев и единоверцев: такую доверенность имел к его чести и присяге! В самом деле, никто не служил Литве и Польше усерднее Острожского, брата Россиян в церкви, но страшного врага их в поле. Смелый, бодрый, славолюбивый, сей Вождь одуше-

вил слабые полки Литовские: знатнейшие Паны и рядовые воины шли с ним охотно на битву. Сам Александр остался в Борисове, Константин выступил из Смоленска.

Между тем Иоанн прислал в Дорогобуж Князя Даниила Щеню с Тверскою силою, велел ему предводительствовать *Большим*, или главным полком, а Юрию Захарьевичу *Сторожевым*, или сберегательным, к досаде сего честолюбивого Боярина, не хотевшего зависеть от Князя Даниила; но Государь дал знать Юрию, чтобы он не смел противиться воле Самодержца; что всякое место хорошо, где служишь отечеству и Монарху; что предводитель Сторожевого полку есть товарищ главного Воеводы и не должен обижаться своим саном. Здесь видим древнейший пример так называемого *Местничества*¹⁴⁵, столь вредного впоследствии для Российских воинств.

Близ Дорогобужа, среди обширного Митькова поля, на берегах реки Ведроши стояли Иоанновы Полководцы, Даниил Щеня и Юрий, готовые к бою. Князь Острожский знал от пленников о числе Россиян, надеялся легко управиться с ними и смело шел сквозь болотистые, лесистые ущелья к нашему стану. Передовой Московский полк отступил, чтобы заманить Литовцев на другой берег реки. Тут началась кровопролитная битва. Долго и мужество и силы казались равными: с обеих сторон сражалось тысяч восемьдесят или более; но Воеводы Иоанновы имели тайную засаду, которая внезапным ударом смяла неприятеля. Литовцы искали спасения в бегстве: их легло на месте тысяч восемь; множество утонуло в реке: ибо наша пехота зашла им в тыл и подрубила мост. Военачальник Константин, Наместник Смоленский Станислав, Маршалки Григорий Остюкович и Литавор Хребтович, Князья Друцкие, Мосальские, Паны и чиновники были взяты в плен; весь обоз и снаряд огнестрельный достался в руки победителю. С сею счастливою для нас вестью

прискакал в Москву дворянин Михайло Плещеев. Государь, Бояре, народ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще Россияне не одерживали такой победы над Литвою, ужасною для них почти не менее Моголов в течение ста пятидесяти лет. Слыхав от своих дедов, как знамена Ольгердовы развевались перед стенами Кремлевскими, как Витовт похищал целые Княжества России и с каким трудом благоразумный сын Донского, Василий Дмитриевич, спас ее Последнее достояние, ликующие Москвитяне дивились Иоанновой и собственной их славе! – Князя Острожского вместе с другими знатными пленниками привезли в Москву окованного цепями, по сказанию Литовского Историка¹⁴⁶; но Иоанн чтит его и склонял вступить в нашу службу. Константин долго не соглашался: наконец, угрожаемый темницею, присягнул в верности Российскому Монарху, весьма неискренно; ему дали чин Воеводы и земли: но он, Литвин душою, не мог простить своих победителей, желал мести и совершил оную чрез несколько лет, как увидим.

Довольный искусством и мужеством наших Полководцев, Иоанн в знак чрезвычайной милости послал к ним знатного чиновника *спросить о их здравии* и велел ему сказать *первое слово* Князю Даниилу Щене, а *второе* Князю Иосифу Дорогобужскому, который отличился в сем деле. Скоро также пришла весть, что соединенные полки Новгородские, Псковские и Великолуцкие, разбив неприятеля близ Ловати, взяли Торопец. В сем войске были племянники Государевы, Князья Иван и Феодор, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именем, подобно Царю Магмед-Аминю: Новгородский Наместник, Андрей Федорович Челяднин, вел *Большой полк*, имел знамя Великокняжеское, избирал частных предводителей и давал все повеления. Государь хотел увенчать свои успехи взятием Смоленска; но дождливая

осень, недостаток в съестных припасах и зима, отменно снежная, заставила его отложить сие предприятие.

В самом начале войны он спешил известить Менгли-Гирея, что пришло для них время ударить с обеих сторон на Литву. Сообщение между Россией и Крымом было весьма неверно: Азовские Козаки разбойничали в степях Воронежских, ограбили нашего Посла, Князя Кубенского, принужденного бросить свои бумаги в воду, а другого, Князя Федора Ромодановского, пленили. Несмотря на то, Менгли-Гирей, как усердный наш союзник, уже в Августе месяце громил Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатую тысячами конницы, выжгли Хмельник, Кременец, Брест, Владимир, Луцк, Брянславль, несколько городов в Польской Галиции и вывели оттуда множество пленников. Желая довершить бедствие зятя, Великий Князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавского, обязанного договорами помогать России в случае войны с Литвою.

[1501 г.]. В сих несчастных обстоятельствах Александр делал что мог для спасения Державы своей: укрепил Витебск, Полоцк, Оршу, Смоленск; писал к Стефану, что ему будет стыдно нарушить мирный договор, заключенный между ими, и служить орудием сильному к утеснению слабого; предлагал свою дружбу Менгли-Гирею, убеждая его следовать примеру отца, постоянного союзника Казимира, и называя Государя Московского вероломным, хищником, лютым *братоубийцею*, в то же время отправил Посла в Золотую Орду склонять Хана, Шиг-Ахмета, к нападению на Тавриду; в Польше, в Богемии, в Венгрии, в Германии нанимал войско, не жалея казны, и заключил тесный союз с Ливониею. Хотя силы Ордена никак не могли равняться с нашими; но тогдашний Магистр оного, Вальтер фон Плеттенберг, был муж необыкновенных достоинств, благоразумный правитель

и военачальник искусный: такие люди умеют с малыми средствами делать великое и бывают опасными неприятелями. Воспитанный в ненависти к Россиянам, иногда беспокойным и всегда неуступчивым соседям, досадуя на Великого Князя за бедствие, претерпенное Немецкими купцами в Новгороде, и за другие новейшие обиды, Плеттенберг требовал помощи от Имперского Сейма в Ландау, в Вормсе, также от богатых городов Ганзейских и, думая, что война Литовская не позволит Иоанну действовать против Ордена большими силами, обязался быть верным сподвижником Александровым. Написали договор в Вендене, утвержденный Епископом Рижским, Дерптским, Эзельским, Курляндским, Ревельским и всеми чиновниками Ливонии: условились вместе ополчиться на Россию, делить между собою *завоевания* и в течение десяти лет одному не мириться без другого.

Но Князь Литовский в самом деле не мыслил о завоеваниях: изведав опытом могущество Иоанново, утратив и войско и знатную часть своей Державы, не хотел без крайности искать новых ратных опасностей и бедствий. В начале 1501 года приехали в Москву Послы от Королей, его братьев, Владислава Венгерского и Альбрехта Польского, а за ними и чиновник Александров, Станислав Нарбут. Именуя Великого Князя братом и сватом, Короли желали знать, за что он вооружился на зятя; предлагали ему мир; обещали удовлетворение; хотели, чтобы Иоанн освободил Литовских пленников и возвратил завоеванные им области. Посол Александров предлагал то же и говорил: «Ты *открыл* лютую войну и *пустил огонь* в нашу землю; *засел* многие области Александровы¹⁴⁷ и прислал грамоту складную поздно; взял в плен Гетмана и Панов, высланных единственно для сбережения границы. Уйми кровопролитие. Большие Послы Литовские готовы ехать к тебе для мирных пере-

говоров». Казначей и Дьяки Великокняжеские именем Иоанна ответствовали, что зять его навлек на себя войну неисполнением условий; что Государь, обнажив меч за Веру, не отвергает мира пристойного, но не любит даром освобождать пленных и возвращать завоевания; что он ждет больших Послов Литовских и согласен сделать перемирие. – Послы обедали во дворце; но, отпуская их, Государь не подал им ни вина, ни руки.

Прошло несколько времени: Александр молчал, и Немецкие воины, им нанятые, грабя жителей в собственной его земле, имели сшибки с нашими отрядами. Великий Князь решился продолжать войну, несмотря на то, что его зять, по смерти Албрехта, сделался Королем Польским, следственно, мог располагать силами двух Держав. Сын Иоаннов, Василий, с Наместником Князем Симеоном Романовичем должен был из Новагорода идти к северным пределам Литвы; а другое войско, под начальством Князей Симеона Черниговского или Стародубского, Василия Шемякина, Александра Ростовского и Боярина Воронцова, близ Мстиславля одержало знаменитую победу над Князем Михаилом Ижеславским и Воеводою Евстафием Дашковичем: положив на месте около семи тысяч неприятелей, оно взяло множество пленников и все знамена; впрочем, удовольствовалося только разорением Мстиславских окрестностей и возвратилось в Москву.

Уже Магистр фон Плеттенберг действовал как ревностный союзник Литвы и враг Иоаннов. Купцы наши спокойно жили и торговали в Дерпте: их всех (числом более двухсот) нечаянно схватили, ограбили, заключили в темницы. Началась война, славная для мужества Рыцарей, еще славнейшая для Магистра, но бесполезная для Ордена, бедственная для несчастной Ливонии. Исполняя договор и думая, что Король Александр также исполнит

его, то есть всеми силами с другой стороны нападет на Россию, Плеттенберг собрал 4000 всадников, несколько тысяч пехоты и вооруженных земледельцев; вступил в область Псковскую; жег, истреблял все огнем и мечом. Воеводы, Наместник Князь Василий Шуйский с Новгородцами, а Князь Пенко Ярославский с Тверитянами и Московскою дружиною пришли защитить Псков, но долго не хотели отважиться на битву; ждали особенного указа Государева, получили его и сразились с неприятелем 27 Августа, в десяти верстах от Изборска. Ливонский Историк пишет, что Россиян было 40 000: сие превосходство сил оказалось ничтожным в сравнении с искусным действием огнестрельного снаряда Немецкого. Приведенные в ужас пушечным громом, омраченные густыми облаками дыма и пыли, Псковитяне бежали; за ними и дружина Московская, с великим стыдом, хотя и без важного урона. В числе убитых находился Воевода, Иван Бороздин, застреленный из пушки. – Беглецы кидали свои вещи и самое оружие; но победители не гнались за сею добычею, взятою жителями Изборскими, которые, разделив ее между собою, зажгли предместье, изготовились к битве и на другой день мужественно отразили Немцев.

Псков трепетал: все граждане вооружились; от двух третьему надлежало идти с копьем и мечом против гордого Магистра, который безжалостно опустошал села на берегу Великой и 7 Сентября сжег Остров, где погибло 4000 людей в пламени, от меча или во глубине реки, между тем как наши Воеводы стояли неподвижно в трех верстах, а Литовцы приступали к Опочке, чтобы, взяв сию крепость, вместе с Немцами осадить Псков. К счастью Россиян, открылась тогда жестокая болезнь в войске Плеттенберга: от худой пищи и недостатка в соли сделался кровавый понос; всякий день умирало множество людей. Не время было думать о геройских подвигах.

Немцы спешили восвояси: Литовцы также удалились. Сам Магистр занемог, с трудом достигнул своего замка и распустил войско, желая единственно отдохновения.

Но Иоанн желал мести и поручил оную храброму Князю Даниилу Щене, победителю Константина Острожского. В глубокую осень, несмотря на дожди, чрезвычайное разлитие вод и худые дороги, сей Московский Воевода вместе с Князем Пенком опустошил все места вокруг Дерпта, Нейгаузена, Мариенбурга, умертвив или взяв в плен около 40 000 человек. Рыцари долго сидели в крепостях; наконец в темную ночь близ Гельмета ударили на стан Россиян: стреляли из пушек; секлись мечами, во тьме и беспорядке. Воевода нашей передовой дружины, Князь Александр Оболенский, пал в сей кровопролитной битве. Но Рыцари не могли одолеть и бежали. Полк Епископа Дерптского был истреблен совершенно. «Не осталось ни одного человека для вести, – говорит Летописец Псковский: – Москвитяне и Татары не *саблями светлыми* рубили поганых, а били их, как вепрей, шестоперами». Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля и зимою [1502 г.] возвратились, причинив неописанный вред Ливонии. Немцы отплатили нам разорением предместия Ивановгородского, умертвив тамошнего Воеводу, Лобана Колычева, и множество земледельцев в окрестностях Красного.

Как мужественный Плеттенберг отвлек знатную часть Иоанновых сил от Литвы, так Шиг-Ахмет, неприимый злодей Менгли-Гиреев, обуздывал Крымцев. Он с двадцатью тысячами своих Улусников, конных и пеших, расположился близ устья Тихой Сосны, под Девичьими горами: на другом берегу Дона стоял Хан Крымский, с двадцатью пятью тысячами, в укреплении, ожидая Россиян. «Люди твои, – писал он к Великому Князю, – ходят в судах рекою Доном: пришли с ними несколько пушек, для одной славы: враг уйдет». Как ни за-

нят был Иоанн войною Литовскою и Немецкою, однако ж немедленно выслал помощь союзнику: Магмет-Аминь вел наших *служилых* Татар, а Князь Василий Ноздроватый Москвитян и Рязанцев; за ними отправлялись пушки водою. Но Менгли-Гирей не дождался их, отступил, извиняясь голодом, и ручался Иоанну за скорую гибель Золотой Орды. С того времени Крымцы действительно не давали ей покоя ни летом, ни зимою и зажигали степи, в коих она скиталась. Напрасно Шиг-Ахмет звал к себе Литовцев: подходил к Рыльску и не видал их знамен; видел только наши и войско Иоанново, готовое к бою; жаловался, винил Александра, говоря ему чрез своих Послов: «Для тебя мы ополчились, сносили труды и нужду в пустынях ужасных; а ты оставляешь нас без помощи, в жертву гладу и Менгли-Гирею». Новый Король посылал Хану дары, обещал и войско, но обманывал или медлил, занимаясь тогда празднествами в Кракове. Между тем Князья, Уланы бежали толпами от Шиг-Ахмета. Оставленный и самую любимую женою, которая ушла в Тавриду; будучи в ссоре с братом, Сеит-Махмутом, желавшим тогда иметь пристанище в России; досадуя на Короля Польского и зная худые успехи его оружия, Шиг-Ахмет решился искать дружбы Иоанновой и в конце 1501 года прислал в Москву Вельможу Хаза, предлагая союз Великому Князю с условием воевать Литву, ежели он ни в каком случае не будет вступаться за Менгли-Гирея. Политика незлопамятна: Иоанн охотно соглашался быть другом Шиг-Ахмета, чтобы отвратить его от Литвы; только не мог пожертвовать ему важнейшим союзником России: для того Послал в Орду собственного чиновника с ласковыми приветствиями, но с объявлением, что враги Менгли-Гиреевы не будут никогда нашими друзьями. Ослепленный лично ненавистию, Шиг-Ахмет лучше хотел зависеть от милости своего бывшего данника,

Государя Московского, нежели примириться с единоверным братом, Ханом Таврическим, и погубил остатки Батыева Царства: весною в 1502 году Менгли-Гирей внезапным нападением сокрушил оные; рассыпал, истребил или взял в плен изнуренные голодом толпы, которые еще скитались с Шиг-Ахметом; прогнал его в отдаленные степи Ногайские и торжественно известил Иоанна, что древняя Большая Орда уже не существует: «Улусы злодея нашего в руке моей, – говорил он: – а ты, брат любезный, слыша столь добрые вести, ликуй и радуйся!»

Заметим, что Летописцы наши едва упоминают о сем происшествии: ибо Россияне уже презирали слабую Орду, еще недавно трепетав Ахматова могущества. – Поздравляя Менгли-Гирея с одолением их общего врага, Иоанн писал к нему, чтобы он не забывал гораздо важнейшего, то есть Короля Польского, и, навсегда безопасный от злобы Ахматовых сыновей, довершил победу над Литвою. Имея единственно сию цель, Великий Князь мыслил даже восставить Шиг-Ахмета: пересылаясь с ним, обещал ему Астрахань, с условием, чтобы сей изгнанник клятвенно обязался быть врагом Литвы и доброжелателем Хана Крымского. Таким образом Шиг-Ахмет мог еще остаться Царем по милости Государя, коему более всех иных надлежало бы ненавидеть племя Батыево! Но, увлеченный судьбою, он с двумя братьями, Козяком и Халеком, поехал в Царьград к Султану Баязету. Их остановили. Султан велел им сказать, что для врагов Менгли-Гиреевых нет пути в Турецкую Империю. Гонимые Царевичами Крымскими, они бежали в Киев и вместо помощи нашли там неволю: Шиг-Ахмета, братьев, слуг его взяли под стражу: ибо Государь Литовский, уже не имея нужды в союзе беглеца, думал, что сей несчастный может быть для него залогом мира с Тавридою. «Враги твои в моих руках, – приказывал он к Менгли-

Гирею: – от меня зависит назло тебе освободить Ахматовых сыновей, если не примиришься со мною». Но Иоанн убеждал Хана не верить ему и писал: «В противность всем уставам Литовцы заключили своего союзника, который долгое время служил им орудием: так некогда поступили и с Седи-Ахматом; так и сия новая жертва их вероломства погибнет в темнице. Будь спокоен: они уже не освободят твоего злодея, ибо должны опасаться его мести». Предсказание Великого Князя исполнялось: быв еще несколько лет игралищем Литовской политики – то с уважением честимый во дворце как знаменитый Властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю как преступник – Шиг-Ахмет изъяслял великодушие в бедствии и, представленный на Сейм Радомский, торжественно обвинял Короля, сказав: «Ты льстивыми обещаниями вызвал меня из дальних стран Скифии и предал Менгли-Гирею. Утратив мое войско и все Царское достояние, я искал убежища в земле друга, а друг встретил меня как неприятеля и ввергнул в темницу. Но есть Бог» (примолвил он, воздев руки на небо): «перед ним будем судиться, и вероломство твое не останется без наказания». Ни красноречие, ни истина сих упреков не тронула Александра, коего Вельможи ответствовали, что Шиг-Ахмет должен винить самого себя; что его воины грабили в окрестностях Киева; что Король советовал ему удалиться к границам Российским, к Стародубу, и там искать добычи, что он упрямялся, не хотел того сделать, держался в соседстве с опасною для него Тавридою, погубил свою рать и думал тайно уехать к Султану, без сомнения, с каким-нибудь вредным для Польши и Литвы намерением. Одним словом, сей именованный Последний Царь Золотой Орды умер невольником в Ковне, не доставив заключением своим ни малейшей выгоды Литве. Самая жестокосердая политика, хваляся иногда злодействами

счастливыми, признает бесполезные ошибки. Иоанн лучше своего зятя умел соглашать ее законы с правилами великодушия: в то время, когда сыновья Ахматовы кляли вероломство Литовское, племянники сего врага нашего, Царевичи Астраханские, Исуп и Шигавляяр, хвалились милостию Великого Князя, вступив к нему в службу.

Не слушая никаких льстивых предложений Александровых, Менгли-Гирей едва было не размолвился с Иоанном по другой причине. Сведав о многих несправедливостях Царя Казанского, Абдыл-Летифа, Государь велел Князю Василию Ноздреватому взять его, привезти в Москву и заточил на Белоозеро, а в Казань Послал господствовать вторично Магмет-Аминя, отдав ему жену бывшего Царя, Алегама. Менгли-Гирей оскорбился и просил, чтобы Иоанн, извинив безрассудную молодость Летифа, или отпустил его, или наградил поместьем. Хан писал: «Если не исполнишь сего, то уничтожится наш союз, весьма для тебя полезный: ибо счастливым действием одного враги твои исчезли и Государство твое распространилось. Старые, умные люди твердят, что лучше умереть с добрым именем, нежели благоденствовать с худым: а можешь ли сохранить первое, нарушив святую клятву братства между нами?.. Посылаю тебе перстень из рога *кагерденева*, Индейского зверя, коего тайная сила мешает действию всякого яда: носи его на руке и помни мою дружбу; а свою докажешь мне, когда сделаешь то, о чем молю тебя неотступно». Но Великий Князь опасался выпустить Летифа из России и, дав ему пристойное содержание, удовольствовал Менгли-Гирея, так что сей Хан не преставал вместе с ним усердно действовать против Литвы. Войско Крымское, состоящее из 90 000 человек и предводимое сыновьями Ханскими, в Августе 1502 года опустошило все места вокруг Луцка, Турова, Львова, Бряславля, Люблина, Вишневецца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефан Молдавский, пользуясь обстоятельствами, завоевал на Днестре Колымью, Галич, Снятии, Красное и тем ослабил могущество Польши, хотя уже и не думал в сие время содействовать нашим годам, ибо имел важную причину к неудовольствию на Иоанна. Около трех лет дочь его, вдовствующая Княгиня Елена, среди двора Московского находилась с юным сыном, Димитрием, как бы в изгнании, оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостию Великого Князя и ненавистию Софии. Может быть, открылись новые недозволенные происки честолюбивой Елены или нескромные слова, внушенные ей досадою, оскорбили ее свекора, или клевета представила ему невестку в виде опасной заговорщицы; не знаем; но Иоанн вдруг разгневался на Елену и на Димитрия, приставил к ним стражу, запретил внуку именоваться Великим Князем и даже поминать их в церковных молитвах; а чрез два дня объявил сына, Василия, Государем, наследником престола Всероссийского. Димитрию едва исполнилось 18 лет: в такой юности он не мог быть важным соумышленником матери, если и действительно виновной. Народ жалел об нем, хотя ни Духовенство, ни Вельможи не смели осудить приговора, изреченного Самодержцем. Но Россия утратила Стефанову дружбу: седой Герой Молдавский, оскорбленный бедствием своей дочери и внука, возненавидел Иоанна, и старания благоразумного Менгли-Гирея не могли примирить их. Великий Князь любил исполнять только собственную волю; не терпел гордых требований и в ответ Хану Крымскому на вопрос: «Для чего Димитрий лишен отцовского наследия?» – сказал: «Милость моя возвела внука на степень Государя, а немилость свергнула: ибо он и мать его досадили мне. Жалуют того, кто служит или угождает: грубящих за что жаловать?» Елена от горести и тоски скончалась в Ген-

варе 1505 года; а несчастный ее сын, бывший наследник Российской Монархии, остался под стражею как государственный преступник: никто не имел к нему доступа, кроме малого числа слуг и надзирателей.

Впрочем, сей разрыв между Стефаном и Великим Князем не имел никаких важных следствий, кроме того, что первый задержал наших Послов и художников Италианских, которые ехали из Рима в Москву: о чем Иоанн писал не только к Менгли-Гирею, но и к Султану Кафинскому, Баязетову сыну, убеждая их вступить за такое нарушение права народного. Стефан отпустил Послов. Тщетно Король Александр склонял его быть деятельным врагом России и союзником Польши: Стефан не хотел возвратить ему завоеванной им Днестровской области до самой своей кончины. Сей великий муж умер в 1504 году: готовый закрыть глаза навеки, он дал совет сыну Богдану и Вельможам покориться Оттоманской Империи, сказав: «Знаю, как трудно было мне удерживать право независимого Властителя. Вы не в силах бороться с Баязетом и только разорили бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете». Богдан признал над собою верховную власть Султана, и слава Молдавии исчезла с Господарем Стефаном, быв искусственным творением его души великой.

Иоанн не терял времени в бездействии; и, желая увенчать свои победы новым важным приобретением, в июле 1502 года отправил сына, Димитрия, со многочисленною ратию на Литву. С ним находились племянники Государевы, Феодор Волоцкий, Иван Торусский; Бельский, зять сестры его Анны; Удельный Князь Рязанский Феодор; Князь Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий Рыльский; Бояре Василий Холмский, Яков Захарьевич, Шеин; Князя Александр Ростовский, Михайло Корамыш-Курбский, Телятевский, Репня и Телепень Обо-

ленские, Константин Ярославский, Стрига-Ряполовский. Целию столь знаменитого ополчения был наш древний, столичный город Смоленск, укрепленный природою и каменными стенами. Осада требовала искусства и больших усилий. Димитрий Послал отряды к Березине и Двине. Россияне взяли Оршу, выжгли предместье Витебское, все деревни до Полоцка, Мстиславля; пленили несколько тысяч людей, но должны были за недостатком в продовольствии удалиться от Смоленска, где начальствовали Воеводы Королевские, Станислав Кишка и Наместник его, Сологуб, прославленные Историком Литовским за оказанное ими мужество. – В декабре того же года Князь Северские, Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий, с Московскими и Рязанскими Воеводами опять ходили на Литву; не завоевали городов, но везде распространили ужас жестокими опустошениями.

Верный союзник Александров, Вальтер Плеттенберг, снова хотел отвесть счастья в полях Российских и с 15 000 воинов приступил к Изборску: разбил пушками стены, но, боясь терять время, спешил осадить Псков. Он ждал Короля, давшего ему слово встретить его на берегах Великой. Сего не сделалось: Литовцы остались в своих пределах; однако ж Магистр с жаром начал осаду: стрелял из пушек и пищалей; старался разрушить крепость. К счастью жителей, Воеводы Иоанновы, Даниил Щеня и Князь Василий Шуйский, уже были недалеко с полками сильными. Немцы отступили: Воеводы от Изборска зашли им в тыл. Они увидели друг друга на берегах озера Смолина. Плеттенберг, ободрив своих великодушною речью, употребил хитрость: двинулся с войском в сторону, как бы имея намерение спастись бегством. Россияне кинулись на обоз Немецкий; другие устремились за войском и в беспорядке наскakали на стройные ряды неприятеля: смешанные действием его

огнестрельного снаряда, хотели мужеством исправить свою ошибку; сразились, но большею частию легли на месте: остальные бежали. Магистр не гнался за ними. Россияне ободрились, устроились и снова напали. Если верить Ливонским Историкам, то наших было 90 000. Немцы бились отчаянно; пехота их заслужила в сей день славное название *железной*. Оказав неустрашимость, хладнокровие, искусство, Плеттенберг мог бы одержать победу, если бы не случилась измена. Пишут, что Орденский Знаменосец, Шварц, будучи смертельно уязвлен стрелою, закричал своим: «Кто из вас достоин принять от меня знамя?» Один из Рыцарей, именем Гаммерштет, хотел взять его, получил отказ и в досаде отсек руку Шварцу, который, схватив знамя в другую, зубами изорвал оно; а Гаммерштет бежал к Россиянам и помог им истребить знатную часть Немецкой пехоты. Однако же Плеттенберг устоял на месте. Сражение кончилось: те и другие имели нужду в отдыхе. Прошло два дня: Магистр в порядке удалился к границе и навеки уставил торжествовать 13 Сентября, или день Псковской битвы, знаменитой в летописях Ордена, который долгое время гордился подвигами сей войны как славнейшими для своего оружия. — Заметим, что Полководцы Иоанновы гнушались изменою Гаммерштета: недовольный холодностию Россиян, он уехал в Данию, искал службы в Швеции, наконец возвратился в Москву уже при Великом Князе Василии, где Послы Императора Максимилиана видели его в богатой одежде среди многочисленных Царедворцев.

[1503 г.] Несмотря на ревностное содействие и славу Плеттенберга, Король Польский не имел надежды одолеть Россию, сильную многочисленностию войска и великим умом ее Государя. Литва истощалась, слабела: Польша неохотно участвовала в сей войне разорительной.

Сам Римский Первосвященник, Александр VI, взялся быть посредником мира, и в 1503 году чиновник Короля Венгерского, Сигизмунд Сантай, приехал в Москву с грамотами от Папы и Кардинала Регнуса. Оба писали к Великому Князю, что все Христианство приведено в ужас завоеваниями Оттоманской Империи; что Султан взял два города Венецианской Республики, Модон и Корон, угрожая Италии; что Папа отправил Кардинала Регнуса ко всем Европейским Государям склонять их на изгнание Турков из Греции; что Короли Польский и Венгерский не могут участвовать в сем славном подвиге, имея врага в Ибанне; что Святой отец, как Глава Церкви, для общей пользы Христианства молит Великого Князя заключить мир с ними и вместе с другими Государями воевать Порту. Посол вручил ему и письмо от Владислава такого же содержания, требуя, чтобы Иоанн дал *опасную грамоту* для проезда Вельмож Литовских в Москву. Бояре наши ответствовали, что Великий Князь рад стоять за Христиан против неверных; что он, умея наказывать врагов, готов всегда и к миру справедливому; что Александр, изъявив желание прекратить войну, обманул его: навел на Россию Ливонских Немцев и Хана Ординского; что Государь дозволяет Послам Королевским приехать в Москву.

Послы явились, шесть знатнейших сановников Королевских, из коих главным был Воевода Петр Мишковский. Они предлагали вечный мир, с условием, чтобы Иоанн возвратил Королю всю его *отчину*, то есть все завоеванные Россиянами города в Литве; освободил пленников, примирился с Ливонским Орденом и с Швециею (где властолюбивый Стур, изгнав Датчан, снова был Правителем Государственным). Великий Князь хладнокровно выслушал и решительно отвергнул столь неумеренные требования. «*Отчина* Королевская, – сказал он, – есть земля Польская и Литовская, а Русская

наша. Что мы с Божиею помощиею у него взяли, того не отдадим. Еще Киев, Смоленск и многие иные города принадлежат России: мы и тех добывать намерены». Возражения Послов остались без действия: Иоанн был непоколебим. Наконец, вместо вечного мира, условились в перемирии на шесть лет, и только *из особенного уважения к зятю* Государь возвратил Литве некоторые волости, Рудью, Ветлицы, Щучью, Святые Озерища; велел Наместникам, Новгородскому и Псковскому, заключить такое же перемирие с Орденom, а с Правителем Шведским не хотел иметь никаких договоров. Тогда находились в Москве и Послы Ливонские: они в письмах своих к Магистру жаловались на грубость Иоаннову, Бояр наших, а еще более на Послов Литовских, которые не оказали им ни малейшего вспоможения, ни добродетельства. Епископ Дерптский обязался, за ручательством Магистровым, платить нам какую-то старинную поголовную дань: ибо земля и город его, основанный Ярославом Великим, считались древнею собственностью России. При обнародовании сего условия во Пскове стреляли из пушек и звонили в колокола.

Неприятельские действия прекратились – ибо самая Россия, истощенная наборами многолюдных ополчений, желала на время успокоиться, – но вражда существовала в прежней силе: ибо Александр не мог навсегда уступить нам Витовтовых завоеваний; Великий же Князь, столь счастливо возвратив оные России, надеялся со временем отнять у него и все прочие наши земли. Потому Иоанн, известив Менгли-Гирея о заключенном договоре, предлагал ему для вида также примириться с Александром на 6 лет; но тайно внушал, что лучше продолжать войну; что Россия никогда не будет в истинном, вечном мире с Королем, и время перемирия употребит единственно на утверждение за собою городов Литовских, откуда все

худорасположенные к нам жители переводятся в иные места и где нужно сделать укрепления; что союз ее с Ханом против Литвы остается неизменным.

Великий Князь действовал по крайней мере согласно с выгодами своей Державы: напротив чего Александр, внутренне недовольный условиями перемирия, хотя и весьма нужного для его земли, следовал единственно движениям малодушной досады на врага сильного, счастливого: он задержал в Литве наших Бояр и Великих Послов, Заболоцкого и Плещеева, коим надлежало взять с него присягу в соблюдении договора и требовать уверительной грамоты, за печатью Епископов Краковского и Виленского, в том, что в случае смерти Александра наследники его не будут принуждать Королевы Елены к Римскому Закону. Иоанн, удивленный сим нарушением общих государственных уставов, желал знать предлог оною: Король писал, что Послы остановлены за обиды, делаемые Россиянами Смоленским Боярам; но скоро одумался, утвердил перемирие и с честью отпустил их в Москву. Тогда же схватили в Литве гонца нашего, посланного в Молдавию: Александр не хотел освободить его до решительного мира с Россиею; не хотел еще, чтобы Королева Елена исполнила волю родителя в деле семейственном: Иоанн велел ей искать невесты для брата, Василия, между Немецкими Принцессами; но Елена отвечала, что не может думать о сватовстве, пока Великий Князь не утвердит истинной дружбы с Литвою.

Таковыми ничтожными способами мог ли Король достигнуть желаемого мира? Скорее возобновил бы кровопролитие, если бы Иоанн для государственной пользы не умел презирать маловажных, безрассудных оскорблений: желая временного спокойствия, он терпел их хладнокровно и готовил средства к дальнейшим успехам нашего величия.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

Годы 1503-1505

Кончина Софии и болезнь Иоаннова. Завещание. Суд и казнь еретиков. Посольство Литовское. Сношение с Императором. Василий женится на Соломонии. Измена Царя Казанского. Впадение его в Россию. Кончина Великого Князя. Тогдашнее состояние Европы. Иоанн — творец величия России. Устроил лучшее войско. Утвердил единовластие. Имя Грозного. Жестокость его характера. Мнимая нерешительность есть осторожность. Название Великого, приписанное ему иностранцами. Сходство с Петром I. Титул Царский. Белая Россия. Умножение доходов. Законы Иоанновы. Городская и земская полиция. Соборы. Постановление Кесарийского Митрополита в Москве. Российский монастырь на Афонской горе. Каплан Августинского Ордена принимает Греческую Веру. Некоторые бедствия Иоаннова века. Древнейшее описание Княжеской свадьбы. Путешествие в Индию.

Сей Монарх не слабел ни в проицании, ни в бодрости, ни в усердии ко благу вверенной ему Небом Державы, вопреки своим уже преклонным летам и сердечным горестям, необходимым в жизни смертного. Он лишился тогда супруги¹⁴⁸: хотя, может быть, и не имел особенной к ней горячности; но ум Софии в самых важных делах государственных, ее полезные советы и, наконец, долговременная свычка между ими сделала для него сию потерю столь чувствительною, что здоровье Иоанново, дотоле крепкое, расстроилось. Веря более действию усердной молитвы, нежели искусству врачевания, Государь поехал в Лавру Св. Сергия, в Переславль, в Ростов и в Ярославль,

где находились знаменитые святостию Обители. Там, сопровождаемый всеми детьми, но без всякого мирского великолепия, он в виде простого смертного умилялся пред Богом, ожидая от него исцеления или мирной кончины; но, вкусив сладость Христианской набожности, спешил возвратиться на престол, чтобы устроить будущую судьбу России¹⁴⁹.

Он написал завещание в присутствии знатнейших Бояр, Князей. Василия Холмского, Даниила Щени, Якова Захарьевича, Казначая Дмитрия Владимировича и Духовника, Архимандрита Андрониковского, именем Митрофана, объявив старшего сына, Василия Иоанновича, преемником Монархии, Государем всей России и меньших его братьев. Тут, в исчислении всех областей Василиевых, в первый раз упоминается о дикой Лапландии; далее сказано, что Старая Рязань и Перевитеск составляют уже достояние Государя Московского, быв отказаны Иоанну умершим его племянником, сыном Великой Княгини Анны, Феодором; именуется также и все города, отнятые у Литвы, Мценск, Белев, Новосиль, Одоев, кроме Чернигова, Стародуба, Новагорода Северского, Рыльска: ибо тамошние Князья хотя и поддались Государю Московскому, но удержали право владетельных. Другим сыновьям Иоанн дал богатые отчины: Юрию Дмитров, Звенигород, Кашин, Рузу, Брянск. Серпейск; Димитрию Углич, Хлепень, Рогачев, Зубцов, Опоки, Мещовск, Опаков, Мологу; Симеону Бежецкий Верх, Калугу, Козельск; Андрею Верю, Вышегород, Алексин, Любутск, Старицу, Холм, Новый Городок. Имея особенных придворных и воинских чиновников, пользуясь всеми доходами своих городов и волостей, братья Василиевы не могли в оных судить душегубства, ни делать монеты и не участвовали в выгоде откупов государственных; однако ж Василий обязывался уделять им часть некоторых Московских сборов и не по-

купать земель в их отчинах, которые оставались наследственными для их сыновей и внуков. То есть меньшие сыновья Иоанновы должны были иметь права только частных владельцев, а не Князей Владетельных. Одна Рязань еще представляла тень вольной Державы: Князь ее, Иоанн, умер в 1500 году, оставив пятилетнего сына, именем также Иоанна, под опекою матери, Агриппины, и бабки его, любимой сестры Великого Князя, Анны, которая преставилась в 1501 году, утвердив внука в достоинстве независимого Владетеля, но только именем: ибо государь Московский был в самом деле верховным повелителем Рязани, ее войска и народа. – Исполняя желание отца, Василий и братья его обязались между собою грамотами жить в согласии по родительскому завещанию.

Иоанн хотел утвердить спокойствие нашей Православной Церкви. В сие время возобновилось дело *Жидовской ереси*, нами описанной. Еще она не пресеклась, хотя и скрывалась. Иосиф Волоцкий в Москве, Архиепископ Геннадий в Новгороде неутомимо старались истребить сие несчастное заблуждение ума: первый только говорил и писал, второй действовал в своей Епархии, откуда многие из гонимых еретиков бежали в Немецкую землю и в Литву. Убежденный наконец представлениями Духовенства или сам видя упрямство отступников, не исправленных средствами умеренности, ни клятвою церковною, ни заточением, Великий Князь решился быть строгим, опасаясь казаться излишне снисходительным или беспечным в деле душевного спасения. Созвав Епископов, он вместе с ними и с Митрополитом снова выслушал доносы. Иосиф Волоцкий заседал с судиями, гремел красноречием, обличал еретиков и требовал для них мирской казни. Главными из обвиняемых были Дьяк Волк Иван Курицын, посланный к Императору Максимилиану с Юрием Траханиотом, – Дмитрий Коноплев, Иван Мак-

симов, Некрас Рукавов и Кассиан, Архимандрит Юрьевского Новгородского монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своих понятий о Вере; были осуждены на смерть и всенародно сожжены в клетке; иным отрезали язык, других заключили в темницы или разослали по монастырям. Почти все изъевляли раскаяние; но Иосиф доказывал, что раскаяние, вынужденное пылающим костром, не есть истинное и не должно спасти их от смерти. Сия жестокость скорее может быть оправдана политикою, нежели Верою Христианскою, столь небесно-человеколюбивою, что она ни в коем случае не прибегает к мечу; единственными орудиями служат ей мирные наставления, молитва, любовь: таков по крайней мере дух Евангелия и книг Апостольских. Но если кроткие наставления не имеют действия; если явный, дерзостный соблазн угрожает Церкви и Государству, коего благо тесно связано с ее невредимостию: тогда не Митрополит, не Духовенство, но Государь может справедливым образом казнить еретиков. Сия пристойность была соблюдена: их осудили, как сказано в летописях, по *градскому закону*¹⁵⁰.

Узнав о болезни Иоанна и думая, что приближение смерти легко может ослабить твердость его в правилах внешней Политики, Александр чрез новых Великих Послов, Воеводу Станислава Глебовича, Пана Юрья Зиновьевича и *Писаря*, или Секретаря Государственного, Богдана Сапегу, предложил Великому Князю купить дружество Литвы уступкою ей наших завоеваний. Король именовал Иоанна *отцом* и *братом*: Елена кланялась ему с почтением и нежностью. Сей Монарх, приближаясь ко гробу, без сомнения желал бы провести остаток своих дней в тишине, тем более что спокойствие его любезной дочери зависело от согласия между ее родителем и супругом; но Иоанн знал свою обязанность: еще сидел на

троне, следственно, должен был мыслить только о благоденствии отечества; не измерял веком своим века России, смотрел далее гроба и хотел жить в ее величии. Боярин его, Яков Захарьевич, сказал Послам Литовским: «Великий Князь никому не отдает своего. Желаете ли истинного, прочного мира? уступите России и Смоленск и Киев». По многих прениях Паны уехали, и Король уверился в невозможности заключить вечный мир с Иоанном на условиях, каких ему хотелось. Предметом дальнейших сношений между ими были единственно дела пограничные: жаловались то наши, то Литовские подданные на обиды. С обеих сторон обещали удовлетворение и рождались новые неудовольствия. Знатный Королевский чиновник, Евстафий Дашкович, житель Волынии, Веры Греческой, уехал в Москву с великим богатством и со многими Дворянами: Александр требовал, чтобы мы, согласно с перемирною грамотою, выдали ему сего человека. Иоанн отвечивал, что грамотою определено выдавать татей, беглецов, холопей, должников и злодеев; а Дашкович был у Короля Воеводою, не уличен ни в каком преступлении и добровольно вошел к нам в службу, как то и в старину делалось невозбранно. — Чтобы иметь верные известия о внутренних обстоятельствах Литвы, Государь посылал гонцов к Елене с дарами, приказывая всегда дружески кланяться ее супругу.

[1504–1505 гг.] Мы видели, что Политика Западной Европы уже находилась в связи с нашею: война Литовская, славная для Иоаннова оружия, придала нам еще более важности и знаменитости. Император Максимилиан вспомнил о России и выгодах ее союза против сыновей Казимировых: он жалел о Венгрии, неохотно им уступленной Владиславу; думал возобновить свои требования на сие Королевство и послал к Великому Князю чиновника, именем Гартингера, который, выехав из Ауг-

сбурга в Августе 1502 года, прибыл в Москву не прежде, как в Июле 1504. Слог Максимилианова письма достоин замечания. «Слышу, – говорит Император, – что *некоторые* соседственные Державы восстали на Россию. Помня клятвенные обеты нашей взаимной любви, я готов помогать тебе, моему брату, советом и делом». Не сказано ни слова о Венгрии; но посол, как надобно думать, говорил о том изустно Иоанновым Боярам. В другом особенном письме Император просит у Великого Князя белых кречетов. Милостиво угостив Гартингера обеденным столом во дворце, Иоанн ответствовал Максимилиану, что Россию воевали Король Польский и Магистр Ордена, были наказаны и примирились с нею на время; что если Император, в случае новых неприятельских действий с их стороны, поможет Россиянам, то и Россияне, исполняя договор, помогут Австрии овладеть Венгриею. Государь извинялся, что не отправляет собственного Посла в Германию: ибо Король Александр и Магистр Ливонский без сомнения остановили бы его на пути. – В следующем году тот же Гартингер, находясь в Эстонии, чрез Иваньгород доставил в Москву новые грамоты от Максимилиана и сына его, Филиппа, Короля Испанского, к Иоанну и юному Василию, *Царям* России. Гартингер просил ответа на языке Латинском, сказывая, что Делатор умер и что при дворе их нет уже ни одного человека, знающего Русский язык. Дело шло о Ливонских пленниках: Максимилиан и Филипп убеждали Великих Князей освободить сих несчастных, изнуренных долговременною неволею; а Гартингер ручался за безопасность нашего Посольства, если Иоанн велит кому-нибудь из своих придворных ехать в Немецкую землю на Ригу, чтобы сделать тем удовольствие Максимилиану. Но Великий Князь не сделал сего; сам писал к Императору, а Василий к Королю Филиппу, учтиво и ласково, с объяснением, что пленники

немедленно будут свободны, когда Магистр прервет дружественную связь с Литвою. Одним словом, Иоанн, по-видимому, уже худо верил Максимилиану: платил только ласками за ласки и дарил ему кречетов, но не хотел изменить для него своим правилам и жалел денег на бесполезное Посольство в Австрию.

Сын и наследник Великого Князя, Василий, имел уже 25 лет от рождения и еще не был женат, в противность тогдашнему обыкновению. Политика осуждает брачные союзы Государей с подданными, особенно в правлениях самодержавных: свойственники требуют отличия без достоинств, милостей без заслуг; и сии, так сказать, родовые Вельможи, пользуясь исключительными правами, редко не употребляют оных во зло, думая, что Государь обязан в них уважать самого себя, то есть честь своего дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственные доуки вредят драгоценному спокойствию Монарха. Зная сию, как и многие другие важные для единовластия истины по внушению собственного Гения, Иоанн думал женить сына на Принцессе иностранной: будучи союзником Дании, он предлагал ее Королю утвердить их взаимную дружбу свойством: для того, может быть, находился в Москве Датский Посол около 1503 года; но Король – в угождение ли Шведам, коих ему хотелось снова подчинить Дании и которые не любили России, или затрудняясь иноверием жениха – уклонился от чести быть тестем наследника Великокняжеского и выдал дочь свою, Елисавету, за Курфирста Бранденбургского. Видя пред собою близкую кончину, желая благословить счастливый брак сына и не имея уже времени искать невесты в странах отдаленных, Государь решился тогда женить его на подданной. Пишут, что сам Василий хотел того, уважив совет любимого им Боярина, Грека Юрия Малого, у которого была дочь невеста; но жених выбрал иную,

будто бы их 1500 благородных девиц, представленных для сего ко Двору: Соломонию, дочь весьма незнатного сановника Юрия Константиновича Сабурова, одного из потомков выходца Ординского, Мурзы Чета. Соломония отличалась, как вероятно, достоинствами целомудрия, красотой, цветущим здоровьем; но в выборе не участвовала ли и Политика? Может быть, Иоанн лучше хотел вступить в свойство с простым дворянином, нежели с Князем или с Боярином, чтобы иметь более способов награждать родственников невестки без излишней щедрости и не уделяя им особенных прав, несовместных с званием подданного. Отец Соломонии был возвышен на степень Боярина уже в Царствование Василия. Но мудрый Иоанн не предвидел, что сей брак, приблизив Годуновых, ее родственников, ко трону, будет виною ужасных для России бедствий и гибели Царского дома!¹⁵¹

В то время, когда двор и столица ликовали, празднуя свадьбу юного Великого Князя, Государь сведал о злобной измене нашего Казанского присяжника, Магмет-Аминя. Сей так называемый Царь всего более любил корысть и лукавую жену свою, бывшую вдову Алегамову, которая несколько лет жила невольницею в Вологде. Ненавидя Россиян как злодеев ее первого мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно беседовала с Вельможами Казанскими о средствах и приступила к делу, возбуждая Магмет-Аминя быть истинным, независимым Владетелем. «Что ты? раб Московского тирана, – говорила ему Царица: – ныне на престоле, завтра в темнице и подобно Алегаму умрешь невольником. Цари и народы презирают тебя. Воспряни от унижения к величию: свергни иго или погибни достойным славы». Пленительные ласки ее действовали еще сильнее красноречия: она день и ночь, по словам Летописца, висела на шее у мужа и достигла желаемого. Забыв милости Иоанна, своего названного отца, и

присягу, Магмет-Аминь дал ей слово отложиться от России; но еще медлил и послал одного из Вельмож, Князя Уфимского, с какими-то представлениями в Москву. Будучи недоволен оными – угадывая, может быть, и злое его намерение, – Иоанн велел ехать в Казань Дьяку Михайлу Кляпику, чтобы объясниться с Царем. Тогда Магмет-Аминь решился действовать явно. Настал праздник Рождества Иоанна Предтечи, день славной ярмонки в Казани, где гости Российские съезжались с Азиатскими меняться драгоценными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малейшего насилия: ибо Казань уже 17 лет считалась как бы Московскою областью. В сей день схватили там Посла Великокняжеского и наших купцов: многих умертвили, не щадя ни жен, ни детей, ни старцев; иных заточили в Улусы Ногайские; ограбили всех без исключения. Народы не любят господ чужеземных: Казанцы, обольщенные и свободою и корыстию, служили усердным орудием воли Царской, в исступлении злобы лили кровь Москвитян и радовались отнятыми у них сокровищами. «Магмет-Аминь, – сказано в летописи, – наполнил целую палату серебром Русским, наделал себе золотых венцов, сосудов, блюд; уже перестал есть из медных котлов, или *опаниц*, являясь на пирах в сиянии драгоценных камней и металлов, в убранстве истинно Царском. Самые бедные Казанские жители разбогатели: носив прежде зимою и летом овчины, украсились тканями шелковыми и в одеждах разноцветных, как павлины, гордо расхаживали пред своими *катупами*, или домами».

Надменный убийством мирных гостей, Магмет-Аминь вооружил 40 000 Казанцев, призвал 20 000 Ногаев, вступил в Россию, умертвил несколько тысяч земледельцев, осадил Нижний Новгород и выжег все посады. Воеводою был там Хабар Симский: имея мало воинов для защиты города, он выпустил из темницы

300 Литовских пленников, взятых на Ведроше; дал им ружья и Государевым именем обещал свободу, если они храбростию заслужат ее. Сия горсть людей спасла крепость. Будучи искусными стрелками, Литовцы убили множество неприятелей и в том числе Ногайского Князя, шурина Магмет-Аминева, который, стоя близ стены, распоряжал приступом. Видя его мертвого, Ногайские полки уже не хотели биться: сделалась распря между ими и Казанцами; началось даже кровопролитие. Царь едва мог смирить их; снял осаду и бежал восвояси. — Литовские пленники немедленно были освобождены, с честью, благодарностию и дарами.

Великий Князь не успел наказать Магмет-Аминя: высланные против него Московские Воеводы худо исполнили свою обязанность; имея около 100 000 ратников, не пошли за Муром и дали неприятелю удалиться спокойно. В сие время болезнь Иоаннова усилилась: подобно великому своему деду, Герою Донскому, он хотел умереть Государем, а не Иноком; склоняясь от престола к могиле, еще давал повеления для блага России и тихо скончался 27 октября 1505 года, в первом часу ночи, имея от рождения 66 лет 9 месяцев и властвовав 43 года 7 месяцев. Тело его погребли в новой церкви Св. Архистратига Михаила. Летописцы не говорят о скорби и слезах народа: славят единственно дела умершего, благодаря Небо за такого Самодержца!

Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих Государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народов: он есть Герой не только Российской, но и Всемирной Истории. Не теряясь в сомнительных умствованиях Метафизики, не дерзая определять вышних намерений Божества, внимательный наблюдатель видит счастливые и бедственные эпохи в летописях гражданского общества, какое-то согласное течение мирских

случаев к единой цели или связь между ними для произведения какого-нибудь главного действия, изменяющего состояние рода человеческого. Иоанн явился на феатре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом Государей возникала в целой Европе на развалинах системы феодальной, или поместной. Власть Королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от ига Мавров, сделалась первостепенною Державою. Португалия цвела, приобретая богатства успехами мореплавания и важными для торговли открытиями. Разделенная Италия хвалилась по крайней мере флотами, купечеством, искусствами, науками и тонкою политикою. Беспечность и равнодушие Императора, Фридриха IV¹⁵², не могли успокоить Германии, волнуемой междоусобиями; но сын его, Максимилиан, уже готовил в уме своем счастливую перемену для ее внутреннего состояния, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушием Рудольфовых преемников, и поставил дом Австрийский на вышнюю степень величия. Венгрия, Богемия, Польша, управляемые тогда Гедиминовым родом, составляли как бы одну Державу и вместе с Австриею могли обуздывать ужасное для Христиан властолюбие Баязета. Соединение трех Государств северных, обещаая им силу и важность в политической системе Европы, было предметом усилий Короля Датского. Республика Швейцарская, основанная любовью к вольности, безопасная в ограде твердынь Альпийских, но побуждаемая честолюбием и корыстию, хотела славы участвовать в расправах Монархов сильнейших и заслуживала оную храбростию своих Пастырей. Ганза – сей торговый и воинский союз осьмидесяти пяти городов Немецких, беспримерный в летописях и весьма достопамятный в отношении к древней России, – пользовалась всеобщим уважением

Государей и народов. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонского и Немецкого. Кроме успехов власти Монархической и разумной Политики, которая произвела сношения между самыми отдаленными Государствами – кроме лучшего гражданского состояния, если не всех, то по крайней мере многих Держав – век Иоаннов ознаменовался великими открытиями. Гуттенберг и Фауст изобрели книгопечатание¹⁵³, которое более всего способствовало распространению знаний, едва ли уступая в важности и в пользе изобретению букв. Колумб открыл новый мир, привлекательный для хищного корыстолюбия и торговли, любопытный для испытателей Естества и для Философа, который, видя там человечество в состоянии дикой Природы и все начальные степени ума гражданского, Историею Америки объяснил для себя Всемирную. Драгоценные произведения Индии достигали Азова чрез Персию и море Каспийское, путем многотрудным, медленным, неверным: сия страна, древнейшая населением, образованием, художествами, скрывалась от европейцев как бы щитом непроницаемым, и темные об ней слухи рождали басни о несметных ее богатствах. Смелые порывы некоторых мореплавателей обойти Африку увенчались наконец совершенным успехом, и Васко де Гама, оставив за собою мыс Доброй Надежды, с таким же восторгом увидел берег Индии, с каким Христофор Колумб Америку. Сии два открытия, обогатив Европу, распространив ее мореплавание, умножив промышленность, сведения, роскошь и приятности гражданской жизни, имели сильное влияние на судьбу Держав. Политика сделалась хитрее, дальновиднее, многосложнее: при заключении государственных договоров Министры смотрели на географические чертежи и вычисляли торговые прибыли, основывая на них государственное могущество; родились новые связи

между народами; одним словом, началась новая эпоха, если не для мирного счастья людей, то по крайней мере для ума, для силы Правительств и для общественного духа Государств благоприятная.

Россия около трех веков находилась вне круга Европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов. Хотя ничто не делается вдруг; хотя достохвальные усилия Князей Московских, от Калиты до Василия Темного, многое приготовили для Единовластия и нашего внутреннего могущества: но Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Благотворная хитрость Калиты была хитростию умного слуги Ханского. Великодушный Димитрий победил Мамаю, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу. Сын Донского, действуя с необыкновенным благоразумием, соблюдал единственно целостность Москвы, невольно уступив Смоленск и другие наши области Витовту, и еще искал милости в Ханах; а внук не мог противиться горсти хищников Татарских, испил всю чашу стыда и горести на престоле, униженном его слабостию, и, быв пленником в Казани, невольником в самой Москве, хотя и смирил наконец внутренних врагов, но восстановлением Уделов подвергнул Великое Княжество новым опасностям междоусобия. Орда с Литвою, как две ужасные тени, заслоняли от нас мир и были единственным политическим горизонтом России, слабой, ибо она еще не ведала сил, в ее недрах сокроенных. Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды, подобной нынешним Киргизским, сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царяграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорам, ни гордым Султанам; без учения, без наставлений, ру-

ководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней: силою и хитростию восстанавливая свободу и целостность России, губя Царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новгородскую, захватывая Уделы, расширяя владения Московские до пустынь Сибирских и Норвежской Лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники должны следовать постоянно, чтобы утвердить величие Государства. Бракосочетанием с Софиею обратив на себя внимание Держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и Царства, не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно великому, хитрому Монарху, не имеющему никаких страстей в Политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что Россия, как Держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних.

Совершая сие великое дело, Иоанн преимущественно занимался устройением войска. Летописцы говорят с удивлением о сильных его полках. Он первый, кажется, начал давать земли или поместья Боярским детям, обязанным, в случае войны, приводить с собою несколько вооруженных холопей или наемников, конных или пеших, соразмерно доходам поместья (от сего умножилось число ратников); принимал в службу и многих Литовских, Немецких пленников, волею и неволею: сии иноземцы жили за Москвою-рекою в особенной слободе. С его времени также начинаются *Розряды*¹⁵⁴, которые дают нам ясное понятие о внутреннем образовании войска, состоявшего

обыкновенно из пяти так называемых *полков*: Большого, Передового, Правого, Левого и Сторожевого, или запасного. Каждый имел своего Воеводу: но Предводитель Большого Полку был главным. Не дозволяя Вождям считаться между собою в старейшинстве, Государь еще менее терпел непослушание воинов: сын Великокняжеский, Димитрий, возвратясь из-под Смоленска, жаловался, что многие Дети Боярские без его ведома приступали к городу, отлучались из стана и ездили грабить: Иоанн наказал их всех, темницею или торговою казнию. Силою, устройством, мужеством рати и Воевод побеждая от Сибири до Эмбаха и Десны, он лично не имел духа воинского. «Сват мой, – говорил о нем Стефан Молдавский, – есть странный человек: сидит дома, веселится, спит спокойно и торжествует над врагами. Я всегда на коне и в поле, а не умею защитить земли своей». То есть Иоанн родился не воином, но Монархом; сидел на троне лучше, нежели на ратном коне, и владел скиптром искуснее, нежели мечом. Имея выспренный ум для государственной науки, он имел слуг для победы: Холмский, Стрига, Щеня вели к ней его легионы. Воин на престоле опасен: легко может обмануть себя и начать кровопролитие только для своего личного славолюбия; легко может одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливых. Ему трудно быть миролюбивым: а народы желают сего качества в Венценосцах. Одна необходимая для государственной целостности и независимости война есть законная: так Иоанн воевал с Ахматом и Литвою, среди успехов не отвергая мира, согласного с нашим благом.

Внутри Государства он не только учредил единовластие – до времени оставив права Князей Владетельных одним Украинским или бывшим Литовским, чтобы сдерживать слово и не дать им повода к измене, – но был и первым, истинным Самодержцем России, заставив благого-

веть пред собою Вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием Венценосца. Князья племени Рюрика и Св. Владимира служили ему наравне с другими подданными и славилась титулом Бояр, Дворецких, Окольничих, когда знаменитою, долговременною службою приобрели оное. Василий Темный оставил сыну только четырех Великокняжеских Бояр, Дворецкого, Окольничего: Иоанн в 1480 году имел уже 19 Бояр и 9 Окольничих, а в 1495 и 1496 годах учредил сан Государственного Казначая, Постельничего, Ясельничего, Конюшего. Имена их вписывались в особенную книгу для сведения потомков. Все сделалось чином или милостию Государевою. Между Боярскими Детьми придворными или младшими Дворянами находились сыновья Князей и Вельмож. — Председательствуя на соборах церковных, Иоанн всенародно являл себя Главою Духовенства; гордый в сношениях с Царями, величавый в приеме их Посольств, любил пышную торжественность; уставил обряд *целования* Монаршей руки в знак лестной милости; хотел и всеми наружными способами возвышаться пред людьми, чтобы сильно действовать на воображение; одним словом, разгадав тайны Самодержавия, сделался как бы земным Богом для Россиян, которые с *сего времени* начали удивлять все иные народы своею беспредельною покорностию воле Монаршей. Ему первому дали в России имя *Грозного*¹⁵⁵, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников. Впрочем, не будучи тираном подобно своему внуку, Иоанну Василиевичу Второму, он, без сомнения, имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума. Редко основатели Монархии славятся нежною чувствительностию, и твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостию. Пишут, что робкие женщины

падали в обморок от гневного, пламенного взора Иоаннова; что просители боялись идти ко трону; что Вельможи трепетали и на пирах во дворце, не смели шепнуть слова, ни тронуться с места, когда Государь, утомленный шумною беседою, разгоряченный вином, дремал по целым часам за обедом: все сидели в глубоком молчании, ожидая нового *приказа* веселить его и веселиться. – Уже заметив строгость Иоаннову в наказаниях, прибавим, что самые знатные чиновники, светские и духовные, лишаемые сана за преступления, не освобождались от ужасной торговой казни: так (в 1491 году) всенародно секли кнутом Ухтомского Князя, Дворянина Хомутова и бывшего Архимандрита Чудовского за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершего брата Иоаннова.

История не есть похвальное слово и не представляет самых великих мужей совершенными. Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни Донского, но стоит как Государь на высшей степени величия. Он казался иногда боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия осторожность есть вообще благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность. Что оставил миру Александр Македонский? – Славу. Иоанн оставил Государство, удивительное пространством, сильное народами, еще сильнее духом правления, то, которое ныне с любовью и гордостью именуем нашим любезным отечеством. Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла в нашествии Моголов: Россия нынешняя образована Иоанном; а великие Державы образуются не механическим сцеплением частей, как тела минеральные, но превосходным умом Державных. Уже современники первых счастливых дел Иоанновых возвестили в истории славу его: знаменитый Летописец Польский, Длу-

гош, в 1480 году заключил свое творение хвалою сего неприятеля Казимира. Немецкие, Шведские Историки шестого-надесять века согласно приписали ему имя Великого; а новейшие замечают в нем разительное сходство с Петром Первым¹⁵⁶: оба без сомнения велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных; не видим также, чтобы пекся о просвещении умов науками: призывая художников для украшения столицы и для успехов воинского искусства, хотел единственно великолепия; силы; и другим иноземцам не заграждал пути в Россию, но единственно таким, которые могли служить ему орудием в делах Посольских или торговых; любил изъявлять им только милость, как пристойно великому Монарху, к чести, не к унижению собственного народа. Не здесь, но в истории Петра должно исследовать, кто из сих двух Венценосцев поступил благоразумнее или согласнее с истинною пользою отечества. — Между иноземцами, которые искали тогда убежища и службы в Москве, достойны замечания Князь Таманский, Гуйгурсис, жертва Султанского насилия, и Кафинский Еврей Скарья: Государь милостивыми грамотами, скрепленными золотою печатью, дозволив им быть к себе, уверял их в особенном покровительстве и в совершенной свободе выехать из России, если не захотят в ней остаться.

Петр думал возвысить себя чужеземным названием Императора: Иоанн гордился древним именем Великого Князя и не хотел нового; однако ж в сношениях с иностранцами принимал имя *Царя* как почетное титуло Великокняжеского сана, издавна употребляемое в России. Так Изяслав II, Димитрий Донской назывались *Царями*. Сие имя не есть сокращение Латинского Caesar,

как многие неосновательно думали, но древнее Восточное, которое сделалось у нас известно по Славянскому переводу Библии и давалось Императорам Византийским, а в новейшие времена Ханам Могольским, имея на языке Персидском смысл *трона*, или верховной власти; оно заметно также в окончании собственных имен Монархов Ассирийских и Вавилонских: Фаллаа, Набонаш и проч. – Исчисляя в титуле своем все особенные владения Государства Московского, Иоанн наименовал оное *Белою Россиею*, то есть великою или древнею, по смыслу сего слова в языках Восточных.

Он умножил государственные доходы приобретением новых областей и лучшим порядком в собирании дани, расписав земледельцев на сохи и каждого обложив известным количеством сельских хозяйственных произведений и деньгами: что записывалось в особенные книги. Например, два земледельца, высевая для себя 6 *коробей*, или четвертей, ржи, давали ежегодно Великому Князю 2 гривны и 4 деньги (около нынешнего серебряного рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, так, что с тягла сходило по нынешним умеренным ценам более двадцати рублей нашими ассигнациями. Некоторые крестьяне представляли в казну пятую или четвертую долю собираемого хлеба, баранов, кур, сыр, яйца, овчины и проч. Одни давали более, другие менее, смотря по изобилию или недостатку в угодьях. – Торговля также обогащала казну более прежнего. Россия сделалась извне независимою, внутри спокойною: Государь любил пышность, дотоле неизвестную, и купцы наши вместе с иноземными стремились удовлетворить новым потребностям Москвы, где находилось для них несколько гостиных казенных дворов и где собиралась пошлина с товаров и с лавок. Иоанн перевел древнюю ярмонку из Холмопьяго города в Мологу, поместье сына его, Дими-

трия, и велел ему довольствоваться там старыми купеческими сборами, не умножать их, не вымышлять новых, предписав его братьям, чтобы они не запрещали своим людям ездить на сию важную для России ярмонку. Вероятно, что казна имела также немалый доход от внешней торговли: недаром Великий Князь столь ревностно заботился об ее безопасности в Азове и в Кафе; недаром Послы его обыкновенно езжали туда с обозами купеческими, нагруженными пушным драгоценным товаром, мехами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, *Лунскими* (Немецкими, Лондонскими) однорядками, холстом, юфтью: на что Россияне выменивали жемчуг, шелк, тафту. Богатство *древних* наших Государей известно более по сказкам, нежели по действительным историческим свидетельствам. Не говоря о дани, взятой Олегом с греков, знаем только, что Византийский Император Никифор дал Святославу 15 центнеров золота, если верить Льву Диакону, и что Мономах (как означено *буквою* в рукописи его *Поучения*) привез отцу *триста* гривен сего металла. По крайней мере *новейшие* Великие Князья не могли равняться богатством с Иоанном. «Каждому из сыновей моих, – говорит он в завещании, – оставляю по несколько ларцев с казною, за их и моею печатями, у Государственного Казначея, Печатника и Дьяков. Все иные сокровища, лалы, яхонты, жемчуг, драгоценные иконы, сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковые ткани, одежды – все, что находится в моей казне *постельной*, у Дворецкого, Конюшего, Ясельничих, Прикащиков в Москве, в Твери, Новгороде, Белеозере, Вологде и везде – то все сыну моему Василию». – Вспомним, что кроме умножения обыкновенных, поземельных и таможенных доходов, открытие и произведения Пермских рудников служили новым источником богатства для государствования Иоаннова.

Сей Монарх, оружием и политикою возвеличив Россию, старался, подобно Ярославу I, утвердить ее внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, в коих она имела необходимую нужду, быв долгое время жертвою разновластиа и беспорядка. Митрополит Геронтий, в 1488 году отсылая некоторых лишенных сана Иереев к суду Государева Наместника, пишет в своей грамоте, что они должны быть судимы, как уставил Великий Князь, по *Царским правилам*, или по законам Царей Греческих, внесенным в Кормчую книгу: следственно, сия книга служила тогда для нас и гражданским уложением в случаях, не определенных Российским правом. Но в 1491 году Иоанн велел Дьяку Владимиру Гусеву собрать все наши древние судные грамоты, рассмотрел, исправил и выдал собственное Уложение, писанное весьма ясно, основательно¹⁵⁷. Главным судиею был Великий Князь с детьми своими: но он давал сие право Боярам, Окольниковым, Наместникам, так называемым *Волостелям* и поместным Детям Боярским, которые, однако ж, не могли судить без Старосты, Дворского и *лучших людей*, избираемых гражданами. Судьям воспрещалось всякое пристрастие, лихоимство; но осужденный платил им и дьякам их десятую долю иска, сверх пошлины за печать, за бумагу, за труд. Все решилось единоборством: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновного, то есть побежденного, казнили смертию: всю собственность его отдавали истцу и судьям. За *первую* татьбу, кроме церковной и *головной* (то есть похищения людей), секли кнутом и лишали имения, делимого между истцом и судьею; преступник бедный выдавался истцу головою. За *вторую* татьбу казнили смертию, и даже без суда, когда пять или шесть *добрых* граждан утверждали клятвенно, что обвиняемый есть вор известный. Чело- века *подозрительного*, оговоренного татем, пытали; но

беспорочного не касались и требовали от него только поруки до объяснения дела. Несправедливое решение судей уничтожалось Великим Князем, но без всякого для них наказания. С жалобой, с доносом надлежало ехать в Москву, или к Наместнику, или к Боярину, имевшем судную власть в той области, где жил ответчик, за коим посылали *Недельщика*, или Пристава. Являлись свидетели. Судья спрашивал: «Можно ли им верить?» *Допросите их, как закон и совесть повелевают*, – ответствовали судимые. Свидетели начинали говорить: обвиняемый возражал, заключая обыкновенно речь свою так: «Требую присяги и суда Божия; требую *поля* и единоборства». Каждый вместо себя мог выставить бойца. Окольников и Недельщик назначали место и время. Избирали любое оружие, кроме огнестрельного и лука; сражались обыкновенно в латах и в шлемах, копьями, секирами, мечами, на конях или пешие; иногда употреблялись и кинжалы. Пишут, что в Москве был славный, искусный и сильный боец, с которым уже никто не смел схватиться, но которого убил один Литвин. Иоанн оскорбился; хотел видеть победителя, взглянул гневно, плюнул на землю и запретил судные поединки между своими и чужестранцами: ибо последние, зная превосходную силу Россиян, одолевали их всегда хитростию.

Сие Уложение, древнейшее после Ярославова, не должно удивлять нас своею краткостию: где все затруднения в тяжбах решились острым железом; где законодатель, так сказать, не распутывал их узла глубокомысленными соображениями, а рассекал его столь чудным уставом: там надлежало единственно дать правила для судебных поединков. Видим, как и в первобытных наших законах, великую доверенность к присяге, к совести людей. Телесные наказания унижали человечество в преступниках; но имя *доброто* гражданина, без всякого иного титула, было

правом на государственное уважение; кто имел его, тот в случае свидетельства одним словом спасал невинного или губил виновного. – Несогласные с рассудком, поединки судебные могли однако ж утверждать безопасность Государства: они питали воинский дух народа.

В Уложении Иоанновом находятся весьма немногие постановления о купле, займе, наследстве, землях, межах, холопях, земледельцах. Например: 1) «Кто купил вещь новую при двух или трех честных свидетелях, тот уже не лишается ее, хотя бы она была и краденая; но *кроме лошади*», следственно, лошадь возвращалась хозяину. – 2) «Если деньги или товары, взятые купцом, будут у него в пути отняты, сгорят или утратятся без его вины: то ему дать время для платежа, и без всякого росту; в противном же случае он, как виновный, отвечает всем имением и головою». Сей закон есть древний Ярославов. – 3) «Кто умрет без духовной грамоты, не имея сына: того имение и земли принадлежат дочери; а буде нет и дочери, то ближайшему родственнику». – 4) «Между селами и деревнями должны быть загороды: в случае потравы взыскать убыток с того, в чью загороду прошел скот. Кто уничтожит межу или грань, того бить кнутом и взять с него рубль в удовлетворение истцу» (закон Ярославов). – 5) «Кто три года владеет землею, тому она уже крепка; но если истец – Великий Князь, то сроку для иска полагается шесть лет: далее нет суда о земле. – 6) Крестьяне (или свободные земледельцы) отказываются из волости в волость, из села в село (то есть переходят от одного владельца к другому) за неделю до Юрьева дня¹⁵⁸ и через неделю после оногo. Пожилого за двор назначается рубль в степных местах, а в лесных 100 денег. – 7) Холоп или раб, с женою и детьми, есть тот, кто дает на себя крепость, кто идет к господину в Тиуны» (закон Ярославов) «и ключники сельские (но если дети служат другому господину или

живут сами собою, то они не участвуют в судьбе отца); кто женится на рабе; кто отдан в приданое или отказан по духовному завещанию. Если холоп, взятый в плен Татарами, уйдет от них: то он уже свободен и не принадлежит своему бывшему господину. Если отпускная, данная рабу, писана рукою господина, то она всегда действительна: иначе должна быть явлена Боярам и Наместникам, имеющим судное право, и подписана Дьяком. – 8) **Попа, Дьякона, Монаха, Монахиню, старую вдову** (которая питается от церкви Божией) судит Святитель; а мирянину с церковным человеком суд общий». – Сии законы, с помощью Греческих, или Номоканона, были достаточны. Древние обычаи служили им дополнением.

Иоанн учредил лучшую городскую Исправу, или Полицию: он велел поставить на всех Московских улицах *решетки* (или рогатки), чтобы ночью запирать их для безопасности домов; не терпя шума и беспорядка в городе, указом запретил гнусное пьянство; пекся о дорогах: завел почту, ямы, где путешественникам давали не только лошадей, но и пищу, если они имели на то приказ Государев. Здесь же вместим одну любопытную черту его заботливости о физиологическом благосостоянии народа. Открытие Америки доставило Европе золото, серебро и болезнь, которая доньне свирепствует во всех ее странах¹⁵⁹, искажая человечество, и которая с удивительною быстротою разлила свой яд от Испании до Литвы. Сперва не знали ее причины, и лицемеры нравственности не таились с нею во мраке. Историк Литовский пишет следующее: «В 1493 году одна женщина привезла из Рима в Краков болезнь *Французскую*. Сия ужасная казнь вдруг постигла многих: в числе их находился и *Кардинал Фридерик*». Слух о том дошел до Москвы: Великий Князь, в 1499 году посылая в Литву Боярского сына, **Ивана Мамонова**, в данном ему наставлении говорит: «Буду-

чи в Вязьме, разведай, не приезжал ли кто из Смоленска с недугом, в коем тело покрывается болячками и который называют Французским?» Иоанн хотел предохранить свой народ от нового бича Небесного.

Мы говорили о важнейших делах церковных. Кроме суда над еретиками, было еще три Собора: первый для уложения Церковной Пасхалии на осьмое тысячелетие, которое настало в 31 год Иоаннова государствования. Суеверные успокоились; увидели, что земля стоит и небесный свод не колеблется с исходом *седьмой тысячи*. Митрополит Зосима созвал Епископов и поручил Геннадию Новгородскому сделать исчисления Церковного круга. Сей разумный Святитель написал введение, где свидетельствами Апостолов и правилами истинного Христианства опровергает все мнимые предсказания о конце мира, известном Единому Богу. «Нам должно, – говорит он, – не искать таинств, сокровенных от мудрости человеческой, но молить Вседержителя о благоустройстве мира и церкви, о здравии и спасении великого Государя нашего, да цветет его Держава силою и победою». Сперва изложили Пасхалию только на 20 лет и дали рассмотреть оную Пермскому Епископу Филофею, которого вычисления утвердили ее верность: после того Геннадий означил на больших листах круги солнечные, лунные, Основания, Эпакты, *в руке лето и ключи границ от 533 до 7980 года*. **Сей Собор утвердил, что год начинается в России вместе с индиктом 1 Сентября.**

Второй Собор был при Симоне Митрополите. В 1500 году раздав Новгородские церковные земли Детям Боярским, Великий Князь мыслил, что Духовенству, и в особенности Инокам, непристойно владеть бесчисленными селами и деревнями, которые возлагали на них множество мирских забот. Сие важное дело именем Государя было предложено Митрополиту и всем

Епископам в общем их совете. Иоанн не присутствовал в оном. Митрополит послал к нему Дьяка Леваша с такими словами: «Отец твой, Симон Митрополит всея Руси, Епископы и весь Освященный Собор говорят, что от Равноапостольного Великого Царя Константина до позднейших времен везде Святители и монастыри *держали грады, власти и села*: никогда Соборы Св. Отцов не запрещали сего; запрещали им единственно продавать недвижимое достояние. При самых предках твоих, Великом Князе Владимире, Ярославле, Андрее Боголюбском, брате его Всеволоде, Иоанне Даниловиче, внуке блаженного Александра, современнике Чудотворца Петра Митрополита, и до нашего времени святители и монастыри имели грады и власти, слободы и села, управы, суды, пошлины, оброки и дани церковные. Не Святой ли Владимир, не Великий ли Ярослав сказали в уставе своем: *кто преступит его из детей или потомков моих; кто захватит церковное достояние и десятины Святительские, да будет проклят в сей век и будущий?* Самые злочестивые Цари Ординские, боясь Господа, щадили собственность монастырей и Святительскую: *не смели двинуть вещей недвижимых*. . . И так не дерзаем и не благоволим отдать церковного стяжания: ибо оно есть Божие и неприкосновенно». Великий Князь не захотел упорствовать; мыслил, но не совершил того, что в самом осьмом-надесять веке еще казалось у нас смелостию. Екатерина II чрез 265 лет исполнила мысль Иоанна III, присоединив земли и села церковные к государственному достоянию и назначив Духовенству денежное жалованье¹⁶⁰.

На третьем Соборе (в 1503 году) Иоанн уставил с Митрополитом, следуя правилам Апостольским и Св. Петра Чудотворца, чтобы ни Иереи, ни Дяконы вдовы не священнодействовали. «Забыв страх Божий, – сказано в сем приговоре, – многие из них держали наложниц, име-

нуемых *полунопадьями*. Отныне дозволяем им только, буде ведут жизнь непорочную, петь на крылосах и причащаться в олтарях, Иереям в епитрахихах, а Дяконам в стихарях, и брать четвертую долю из церковных доходов: уличенные же в пороке любострастия да живут в мире и ходят в светской одежде. Еще уставляем, чтобы Монахам и Монахиням не жить никогда вместе, но быть в особенности монастырям женским и мужеским», и проч. – Грамотою сего же Собора, скрепленную подписями Святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Несмотря на то, Архиепископ Геннадий дерзнул явно брать деньги с посвящаемых им Иереев и Дяконов: строгий Иоанн, свергнув его с престола Святительского, запер в Чудове монастыре, где он и кончил дни свои в горести.

Ревностный ко благу и достоинству Церкви, Великий Князь с удовольствием видел новую честь Духовенства Российского. Прежде оно искало милости в Византийских Святителях: тогда Москва сделалась Византиею, и Греки приходили к нам не только за дарами, но и за саном Святительским. В 1464 году Митрополит Феодосий поставил в Москве Митрополита Кесарии. Патриарх Иерусалимский, угнетаемый тиранством Египетского Султана, оставил Святые места и скончался на пути в Россию. Она была утешением бедных Греков, которые хвалились ее Православием и величием как бы их собственным. Знаменитые монастыри Афонские существовали нашими благодеяниями, в особенности монастырь Пантелеймона, основанный древними Государями Киевскими.

Соглашая уважение к Духовенству с правилами всеобщей монаршей власти, Иоанн в делах Веры соглашал терпимостью с усердием ко Православию. Он покровительствовал в России и Магометан и самых Евреев, но тем более изъявлял удовольствия, когда Христиане Латинской церкви добровольно обращались в наше ис-

поведание. Вместе с братом Великой Княгини Софии, с Италианскими и с Немецкими художниками в 1490 году приехал в Москву Каплан Августинского Ордена, именуемый в летописи Иваном «I» Спасителем, он торжественно принял Греческую Веру, женился на Россиянке и получил от Великого Князя богатое село в награду.

Описав государственные и церковные деяния, упомянем о некоторых бедствиях сего времени. В 1478 и 1487 годах возобновлялся мор в северо-западных областях России, Устюге, Новгороде, Пскове. Были неурожай, голые зимы, чрезвычайные разлития вод, необыкновенные бури, и в 1471 году, Августа 29, землетрясение в Москве. Целые города обращались в пепел, а столица несколько раз. В сих ужасных пожарах, днем и ночью, Великий Князь сам являлся на коне с Детьми Боярскими, оставляя трапезу и ложе: указывал, распоряжал, тушил огонь, ломал дома и возвращался во дворец уже тогда, как все угасало.

Наконец заметим еще две достопамятности: первая относится к истории наших старинных обычаев; вторая к ученой истории древних путешествий.

Иоанн, особенно любя свою меньшую дочь, не хотел расстаться с нею и не искал ей женихов вне России. Горестные следствия Еленина супружества, хотя и блестящего, тем более отвращали его от мысли выдать Феодосию за какого-нибудь иноземного Принца. В 1500 году он сочетал ее с Князем Василием Холмским, Боярином и Воеводою, сыном Даниила, славного мужеством и победами, который умер чрез шесть лет по завоевании Казани. Сия свадьба описана в прибавлении разрядных книг с некоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противник Ливонского Магистра, Героя Плеттенберга, Боярин и Полководец, Князь Даниил Пенко-Ярославский, был в Тысяцких, а Князь

Петр Нагой-Оболенский в *Дружках* с их женами. В поезде с женихом находилось более ста Князей и знатнейших Детей Боярских. У саней Великих Княгинь, Софии и Елены, шли Бояре, Греческие и Российские. Свадьбу венчал Митрополит в храме Успения. Не забыли никакого обряда, нужного, как думали, для счастья супругов; все желали его и предсказывали молодым; веселились, пировали во дворце до ночи. – Счастливые предсказания не сбылись: Феодосия ровно через год скончалась.

Доселе Географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных Европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Некто Афанасий Никитин, Тверский житель, около 1470 года был по делам купеческим в Декане и в Королевстве Голькондском¹⁶¹. Мы имеем его записки¹⁶², которые хотя и не показывают духа наблюдательного, ни ученых сведений, однако любопытны, тем более что тогдашнее состояние Индии нам почти совсем неизвестно. Здесь не место описывать подробности. Скажем только, что наш путешественник ехал Волгою из Твери до Астрахани, мимо Татарских родов *Услана* и *Берекзаны*, из Астрахани в Дербент, Бокару, Мазандеран, Амоль, Кашан, Ормус, Маскат, Гузурат и далее, сухим путем, к горам Индейским, до Бедера, где находилась столица Великого Султана *Хоросанского*, видел *Индейский Иерусалим*, то есть славный Элорский храм¹⁶³, как вероятно; именует города, коих нет на картах; замечает достопамятное; удивляется роскоши Вельмож и бедности народа; осуждает не только суеверие, но и худые нравы жителей, исповедующих Веру Брамь; везде тоскует о Православной Руси, сожалея, если кто из наших единоземцев, прельщенный славою Индейских богатств, вздумает ехать по его следам в сей мнимый рай купечества, где много перцу и красок, но мало *годного для России*, наконец возвращается в Ормус и, чрез Ис-

пагань, Султанию, Требизонт прибыв в Кафу, заключает историю своего шестилетнего путешествия, которое едва ли доставило ему что-нибудь, кроме удовольствия описать оное: ибо Турецкие Паши отняли у него большую часть привезенных им товаров. Может быть, Иоанн и не сведал о сем любопытном странствии: по крайней мере оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей¹⁶⁴, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что Индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко де Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о Догматах их Веры.

ПИСЬМО К КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ¹

Царское Село. 21 августа 1818

Любезнейшие друзья! Сердечно благодарим вас за добрые вести: вы здоровы и мы также. Вы, милый князь, сажались в коляску, чтобы ехать в Краков: надеюсь, что вам было еще веселее возвратиться, нежели ехать. Краков не Рим, однакож имеет свои древности, и притом славянские: можно видеть его с любопытством и с удовольствием. Скоро увидите гостью в Варшаве – вдовствующую Императрицу, а после и гостя – Императора, на возвратном его пути, следственно, уже зимою. Мы еще более прежнего полюбили Государя за его милостивое к нам расположение и ласки. Нынешний день мы у него, вероятно, в последний раз обедаем: после обеда он едет в Петергоф, в Стрельну, в Петербург, а 26 за границу.

М-ме Сталь² действовала на меня не так сильно, как на вас. Не удивительно: женщины на молодых людей действуют сильнее; а она в этой книге для меня женщина, хотя и весьма умная. Дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь важного человека в гаерское платье, или вашего ученого Линде учить грамоте по лакастерской методе. Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорее может упасть, нежели еще более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима. Эксперименты не годятся в таком случае. Впрочем, не мешаю другим мыслить иначе. Один умный человек сказал: «Я не люблю молодых людей, которые не любят вольности; но не люблю и пожилых людей, которые любят вольность». Если он сказал не бессмыслицу, то вы должны любить меня, а я вас. Потомство увидит, что лучше, или что было лучше для России. Для меня старика приятнее идти в комедию, нежели в залу национального собрания или в камеру депутатов, хотя я в душе республиканец, и таким умру.

Вы жалуетесь на мух: мы жалуемся на дожди, однакож надеемся, что когда-нибудь облака рассеются, и что мы проживем в Царском Селе до октября. У нас в городе будет другая квартира: в доме Кат. Фед. Муравьевой. Целую вас всех, любезнейших: отца, мать, крестницу, сестру и брата ее. Бог с вами и нами. Навеки ваш Карамзин.

МНЕНИЕ РУССКОГО ГРАЖДАНИНА

Государь! В волнении души моей, любящей отечество и Вас, спешу, после нашего разговора, излить на бумагу некоторые мысли (не думая ни о красноречии, ни о

строгом логическом порядке). Как мы говорим с Богом и совестью, хочу говорить с Вами.

Вы думаете восстановить Польшу *в ее целостности*, действуя, как Христианин, благодворя врагам. Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; оно выше земли и мира; выше всех законов – физических, гражданских, государственных – но их *не отменяет*. Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа-Спасителя: так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов; все осталось, как было на земле и как иначе быть не может: только возвысилась душа в ее сокровенностях, утвердилась в невидимых связях с Божеством, с своим вечным, истинным Отечеством, которое вне материи, вне пространства и времени. Мы сблизилась с Небом в *чувствах*, но *действуем* на земле, как и прежде действовали. *Несъм от мира сего*, сказал Христос: а граждане и государства в сем мире. Христос велит любить врагов: любовь есть *чувство*; но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять Государства. Вы христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России, как греки-язычники истребляли Персов на полях Эллады; Вы исполняли закон государственный, который не принадлежит к религии, но также дан Богом: закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ. Как Христианин, любите своих личных врагов; но Бог дал Вам Царство и вместе с ним обязанность исключительно заниматься благом оною. *Как человек по чувствам* души, озаренной светом Христианства, Вы можете быть выше Марка Аврелия, но *как Царь* Вы то же, что он. Евангелие молчит о Политике; не дает новой: или мы, захотев быть Христианами-Политиками, впадаем в противоречия и

несообразности. Меня ударят в ланиту: я как Христианин должен подставить другую. Неприятель сожжет наш город: впустим ли его мирно в другой, чтобы он также обратил его в пепел? Как мог язычник Марк Аврелий, так может и Христианин Александр благотворить врагам государственным, уже *побежденным*, следуя закону человеколюбия, известного и добродетельным язычникам, но единственно в таком случае, когда сие благотворение не вредно для Отечества. Любите людей, но еще более любите Россиян, ибо они и люди, и Ваши подданные, дети Вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра: но Александр взял их Русскою силою, а Россиян дал Ему Бог, и с ними снискал Он благотворительную славу *Освободителя Европы*.

Вы думаете восстановить *древнее* Королевство Польское; но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости? Во-первых (не говоря о Пруссии), спрашиваю: Австрия отдаст ли добровольно Галицию? Можете ли Вы, творец *Священного Союза*, объявить ей войну, противную не только Христианству, но и государственной справедливости? Ибо Вы Сами признали Галицию законным владением Австрийским. Во-вторых, можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную в собственности России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли Государи блюсти целость своих Держав? Сии земли уже *были Россиею*, когда Митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали *Великою*. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали загладить ее несправедливостью разделом самой России. Мы взяли

Польшу мечом: вот наше право, коему все государства Запада бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина отвечает Богу, отвечает Истории за свое дело; но оно сделано, и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное Российское владение. *Старых крепостей* нет в политике: иначе мы должны были бы восстановить и Казанское, Астраханское царства, Новгородскую республику, Великое княжество Рязанское и так далее. К тому же и *по старым крепостям* Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галицией, были некогда коренным достоянием России. Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: *ни пяди ни врагу, ни другу*. Наполеон мог завоевать Россию; но Вы, хотя и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо рассудите? Россия, Государь, безмолвна перед Вами; но если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела некогда Историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного Отечества, доброй, сильной России. Сей Историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Вам поляки; извиняем их, но Вас бы мы, Русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплескания ввергли нас в отчаяние. Государь, ныне славный, великий, любезный! отвечаю Вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу Русских и знаю их: мы лишились бы не только

прекрасных областей, но и любви к Царю; остыли бы душой и к Отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола; ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом; унизились бы перед другими и перед собою. Не опустел бы, конечно, дворец; Вы и тогда имели бы министров, генералов: но они служили бы не отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабством и хотите дать нам свободу!

Одним словом... и Господь Сердцеведец да замкнет смертью уста мои в сию минуту, если говорю Вам не истину... одним словом, восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровию землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу!

Нет, Государь, никогда Поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века, и если не бессмертны телом, то бессмертны славою! В делах государственных чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Волыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской. Чей голос должен быть слышнее для Вашего сердца? Они, в случае войны, впрочем, ни мало не вероятной (ибо кому теперь восстать на Россию?), могут изменить нам: тогда накажем измену силою и правом: право всегда имеет особенную силу, а бунт, как беззаконие, отнимает ее. Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас есть опаснее Поляков-россиян.

Государь! Бог дал Вам такую славу и такую Державу, что Вам без неблагодарности, без греха Христианского и без тщеславия, осуждаемого самою человеческою Политикою, нельзя хотеть ничего более, кроме того, чтобы утвердить мир в Европе и благоустройство в России: первый бескорыстным, великодушным посредничеством; второе хорошими законами и еще лучшей управой. Вы уже приобрели имя *Великого*: приобретите имя *Отца* нашего! Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, *как оно есть* ныне; но да существует, да благоденствует и Россия, как она есть и как оставлена Вам Екатериною!.. Екатерина любила Вас нежно, любила и наше отечество: ее тень здесь присутствует... умолкаю.

Царское Село. 17 октября 1819 года

ДЛЯ ПОТОМСТВА

NB. Читано Государю в тот же вечер. Я пил у Него чай в кабинете, и мы пробыли вместе, с глазу на глаз, пять часов, от восьми до часу за полночь. На другой день я у Него обедал; обедал еще и в Петербурге... но мы душою расстались, кажется, навеки... Потомство! Достойн ли я был имени гражданина Российского? Любил ли Отечество? Верил ли добродетели? Верил ли Богу?.. Я не знал нужды по своей бережливости и по милости Божией, но не имел достатка, имея многочисленное семейство, без способов воспитывать детей, как бы мне хотелось. Не хочу описывать всего разговора моего с Государем, но между прочим вот что я сказал Ему по-Французски: *Sire, Vous avez beaucoup d'amour propre... Je ne crains rein. Nous sommes tous egaux devant Dieu. Ce que je Vous dis, je*

J'aurais dit a Votre Pere... Sire, je meprise les liberalistes du jour: je n'aime que la liberte qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; je Vous parle, peut-etre, pour la derniere fois*.

Но вообще я мало говорил и не хотел говорить. Душа моя остыла...

Довольно сказанного для потомства и для сыновей моих, если они будут живы и вырастут. Прибавлю, что я не изменил скромности: не сказал никому ни слова о моем разговоре с Александром, кроме верной жены моей, с которой я жил в одну мысль, в одно чувство.

Санкт-Петербург. 29 декабрь 1819 года

NB. Сказал еще одному человеку: Императрице Елисавете¹.

24 февраля 1821 года

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I

от 23 августа 1822 года

Примите сердечную мою благодарность за две милости: за труд чтения и за драгоценные для меня строки. Что значат неблагоприятели моей Истории против *такого* читателя и судии благосклонного? Вы, Государь, умеете тешить людей не одними вещественными наградами. Как мне жаль, что Ваша любезная рука не означила каранда-

* Государь, Вы очень самолюбивы... Но я ничего не боюсь. Мы все равны перед Богом. Что я говорю Вам, я сказал бы и Вашему отцу... Государь, я презираю скороспелых либералистов, я признаю и люблю лишь такую свободу, которую у меня не может отнять никакой тиран... Я не нуждаюсь более в Вашем благоволении и понимаю, что, быть может, говорю с Вами в последний раз (*фр.*).

шом сомнительных выражений! С какою ревностью старался бы я отгадать Ваши мысли и согласить с ними мои без всякой неискренности! Теперь с нетерпением и без нескромности буду ждать нового доказательства Вашей редкой памяти: не уже ли, месяца четыре занимавшись важнейшими делами Европы, по Вашем к нам возвращении вспомните, что было замечено Вами в чтении моих тетрадей? И тогда еще не будет поздно *согласиться*: ибо надеюсь, что Бог возвратит Вас России до Нового года, а в текущем не отдам манускрипта в типографию. Не для моей Истории, а для моего Отечества желаю видеть Вас скорее. Машина заведенная действует и в отсутствие художника; но лучше, когда художник стоит подле, готовый немедленно исправить малейший беспорядок в ее движении. Государь! мы духом с Вами: умею издали смотреть на Вас с тем чувством, которое возьму с собою и на тот свет. Для истинной любви здешняя жизнь коротка. Я не очень боязлив, однакож боюсь отнимать у Вас время: иначе сколько бы еще мог сказать Вам о своей привязанности, право нелицемерной! Мы любим, конечно, для себя; но дорожу Вами и для всего, что достойно любви человеческой в земном путешествии. Дай Бог Вам успеха в трудах и здоровья для трудов! Вы служите орудием Провидению. Здесь *Либералисты*, там *Сервилисты*¹; истина и добро в середине: вот Ваше место, прекрасное, славное! Стойте же на часах без усталости. Я, например, как Историограф, могу дремать, ибо и Гомер дремал; но Вы бодрствуете за всех нас, и Вам скажет спасибо История неумытная. Государь! повторю сказанное мною Вам однажды в саду Царскосельском: быть Великим Монархом именно в наше время есть завидная доля для великодушия.

Будьте всегда, в отсутствии и в присутствии, милостивы к семейству *Карамзиных*.

Царское Село. 23 августа 1822 года

МЫСЛИ ОБ ИСТИННОЙ СВОБОДЕ

Можно ли в нынешних книгах или журналах (книги не достойны своего имени, ибо не переживают дня), можно ли в них без жалости читать нынешние слова: настало время истины; истиною все спасем; истиною все ниспровергнем... Но когда же было время неистины? Когда не было Провидения и вечных Его устоев? – Умные безумцы! И вы не новое на земле явление; вы говорили и действовали еще до изобретения букв и типографий!.. Настало время истины: то есть настало время спорить об ней!

Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху¹. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

Аристократы! Вы доказываете, что нам надобно быть сильными и богатыми в утешение слабых и бедных; но сделайте же для них слабость и бедность наслаждением! Ничего нельзя доказать против чувства: нельзя уверить голодного в пользе голода. Дайте нам чувство, а не теорию. – Речи и книги Аристократов убеждают Аристократов; а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат или не действуют, пока обузданы законом или силою: вот неоспоримое доказательство в пользу Аристократии: палица, а не книга! – Итак, сила выше всего? Да, всего, кроме Бога, дающего силу!

Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти?

Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание.

Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!

НОВОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ

Я ошибся: благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (от 1819 до 1825 года) мы имели с Ним несколько подобных *бесед* о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен, Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако же слушал их, хотя им, большей частью, и не следовал, так что ныне, вместе с Россией оплакивая кончину Его, не могу утешать себя мыслию о десятилетней милости и доверенности ко мне столь знаменитого Венценосца: ибо эти милость и доверенность остались бесплодны для любезного отечества. Правда, Россия удержала свои Польские области; но более счастливые обстоятельства, нежели мои слезные убеждения, спасли Александра от дела равно бедственного и несправедливого: по крайней мере, так сказал Он мне в Ноябре 1824 года. Я не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой Г... системе Финансов¹, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о Министерстве Просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, — о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, — наконец о необходимости иметь твердые законы, граждан-

ские и государственные. В последней моей беседе с Ним, 28 августа, от 8 до 11^{1/2} часов вечера, я сказал Ему как пропок: *Sire, Vous annees sont comptees, Vous n'avez plus rien a remettre, et Vous avez encore tant de choses a faire pour que la fin de Votre regne soit digne de son beau commencement**.

Движением головы и милою улыбкою Он изъявил согласие; прибавил и словами, что непременно все сделает: даст коренные законы России. Если не я, то другие увидят скоро, для чего Бог внезапно отнял Александра у России! Мне хочется более плакать, нежели писать об Нем. Я любил его искренне и нежно, иногда негодовал, досадовал на монарха и все любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким. Не боюсь встретиться с Ним на том свете, о котором мы так часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба веря Богу и добродетели.

Санкт-Петербург. 18 декабря 1825 года

ПИСЬМО К И. И. ДМИТРИЕВУ

С.-Петербург, 19 Дек. 1825

Любезнейший друг!

Мы здоровы после здешней тревоги 14 Дек. Я был во Дворце с дочерьми, выходил и на Исаакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упало к моим ногам. Новый Император показал неустрашимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с Полярною Звездой, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами. Милая жена моя

---

* Государь, Ваши годы сочтены, Вам нечего больше менять и Вам столько еще нужно сделать для того, чтобы конец Вашего правления был достоин его прекрасного начала (*фр.*).

нездоровая прискакала к нам во дворец около семи часов вечера. Я, мирный Историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятежа. Ни крест, ни Митрополит не действовали. Как скоро грянула первая пушка, Императрица Александра Федоровна упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: «для чего я женщина в эту минуту!» Добродетельная Имп. Мария повторяла: «что скажет Европа!» Я случился подле них: чувствовал живо, сильно, но сам дивился спокойствию моей души странной; опасность под носом уже для меня не опасность, а рок, и не смущает сердца: смотришь ей прямо в глаза с какою-то тишиною. В большой зале дворца толпа знати час от часу редела; однако ж все было тихо и пристойно. Молодые женщины не изъевляли трусости. В общем движении, к стороне, неподвижно сидели три Магната: Князь Лопухин, Граф Аракчеев и Князь А. Б. Куракин, как три монумента! В седьмом часу пели молебен; в осьмом стали все разъезжаться. Войско ночевало, среди огней, вокруг Дворца. В полночь я с тремя сыновьями ходил уже по тихим улицам, но в 11 часов утра, 15 Дек., видел еще толпы черни на Невск. Проспекте. Скоро все успокоилось, и войско отпустили на казармы. Теперь ждем вестей от вас: надеюсь, хороших. Напиши слова два. Жалею о Н. Е. Кашкине: преступник К. Оболенский ему родный племянник, если не ошибаюсь. Лавали в отчаянии за их зятя, Трубецкого. Катерина Фед. Муравьева раздрает сердце своею тоскою. Вот нелепая трагедия наших безумных Либералистов! Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ими не так много! Солдаты были только жертвою обмана. Иногда прекрасный день начинается бурей: да будет так и в новом Царствовании! Константин прославился навеки великодушным отречением: да будет славен Николай I между Венценосцами, благотворителями России! В моих глазах Он перекрестился и подписал Манифест

ввечеру 13 Дек., не без предчувствия, чему надлежало случиться. Этот Манифест сочинен Им Самим, а написан для печати Сперанским (равно как и второй о кове злодейском). Я только зритель, но устал душою: каково же Государю? Он умен, тверд, исполнен добрых намерений: призываем на Него благословение Божие. Мать, Супруга, Брат умиляют меня своими чувствами. – Мои писали к любезному Князю Петру Андреевичу*. Скажи ему (если увидишь его), что я целую его нежно и буду писать после. Будь здоров, милый друг! Авось скоро возвращусь к своей музе – старухе! Твой

Н. Карамзин

ПИСЬМО К КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

С.-Петербург, 31 декабря 1825

Любезнейшие друзья! Дай Бог вам и нам хорошего нового года! Будьте здоровы и благополучны в течение 1826 года! Обнимаем вас нежно, всех, от мала до велика.

Душевная лихорадка моя еще не совсем прошла, то есть, экзальтация, произведенная чрезвычайными обстоятельствами.

Чего мы, Карамзины, лишились в Александре, того уже никто не может возратить нам. Вы, милый князь, говорите о привычке моей: я говорю о свичке души с душою. Не было во мне ослепления, но было много любви, которую столько люблю! Можно ли читать без умиления, что пишут об Александре умнейшие французы и англичане? Нам лучше безмолвствовать красноречиво. От русской фабрики меня тошнит. Я не напишу ни слова: разве скажу что-нибудь в конце XII тома, или

* Вяземскому – *Прим. ред.*

в обозрении нашей новейшей Истории – через год или два, если буду жив. Иначе поговорю с самим Александром в полях Елисейских. Мы многого не договорили с ним в здешнем свете.

Сколько горести и беспокойства в семействах. Еще не имею точного, ясного понятия об этом и злом и безумном заговоре. Верно то, что общество тайное существовало и что целью его было ниспровержение правительства. От важного к неважному: многие из членов достаивали меня своей ненависти, или по крайней мере не любили; а я, кажется, не враг ни отечеству, ни человечеству. Слышно, что раскаяние некоторых искренно и полно. Бедные матери, жены, дети, младенцы! Не имея никакого политического влияния, молюся за Россию. Бог спас нас XIV декабря от великой беды. Это стоило нашествия французов: в обоих случаях вижу блеск луча как бы неземного. Опять могу писать свою Историю: жив, жив, курилка! Нежно обнимаем вас за предложение нам вашего городского и сельского жилища. Иногда действительно думаю о Москве, о Дрездене для воспитания детей, о берегах Рейна; но прежде хотелось бы издать дюжинный том моей исторической поэмы. Как Бог даст: я верю Ему не на шутку, прожив в свете около шестидесяти лет не бездушно и не с повязкою на глазах. Впрочем здесь ли, там ли – не много разницы: могу остаться и в Петербурге.

Беспокоюсь об Иване Ивановиче¹, давно не имея об нем известия.

Простите, любезнейшие. Навеки ваш Н. Карамзин.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Публикуется по: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Сост., автор предисл. и примеч. В. А. Грихин. М.: Сов. Россия, 1983. С. 290–295, 320–325.

«Письма» появились благодаря путешествию Н. М. Карамзина в Европу в 1789–1790 гг. В числе прочих государств Западной Европы молодой писатель посетил революционную Францию. «Письма» начали публиковаться в 1791 г., но первое полное их издание увидело свет в 1801 г.

¹ По книге Бартеlemi, приехав в Афины, Анахарсис нашел в академии Платона. «Он принял меня, – сказал молодой скиф, – в равной мере вежливо и просто и так отменно похвалил моего предка философа Анахарсиса, что я покраснел, оттого что ношу то же имя». *Бартеlemi Ж.-Ж.* Путешествие молодого Анахарсиса. Т. II, гл. 7 (*Voyage du jeune Anacharsis en Grèce. Vol. 2., çh. VII. (фр.)*).

МЕЛОДОР К ФИЛАЛЕТУ. ФИЛАЛЕТ К МЕЛОДОРУ

Публикуется по: *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 245–250.

«Диалог в двух письмах» «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» впервые опубликован автором во второй части альманаха «Аглая» в 1795 г. Мелодор (*греч.*) – «даритель

песен», поэт; Филалет (*греч.*) – «любитель истины». Знаменитый масон Н. И. Новиков в Мелодоре узнавал самого Карамзина, а в Филалете – некоего молодого человека Петрова.

¹ Цитата из «Послания к Дмитриеву» Н. М. Карамзина.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЕКАТЕРИНЕ II

Публикуется по: *Ермашов Д. В., Ширинянц А. А. У истоков российского консерватизма // Карамзин Н. М. М., 1999. С. 81–136.*

Работа написана в 1801 г., впервые отдельным изданием опубликована в Москве в 1802 году.

¹ Пирра – в древнегреческой мифологии дочь Эпиметея и Пандоры, жена Девкалиона, мать Эллина, родоначальника греков. Первая смертная женщина, которую вылепили боги. Во время Всемирного Потопа спаслась вместе с мужем и приняла непосредственное участие в возрождении человеческого рода.

² Анри де Ла Тур д'Овернь де Тюренн (11.09.1611 – 27.07.1675), известный под именем Тюренн, – знаменитый французский полководец, маршал Франции (1643) и главный маршал Франции (1660).

³ Карамзин намекает на так называемый сарматизм – шляхетскую идеологию, распространенную в Речи Посполитой в XVI–XIX вв.

⁴ Греческие острова Эгейского моря.

⁵ Польский король Станислав II Август и австрийский император Иосиф II.

⁶ Александрийский маяк.

⁷ Нума (Помпилий) – согласно легенде, второй царь Древнего Рима, которому приписывается упорядочение календаря, учреждение религиозных культов, жреческих и ремесленных коллегий. Законотворчеству его обучила нимфа Эгерия.

⁸ Имеются в виду Чумной бунт, начавшийся во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., и восстание Е. И. Пугачева.

⁹ Густав III – король Швеции (1771–1792); Фридрих Вильгельм II – король Пруссии (1786–1797); Питт, Уильям Младший – премьер-министр Великобритании (1783–1801). Приведем весьма характерные слова этого «истинного британца»: «Мы не только превратим Петербург в жалкие развалины, но сожжем и верфи Архангельска, наши эскадры настигнут русские корабли даже в укрытиях Севастополя! И пусть русские плавают потом на плотках, как первобытные дикари». (1791 г.).

¹⁰ Александр I.

ВСЕОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

Публикуется по: Всеобщее обозрение // Вестник Европы. Часть I. Январь. 1802. № 1. С. 66–84.

¹ Острова Тринидад в Вест-Индии и Цейлон (Шри-Ланка).

ПРИЯТНЫЕ ВИДЫ, НАДЕЖДЫ И ЖЕЛАНИЯ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

Публикуется по: Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. Часть III. Июнь. 1802. № 6. С. 314–331.

СТРАННОСТЬ

Публикуется по: Странность // Вестник Европы. Часть I. Январь. 1802, № 2. С. 52–57.

О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ

Публикуется по: О любви к Отечеству и народной гордости // Вестник Европы. Часть I. Февраль. 1802, № 4. С. 56–69.

¹ Человечность.

ПАДЕНИЕ ШВЕЙЦАРИИ

Публикуется по: Падение Швейцарии // Вестник Европы. Часть V. Октябрь. 1802. № 20. С. 319–321.

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1802, № 20.

ВЗОР НА ПРОШЕДШИЙ ГОД

Публикуется по: Взор на прошедший год // Вестник Европы. Часть VII. Январь. 1803. № 1. С. 75–80.

¹ Тимолеон (ок. 411–337 гг. до н. э.) – древнегреческий тираноборец и демократ.

² «Утопия» – наиболее известное произведение Т. Мора (1478–1535).

О НОВОМ ОБРАЗОВАНИИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Публикуется по: О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. Часть VIII. Март. 1803, № 5. С. 49–61.

О ВЕРНОМ СПОСОБЕ ИМЕТЬ В РОССИИ ДОВОЛЬНО УЧИТЕЛЕЙ

Публикуется по: О верном способе иметь в России довольно учителей // Вестник Европы. Часть VIII. Апрель. 1803. № 8. С. 317–326.

О СЧАСТЛИВЕЙШЕМ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ

Публикуется по: О счастливейшем времени жизни // Вестник Европы. Часть X. Июль. 1803. № 13. С. 51–56.

ПИСЬМО СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ

Публикуется по: Письмо сельского жителя // Вестник Европы. Часть XI. Сентябрь. 1803, № 17. С. 42–59.

¹ Ферула – линейка для наказания, которой били по ладони провинившегося ученика в античной и средневековой школе.

² Питейные заведения Российской империи в начале XIX века находились в казенной монополии.

³ Древнегреческий жрец и провидец, который, согласно преданию, заснул в зачарованной пещере и проспал 57 лет.

⁴ Иссоп – растение семейства яснотковых. Согласно Библии, использовалось в качестве кропила.

О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ В ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ И ГРАЖДАНСКОМ ОТНОШЕНИЯХ

Публикуется по: Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н. М. Карамзин / Под. ред. А. А. Ширинянца / Сост. Д. В. Ермашов, А. В. Пролубников, А. А. Ширинянц. М., 2001. С. 80–145.

Записка составлена по просьбе младшей сестры императора, великой княгини Екатерины Павловны, жившей со своим мужем, принцем Георгом Ольденбургским, в Твери. Там в марте 1811 г. она была представлена ею Александру I.

¹ Лесток, Иван Иванович (Жан Арман де Лесток) – один из виднейших участников заговора в пользу Елизаветы Петровны.

² Убри, Петр Яковлевич (1774–1847) – русский дипломат.

³ Имеется в виду воскресное издание «Бритиш Газетт энд Санди Монитор» (The British Gazette and Sunday Monitor).

⁴ Имеется в виду Анна Леопольдовна (1718–1746), мать младенца-императора Ивана VI Антоновича (1740–1741).

⁵ Повытье – здесь: отделение в канцелярии.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Публикуется по: *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. Под ред. А. М. Сахарова. М., Наука, 1989.

[Посвящение к «Истории государства Российского»]

Публикуется по: *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. Т. 1. / Под ред. А. М. Сахарова. М., Наука, 1989. С. 11–12.

Впервые опубликовано: *Н. М. Карамзин.* «История государства Российского». СПб., 1816. Том 1.

Предисловие [К «Истории государства Российского»]

Печатается по: *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. Т. 1. / Под ред. А. М. Сахарова. М., Наука, 1989. С. 13–22.

Впервые опубликовано: *Н. М. Карамзин.* «История государства Российского». СПб., 1816. Том 1.

¹ Дееписание – описание деяний.

² Апофегмы – апофегмы, краткие и меткие наставительные изречения, нравоучительные сентенции.

³ Пищан – приток Сожа в Могилевской области (совр. Белоруссия).

⁴ Болгары или булгары – тюркоязычные племена, жившие по берегам Камы и Волги; в X в. создали государство Волжскую Булгарию.

⁵ Карамзин так объяснял этот фрагмент: «Летописец хочет сказать, что первые киевские христиане (со времен Аскольда и Дира) были греческого [православного] исповедания, а не католики».

⁶ В русско-византийском договоре 944 г. упоминается церковь Св. Ильи в Киеве, вероятно построенная после креще-

ния княгини Ольги. Священники, о которых идет речь, были византийские и болгарские.

⁷ Ряд историков, например А. А. Шахматов, считают, что обряд крещения Владимира был совершен не в Херсонесе (Корсуни), а тайно в Киеве или Василеве (Василькове), городе, построенном Владимиром и названном так по его имени в крещении.

⁸ Кирилл (ок. 827–869) и Мефодий (ок. 815–885) – святые равноапостольные, просветители славян, создатели славянской азбуки, переводчики Писания на славянский язык.

⁹ Имеются в виду войны Владимира с белыми хорватами на западных границах. Седмиградская область – Трансильвания.

¹⁰ В современной исторической науке этот договор датируют 907 г.

¹¹ Речь идет о Десятиной церкви.

¹² Скандинавские названия упомянутого города – Альдейгаборг или Альдейгьюборг, впоследствии – Ладога – поселение у места впадения р. Волхов в Ладожское озеро, куда, согласно Иоакимовской летописи, прибыл Рюрик с варяжской дружиной.

¹³ Таким образом, христианизация Руси князем Владимиром приравнена церковью к деяниям апостолов – учеников Христа.

¹⁴ Имеются в виду Святослав Игоревич и Мстислав Владимирович.

¹⁵ Речь идет об адыгах.

¹⁶ Листвен – село на северо-востоке от Чернигова. Под Рудой Карамзин имел в виду р. Рудня – приток р. Сновь, правого притока Десны.

¹⁷ С. М. Соловьев считал, что «златая луда» – это расшитая золотом верхняя одежда.

¹⁸ Юрьев – современный Тарту в Эстонии. Название городу Ярослав дал по имени, принятому им в крещении – Юрий или Георгий.

¹⁹ На р. Рось были возведены города Корсунь (современный Корсунь-Шевченковский), Богуслав, Юрьев.

²⁰ Речь идет о брате жены Св. Владимира Анны византийском императоре Василии. При завоевании дунайской Болгарии он проявил большую жестокость, за что был прозван Болгаробойцей.

²¹ С точки зрения С. М. Соловьева здесь упоминается один из сыновей Владимира, «из которых многие пропали без вести». Пропонтида – Мраморное море. Лимна – остров Лемнос. Самский наместник – предположительно наместник с острова Самосаты. Солунский – из Салоник (от славянского названия Солунь).

²² Беллерофонт – герой древнегреческой мифологии, победитель Химеры. Карамзин допускал, что это могла быть статуя библейского Иисуса Навина.

²³ Речь идет о будущем короле Харальде III Хардероде. Союз Харальда и Елизаветы был заключен в 1045 г. От этого брака родились две дочери – Ингигерда и Мария.

²⁴ На момент смерти Генриха I наследнику престола Филиппу было 8 лет, и пока он не повзрослел, Анна была правительницей Франции. Некоторые авторы называли ее королевой Франции.

²⁵ Первый русский по происхождению митрополит Иларион был автором нравственно-религиозных сочинений, из которых наиболее видным является «Слово о Законе и благодати».

²⁶ Речь идет о населении пермской земли – коми. Югра – название земли и народов ханты и манси, населявших ее.

²⁷ Вероятно, это город Гольмград, который располагался на берегу Северной Двины. Позднее там возник город Холмогоры.

²⁸ Сейчас Заволочье ассоциируется с более узким регионом – между Онежским и Белым озерами и Северной Двиной. Там находились основные волока, связывавшие судоходные пути.

²⁹ Ярослав явился автором первой части «Русской правды» – «Правда Ярослава или Древнейшая Правда». Впоследствии она была дополнена его сыновьями («Правда Ярославичей») и внуком Владимиром Мономахом («Устав Владимира Всеволодовича»).

³⁰ Речь идет о «Законах двенадцати таблиц» – памятнике римского права V в. Эти законы были вырезаны на двенадцати досках.

³¹ Владимир Мономах отказывался от великокняжеского престола в течение двадцати лет, хотя имел на него не только моральное, но и законное право. Этот факт, безусловно, иллю-

стрирует высокие нравственные качества князя, прежде всего, отсутствие тщеславия и властолюбия.

³² Храм Св. Бориса и Глеба не сохранился. Летописные сведения о нем исчезают после монголо-татарского нашествия, во время которого храм предположительно и был разрушен. Во время археологических раскопок обнаружен только фундамент храма.

³³ Предположительно, речь идет о городе, располагавшемся на пути из Пскова к западу от Юрьева (Дерпта).

³⁴ Черные клобуки – тюркское кочевое племя, с к. XI до XIII в. населявшее Поросье и находившееся в вассальной зависимости от киевских князей. В XIII в. частично было поглощено монголами, частично смешалось с русским населением. Название «черные клобуки» дано по головному убору этого племени – черной войлочной шапке. Черкасы – устаревшее название южных кочевых племен.

³⁵ Среди современных историков господствует точка зрения, что «шапка Мономаха» не могла быть подарком византийского императора. Скорее всего, это работа восточных мастеров XIV в., но не византийского происхождения.

³⁶ На территорию Фракии могли проникать отдельные русские отряды, но завоевания войсками Владимира Мономаха не было.

³⁷ Володарь Ростиславич и Василько Ростиславич скончались в один год.

³⁸ Никифор – митрополит Киевский с 1104 г., грек по происхождению, автор ряда известных в свое время посланий и сочинений.

³⁹ В коалицию князей во главе с Андреем Боголюбским входили Глеб Переяславский, Роман Смоленский, Давид Вышегородский, Рюрик Овручский, Мстислав Вышегородский, Владимир Андреевич Дорогобужский, Всеволод Георгиевич (родной брат Андрея Боголюбского), Мстислав Ростиславич, Олег и Игорь Святославичи Северские.

⁴⁰ Ярослав Мудрый даровал Новгороду не только льготные грамоты, но также право выбирать епископа. Таким образом, он укрепил и политическую, и церковную независимость города.

⁴¹ Речь идет об иконе Божией Матери «Знамение». 27 ноября (10 декабря по новому стилю) – празднование этой иконе.

⁴² Имеется в виду назначение великого князя киевского. Сам факт назначения киевского князя владимирским князем свидетельствует об окончательном падении влияния Киева.

⁴³ Роль потомков боярина Кучки в свержении Андрея Боголюбского не является доказанным фактом.

⁴⁴ Можно предположить, что эти слова обращены к Александру I, так как подобные мысли были развиты в «Записке о древней и новой России», написанной Карамзиным специально для императора.

⁴⁵ В примечаниях Карамзин подвергал сомнению документальную основу этого события. Однако, учитывая решительный характер Андрея Боголюбского и целеустремленность его политики, можно предположить действительность этого события. Митрополия во Владимире Суздальском стала бы альтернативой действиям киевских митрополитов, имевших ощутимое влияние на политический климат.

⁴⁶ Имеется в виду одна из колоний Новгородской республики, возникшей в результате ее продвижения на Восток. Хлынов в 1780 г. был переименован в Вятку.

⁴⁷ Иван III пообещал тверскому князю Михаилу Борисовичу не входить в главную святыню Твери Спасо-Преображенский собор (участие в особой Литургии и объявление важных решений в соборе или на соборной площади было привилегией великих князей). Однако во время присоединения Твери к Московскому княжеству Иван III нарушил данное обещание. Обещание Ивана III не принимать городов от ордынского хана свидетельствует об уверенности князя в своих силах и военной неуязвимости Москвы.

⁴⁸ Имеется в виду малоизвестный князь сначала Пскова, затем Ростова.

⁴⁹ Упоминается столкновение войск Хаджи-Гирея и ордынского хана Ахмата в 1465 г.

⁵⁰ В средневековом сознании число 7 было роковым, кризисным, поэтому с концом седьмого тысячелетия от сотворения мира, приходившимся на 1491 или 1492 г., связывали возможный конец света. Эсхатологические ожидания в христианских

конфессиях, в свою очередь, были вызваны наличием в Библии сюжета о втором пришествии Христа.

⁵¹ Названия полков соответствуют местам проживания камцев, сыплинцев, костяков и т. д., населявших земли Камскую, Сыплинскую, Костяцкую и т. д. Беловоложцы жили по берегам р. Белая Воложка.

⁵² По преданию, колокола Хутынского монастыря были привезены из Корсуни, с которой у Руси установились интенсивные связи после крещения там Владимира Святославича.

⁵³ Такая титулатура берет начало с правления Василия Темного.

⁵⁴ Имеется в виду то, что женщины не могли принимать участия в вече.

⁵⁵ Далее Карамзин приводит сведения о Марфе Борецкой из «Жития Св. Зосимы». Марфе Борецкой была посвящена историческая повесть Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода», впервые опубликованная в «Вестнике Европы» в 1803 г. Если повесть отличалась романтически возвышенным описанием борьбы Новгорода за свою независимость, то в «Истории государства Российского» Карамзин оценивает политическую позицию Новгорода более взвешенно, уже с позиции ученого, а не писателя.

⁵⁶ То есть присягали именно как новгородцы.

⁵⁷ Здесь, скорее всего, имеется в виду серп, который видел Иоанн Богослов (Апокалипсис, 14, 14–18). В книге пророка Захарии серп не упоминается.

⁵⁸ Речь идет о разрушении Иерусалима в 70 г. римским императором Титом во время Иудейской войны, как назвали подавление народного восстания в Иудее.

⁵⁹ Апостол Андрей был распят римлянами по одним данным в 70 г., по другим – в 62 г. в г. Патри на острове Патросе в Эгейском море.

⁶⁰ Медиолан – латинское название ряда древних городов. На Руси так называли Милан.

⁶¹ Имеется в виду бракосочетание Владимира Святославича с византийской принцессой Анной, сопровождавшее его крещение.

⁶² То есть Западной России.

⁶³ Речь идет о короле Арагона Фердинанде Католике и его жене королеве Кастилии Изабелле. При них завершился процесс объединения Испании и начался бурный расцвет страны, в том числе ее утверждение на международной арене. Так, именно Изабелла покровительствовала экспедициям Христофора Колумба.

⁶⁴ То есть Св. Георгий Победоносец, изображенный на московском гербе. Соединение византийского орла и московского Св. Георгия имело политическую и идеологическую подоплеку: таким образом акцентировалось то, что Москва явилась правопреемницей Византийской империи и главой нового великого православного государства.

⁶⁵ Имеется в виду убитый в Орде в 1325 г. брат Ивана Калиты.

⁶⁶ Аристотель Фиораванти был хорошо известен в Италии благодаря инженерным сооружениям не только в Венеции, но и в Болонье, Милане, Павии.

⁶⁷ Имеется в виду знаменитый Благовещенский собор в Кремле, который строился псковскими мастерами по проекту зодчих Кривцова и Мышкина как домовая церковь Ивана III.

⁶⁸ Грановитая палата получила свое название по восточному фасаду, отделанному граненым «бриллиантовым» рустом, характерным для итальянской архитектуры эпохи Возрождения.

⁶⁹ Петр Антоний Фрязин – русское имя итальянского зодчего Пьетро Антонио Солари, который, помимо упомянутых, построил также Никольскую и Сенатскую башни, приписываемую Карамзиным неизвестному мастеру «башню над речкою Неглинною», называвшуюся Собакиной башней, сейчас это Угловая Арсенальная. Фроловской башней раньше называли Спасскую башню. Пьетро Антонио Солари был крупнейшим архитектором своего времени, представителем известной династии зодчих: он, а до него его дед и отец, участвовали в возведении знаменитого Миланского собора. Среди всех приглашенных зодчих именно Солари пользовался особым благоволением Ивана III. Только Солари летописи называют «архитектоном», а не обычными для тех времен терминами «муроль» или «палатных дел мастер», что явно подчеркивает его особый статус при московском дворе.

⁷⁰ Стены и все 19 башен Кремля были закончены еще при жизни Ивана III в 1495 г.

⁷¹ Речь идет о предшественнице Царь-пушки Андрея Чохова, отлитой в 1586 г. и ныне стоящей в Кремле.

⁷² Мангуп (Манкуп) – средневековый город-крепость в Бахчисарайском районе Крыма, располагался в 20 км от современного Севастополя. В IV–VI вв. его населяли аланы и готы. С V в. стал столицей крымской Готии.

⁷³ Церковь Николая Чудотворца Гостунского в Кремле очень пострадала во время нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. и была разобрана в 1816 г. из-за ветхости. Престол храма, его святыни, чудотворный образ и утварь перенесли в Успенскую звонницу рядом с колокольней Ивана Великого.

⁷⁴ Басма – техника обработки металла, представляющая собой соединение приемов чеканки и тиснения. Болван – изваяние, скульптурное изображение.

⁷⁵ Предположительно, Иван III заложил храм Спаса Преображения (на Болвановке) в 1465 г. на том месте, где великий князь встретился с ордынскими послами и заявил им о нежелании платить дань. Храм должен был напоминать о фактическом свержении ордынского ига. В 1930 г. храм был частично разрушен.

⁷⁶ Узун-Хасан (Гассан) – с 1453 по 1478 г. правитель государства Ак-Коюнлу, объединявшего тюрков-огузов. Вел борьбу с османским султаном Мехметом II.

⁷⁷ Далее Карамзин пересказывает «Путешествие Амброджо Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану» в своем переводе с французского языка. В России эта книга была издана в 1836 г.

⁷⁸ Постав – рулон ткани. Ипрское сукно – из бельгийского г. Ипра – европейского центра сукноделия. Корабельники (нобилы) – английские золотые монеты, ходившие на Руси как средство накопления денег и подарки.

⁷⁹ Карамзин в своих примечаниях указывал: «Летописцы забыли, что и Мономах заставлял их ездить к себе на суд».

⁸⁰ Цитируется Евангелие от Матфея: **18, 15–17.**

⁸¹ Обжа – единица поземельного обложения в новгородских землях в XV–XVII вв. Тягло – участок земли, обрабатываемый тягловым крестьянином.

⁸² Великая княгиня Мария Ярославна была пострижена в монахини под именем Марфа игуменом Кириллова монастыря.

⁸³ Панагия – небольшая икона с изображением Богоматери, которую архиереи носят на груди на определенных службах. Струфово яйцо – выделанное страусиное яйцо.

⁸⁴ Народное собрание в Древней Греции – экклесия – осуществляло законодательную, исполнительную и судебную власть. Всеобщее народное собрание франков – Мартовские поля – также имело в руках всю сумму государственной власти, но по мере расширения Франкского государства теряло свое значение. Народное собрание римлян собиралось на Марсовом поле, его власть была в значительной степени ограничена советом старейшин. Новгородское вече имело больше сходных черт с экклесией.

⁸⁵ Говоря о «некоторых писателях», Карамзин, скорее всего, подразумевает немецких авторов норманнской теории происхождения российской государственности. Афины, Спарта – города-государства (полисы) в Древней Греции. Унтервальден, Гларус (Гларис) – швейцарские кантоны, власть в которых осуществляли общенародные собрания.

⁸⁶ Новгородские князья выбирались и утверждались вече. Чаще остальных новгородцы приглашали владимирских князей. Князь в Новгороде был, прежде всего, военачальником, не обладал ни исполнительной, ни законодательной властью, его судебные функции также были ограничены.

⁸⁷ Скорее всего, речь идет о событиях 1014–1015 гг. В 1014 г. Ярослав Владимирович, будущий киевский князь Ярослав Мудрый, отказался платить своему отцу ежегодный урок в 1000 гривен, что предположительно было вызвано намерением Владимира Святославича передать киевский престол одному из младших сыновей Борису в обход своих старших детей. Для противостояния отцу Ярослав обратился за помощью к варягам, которые прибыли в Новгород. Однако сразу после их прибытия в противостоянии между Владимиром и Ярославом наступило некоторое затишье. Оказавшись без дела, варяги начали «насилие творить» над замужними женщинами. Возмущенные новгородцы перебили варягов. Узнав о случившемся, Ярослав призвал к себе представителей нов-

городской знати, которые участвовали в мятеже, обещав им прощение, а когда они прибыли к нему, жестоко расправился с ними. Это произошло в июле – августе 1015 года.

⁸⁸ Твердислав Михалкович – новгородский посадник начала XIII века. Во время похода новгородского войска на Всеволода Чермного к Киеву (1214) Твердислав примирил князя Мстислава Удалого с новгородцами. Ориентируясь на смоленских Ростиславичей, Твердислав был противником владимирского великого князя Юрия Всеволодовича и его брата переяславль-залесского князя Ярослава и активно участвовал в борьбе с ними в 1215–1216 годах. В 1218 князь Святослав Мстиславич, недовольный Твердиславом, пытался сместить его, однако новгородцы поддержали своего посадника, который провозгласил принцип новгородского народовластия: «А вы, братье, в посадничестве и в князех волны есте». После ссоры с новгородским князем Всеволодом Мстиславичем в 1220 году Твердислав отказался от поста посадника, устранился от политической деятельности, ушел в монастырь.

⁸⁹ Имеется в виду архиепископ Новгородский и Псковский Симеон. В 1418 году архиепископ Симеон выступал сначала посредником между враждующими народом и боярами, а затем и миротворцем, остановив разгоревшееся на мосту через Волхов сражение между Торговой и Софийской сторонами. Владыка Симеон в полном облачении, сопутствуемый собором духовенства, вышел на Волховский мост, стал на середине и начал благословлять обе стороны святым крестом; при виде этого многие прослезились, а другие спешили повергнуться пред владыкою, и все, по благословению его, разошлись в свои дома.

⁹⁰ Речь идет, прежде всего, об архиепископе Новгородском Феофиле, который не раз возглавлял посольства новгородцев к Ивану III во время его попыток покорить Новгород и уничтожить его политическую независимость.

⁹¹ Новгородцы не были мстительны, что продемонстрировало их поведение после победы над Андреем Боголюбским и Михаилом Тверским. Они приютили у себя Ростиславичей Мстислава и Ярополка, ослепленных Всеволодом Большое Гнездо, «прятали» Юрия Смоленского, Дмитрия Шемяку и др. В данном контексте душа – имя.

⁹² Карамзин использует образы Апокалипсиса, где в гл. 13 сказано, что зверю с пастью льва поклоняются «все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира».

⁹³ В Истории Тацита эта речь Гальбы звучит следующим образом: «Если бы огромное тело государства могло устоять и сохранить равновесие без направляющей его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным положить начало республиканскому правлению».

⁹⁴ В примечаниях Карамзина сказано: «Сие видение было Софии за монастырским селом Клементьевым, когда она сходила в долину к лавре. Василий родился 25 марта и назван именем Гавриила в честь Архангела Благовестителя».

⁹⁵ Имеются в виду земли Великого княжества Литовского на юго-западе Украины и частично в Приднестровье. До сер. XIV в. эти земли входили в состав Галицко-Волынского княжества.

⁹⁶ Давид – победитель Голиафа, царь Иудеи, объединивший ее вокруг новой столицы Иерусалима. Константин (Великий) – римский император, приверженец христианства, основавший на месте г. Византия столицу Восточной Римской империи – Константинополь. «Грядущий... зверь» – образ из Апокалипсиса.

⁹⁷ То есть о том, что Василий Темный милостиво получил в Орде титул великого князя.

⁹⁸ Послание Вассиана получило название «Послание на Угру», некоторые исследователи приписывают ему авторство известного рассказа о «стоянии на Угре».

⁹⁹ Вассиан обращается к Книге Иова, **39**, 27–35.

¹⁰⁰ Интерпретация слов апостола Павла из Первого послания коринфянам, **5**, 6.

¹⁰¹ Скорее всего, цитирование книги Иова. Вселюсь инде – переселюсь куда-нибудь.

¹⁰² То есть пошлет благословение, укрепляя силы для отпора врагам.

¹⁰³ Книга пророка Исаяи, **45**, 1–2.

¹⁰⁴ Евангелие от Матфея, **10**, 22.

¹⁰⁵ Книга притчей Соломоновых, **9**, 9. В данном контексте вина означает урок, наставление.

¹⁰⁶ Так р. Угра названа в Казанской летописи.

¹⁰⁷ Речь идет о южной окраине Великого княжества Московского.

¹⁰⁸ Юрт – стоянка, город. В данном случае имеется в виду именно Сарай или Сарай-Бату.

¹⁰⁹ 23 июня – празднование Владимирской иконы Божией Матери. Именно эта икона была привезена к русским войскам, т. к. с ее заступничеством связывали спасение Руси от войск Тамерлана в 1395 г.

¹¹⁰ Это донесение находилось у Карамзина среди других бумаг из Кенигсбергского архива.

¹¹¹ Ольгерд – великий князь литовский, в период своего правления с 1345 по 1377 годы значительно расширивший границы государства.

¹¹² Дискос и потир – блюдо и чаша, употребляемые во время богослужения. В потире освящается вино для причастия.

¹¹³ Матвей I Корвин (Матиаш Хуньяди) – венгерский король из трансильванского магнатского рода Хуньяди, при котором средневековое Венгерское королевство достигло пика своего могущества. После десятилетий феодального хаоса восстановил венгерскую государственность путем проведения многослойных реформ. Первый ренессансный правитель Восточной Европы, покровитель художников и архитекторов. Именно его образованность пытается подчеркнуть Карамзин, отмечая его остроумие.

¹¹⁴ Имеется в виду распад Галицко-Волынского княжества в середине XIII в. и вхождение его земель в состав Литвы в середине XIV.

¹¹⁵ То есть в промысловой и ремесленной деятельности.

¹¹⁶ Гонцы посылались ежегодно с 1484 по 1488 г. включительно. Это была беспрецедентная дипломатическая активность, которой требовали от Ивана III нужды государства.

¹¹⁷ Речь идет о Болванове – древнем урочище в Москве, которое находилось за Яузой. Сегодня на этом месте расположена Таганская площадь.

¹¹⁸ То есть со времен крещения Руси, когда Владимиру Святославичу приходилось не только выбирать новую религию (рассматривался, в том числе, и иудаизм), но после ее утверждения бороться с еще сильным в народе язычеством.

¹¹⁹ Имеется в виду пропаганда иудаизма.

¹²⁰ Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) – итальянский мыслитель эпохи Возрождения, представитель раннего гуманизма, знаток восточной философии, участник «Платоновской академии» при дворе Лоренцо Медичи во Флоренции, в которой обсуждались и проблемы каббалы. Его трактат «900 тезисов по философии, кабалистике и теологии» был объявлен еретическим. От суда инквизиции автора спасло лишь заступничество могущественного Лоренцо Медичи.

¹²¹ То есть на престоле первых русских митрополитов Киевских и всея Руси Петра и Алексея, ставших одними из вдохновителей освободительной борьбы против монгольского ига.

¹²² В 1479 г. в 20 км от Волоколамска Иосиф Волоцкий основал знаменитый Волоколамский (Иосифо-Волоколамский, Иосифо-Волоцкий) монастырь, который и сегодня является одним из наиболее почитаемых.

¹²³ «Ис пола ети деспота» в переводе с греческого «многая лета владыке» – приветствие, которое поется хором во время церковной службы каждый раз, как архиерей, по роду службы, благословляет молящийся народ.

¹²⁴ Фридрих III Габсбург – король Германии (1440–1493), император Священной Римской империи (1452–1493).

¹²⁵ Здесь речь идет о Фридрихе III и его сыне Максимилиане I Габсбурге – короле Германии (1486–1519), императоре Священной Римской империи (1508–1519).

¹²⁶ Имеется в виду Фридрих III Мудрый – саксонский курфюрст (1486–1525), покровитель Мартина Лютера.

¹²⁷ То есть верительную грамоту, подтверждающую посольский чин.

¹²⁸ Здесь статус Ивана III приравнивается к статусу византийских императоров. Женитьба на Софье Палеолог давала великому московскому государю такое право.

¹²⁹ Золотоносец – кавалер, пожалованный золотую цепью (Толк. словарь Даля).

¹³⁰ То есть только Максимилиана, но не Фридриха.

¹³¹ То есть близ Уральских гор.

¹³² Великие Моголы – династия правителей в Индии (1526–1858).

¹³³ Имеются в виду турецкие и персидские правители.

¹³⁴ Маршалок – высший военный чин при дворе литовских королей.

¹³⁵ Современный Ивангород в Ленинградской области.

¹³⁶ В примечаниях Карамзина цитируется Архивская летопись: «А се им имена: Кемь, Торна, Колоконь, Овлуй, Сиговая, Снежна, Гавка, Путаш». Перечислены реки Карелии.

¹³⁷ Ханс I (1455—1513) – король Дании с 1481, Норвегии с 1483, Швеции в 1497—1501, из Ольденбургской династии.

¹³⁸ Имеются в виду русско-турецкие войны, которые Россия вела, начиная с XVII в. В 1812 г. очередная русско-турецкая война завершилась блестящими победами М. И. Кутузова и заключением Бухарестского мирного договора, по которому часть турецких земель отошла к России. Вообще XIX в. стал временем распада Османской империи и раздела ее владений.

¹³⁹ Далее сцена венчания Дмитрия излагается по Никонской летописи.

¹⁴⁰ Речь идет о ларце работы античных мастеров, который, по преданию, был собственностью римских императоров. Ларец хранится в Оружейной палате.

¹⁴¹ Имеется в виду государство Сефевидов, располагавшееся на территории Ирана. Упоминаемый Карамзиным Измаил Софии – Исмаил I (1502–1524) – первый шах династии Сефевидов; Тахмас-Кулы – Тахмасп II (1729–1732) – один из последних шахов династии, уступил России прикаспийские земли, в том числе Шемаху.

¹⁴² Сам Карамзин ссылался на С. Герберштейна, который в «Записках о Московии» поместил рассказ о походе на Урал и в Зауралье, записанный со слов А. Курбского.

¹⁴³ Первая русская экспедиция не достигла земли угров, располагавшейся в верхнем и среднем течении Оби.

¹⁴⁴ Нума Помпилий – по легенде, второй царь Древнего Рима (715–673/672 гг. до н.э.), поощрявший и упорядочивший религиозные культы. Ромул – один из легендарных основателей Рима и первый царь города (753–716 гг. до н.э.), выдающийся полководец.

¹⁴⁵ Местничество – в средневековой Руси: порядок распределения служебных мест с учетом происхождения и служебного положения предков лица. Местничество было отменено приговором Земского Собора 1682 года.

¹⁴⁶ Имеется в виду польский историк М. Стрыйковский.

¹⁴⁷ В данном контексте *засел* означает захватил.

¹⁴⁸ Софья Палеолог умерла 7 апреля 1503 г.

¹⁴⁹ Иван III уехал из Москвы в сентябре, вернулся в ноябре 1503 г.

¹⁵⁰ То есть по государственному, а не по церковному закону.

¹⁵¹ Роды Сабуровых, Годуновых, в также Вельяминовых происходили из семьи костромичей Зерновых, известной с начала XIV века. Уже в этом высказывании видна негативная оценка Карамзиным царствования Бориса Годунова, в полной мере раскрывшаяся в X и XI томах «Истории государства Российского».

¹⁵² Скорее всего, речь идет о Фридрихе III Габсбурге (см. примечания выше).

¹⁵³ Иоганн Гуттенберг и Иоганн Фуст (Фауст) – первые немецкие книгопечатники середины XV в.

¹⁵⁴ Разряды – распоряжения о назначениях на гражданские и воинские должности. Из разрядов составлялись Разрядные книги.

¹⁵⁵ Упоминание об этом факте встречается в некоторых летописях и в свидетельствах иностранцев, побывавших в Москве.

¹⁵⁶ Сравнение Ивана III с Петром I известно по сочинениям французского историка П. Ж. Солиньяка (1687–1773). Аналогичное сравнение встречается в трудах С. М. Соловьева.

¹⁵⁷ Речь идет о Судебнике 1497 г. – законодательном кодексе Ивана III, одном из важнейших памятников русского права.

¹⁵⁸ Юрьев день (осенний), 26 ноября по старому стилю – дата, с которой в России связывалось осуществление права перехода крестьян от феодала к феодалу, т. к. к этому времени завершался годовой цикл сельскохозяйственных работ и происходил расчет по денежным и натуральным обязанностям крестьян в пользу их владельцев и по государственным налогам. В общегосударственном масштабе выход крестьянский был ограничен в Судебнике 1497 двухнедельным периодом – по неделе до и после Юрьева дня. Судебник 1550 подтвердил это положение. Право перехода крестьян было временно от-

менено с введением заповедных лет (1581), а затем запрещено законодательством 90-х гг. XVI в. Соборное уложение 1649 г. подтвердило запрет переходов тяглого населения.

¹⁵⁹ Имеется в виду сифилис.

¹⁶⁰ Положение об этом содержится в Наказе Екатерины II 1767 г.

¹⁶¹ Декан – плоскогорье, имеющее форму треугольника и занимающее большую часть п-ова Индостан, к югу от р. Нармада. Голконда – древняя индийская крепость, расположенная 11 км западнее центра города Хайдерабад в штате Андхра-Прадеш. С 1512 по 1687 год она была столицей одноименного султаната.

¹⁶² «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

¹⁶³ Имеется в виду храм Кайласанатха (VIII в.) – скальный индуистский храм, который является центральным сооружением комплекса пещерных храмов в Эллоре.

¹⁶⁴ Ж.-Б. Тавернье и Ж. Шардене – французские путешественники по восточным странам середины XVII в.

ПИСЬМО К КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

21 августа 1818 г.

Публикуется по: *Карамзин Н. М. Письма к князю П. А. Вяземскому. 1810–1826 (Из Остафьевского архива). СПб., 1897. С. 59–60.*

¹ Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – поэт, литературный критик, историк, биограф, мемуарист, видный государственный деятель. Один из основателей и первый председатель Русского исторического общества, действительный член Академии Российской. Близкий друг и постоянный корреспондент А. С. Пушкина. Внес огромный вклад в развитие русской литературы XIX в.

² Сталь – Анна-Луиза Жермена де Сталь, знаменитая французская писательница. Далее речь, по-видимому, идет о ее книге «Размышления об основных событиях французской революции».

МНЕНИЕ РУССКОГО ГРАЖДАНИНА

Публикуется по: Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н. М. Карамзин / Под. ред. А. А. Ширинянца / Сост. Д. В. Ермашов, А. В. Пролубников, А. А. Ширинянц. М., 2001. С. 146–148.

Письмо Александру I по поводу проекта передачи Царству Польскому западнорусских земель и восстановления Польши в границах 1772 года является частью рукописи, которую сам Карамзин озаглавил «Бумаги для моих сыновей, когда они вырастут». Впервые опубликовано в: Неизданные сочинения Николая Михайловича Карамзина. Часть первая. СПб., 1862.

¹ Прага – предместье Варшавы, которое русские войска брали неоднократно штурмом.

ДЛЯ ПОТОМСТВА

Публикуется по: Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н. М. Карамзин / Под. ред. А. А. Ширинянца / Сост. Д. В. Ермашов, А. В. Пролубников, А. А. Ширинянц. М., 2001. С. 149.

Первая публикация: Неизданные сочинения Николая Михайловича Карамзина. Часть первая. СПб., 1862.

¹ Императрица Елисавета – супруга Александра I.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I

от 23 августа 1822 года

Публикуется по: Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н. М. Карамзин / Под. ред. А. А. Ширинянца / Сост. Д. В. Ермашов, А. В. Пролубников, А. А. Ширинянц. М., 2001. С. 156.

Первая публикация: Неизданные сочинения Николая Михайловича Карамзина. Часть первая. СПб., 1862.

¹ Сервиллисты – от *лат.* *servilis* (рабский).

МЫСЛИ ОБ ИСТИННОЙ СВОБОДЕ

Публикуется по: Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н. М. Карамзин / Под. ред. А. А. Ширинянца / Сост. Д. В. Ермашов, А. В. Пролубников, А. А. Ширинянец. М., 2001. С. 155.

Этот отрывок датируется 1826 годом. Впервые опубликован в тех же «Неизданных сочинениях Николая Михайловича Карамзина». Часть первая. СПб., 1862.

¹ Авгуры – у этрусков и древних римлян жрецы, гадавшие по крику и полету птиц и другим небесным явлениям. Карамзин намекает на выражение «улыбка авгуров», то есть людей, делающих вид, что они посвящены в особые тайны.

НОВОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ

Публикуется по: Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н. М. Карамзин / Под. ред. А. А. Ширинянца / Сост. Д. В. Ермашов, А. В. Пролубников, А. А. Ширинянец. М., 2001. С. 150.

Добавление к «Мнению русского гражданина» и приписке «Для потомства». Впервые опубликовано в «Неизданных сочинениях Николая Михайловича Карамзина». Часть первая. СПб., 1862.

¹ Имеются в виду изменения, сделанные министром финансов Д. А. Гурьевым (1810–1823 гг.).

ПИСЬМО И. И. ДМИТРИЕВУ

19 декабря 1825 г.

Публикуется по: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 411–412.

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – поэт, баснописец, видный государственный деятель (действительный тайный советник, занимал посты товарища министра уделов, министра юстиции, был сенатором, членом Государственного Совета), член Российской академии. Наряду с Карамзиным являлся одним из преобразователей русского стихотворного языка, старался освободить стихотворный язык от тяжелых и устарелых форм, придать ему легкость, плавность и привлекательность.

¹ Вяземскому.

ПИСЬМО К КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

31 декабря 1825 г.

Публикуется по: *Карамзин Н. М.* Письма к князю П. А. Вяземскому. 1810–1826 (Из Остафьевского архива). СПб., 1897. С. 169–170.

¹ Дмитриев.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдыл-Керим, царь Астраханский 582
- Абдыл-Летиф, царь Казанский 582, 607, 618, 636
- Абусайд, султан 578
- Август, см. *Станислав II Август, король Польский*
- Август, имп. (кесарь) 119
- Агалак, царевич Шибанский 618
- Аддингтон Г., лорд Сидмут 174
- Адриан, имп. Римский 579
- Ази-Баба 480
- Ази-Гирей, хан Крымский 427, 479
- Айдар, хан Крымский 479, 482, 518, 533, 539, 549, 550
- Акирей Муратович, кн. Тагарский 520
- д'Аламбер Ж. Л. 158
- Алберт, король Польский, см. *Альбрехт (Ян I Альбрехт)*
- Алевиз, архитектор Медиоланский 474
- Алегам 550, 551, 552, 636, 651
- Александр, Великий кн. Литовский 585, 588–600, 622–625, 630, 638, 638, 639, 641–643, 648, 649
- Александр Великий (Македонский) 80, 82, 110, 660
- Александр Владимирович, кн. Ростовский 605, 630
- Александр Невский 333, 511, 577
- Александр I 10, 20, 22, 23, 34, 35, 36, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 54, 55, 56, 58, 207, 208–211, 233, 266–269, 276, 282, 283, 292, 294, 295, 307, 316, 320, 322, 325, 327–329, 340, 676, 680, 683, 684, 686, 687, 690, 697, 709
- Александр VI, папа Римский 641
- Александр Юрьевич, кн., воевода Виленский 593
- Александра Федоровна, имп. 685
- Алексей, митрополит Киевский и всея Руси 705
- Алексей Михайлович (Романов), царь 31, 40, 69, 186, 227, 248, 312, 313, 333
- Алексий Комнин, имп. Византийский 385, 386
- Алексий, царевич Греческий 395
- Альбрехт (Ян I Альбрехт), король Польский 573, 585, 629, 630
- Альбрехт, маркграф Баденский 565
- Альтшуллер М. Г. 18, 47
- Амургоза, царевич Ордынский 529
- Анастасия (Агмунда) Ярославна, княжна 374, 375
- Анбал Ясин, ключник 417, 418, 419
- Андрей, апостол 698
- Андрей Боголюбский, кн. 235, 409, 410, 420, 421, 471, 512, 546, 669, 696, 697, 702
- Андрей Васильевич (Большой), кн. 446, 459, 498, 561–564
- Андрей, Великий кн. 403, 406, 407, 408, 410–420

- Андрей, кн. Суздальский (Владимирский) 388, 397–399, 401, 402, 520, 521
 Андрей Меньший, кн. 487, 497, 498, 499, 500, 509, 522, 532, 533, 563
 Андрей Никитич Ноготь, кн. 534
 Андрей I, король Венгерский 375, 380
 Андрей Чохов, литейщик 700
 Андроник, византийский полководец 364
 д'Анжели, см. *Реньо де Сен-Жан д'Анжели О. М. Э.*
 Анна, Великая кн. Рязанская 609, 610
 Анна Иоанновна, имп. 150, 186, 256, 257, 258, 261, 265, 297, 307, 335
 Анна (Комнина), царица Византийская, кн. Киевская 350, 351, 359, 361, 386, 694, 698
 Анна Леопольдовна, правительница 307, 692
 Анна, принцесса Бретанская 571, 574
 Анна Ярославна, княжна Московская, королева Франции 374, 375, 695
 Антоний, епископ Черниговский 421, 422
 Антоний, легат Папский 467, 468
 Аракчеев А. А. 50, 51, 685
 Аристид 119
 Аристотель 90
 Аристотель Фиораванти, зодчий 460, 472, 699
 Аскольд, кн. Киевский 365
 Астрида, королева Норвежская 360
 Афанасий Никитин 672, 708
 Ахмат, царь Золотой Орды 424, 427, 456–459, 468, 479–485, 487, 518–521, 523, 525–530, 534, 563, 658, 697
 Ахмет Паша, визирь 482
 Бабор, султан 579
 Баррер Ж. 206
 Барсуков Н. П. 57
 Бартелеми Ж.-Ж. 64, 688
 Батый 237, 239, 332, 339, 582
 Баязет II, султан Турецкий 580, 581, 598, 607, 608, 615, 654
 Беззубцев Константин Александрович, кн. 432, 434
 Беккарий 307
 Беклемишев Иван Никитич, посол Московский 585
 Беклемишев Никита, посол Московский 439, 440, 480, 481
 Беклемишев Семен 458
 Бельский Симеон, кн. 623
 Бельский Федор Иванович, кн. 587, 610, 618
 Бернгард 535
 Бестужев-Рюмин А. П., канцлер 257
 Бестужев-Рюмин М. П. 58
 Бёрк Э. 37
 Биргер 512
 Бирон Э. И. 257, 265
 Блудов Д. Н. 23, 48, 53, 54
 Богдан, воевода Черкасский 588
 Богдан Сапега 647
 Богдан, царевич Молдавский 638
 Богданович П. И. 156
 Болеслав Великий, король Польский 367
 Болеслав Кривоустый, король Польский 388, 389
 Болеслав I Храбрый 373
 Бонне Ш. 7, 90
 Боргав 158
 Борис (Владимирович), кн., св. великомученик 342, 361, 382, 390, 423
 Борис Васильевич (Волоцкий), кн. 446, 502, 520, 561, 563, 564,
 Борис Вячеславич, кн. 376
 Борис Жидиславич, воевода 401, 411, 414

- Борис Михайлович Оболенский, см. *Оболенский (Туреня) Б. М.*, кн.
- Борис, посадник Новгородский 387
- Борис Слепой, воевода 450
- Борис Ярославич, кн. 277
- Бочкарев В. Н. 14, 15, 17
- Брут Марк Юний 119, 265
- Брячислав (Изяславич), кн. Полоцкий 364, 368
- Буало Н. 71
- Буланже Ж. Э. Ж. М. 183
- Бурьень Л. А. Ф., де 206
- Бюш 296
- Вальдемар, король Датский 395
- Варфоломей, книгопечатник 575
- Василий Ананьин, посадник Новгородский 437, 490, 491
- Василий Андреевич Ковер, кн. 456
- Василий II Темный, Великий кн. Московский 426, 437, 525, 547, 591, 656, 659, 698, 703
- Василий Дмитриевич (Донской), кн. 437, 613, 627
- Василий, имп. Византийский 350, 351, 694
- Василий Иоаннович, кн. 609, 612, 613, 630, 637, 644
- Василий Казимир, посадник 449, 450, 454
- Василий Китай, посол 479, 509
- Василий Косой, кн. 605, 614
- Василий Кривой, кн. Воротынский 584
- Василий Кулешин (дьяк), посол Московский 569, 570, 594, 595
- Василий Ноздреватый, кн., воевода Звенигородский 530, 633, 636
- Василий Ромодановский, кн. 582, 596
- Василий Сабуров 497
- Василий III (Иванович), Великий кн. 226
- Василий Ухтомский, кн. 436
- Василий Федорович Образец, боярин 446, 450, 474, 497, 521, 536, 547, 562
- Василий Холмский, кн. 638, 644, 671
- Василий IV (Иоаннович) Шуйский 244–246
- Василий Ярославич Боровский 453
- Василько Ростиславич 696
- Василько Ярополкович, кн. 333, 397, 406
- Вассиан, епископ Тверской 556
- Вассиан, архиепископ Ростовский 522, 524, 526, 532, 703
- Велисарий (Велизарий) 156
- Вергилий 74
- Верейский Василий Михайлович, кн. 469, 498, 501, 502, 508, 545, 591
- Верейский Михаил Андреевич, кн. 448, 545
- Вильгельм Завоеватель, король Англии 375
- Виндам У. 174, 176
- Виссарион, кардинал 461, 463
- Витовт, кн. Литовский 522, 537, 583, 622, 642, 656
- Владимир Андреевич, кн. Дорогобужский 397, 401, 404, 405, 410, 426, 696
- Владимир Андреевич, кн. Ростовский 546
- Владимир (Всеволодович) Мономах, Великий кн. Киевский 333, 382–391, 393–395, 511, 527, 695, 696
- Владимир Глебович, кн. Переяславский, 403
- Владимир Мстиславич, кн. 397, 398, 405
- Владимир I (Святославич), Великий кн. Киевский, Святой Равноапостольный 235, 239, 339, 341–364, 368, 379, 413, 421, 441, 456, 471, 669, 694, 698, 704

- Владимир Ярославич (Галицкий),
кн. 370, 371, 372, 375, 412, 489,
564
- Владислав, королевич Литовский
573
- Владислав, королевич Польский 246
- Владислав, король Венгерский 568,
629
- Воейков А. В. 53
- Володарь Ростиславич 696
- Вольсей Т., кардинал 75, 76
- Вольтер Ф.-М. А., де 6, 71, 148, 183,
337
- Воротынский Иван Михайлович,
кн. 586
- Воротынский Симеон Федорович,
кн. 586
- Всеволод Владимирович, кн. 342,
368
- Всеволод Георгиевич, кн. Новго-
родский 387, 402, 409, 413, 414,
696
- Всеволод Мстиславич, кн. Новго-
родский 384, 702
- Всеволод III Большое Гнездо, Вели-
кий кн. Владимирский 235, 511,
546, 564, 669
- Всеволод Чермный 702
- Всеволод Ярославич, кн. 375, 377,
380
- Всеслав Изяславич, кн. 359
- Всеслав, кн Полоцкий 399
- Вышата, воевода 371, 372
- Вышеслав Владимирович, кн. 342
- Вяземский П. А. 18–19, 23, 44, 48,
51, 52, 54, 56, 260, 673, 686, 708,
711
- Вячеслав Ярославич, кн. 375, 376,
377
- Гавриил, протопоп Новгородский
557
- Гай Кассий Лонгин 265
- Гакесбури Ч. Дж. 174
- Гальба, имп. Римский 703
- Гама Васко, да 655, 673
- Гаммерштет 640
- Гаральд, принц (король) Норвеж-
ский 374, 379
- Гартингер 648, 649
- Гассан, царь Персидский 578
- Геннадий, архиепископ 556, 557,
646, 670
- Геннадий Чудовский, архимандрит
513, 660
- Генрих VIII 76
- Генрих I, король Французский 374,
695
- Генрих IV 166, 243, 564
- Георгий (Юрий) Владимирович
Долгорукий, кн. 421, 424
- Георгий (Владимирович), кн. Суз-
дальский 384
- Герберштейн С., барон 706
- Гердер И. Г. 7
- Геродот 330, 332
- Геронтий, митрополит 473, 495,
524, 526, 664
- Гиббон Э. 67
- Гида, принцесса Английская 382,
395
- Глеб (Владимирович), кн., св. вели-
комученик 342, 382, 390, 423
- Глеб, кн. Киевский 409–411
- Глеб, кн. Минский 387
- Глеб, кн. Переяславский 400, 401,
402, 403, 404–406, 412, 696
- Глеб, кн. Рязанский 398
- Глинский, кн., посол Александра
Великого, кн. Литовского 588
- Годунов Борис, царь 53, 67, 226,
242, 243, 244, 290, 292, 333, 707
- Голицын А. Н., кн. 51, 54
- Голицын В. Д., кн. 57
- Гольбах Поль Анри Тири (барон
д'Ольбах) 71
- Гомер 39, 287, 334
- Гораций 74, 156
- Гренвиль Т. 175
- Греч Н. И. 52

- Григорий Волнин, дьяк Московский 499
- Григорий, митрополит Киевский 622
- Григорий Хотович, вельможа 412
- Грот Я. К. 6, 16, 17, 48
- Гурьев Д. А. 710
- Гуссеин Мирза 578
- Густав III, король Шведский 106, 107, 164, 171, 690
- Гуттенберг И. 655, 707
- Гушар И.-Н. 172
- Давид Вышегородский, кн. 696
- Давид Изяславич 401
- Давид Ростиславич, кн. 405, 406, 410, 412, 413, 414
- Даламбер, см. *д'Аламбер Ж. Л.*
- Далин Олаф, фон 337
- Даниель С. 337
- Даниил Холмский, кн. 431, 436, 446, 448, 449, 452, 456, 476, 477, 497, 498, 502, 523, 547, 552, 565
- Даниил Щеня, кн. 552, 604, 626, 627, 632, 639, 644, 658
- Даниил Ярославский, кн. 435, 436
- Данияр, царевич Ордынский 446, 458, 496-497, 503, 532, 533
- Дашков Д. В. 53
- Девкалион 689
- Делатор Георг, посол 568-572
- Демокрит 527
- Державин Г. Р. 10, 53, 156
- Джованни Пико делла Мирандола, см. *Пико*
- Дидерот, см. *Дидро Д.*
- Дидро Д. 157
- Диоген, имп. Византийский 386
- Дир, кн. Киевский 365
- Дмитриев И. И. 11, 12, 22, 23, 48, 49, 53, 54, 58, 684, 711
- Дмитрий Александрович, кн. Новгородский, Переяславль-Залесский 340
- Дмитрий Борецкий 440, 442, 449, 450
- Дмитрий Васильевич Шеин, боярин 549, 605
- Дмитрий Донской 239, 240, 329, 340, 511, 522, 527, 549, 656, 661
- Дмитрий, кн. Воротынский 584
- Дмитрий Коноплев 646
- Дмитрий Ралев, посол Московский 578
- Добрыня, воевода 344
- Довлетек (Довлет), кн. Крымский 533, 582
- Довнар-Запольский М. В. 14, 47
- Дюмурье Ш. Ф. дю Перье 172
- Евдокия, царевна Греческая 376
- Евстафий Дашкович 648
- Евстафий Мстиславич, кн. 368
- Едыгей, царевич Ордынский 582
- Екатерина II Великая, имп. 11, 33, 43, 55, 92-102, 104-118, 120, 122, 124, 125, 127-129, 131-134, 140, 142-170, 208, 209, 213, 255, 258-263, 274, 275, 278, 282, 297, 298, 307, 316, 322, 335, 339, 679, 689, 708
- Екатерина Павловна, Великая кн. 20, 21, 22, 23, 48, 49, 50, 52
- Екатерина I 307
- Елена (Иоанновна), Вел. княжна Московская 585, 594-600, 609, 612, 613, 614, 621, 622, 637, 643, 647, 671, 672
- Елизавета Алексеевна, имп. 50, 114, 186, 208, 257, 258-261, 307, 335, 680
- Елизавета (Филиппина-Мария-Елена) Французская 59
- Елизавета Ярославна, княжна 374, 695
- Ермашов Д. В. 689, 709, 710
- Ефрем Моизович, чиновник 417
- Жирослав, посадник Новгородский 411
- Жокур Л., де 206

- Жуковский В. А. 54
 Журдан Ж. Б. 172, 173
- Зайцев (дьяк), посол Московский 578
 Захарий, дьяк 503
 Захарий, инок 556, 557
 Зенебек, царевич Крымский 481–483, 518
 Зигмунд, эрцгерцог Австрийский 576
 Зосима, архимандрит Симоновского монастыря 556, 557
 Зосима, митрополит 668
 Зосима, преподобный Соловецкий 439
 Зоя, царевна Греческая, см. *София Палеолог*
- Иаков II 76
 Ибрагим, царь Казанский 432, 435, 436, 547
 Ивак, царь (хан) Тюменский 530, 531, 550, 555
 Иван Александрович, кн. Звенигородский 426
 Иван Андреевич Можайский, кн. 453
 Иван Белевский, кн. 584
 Иван Борисович, кн. 564
 Иван Булгак, кн. 536, 537
 Иван Васильевич, кн. Оболенский, см. *Оболенский-Стрига И. В.*
 Иван Жито 446, 498
 Иван Замятня 449
 Иван Звенец, кн. Устюжский 431, 518, 519, 600
 Иван Иванович, кн. Ростовский 546
 Иван (Иоанн) II Васильевич 659
 Иван (Иоанн) I Калита (Иван Данилович), кн. Московский 24, 25, 237, 238, 239, 249, 455, 475, 511, 514, 656, 699
 Иван (Иоанн) III Васильевич, Великий кн. 239, 240, 241, 249, 333, 339, 340, 424–471, 474–483, 486–500, 506, 508–510, 515–520, 522–526, 528, 530, 532–554, 556, 559–563, 566–573, 578–585, 587–591, 594, 596–600, 602–609, 611–616, 618, 620, 621, 623, 624, 626, 627, 632–638, 641–654, 656–665, 667–671, 673, 697, 699, 700, 704, 705, 707
 Иван (Иоанн) IV Грозный 27, 34, 67, 101, 186, 240–242, 263, 297, 333
 Иван Козмин, боярин 516
 Иван Лукомский, кн. 587
 Иван Оболенский-Лыко, см. *Оболенский-Лыко И. В., кн.*
 Иван Палецкий, кн. 610
 Иван Плещеев, посол Московский 585
 Иван Ушатый, кн. 605
 Иван Хоткович, воевода Киевский 538
 Иван VI Антонович 692
 Иван Юрьевич (Патрикеев), кн., воевода Московский 430, 436, 498, 500–504, 562, 586, 591, 610, 612, 614
 Иванча 480
 Игорь, князь 358
 Игорь Святославич, кн. Северский 411, 696
 Игорь Ярославич, кн. 375, 376
 Иегуда, равви 365
 Изабелла (Благословенная) 64
 Изабелла (Елизавета), королева Кастилии 470, 699
 Изяслав Владимирович, кн. 342, 345, 359
 Изяслав II (Мстиславич) 404, 661
 Изяслав I (Ярославич), Великий кн. Киевский 375, 377, 564
 Илларион Россиянин, митрополит Киевский 376
 Именек, кн. Крымский 538

- Инг Стенкильсон, король Шведский 395
- Ингигерда (Анна), принцесса Шведская, кн. Киевская 369, 695
- Иоанн, архиепископ Киевский 408
- Иоанн (Безземельный), король Англии 75
- Иоанн Богослов 698
- Иоанн Войтишич, воевода 386
- Иоанн (Данилович) 669
- Иоанн Иоаннович, кн. 481
- Иоанн, король Датский 578
- Иоанн Младой 425, 521, 554
- Иоанн Можайский, кн. 525
- Иоанн Палеолог Рало 469
- Иоанн Феодорович, варяг 343
- Иоанн Чудинович, боярин 384
- Иоанн, эрцгерцог 274
- Иосиф Волоцкий, преподобный 555, 560, 646, 647, 705
- Иосиф II, имп. Австрийский 104, 105, 106, 689
- Иосиф (Дорогобужский), кн. 627
- Иосиф, епископ Виленский 622, 623
- Иосиф, епископ Смоленский 621
- Исаак Борецкий, посадник 439
- Исайко, кн. Манкупский 481
- Исайя, пророк 703
- Исидор, митрополит 461
- Исмаил I, шах Персидский 706
- Исуп, царевич Астраханский 636
- Казимир I, король Польский 373, 375
- Казимир IV Ягеллон, Великий кн. Литовский 441, 450, 459, 478, 479, 518, 538, 542, 543, 563, 565, 570, 572, 573, 582–587, 589, 591
- Калачов Н. 41
- Кант И. 7, 90
- Канут Святой, король Оботритский 379, 380, 395
- Карамзин М. Е. 5
- Карамзин Н. М. 5–58, 687–689, 692–695, 697, 698, 700, 701, 703, 706, 708–711
- Карамзина Е. А. 54
- Кара-мурза 5
- Карл Великий 67
- Карл V Габсбург, имп. 271, 273, 334
- Касим, царевич Ордынский 433
- Кассиан, архимандрит Юрьевского Новгородского монастыря 647
- Кассий, *см. Гай Кассий Лонгин*
- Касыда, царевич Ордынский 520
- Катон М. П. 62, 119
- Кашкин Н. Е. 685
- Квинт Курций 82
- Кирилл, святой равноапостольный, просветитель 353, 694
- Китаев В. А. 8, 57
- Ключевский В. О. 10
- Ковер Василий Андреевич, кн. 456
- Колумб Христофор 655, 699
- Кольбер Ж.-Б. 166
- Конрад Мазовецкий, кн. 588
- Константин IX Мономах, имп. Византийский 350, 351, 371, 375, 376, 385, 391
- Константин Заболоцкий, посол Московский 585
- Константин, митрополит Киевский 402
- Константин Павлович, Великий кн. 21, 54
- Константин Палеолог, имп. Греческий 460
- Контарини Амброджо, посол Венецианский 485–487, 700
- Корсаков, генерал, *см. Римский-Корсаков А. М.*
- Кочеткова Н. Д. 28
- Крепи, де (граф) *см. Рауль IV де Валуа (де Крени)*
- Кривцов Иван, зодчий 699
- Кромвель О. 67, 75, 242

- Ксенофонт 153
 Кунигунда, графиня Орламиндская 376
 Куракин А. Б., кн. 685
 Курбский А. 706
 Курбский Семен 616, 617
 Курбский-Корамыш Михаил Федорович, кн. 618, 638
 Курбский (Черный) Федор, кн. 616
 Кутузов М. И., кн. Голенищев-Кутузов-Смоленский 35, 271, 706
 Кучка, боярин 697
- Лагарп Ж. Ф., де 71
 Ламбаль Мария-Тереза-Луиза, де (принцесса Савойская) 60
 Ламетри Ж. О. 183
 Ланкло Н., де (Анна де л'Анкло) 71
 Лафатер И. К. 7
 Лафонтен Ж. де 71, 156
 Левек П.-Ш. 66, 70
 Левента, принц Венгерский 380
 Лейбниц Г. В. 158, 220
 Леон, царевич Византийский 382, 386
 Леопольд, граф Штадский 376
 Лесток Ж. А., де (Иван Иванович) 265
 Лефорт Ф. Я. 253
 Лжедмитрий 243, 244, 246, 284, 333
 Ливий Тит 332, 334, 336, 337
 Ликург Спартанский 70, 206, 207
 Лобан Кольчев, посол Московский 582
 Локк Дж 90
 Ломоносов М. В. 5, 157, 201, 258
 Лопухин П. В., кн. 685
 Лотман Ю. М. 12, 14, 30, 32
 Лука Жидята, епископ Новгородский 376
 Лука Федоров, посадник Новгородский 499
 Людовик IX Святой 64
 Людовик XI 67
 Людовик XIV 158, 166
 Людовик XVI 59
 Люциан (Луциан) Бонапарт 177
- Мабли, аббат 336
 Магмет-Амин, царь Казанский 547, 548, 551, 552, 582, 606, 607, 624, 627, 651–653
 Магнус, король Шведский 380
 Магомет II (Мехмет), эль-Фатих Завоеватель 460, 461, 469, 470, 472, 540, 581, 607, 700
 Макарий, архимандрит Виленский 595, 596
 Макарий, митрополит Киевский 622
 Макиавелли Н. 25, 281, 337
 Максимилиан I Габсбург, король Германии, имп. Римский 565, 567–577, 646, 648, 649, 650, 654, 705
 Малле П. А. 337
 Мальфрида, кн. 359
 Мамай, хан 522
 Мамук 606, 607
 Мануил, император 421
 Масков, см. *Маскоу И. Я.*
 Мария-Антуанетта, королева Французская 59
 Мария (Владимировна) Доброгнева, княжна Киевская, королева Польская 373
 Мария, королева Английская 76
 Мария Павловна, Великая кн. 50
 Мария, принцесса Шведская 695
 Мария Федоровна, имп. 21, 50, 149, 685
 Мария Ярославна, Великая кн. 561, 701
 Марк Аврелий 675, 676
 Марко Руффо 485, 487
 Марков А. И., гр. 269, 270
 Мартин А. 8
 Мартин Лютер 705
 Мармонтель Ж. Ф. 71, 156

- Марфа Борецкая, посадница 439, 440, 441, 445, 447, 451, 452, 454, 509, 698
- Марфа, инокиня, см. *Мария Ярославна, Великая кн.*
- Марчелло, дож Венецианский 472
- Маскоу И. Я. 337
- Матвей I (Матфей) Корвин, король Венгерский 539, 544, 545, 568, 704
- Матфей, евангелист 703
- Махмут, султан Шамаханский 614, 615
- Мегмед (Магмед) Ших-заде, султан Кафинский 608, 615
- Медичи Лоренцо 705
- Менгли-Гирей, хан Крымский 479–483, 518, 519, 521, 533, 538, 539, 540, 541, 544, 547–549, 550, 580–583, 588–590, 600, 607, 608, 618, 620, 621, 628, 632–638, 642
- Меншиков А. Д. 255
- Местр Ж. де 37, 47
- Мефодий, святой равноапостольный, просветитель 353, 694
- Мечислав, король Польский 342, 362, 367
- Микеланджело Б. 67, 149
- Милкоман, царевич Крымский 479
- Мильтиад Младший 119
- Минаков А. Ю. 58
- Минин К. 199, 246
- Миних Б. Х., фон 256, 257, 265, 275, 276
- Минсфильд (Мэнсфилд) 72
- Мирослав, боярин Переяславский 384
- Мистр Леон, лекарь 554
- Митрофан Карачаров, посол Московский 615
- Михаил Борисович, Великий кн. 425, 542
- Михаил Борисович, кн. Тверской 593, 697
- Михаил Георгиевич, кн. 402, 404, 414
- Михаил Олелькович, кн. 438, 440, 537, 555
- Михаил Андреевич Плещеев, боярин 541, 608, 615, 627
- Михаил (Романов), царь 31, 247, 248, 252
- Михаил Снупс 576, 577
- Михаил Тверской, кн. 333, 702
- Михаил Феодорович, кн. Микулинский 497, 498, 625
- Михаил Холмский, кн. 544
- Михаил Ярославич, кн. 544
- Михайло Кутузов (боярин), посол Московский 538, 598
- Михайло Яковлевич Русалка, боярин 594, 596
- Можайский Иван Андреевич, кн. 623
- Можайский Семен Иванович, кн. 586, 624
- Моисей 132
- Молдан, кн. Югорский 616
- Монтекукколли Р., герцог Мельфи 151
- Монтень М., де 201
- Монтескье Ш. Л. 6, 66, 127, 280, 307, 314, 323
- Мор Т. 62
- Морус, см. *Мор Т.*
- Мстислав Андреевич, кн. 403, 407
- Мстислав (Владимирович), кн. Белгородский 384, 385, 388, 395
- Мстислав Владимирович, кн. 342, 363–368, 694
- Мстислав Вышегородский, кн. 696
- Мстислав Изяславич, Великий кн. Киевский 397–402, 404, 405, 406, 409
- Мстислав Ростиславич (Храбрый), кн. 333, 410, 411, 414–416, 489, 512, 696, 702
- Мстислав Удалой 702
- Муравьев М. Н. 19

- Муравьев Н. М. 57
 Муравьева Е. Ф. 685
 Мурза Алач 550
 Мурза Довлетский, посол Крымский 480, 481
 Мурза Чет 651
 Муртоза, царевич Казанский 479, 534, 538, 539, 549, 550
 Муса, кн. Ногайский 550, 588
 Мустафа II 101, 479
 Мышкин, зодчий 699
 Мюллер И. 337
- Нажир, боярин Переяславский 384
 Наполеон I (Бонапарт) 34, 35, 39, 49, 172, 177, 179, 205, 206, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 282, 283, 308, 309, 327
 Нариман, посол Иверский 579
 Неккер С. (Кюршо де ла Нассе) 71
 Некрас Рукавов 647
 Нелидов Гаврило, воевода 456
 Неофит, митрополит Эфесский 385
 Нестор 67, 344, 356, 358, 359, 368, 369, 374, 375, 376
 Никита, митрополит Киевский 395
 Никифор Басенков, посол Московский 484
 Никифор, имп. Византийский 663
 Никифор, митрополит Киевский 382, 395, 396
 Николай Павлович, имп. 47, 54
 Николай I 17, 40, 41, 685
 Николай Троно, дож Венецианский 467
 Никон, патриарх 67
 Нифонт, епископ Суздальский 556
 Новиков Н. И. 6, 689
 Новосильцев П. П. 57
 Нордоулат, хан Крымский 479, 521, 530, 533, 539, 549, 550, 562
 Нума (Помпилий), царь Древнего Рима 625, 689, 706
 Нурсалтан, царица Казанская 549
- Оболенский Александр Васильевич, кн. 497
 Оболенский К. 685
 Оболенский-Лыко Иван Владимирович, кн. 520
 Оболенский-Нагой Петр Васильевич, кн. 432, 562, 672
 Оболенский-Репня Иван Михайлович 562, 638
 Оболенский-Стрига Иван Васильевич, кн. 430, 446, 457, 475, 498, 500, 508, 509
 Оболенский-Телепня Федор Васильевич, кн. 585, 638
 Оболенский (Туреня) Борис Михайлович, кн. 497, 498
 Ода, графиня Штадская 376
 Олег (Святославич), князь 239, 342, 365, 379, 402, 456, 663
 Олег Святославич, кн. Северский 400, 401, 417, 696
 Олоф, король Норвежский 360, 379
 Ольбах, барон, см. Гольбах
 Ольга, Великая кн. 413
 Ольгерд, Великий кн. Литовский 704
 Остерман Г. И. Ф. (Андрей Иванович), гр. 256, 257, 307, 316
 Отгон I 564
- Павел, апостол 703
 Павел Дебосис, литейщик 475
 Павел II, папа Римский 461, 462, 464
 Павел I 27, 34, 171, 175, 263–266, 298, 316, 322
 Павел, посадник Новгородский 395
 Панин П. И., гр. 100, 114
 Пасван-Оглу, турецкий паша 180
 Петр II 307, 335
 Петр, митрополит Киевский и всея Руси 705
 Петр I (Великий) 29, 30–33, 67–70, 93, 94, 96, 97, 99, 100, 110, 112,

- 114, 116, 117, 132, 137, 158, 166,
209, 249, 250–256, 258, 260, 275,
280, 282, 297, 301, 309, 316, 322,
324, 326, 333, 335, 339, 340, 661,
707
- Петр III 137, 142, 258, 260, 265
- Петр Ушатый, кн. 605, 616, 617
- Петр Шастунов, кн. 563
- Петр Янович Белой, посол Литов-
ский 591
- Пивоваров Ю. С. 25
- Пий II, папа Римский 460
- Пико делла Мирандола Джованни
705
- Пимен, монах 440
- Пирра 689
- Питт Уильям Младший, премьер-
министр Великобритании 164,
174, 175, 690
- Платон 90, 153, 688
- Платон Н. 64
- Плеттенберг Вальтер, фон 628,
630, 631, 639, 640
- Плиний 331
- Плутарх 62
- Погодин М. П. 10, 12, 14, 17, 19,
20, 22, 41, 46, 47, 48, 49, 50, 51,
52, 54, 56, 57, 58
- Пожарский Д. М. 199, 246, 331
- Позвизд Владимирович, кн. 354,
368
- Поп (Поуп) А. 74, 220
- Поппель Николай 564, 565, 567, 570
- Потемкин Г. А. 167
- Прокопий Белгородский, тысяц-
кий 384
- Пролубников А. В. 709, 710
- Прохор, епископ Сарский 556
- Пугачев Е. И. 689
- Пуятя, тысяцкий 382
- Пушкин А. И., гр. 103
- Пушкин А. С. 5, 52, 54, 708
- Пыпин А. Н. 19, 47, 48
- Раев М. 44
- Расин Ж. 71, 148, 151
- Ратибор Киевский, тысяцкий 384
- Рауль IV де Валуа (де Крепи) 374
- Рафаэль Санти 67, 149
- Регнус, кардинал 641
- Реньо де Сен-Жан д'Анжели О. М. Э.
206
- Римский-Корсаков А. М. 173, 269
- Робертсон В. 66
- Рогер, епископ Шалонский 374
- Рогнеда (Горислава), княгиня Киев-
ская 342, 345, 359
- Роман (Галицкий) 625
- Роман, кн. Владимирский 388
- Роман, кн Смоленский 399, 410,
417, 696
- Роман Мстиславич, кн. 408
- Ростопчин Ф. В. 20, 46, 47
- Румянцев-Задунайский П. А., гр.
98, 99, 101, 102, 104, 150
- Руссо Ж.-Ж. 12, 71, 220
- Рылеев К. Ф. 58
- Рыльский Василий 624
- Рюрик 340, 360, 694
- Рюрик Изяславич 401
- Рюрик Ростиславич, кн. Овручский
409, 696
- Ряполовский Василий, кн. 593
- Ряполовский Симеон, кн. 497, 498,
593, 594, 596, 610, 613
- Ряполовский-Стрига-Хрипунов
Федор Семенович, кн. 431, 547,
639
- Савва, священник 230
- Саксон Грамматик 375
- Салтаган, царевич Крымский 562
- Сарданапал 82
- Сахаров А. М. 693
- Свант Стур (Сванте Нильсон Сту-
ре) 605, 605
- Свенон II, король Датский 375
- Свифт Дж. 73
- Святополк II (Михаил) Изяславич,
Великий кн. Киевский 382

- Святополк, кн. 361
- Святослав Владимирович, кн. 342
- Святослав Всеволодович, кн. 332, 422
- Святослав, кн Черниговский 400, 416
- Святослав Мстиславич, кн. 702
- Святослав I (Игоревич), Великий кн. Киевский 358, 385, 456, 663, 694
- Святослав Ростиславич, кн. Новгородский 397, 399
- Святослав Ярославич, кн. 375, 377
- Седи-Ахмат 635
- Сеид-Ахмат (Ахмут) 538, 562, 563
- Сеид-Махмут 588, 633
- Селиван, московский боярин 438
- Сербинович К. С. 23, 41, 48
- Сергий Троицкий, иеромонах, 516
- Сигизмунд Сантай, посол Венгерский 641
- Сигизмунд III, король Польский 245
- Сигизмунд, маркграф Бранденбургский 567
- Сигурд, король Норвежский 395
- Сигурд, ярл 360
- Сикст IV, папа Римский 464, 469
- Симеон, архиепископ Новгородский и Псковский 702
- Симеон Гордый 591
- Симеон Данилович, кн. Холмский 607
- Симеон Одоевский, кн. 584
- Симеон Олелькович, кн. 438
- Симеон Столпник 579
- Симеон Черниговский, кн. 624
- Симон, архиепископ Ростовский 614
- Симон, игумен Троицкий 559
- Симон, кн. Варяжский 380
- Симон, митрополит 668, 669
- Склир, византийский военачальник 350
- Сократ 119, 151
- Солиньяк П. Ж. 707
- Соловьев С. М. 694, 695, 707
- Соломон 703
- Солон 206, 261
- София (Зоя) Палеолог, царица Греческая, Великая кн. Московская 375, 461–469, 473, 483, 609, 612, 613, 614, 637, 644, 671, 672, 703, 705, 707
- Софокл 334
- Софья (Алексеевна) Романова, царица 249
- Сперанский М. М. 20, 21, 40, 41, 49
- Сталь А.-Л. Ж., де 674, 708
- Станислав Владимирович, кн. 354, 368
- Станислав II Август (Понятовский), король Польский 104, 158, 689
- Станислав Гастольд, посол Литовский 591, 592
- Станислав Глебович, посол Литовский 586, 647
- Станислав Переяславский, тысяцкий 384
- Стен Стур, король Шведский 492, 572, 605, 606, 641
- Степанов М. (Шебунин А. Н.) 47
- Стефан, король Молдавский 534, 573, 585, 589, 590, 596, 599, 600, 618, 619, 620, 637, 638, 658
- Стефан IV, король Венгерский 388, 389, 540, 541
- Стрига, см. *Оболенский-Стрига И. В.*
- Стрига-Ряполовский, см. *Ряполовский-Стрига-Хрипунов Федор Семенович*
- Стрыйковский М. 707
- Стурдза А. С. 52, 54
- Стурлезон (Стурлусон Снорри) 343, 360
- Суворов А. В., кн. Итальянский, гр. Рымникский 5, 105–109, 172, 173, 261

- Судислав Владимирович, кн. 354, 368
 Сумароков А. П. 157, 201
 Сципион П. К. 331
- Тавернье Ж.-Б. 673, 708
 Тамерлан 576
 Тахмасп II (Тахмас-Кулы), шах Персидский 706
 Тацит П. К. 66, 335, 337, 703
 Твердислав Михалкович, посадник Новгородский 702
 Телешев, чиновник, посол Ивана III 624
 Темир, кн. Ордынский 525, 539
 Тимoleon 691
 Тимофей Игнатъевич Скрыба, боярин 533
 Тимофей Мосальский, посол Литовский 583
 Тирней Дж. 175
 Тит, имп. Римский 698
 Тихон, епископ Ростовский 556
 Толбузин С. И., боярин 470–472
 Торфей 375
 Тохтамыш, хан 522, 656
 Траханиот (Юрий), дипломат 567, 568, 569, 570, 573, 575, 576, 578, 646
 Тревизан Иван Батист, посол Венецианский 470, 472, 486, 673
 Трубецкой С. П. 685
 Тугоркан, кн. Половецкий 388
 Тугут 173
 Тюренн Анри де Ла Тур д'Овернь 151, 689
- Уваров С. С. 17, 43, 51, 52, 54
 Узбек, хан 238
 Узун-Хасан (Гассан), правитель Ах-Коюнлу 484, 485, 579, 615, 700
 Усмемар, царевич Крымский 479
- Фарасман II 579
 Федор Борецкий, боярин 490
 Федор Курицын, дьяк 539, 540, 556, 565, 572, 580, 593
 Федор Палецкий, кн. 607
 Федор Стромиллов, дьяк 610
 Федор Телепня-Оболенский, кн., см. *Оболенский-Телепня Федор Васильевич*
 Федор Хрипун-Ряполовский, см. *Ряполовский-Стрига-Хрипунов Федор Семенович*
 Фемистокл 119, 331
 Феодор Давидович, кн., боярин 447, 449, 454, 457, 467, 494, 500, 502, 503, 508
 Феодор I (Иоаннович), царь 247, 248, 262
 Феодор (Тур), варяг 343
 Феодор Ласкир, боярин 469
 Феодор Пестрый, кн. 455
 Феодора, царевна Греческая 376
 Феодосий, первосвященник 670
 Феодосия (Иоанновна), княжна Московская 565, 671
 Феодул, игумен Владимирский 419
 Феокрит 39, 287
 Феопемпт, митрополит Киевский 369
 Феофан Прокопович 316
 Феофил, архиепископ Новгородский и Псковский 439, 440, 441, 442, 448, 452, 454, 489, 490, 492, 493, 496, 499, 503–509, 702
 Фердинанд, король Арагонский 470, 699
 Феррерас Х. 337
 Филарет (Дроздов), митрополит Московский 54
 Филарет (Феодор Никитич Романов), патриарх Московский 247, 332
 Филофей, епископ Пермский 557, 616
 Филипп, король Испанский 649
 Филипп I, король Франции 375

- Филипп, митрополит 440, 441, 444, 453, 459, 466, 468, 471
- Филипп, принц Французский 695
- Флориан Ж. П. 60, 71
- Фока, византийский военачальник 350, 351
- Фокиан 119
- Фокс Ч. Дж. 175
- Фома Андреев, посадник Новгородский 499
- Фома Палеолог 460, 461
- Фома Ратиборович, боярин 386, 388
- Франц II Габсбург, имп. Австрийский 35, 271
- Франциск Серафим (Ассизский) 64
- Фридерик IV, имп. Германии 654
- Фридрих Барбаросса 564
- Фридрих Вильгельм II (Великий), король Прусский 106, 151, 158, 164, 308, 313, 314, 690
- Фридрих Кобургский, принц 172
- Фридрих III Габсбург, король Германии, имп. Римский 564, 565, 705, 707
- Фридрих III Мудрый, курфюрст Саксонский 566, 705
- Фрязин Иван (Джан Батиста делла Вольпе) 462, 464, 465–468, 532
- Фрязин Марк (Марко), архитектор 473
- Фрязин (Антон) Петр Антоний (Пьетро Антонио Солари), архитектор 462, 470, 473–475, 699
- Фукидид 332, 333, 335, 338
- Фуст (Фауст) И. 655, 707
- Хаджи-Гирей, хан Крымский 697
- Ханс I, король Дании, Норвегии, Швеции 706
- Харальд III (Хардерод) Хардрад 695
- Хоземарум, посол Иверский 579
- Хозюм Бердей, кн. Татарский 432
- Хозя Кокос 479, 480
- Христина, принцесса Шведская 395
- Цицерон Марк Туллий 220
- Челяндин Андрей Федорович, наместник Новгородский 605, 627
- Шаден И. М. 5
- Шай-Бег, хан Узбекский 578
- Шамфор С.-Р. Н., де 71
- Шардене Ж. 673, 708
- Шахматов А. А. 694
- Шаховской А. А., кн. 53
- Шемякин Василий Иванович, кн. 634
- Шемякин Иван Дмитриевич, кн. 623
- Шеридан Р. Б. 175
- Шигавлияр, царевич Астраханский 636
- Шиг-Ахмет 562, 588, 628, 632, 633–635
- Шильдер Н. К. 51
- Ширинянец А. А. 689, 709, 710
- Шишков А. С. 17, 18, 19, 47, 49, 52, 53, 54
- Шлётцер А. Л. 339
- Шуазэль Э. Ф. 66
- Шувалов П. И. 258
- Шуйский Василий, кн. Псковский 535
- Шуйский Василий Федорович, кн. 604
- Шуйский-Гребенка Василий Васильевич, кн. Нижегородско-Суздальский 444, 450, 489, 491, 502, 505
- Шуйский Федор Юрьевич, кн., воевода Московский 426, 446, 475
- Эдвард, принц Английский 380
- Эдвин, принц Английский 380
- Эдмунд (Эйдмунд), король Английский 364, 380

- Эллин 689
 Эпименид 229
 Эрик, принц Норвежский 360
 Эрик Эдмунд, король Датский 395
 Эшассерио Ж. 173
- Юлий Цезарь 151
 Юм Д. 66, 67, 337
 Юмшан, кн. Вогульский 616
 Юрий Андреевич, кн. Дорогобужский 446
 Юрий Бабич, кн. Ивангородский 606
 Юрий Васильевич, кн. 446, 459
 Юрий Всеволодович, Великий кн. Владимирский 702
 Юрий Смоленский, кн. 702
 Юрий Шестак, посол Московский 538, 552
 Юстиниан 308, 313
- Яков Захарьевич, наместник Новгородский 565, 644, 648
 Яков Короб, посадник 491, 500, 504, 516
 Якун, посадник 399, 408
- Якун (Слепой), варяжский вождь 366, 380
 Ямгурчей 550, 551
 Ян Заберезинский, наместник Полоцкий 593
 Яропкин Михайло, дьяк 573, 575, 578, 584, 593
 Ярополк II (Владимирович), кн. Переяславский 342, 384, 387
 Ярополк Романович, кн. Смоленский 410
 Ярополк Ростиславич, кн. 702
 Ярослав Васильевич, кн. 478
 Ярослав (Великий) I Мудрый 239, 339, 363–381, 407, 442, 471, 512, 513, 564, 577, 642, 666, 669, 694, 695, 696, 701
 Ярослав Владимирович, кн. 341, 342
 Ярослав Галицкий 404
 Ярослав Изяславич, кн. Луцкий 410, 413, 415, 416
 Ярослав, кн. Новгородский 360
 Ярослав, кн. Оболенский 536
 Ярослав, кн. Черниговский 390
 Ярослав Святополкович, кн. Владимирский 387

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Письма русского путешественника	59
Мелодор к Филалету	76
Филалет к Мелодору	84
Историческое похвальное слово Екатерине II	92
Всеобщее обозрение	170
Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени	181
Странность	191
О любви к Отечеству и народной гордости	194
Падение Швейцарии	203
Взор на прошедший год	204
О новом образовании народного просвещения в России	207
О верном способе иметь в России довольно учителей	214
О счастливейшем времени жизни	220
Письмо сельского жителя	223
О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях	233

История государства Российского	328
[Посвящение к «Истории государства Российского»].....	328
Предисловие [к «Истории государства Российского»]	330
Великий Князь Владимир, названный в крещении Василием.....	341
Великий Князь Ярослав, или Георгий	363
Владимир Мономах, названный в крещении Василием (1113–1125)	382
Великий Князь Мстислав Изяславич Киевский. Андрей Суздальский, или Владимирский (1167–1169).....	397
Великий Князь Андрей (1169–1174).....	403
Государь, державный великий князь Иоанн III Васильевич (1462–1472).....	424
Продолжение государствования Иоаннова (1472–1477)....	460
Продолжение государствования Иоаннова (1475–1481)....	487
Продолжение государствования Иоаннова (1480–1490)....	534
Продолжение государствования Иоаннова (1491–1496)....	561
Продолжение государствования Иоаннова (1495–1503)....	600
Продолжение государствования Иоаннова (1503–1505)....	644
Письмо к князю П. А. Вяземскому (21 августа 1818)...	673
Мнение русского гражданина	674
Для потомства	679
Письмо Императору Александру I (23 августа 1822)....	680
Мысли об истинной свободе	682
Новое прибавление	683
Письмо к И. И. Дмитриеву (19 декабря 1825)	684
Письмо к князю П. А. Вяземскому (31 декабря 1825) ..	686
Примечания	688
Именной указатель	712

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 110 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор М. В. Зыкова
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 23.05.2013 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 31,0 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шिशков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.

Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолубие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.

Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи океанных лет, 608 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История – Душа – Победы, 808 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@gw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.poliitkniga.ru)